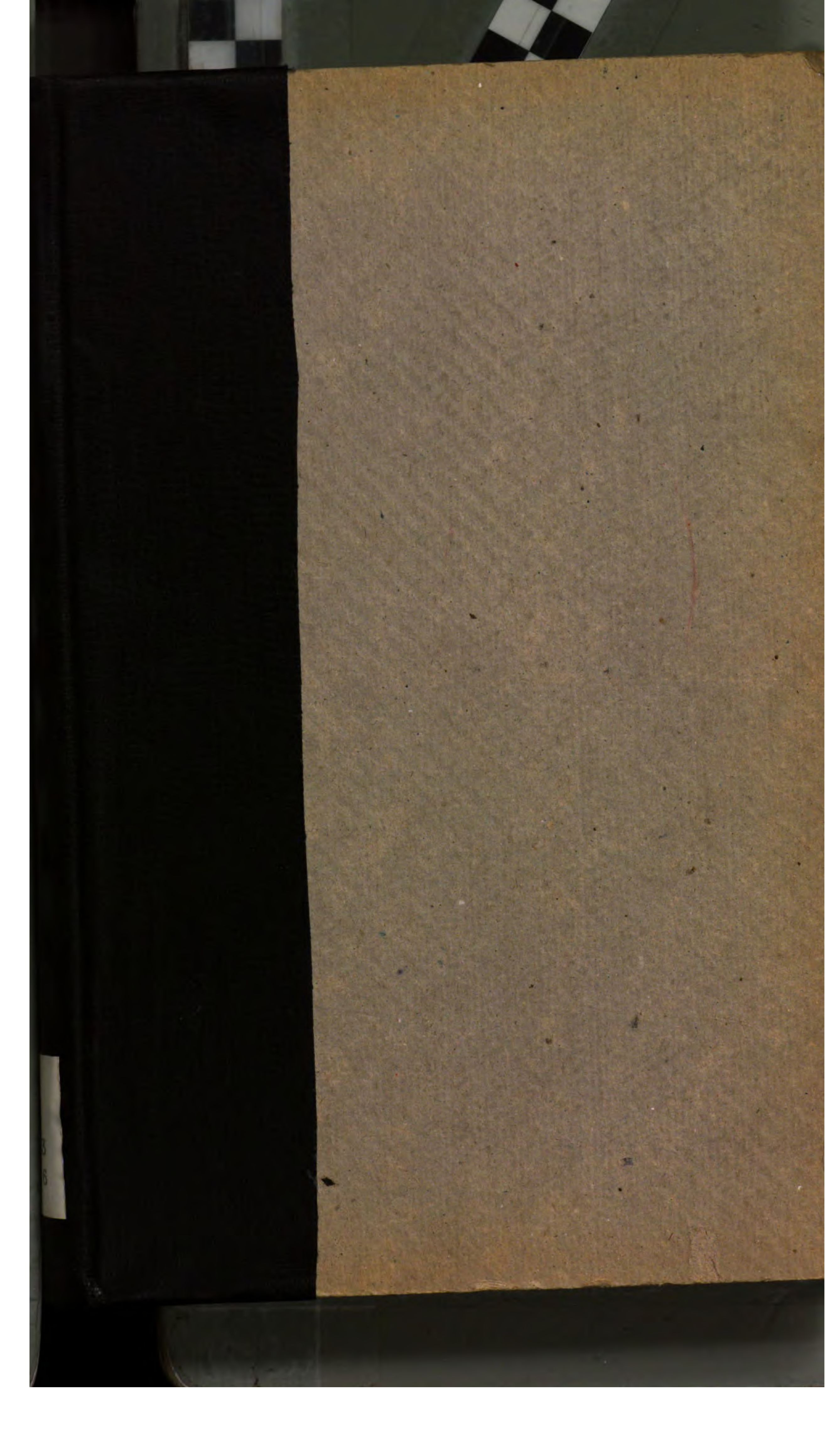

PAGE NOT AVAILABLE

PAGE NOT AVAILABLE

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.
ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
PROCTOL-POEHL
Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

ОБУЧЕНІЕ
ЗАОЧНО

ІЮНЬ. 1913.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОНАХЪ.

(Окончаніе).

XIX.

Съ этого-то дня и начался въ семьѣ Кистановыхъ тотъ явный раздоръ, который тайно возникъ уже съ перваго момента неожиданнаго появленія Дороѳея въ Костычевкѣ.

Раздоръ этотъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что никто въ точности не могъ сказать,—отчего онъ и какъ ему имя.

Былъ понятенъ раздоръ между Филиппомъ и Лукерьей потому что неуклюжій Филиппъ не нравился Лукерьѣ, а Филиппъ ненавидѣлъ большеглазую и жадную до мужчинъ Лукерью, даже страхъ къ ней испытывалъ. Понятны брань и недовольство между отцомъ и Никитой, потому что Никита былъ пьяница. Понятна была злоба умирающаго Лифана къ своей испуганной женѣ Дарьѣ. Даже Демьянъ, тиранившій Настасью, былъ понятенъ: „Весь родъ ихъ такой блажной“.

Всякимъ раздорамъ въ селѣ было имя и всѣ они были понятны или казались понятными, потому что къ нимъ привыкли.

Но почему Дороѳей возбуждалъ къ себѣ какъ въ семьѣ, такъ и въ селѣ раздраженіе и какъ бы даже брезгливость? Точно былъ Дороѳей хуже всѣхъ, хуже слѣпого нищаго Булыги, хуже окончательно спившагося Андрюшки! Тѣ были хоть и безполезные, но *свои* члены общества. А Дороѳей былъ здоровый, работящій, никому не въ тягость, но *чужой*. Отрѣзанный ломоть.

Сторонніе подсмѣивались надъ Дороѳеемъ и его монашествомъ, а семейнымъ было обидно. И настроеніе обиды и раздора тяготило семью Кистановыхъ непрестанно, даже тогда, когда по внѣшности все было хорошо и гладко: не сердился отецъ, не плакала Степанида, и всѣ дружно и съ напряженіемъ работали по двадцать часовъ въ сутки крестьянскія работы.

Въ нашемъ сознаніи лица и дѣла людскія знаменуютъ собой исторію.

Костычевка знала только исторію стихійныхъ событій.

Какъ въ костычевскомъ году есть свой особый мужицкій счетъ по перерывамъ трудовой жизни, по праздникамъ: Ильинъ день, Казанская, Иванъ Постный, Звиженье, Михайловъ день,—такъ и въ исторіи села есть тоже свои вѣхи, по которымъ умъ возвращается въ пережитое: валёжный годъ, турецкая война, мокрый годъ, скотный падёжъ, голодный годъ. Эти событія остались въ сознаніи прожитого одни, особенныя, раздѣленныя длинными промежутками безымянныхъ, одинаковыхъ годовъ. Въ эти промежутки были другія, менѣе важныя, но все же памятныя событія: умеръ попъ, перестраивали церковь, дальній конецъ горѣлъ, передохли въ Волгѣ раки...

И какъ пласты земли въ срѣзѣ глубокаго оврага,—черноземъ, глина, песокъ, камень,—такъ и въ толщѣ прожитого костычевцами были наслоенія стихій: дожди, метели, пожары, саранча, червь, градобитіе, холера, скотный падёжъ...

Были событія, но не было отдѣльныхъ людей. И Дороѳей, можетъ быть, былъ первымъ человѣкомъ, который запомнился въ темной исторіи Костычевки одинъ, отдѣльный, особенный.

Пробылъ онъ въ селѣ только три мѣсяца, жилъ такъ трудно и такъ печально кончилъ. Но точно какую черту провелъ Дороѳей въ сознаніи костычевцевъ, черту, которую нельзя было ничѣмъ затереть и сгладить. Былъ Дороѳей особенный и тѣмъ, что ушелъ въ монахи, и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что изъ монаховъ такъ особенно возвратился. И вообще все это странное лѣто съ приходомъ Дороѳея-монаха запомнилось, какъ запоминались раньше событія большой деревенской важности. И потомъ въ Костычевкѣ, вспоминая событія, говорили:

„Это было до прихода Дороѳея“. „Это случилось послѣ Дороѳея-монаха“.

Дороѳей много работалъ наряду съ отцомъ, братьями и невѣстками. Въ монастырѣ если и бывала работа въ виноградникахъ, такъ какая это работа по сравненію съ настоящей мужицкой: баловство одно! Потому Дороѳею было трудно. Отвыкъ за четырнадцать лѣтъ. Болѣла спина, ныли плечи и на ладоняхъ сочились кровяныя мозоли.

Но въ усталости-то, въ тишинѣ полей Дороѳей и бывалъ счастливъ. Засыпая и просыпаясь, отрываясь отъ работы, онъ видѣлъ Лукерью, думалъ о ней. И это было радостно. Правда, некогда и негдѣ было подойти поближе, поговорить новыми и нѣжными словами, которыя стали тѣсниться въ душѣ Дороѳея. Но молчать и видѣть было тоже хорошо.

На родныхъ поляхъ, среди засѣянныхъ пшеницей заго-

новъ, старый Богъ сталъ какъ бы ближе и снова понятнѣе Дороѳеевой душѣ. Разрозненныя событія жизни объединялись въ нѣсколько отдѣльныхъ связокъ: весна, лѣто, осень, зима, посѣвъ, жатва, выгонъ скота, рожденье и смерть... А надъ всѣмъ этимъ старый мужицкій Богъ, точно хорошій хозяинъ, зорко слѣдитъ за каждой скотиной въ лѣсу, считаетъ каждую борозду, взмахъ косы, горшокъ молока... И въ полѣ бывало у Дороѳея на душѣ спокойнѣе и радостнѣе.

Но, не смотря на всѣ огорченія отъ костычевцевъ, Дороѳей тянулся къ людямъ, хотя стѣснялся и страдалъ отъ шутокъ и издѣвательствъ. И, какъ многіе въ селѣ, съ радостью ждалъ Ильинской ярмарки.

Въ селѣ Хворостахъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Костычевки внизъ по Волгѣ, на Ильинъ день бывала ярмарка. Изъ десяти окрестныхъ селъ и деревень праваго и лѣваго берега Волги съѣзжалась туда ошалѣвшая отъ работы, оглохшая отъ тишины полей, многотысячная толпа и цѣлый день въ жарѣ, духотѣ и пыли крутилась на хворостовской площади, заставленной рядами палатокъ и возовъ.

И обѣдня въ Костычевкѣ въ этотъ день была ранняя—съ восходомъ солнца началась. А къ концу обѣдни почти все село опустѣло. Скрипѣли ворота, выѣзжали телѣги, полныя нарядныхъ мужиковъ и бабъ. Нѣкоторые съ утра поѣхали въ лодкахъ.

Кистановы запрягли двѣ телѣги. Въ одной поѣхалъ Никита съ Ульяной и дѣтьми, въ другой — Игнатій съ Степанидой и Лукерьей. Дороѳея Никифоръ - солдатъ узвалъ ѣхать въ лодкѣ, и они ушли на Воложку съ восходомъ солнца. Только угрюмый Филиппъ остался дома.

„Какого чорта я не видалъ тамъ! Лучше высплюсь дома!“ сказалъ онъ, почесываясь сзади и спереди.

Въ степи безъ конца тянулись тарантасы и телѣги. Черноземная дорога была разбита. Пуховая пыль разлеталась изъ-подъ копытъ, какъ вода, брызгами, поднималась облаками. Облака эти въ безвѣтріи висли надъ дорогой, осыпая горячей золой лошадей и людей. Бабы закутались въ платки. Мужики рыжіе, черные, сѣдые—всѣ подъ одинъ черноземный цвѣтъ; только бѣлки глазъ да зубы блестѣли живыми, веселыми пятнами. Задыхались и кашляли лошади.

По рѣкѣ ѣхать было свѣжо, радостно и празднично. Но у костычевцевъ мало лодокъ. Въ лодку Радаевыхъ набилось сверхъ мѣры, человѣкъ двадцать пять. Но погода была тихая, ѣхали спокойно.

Дымилась бѣлымъ паромъ вода. Вдали и вблизи сверкали песчаныя отмели. Взлеталъ до неба осіянный розовымъ свѣ-

томъ горный берегъ, и густой синькой налились затѣненныя мѣста берега лугового. Грести было почти не нужно: лодка плыла быстро по теченью.

Сначала ѣхали въ тѣни берега и лѣса. Потомъ на солнечный просторъ Волги выѣхали. Вверху виднѣлись полосы плотовъ, желтыя новыя избы на плотахъ: плывучіе хутора на Волгѣ. Въ раковинѣ горнаго берега, въ самой ея глубинѣ подъ высокой горой выгребалъ съ тремя баржами маленькій буксиръ. Былъ онъ такъ ярко освѣщенъ солнцемъ, что бѣлый,—онъ почти пропадалъ въ солнечномъ сіяньи и виднѣлся яснѣе въ своемъ отраженьи: темныя линіи бортовъ и красная надводная полоса вдоль бока.

Погудывая направо, налѣво и расталкивая на берега воду шумными волнами, пронесся розовый трехъэтажный пассажирскій пароходъ; еще весь сонный и окна закрыты. Только двѣ одинокихъ фигуры на верхней палубѣ, да поваръ стоялъ въ двери второго этажа, махалъ дѣвкамъ бѣлымъ колпакомъ. Что-то кричалъ, присѣдая и ударяя себя ладонями по колѣнямъ, но не было слышно. Пароходъ всколыхнулъ всю Волгу; закачались на зыбкой ширинѣ вблизи и вдали избы, плоты, бѣляны, пароходы, баржи и лодки, даже, казалось, самые берега.

Было тѣсно въ лодкѣ, но весело и радостно. Дѣвкамъ хотѣлось пѣть, только было еще рано,—не отошла обѣдня. По рѣкѣ со всѣхъ сторонъ доносились колокольные звоны. Въ водѣ-то всѣ они, какъ звуки отдѣльныхъ струнъ въ полости скрипки, объединялись въ длительный, согласный, подводно-таинственный звонъ. Отъ этого синяя пустота неба надъ высокими берегами казалась купольно-сомкнутой, а глубокая впадина волжской долины—молитвенно-звонкой, какъ храмъ.

Въ веслахъ сидѣли: Никифоръ-солдатъ, Савка Никудышный, Шагаевъ Никита и молчаливый, короткошей, рябой парень съ бабьимъ лицомъ. Изрѣдка они шутя плескали веслами на дѣвокъ водой; дѣвки визжали и закрывались юбками. А Радаева Дунька кричала грубымъ, сильнымъ голосомъ:

— Савка! Ты, чортъ Никудышный, перестань! Пріѣдемъ въ Хворосты—въ Волгѣ выкупаемъ. Пра, ей богу выкупаемъ. Вотъ, какъ курицу, свернемъ и выкупаемъ!

Лицо у ней краснощекое, выпуклое, синіе глаза, ротъ большой, губастый. И угроза ея не возбуждала сомнѣній.

— Ну, вы насъ въ Хворостахъ, а мы васъ здѣсь!—со смѣхомъ лаялъ Никифоръ, поддѣвая полное весло и ловко разбрасывая воду по всему борту на головы и спины дѣвокъ и бабъ.

Дороѳей сидѣлъ у кормы рядомъ съ Аленкой Стифоровой. Ихъ нарочно притолкали и посадили вмѣстѣ. Всѣ знали про сватовство Кистановыхъ. Аленку дразнили Дороѳеемъ-женихомъ, а ей казалось это обиднымъ. Она и въ лодкѣ отворачивалась отъ него, сердилась и вслухъ говорила:

— А ну его къ дьяволу, долговязаго!..

Дороѳей страдалъ отъ напряженнаго чувства неловкости и стыда, точно онъ дурное что-нибудь сдѣлалъ или сидѣлъ совсѣмъ нагой. Шептались дѣвки, толкали другъ друга локтями. Аленка не выдержала и вся красная, раздраженная вскочила и, покачивая лодку, перешла на другое мѣсто, сердито ворча:

— Ну, чего зубы скалите?! У-у, хаба́лки!

Радаева Дунька таки не выдержала, пѣсню затянула. Пѣсня была старинная, свадебно-шуточная. Рѣдко ее и поютъ. Но теперь пришлась она кстати, точно вотъ именно только этой пѣсни и не хватало.

Вдоль по стѣночкѣ Мигачъ
Пробирается.
Сиротиною Мигачъ
Называется...

Дѣвки пѣли нагло-крикливыми голосами. И всѣ понимали, что пѣсня о жалкомъ Мигачѣ про Дороѳея поется. Удивлялись, что она такъ подходитъ, точно нарочно про него составлена.

Отъ стыда и обиды Дороѳею моментами казалось, что на немъ снова черная монашеская ряса. Онъ испуганно хватался за бока и колѣни, оглядывалъ свой пиджакъ и штаны изъ чортовой кожи и мысленно самъ себѣ кричалъ:

— Монахъ! У-у, гадина! Задушу сукина сына!

И мучительно думалъ о томъ, что, видимо, онъ ужь такъ и родился монахомъ и не побѣдить ему своей стыдливой, робкой и одинокой природы. Вонъ какъ это просто выходитъ у Никифора-солдата! Онъ разсказываетъ глупый и стыдный анекдотъ про дьякона и дьяконицу. Сначала дѣвки притворялись, что не понимаютъ. Но ихъ распирало смѣхомъ, какъ мячи воздухомъ. Онѣ засмѣялись, застонали отъ изнеможенья, падали другъ другу на плечи, обнажали отъ цвѣтныхъ платковъ гладко причесанныя, напомаженныя головы. И видно было, что объ условномъ стыдѣ онѣ и забыли, смѣются только надъ дьяконовой глупостью и въ восторгѣ отъ хитрости матери-дьяконицы. Дороѳею было стыднѣе всѣхъ отъ разсказовъ Никифора.

Хотѣлось и Дороѳею о чемъ-нибудь разсказать дѣвкамъ, чтобы стало всѣмъ весело, а ему—Дороѳею—нестѣснительно. Припоминалъ только одно монашеское, аѳонское, больше ни-

чего не могъ придумать. Вслухъ, для людей былъ онъ пустой. Такъ и сидѣлъ онъ въ лодкѣ деревянный, смущенный и чужой. Самъ смущенный и другихъ смущающій.

На кормѣ помѣщались Радаевъ работникъ—татаринъ Сафиръ и Мишка. Они правили рулемъ. Но такъ какъ никто не гребъ, то и править было не нужно. Оба они лежали вверхъ животами; отъ нечего дѣлать Мишка учился у татарина ругаться по-татарски. Сафиръ рыжій, веснушчатый, съ обожженными табакомъ усами выставилъ кверху ехидную бороденку и, мечтательно закрывъ глаза, говорилъ какія-то круглыя и звучныя слова. Мишка повторялъ, а, когда выучилъ, кричалъ вслухъ. Беззлобныя и пустыя, слова эти были безразличны. Если узнаютъ ихъ смыслъ—они станутъ серьезными; если къ нимъ прибавятъ злобу и раздраженіе брани—они сдѣлаются стыдными и стѣснительными.

Всѣ въ лодкѣ смѣялись надъ Мишкой. Должно быть, пьянъ Мишка, говоритъ непонятныя слова. Татаринъ перевернулся носомъ книзу, скрытно и похотливо хохоталъ.

— Айда́, Мишка, айда! Кричи татарскава малитва!—подзадоривалъ онъ Мишку, захлебываясь смѣхомъ.

— Ужь этотъ Сафирка выдумаетъ!—догадывается Дунька и брезгливо выпячиваетъ на Сафирку полныя губы:—У-у, рыжай бѣсъ!

Съ Волги было видно, какъ надъ степью, обозначая путь изъ Костычевки въ Хворосты, темной стѣной висѣла пыль. Хворосты закрыты густой тучей пыли и дыма. Только позолоченный церковный крестъ сіяетъ надъ ней. И туча эта расползалась по сосѣднимъ лѣсамъ, протянулась по Волгѣ и потекла вмѣстѣ съ водой—длинная пушистая дорога.

А кругомъ чистыя и прозрачныя дали, влажная синева неба, осіянные розовымъ свѣтомъ берега Волги.

Ярмарка манила и волновала всѣхъ. Подъѣхали ближе и торопиться начали. Дороѳей перешелъ и сѣлъ въ весла, гребъ напряженно, молча, какъ бы даже со злостью гребъ. Ужь, дескать, доѣхать бы скорѣе, надоѣло. Но было ему стѣснительно и обидно, что онъ такой неловкій, жалкій и чужой, какъ мертвый среди живыхъ. Съ радостью думалъ о Лукерьѣ. Только съ Лукерьей ему хорошо. Ужь Лукерью-то онъ сегодня ублажитъ. У него еще есть деньги, на послѣднія кутнетъ!

Сквозь пыльно-дымное облако солнце просвѣчивало надъ Хворостами пожарнымъ свѣтомъ. Люди, лошади, бѣлые балаганы лавокъ, церковь, улица и вся площадь выглядѣли тревожно-радостно. Свиристѣли дѣти игрушками, кричали торговцы, испуганно ржали лошади, гудѣлъ многоголосный говоръ, а съ каменной колокольни падалъ и крылъ ярма-

рочный гомонъ гулко-шепелявый перезвонъ молебныхъ колоколовъ.

Доросей нашелъ своихъ на широкомъ дворѣ богатаго мужика, Никиты Ещина. Дворъ былъ заставленъ тарантасами и телѣгами. Отряхались и отфыркивались лошади, точно негры ходили между ними мужики. У колодца вытряхали платки и юбки и, какъ утки, плескались бабы. Въ грязномъ запонѣ съ засученными рукавами выходила на дворовое крыльцо жена Ещина, баба брюхастая и толстомордая, кричала мужицкимъ голосомъ:

— И чортъ васъ нанесъ на нашъ дворъ! Колодецъ вычерпали, весь дворъ загрязнили! Кышъ, пропади вы пропадомъ!..

Когда открывались ворота для новыхъ пріѣзжихъ, она выбѣгала снова и выпачканными тѣстомъ кулаками била лошадей по мордамъ, осаживая назадъ. Но, по выясненіи личности, черномазые пассажиры оказывались кумовьями кумовьевъ, сватовьями сватовьевъ и не пустить ихъ было нельзя. Баба сдавалась и уходила, бормоча:

— Прутъ, дери ихъ горой. Вся губерня наѣхала!..

Скинувъ кофточку, умывалась около колодца Лукерья, а Доросей лилъ ей изъ кружки на руки воду. Бѣлая и круглая склоненная шея нѣжно отдѣлялась отъ загорѣлаго лица, казалась наготой, соблазнительной и волнующей. Отъ сладостныхъ желаній Доросей почувствовалъ въ груди холодную дрожь и прерывающимся шопотомъ говорилъ, наклоняясь къ Лукерьѣ:

— Въ балаганъ комедію смотрѣть поведу тебя, Лушенька, на коняхъ кататься будемъ, оладьи ѣсть пойдемъ.

Лукерья взглядывала на него благодарнымъ мокрымъ взглядомъ, тихонько говорила:

— Спасибо, Доросей Игнатьичъ... Только батюшка нынѣ больно увязчивъ... Отъ себя не отпуститъ... Да не лей мимо!—прикрикнула она, смѣясь ему изъ-подъ брови большимъ понимающимъ глазомъ.

Ульяна обряжала Васенку съ Ѳедькой, даже Степанида имѣла сегодня видъ веселый. Въ платкѣ—темное поле, желтые огурцы—она выглядѣла легкомысленно. Игнатій съ Никитой выбили объ ладони картузы, утерлись полами. Не размываться стать, не бабы. И семья Кистановыхъ разсыпанной гурьбой вышла на ярмарку.

XX.

Сначала ходили по всей ярмаркѣ, ничего не покупали. Останавливались у красныхъ рядовъ, гдѣ свѣжо пахло дешевой краской и весело пестрили въ глазахъ цвѣтныя матеріи.

— Потомъ придемъ!—звалъ Игнатій. — Айдате сначала ярманку поглядимъ!

Блестящіе замки, ножи и вилки, раскрашенныя картины царскихъ особъ, святыхъ, генераловъ, войнъ и медвѣжьей охоты, колонки желтаго мыла, чайная посуда, кучи колесъ, осей, рѣшетъ и кадокъ, желѣзныя вилы и лопаты, кожи и сапоги—все это волновало и возбуждало радостную жадность: вотъ кабы набрать всего, сколько захочется! Кое-гдѣ прицѣнились, но это для разговора. Кто же съ утра покупаетъ, не оглядѣвшись!

Прошлись межъ возами съ вишней, яблоками и малиной, около полныхъ народомъ, палящихъ на разстояніи харчевенъ, мимо оладьевыхъ печей. Послушали слѣпыхъ нищихъ, повернули на другіе ряды. И опять вещи: веревки, сбруя, телѣги, шали, картузы, шапки, горшки, иконы, сундуки, клеенка, вобла, пологa... Тутъ же рядомъ лошадиныя калды, гдѣ башкиры ловили арканами и притягивали къ торговымъ столбамъ дрожащихъ степныхъ лошадей. Крендели, калачи, косы и серпы, кошмы, стулья, рамы, игрушки...

Въ созерцаніи всѣхъ этихъ вещей было истинное мужицкое сладострастіе. Тянуло притронуться, подержать въ рукахъ. Степанидѣ надо было обнять бѣлую липовую кадку, обхватомъ смѣрить, поставить горшокъ на ладонь и похлопать другой, послушать нѣжный малиновый звонъ. Игнатій съ Никитой по-медвѣжьи пробовали—били объ землю колеса,—не трещатъ ли, ложились животами на дуги, ворочали плуга, телѣги, оси. Ульяна съ Лукерьей разглядывали сита, чашки-писанки, сундуки и платки. Если замѣчали въ вещахъ изъяны—волновались, выговаривали торговцу разочарованные и огорченные.

— Не хорошо—не бери, на мѣсто положи!..

— А ты не привози плохое. Плохого-та у насъ и дома много!.. Почемъ?..

— Сами печемъ, да печенымъ продаемъ. Проходи, не застаивайся!

— Ишь ты, Аника-воинъ. Мы и безъ указки знаемъ свои салазки...

И было мучительно-радостно ходить, глядѣть, щупать, нюхать, оцѣнивать взглядомъ. Взрослые могутъ, а малому невтерпёжъ. Ѳедька даже обмочился отъ нетерпѣнія, сѣлъ на дорогу, заплакалъ, заревѣлъ кривымъ ртомъ, расталкивая пятками пыль:

— Каля-а-аску хоцу!

Не хотѣлъ дальше идти. Не въ моготу стало ему видѣть и умирать отъ желанья.

Встрѣчаясь, односельцы съ трудомъ узнавали другъ друга.

Совсѣмъ иные были у всѣхъ глаза, жадные, расширенные, наѣвшіеся вещами. Чувствовали, что лица у нихъ не обычны, и слегка стыдились—не смѣшныя ли лица? Объясняли другъ другу, почему ходятъ:

„Ищемъ нашихъ, не знай, куда запропали!..“

„Купить надо ба, да ѣхать, чего шляться безъ толку!..“

Но опять ходили, любовались, не могли насытиться видомъ вещей.

Всѣ труды, болѣзни мужицкой жизни — вещь. И только въ мужицкой душѣ ея видъ можетъ породить такую сладкотомительную и ненасытную жадность.

Дороѳей, былъ, конечно, неисправимый монахъ, ибо онъ ходилъ по ярмаркѣ почти равнодушный къ колесамъ, веревкамъ, даже лошадямъ. Онъ видѣлъ одну только Лукерью, ея голубой платокъ съ красной прошивкой и бордовое платье, ея румяную щеку съ легкими оспинками, большой, свѣтлый, жадный глазъ и, склоняясь къ уху, шепталъ:

— Пойдемъ, Лушенька, комедію глядѣть... Ужь обѣдня отошла.

Большой ярмарочный балаганъ въ безвѣтріи опалъ брезентовой крышей, какъ загнанная лошадь—боками. Передъ нимъ тѣсная куча картузовъ, шапокъ и цвѣтныхъ платковъ. И полуголые акробаты, одѣтые въ цвѣтное трико, обсыпанные мѣломъ и пудрой, при яркомъ свѣтѣ дня казались чудесными, загадочными, почти не-людьми. Былъ упоительно-грѣховенъ весь ихъ жено-мужескій видъ, гибкія движенія и никого не видящіе въ отдѣльности, а по всей толпѣ блуждающіе, равнодушно-наглые глаза. Жалѣли маленькую дѣвочку съ голыми ручками, съ бѣлыми локонами, въ голубомъ платьѣ. Она вышла на высокій балконъ вмѣстѣ съ взрослыми. А когда клоунъ въ цвѣтномъ мѣшкѣ, въ колпакѣ, съ лицомъ, замазаннымъ мѣломъ, взялъ эту дѣвочку на руки, одна старуха не вытерпѣла и закричала:

— Не тронь ангелочка, ты, мазаный дьяволъ!

— Мазаный, да всему міру показаный! А ты гдѣ тамъ, старая кочерыжка, спряталась?!..—огрызнулся онъ.

Зазвонилъ въ колокольчикъ и дѣловымъ, странно-умнымъ послѣ клоунской глупости, голосомъ закричалъ, зазывая народъ въ балаганъ.

Дороѳей съ Лукерьей смотрѣли сначала звѣрей и птицъ: краснаго попугая, унылаго, облѣзлаго волка, морскихъ свинокъ, чернаго удава за стекломъ. Надо было долго вглядываться, чтобы замѣтить, что онъ живой. Стояли около двухъ обезьянъ, которыя смотрѣли на людей круглыми, злыми глазами, пронзительно кричали и вели себя непристойно, вызывая общій смѣхъ. Потомъ сидѣли въ балаганѣ, замирая

въ напряженіи удивленія, любопытства и страха: какъ бы не упалъ акробатъ, не порѣзалъ глотку шпагоглотатель. Лукерья слегка прижималась къ Дороѳею, взглядывала на него благодарными сѣрыми, зазывающими глазами и шептала:

— Вотъ ужъ спасибо тебѣ, Дороѳей Игнатьичъ. Вѣкъ бы мнѣ безъ тебя такого не видать.

И въ голосѣ ея были ласковыя обѣщанія. Это радовало Дороѳея и онъ вдохновенно хвалился:

— Погоди-и, Лушенька! Ты только держись за меня, крѣпче держись! А ужъ я покажу тебѣ вольнаго свѣту, ужъ покажу-у-у!

Въ маленькой палаткѣ, полной горькаго маслянаго дыма, они ѣли оладьи. Пили квасъ, катались на каруселяхъ. Шумѣлъ бубенъ, гнусѣлъ органчикъ, кружилась слегка голова, а разноцвѣтная толпа дѣвокъ, парней и дѣтей вокругъ каруселей сливалась въ безконечное цвѣтное полотно. И оранжево-пламенный свѣтъ солнца надъ ярмаркой дополнялъ общее впечатлѣніе, что сегодня день необыкновенный, счастливый день.

Было непріятно встрѣтить Офимью съ дѣтьми. Какъ увидѣла родныхъ, начала плакать, на свою жизнь жаловаться. Дороѳей далъ ей двугривенный. Она перестала плакать, цѣлый день ходила по ярмаркѣ, не знала, что купить.

Встрѣтился Дороѳей съ толпой губановскихъ мужиковъ. Тамъ же былъ Галкинъ Павелъ. Увидѣлъ онъ Дороѳея, не то испугался, не то удивился. Спросилъ тихонько Демьяна:

— Кто это?

— Дороѳей Игнатьичъ Кистановъ, изъ монаховъ вернулся!..—громко объяснилъ Демьянъ.

Подошелъ къ Дороѳею съ тѣмъ шумнымъ и развязнымъ весельемъ, которое Дороѳею всегда казалось подозрительно и боязно. И Павелъ подошелъ.

— Ужъ извини, Дороѳей Игнатьичъ. Разговоръ у насъ съ тобой въ Липовомъ Вражкѣ неласковый вышелъ... Не узналъ я тебя...

— Ничего, я не въ обидѣ,—обрадовался Дороѳей Павловой ласкѣ.

— Въ трактиръ пойдемъ... Выпьемъ со свиданьемъ.

А Демьянъ кричалъ:

— Нѣтъ ужъ, сегодня я угощаю Дороѳея Игнатьича. Я должникъ передъ нимъ. Они въ полѣ жену мою спрятали!—кричалъ Демьянъ радостнымъ, какъ бы даже восторженнымъ голосомъ.—Кабы не они—убилъ бы я, сукинъ сынъ, свою жену!.. Говори, Настасья, убилъ бы я тебя, кабы не Дороѳей Игнатьичъ?!..

Демьянъ выдернулъ изъ толпы Настасью. Отъ рѣзкаго толчка Настасья перегнулась головой назадъ. Поправляя подъ платокъ волосы, она голосомъ просительно-обиженнымъ сказала:

— Ужь хоть здѣсь не охальничай, Демьянъ Иванычъ. Чай—люди...

— Нѣтъ, ты скажи, убилъ ба я тебя, али нѣтъ?—спрашивалъ онъ весело, но съ тайнымъ нажимомъ въ голосѣ, щеря цыганское лицо.

Отъ этого тайнаго тона Настасья испугалась, забормотала:

— Ну, ужь ты извѣстно какой... И убьешь, вѣдь...

Демьянъ, ко всѣмъ ласковый, привѣтливо захлопоталъ, всѣхъ обнималъ и похлопывалъ по спинѣ.

— Всѣ пойдемте. Дороѳей Игнатьичъ, Лукерьюшка, Павелъ... Всѣхъ угощаю! Приглашай, Настасья! Что стоишь, дерево неотесаное?..

Встрѣтили по пути и захватили Игнатія со Степанидой. Зашли въ палатку, гдѣ продавались квасъ, пиво и водка въ чайникахъ. Было полно и жарко въ ситцевой палаткѣ. Оранжевое солнце просвѣчивало сквозь рѣдкое полотно. И отъ цвѣтныхъ ситцевыхъ разводовъ падали на толпу желтыя и синія пятна. Было сказочно, пестро и плывуче.

Мужики, бабы, цыгане, татары. Сидѣли за длинными изъ бѣлыхъ досокъ столами, на скамейкахъ. Еще не вытоптался жесткій зеленый подорожникъ и лежалъ по землѣ плотнымъ щетинистымъ ковромъ. Круглый степной говоръ ниспадалъ и поднимался волнами. Двигались по лохматымъ головамъ свѣтотѣни.

Были тутъ и костычевцы: распоясанный пьяный Андрюшка, Савка Никудышный и Давыдъ. Новую компанію съ трудомъ помѣстили за заднимъ столомъ. Демьянъ весело хлопоталъ, приказывая половому:

— Полдюжины пива, да въ чайникъ чистой водицы бутылочку... Живо!

Игнатій былъ недоволенъ на Лукерью и выговаривалъ ей коротко и строго:

— Шляешься не знамо гдѣ. Семью собаками не отыщешь...

— Да мы съ Дороѳеемъ Игнатьичемъ ходили...

— Съ Дороѳеемъ Игнатьичемъ!..—презрительно пыхнулъ Игнатій, не глядя на сына.

Степанида ходила по ярмаркѣ съ тѣмъ старчески-уютнымъ видомъ, который ясно говорилъ: „Мнѣ-то ужь старухѣ и не нужно, а если вамъ весело, такъ и я съ вами“. Была

она весело-чинная, согласно-ласковая. Даже пѣсню запѣла съ мужиками, подтянула звонкимъ голосомъ. Дороѳей и не предполагалъ, что у матери такой голосъ. Ему было даже конфузно, что она пѣсни поетъ, до того онъ привыкъ, что она цѣлую жизнь вздыхаетъ и плачетъ.

Тутъ же оказался съ компаніей татаръ пьяный Сафирка. Маленькій ротъ его съ обкусанными усами запекся слюной и поблѣднѣлъ, сѣрые глаза остеклѣли. Стоялъ онъ врастопырку, гнулся во всѣ стороны, какъ вялый огурецъ, но не падалъ.

— Работаемъ, — изъ носу кровъ течетъ, изъ глазъ-тэ искорки сыплются, вотъ какъ работаемъ-тэ!..

— Работать дуракамъ Богъ велѣлъ, — строго сказалъ Демьянъ, разливая по стаканамъ пиво.

— Ты не дурачь Ѳому, мы вѣдъ пелеменники ему!.. Я и самъ изъ семи земель, изъ семи лоскутковъ собранъ-тэ!

— Ну, пей, татаринъ!

— Нэтъ, ты не можешь минэ такъ передъ начальствомъ назвать. Я не татаринъ...

Всѣ заинтересовались, кто же онъ такой.

— Есть—татаринъ, есть—мусульманинъ, есть—мохаммеданинъ. Татаринъ—эта киргизъ; мусульманинъ—персъ, а мы—мохаммеданинъ.

Онъ выпилъ пиво, икнулъ и, опять извиваясь, заговорилъ, собирая вокругъ себя толпу:

— Съ вами толковать-тэ—все равно, что яйца продавать. А они пятнадцать копеекъ десятокъ. Вотъ оно вѣдь какъ-тэ... Вы мужики, степъ. Вода, земля да небо... А я повидалъ людей. Ихто знаетъ, сколько у насъ на землѣ языковъ?

— Ай да Сафирка! Ну-ка докажи!

— А языковъ у насъ-тэ семьдесятъ семъ. А сколько у насъ вѣръ?.. Ну, ты, вотъ, монахъ!..

Дороѳей не зналъ сколько вѣръ, а Сафирка долго не сказывалъ. Но, когда его раззадорили, и это сообщилъ:

— А вѣръ у насъ сорокъ восемъ. Не вѣришь — возьми каляндарь-тэ. Ни правдэ!? — Дай минѣ по уху, ежели ни правдэ...

Плакалъ совсѣмъ пьяный Семистѣновъ Вавила. Надъ нимъ сначала посмѣялись. Но онъ подползъ и разъяснилъ свое горе.

— Ну, какъ я на футора выселюсь, скажите добрые люди!? А овечку какъ? На веревку! А корову? Тоже за ногу! Нѣ-этъ, я не согласенъ.

И Вавила опять зарыдалъ отъ жалости къ овцамъ и коровамъ. Подсмѣивались надъ нимъ, но чувствовали, что

Вавила хоть и пьянъ, а плачетъ о важномъ. Подъ лавку уложили. Уснулъ, пока жена найдетъ.

Демьянъ ко всѣмъ приставалъ, поилъ пивомъ и водкой, даже Степаниду заставилъ выпить. Разсказывалъ Павлу съ одушевленіемъ и подробно, какъ Кистановы спрятали во ржи его жену Настасью, которую онъ искалъ убить. Хотя было видно, что онъ не радъ и не благодаренъ Кистановымъ.

— И убилъ ба, видитъ Богъ, убилъ сгоряча. И сослали ба меня въ Сибирь, подлеца. Ну какъ жа мнѣ не благодарить?! Игнатій Степанычъ, Дороѳей Игнатьичъ!..

Лѣзъ цѣловаться. Пили неохотно, скорѣе изъ боязни, чѣмъ отъ удовольствія. Опасались, что этотъ дерзкій и злой мужикъ оскорбитъ. Настасья тихо шептала Лукерьѣ, чтобы опасались. Ужь она-то чуетъ озорство мужнино. Только Павелъ былъ сильно-спокоенъ. Шевелились отъ улыбки его плотныя баки. И, глядя на его плечи, руки, толстую шею и все большое мускулистое тѣло, какъ-то особенно ясно чувствовалось: *сила* отдыхаетъ!

Свѣтлая палатка гудѣла говоромъ. Неподалеку пѣли слѣпые нищіе голосами широкими, текучими и согласными, *степными* голосами:

И па-те-чо отъ рѣ-ка огнин-на-я-а!
И вос-плаа-чуть на-ро-ды по все-эй зем-лѣ...

Пѣсня эта ложилась на душу привычной тихой печалью.

— Въ монахи хочу уйти, Дороѳей Игнатьичъ! — кричалъ Демьянъ. — Буйство свое усмирить. Вериги мнѣ, подлецу, надо, корочку хлѣбца махонькую разъ въ недѣлю. И въ день тыщу поклоновъ! Какъ ты думаешь, Дороѳей Игнатьичъ, достаточно тыщу поклоновъ? Тыщу поклоновъ такому кобелю, какъ я, достаточно, али нѣтъ, Дороѳей Игнатьичъ?!

Демьянъ всталъ въ проходѣ межъ столами на затоптанный подорожникъ, забросанный пробками, окурками и сѣмянной шелухой, кланялся въ землю и вслухъ считалъ:

— Разъ, Господи, два, три!..

И, оборачивая къ Дороѳею ощеренное, насмѣшливое лицо, спрашивалъ, не вставая съ колѣнъ:

— А ты по скольку поклоновъ клалъ, Дороѳей Игнатьичъ? Господа Бога счетомъ не обманывалъ?!..

Было всѣмъ ясно, что Демьянъ глумится надъ Кистановыми. Всѣ въ палаткѣ обратили вниманіе на костычевскихъ мужиковъ, собирались вокругъ тѣсной толпой, сгрудились, освѣщенные мглисто-оранжевымъ пятнистымъ свѣтомъ.

Оскорбленный, прямой и строгій Игнатъ всталъ и коротко сказалъ:

— Идемте!.. Степанида, Лукерья!.. Намъ тутъ нечего дѣлать.

— Не побрезгуй, Игнатій Степанычъ! — накинулся на него Демьянъ, обхвативъ ласково-желѣзнымъ объятіемъ и дышалъ въ лицо застарѣлымъ виннымъ перегаромъ.

— Дороѳей Игнатьичъ... Баушка Степанида! Вы, какъ матерь сына своего, умилостивьте на умъ меня наставить. Сказано: много бо можетъ моленіе матерное...

Игнатій оттолкнулъ Демьяна отъ себя, расчищая дорогу. Испуганный Дороѳей уговаривалъ отца не заводить ссоры. И тутъ случилось неожиданное и безобразное. Игнатій взглянулъ на Дороѳея, и ему вдругъ сталъ ненавистенъ весь обликъ сына, тревожный, испуганный и безсильный. Бросилась въ голову туманомъ винная и пивная духота ситцевой палатки.

Отъ выпитаго пива и водки у Игнатія даже въ носу запахло хмѣлемъ. На мгновеніе онъ забылъ и про Демьяна, схватилъ Дороѳея за воротъ вышитой рубашки и, задыхаясь, молча ударилъ сына по плоской щекѣ. А, ударивъ, коротко сказалъ:

— Получай!..

Дороѳей ляскнулъ зубами, бородка-сошничокъ сбилась на сторону и весь онъ сталъ растерянный и жалкій.

— А, ты это за что? — спрашивалъ онъ, сплевывая кровяную слюну.

Даже Демьянъ отъ удивленья пересталъ налѣзать на Игнатія и радостно закричалъ:

— Такъ его! Дохлаго аѳонца! Хо-хо!

И самъ бросился на него съ кулаками.

Заохала, стала скорбно-будничной Степанида. Грубымъ, нагимъ крикомъ кричала и ругалась Лукерья. Только Павелъ былъ спокоенъ и силенъ по-прежнему. Онъ неторопливо всталъ передъ Демьяномъ, отстранилъ его лѣвымъ плечомъ и сказалъ Кистановымъ дѣловито и спокойно:

— Уходите-ка отъ грѣха. А то у насъ тутъ даровое приставленье выйдетъ.

XXI.

Обида—это пустое. Обиду Дороѳей перенесъ бы, и еще не такую обиду. Ну, напился бы пьянымъ, поругался бы, подрался съ отцомъ... Мало ли какъ можно утишить въ себѣ обиду!

А потому не отъ обиды Дороѳей упалъ духомъ.

Онъ не могъ бы объяснить себѣ, почему именно этотъ скандалъ въ пивной палаткѣ на ярмаркѣ такъ повліялъ на него. Но это было: новое чувство зародилось въ немъ, какъ

бы вошло въ него вмѣстѣ съ отцовскимъ ударомъ, закатилось подъ сердце холоднымъ тяжелымъ камешкомъ, да такъ съ тѣхъ поръ тамъ и осталось. И, что бы ни дѣлалъ Дороѳей,—работалъ, ѣлъ, пилъ или спалъ, былъ печаленъ или радовался,—чувство это жило въ немъ, а, главное, росло и крѣпло.

И тогда же, на дворѣ у Ещиныхъ, когда Ульяна зашивала ему изорванный отцомъ воротъ рубашки (неловко быть рванымъ на народѣ), Дороѳей со страхомъ, даже съ ужасомъ выговорилъ мысленно и названіе этого новаго чувства:

„Пропалъ"!..

Отъ глубокой и острой тоски онъ замоталъ головой и въ отчаяніи застоналъ.

— Будетъ тебѣ, Дороѳей Игнатьичъ! — успокаивала его ласковая Ульяна.—Не горюй... Что́ винище это самое дѣлаетъ! И-и, Боже мой! Микита ужь совсѣмъ намокъ, ходитъ ошалѣлый. А батюшка мало пьетъ. Жара. Ну, и ударило ему въ голову, очумѣлъ. Самъ себя не помнитъ. Завтра спокается. Не горюй, милай!..

— Спасибо, Ульянушка!—благодарилъ Дороѳей.—Только не о томъ я. А тоска мнѣ: ровно чужой я какой, *всѣмъ* чужой на бѣломъ свѣтѣ...

— Ну и что ты, родной,—утѣшала Ульяна, чувствуя, что правъ Дороѳей.—Отвыкъ ты отъ нашей жизни. А она у насъ грубая, нахальная жизнь наша, собачья и волчья... Все обойдется, не тужи. Конечно, трудно тебѣ, ой какъ трудно. Такъ, вѣдь, ужь и нельзя безъ труда. Самъ ты захотѣлъ, самъ жизнь перемѣнилъ. А обтерпишься, даже лучше нашего заживешь. Мы-та, вѣдь, необразованные, да темные. А ты повидалъ людей, разуму набрался.

Отъ ласковыхъ Ульяниныхъ словъ Дороѳей какъ бы успокоился, повеселѣлъ. Даже съ отцомъ они на ярмаркѣ скоро помирились. Игнатій притворился пьянымъ, сказалъ:

— А ты въ другой разъ не лѣзь, не становись мнѣ подъ пьяную, да подъ горячую руку.

Ходили по базару, покупали вещи для хозяйства: котелокъ полевой, топоръ, лопаты и мыло... Вмѣстѣ съ другими ходилъ Дороѳей, торговался и выбиралъ. Встрѣчались односельцы, знакомые, разговаривали, разспрашивали объ Аѳонѣ—какъ жилъ, да почему ушелъ, ходили снова въ пивную и въ харчевню, въ десятый и въ двадцатый разъ обошли ярмарку и каждый разъ находили новое, чего еще не видѣли, не разглядѣли.

Но это новое чувство, чувство страха передъ чѣмъ-то несознаннымъ, но неизбѣжнымъ, не оставляло Дороѳея... Какъ большая рыба, застрявшая съ половодья въ пересы-

хающемъ озерѣ: ей некуда уйти; если и спрячется, свернется на мелкомъ илистомъ днѣ, то все же чутко зыбится надъ ней гладкая поверхность воды; а чуть шевельнется — поднимется со дна тина и пойдутъ по болоту мутные круги.

И, что бы ни дѣлалъ Дороѳей, съ этого дня на мелкомъ днѣ своей испуганной души онъ всегда чувствовалъ новый страхъ, страхъ гибельной обреченности и мысленно говорилъ самъ себѣ: „Пропалъ“!

Такъ было съ нимъ вплоть до того событія, которымъ закончилось его тревожно-радостное возвращеніе въ деревню и послѣ котораго онъ уѣхалъ изъ родного края, можетъ быть, ужь навсегда.

Игнатій ходилъ по ярмаркѣ веселый, еще пилъ пиво, водку, Лукерью угощалъ, обнимая подъ мышки:

— Пей, Лушенька! Погуляемъ нынче съ тобой.

Степанида скорбно качала головой, корила Игната:

— Постыдился ба, старичо-окъ! Вѣдь шестой десятокъ доходитъ... Бога не боишься—людей постыдись.

— А что мнѣ стыдиться?!—размахивая руками, кричалъ Игнатій.—Тотъ стыдится, кто всѣхъ боится. А я никого не боюсь! Вотъ оно какъ!..

Всѣмъ было странно видѣть пьянымъ никогда не напивавшагося допьяна Игнатія. Пьяный былъ онъ благодушно-нахаленъ, говорилъ неожиданныя слова, какихъ никогда трезвый не говорилъ, и дѣлалъ то, чего при другихъ никогда бы не сдѣлалъ. Въ красныхъ рядахъ онъ покупалъ бабамъ и дѣтямъ наряды, а Лукерьѣ особенно купилъ шелковый платокъ. Она стыдливо и румяно улыбалась:

— Ну, что это ты мнѣ... А Ульянѣ, а матушкѣ?..

— Бери, коли покупаю! Я хозяинъ!—сердито-весело кричалъ онъ, обнимая Лукерью за шею.

Хозяйкамъ надо было домой ѣхать, скотину встрѣчать. Поѣхали и Степанида съ Ульяной и дѣтьми. А Игнатій съ Лукерьей и Дороѳеемъ и еще многіе костычевскіе мужики и бабы оставались на ярмаркѣ.

Пьяные—не пьяные, веселились — не веселились. Когда односельцы встрѣчали другъ друга, вспоминали, что пора бы и домой ѣхать. А расходились, и на чужомъ народѣ снова думали: „еще успѣемъ домой-то!“

Около полицейской будки къ вечеру началось большое оживленіе. Стражники тащили пьяныхъ въ будку, а они расползались во всѣ стороны на четвереинькахъ, точно раки на сухомъ берегу. Нѣкоторые трезвѣли, а иные притворялись совсѣмъ пьяными и даже глупыми. Это ужь такая была старинная, еще прадѣдовская мужицкая вѣра, что съ дурака меньше спрашивается. Но хворостовскій урядникъ

Нековыкинъ въ такихъ случаяхъ плохо вѣрилъ въ мужицкую глупость и спокойно говорилъ стражнику, грызя сѣмячки:

— А дай ему, сукину сыну, въ морду,—сразу поумнѣетъ.

И только очень немногіе, кои не могли двигаться, лежали, уткнувшись носами въ пыльный подорожникъ и все еще пѣли какія-то странныя, но, вѣроятно, очень веселыя пѣсни.

Дороѳей ходилъ за пьянымъ отцомъ и Лукерьей тоскующій, самъ себя презирающій. Не могъ отдѣлаться отъ словъ Ѳеодора Студита, которыя онъ съ такой любовью заучилъ на Аѳонѣ, еще когда былъ вѣрующимъ монахомъ. Заучилъ и такъ часто и вдумчиво повторялъ, поучаясь:

„Должно всегда смотрѣть, въ порядкѣ ли оружія ваши: мечъ послушанія, броня вѣры, шлемъ упованія на спасеніе, щитъ смиренія, лукъ молитвы и все другое, потребное въ воинствованіи нашемъ духовномъ“...

Эти слова вспомнились Дороѳею вскорѣ послѣ того, какъ его ударилъ отецъ. И Дороѳей никакъ не могъ ихъ выбросить изъ головы весь этотъ день. Ходилъ и, чуть не плача, мысленно повторялъ эти монашескія слова. А въ то же время чувствовалъ, что пропалъ.

— Лушенька, домой-бы,—съ тоской и лаской упрашивалъ онъ Лукерью.

— Да, вишь, батюшка расходился,—отговаривалась Лукерья.

Выѣхали—ужь закатилось солнце. Никиты нигдѣ не нашли—сказали имъ, что онъ отправился по Волгѣ съ пьяной компаніей. Поѣхали втроемъ. Сначала Игнатій кричалъ на Рыжаго, пѣлъ пѣсни, потомъ уснулъ—свалился пьяной головой въ задокъ телѣги. Нѣкоторыя телѣги были завалены пьяными тѣлами. Лежали, съ трудомъ поднимали головы и пѣли-ревѣли, какъ связанные телята. Нахлестывали лошадей. И онѣ носились по степи безъ дороги, крутя отъ боли по-собачьи жидкими хвостами.

Видѣлъ Дороѳей степно-волжскую широкую и знакомую картину, умилялся и взлетала радостью его душа. Все кругомъ задумчиво тихое, родное, *свое*. Вѣдь отъ этихъ печальныхъ полей и перелѣсковъ, отъ пыльной дороги, отъ грустныхъ вечернихъ далей онъ родился—тоскливый, печальный и самъ себя презирающій монахъ! На родину пріѣхалъ, *воскресъ!*..

Но чувствовалъ пьянаго отца за спиной, видѣлъ длинную вереницу телѣгъ и тарантасовъ по пыльной дорогѣ и со страхомъ и отчаяніемъ въ душѣ говорилъ самъ себѣ:

„Пропалъ“!..

— Лушенька,—просительно-ласково шепталъ онъ раздражающе-нарядной женщинѣ.—Лушенька, милая ты моя!..

Она вскидывала на него овечьи глаза и, отрываясь отъ ярмарочныхъ видѣній и мыслей, спрашивала съ недоумѣніемъ.

— Что ты... Дороѳей Игнатьичъ?..

Глаза были свѣтлые, большіе, но невидящіе, непонимающіе Дороѳеевой тоски. И легкія оспинки на румяныхъ щекахъ были особенно и по дѣтски наивны. Такъ что даже и разговаривать было не о чемъ. Дороѳей вздыхалъ, качалъ головой и, вздыхая, говорилъ.

— Ахъ, Лушенька, Лушенька!..

— Да ужь я двадцать лѣтъ все Лушенька. Только и знаешь это слово,—говорила, смѣясь, Лукерья. Сосала свои румяныя, засохшія на вѣтру, губы и улыбалась чему-то желанному и стыдному.

Переливчатымъ пятномъ далеко надъ степью носилась большая стая скворцовъ. Летитъ, протянулась черной ленточкой по зеленому небу. На поворотѣ вдругъ развернется крылами, расширится, потемнѣетъ, какъ пологъ, какъ туча. Изъ степи налеталъ сухой горячій вѣтерокъ; крутилъ подъ колесами пыль и относилъ ее въ сторону. Не какъ утромъ: легко ѣхать, можно дышать.

Близко къ дому ужь совсѣмъ стемнѣло. Свернули съ дороги на овсяное поле, положили катышку кошёнаго овса лошадямъ на кормъ. Игнатій спалъ, изрѣдка что-то бормоталъ и плевался.

— Вѣдь пропалъ я, Лушенька,—говорилъ Дороѳей, обнимая Лукерью.

— Ну, чего тамъ—пропалъ,—похотливо шептала она, увлекая съ собой Дороѳея на зыбкую, звонко шелестящую и бѣлую копну овса.—Ты мой милай... мужъ!—говорила она и горячо дышала ему въ щеку. Дыханіе ея ноздрей ходило по захолодавшему Дороѳееву лицу двумя круглыми и жаркими уколами, возбуждало и пьянило монаха...

Только когда завозился и забормоталъ въ телѣгѣ Игнатій,опомнились и поѣхали дальше. Лукерья правила на дорогу, а Дороѳей шелъ около телѣги, хозяйственно подсовывалъ подъ кошму съ боковъ пряди овса. Въ задкѣ онъ неожиданно нащупалъ купленный на ярмаркѣ топоръ, крѣпко ухватилъ его за топорище и вытащилъ.

— Пропалъ!—подумалъ Дороѳей, сжимая въ рукѣ шаршавое, новое топорище и весь холодѣя отъ внезапнаго испуга.

Съ кошмы къ заднему вязку скатывалась голова Игната. Дороѳей видѣлъ его толстоносое лицо съ слюнявой и запы-

ленной бородой. Разглядѣлъ ясно, какъ будто днемъ увидѣлъ скулы и щеки и вытянутую шею... Если тяпнуть по этой шеѣ топоромъ,—съ одного удара можно перерубить. На мгновеніе замутилось и стало горячо въ головѣ, напряглась рука и топоръ показался легкимъ, какъ перышко.

— Господи помилуй, Господи помилуй!—забормоталъ Дорофей, сунулъ топоръ подъ кошму и, весь дрожа, вскочилъ въ телѣгу. Сѣлъ рядомъ съ Лукерьей и закричалъ на Рыжаго, даже заоралъ, захлебываясь голосомъ.

— Но-ка, мать твою Богъ любилъ! Подбрыкивай!

Лошадь понеслась вскачь, а Дороѳей обнялъ Лукерью подъ мышки и радостно зашепталъ:

— Поживемъ, Лушенька, миленькая!..

Весь этотъ день былъ для Дороѳея днемъ радостныхъ взлетовъ и тоскливыхъ паденій.

Дома скорбно охала Степанида, ругался и лѣзъ драться къ Лукерьѣ Филиппъ. Засыпая въ саняхъ подъ сараемъ, Дороѳей чувствовалъ, что отнынѣ онъ пропалъ. Какъ это случится—неизвѣстно, но казалось это неизбѣжнымъ, какъ смерть.

XXII.

Стояли ясные, сухіе дни конца августа. Въ Костычевкѣ молотили и вѣяли. И надъ гумнами, даже надъ селомъ летала золотистая мякинная пыль. Гумна отяжелѣли копнами ржи, овса и пшеницы. Точно новое село выросло. Мужики ходили съ набитыми соломой бородами. И надъ степью носился пронзительный заливистый свистъ погонщиковъ лошадей.

Кистановы тоже принялись за молотьбу.

Случилось это вечеромъ. Филиппъ съ Лукерьей убирали въ степи полосу проса, Ульяна съ Степанидой ушли домой, и на гумнѣ домолачивали вторую настилку пшеницы Игнатій съ Дороѳеемъ и Никитой. Никита переваливалъ съ тока пушистый ворохъ свѣжей соломы, Игнатій гонялъ пятерыхъ лошадей и шестого стригана по кругу, а Дороѳей сидѣлъ на козелкахъ и отбивалъ молоткомъ ржавую косу. Нужно было выкосить заросшее лебедой и полынью гумно, чтобы очистить мѣсто для новыхъ стоговъ соломы. А хорошей косы для этого дѣла было жалко.

Игнатій свелъ лошадей къ плетню и началъ вѝнками ворошить кошму утоптанной соломы. Работая около Дороѳея, онъ не удержался, чтобы не сказать насмѣшливо:

— До завтра простучишь, а дѣла такъ и не сдѣлаешь, отецъ игуменъ!

Дороѳей напряженно согнулъ надъ косой длинную спину и ничего не отвѣтилъ. Игнатій не унялся. Издѣваться надъ Дороѳеемъ было ему пріятно, а молчаніе Дороѳея особенно его злобило и располагало къ насмѣшкамъ.

— Здѣсь вѣдь не Аѳонъ, сыночекъ, — ехидно-ласково продолжалъ Игнатій.—Мужицкая работа—не кадиломъ махать... А ты какъ думалъ?!

— Да ужь я вижу, что не Аѳонъ,—глухо и многозначительно сказалъ Дороѳей, переставая стучать и оставаясь согнутымъ.

— Что ты видишь?—насторожился Игнатій.

— Да на Аѳонѣ-та свекры къ снохамъ не пристаютъ, поди...

Въ первый разъ Дороѳей рѣшился сказать такъ суровому отцу. Сказалъ и самъ испугался. Похолодѣло тѣло и сердце замерло въ тягучемъ безсильѣ.

— Это кто жа къ снохамъ пристаетъ?—злобнымъ шопотомъ спросилъ Игнатій и пріостановился въ работѣ.

— Не знаю ужь кто... Можетъ, ты знаешь,—отвѣтилъ Дороѳей. И голосъ свой показался ему чужимъ, далекимъ и еле слышнымъ.

Дороѳей не глядѣлъ на отца, но видѣлъ, что нѣсколько мгновеній онъ стоялъ въ недоумѣніи. Глаза его забѣгали, борода встряхнулась. Онъ ударилъ Дороѳея по согнутой надъ козелками спинѣ такъ быстро, что Дороѳей и отстраниться не успѣлъ.

— Ахъ, ты, кобель аѳонскій!—услышалъ онъ злыя слова задыхающагося отъ раздраженья отца.

Коса и молотокъ выпали у Дороѳея изъ рукъ. Но въ ту же секунду онъ выхватилъ изъ станка стальную бабку, вскочилъ и, зная, что дѣлаетъ ужасное, можетъ быть, ужь во всю жизнь непоправимое, бросился къ отцу. Отецъ успѣлъ повернуться къ сыну спиной. Услышавъ шорохъ, онъ хотѣлъ оглянуться и ударъ пришелся ему по виску. Ударъ страшный, отъ котораго сразу треснулъ черепъ и уголъ бабки глубоко вдавился въ мозгъ. Игнатій вмѣсто крика только застоналъ, качнулся впередъ и, наткнувшись грудью на черенъ вѝнокъ, повалился бокомъ на солому.

И уже въ слѣдующую же минуту монахъ стоялъ передъ Никитой на колѣняхъ, весь дрожалъ и, чувствуя, что убилъ, побѣлѣвшими губами бормоталъ:

— Во имя Антонія и Ѳеодосія, печерскихъ чудотворцевъ, молчи, Микитушка... Брательникъ... Молчи, Христа ради...

Никита бросился къ скирду, принесъ оттуда заткнутый тряпкой кувшинъ съ водой...

Какъ даже издыхающая птица не огадитъ своего гнѣзда,

такъ и Дороѳей съ Никитой: чтобы не сдѣлать на току грязнаго пятна и не замочить пшеницы, они перенесли отца на край тока. Никита лилъ отцу на продавленный високъ теплую, почти горячую отъ солнца воду, а Дороѳей сидѣлъ около трупа на корточкахъ и шопотомъ кричалъ, ударяя себя кулакомъ по головѣ:

— Что я сдѣлалъ?! Господи, что я сдѣлалъ!.. Микитушка, молчи, родимый...

Крови вышло немного, чуть-чуть. На току осталось небольшое кровяное пятно, точно пунцовая тряпка на свѣтлой соломѣ.

Со стороны дороги гумно было сплошь заставлено высокими копнами хлѣба. Отъ сосѣднихъ гуменъ отдѣлялъ его длинный стогъ старой соломы; скирды другихъ гуменъ стояли кругомъ тѣсными кучами. И на гумнѣ Кистановыхъ, точно въ глухомъ переулкѣ, было уединенно и закрыто. Только въ одномъ солнечномъ пролетѣ межъ копенъ хлѣба виднѣлось гумно Радаева Трофима. Тамъ бѣгали осіянныя закатнымъ свѣтомъ лошади, двигались головы мужиковъ и бабъ, пылила и однообразно гудѣла молотилка. Но было это далеко, и никто не видѣлъ того, что случилось у Кистановыхъ на гумнѣ.

Нѣсколько опомнившись отъ испуга, оглядѣвшись кругомъ, все это въ одну минуту сообразилъ Дороѳей. У него появилась надежда, что убійство можно скрыть.

Какъ это сдѣлать — неизвѣстно, но то обстоятельство, что самаго убійства никто изъ постороннихъ не видалъ, было, несомнѣнно, хорошо. Дороѳей сразу ободрился. Все еще дрожа отъ волненія, но чувствуя въ себѣ силы на борьбу, онъ приказывалъ обезсилѣвшему Никитѣ, приказывалъ и просилъ одновременно:

— Отстегни Рыжаго! Тащи волокушей къ канавѣ соломы!.. Молчи, Микитушка! Давай скорѣе и молчи.

Никита дѣлалъ все, что указывалъ Дороѳей: отвязалъ Рыжаго, прихлестнулъ за гужи волокушу, зацѣпилъ соломы, всталъ на волокушу и, обхватывая ворохъ широкимъ объятіемъ раскинутыхъ крестомъ рукъ, спросилъ;

— Куда, говоришь, солому-та?

Чтобы не шумѣть безъ надобности, Дороѳей забѣжалъ спереди и, почмокивая губами, повелъ Рыжаго въ глубину гумна къ канавѣ. Закружившійся на току меринъ ходилъ въ полуснѣ, лѣниво покачивалъ головой. Его горячая, нагрѣтая солнцемъ шерсть обжигала холодныя Дороѳеевы руки. Изъ-за вороха движущейся соломы виднѣлась лохматая голова Никиты съ раскрытыми на солнце, невидящими глазами.

Братья говорили другъ съ другомъ почти только же-

стами. Отогнавъ Рыжаго въ сторону, они молча, но согласно побѣжали, взяли тяжелое тѣло отца и понесли къ соломѣ. Никита съ головы, а Дороѳей у ногъ. Было тяжело нести, потому что было имъ жутко взяться за трупъ вплотную. Никита порвалъ у мертваго на рукѣ рубашку, обнаживъ мускулистое, слегка запыленное плечо. Порвалъ, испугался и застоналъ, съ сожалѣніемъ закрутилъ лохматой головой Было ли жалко ему рубашки или страшно обнаженнаго плеча, одѣтаго гусиной кожей—неизвѣстно. Положили трупъ около соломы, со стороны канавы, перевалили на него всю копну и молча, не глядя другъ на друга, принялись за прерванную работу.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Кругомъ по гумнамъ продолжалась работа. Покрикивали погонщики, гудѣла молотилка, слышались смутные разговоры и смѣхъ. Ударили къ вечернѣ. Никита гонялъ лошадей, посвистывалъ, быстро и безтолково передвигалъ лошадей по кругу. Надѣлъ рваный чапанъ, потому что стало ему холодно. Дороѳей непрестанно перетряхалъ вянками солому, снимая ее съ колосомъ—ужь только бы кончить скорѣе. Изрѣдка, въ припадкѣ остраго отчаянія, присѣдалъ на корточки, точно у него болѣлъ животъ, и тихонько шепталъ про себя, пуская отъ слабости и тоски черезъ губы слюни:

— Господи! и что я сдѣлалъ?!. Тятинька-а!..

Но движимые волей къ работѣ, той волей цѣлыхъ поколѣній, что заложена въ трудовомъ укладѣ деревенской жизни, оба они домолачивали пшеницу. И по взгляду посторонняго человѣка все на гумнѣ Кистановыхъ было обычно и мирно.

Уже садилось солнце. Отяжелѣли голубыми вечерними тѣнями копны сѣна и хлѣбовъ на гумнахъ, побѣлѣло небо, яснѣе обозначился вдали высокій берегъ Волги и засырѣлъ теплый воздухъ. Все еще слышались пѣвучіе крики мужиковъ на гумнахъ; къ нимъ примѣшался нетерпѣливый ревъ возвращающихся изъ поля телятъ. Въ селѣ началось радостно-усталое предвечернее оживленіе.

Дороѳей съ Никитой торопились окончить до заката настилку, но и боялись конца работы, потому что не знали, что дальше надо дѣлать. Силы покидали ихъ.

Прошелъ изъ поля Филиппъ съ косой на плечѣ. Онъ нарочно сдѣлалъ по дорогѣ крюкъ, чтобы заглянуть, что дѣлается на гумнѣ. Появленіе его испугало братьевъ. Дороѳей закричалъ на него, замахалъ вянками.

— Домой иди, домой!.. Безъ тебя кончимъ!..

Филиппъ оглядѣлъ токъ, рѣшилъ, что помогать, дѣйствительно, нечего, устало повернулся и пошелъ съ гумна.

— Ну, инъ, ладно, пойду!..

И ужь изъ-за воротъ крикнулъ:

— А тятя гдѣ?!.

Дороѳей махнулъ ему неопредѣленно рукой. Филиппъ по своему истолковалъ этотъ жестъ, и, дурачась передъ кѣмъ-то, для Дороѳея и Никиты невидимымъ, кто ѣхалъ за копнами по дорогѣ, затянулъ старинную пѣсню:

„По-ду-ауй по-ду-ауй да бурь по-гоэ-адушка"...

— Али выпилъ?!—закричалъ ему чей-то звонкій, молодой женскій голосъ.

— А поднесешь, такъ и выпью! — отвѣчалъ Филиппъ, вспрыгивая на телѣгу.—Ну-ка погоняй, да съ возу не роняй! Эхъ ты!..

Филиппъ находился въ томъ особо радостномъ, всякому мужику понятномъ настроеніи, которое овладѣваетъ усталымъ человѣкомъ, когда онъ послѣ длиннаго трудового дня приходитъ изъ поля въ деревню. И усталость исчезаетъ. Хочется орать пѣсни и размахивать руками.

Но все-таки веселость всегда угрюмаго и молчаливаго Филиппа показалась братьямъ странной, почти зловѣщей. Никита перехватилъ кнутъ изъ правой руки въ лѣвую, перекрестилъ маленькимъ торопливымъ крестомъ лохматую бороду и закричалъ на лошадей, почти заплакалъ:

— Но-ка, вы, боговы!..

А Дороѳей вспомнилъ большой храмъ на Аѳонѣ, гулкіе каменные своды и какъ эта пѣсня, вплетаясь въ церковныя пѣснопѣнія, звучала въ его душѣ день и ночь, тянула и манила на родину. Но теперь показалась она враждебной. И съ новымъ ужасомъ въ душѣ онъ почувствовалъ, что убилъ отца и еще что-то большое убилъ вмѣстѣ съ нимъ, всю свою жизнь убилъ...

Какъ на зло, зашелъ на гумно Скрипунъ. Кряхтя, присѣлъ у копны на корточки. Потомъ перелѣзъ черезъ плетень Никифоръ-солдатъ. И оба съ Скрипуномъ заспорили о грибахъ.

— Должны быть тама грыбы!—визгливымъ голосомъ убѣждалъ Никифора Скрипунъ.—Въ прошломъ году я развернулъ во мху, а тамъ грыбовъ тьма-тьмущая, да все зародышки, да все пупляточки!

— Огляжоные не выраступъ!—сказалъ Никифоръ.

— Говорятъ, что огляжоные не растутъ,—въ раздумьѣ подтвердилъ Скрипунъ.

Дороѳей съ Никитой молча подметали токъ и ходили въ пахучей пшеничной пыли, точно въ туманѣ,—два расплывчатыхъ темныхъ пятна. Вдалекѣ глухо громыхнулъ громъ. Темный край дождевой тучи медленно поднимался надъ се-

ломъ. На ея темно-свинцовомъ фонѣ стала ясно видна осіянная закатнымъ свѣтомъ бѣлая колокольня.

Кучу непровѣяннаго хлѣба закрыли соломой, чтобы не промокла. Остальную солому свезли волокушей къ трупу и навалили надъ нимъ большую копну.

— Я ужь чу-ую, что дожжикъ будетъ,—говорилъ Скрипунъ.—Ужь я чу-ую. Я еще съ утра всѣмъ говорилъ: молотить будемъ сегодня, а вѣять — когда Богъ приведетъ...

— Что-же, дай Богъ!..—согласился Никифоръ.

— Дай Богъ—хорошо, а слава Богу—еще лучше...

Скрипя голосомъ и поднимаясь съ земли сначала на карачки, потомъ на ноги, старикъ долго говорилъ то, что всѣмъ извѣстно. Слова его не прибавляли ничего къ тому, что всѣ видятъ, знаютъ и понимаютъ. Да и самъ онъ говорилъ не для того, чтобы сказать новое. Говорилъ онъ отъ удивленія и умиленія, что вотъ и сегодняшній день былъ какъ и вчерашній, да и вся настоящая жизнь подходитъ къ словамъ старыхъ людей. А потому отъ Скрипуновыхъ словъ становилось спокойнѣе и увѣреннѣе: все на свѣтѣ идетъ правильно и ошибки въ жизни никакой нѣтъ.

XXIII.

Съ гумна тронулись всѣ вмѣстѣ. Никита повелъ лошадей поить въ Мочежину. Никифоръ пошелъ въ свою сторону, а Дороѳей со Скрипуномъ—въ свою.

Выше поднималась туча, тяжелѣе и глуше становилось надъ степью. Пропали всѣ цвѣта, и стало все таинственнымъ и призрачнымъ. Темные конуса навозныхъ дровъ, кусты высокой лебеды и полыни, спутанныя лошади, заблудшія коровы — все было одноцвѣтно и обманно-похоже другъ на друга. Внезапно встрѣчались по дорогѣ люди и внезапно исчезали. Встрѣтилась скорбная Дарья, про корову спросила—не видали-ли? И Скрипунъ долго объяснялъ ей, что онъ не видалъ и гдѣ, по его мнѣнію, надо было корову искать. Но то же самое, что̀ думалъ Скрипунъ, думала и Дарья, а потому не слушала Скрипуна и шла дальше. Ужь и Дарьи не видать, а Скрипунъ все еще кричитъ бабьимъ голосомъ:

— Да за Радаевой амбарушкой шукни. Тамъ трава хорошая!..

Дороѳей шелъ изнеможенной походкой, еле передвигая ноги отъ страха и тоски. А Скрипунъ подшучивалъ:

— Небось, она укачаетъ, мужицкая-та работка! Ничево-о-о, привыкнешь!

Ужь радъ Дороѳей, что Скрипунъ къ своему дому от-

качнулся. Вошелъ онъ на задній дворъ и остановился, безсильный двинулся дальше. Какъ войти въ избу, что говорить?

И только тутъ Дороѳей почувствовалъ, что съ того са маго момента, когда онъ ударилъ и убилъ отца, все время, пока они съ Никитой прятали въ солому тѣло, домолачивали пшеницу, а потомъ и шли съ гумна домой, все это время у Дороѳея гдѣ-то въ головѣ и во всемъ тѣлѣ плачемъ звучало церковное пѣснопѣніе:

„Ны-нѣ си-илы не-е-беесныя съ нааами"...

Обезсиленный, онъ привалился на плетень и заплакалъ. Какъ будто именно отъ этой церковной пѣсни въ глазахъ у него слезы появились, обильныя, горячей струей даже прямо изъ глазъ капали на землю.

Зашумѣло отъ слезъ въ головѣ и еще громче зазвучало,

...„Не-е-ви-иди-мо слу-уужатъ!.."

— Господи, что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ!—бормоталъ: онъ, обливаясь слезами и готовый въ голосъ запѣть то, что такъ громко звучало въ душѣ. Ибо въ этомъ пѣснопѣніи была отрада его умирающему отъ тоски духу.

Долго онъ такъ стоялъ. Туча заслонила желтый закатъ, надвинулась вполнеба. И громъ звучалъ явственно, точно въ строющемся сосѣднемъ домѣ гулко перекатывались бревна. Стало темно.

Дороѳей медленно пошелъ по двору, мучаясь неразрѣшеннымъ вопросомъ: что сказать объ отцѣ домашнимъ? Сказать, что онъ куда-то ушелъ и вотъ его до сихъ поръ нѣтъ — пойдутъ искать, не найдутъ—поднимутъ шумъ на все село. Не теперь, такъ утромъ, не утромъ—завтра днемъ. И шумъ этотъ страшилъ. А сказать правду—силъ не было. Это была пропасть, мракъ, смерть.

Вдругъ изъ темноты средняго двора къ нему бросился кто-то лохматый, съ сиплымъ голосомъ. Дороѳей вздрогнулъ весь, отъ корней волосъ на головѣ, до ногтей на ногахъ. И отъ испуга почувствовалъ себя сильнѣе.

Это былъ Никита. Онъ стоялъ безъ шапки, волоса переплетены соломой. Ухватилъ Дороѳея за руки горячими мозолистыми руками и сиплымъ шопотомъ, въ которомъ слышались злоба, слезы и тоска, закричалъ:

— Что-жа ты нейдешь, дьяволъ проклятый?! Я тебя ужь тута цѣлый годъ жду, окаяннаго!..

— Зачѣмъ ждешь?

— Зачѣмъ ждеоошь?—передразнилъ Никита.—А что я *тамъ* говорить буду?!

Никита показалъ на домъ, гдѣ смутно слышались голоса и шаги.

— Ну-ка скажи, что говорить!?.

Дороѳея воодушевило странное наитіе. Сразу у него появился планъ сокрытія убійства. И онъ зашепталъ Никитѣ, разсказывалъ этотъ свой планъ съ такой вѣрой въ то, что все будетъ хорошо и никто объ убійствѣ не догадается, что и Никита повѣрилъ. Какъ во снѣ бываетъ: хочется тебѣ, что это не камни, а золотыя монеты, и вотъ уже вся дорога усѣяна золотыми монетами. Нагибайся и подбирай безъ конца.

Дороѳеевъ планъ былъ такой. Ночью будетъ сильный дождь. Дороѳей съ Никитой пойдутъ на гумно, скажутъ—ворохъ надо плотнѣе укрыть, и снесутъ трупъ отца на Кривое Озеро, бросятъ съ кручи подъ гору. Завтра всѣ подумаютъ—упалъ Игнатій и проломилъ себѣ високъ. И никто ни о чемъ не догадается.

Все это Дороѳей шепталъ Никитѣ въ горячечномъ возбужденіи, хваталъ его руками за шею, плечи, стыкался съ нимъ лобъ ко лбу. Никита поддавался Дороѳеевой увѣренности, затихъ и только изрѣдка тяжело вздыхалъ и крестился, когда надъ селомъ и Волгой мягкими толчками раскатывался громъ. Дрожала подъ ногами земля. Подъ сараемъ испуганно переходили съ мѣста на мѣсто лошади и коровы. Утѣшая потревоженныхъ ягнятъ, коротко и нѣжно курлыкали овцы.

— Микитушка, брательникъ! Кабы я съ злымъ умысломъ! А то, вѣдь, и Богъ-атъ проститъ мой грѣхъ, ужь нельзя не простить за нечаянность,—въ странномъ, почти радостномъ возбужденіи шепталъ Дороѳей, увѣренный и въ согласіи Никиты, и въ томъ, что все будетъ хорошо.

Въ сѣняхъ послышались шаги. Никита откачнулся отъ Дороѳея и пошелъ въ избу. Звонко стукнула щеколда, вышла Лукерья. Со свѣту она ничего на дворѣ не видѣла. Разминувшись съ Никитой на крыльцѣ, она сошла на дворъ и остановилась, чтобы оглядѣться.

Дороѳей подошелъ къ ней и тихо ее окликнулъ:

— Лушенька!..

Она повела въ его сторону вытянутыми руками и со смѣхомъ сказала, какъ бы играя въ жмурки:

— Пымаю сейчасъ!..

Дороѳей былъ почти въ изступленіи противоположныхъ чувствъ, наполнявшихъ его душу: нѣжности, слезъ, радости и тоски. Обнимая, онъ повелъ Лукерью подъ сарай, къ своей постели въ саняхъ и, захлебываясь словами, шепталъ:

— Лушенька! Вѣдь ты со мной? А? Скажи, со мной? Не оставишь меня?

— Да ты ѣхать штоль куда собираешься?—спросила она съ ласковымъ смѣшкомъ.

— Нѣ-этъ, Лушенька! Куда ѣхать. Здѣсь заживемъ съ тобой. Избу построимъ новую, огородъ разведемъ, садъ, сто десятинъ пшеницы посѣемъ... Лушенька, милая!

— А Фильку куда дѣнемъ? — насмѣшливо спросила Лукерья.

— Филька въ солдаты уйдетъ,—легкомысленно и весело шепталъ Дороѳей, прижимая къ себѣ теплое тѣло Лукерьи.

— А батюшку куда дѣнемъ?—лукаво и задорно подсмѣиваясь надъ Дороѳеемъ, говорила Лукерья, обнимая его за шею и приближая свое лицо близко къ Дороѳееву лицу. Дороѳею не было видно ея смѣющихся глазъ. Только цѣлуя въ губы, въ лицо, онъ чувствовалъ, что она улыбается.

— Онъ не помѣша-аетъ!—убѣжденно воскликнулъ шопотомъ Дороѳей, всѣмъ существомъ ощущая холодъ трупа на гумнѣ подъ соломой и въ тотъ же мигъ снова загораясь радостью отъ близости Лукерьина тѣла, отъ ея похотливаго и ласковаго шопота, отъ возбужденнаго дыханья, пахнущаго молокомъ.

— Ну, а люди что скажутъ, милый деверекъ?—дразнила она Дороѳея.

И опять новый и странный планъ осѣнилъ Дороѳея и показался ему исполнимымъ.

Только что накрытая сѣтью птица долго мечется, суетъ голову во всѣ окна сѣти, надѣется въ какое-нибудь проскользнуть и улетѣть на волю. И только послѣ многихъ попытокъ пойметъ, что окна сѣти узки и усилія напрасны. Тогда она сядетъ, нахохлится и покорно ждетъ своей участи.

Такъ же и Дороѳей метался изступленной душой и въ первый моментъ все казалось ему исполнимымъ и разумнымъ. Онъ и другихъ заражалъ этой вѣрой, заставилъ Никиту повѣрить, что убійство можно скрыть, и Лукерья прислушалась къ его плану безъ насмѣшки.

— А мы уѣдемъ отсюда, Лушенька! Хочешь, уѣдемъ въ городъ? Я службу найду себѣ, али въ Сибирь поѣдемъ, на желѣзную дорогу жандармомъ поступлю. Хорошо жить, работы немного и жалованья тридцать рублей... Я ужь узналъ! Ѣхалъ сюда изъ Одессы, такъ съ однимъ жандармомъ разговорился. Я вѣдь хитрый, Лушенька, ты не гляди, что молчу. А я все думаю. Со мной не пропадешь, это ужь вѣрно... Ты у меня барыней будешь жить. Платье тебѣ шолковое куплю и полсапожки со скрипомъ. А, Лушенька, со скрипомъ хорошо?!.

Никогда Дороѳей не чувствовалъ въ себѣ такъ много

словъ. Слова приходили къ нему внезапно и были самому Дороѳею удивительны: точно другой въ Дороѳеѣ говорилъ, а Дороѳей слушалъ его, радовался, что говоритъ онъ такъ складно, вѣрилъ и надѣялся, что по словамъ все такъ въ жизни и будетъ.

Лукерья слушала внимательно и, обнимая Дороѳея, искренне вздохнувъ, сказала:

— А что-жа, и хорошо-ба, Дорошенька! Опаскудѣлъ мнѣ этотъ Филька, да и съ батюшкой вмѣстѣ, чтобы его разорвало, стараго чорта.

Въ избѣ бабы ждали мужиковъ къ ужину. Укладывая дѣтей, Ульяна лежала на конникѣ, Степанида возилась около печи, а Филиппъ сидѣлъ на лавкѣ, опершись усталымъ тѣломъ на руки, изрѣдка почесывалъ у себя подъ мышками и, запрокидываясь головой къ стѣнѣ, позѣвывалъ. Вспыхивала молнія и на мгновеніе дѣлала улицу свѣтлѣе, чѣмъ въ избѣ. Больно жалились осеннія мухи. Чесала ногу ногой Ульяна и Филиппъ не разъ встряхивался отъ укусовъ всѣмъ тѣломъ, бормоталъ самъ про себя:

— Какія, черти, злыя стали! Къ дожжу ишшо, што-ли!

Никита вошелъ въ избу бокомъ, посопѣлъ, поискалъ что-то около двери въ печуркахъ и вышелъ опять въ сѣни. И вошелъ снова только вслѣдъ за Дороѳеемъ и Лукерьей.

— Ну-ка, мать, ужинать пора!—приказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Да вѣдь ждемъ васъ. Отца, вишь, нѣту. Скоро што-ли войдетъ?

— Еще до заката онъ ушелъ съ гумна. Не знай, куда зашелъ...

Никита сказалъ и обрадовался, что вспыхнули бѣлымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ всѣ окна и громъ неровными толчками встряхнулъ избу.

— Господи! Илья пророкъ, гудунъ великій, батюшка!—шептала Степанида, ставя на столъ чашку щей.

Ѣли молча. Филиппъ громко чавкалъ, чесался и рыгалъ. Степанида крестилась и тревожно оглядывалась на окна. Никита ѣлъ много и жадно, не покладая ложки и ни на кого не глядя. Дороѳей сидѣлъ прямо, точно прислушивался къ чему-то въ себѣ или на улицѣ и почти не ѣлъ. Видъ у него былъ устремленный вдаль и встревоженный. Лукерья тихо подложила ему кусокъ хлѣба и ласково сказала, сконфузившись своей лаской:

— Ѣшь, Дороѳей Игнатьичъ!..

По улицѣ прошелъ съ пѣсней пьяный Андрюшка. Лѣзъ на свѣтъ въ окна Кистановыхъ и бранился скверными словами.

— Дорошка! Чѣмъ ты лучше меня!? Дорошка, ты что гордишься? Мы съ тобой поровнялись... И оба мы пропащій народъ... Милай, Дороѳей Игнатьичъ!..

За темнымъ стекломъ неяснымъ пятномъ мелькало его опухшее лицо. При вспышкахъ молніи виднѣлась и вся его кривляющаяся фигура: бѣлая безъ тѣней, на бѣлой землѣ. А за нимъ до послѣдняго волоска на соломенной крышѣ загорался яркимъ свѣтомъ противоположный домъ, гу́мна, уголъ далекаго поля.

Степанида открывала окно, уговаривала Андрюшку ласковыми словами и старушечьей бранью.

— Уйди ты, Андрюшка, съ Богомъ. Страсть-та какая, гроза Господня. Да откачнись ты, непріятель!

Полилъ дождь, и Андрюшка убѣжалъ.

Точно море опрокинулось надъ Волгой и степью. Вода лилась сверху шумными потоками, хлестала въ окна, глухо стучала по стѣнамъ, гудѣла на крышѣ. Дороѳей думалъ о томъ, замочитъ трупъ отца на гумнѣ или нѣтъ. И, вспоминая высокій ворохъ соломы на немъ, неожиданно вслухъ сказалъ:

— Не замо-очитъ!

Никита понялъ, испугался и, вылѣзая изъ-за стола, нерѣшительно пробормоталъ, говоря какъ бы о ворохѣ невѣяной пшеницы:

— Пожалуй, и промочитъ, ежели дожжикъ не скоро перестанетъ. Погуще ба завалить.

— Сходимъ да укроемъ—готовымъ голосомъ подхватилъ Дороѳей, вставая съ лавки.

— Ужъ куда пойдете въ эдакую молонью!—плачущимъ голосомъ уговаривала Степанида.—Куда-та вотъ и отецъ зашелъ! Видно, сидитъ гдѣ, грозу пережидаетъ. Господи Создатель! Илья великій!

— Слава Богу, все прiѣли, — завтра вёдро будетъ,— убирая со стола, говорила Ульяна давнюю хозяйственную примѣту. И то обстоятельство, что этотъ проливной дождь, громъ и молнія имѣли какую-то связь съ сегодняшнимъ ужиномъ, какъ бы даже зависѣли отъ него, вносило спокойствіе и увѣренность въ августовскую дождливую ночь, въ избу между людьми и во дворъ для скотины, въ предстоящій сонъ и завтрашнее пробужденіе.

XXIV.

Собственно говоря, здѣсь кончилась печальная, краткая и внѣшне несложная исторія возвращенія на родину монаха Паисія, а въ міру Дороѳея Кистанова.

То, что случилось въ эту ночь и въ тѣ нѣсколько не-

дѣль, которыя прожилъ Дороѳей въ Костычевкѣ послѣ убійства отца, было лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что Дороѳей уже сдѣлалъ. Такъ камень упадетъ въ воду, потонетъ и даже заилиться успѣетъ, а по водѣ все еще ходятъ надъ нимъ зыбкіе круги.

Въ эту ночь надломилась у Дороѳея воля къ жизни, и онъ снова затосковалъ объ Аѳонѣ. Онъ какъ бы померъ въ эту ночь.

Но досказать его исторію все-таки нужно, какъ нужно бываетъ подобрать въ одинъ пучокъ и положить въ изголовье мертвецу тѣ стружки, которыя плотникъ настругалъ, сколачивая для него же сосновый гробъ.

Дороѳей съ Никитой пошли на гумно. Шелъ дождь, хотя не столь сильный, какъ вначалѣ. Дулъ упорный, сырой вѣтеръ. Тяжело передвигались по небу облака. Темнота ночи была текучей и тревожной. Никита нѣсколько разъ останавливался, какъ быкъ на веревкѣ, и говорилъ:

— Не пойду, Дорошка! Куда ты меня ведешь, проклятый? Не пойду я, говорятъ тебѣ!

Дороѳей просилъ его во имя Божіе, уговаривалъ ласковыми словами. И онъ шелъ за нимъ снова, охая и стеня. Одинъ разъ Дороѳей даже разсердился и ударилъ Никиту.

— А не хочешь,—не ходи, чортъ съ тобой!

И Никита опять пошелъ за братомъ, хлопая по лужамъ босыми ногами и пританцовывая по дорогѣ отъ уколовъ травы, камней и палочекъ.

На гумнѣ они развалили прибитую дождемъ копну соломы надъ трупомъ. Въ самомъ низу солома была сухая, пахла солнечнымъ днемъ, степнымъ вѣтромъ. Трупъ отца былъ теплый дневнымъ тепломъ, задержавшимся въ соломѣ, но туго податливый, негибкій, враждебный. Съ трудомъ отгибались въ сторону плотно приложенныя къ бокамъ руки, и согнутая лѣвая колѣнка не хотѣла выпрямляться. Голова, когда понесли, упруго пригибалась книзу, не касаясь плеча.

Шли они по задворкамъ, безъ дороги, боясь встрѣтиться съ людьми. Отъ нихъ шарахались въ сторону, разбрасывая гривы, спутанныя лошади, на шорохъ шаговъ и мертвый запахъ лаяли и выли подъ вѣтромъ собаки. Нѣсколько разъ братья клали трупъ на землю, отдыхали. Былъ онъ тяжелый, быстро охладѣлъ и прикасаться къ нему стало противно и страшно. Въ особенности ослабѣвалъ Никита.

Уже недалеко и Кривое Озеро съ крутымъ обвалистымъ берегомъ. Дороѳей съ Никитой проходили за своимъ садомъ по откатой лощинѣ.

— Постой, Дороѳей,—прохрипѣлъ Никита, опуская трупъ на землю.

Дороѳей остановился и тяжело дыша, вытиралъ рукавомъ вспотѣвшій лобъ. Колѣни его тряслись, а въ шумящей отъ усталости головѣ звучалъ все тотъ же знакомый напѣвъ:

„Ны-нѣ си-илы не-бес-ныя съ нааами"...

Кругомъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, текла сырая темнота. На разрывахъ облаковъ выдѣлялись смутныя очертанія знакомыхъ домовъ, сараевъ и погребицъ. Оглянулся Дороѳей на Никиту,—а Никиты нѣтъ. Обѣжалъ онъ вокругъ трупа по узкому кругу, крикнулъ шопотомъ: „Микита! Микитушка, брательникъ!"—нѣтъ Никиты. Долго стоялъ около трупа отца, не зная, что же дѣлать? Потомъ сѣлъ на мягкую, глубоко и жидко размоченную дождемъ землю, беззвучно выговаривалъ сухимъ ртомъ то, что, какъ большой монастырскій хоръ, звучало въ головѣ.

„Не-ви-ди-мо нееви-димо слууужатъ"...

Сидѣлъ онъ такъ долго, безсильный что-нибудь сдѣлать или придумать. Да и мыслей у него не было никакихъ. Онъ смотрѣлъ, какъ надъ головой медленно двигались темныя дождевыя тучи, разрывались, тогда на небѣ видна была свѣтлая рубашка высокихъ облаковъ. Должно быть, за облаками была луна. Виднѣлось неподалеку длинное неподвижное тѣло отца, вытянутое по землѣ лицомъ внизъ. Точно въ лужу лицомъ уткнулся онъ и пьетъ, долго, ненасытно тянетъ изъ холодной земли дождевую воду.

Стало холодно въ мокрой одеждѣ. Свело судорогой ноги и задрожало все внутри холодной дрожью. Дороѳей нехотя всталъ, напрягъ всѣ силы, поставилъ трупъ отца на ноги, подвернулся къ нему спиной и, какъ корявую съ необрубленными сучьями лѣсину, понесъ его дальше. Шелъ и тоненькимъ голоскомъ говорилъ:

— Тятинька! Про-сти меня, тя-тинька! Го-лубчикъ! Вѣдь неча-янно я, окаянный!..

Дороѳей сбросилъ трупъ отца подъ кручу. Трупъ крякнулъ и мягко зашуршалъ внизъ къ водѣ по мокрой глинѣ. Холодно внизу плескалась вода, шумѣлъ за озеромъ лѣсъ! Съ Волги доносился глухой, частый токотъ пароходныхъ колесъ.

Сдѣлалъ все это Дороѳей потому, что такъ было раньше придумано. Придумано нѣсколько часовъ тому назадъ, когда онъ былъ еще живой и чувствовалъ въ себѣ силы бороться. Теперь онъ былъ безсиленъ скрываться и зналъ одно, что пропалъ. А если все сдѣлалъ по задуманному, то какъ

будто чью-то чужую волю исполнилъ. А что изъ этого выйдетъ, не только не зналъ, но и не интересовался знать.

Возвращался онъ по улицѣ, шлепалъ отяжелѣвшими ногами по лужамъ. Пѣли пѣтухи, звонилъ часовой колоколъ и влажный сильный вѣтеръ разносилъ надъ селомъ этотъ звонъ разорванными, поющими клочками.

Степанида тревожилась, не могла заснуть. Выходила въ сѣни и подолгу стояла у раскрытой въ проулокъ двери, слушала шумъ дождя и грома. Брела въ избу и съ тоской ходила изъ передняго угла въ чуланъ, изъ чулана въ сѣни. Было ей непонятно, а отъ непонятнаго тоскливо и страшно—куда дѣвался Игнатій? За сорокъ лѣтъ жизни случилось это впервые, чтобы она не могла даже придумать, гдѣ онъ могъ быть. Лѣтней рабочей порой въ дождливую ночь некуда было уйти въ селѣ пожилому мужику. До того некуда, что даже трудно выдумать такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ, будучи трезвымъ, провести цѣлую ночь.

Разрывались тучи. Свѣтила луна на пустую улицу. И лужи сіяли серебромъ. Степанида смотрѣла въ оба конца улицы. Молчаливы и темны были избы. Ни огонька во всемъ селѣ. Тогда отсутствіе Игната пугало ее. Пошла бы искать, да неизвѣстно, куда идти: не подрядъ же по всѣмъ домамъ стучаться. Услышала подходящаго Дороѳея и выбѣжала въ сѣни.

— Доронюшка, а отца-та все нѣту. Что и подумать, не знаю.

Дороѳей хотѣлъ что-то сказать, но ротъ у него засохъ и окаменѣлъ. Только рукой махнулъ и пососалъ во рту сухой шершавый языкъ.

— Поискать ба пошла, да куда пойти-та? Весь міръ крещеный взбулгачишь,—бормотала Степанида.

— Мама...—выговорилъ, наконецъ, Дороѳей.—Да вѣдь я убилъ тятю-та.

Сказалъ онъ это глухимъ, ровнымъ и безразличнымъ голосомъ.

— Какъ эта ты, сыночекъ?.. Что говоришь?—силилась понять Степанида.

— Убилъ я тятю... Давеча на гумнѣ мы съ нимъ подрались. Онъ меня вязками, а я его бабкой... И убилъ.

Дороѳей сѣлъ на порогѣ двери изъ сѣней въ избу, слышалъ, какъ стонала мать, и смутно видѣлъ, какъ она ползала отъ испуга по полу сѣней на четвереренькахъ, точно больное животное.

— Охъ, охъ! Господи помилуй! Тошнё-о-охонько! Охъ, Мати Владычица! Да что жа теперь будетъ у насъ? Пресвятая Ты наша Богородица! Охъ, Заступница!..

Проснулась въ чуланѣ Ульяна, испугалась и тоже заохала. Разбудила Филиппа съ Лукерьей въ клѣти. Искала Никиту. Онъ скоро самъ пришелъ, грязный, мокрый и пьяный: въ шинкѣ водки досталъ и напился. Началъ шумѣть и полѣзъ къ Дороѳею съ кулаками.

— Куда тятю дѣлъ, монахъ проклятый?!

Но его быстро уняли. Онъ замолчалъ, сѣлъ въ уголъ и заплакалъ пьяными слезами.

— Засудятъ насъ теперь! Мамынька! Въ Сибирь угонятъ. Въ раззоръ раззорятъ. Пропали наши головушки.

Лукерья сидѣла въ углу, молча. У нея дрожало все тѣло; она сжала зубы, чтобы не ляскали. Отогрѣвшись немного отъ перваго испуга, она сказала съ отчаяніемъ, вспоминая недавнія ласки Дороѳея и разговоръ съ нимъ подъ сараемъ.

— Что ты сдѣлалъ? И что ты сдѣлалъ, Дороѳей Игнатьичъ?! Господи!..

Эти слова въ какой-то странной, ему одному понятной связи мыслей разсердили Филиппа.

— Ужь ты молчала ба, сука!.. Ужь молчи-и!—закричалъ онъ на жену. Подошелъ къ ней сбоку и ударилъ кулакомъ по освѣщенному луной затылку. Лукерья молча перешла на другую лавку.

— У-у, ты, ... звѣрь!—по дѣтски выругался Филиппъ и сучилъ около себя сжатымъ и жаднымъ до ударовъ по Лукерьину тѣлу кулакомъ.

До самаго утра всѣ Кистановы сидѣли въ избѣ, переходя отъ плача къ жуткимъ разспросамъ. Боялись расходиться спать, да и не могли бы уснуть.

Съ наступленіемъ разсвѣта всѣ они, больные и жалкіе, расползлись по дому, затопили печь, принялись за хозяйство. На дворъ доить коровъ и обряжать скотину шли кучкой: боялись. Ждали съ волненіемъ,—скоро ли поднимется на селѣ тревога, а сами первые поднять ее не рѣшились и вообще не знали, какъ имъ быть.

XXV.

Утромъ рано испугалось село смертью Игнатія. Давыдъ проходилъ мимо, увидалъ—подъ кручей, у самой воды человѣкъ лежитъ, и поднялъ тревогу.

И, когда подъ окнами дома Кистановыхъ забѣгалъ народъ и въ избу испуганной толпой ворвались мужики и бабы, всѣ Кистановы испугались снова и испугались такъ же сильно, какъ еслибы только что узнали о смерти Игнатія. Степанида не могла сама идти, ее вели подъ руки. Онѣ

вмѣстѣ, Офимья, Ульяна, Лукерья и Степанида въ нѣсколько голосовъ плакали надъ трупомъ Игната, причитали. Степанида ползала по сырой глинѣ, сморкалась грязной рукой и замазала себѣ глиной лицо. Ульяна подвела ее къ озеру и, какъ малаго ребенка, одной рукой держала, а другой вымыла лицо.

Опять пріѣхалъ на ямской лошади староста, кричалъ народу: „расходись!“ и не зналъ, что дѣлать. Хлопалъ руками по бедрамъ и всѣмъ жаловался.

— Наказанье Господне! Третій покойникъ за лѣто, и все съ начальствомъ... Разстроилась жисть наша!..

Отъ страха плакали и дрожали дѣти. Бѣгалъ въ толпѣ лохматый Никита, пьяный, возбужденный и грязный. Бормоталъ всѣмъ про отца наивную ложь.

— Какъ вчарась ушелъ съ гумна, такъ и не видали. А оно вонъ какое дѣло... Ахъ, Господи! Тятинька!

Онъ всхлипывалъ, крестился и торопливо бѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

Дороѳей стоялъ въ сторонѣ молча. Никто его ни о чемъ не разспрашивалъ, всѣ проходили мимо, точно не замѣчали. Только старая Мохначиха-знахарка, отдиравшая мужикамъ чемеря и наговаривавшая всему селу на воду, подошла къ Дороѳею съ костылемъ, заглянула въ лицо, пожевала губами и укоризненно сказала:

— Стои-ишь! У-у, своеобышникъ!

Отошла, но не утерпѣла и обернулась.

— Помолиться надо, парень! Помолиться, говорю, Господу Богу не мѣшаетъ!—грозно зашумѣла она на Дороѳея, затрясла головой, катясь по глинѣ подъ гору на скользкихъ ногахъ.

Староста осмотрѣлъ трупъ. Кто-то зачерпнулъ картузомъ воды, промыли окровавленную голову.

— Да это ровно кто камнемъ ударилъ, либо желѣзной бабкой!—простодушно сказалъ Семистѣнновъ Вавила, разглядывая рану.

Дороѳей внутренно вздрогнулъ и почувствовалъ опредѣленно и безповоротно: „Пропалъ... Пора!“ Подошелъ къ кучѣ мужиковъ, потрогалъ за плечо нагнувшагося надъ трупомъ старосту, а, когда тотъ оглянулся,—сказалъ ему не громко, но такъ, что всѣ окружающіе слышали:

— Это я ударилъ его бабкой. Я убилъ...

Староста растерялся. Схватилъ Дороѳея за руки, точно онъ бѣжать собирался или сопротивлялся.

— Да какъ же эта ты, Дороѳей... Игнатьичъ?! Что ты говоришь, перекрестись!..

— Подрались мы съ нимъ на гумнѣ. Онъ меня вànками, а я его бабкой...

Всѣ взволновались. Но какъ будто никто не удивился. И черезъ минуту всѣмъ уже показалось, что они именно такъ и раньше думали, какъ оказалось въ дѣйствительности.

— А я бѣгу этта, качусь по глинѣ, да какъ гляну на него—стоитъ въ сторонкѣ, какъ быкъ: лбомъ въ землю уперся. Ровно что меня подъ сердце ударилъ: его, думаю, дѣло!

Такъ шептала старая солдатка Немила Семистѣнновой женѣ. И Семистѣнова, баба желтая, беременная, съ отвислымъ животомъ, думала точно такъ же. И всѣмъ показалось, что ничего неожиданнаго въ убійствѣ Дороѳеемъ своего отца нѣтъ.

— Да ужъ знамо дѣло! Кто Отца-та Небеснаго забылъ, тому отецъ родной что? Тьфу! наплевать!..

Вообще послѣ убійства отца Дороѳей какъ бы закончился въ сознаніи костычевцевъ, сталъ понятнымъ. А понятный онъ уже не раздражалъ, а внушалъ къ себѣ жалость и состраданіе.

— Покаралъ Господь. За гордость!

Припоминали предсмертныя слова Крылка. И будто онъ тогда, стоя въ водѣ, за минуту передъ смертью что-то сказалъ именно объ этомъ событіи. Передъ смертью языкомъ человѣка говоритъ кто-то другой, провидящій и мудрый.

Трупъ Игнатія, какъ и трупъ Крылка, перевезли въ ледникъ на кладбище. Хотѣлъ староста арестовать Дороѳея, но онъ коротко и убѣдительно сказалъ:

— Я и такъ не уйду никуда.

Мужики и бабы сочувственно зашумѣли:

— Знамо дѣло, куда идти!

— Оставь его, Гаврила. Самъ сознался.

— Отъ бѣды не бѣгалъ—къ бѣдѣ прибѣжалъ!..

Пріѣзжалъ урядникъ, судебный слѣдователь съ докторомъ. Дороѳея, всѣхъ Кистановыхъ и многихъ изъ костычевцевъ допрашивали. Слѣдователю казалось невѣроятнымъ: и внезапная смерть Игнатія съ одного удара, и какъ братья завалили его днемъ въ солому, а ночью отнесли и бросили съ берега Кривого Озера... Онъ подозрѣвалъ, что дѣло сложнѣе. Не вѣрилось ему, потому что по внѣшней обстановкѣ убійство это было такъ невѣроятно и глупо.

Долго осматривали гумно, рисовали что-то на бумагѣ, ходили по сосѣднимъ гумнамъ и оттуда смотрѣли на гумно Кистановыхъ. Толпой прошли вмѣстѣ съ Дороѳеемъ и Никитой по тому пути, гдѣ они ночью пронесли трупъ отца къ озеру. Заставляли точно припоминать, какъ Дороѳей си-

дѣлъ на козелкахъ, когда его ударилъ отецъ, и гдѣ стоялъ отецъ, когда его Дороѳей ударилъ; гдѣ въ это время находился Никита, именно на какомъ мѣстѣ...

Разспрашивали о такихъ подробностяхъ, которыя казались странными и непонятными: съ какой стороны дулъ вѣтеръ, когда братья несли трупъ и съ какого двора лаяли собаки? Такъ что Дороѳей пересталъ отвѣчать на вопросы и раздраженно говорилъ:

— И чего вы добиваетесь?! Я убилъ, все я сдѣлалъ. О чемъ больше говорить!

Около мѣсяца жилъ Дороѳей въ Костычевкѣ на порукахъ, ожидая суда. Ему казалось, если дѣло такъ ясно, то и судъ будетъ скоро, не сегодня-завтра, самое большее черезъ недѣлю.

Все въ селѣ стало Дороѳею послѣ этого событія чужимъ: чужіе люди, чужіе дома. Семейные работали въ полѣ, на гумнѣ и огородѣ, а онъ сидѣлъ больше дома, какъ безнадежно больной, старикъ или уродъ. Приходили бабы, сидѣли подолгу въ избѣ, глядя на Дороѳея, молча плакали и сморкались въ запоны. Приходили товарищи Дороѳея—Савка Никудышный и Никифоръ - солдатъ, курили махорку, плевали и не знали, о чемъ съ Дороѳеемъ говорить. Зашелъ Давыдъ, укорялъ Дороѳея въ безбожіи и, уходя, сказалъ:

— Ты, голова, мертвый какой-та сталъ...

Имя монаха - Дороѳея срослось съ именами трехъ мертвецовъ за это лѣто: Ивана Крылка, Тутушкина Лифана и убитаго Игнатія. И до того Дороѳей объединялся съ ними, какъ будто и Крылка съ Лифаномъ тоже онъ убилъ или будто и самъ Дороѳей Кистановъ тоже вмѣстѣ съ ними померъ какой-то особенной, памятной смертью.

Въ первое время послѣ убійства Дороѳей много спалъ, и спалъ глубокимъ и тяжелымъ сномъ. Просыпаясь, вспоминалъ о смерти, думалъ: вотъ такъ же лежатъ мертвые, какъ онъ спалъ,—даже кости болятъ отъ недвижимости. Но потомъ сны его стали тревожными. Чаще всего видѣлъ онъ, что торопится сѣсть въ поѣздъ или на пароходъ, бѣжитъ, а поѣздъ уходитъ. Куда уѣзжаетъ Дороѳей—неизвѣстно, только сѣсть не поспѣваетъ. И просыпался съ тоской.

Въ тяжелую душевную минуту пошелъ онъ однажды въ чуланъ, раскрылъ свой сундучекъ. Пахну́ло на него изъ сундучка запахомъ Аѳона: монастыря, кельи, каменнаго храма, моря и лѣса. Онъ наклонился въ сундучекъ и долго нюхалъ знакомый запахъ. А въ мозгу, точно огненными линіями очерченный, рисовался Аѳонъ: монастырь, виноградники, облики ближайшихъ холмовъ и далекаго шпиля. Въ ушахъ звенѣлъ плывучій токотъ монастырскаго била.

Даже Лукерья стала Дороѳею чужой и ненужной.

Судебный слѣдователь счелъ поручительство мѣрой недостаточной и распорядился арестовать Дороѳея.

Двое стражниковъ пріѣхали за Дороѳеемъ въ концѣ сентября мѣсяца. Стояли ясные дни—бабье лѣто средней Россіи. Листъ на деревьяхъ пожелтѣлъ, но еще не опалъ и расцвѣтилъ волжскую поёму яркими красками: нѣжно-желтая береза, розоватый клёнъ, коричневый дубъ и багровыя пятна одинокихъ осинъ.

А на поляхъ лежалъ розово-желтый печальный и тихій свѣтъ солнца, точно отсвѣтъ блёклыхъ лѣсовъ.

Пріѣхали они въ полдень и тотчасъ же велѣли Дороѳею собираться. Тихонько повыла за печкой Степанида, бѣгалъ по дому встревоженный, лохматый Никита, Ульяна испуганно шипѣла на любопытныхъ дѣтей,—чтобы не лѣзли къ начальству.

Стражники сидѣли на крыльцѣ, курили папиросы и цыкали сквозь зубы жидкую голодную слюну. Степанида принесла изъ погреба горшокъ молока, нарѣзала хлѣба и звала ихъ въ избу.

— Подьте, родненькіе, похлебайте молочка.

Но они не хотѣли идти. Тогда она вынесла имъ молока съ хлѣбомъ на крыльцо. Они стѣснялись брать.

— Мы, баушка, этому дѣлу не причастны,—говорили они объ арестѣ Дороѳея.—Наше дѣло подневольное. Что прикажутъ, исполняемъ.

— Ну, знамо дѣло, родные!—сквозь слезы говорила имъ ласковыя слова Степанида. — Поѣшьте молочка съ хлѣбушкой.

Не уходя съ крыльца, они молча выпили молока, съѣли хлѣбъ, отрыгнувшись, поднялись на ноги, и, какъ бы поторапливая другъ друга, сказали:

— Ну, пора и ѣхать! А то на почтовый опоздаемъ.

— Гдѣ онъ тамъ, Дороѳей? Пора!

Лукерья сидѣла въ клѣти, въ углу на сундукѣ. Филиппъ вошелъ туда съ задняго двора за возжами и крикнулъ на жену мимоходомъ:

— Вотъ тебя-ба, суку, со стражниками отправить!..

Она не пошевелилась, даже не взглянула на мужа. И вотъ именно то, что она не огрызнулась, ничего не отвѣтила, даже, можетъ быть, не слыхала мужниныхъ словъ, это спокойствіе жены показалось Филиппу обиднымъ. Онъ подошелъ къ ней, сталъ ее бить возжами, похрюкивая и повизгивая отъ злобной радости, какъ поросенокъ. Лукерья вскочила, бросилась на него, ткнула кулаками въ животъ. Это было неожиданно; Филиппъ упалъ. Лукерья выбѣжала

на крыльцо, гдѣ сидѣли стражники, и, перекинувшись черезъ перила, заголосила.

Когда стражники ѣли, Дороѳей сидѣлъ въ избѣ на лавкѣ. Когда заголосила Лукерья, онъ испуганно поднялся и началъ креститься передъ иконами. Поклонился матери въ ноги, Ульянѣ и Никитѣ отвѣсилъ по поясному монашескому поклону и тихо, по-монашески безразлично, сказалъ:

— Простите меня Христа ради.

Мать заплакала, склоняясь къ плечу Дороѳея. И ужъ въ двери припомнила и, захлебываясь слезами, угостила.

— Молочка-та въ дорогу похлебалъ-ба, Доронюшка!..

Около лошадей передъ домомъ собралась большая толпа народа. Стояли молча, шептались, заглядывали въ окна,—ждали скоро ли выйдетъ Дороѳей. Гдѣ-то въ другомъ концѣ села слышались пьяныя пѣсни, лѣнивый переборъ гармоники. На свадьбѣ люди гуляютъ, Радаеву Дуньку замужъ выдаютъ.

Дороѳей поклонился народу съ крыльца и такъ же по-монашески попросилъ прощенья:

— Простите, Христа ради!..

Послышались разрозненные, сконфуженные возгласы. Всхлипнула баба.

— Богъ проститъ!

— И ты насъ прости.

— Что ужъ тутъ! Божья воля!

— Тише ты, куда прешь!

Толпа колыхнулась. Всѣ какъ бы заторопились, но только передвинулись на мѣстѣ. Давыдъ бѣгалъ вокругъ лошадей и расчищалъ дорогу.

— Въ сторону отходи! Дорогу давай, дорогу! Чего брюхо выпятилъ!

Хлопоталъ радостно, даже съ восторгомъ, точно на свадьбѣ.

Дороѳей видѣлъ, что на лицахъ мужиковъ и бабъ было сожалѣніе. То самое мимолетное сожалѣніе, какое испытываютъ люди къ животнымъ, коихъ рѣжутъ себѣ на мясо. Бабы плакали, вспоминая каждая что-нибудь печальное изъ своей жизни. Старая солдатка Немила вдругъ заголосила, вспомнила, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ она встрѣтила маленькаго Дорошу въ полѣ съ отцомъ, цѣловала его и щекотала. А Дороша грозилъ пожаловаться солдату, когда тотъ со службы вернется. Начала причитать:

— А онъ-та ни верну-улся! Ахъ, да на кого ты насъ споки-и-инулъ!..—голосила она не то по своемъ солдатѣ, умершемъ на службѣ, не то по отъѣзжающемъ Дороѳеѣ.

Деревня живетъ больше родствомъ тѣла. И разлука, какъ смерть, ложится на душу одинаково тягостной печалью.

Доросей зналъ, что въ Костычевку больше не вернется и никого изъ костычевскихъ уже не увидитъ никогда. Но ему не было ихъ жалко. Въ душѣ у него была напряженная тишина, даже какъ будто спокойствіе. Только все время казалось, что онъ что-то позабылъ, будто не со всѣми еще простился, кого-то самаго дорогого и любимаго позабылъ. Садясь въ тарантасъ, онъ обернулся, чтобы увидѣть этого любимаго, и не нашелъ. Увидѣлъ красное пятно Лукерьиной кофточки. И отвернулся: не она.

Одинъ стражникъ сѣлъ рядомъ съ кучеромъ, другой — въ кузовъ вмѣстѣ съ Дороѳеемъ, поставилъ шашку между ногъ, снялъ картузъ, почему-то въ него заглянулъ, надѣлъ на голову и строго приказалъ:

— Трога-ай! Распространись, народъ!

— Пшёлъ-пшё-олъ!—закричалъ Давыдъ, хлопая коренного по крупу ладонью.—До свиданья, Дороѳей Игнатьичъ Счастливый путь!

Тяжело, точно противъ вѣтра, бѣжала опоздавшая Офимья! Махала на бѣгу рукой и кричала:

— Погоди-ите! Хоть проститься-та дайте, ироды!..

Говоръ, чей-то плачъ, движенье толпы, восклицанья, уголъ дома, зеленый проулокъ,—все мелькало въ глазахъ Дороѳея, одѣтое туманомъ, сливалось въ ушахъ. Звенѣлъ колокольчикъ и, казалось, звономъ своимъ мѣшалъ разсмотрѣть тихіе дома, амбары, огороды, кучи дровъ.

При выѣздѣ изъ села встрѣтили двухъ мужиковъ: Кузьму Мякина и Терентія Радаева. Они переплелись руками, обнимая другъ друга за шеи, шли, стягивались и растягивались, точно резиновые. Покачивались и, закрывъ глаза, стройно пѣли пѣсню. Видно было, что пьяны они слегка и покачиваются больше отъ удовольствія: грѣло солнце, послѣднее теплое солнце осени, было имъ хорошо и радостно. Откроютъ глаза,—видна синяя даль волжскихъ береговъ, желтыя, розовыя полосы и пятна поблекшихъ лѣсовъ. Снова закроютъ глаза и снова разѣваютъ бородатые рты и въ сладкомъ восторгѣ стройно тянутъ гласные звуки.

„Поду-а-уй поду-а-уй да бурь по-го-э-а-душе-ка
„Са вы-со-а-э-кааихъ гооръ...
„Эхъ съ вы-со-ка-ихъ горъ да“!..

Это была даже какъ бы и не пѣсня, а радостныя и лучшія воспоминанія молодости, праздниковъ, свѣтлыхъ дней жизни. Дальше упоминались калина съ малиной, лазоревый цвѣтъ... безъ вѣтру шумятъ... Молода́ во пиру была.

Услышавъ ямской колокольчикъ, мужики открыли отяжелѣвшія отъ удовольствія вѣки, увидѣли стражниковъ, остановились, перестали пѣть и лица ихъ стали озабочен-

ными, будничными. Они не разнялись, но только потому, что не хотѣли показать передъ стражниками своего смущенія. А объятіе ужь стало деревяннымъ, и корявая ладонь Кузьмы неловко третъ шею жилистому Трофиму.

Трофимъ проводилъ тарантасъ взглядомъ и выругался.

— Монаха повезли! Такъ и нада, мать его незамать. Всякій сукинъ сынъ будетъ отца убивать, что тута станется! Свѣтопредставленіе! Погоня-ай! — закричалъ онъ кучеру, притворяясь пьянымъ.

— Хо-хо-хо, подстегивай!

— Айда, валяй!

Закричали оба съ Кузьмой пьяными голосами, замахали руками, какъ мельницы крыльями.

Дороѳей заплакалъ. Только въ эту минуту понялъ онъ, съ чѣмъ ему жалко разставаться: онъ не услышитъ больше этой задушевной пѣсни, не увидитъ синяго горба волжскаго берега, тихой степной дали, знакомыхъ лѣсовъ,—всего того, что четырнадцать лѣтъ, какъ старая увѣренность въ жизни, манило его, тянуло съ Аѳона на родину.

Стражникъ отвернулся, началъ бранить кучера за пристяжную. Это для того, чтобы Дороѳею легче было одному выплакать свое горе.

С. Кондурушкинъ.

Мечты алхимиковъ и ихъ осуществленіе.

I.

Въ каждой наукѣ, какъ бы спеціальна она ни была, всегда найдутся вопросы, интересъ къ которымъ не ограничивается однимъ кругомъ ученыхъ спеціалистовъ, а выходитъ далеко за предѣлы послѣдняго, распространяясь въ широкихъ слояхъ большой публики. То вниманіе, которымъ публика въ такихъ случаяхъ даритъ подобные вопросы, обусловливается, конечно, съ одной стороны, общностью, широтою самихъ вопросовъ, ихъ отношеніемъ къ философіи, къ научнымъ философскимъ обобщеніямъ, а, съ другой стороны, отношеніемъ этихъ вопросовъ къ потребностямъ повседневной жизни, къ техникѣ, къ утилитарнымъ цѣлямъ. Въ химіи однимъ изъ такихъ вопросовъ является тотъ вопросъ, который мы нынѣ называемъ вопросомъ о превращеніи химическихъ элементовъ другъ въ друга, а также непосредственно и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о строеніи матеріи, о первоосновѣ вещества.

Вопросъ старый, какъ стара и сама наука. До насъ дошли съ древнѣйшихъ временъ различныя попытки философовъ рѣшить такъ или иначе этотъ вопросъ. И эти попытки, а особенно то большое вниманіе, которое удѣлялось древними мудрецами этому вопросу, свидѣтельствуютъ о какой-то особой прелести и большой привлекательности самого вопроса для пробудившейся философской мысли человѣка. И такое неослабное вниманіе къ вопросу о превращеніи химическихъ элементовъ и о строеніи матеріи продолжало держаться чрезъ всю послѣдующую исторію вплоть до нашихъ дней.

Весьма любопытно отмѣтить здѣсь то, что, не смотря на самыя разнообразныя формы рѣшенія вопроса въ различныя времена и различными философами, мы всегда и неизмѣнно находимъ въ этихъ рѣшеніяхъ одно общее, именно признаніе, что первооснова вещества едина и превращеніе химическихъ элементовъ возможно.

Послѣднее утвержденіе съ перваго взгляда можетъ показаться нѣсколько страннымъ, такъ какъ извѣстны ученые, и особенно атомисты XIX столѣтія, которые отрицали возможность превращенія химическихъ элементовъ. Однако, если мы внимательно прочтемъ тѣ мѣста сочиненій ученыхъ указаннаго разряда, гдѣ идетъ рѣчь о превращеніи элементовъ, мы найдемъ, что такое отрицаніе пре-

вращаемости распространяется лишь на практическую сторону вопроса. Невозможность превращенія химическихъ элементовъ всецѣло покоится на необычайныхъ трудностяхъ, съ которыми связано превращеніе на практикѣ. Самая мысль о простотѣ химическихъ элементовъ, о ихъ несложности и, слѣдовательно, о ихъ непревращаемости другъ въ друга основывается на томъ, что до сихъ поръ опытнымъ путемъ не произведено такого превращенія, что до сихъ поръ нѣтъ фактическаго доказательства подобнаго превращенія. И поэтому тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о превращеніи химическихъ элементовъ, у отрицателей такого превращенія мы всегда находимъ оговорки, какъ „до сихъ поръ", „въ наше время", „нашими научными средствами" и пр. За примѣрами недалеко ходить, вполнѣ достаточно указать хотя бы на химика, извѣстнаго всѣмъ русскимъ и являющагося однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ отрицателей превращенія химическихъ элементовъ. Я имѣю въ виду, конечно, ни кого другого, какъ безсмертнаго творца „Періодическаго закона химическихъ элементовъ", гордость и славу русскихъ химиковъ, Дмитрія Ивановича Менделѣева. Укажу хотя бы на самую распространенную въ Россіи его книгу „Основы химіи", гдѣ мы ясно увидимъ тотъ характеръ отрицанія превращенія элементовъ, о которомъ сказано выше. На 15 страницѣ „Основъ химіи" (7-е изданіе 1902—1903 гг.) мы, напр., читаемъ:

„Простыя тѣла неспособны превращаться другъ въ друга, по крайней мѣрѣ въ настоящее время не замѣчено ни одного случая подобнаго превращенія, а потому въ настоящее время невозможно превратить одинъ металлъ въ другой и до сихъ поръ, не смотря на массу усилій, не отыскалось ни одного факта, который бы сколько-нибудь оправдывалъ мысль о сложности несомнѣнно извѣстныхъ простыхъ тѣлъ".

Само собою очевидно, что разъ теоретически превращеніе не отрицается, то вполнѣ законны попытки осуществить это превращеніе на практикѣ; что необычайныя трудности въ этомъ осуществленіи превращенія не говорятъ еще, что трудности эти непреодолимы вообще; и что если до сихъ поръ не было фактическаго доказательства превращенія, то это не значитъ, что такого доказательства не будетъ завтра.

И въ исторіи науки мы, дѣйствительно, встрѣчаемся съ двумя періодами, когда ученые отъ философскихъ размышленій, отъ теоретическихъ построеній пытаются перейти къ практическому осуществленію поставленнаго вопроса. Такими періодами являются средніе вѣка, эпоха расцвѣта алхиміи, и послѣднія десятилѣтія нашего времени.

Въ первомъ изъ этихъ періодовъ съ вопросомъ, имѣвшимъ до поры, до времени чисто научный, теоретическій интересъ, начали связываться чаянія и ожиданія разныхъ земныхъ благъ. Съ этимъ привкусомъ утилитарныхъ ожиданій, вопросъ о превращеніи эле-

ментовъ вышелъ далеко за предѣлы кабинетовъ ученыхъ и вызвалъ интересъ къ себѣ въ широкихъ слояхъ публики. Но въ этихъ же слояхъ публики самый вопросъ принялъ болѣе упрощенную форму. Научная, философская сторона вопроса отошла далеко на задній планъ. Блескъ золота, имѣющаго быть сфабрикованнымъ изъ менѣе цѣнныхъ металловъ, былъ слишкомъ ослѣпителенъ для взоровъ людей, чтобы не затмить собою все остальное въ вопросѣ о превращеніи элементовъ. Легкость наживы, чрезвычайная простота обогащенія съ помощью философскаго камня — вотъ какую форму принялъ вопросъ о превращеніи элементовъ среди широкой публики средневѣковья. Слухи о томъ, что такой-то алхимикъ овладѣлъ секретомъ дѣлать золото, распространялись съ быстротою молніи и на несчастнаго, указываемаго молвой, прежде всего обращались жадные взоры разныхъ коронованныхъ владѣтелей, королей, князей, герцоговъ, думавшихъ къ обычнымъ средствамъ своего обогащенія присоединить также и фабрикацію алхимическаго золота; при дворахъ владѣтельныхъ князей, особенно нѣмецкихъ, не рѣдкостью было встрѣтить государственную должность алхимика. Говорятъ, будто при раскассированіи штата придворныхъ служащихъ эксъ-султана Абдулъ-Гамида и эксъ-короля Португаліи Мануила были открыты такіе казенные алхимики.

Однако всѣ попытки и усилія алхимиковъ остались безуспѣшными. Дѣланіе золота потерпѣло полное фіаско. Съ XVII-го вѣка начинается реакція противъ всякихъ подобныхъ попытокъ; мечты алхимиковъ послѣ убійственной критики Роберта Бойля были похоронены и придавлены громаднымъ камнемъ злостныхъ насмѣшекъ. Наука быстро шествовала впередъ, поставивши мѣру и вѣсъ во главу угла всякаго научнаго изслѣдованія. Всякія попытки практически осуществить превращеніе химическихъ элементовъ были отброшены и даже самый вопросъ о таковомъ осуществленіи былъ осужденъ и не поднимался.

Но если ученые отвернулись отъ этого вопроса, то сами элементы напомнили объ немъ и, когда передъ взорами современныхъ ученыхъ открылась уже не возможность только, а несомнѣнная дѣйствительность, очевидный фактъ перехода элемента радія въ элементъ гелій, тогда самый вопросъ о превращеніи элементовъ опять занялъ подобающее ему мѣсто, а отъ ученыхъ перешелъ и въ публику, вновь окрасившись во всѣ цвѣта утилитарныхъ ожиданій. И въ настоящее время вы въ большой публикѣ можете услышать, что радій произвелъ громадный переворотъ въ нашихъ научныхъ воззрѣніяхъ; что радій возвращаетъ насъ опять къ временамъ давно минувшимъ, къ алхимикамъ; что онъ дастъ возможность осуществить то, о чемъ мечтали алхимики.

Люди вновь отправились на поиски за философскимъ камнемъ. Алхимики, особенно Роджеръ Бэконъ, объявлены великими учеными, чуть ли не предвидѣвшими своимъ прозорливымъ умомъ все то,

что мы наблюдаемъ теперь въ круксовыхъ трубкахъ и препаратахъ радіоактивныхъ веществъ. Словомъ, на долю современной науки оставляется лишь практическое осуществленіе того, что было теоретически разработано алхимиками и что послѣдніе не осуществили лишь за отсутствіемъ подходящихъ научныхъ средствъ. Вопросъ о превращеніи элементовъ лишній разъ подтвердилъ-де справедливость словъ Экклезіаста, что нѣтъ ничего новаго подъ луной, что современныя поколѣнія лишь повторяютъ то, что было когда-то прежде.

И однако, если только сравнить современную теорію превращенія химическихъ элементовъ съ измышленіями алхимиковъ, современную постановку вопроса о практическомъ осуществленіи превращенія съ опытами алхимиковъ, то сразу же отпадетъ всякая мысль о какомъ бы то ни было осуществленіи мечтаній алхимиковъ. Мы не найдемъ въ современной точной наукѣ ничего похожаго на то, чѣмъ пробавлялись алхимики. Въ современной точной наукѣ мы не найдемъ никакого поощренія къ поискамъ философскаго камня. Наоборотъ, мечты алхимиковъ похоронены навсегда и никогда имъ не воскреснуть, развѣ только вся современная наука будетъ забыта послѣдующими поколѣніями и вся культура нашихъ дней будетъ уничтожена какой-нибудь страшной міровой катастрофой, послѣ которой остатки человѣчества начнутъ жизнь со стадіи каменнаго вѣка. Въ современномъ рѣшеніи вопроса о превращеніи химическихъ элементовъ и въ таковомъ же рѣшеніи алхимиковъ общее лишь названіе „превращеніе элементовъ“ и, кромѣ этого словеснаго сходства, общаго больше абсолютно ничего нѣтъ. Самыя понятія, которыя обозначаются названіями „превращеніе“ и „элементъ“, въ корнѣ различны у современныхъ химиковъ и средневѣковыхъ алхимиковъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, которое такъ обычно въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Мы употребляемъ слова, названія, которыя употребляли наши прадѣды, но содержаніе, вкладываемое нами въ эти прадѣдовскія слова, рѣзко разнится или даже ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ содержаніемъ, для котораго прадѣды изобрѣли слово. Наши понятія, наши знанія значительно быстрѣе развиваются, чѣмъ нашъ языкъ.

II.

Въ старое время черта между добромъ и зломъ въ представленіи человѣка была проведена до крайности рѣзко. Добро и зло— это два міра, абсолютно противоположные, непримиримые, вѣчно враждующіе, и человѣкъ является центромъ этой непрекращающейся борьбы. Вся природа, всѣ ея звуки, всѣ ея явленія говорили о невидимомъ присутствіи невидимыхъ воиновъ враждующихъ лагерей. Каждый шагъ человѣка, каждое его движеніе не упускалось изъ виду враждующими сторонами. Все, что ни случилось бы въ

жизни человѣка, обязано было своимъ существованіемъ этимъ невидимымъ силамъ.

Но и эти невидимыя силы не были абсолютно свободными. Они подчинялись другой силѣ, высшей, таинственной силѣ природы. Обладаніе послѣдней силой дѣлало бы возможнымъ заставить служить себѣ на пользу тѣхъ, которые прежде причиняли лишь бѣдствія и несчастія.

Эти представленія создавали почву, благопріятную для развитія всякаго рода таинственныхъ магическихъ наукъ. И алхимія была одною изъ такихъ наукъ. Въ магическихъ наукахъ самымъ характернымъ является несоотвѣтствіе между причиною и слѣдствіемъ. Чѣмъ меньше такого соотвѣтствія, тѣмъ явленіе съ точки зрѣнія магіи цѣннѣе, болѣе заслуживаетъ вниманія и болѣе привлекательно. Взмахъ магической палочкой, и совершенное преобразованіе всей окружающей картины. Взмахъ въ обратную сторону, и возобновленіе прежняго ландшафта. Поворотъ волшебнаго перстня, и обладатель его превращается въ какое-либо животное или птицу; поворотъ обратно, и обладатель перстня принимаетъ снова человѣческій обликъ. Иногда только извѣстное слово, произнесенное на извѣстный манеръ, и удивительные результаты.

Но это несоотвѣтствіе въ матеріальномъ отношеніи замѣщается другимъ соотвѣтствіемъ. Въ волшебныхъ вещахъ и словахъ заключена таинственная сила, подчиняться которой безусловно обязано все, разъ эта сила вызвана къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Этотъ элементъ чудесности, страшной таинственной силы, которою однако можно обладать, заключивши ее въ подходящій предметъ, можно даже спрятать въ карманъ, составляетъ суть магіи и всѣхъ магическихъ наукъ. Подобный взглядъ на вещи кладетъ свой отпечатокъ на всю жизнь человѣка, на самый способъ его мышленія. Этотъ фонъ магіи мы и должны всегда имѣть въ виду, когда говоримъ объ алхимикахъ. Конечно, алхимикъ могъ не думать ни о какихъ нечистыхъ силахъ, но самую суть магіи, несоотвѣтствіе между причиною и слѣдствіемъ и вѣру въ невѣдомую страшную таинственную силу мы всегда найдемъ во взглядахъ алхимиковъ. Посмотримъ теперь, какіе узоры вывели алхимики на этомъ основномъ фонѣ.

Взгляды разныхъ алхимиковъ на строеніе матеріи и превращеніе элементовъ не совпадаютъ другъ съ другомъ. Но, не совпадая въ подробностяхъ, по основнымъ чертамъ они вообще сходны. Средніе вѣка, какъ извѣстно, въ своихъ философскихъ построеніяхъ руководствовались главнымъ образомъ сочиненіями Аристотеля, не совсѣмъ, нужно сказать, правильно переведеннаго и вѣрно понятаго. По взгляду Аристотеля, всѣ свойства вещей могутъ быть объяснены различными сочетаніями четырехъ элементовъ: воздуха, воды, земли и огня. Если такое-то тѣло является нашимъ внѣшнимъ чувствамъ съ такими-то свойствами, качествами, то это въ

силу того, что въ немъ соединено столько-то воды, столько-то земли столько-то огня. Въ другомъ тѣлѣ, отличномъ отъ перваго, воды побольше, земли поменьше, а то даже отсутствуетъ какой-либо элементъ или два, и пр. Впослѣдствіи Аристотель прибавилъ къ четыремъ указаннымъ элементамъ еще пятый „сущность“ (οὐσία).

Эта-то сущность алхимиками была поставлена въ основаніе всѣхъ вещей. Четыре элемента: воздухъ, вода, огонь и земля, являлись уже свойствами, акциденціями сущности. „Тебѣ нужно доказательство“,—говорится въ одномъ средневѣковомъ учебникѣ по астрономіи—„что всѣ четыре элемента соединены въ какой-нибудь вещи, изволь. Возьми, напр., вотъ хоть палку. Зажги ее, и ты увидишь огонь, воздухъ, выходящій изъ нея (дымъ), на палкѣ появляется вода, а по сожженіи остается земля (зола). И такъ во всѣхъ вещахъ, но не во всѣхъ вещахъ мы можемъ обнаружить такъ легко присутствіе всѣхъ четырехъ элементовъ“.

Различныя сочетанія этихъ четырехъ элементовъ давали начало различнымъ большимъ классамъ вещей видимаго міра. Однако все видимое разнообразіе вещей не поддавалось объясненію однимъ только комбинированіемъ четырехъ элементовъ и тогда алхимики ввели еще такъ называемые „принципы“: соль, сѣра и ртуть. Вещи, обладающія одинаковыми элементами, могли разниться по своимъ принципамъ. Слѣдовательно, чтобы добраться до сущности вещей, мы должны сперва удалить принципы, а потомъ элементы.

Самыя понятія объ элементахъ и принципахъ не отличаются въ произведеніяхъ алхимиковъ ясностью и опредѣленностью. Уже самая атмосфера мистичности, таинственности накладывала свой сильный отпечатокъ на философскія разсужденія. Потомъ и другія обстоятельства заставляли алхимиковъ выражаться какъ можно туманнѣе и непонятнѣе, чтобы, напр., не всякій могъ проникнуть въ тайную, священную науку, а только посвященный, избранный.

Однако послушаемъ самихъ алхимиковъ, что это такое за элементы и принципы вещей.

Вотъ, напр., какъ опредѣляетъ элементы знаменитый алхимикъ Василій Валентинусъ, наиболѣе ясно выражающійся:

„Земля“—въ этомъ элементѣ три другіе и главнымъ образомъ „огонь“ скрыты. Она тверда и пориста, въ тѣлахъ она тяжела, но въ свободномъ состояніи легка. Она содержитъ въ себѣ всѣ тѣ свойства, какія содержатся и въ элементахъ, заключенныхъ въ „землѣ“; она скрываетъ изъ этихъ свойствъ то, что должно быть скрыто, и обнаруживаетъ то, что должно быть обнаружено. По виду она видима и тверда, но въ дѣйствительности невидима и летуча“.

Объ элементѣ „вода“ Василій Валентинусъ говоритъ: „По виду она летуча, но въ дѣйствительности тверда, холодна и влажна... Она растворитель міра и существуетъ въ трехъ степеняхъ совершенства: чистая, болѣе чистая и чистѣйшая. Изъ

чистѣйшей воды сотворены небеса; изъ той, которая менѣе чиста, атмосферный воздухъ; а которая просто чиста, остается здѣсь во всѣхъ тонкихъ веществахъ“.

Объ элементѣ „воздухъ“ мы узнаемъ слѣдующее: „Воздухъ“ болѣе благородный элементъ. Онъ летучъ, но можетъ быть твердымъ. Онъ болѣе благороденъ, чѣмъ земля и вода. Онъ питаетъ оплодотворяетъ, сохраняетъ другіе элементы“.

И наконецъ объ элементѣ „огонь“ Василій Валентинусъ повѣствуетъ: „Огонь“ чистѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ элементовъ; онъ проницаемъ, сухъ, видимъ, умѣряется и скрывается землею; этотъ элементъ наиболѣе пассивенъ изъ всѣхъ и похожъ на телѣгу: когда ее везутъ, она двигается; когда не везутъ, стоитъ спокойно“.

При этомъ алхимики обращаютъ вниманіе на то, что земля, воздухъ, огонь и вода, какъ элементы, совсѣмъ не тѣ земля, воздухъ, огонь и вода, какіе мы видимъ вокругъ себя, что это только названія, имена элементовъ. Обыкновенная вода, конечно, содержитъ въ себѣ болѣе всего элемента „воды“, но не есть чистый элементъ „вода“; то же самое должно сказать и по отношенію къ другимъ стихіямъ.

Изъ элементовъ, по словамъ того же Валентинуса, образовались три „принципа“: сѣра, соль и ртуть. Воздухъ, дѣйствуя на воду, произвелъ ртуть; огонь, дѣйствуя на воздухъ, произвелъ сѣру; и вода, дѣйствуя на землю, произвела соль.

Къ этимъ принципамъ примѣнимо также то, что было сказано объ элементахъ. Соль, сѣра, ртуть это не тѣ соль, сѣра, ртуть, которыя мы обыкновенно видимъ, а особыя, отличныя отъ послѣднихъ. И очень часто для такого отличія у алхимиковъ можно встрѣтить выраженія „сѣра мудрецовъ“, „ртуть философовъ“ и пр. Эти принципы обозначаютъ извѣстныя свойства вещей. Соль означаетъ устойчивость въ огнѣ, сѣра—горючесть и цвѣтъ, а ртуть—летучесть и металлическій блескъ.

Эти принципы уже мыслятся, какъ основаніе тѣлесныхъ, матеріальныхъ формъ вещей. Различію въ количествѣ того или иного принципа отвѣчаетъ различіе въ матеріальныхъ свойствахъ вещей.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ схема философскаго построенія алхимиковъ.

Обратимся теперь къ ихъ взгляду на превращеніе металловъ. Наблюдая окружающія явленія, алхимикъ поражался особенно явленіемъ роста и измѣненія растеній и животныхъ. По мысли алхимика, подобное мы должны наблюдать и въ царствѣ металловъ и минераловъ. Послѣдніе также ростутъ, измѣняются, развиваются. Вѣдь природа едина и, слѣдовательно, должно быть единство во всемъ разнообразіи, какое мы наблюдаемъ. Когда зерно падаетъ въ землю, оно умираетъ, но эта смерть есть первая ступень къ

новой жизни; смерть зерна—это измѣненіе въ живое растеніе. То же самое должно быть и съ другими вещами въ природѣ. Минералы и металлы только кажутся мертвыми, когда они похоронены въ землѣ, а въ дѣйствительности это ростъ, измѣненіе, усовершенствованіе. Совершенствованіе зерна состоитъ въ растеніи, въ чемъ же заключается усовершенствованіе металла? Самый совершенный металлъ, очевидно, золото, слѣдовательно, всѣ металлы стремятся стать золотомъ.

Далѣе, душа и разумъ въ человѣкѣ обременены его тѣломъ. Если духовная часть становится господствующей, то тѣло должно умерщвляться. Точно также, если матеріальная форма индивидуальнаго металла будетъ умерщвлена, металлъ перейдетъ на высшую ступень совершенства. Итакъ, первое дѣло, которое надлежитъ сдѣлать, это освободить металлъ отъ тѣхъ его свойствъ, которыя являются для нашихъ внѣшнихъ чувствъ.

Алхимику казалось, что умерщвленіе, уничтоженіе тѣлесной формы металловъ происходитъ на его глазахъ, но ему не удается лишь уловить въ свои руки душу металла. Когда алхимикъ бралъ какой-нибудь металлъ и опускалъ его въ соотвѣтствующую кислоту, то металлъ, какъ таковой, исчезалъ, растворялся. Прежнія тѣлесныя формы металла исчезли, тѣло металла убито, а между тѣмъ алхимику было извѣстно, что металлъ все-таки находится здѣсь въ кислотѣ и соотвѣтствующими процессами опять можетъ быть полученъ изъ нея. Иногда металлъ, невидимо присутствуя, давалъ кислотѣ особую окраску, вообще же говоря, измѣнялъ свойства кислоты. Задача была въ томъ, какъ вызволить изъ кислоты эту душу металла такимъ образомъ, чтобы она не облеклась въ то же время опять въ тѣлесныя формы металла.

Переходъ отъ несовершенства къ совершенству не легокъ. Труднѣе быть добродѣтельнымъ, чѣмъ порочнымъ. Добродѣтель естественно не приходитъ къ человѣку. Она должна быть получена болѣе высокой жизнью и при помощи милости Божіей. Сообразно этому и обработать менѣе чистые металлы въ золото, поднять металлы съ менѣе совершенной ступени на болѣе высокую не легко.

Но обладаніе душою металла, еслибы таковое даже удалось, не является еще конечной цѣлью алхиміи. Обладаніе душою металла означаетъ только силу превращать одинъ металлъ въ другой, подобный ему, родственный ему: это недостаточно для великаго превращенія, которое приводитъ всѣ металлы къ одному совершенному металлу—золоту.

Душа металла, слѣдовательно, тоже должна быть удалена, чтобы получить разумъ, сущность, зерно металловъ.

Металлы, разумѣется, должны имѣть зерно. Было бы прямо абсурдно, еслибы они его не имѣли. Какія преимущества имѣютъ растенія надъ металлами, чтобы Богъ однимъ далъ зерно, а дру-

гихъ лишилъ его? Или металлы не въ такомъ же благоволеніи Бога, какъ растенія?

у Разъ металлы обладаютъ зерномъ, то, очевидно, какъ заставить это зерно дѣйствовать. Зерно растенія, прежде чѣмъ дать новую жизнь, разрушается въ землѣ, умираетъ, о чемъ свидѣтельствуетъ такой авторитетъ, какъ ап. Павелъ: „не оживетъ,—говоритъ онъ,—аще не умретъ". Значитъ, и зерно металовъ должно быть разрушено. Въ болѣе чистомъ видѣ зерно металловъ, конечно, обрѣтается въ обыкновенномъ золотѣ. Мы должны разрушить, убить золото. Золото, конечно, не легко разстанется съ своей природой и будетъ бороться за свою жизнь, но нашъ реактивъ долженъ быть достаточно сильнымъ, чтобы побѣдить сопротивленіе золота, убить его и этимъ дать ему силу воспрянуть къ новой, болѣе совершенной жизни.

Чтобы понять все это, мы опять должны помнить, что золото алхимиковъ не есть обыкновенное золото. Правда, обыкновенное золото ближе всего стоитъ къ алхимическому, но послѣднее выше, чище, совершеннѣе.

Алхимикъ являлся какъ бы докторомъ, какъ бы моралистомъ для металловъ, направляя ихъ по стезѣ добродѣтели и усовершенствованія. Природа производитъ это же усовершенствованіе, но только чрезвычайно медленно. И путь, которымъ она слѣдуетъ въ этомъ усовершенствованіи, очевиденъ. Сначала смерть, потомъ лучшая жизнь. Такимъ путемъ долженъ идти и алхимикъ, и на этомъ пути онъ найдетъ сперва душу, а потомъ разумъ, зерно металловъ. Тѣло, тѣлесная форма металла только мѣшаютъ усовершенствованію, и тѣло это ничего цѣннаго не представляетъ.

„Необходимо, говоритъ алхимикъ Стефанъ Александрійскій, освободить матерію отъ ея свойствъ, качествъ, чтобы обнаружить ея душу . . . душа наиболѣе тонкая часть, она духовна. Тѣло вѣсомая, матеріальная, земная вещь, надѣленная тѣнью . . . Мѣдь подобна человѣку; она имѣетъ тѣло и душу. Послѣ ряда подходящихъ обработокъ мѣдь становится безъ тѣни и лучше обыкновеннаго золота".

Или Парацельсій, алхимикъ XVI вѣка, пишетъ: „Ничего цѣннаго не заложено въ тѣлѣ вещества, но въ душѣ его . . . чѣмъ меньше тѣла, тѣмъ больше пропорціонально духа".

Душа и разумъ металловъ не являются чѣмъ-то матеріальнымъ. Душа соткана изъ различныхъ сочетаній принциповъ, а разумъ изъ сочетанія элементовъ. Обладаніе разумомъ металловъ дало бы силу убивать тѣло и душу другихъ металловъ и такимъ образомъ совершенствовать ихъ, т. е. превращать въ золото. Имена, которыя давались этому разуму металловъ, этому мистическому нѣчто, весьма разнообразны: единая вещь, сущность, философскій камень, камень мудрости, небесный бальзамъ, божественная вода,

карбункулъ солнца, древній драконъ, левъ, василискъ, фениксъ, панацея и др.

Сущность исканія алхимиковъ состояла въ томъ, чтобы найти и заключить въ подходящій предметъ сперва душу, а потомъ разумъ металловъ. Однако никто не претендовалъ сдѣлать этотъ разумъ. Алхимики не претендовали создавать золото, а только производить, *высвобождать его* изъ другихъ вещей.

Когда алхимики переходили къ описанію этого разума металловъ, этого философскаго камня, фантазія ихъ не имѣла границъ.

Роджеръ Бэконъ, напр., не задумался сказать, что философскій камень былъ бы способенъ превратить въ золото болѣе чѣмъ въ милліонъ разъ своего вѣса (millies millia et ultra).

Раймундъ Луллусъ, этотъ doctor illuminatissimus среднихъ вѣковъ, говоритъ: „Mare tingerem, si mercurius esset", т. е. еслибы море было изъ ртути, онъ превратилъ бы его въ золото съ помощью философскаго камня.

А въ своемъ трактатѣ Testamentum Novissimum этотъ же Луллусъ такъ изображаетъ чудесную силу философскаго камня: „Возьми этого драгоцѣннаго вещества маленькій кусочекъ не больше булавочной головки. Прикоснись имъ къ 1.000 унцій ртути и послѣдняя моментально превратится въ красный порошокъ (алхимическое золото). Положи одну унцію послѣдняго порошка на новыя 1.000 унцій ртути, и послѣдняя опять превратится въ красный порошокъ. Изъ этого послѣдняго порошка возьми одну унцію и коснись ею 1.000 унцій новой ртути, послѣдняя цѣликомъ превратится въ красный порошокъ. Изъ послѣдняго опять возьми одну унцію и положи ее на новыя 1.000 унцій ртути, и послѣдняя превратится въ красный порошокъ. Изъ послѣдняго опять возьми одну унцію и прикоснись къ новымъ 1.000 унцій ртути и все это превратится въ золото, которое неизмѣримо лучше и чище, чѣмъ золото, добываемое изъ рудниковъ".

Кромѣ силы превращенія, какою обладаетъ философскій камень, алхимики сообщаютъ намъ и объ нѣкоторыхъ свойствахъ его. Напр., алхимикъ Филалетъ пишетъ о философскомъ камнѣ: „Философскій камень есть небесное, духовное, всепроницающее и твердое вещество, которое приводитъ всѣ металлы къ совершенству золота и серебра. Знаю, что онъ называется камнемъ, но не потому, что онъ подобенъ камню, а только въ силу свойствъ его твердости; онъ противостоитъ дѣйствію огня, какъ камень. Въ частности, это болѣе чистое, чѣмъ наичистѣйшее золото. Онъ твердъ и не горючъ, какъ камень, но видъ имѣетъ тонкаго порошка, неосязаемаго при соприкосновеніи, сладкаго на вкусъ, пріятно пахнущаго для обонянія; чрезвычайно способенъ проникать вещи. Если мы скажемъ, что природа его духовна, это не будетъ неправдой и, если мы опишемъ его, какъ тѣлесное, это будетъ равно правильно".

Но мечты алхимиковъ не остановились на одномъ легкомъ

дѣланіи золота. Нѣкоторые изъ алхимиковъ считали, что философскій камень обладалъ чудесной силой превращать всѣ бѣдствія и несчастія людского рода въ радости и счастье; стариковъ превращать въ цвѣтущихъ юношей; продлить жизнь человѣческую свыше 400 лѣтъ. Долголѣтняя жизнь ветхозавѣтныхъ патріарховъ объяснялась тѣмъ, что они обладали философскимъ камнемъ. Наконецъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ думали что съ помощью философскаго камня можно создать живое существо.

Наша картина была бы неполной, еслибы мы упустили случай войти въ лабораторію алхимика и посмотрѣть его за трудной работой по полученію философскаго камня. А такой случай есть. У Михаила Сандивогіуса, знаменитаго алхимика, сохранился слѣдующій разсказъ:

Въ одно прекрасное утро много алхимиковъ сошлось на лугу и совѣщались они, какъ лучше всего приготовить философскій камень... Нѣкоторые изъ нихъ были убѣждены, что лучше всего это сдѣлать изъ ртути; другіе говорили, что изъ сѣры, третьи предлагали еще что-нибудь. Когда споръ достигъ уже высшей точки, вдругъ поднялась сильная буря и разметала алхимиковъ по разнымъ странамъ міра; и не пришли алхимики ни къ какому соглашенію, а стали искать философскій камень каждый своимъ прежнимъ путемъ... Одинъ изъ алхимиковъ пришелъ къ заключенію, что изъ ртути легче всего получить философскій камень. Добылъ алхимикъ ртути и началъ работать съ ней. Положилъ онъ ее въ стеклянный сосудъ и поставилъ надъ огнемъ, а самъ ушелъ. Ртуть испарилась. Не зная объ этомъ, алхимикъ побилъ свою жену, говоря, что, кромѣ нея, никто не входилъ въ его лабораторію и что, кромѣ нея, никто не могъ взять ртуть. Со слезами на глазахъ женщина отрицала свою виновность. Алхимикъ опять положилъ ртуть въ сосудъ, помѣстилъ надъ огнемъ и сталъ наблюдать. Ртуть поднялась до краевъ сосуда, какъ паръ. Алхимикъ преисполнился радости; онъ помнилъ, что первичное вещество описывается мудрецами какъ летучее, и подумалъ, что теперь-то онъ напалъ на истинный путь. Алхимикъ тогда началъ подвергать ртуть разнымъ химическимъ процессамъ, возгонять, окислять съ разными веществами, соединять съ солями, съ сѣрой, металлами, минералами, кровью, волосами, царской водкой, водой, мочей и уксусомъ. Все, что онъ могъ придумать, онъ продѣлывалъ съ ртутью, но безъ желаемаго результата. Обезсиленный алхимикъ заснулъ, и вотъ во снѣ онъ видитъ, что ртуть заговорила, спрашивая его, почему онъ ее мучаетъ такъ много. Алхимикъ объяснилъ. Ртуть засмѣялась. Тогда алхимикъ опять началъ мучить ртуть, накаливая ее съ разными страшными вещами. Въ концѣ концовъ ртуть обратилась съ жалобой къ Природѣ. Природа обругала алхимика невѣждой и закончила свою рѣчь такъ:

„Наилучшая вещь, которую ты можешь сдѣлать, это отдать себя въ руки королевскихъ офицеровъ, которые быстро положатъ конецъ и тебѣ, и всей твоей философіи“.

III.

Съ высотъ философіи, основанной на божественныхъ авторитетахъ, мы спускаемся теперь къ точной наукѣ, основанной на вѣсахъ и аршинѣ; отъ благоговѣйнаго вопрошанія Природы въ поэтическихъ сновидѣніяхъ мы переходимъ къ дерзкому допросу ея наяву, допросу, чинимому путемъ остроумно скомбинированныхъ опытовъ; отъ исторіи героическихъ усилій сразу осчастливить человѣчество путемъ открытія философскаго камня мы переходимъ къ исторіи мелкихъ, кропотливыхъ изысканій, измѣреній, вычисленій, ведущихъ лишь медленно, но вѣрно, къ дѣйствительному поднятію матеріальнаго благосостоянія человѣчества.

Но и въ такой прозаической атмосферѣ постановка вопроса о строеніи матеріи, о первоосновѣ вещества и о превращеніи элементовъ не только не потеряла своего широко обобщающаго характера, а, наоборотъ, обобщеніе въ настоящее время доведено до такой степени, что пока даже трудно представить себѣ дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи. Мыслители физики и химики въ настоящее время считаютъ возможнымъ допускать не только единое начало, одну первооснову матеріи, вещества, но также общее начало матеріи и энергіи. Мало этого. Матерія и энергія это для насъ, для нашихъ научныхъ инструментовъ, *нѣчто*. Среда, въ которой происходятъ всѣ явленія, эфиръ для насъ представляетъ изъ себя *ничто*. Никакими инструментами невозможно открыть, обнаружить этотъ эфиръ. Заключаютъ объ его существованіи лишь косвенно на основаніи свѣтовыхъ и электромагнитныхъ явленій. А Эйнштейнъ, напр., признаетъ эфиръ за ничто въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова, т. е. вообще отрицаетъ существованіе эфира. Но хотя это ученіе имѣетъ за собою много данныхъ и по всѣмъ видимостямъ въ будущемъ станетъ господствующимъ, въ настоящее время оно не является пока общепризнаннымъ. Общепризнаннымъ является пока ученіе, въ которомъ эфиръ играетъ значительную роль. Но эфиръ по отсутствію средствъ обнаруженія его существованія для нашихъ органовъ воспріятія ничто. И вотъ нѣкоторые физики считаютъ возможнымъ допустить единое начало, единую основу для *нѣчто* и *ничто*.

Для насъ въ настоящее время важенъ лишь одинъ видъ нѣчто, именно матерія, вещество, а затѣмъ превращеніе химическихъ элементовъ.

Въ 1661 году Робертъ Бойль, знаменитый физикъ и химикъ, самъ прежде бывшій алхимикомъ, опубликовалъ трактатъ подъ названіемъ „Chemista Scepticus“, гдѣ подвергъ рѣзкой критикѣ

взгляды алхимиковъ на элементы и на превращеніе металловъ. Этимъ былъ начатъ походъ противъ алхимиковъ, положившій конецъ алхимической философіи, хотя и не такъ быстро, какъ это, по мнѣнію Природы, явившейся во снѣ алхимику, могли бы сдѣлать королевскіе офицеры.

По мнѣнію Бойля, всѣ вещества состоятъ изъ нѣкотораго опредѣленнаго количества простыхъ неразлагаемыхъ далѣе веществъ—элементовъ. Изъ сочетанія этого сравнительно небольшого числа формъ матеріи, элементовъ строится все разнообразіе сложныхъ веществъ. Открытіе и изученіе законовъ, слѣдуя которымъ элементы образуютъ сложныя вещества, привело, съ одной стороны, къ установленію закона сохраненія матеріи, а, съ другой, къ такъ называемому атомистическому ученію, по которому матерія состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, атомовъ. Эти атомы при всѣхъ химическихъ реакціяхъ соединенія, разложенія, обмѣннаго перемѣщенія не дѣлятся, а цѣликомъ переходятъ отъ соединенія къ соединенію. Лишь въ этомъ смыслѣ атомы недѣлимы.

Если же взять атомъ элемента внѣ химическихъ реакцій самъ по себѣ, то по современному ученію онъ не только дѣлимъ, но является страшно сложнымъ тѣломъ. Составной частью атома является электронъ. Послѣдній представляетъ собою электрическій зарядъ, несоединенный съ матеріей. Электронъ это атомъ электричества. И очень многіе физики и химики въ настоящее время считаютъ уже возможнымъ допустить, что всѣ вещества построены исключительно изъ этихъ электрическихъ атомовъ. Большинство ученыхъ разсматриваютъ эти электроны, какъ общее начало вещества.

Инструменты, которыми пользуются въ настоящее время для открытія и зарегистрированія всѣхъ явленій, связанныхъ съ электронами, съ зарядами электричества, до поразительности тонки и чувствительны. Здѣсь въ вычисленіяхъ умопомрачающихъ скоростей электроновъ и заряженныхъ частицъ нѣтъ ничего гипотетическаго, основаннаго на догадкѣ. Не менѣе умопомрачающія малыя величины размѣровъ самихъ электроновъ также познаются путемъ чистаго опыта. Точность этихъ вычисленій близка къ математической. Проф. Дж. Томсонъ говоритъ, что несравненно легче открыть одинъ атомъ, заряженный электричествомъ, чѣмъ 10.000 незаряженныхъ. Но нужно отмѣтить, что, не смотря на все совершенство научныхъ инструментовъ, они все же годны лишь для цѣлей установленія присутствія заряда и его величины. Поэтому всѣ электроны для этихъ инструментовъ качественно одинаковы. Отсюда естественна мысль, что эти электроны суть единая первичная основа вещества.

По своему строенію атомъ элемента, состоящій изъ этихъ электроновъ, представляетъ собою нѣкоторое подобіе нашей солнечной системы. Вокругъ положительно заряженнаго ядра атома вра-

щаются съ необычайной быстротой отрицательные электроны. Какъ происходитъ это движеніе электроновъ въ атомѣ, въ одной ли плоскости или нѣтъ, по одному ли направленію или нѣтъ, по кругамъ ли или эллипсисамъ или какъ-нибудь иначе, вращается ли само ядро и пр.,—все это, конечно, пока лежитъ внѣ опыта и предоставлено всецѣло фантазіи каждаго. Опытно же установлено то, что атомъ вещества сложное тѣло и построено изъ качественно и количественно одинаковыхъ электроновъ.

Какъ же съ этой точки зрѣнія представляется превращеніе атома одного элемента въ атомъ другого? Пользуясь образной терминологіей алхимиковъ, мы сказали бы, что мы должны сперва убить атомъ, т. е. разрушить, разстроить систему движущихся опредѣленнымъ образомъ электроновъ, а потомъ привести ихъ въ другое по характеру движеніе. Другими словами, мы должны произвести внутриатомную перегруппировку электроновъ.

Здѣсь мы должны различать два процесса: переходъ одного элемента въ другой и превращеніе одного элемента въ другой. Превращеніе тотъ же переходъ, но происходящій всецѣло подъ контролемъ человѣка. Что касается перехода элементовъ другъ въ друга, то со времени открытія радіоактивныхъ веществъ этотъ фактъ стоитъ внѣ какого-либо сомнѣнія. Переходъ этотъ можетъ наблюдать всякій, кто въ состояніи имѣть препаратъ радіоактивнаго вещества. Радій, напр., переходитъ въ эманацію радія (нитонъ), послѣдняя переходитъ въ радій A, послѣдній въ свою очередь переходитъ въ радій B, этотъ опять переходитъ въ радій C, послѣдній въ радій D (радіосвинецъ), послѣдній въ радій E, послѣдній въ радій F (полоній, радіотеллуръ) и послѣдній переходитъ въ элементъ, который склонны считать за свинецъ. Всѣ эти промежуточныя формы суть химическіе элементы. Правда, изслѣдована хорошо изъ нихъ только эманація радія, нитонъ, какъ предложилъ называть ее Рамзей. Трудность изученія этихъ формъ лежитъ, напр., хотя бы въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ живутъ всего нѣсколько минутъ. Радій A живетъ всего 3 минуты. Его смерть даетъ начало радію B. Но переходы эти происходятъ совершенно произвольно, по непонятной причинѣ, и человѣкъ совершенно безсиленъ остановить или вызвать ихъ, или даже только уменьшить или увеличить ихъ интенсивность. По опредѣленію Кюри, одинъ граммъ радія при своемъ распадѣ постоянно выдѣляетъ 100 граммъ-калорій тепла въ часъ; это же означаетъ 876.000 калорій въ годъ. А такъ какъ радій живетъ около 2000 лѣтъ, то энергія, получаемая при распадѣ одного грамма радія, огромна. Однако такая огромная энергія, отпускаемая такими незначительными порціями, совершенно безполезна. Лебонъ очень остроумно сравнилъ этотъ случай съ полученіемъ въ наслѣдство огромнаго желѣзнаго сундука, наполненнаго деньгами, но запертаго хитрымъ замкомъ и снабженнаго особымъ механизмомъ, позволяющимъ выпадать изъ сундука

ежедневно по одному франку. Обладатель такого сундука не можетъ считать себя богачемъ.

Перейдемъ однако къ попыткамъ открыть этотъ сундукъ съ колоссальнымъ богатствомъ энергіи, произвести по произволу превращеніе элементовъ. По современной гипотезѣ вещества, такъ называемые электролиты [1]), при раствореніи въ водѣ расщепляются на части, такъ называемые іоны, заряженные электрически. Если въ наше вещество входитъ металлъ, то онъ составитъ одну изъ этихъ частей, которая заряжается положительно. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что металлъ, выдѣляясь изъ соединенія въ водѣ іона, теряетъ по крайней мѣрѣ одинъ отрицательный электронъ. Система электроновъ атома нашего металла въ силу потери электрона такимъ образомъ немного уже нарушена, ослаблена. Если теперь эту ослабленную систему подвергнуть бомбардировкѣ снарядовъ, летящихъ съ большой скоростью, то можно надѣяться разрушить нашъ металлъ основательно, настолько основательно, что изъ руинъ его мы получимъ новые элементы. Эта теорія была примѣнена на практикѣ сэромъ Уильямомъ Рамзеемъ.

Сэръ Уильямъ взялъ водный растворъ сѣрнокислой мѣди (мѣдный купоросъ). Сѣрнокислая мѣдь электролитъ. Въ водѣ она распадется на іоны. Одинъ іонъ явится въ видѣ заряженной положительно мѣди (Cu), а другой въ видѣ кислотнаго остатка (SO_4), заряженнаго отрицательно. Въ этомъ растворѣ сэръ Уильямъ растворилъ немного эманаціи радія. Эманація радія, переходя въ радій А, выбрасываетъ такъ называемыя α-частицы. Эти α-частицы представляютъ собою заряженные атомы гелія и выбрасываются эманаціей радія со скоростью $^1/_{10}$ скорости свѣта (скорость свѣта 300.000 километровъ въ секунду). Итакъ мѣдь въ опытѣ сэра Уильяма, уже ослабленная своимъ іоннымъ состояніемъ, должна подвергнуться бомбардировкѣ α-частицъ. И сэръ Уильямъ въ растворѣ дѣйствительно нашелъ новый элементъ литій. Не довѣряя себѣ, сэръ Уильямъ повторилъ опытъ въ сотрудничествѣ съ Александромъ Камерономъ и результатъ получился тотъ же. Въ 1906 г. міръ былъ оповѣщенъ объ этомъ и оповѣщеніе произвело, конечно, сенсацію. Опытъ однако требовалъ повѣрки со стороны другихъ изслѣдователей. Повѣрку взяла на себя г-жа Кюри и... никакого превращенія мѣди ни въ литій, ни въ какой-либо другой элементъ не нашла. Міръ повѣрилъ больше г-жѣ Кюри, но самъ сэръ Уильямъ остался въ твердомъ убѣжденіи, что имъ произведено превращеніе элементовъ. Въ своей книжкѣ Elements and Electrons [2]) сэръ Уильямъ, говоря объ этомъ опытѣ, замѣчаетъ по адресу г-жи Кюри,

---

[1]) Электролитами называются вещества, которыя, будучи растворены въ водѣ или другомъ растворителѣ, проводятъ электрическій токъ.

[2]) Книжка эта вышла въ октябрѣ 1912 года и выпускается на русскомъ языкѣ въ скоромъ времени, по крайней мѣрѣ, тремя солидными издательствами. *А. Р.*

что нужна очень большая опытность, чтобы открыть незначительныя количества вещества.

Другая попытка превращенія элементовъ носила почти алхимическій характеръ. Въ маѣ 1909 года въ Лондонѣ происходилъ VII международный съѣздъ по технической химіи. На этомъ съѣздѣ передъ лицомъ многихъ знаменитыхъ химиковъ выступилъ нѣкто г. Іовичичъ и прочелъ докладъ „О продуктахъ конденсаціи этилена и ацетилена подъ вліяніемъ тихаго электрическаго разряда". Подъ вліяніемъ тихаго электрическаго разряда въ отсутствіи воздуха этиленъ и ацетиленъ, по словамъ г. Іовичича, давали бѣлое твердое вещество, которое при анализѣ давало сумму процентнаго содержанія углерода и водорода (этиленъ и ацетиленъ состоятъ только изъ углерода и водорода) всегда меньше 100 на 20—25%. Отсюда Іовичичъ торжественно заявилъ, что здѣсь происходитъ превращеніе элементовъ. Легче всего, конечно, предположить, что анализы произведены невѣрно. При дискуссіи обнаружилось, что Іовичичъ, напр., газовъ, выходящихъ изъ трубки, для анализа не собиралъ и не изслѣдовалъ и пр. Словомъ, алхимикъ, да и только.

Наконецъ, мы переходимъ къ третьей и пока послѣдней попыткѣ превратить элементы другъ въ друга. 6 февраля нынѣшняго года имѣло мѣсто замѣчательное собраніе лондонскаго Химическаго Общества. На собраніи этомъ были прочтены доклады сэра Уильяма Рамзея о присутствіи гелія въ трубкахъ X-лучей и профессора Нормана Колли (Лондонскаго университета) и г-на Паттерсона (изъ Лидскаго университета). Когда Рамзею пришло время возвратить одолженный ему на время Вѣнской академіей наукъ радій, то сэръ Уильямъ сталъ искать другое вещество, съ которымъ можно было бы продолжать опыты. Въ этихъ поискахъ онъ между прочимъ напалъ на мысль изслѣдовать старыя трубки, служившія для производства X-лучей. И при всѣхъ своихъ анализахъ содержимаго этихъ трубокъ сэръ Уильямъ неизмѣнно находилъ гелій и немного неона. Чтобы объяснить присутствіе здѣсь этихъ газовъ, прежде совершенно отсутствовавшихъ въ трубкѣ, сэръ Уильямъ допускаетъ, что мы имѣемъ передъ глазами превращеніе элементовъ.

Проф. Колли и мистеръ Паттерсонъ читали докладъ о присутствіи неона въ водородѣ послѣ пропусканія электрическаго разряда чрезъ водородъ при низкихъ давленіяхъ. Опытъ совершенно аналогиченъ только что указанному опыту Рамзея. И здѣсь, и тамъ при весьма низкомъ давленіи въ сильно разрѣженной трубкѣ газъ подвергался бомбардировкѣ катодными лучами, состоящими изъ потока электроновъ, несущихся со скоростью $^1/_{10}$—$^1/_3$ скорости свѣта. Послѣ такой бомбардировки въ обоихъ случаяхъ былъ найденъ гелій и неонъ.

Проф. Колли началъ свои опыты по превращенію элементовъ съ плавиковаго шпата. При помощи электрическаго тока профессоръ старался разложить элементъ фторъ (фторъ входитъ въ со-

ставъ плавиковаго шпата). При этихъ-то опытахъ полученъ былъ элементъ гелій. Когда опытъ былъ повторенъ при помощи одного изъ точнѣйшихъ аппаратовъ сэра Уильяма Рамзея, то оказалось, что шпатъ даетъ также неонъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что тотъ же результатъ получается, если употреблять не плавиковый шпатъ, а хлористый кальцій, стеклянную вату и, наконецъ, если въ разрѣженной трубкѣ оставить лишь водородъ при низкомъ давленіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ послѣ пропусканія тока въ трубкѣ появляются неонъ и гелій.

Чтобы убѣдиться, что неонъ и гелій не проникли въ трубку изъ воздуха, профессоръ окружилъ трубку другой трубкой. Въ этой второй наружной трубкѣ были помѣщены послѣдовательно сперва воздухъ, потомъ неонъ, потомъ гелій, наконецъ внѣшняя трубка была сдѣлана вакуумомъ. И при всѣхъ этихъ опытахъ неонъ и гелій появлялись опять, но теперь уже не только во внутренней трубкѣ, но также и во внѣшней.

Впечатлѣніе на слушателей отъ докладовъ было огромное. Предсѣдатель заявилъ, что онъ едва переводилъ дыханіе, слушая сообщенія докладчиковъ. Больше всего ликовалъ Рамзей. На другой же день въ англійскихъ газетахъ появилось объ этомъ сообщеніе подъ самыми сногшибательными заглавіями. Это же сообщеніе можно было найти во многихъ русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, про американскія я уже не говорю. Но въ то время, какъ для корресподентовъ этихъ газетъ „Рамзей разложилъ водородъ", „отыскалъ философскій камень", „осуществилъ уже всѣ мечты алхимиковъ", „увѣнчалъ тысячелѣтнія усилія человѣчества" и пр. и пр., среди ученыхъ, спеціалистовъ по данному вопросу, сообщеніе было принято скептически. Такъ, извѣстный Фредерикъ Содди заявилъ: „Образованіе гелія и неона въ разрѣженныхъ трубкахъ подъ вліяніемъ катодныхъ лучей было замѣчено изслѣдователями раньше. Докладъ, опубликованный мною самимъ въ Proceedings of the Royal Society 1908 г. (стр. 94) устанавливаетъ, что источникъ того, что могло бы быть обозначено, какъ чудесное появленіе гелія въ вакуумъ трубкѣ, былъ прослѣженъ до способности алюминіевыхъ электродовъ поглощать этотъ газъ. Баронъ фонъ-Гиршъ изъ Мюнхена въ 1907 году пріѣзжалъ въ нашу лабораторію изслѣдовать замѣченное имъ явленіе, что при разрядѣ катодныхъ лучей въ вакуумъ трубкѣ образуется гелій. Но мы это опровергли" (The Westminster Gazette).

Проф. Дж. Томсонъ заявилъ, что онъ получилъ еще раньше тотъ же результатъ. При описанныхъ условіяхъ неонъ появлялся въ трубкѣ, когда послѣдняя была наполнена водородомъ, азотомъ, воздухомъ, газомъ хлористоводородной кислоты, смѣсью водорода и кислорода. Если пропускать электрическій токъ долгое время, то неона и гелія будетъ появляться все меньше и наконецъ совсѣмъ не будетъ появляться. Но стоитъ лишь перемѣнить электродъ,

какъ неонъ и гелій появляются въ изобиліи, затѣмъ ихъ опять становится меньше и потомъ они совсѣмъ перестаютъ появляться. Отсюда Томсонъ заключаетъ, что неонъ и гелій не являются въ результатѣ превращенія элементовъ, а просто были поглощены металломъ, изъ котораго дѣлается электродъ, и подъ вліяніемъ катодныхъ лучей газы эти освобождаются изъ катода. Газы вообще очень крѣпко удерживаются металлами и не могутъ быть изгнаны изъ нихъ даже сильнымъ нагрѣваніемъ. Дж. Томсонъ взялъ кусокъ свинца и кипятилъ его въ кварцевой трубкѣ въ вакуумѣ три или четыре часа, пока въ трубкѣ осталось не больше четверти первоначальнаго количества свинца. Перегнанный свинецъ не содержалъ никакихъ газовъ, а оставшаяся въ трубкѣ четверть при бомбардировкѣ ея электрическими искрами дала въ изобиліи гелій.

Но не такъ легко отказаться отъ чести быть увѣнчателемъ тысячелѣтнихъ усилій человѣчества, и вотъ проф. Колли и Паттерсонъ рѣшили доказать, что появленіе гелія и неона въ водородѣ не случайное, а связано причинною зависимостью. Для этой цѣли названные ученые сравнили спектры водорода, неона и гелія. По изслѣдованіи спектровъ оказалось, что они очень близки другъ къ другу. Въ случаѣ водорода и неона насчитывается 57 линій, которыя отличаются другъ отъ друга по положенію въ спектрѣ меньше чѣмъ на четверть Ангстрёмовой единицы (Ангстрёмова единица = 0.0000001 миллиметра). Если же взять разность линій до цѣлой Ангстрёмовой единицы, то такихъ почти совпадающихъ линій можно насчитать до 110. Въ случаѣ неона и гелія также есть рядъ линій, которыя почти совпадаютъ. Ясно, что такое совпаденіе не случайно и что этимъ обнаруживается родство неона и гелія съ водородомъ, а, значитъ, вполнѣ возможно происхожденіе первыхъ изъ послѣдняго.

Подобное заявленіе вызвало немного рѣзкую для ученаго отповѣдь со стороны спеціалиста по спектрамъ A. Fowler'а. Прежде всего онъ заявилъ, что во вторичномъ водородномъ спектрѣ находится болѣе 700 линій, въ то время, какъ у неона содержится болѣе 260. Со спектрами такой сложности нѣтъ ничего удивительнаго, если случится, что значительное число линій, принадлежащихъ обоимъ спектрамъ, приблизительно совпадутъ другъ съ другомъ. Но линіи считаются проф. Колли и Паттерсономъ совпадающими, если онѣ отстоятъ другъ отъ друга на одну Ангстрёмову единицу или на одну четверть ея. Господа Колли и Паттерсонъ, говоритъ Fowler, очевидно, не представляютъ себѣ дѣйствительную точность спектроскопическихъ таблицъ, которыя употребляются въ настоящее время при сравненіяхъ различныхъ спектровъ. Разница въ нѣсколько сотыхъ Ангстрёмовой единицы въ настоящее время считается достаточной, чтобы признать за спектрами различное происхожденіе. Если взять разницу въ 0.05 Ангстремовой

единицы, то мы найдемъ всего 6 линій, „общихъ“ между неономъ и водородомъ.

Послѣ такой отповѣди проф. Колли и Паттерсонъ опубликовали заявленіе, что они совершенно отказываются отъ мысли видѣть въ своихъ опытахъ какой-либо намекъ на превращеніе элементовъ.

Такъ кончилась эта послѣдняя пока попытка превратить элементы другъ въ друга. Подобныя неудачи однако не обезкураживаютъ ученыхъ. И тщательное изученіе фактовъ скоро ли, поздно ли, а приведетъ, если не къ осуществленію мечтаній алхимиковъ, то къ осуществленію мечтаній современныхъ ученыхъ о превращеніи химическихъ элементовъ.

А. Рождественскій.

---

* * *

Межъ поникающихъ левкоевъ
И заалѣвшихъ георгинъ,
Осенней тишью грусть удвоивъ,
Бредешь задумчиво одинъ.

На сердцѣ—лѣтъ гнетущій опытъ,
И равнодушенъ ты къ цвѣтамъ,
И вечеръ мягко день торопитъ
Къ далекимъ темнымъ берегамъ.

Но, проходя, совсѣмъ случайно,
Такъ глубоко вдругъ чуешь ты,
Какой нежданно-свѣтлой тайной
Въ твои глаза глядятъ цвѣты.

И ихъ алмазный тонкій шопотъ,—
Звучащій, можетъ быть, для насъ?—
Разноситъ пылью долгій опытъ—
И видишь міръ какъ въ первый разъ...

Тебя въ свой кругъ, въ родное лоно
Пріемлютъ мудрые цвѣты,—
И чуешь сладостно-бездонно,
Что значишь нѣчто здѣсь и ты!

С. Астровъ.

Человѣкъ съ прозвищами.

I.

Сперва его прозвали Нахманомъ-кривымъ.

Явился онъ на свѣтъ божій хотя и преждевременно, однако безъ всякихъ изъяновъ. Но на третьемъ году съ нимъ произошло несчастье. Былъ какой-то большой праздникъ, не то Пасхи, не то Кущей, и въ синагогѣ пѣлъ новый, только что пріѣхавшій канторъ. Наверху за низкой деревянной рѣшеткой среди многихъ женщинъ находилась и мать Нахмана, а онъ самъ сидѣлъ на ея колѣняхъ и острыми, черными глазенками прильнулъ къ деревяннымъ прутьямъ. Охали женщины, порой всхлипывали—и тогда на ихъ лицахъ бродила умиленная улыбка, а внизу шевелились сотни головъ, ярко горѣли свѣчи, и звонко заливался канторъ. Небольшая синагога преобразилась, стала праздничной. И мать Нахмана тоже заглядѣлась, а когда канторъ затянулъ какой-то тоскливый напѣвъ — она отвернулась въ сторону, вдругъ вспомнила покойнаго отца, недавнюю смерть матери, закрыла лицо руками и куда-то унеслась вмѣстѣ со своими горькими слезами.

Нахманъ почувствовалъ себя свободнымъ, одной ручонкой схватился за перекладину, попробовалъ подняться. Ему это удалось, остался онъ очень доволенъ, пустилъ легкій смѣшокъ, но запутался въ складкахъ материнскаго платья и присѣлъ, заболтавъ ногами. Потомъ снова поднялся, всталъ на ноги довольно твердо и потянулся за платкомъ. Какая-то сосѣдка матери нечаянно двинула рукой — и платокъ скатился. Платокъ былъ ярко-синій, и на немъ выступали голубые разводы, и вдругъ они пропали. Недоумѣвая, Нахманъ нагнулся посмотрѣть, куда пропали голубые разводы, и упалъ внизъ.

Мать успѣла только крикнуть:

— Ай!

А уже внизу въ корридорѣ возлѣ желѣзнаго умывальника нѣсколько евреевъ обтирали окровавленное личико грязнымъ длиннымъ полотенцемъ.

Мальчикъ выжилъ. Пролежалъ онъ недѣли три, а когда

всталъ—оказалось, что у него бокъ искривленъ и одно плечо выше другого.

Когда ему минуло шесть лѣтъ, его отдали въ хедеръ. И въ хедерѣ прозвали его Нахманомъ-кривымъ въ отличіе отъ другого Нахмана, сына рѣзника, у котораго все было въ порядкѣ.

— Маме,—прибѣжалъ онъ весь въ слезахъ изъ хедера,— маме, они называютъ меня кривымъ.

Одной ручонкой онъ поддерживалъ спадающіе штанишки, а другой тянулъ мать за платье и спрашивалъ:

— За что, маме?

— За что? Ой, дѣточка, чтобъ имъ пусто было! Ты не слушай ихъ, ой, горе мнѣ!

Весь день проревѣлъ Нахманъ, не ѣлъ, не пилъ; покраснѣли его глазенки и ни на мигъ не отходилъ онъ отъ матери, жался къ ней и только къ вечеру заснулъ и со сна хныкалъ, во снѣ разводилъ ручонками.

Когда мужъ пришелъ изъ лавки, мать подвела его къ кровати:

— Посмотри-ка только, что сдѣлали съ твоимъ сыномъ! Господи милостивый, что же мнѣ дѣлать?

— Въ чемъ дѣло? Говори же! — сердился мужъ, ничего не понимая.

Она кинулась на него, разъяренная, всплескивая руками:

— Ха, мнѣ это нравится: въ чемъ дѣло? У тебя гдѣ глаза? На спинѣ? Развѣ не видишь? Смотри, на кого онъ похожъ, смотри, какъ осунулся!

Съ трудомъ удалось мужу узнать, въ чемъ дѣло, и тогда онъ въ свою очередь накинулся на нее:

— А кто виноватъ? Я? Мальчишки? Мальчишки остаются мальчишками. Ты виновата. Надо было тогда, въ синагогѣ, смотрѣть. Гдѣ тогда были твои глаза!? Дитя не игрушка, теперь не исправишь. Что ты думаешь, бокъ это тѣсто, взяла и исправила? Молчи, молчи уже лучше.

И долго они ссорились, стоя возлѣ спящаго Нахмана. Поужинали молча. Куда-то ушелъ мужъ. Въ темной комнатѣ мать осталась одна. Присѣла она на кровать, въ темнотѣ бѣлѣло личико сына. Погладила она по его спутаннымъ волосамъ, разъ, другой, а потомъ вдругъ обхватила его и, прижимая къ себѣ худое и искривленное тѣльце, заголосила тоскливо:

— Нахмеле, дорогой, дитя мое несчастное! Ой Господи, своими руками погубила. Чтобъ онѣ отсохли, руки мои... Нахмеле дорогой!...

И, какъ тогда въ синагогѣ, облила лицо сына слезами. Нахманъ проснулся: крѣпко его сжали руки матери.

Попробовалъ онъ освободиться отъ тисковъ, но не смогъ, поворачивалъ голову во всѣ стороны, то открывалъ, то закрывалъ ротъ, словно воробей, сшибленный камнемъ, а потомъ уперся кулачонками въ грудь матери и захныкалъ, напуганный темнотой, плачемъ матери и непонятными для него словами. Еще крѣпче прижала его къ себѣ мать:

— Плачь, Нахмеле, плачь, радость моя, сокровище мое!

Долго сидѣла она и плакала, пока не пришелъ мужъ. Еще у дверей мужъ услышалъ ея причитанія; освѣтивъ комнату, выхватилъ у нея ребенка, уложилъ его, успокоилъ, а женѣ крикнулъ отрывисто:

— Иди спать! Чего ты хочешь отъ ребенка? Напугала его. Что это такое? Всѣ люди спятъ, а ты за свои глупости принялась?..

Слова мужа перевернули всю ея душу.

...Господи, она тутъ кается, покою не можетъ найти себѣ, глядя на калѣку сына, проклинаетъ тотъ часъ, когда въ синагогу пошла, изнываетъ отъ слезъ, а для него все это глупости!

И, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, она дернулась всѣмъ тѣломъ, подскочила къ мужу и закричала:

— На, пей мою кровь! На!

Колотила себя въ грудь, рвала кофту, а потомъ внезапно присмирѣла, затихла и уткнулась лицомъ въ подушку. И все это видѣлъ Нахманъ. Когда мать стала рвать на себѣ кофту, онъ потянулся къ ней и завизжалъ. Ночью спалъ онъ тревожно, часто просыпался и дрожалъ, но, чувствуя теплоту материнскаго тѣла, успокаивался и вновь засыпалъ.

Утромъ мать сама повела его въ хедеръ. Громко читали мальчишки, гнусавилъ старый ребе, зорко поглядывая подслѣповатыми глазами. Мать посидѣла недолго и ушла и, уходя, вызвала ребе на минутку въ корридоръ. Оставшись одни, мальчишки забуянили, и одинъ изъ нихъ дернулъ Нахмана за рубашонку и радостно заоралъ:

— Нахманъ-кривой!

За нимъ другой, третій. Нахманъ прижался къ печкѣ, дернулъ больнымъ плечомъ, какъ бы отгоняя что-то навязчивое, и раздумчиво произнесъ:

— А я не кривой.

— Кривой, кривой!—прыгали мальчуганы, и въ воздухѣ мелькали голыя пятки.

— Я не кривой! — упорно повторилъ Нахманъ и насупился...

Мимо окна мелькнулъ платокъ матери: мать уходила и мимоходомъ заглянула въ окно и позвала:

— Нахманъ!

Но сынъ не слышалъ: громко орали ребята:

— Кривой, кривой!

Мать отдѣлилась отъ окна, забѣжала обратно въ домъ. Въ это время кто-то изъ ребятъ пребольно ударилъ Нахмана по плечу. Нахманъ взвизгнулъ, отошелъ отъ печки и вдругъ рванулъ рубашонку на груди и пронзительно закричалъ:

— На, пей мою кровь!

Перепуганные ребята бросились къ дверямъ, на порогѣ налетѣли на мать Нахмана.

— Злодѣи,—кричала она, ловя ребятъ.—Злодѣи, чтобы у васъ глаза вылѣзли на лобъ, что вы дѣлаете?

Ребята увертывались, а въ серединѣ комнаты, закативъ глаза, мотая спутанными, давно нечесанными кудряшками, Нахманъ кричалъ, надрываясь:

— На, пей мою кровь!

И трясся всѣмъ тѣломъ, захлебываясь отъ собственнаго крика.

Такими словами началось сознательное существованіе Нахмана, первое его серьезное вступленіе въ жизнь. Обида была скоро позабыта, за нею пришли другія и тоже въ свою очередь ушли, но эти слова остались въ памяти, глубоко засѣли, и много еще разъ на своемъ вѣку пришлось Нахману повторять ихъ то вслухъ, то мысленно. Въ дѣтскую душу, точно въ хорошо распаханное поле, запала эта фраза, впервые услышанная отъ матери. И когда приходили новыя обиды—такъ же тянулась рука къ груди и такъ же вспыхивали эти слова. Маленькихъ дѣтей смѣнили подростки, тѣхъ своимъ чередомъ взрослые—и всегда гдѣ-то въ душѣ горѣли эти слова.

На слѣдующій день послѣ этого происшествія Нахманъ не пошелъ въ хедеръ. Возлѣ кровати стоялъ небольшой сундукъ, и за этотъ сундукъ залѣзъ онъ, зарылся въ уголокъ, иногда выглядывалъ изъ-за сундука, шарилъ глазенками по комнатѣ и вновь исчезалъ. Подходила мать, приносила то яблоко, то хлѣбъ съ сахаромъ, но ничто не помогало: гдѣ-то шевелился онъ въ уголку, какъ мышь. Мать просовывала руку, нащупавъ, тянула его къ себѣ:

— Ну, Нахмеле, вылѣзай, что ты тамъ дѣлаешь? Вылѣзай, свѣтъ моихъ глазъ!

Мать торопливо заканчивала приготовленія къ субботѣ. Въ хлопотахъ съ сыномъ не замѣтила, какъ быстро угасъ день. Сейчасъ придетъ мужъ изъ лавки, а еще ничего не готово. Дѣлъ много: надо мужу приготовить чистую рубаху, надо подсвѣчники вычистить, на столъ накрыть, посмотрѣть, не переварилась ли рыба; надо и пріодѣться, парикъ

поправить, вонъ онъ въ хлопотахъ совсѣмъ слѣзъ на бокъ, надо и сына умыть, причесать, надо и самой втихомолку помолиться надъ свѣчами...

Точно робкія звѣзды передъ разсвѣтомъ, вспыхнули тоненькія свѣчи, а потомъ весело и ярко разгорѣлись. Нахманъ глядѣлъ на нихъ изъ-за сундука и щурилъ глаза. Послышались шаги отца. Нахманъ юркнулъ за сундукъ, затихъ на полу. Потомъ отецъ ушелъ въ синагогу...

Тихо, сосредоточенно тихо молится мать. Подержала она руки надъ свѣчами, а потомъ закрыла ими лицо и что-то зашептала. И шопотъ доходитъ до сундука. И Нахману хочется то же самое сдѣлать. Медленно вылѣзаетъ онъ изъ своего убѣжища, ковыляетъ къ столу, дергаетъ мать за платье и тянется къ свѣчѣ:

— Дай, дай!

Унесъ онъ свѣчку въ свой уголъ, улыбается во весь ротъ, ставитъ свѣчку на сундукъ, поднимаетъ руки—тогда его лицо становится серьезнымъ. Сначала онъ обжегся немного, хотѣлъ было поджать губы и заревѣть, но раздумалъ, сунулъ обожженный палецъ въ ротъ, пососалъ его и вынулъ. Нѣсколько мгновеній глядѣлъ на палецъ, а потомъ погрузилъ лицо въ раскрытыя ладони и что-то замурлыкалъ.

Вьется шопотъ матери... Вечеръ заглядываетъ въ окна, стелется по стѣнамъ, припадаетъ къ полу — и тогда ярче вспыхиваютъ свѣчи, а минуты бѣгутъ, бѣгутъ, какъ легкія облака по небу.

Мать уже давно помолилась, а Нахманъ все еще стоитъ надъ сундукомъ и покачивается, и когда качается — дергаетъ изуродованнымъ плечомъ, и тогда изъ-подъ рубашонки ясно обрисовывается кривой бокъ, какъ-то жалко и грустно.

— Доброй субботы!

— Доброй субботы!—торопливо и растерянно отвѣчаетъ мать. Все время не отрывалась она взглядомъ отъ сына, глотала слезы, видя, какъ вверхъ и внизъ прыгаетъ его плечо, и голосъ мужа смутилъ ее. Но Нахманъ не смутился, даже рукъ не отнялъ отъ лица. Отецъ подошелъ къ сыну, долго глядѣлъ на него, глубоко вздохнулъ и легко и осторожно взялъ его за ухо:

— Ну, сынокъ, доброй субботы!

Нахманъ посмотрѣлъ на отца сквозь пальцы.

— Не мѣшай мнѣ,—сказалъ онъ внушительно, а потомъ, подумавъ немного, добавилъ скороговоркой:—Доброй субботы!

По субботамъ отецъ бываетъ добръ, что-то всегда напѣваетъ за столомъ, что-то хорошее, славное. И Нахманъ

знаетъ это. Взбирается къ отцу на колѣни, дергаетъ его мѣховую шапку, играетъ концами талесъ-котона [1]).

Но этотъ разъ отецъ былъ другимъ: подперъ онъ голову рукой, о чемъ-то задумался. Нахману это не нравится, онъ хочетъ о чемъ-то спросить у отца, а отецъ молчитъ.

— Тате, тате!—дернулъ онъ его за бороду.

— Что, Нахмеле?—обернулся отецъ къ нему.

— Тате, въ хедерѣ сказали мнѣ, Лейбке сказалъ мнѣ, что я кривой.

— Ну?

Мать насторожилась, отложила ложку въ сторону.

— Тате, вѣдь я не кривой?

Всхлипнула мать. Отецъ сердито взглянулъ на нее:

— Ты опять за свое?

Пересадилъ сына на другое колѣно, качалъ его и, глядя куда-то въ сторону, говорилъ:

— Ты не слушай, что они говорятъ. Плюнь три раза. Не слушай ихъ. Ты будешь у меня раввиномъ, Нахмеле, понимаешь великимъ раввиномъ, и я буду радоваться: вотъ какой у меня сынъ. Ты будешь раввиномъ, Нахмеле.

Качалъ онъ сына—и все ниже спускалась на лобъ тяжелая мѣховая шапка, разбрасывая въ стороны старательно закрученныя пейсы.

На колѣняхъ у отца заснулъ Нахманъ и не слышалъ, какъ отецъ шопотомъ что-то говорилъ матери и мать оправдывалась:

— Что мнѣ дѣлать, если сердце рвется на части... Господи Боже, почему мои руки не отсохли!

— Ша!—уговаривалъ отецъ.—Теперь этимъ не поможешь, надо терпѣть. Кто знаетъ, а, можетъ быть, и будетъ такъ какъ я сказалъ. Слушай же, женщина, можетъ быть, это свыше. Можетъ быть, такъ Богъ хотѣлъ, чтобы онъ въ синагогѣ упалъ, а потомъ имя Его возвеличится. Нельзя знать. Слушай же!

Въ воскресенье, когда весь хедеръ наполнился дѣтьми, Нахманъ подошелъ къ Лейбке, дернулъ его за рукавъ и заявилъ:

— А я не кривой и буду раввиномъ.

Лейбке взглянулъ на него, пораженный: отъ удивленія нагнулъ даже голову въ бокъ. Но удивленіе продолжалось недолго. Лейбке вытянулъ нижнюю губу и недовѣрчиво спросилъ:

— Врешь?

[1]) Родъ обрядовой одежды.

Нахманъ упорствовалъ. Тогда Лейбке протянулъ руку и дотронулся до его плеча:

— А это?—и, не дождавшись отвѣта, запрыгалъ на одной ногѣ.

— Кривой раввинъ! Кривой раввинъ!

Нахманъ бросился за нимъ, но попалъ въ руки ребе.

Съ этого дня пошло новое прозвище:

— Нахманъ-раввинъ.

II.

Стояло жаркое лѣто. Возлѣ стараго костела расползлась зеленая ограда, раздвинулись доски, краска побурѣла и во дворѣ костела, гдѣ раньше густо колосилась трава, бродили сонныя куры, а у дверей костела зеленый плющъ висѣлъ, какъ старая тряпка, и изъ оголенной ниши печально глядѣлъ темный запыленный ликъ Богоматери, а на обнаженной ногѣ Младенца шевелились и жужжали ярко-желтыя крупныя мухи.

Мѣстечко словно вымерло. Еще ниже пригнулись невзрачные домики. Отъ высохшей рѣчонки несся тяжелый приторный запахъ сгнившихъ растеній. Куда-то попрятались люди; отъ неба до земли висѣла невозмутимая тишина, обхватывала дома — и только одинъ Зорахъ-сумасшедшій бродилъ по улицѣ. Подбѣгалъ онъ то къ одному, то къ другому дому, заглядывалъ въ завѣшенныя окна и, убѣгая съ тихимъ смѣхомъ, быстро выхватывалъ изъ-за пазухи камень и, насторожившись, швырялъ его. Когда камень гулко ударялъ въ дверь или въ стѣну, Зорахъ моментально садился на корточки и заливался радостнымъ смѣхомъ, взмахивая грязными, голыми руками, а потомъ ползалъ по землѣ, собиралъ камни и бормоталъ:

— Одинъ камень... Одинъ камень Богу, другой мнѣ... Одинъ камень отцу въ бокъ, другой камень отцу въ спину... Одинъ камень Богу на обѣдъ, другой мнѣ на Пасху... Будьте здоровы, будьте здоровы!..

Обыкновенно Зорахъ-сумасшедшій никогда не появлялся на улицѣ: днемъ, не вылѣзая, сидѣлъ на чердакѣ синагоги и только къ вечеру спускался внизъ; молчаливо, сжавъ плотно губы, онъ торопливо пересѣкалъ улицу и, какъ тѣнь, исчезалъ въ дверяхъ маленькой хибарки, гдѣ жила его старая мать, Ципе-чулочница. Тамъ онъ ночевалъ, а на разсвѣтѣ исчезалъ вновь.

Вставала Ципе-чулочница, клала ему за пазуху кусокъ хлѣба. Онъ тутъ же съѣдалъ его—быстро и жадно—и убѣгалъ. Но, какъ только въ лѣтніе жаркіе дни замирала жизнь

на улицѣ—онъ оставлялъ свой чердакъ — и тогда летѣли камни въ чужія двери и сплетались безсмысленныя слова:

— Одинъ камень... Одинъ камень...

Въ это лѣто жара была невыносимая. Такой жары даже и Мендель-нѣмецъ, старикъ девяносто четырехъ лѣтъ, самый старый житель мѣстечка Панская Воля, на своемъ вѣку не видѣлъ, а видѣлъ-то онъ многое и слышалъ о многомъ. За Панской Волей отъ большого камня, откуда расходились дороги, начинался большой лѣсъ. И однажды ночью на опушкѣ вспыхнулъ пожаръ. Къ счастью, удалось потушить, но на слѣдующій день жители Панской Воли узнали, что лѣсъ загорѣлся съ другого конца. Встревожились обыватели, осторожно обходились съ огнемъ, оберегались и, глядя на лѣсъ, качали головами и бородами, засовывали руки за пояса и совмѣстно обсуждали, какъ быть, что дѣлать—и сосредоточенно нюхали: не пахнетъ ли дымомъ. Но въ той части лѣса, которая примыкала къ Панской Волѣ, было спокойно, а горѣло гдѣ-то далеко, верстъ за двадцать: лѣсъ былъ огромный, начинался возлѣ Панской Воли, а оканчивался гдѣ-то возлѣ Нѣмана.

Тревога—тревогой, но жара сама по себѣ—и запрятались обитатели по домамъ, заснули отъ жары. Разметались руки и ноги по перинамъ, затихли дѣти.

Въ небѣ ни облачка. Пышетъ солнце, работаетъ во всю, точно не знаетъ, что на землѣ день субботній, день отдыха. Не знаетъ отдыха и Зорахъ-сумасшедшій. Въ этотъ день онъ началъ свой обходъ съ дома Менделя-нѣмца, ненадолго задержался возлѣ дверей отца Нахмана-кривого, швырнулъ пять-шесть камней и побѣжалъ дальше. Обошелъ всѣ дома и покружился возлѣ костела. За костеломъ стоялъ домъ ксендза и отъ него начиналась другая половина мѣстечка, гдѣ уже жили не евреи. Туда Зорахъ-сумасшедшій никогда не заглядывалъ. Какъ-то онъ заглянулъ, — было разъ дѣло—и точно градъ застучали по спинѣ Зораха тяжелые мужицкіе кулаки. Долго потомъ дрожалъ онъ на чердакѣ синагоги у слухового окна и посинѣвшими руками складывалъ мокрые камни.

Медленно подкрался Зорахъ къ дому ксендза. Бросилъ одинъ камень и хихикнулъ. Швырнулъ еще одинъ... Тихо... А запасъ камней истощился. Зорахъ проскользнулъ мимо дверей, обогнулъ домъ и очутился съ другой стороны, гдѣ находились пристройки и кухня. Тамъ высилась груда кирпичей и камней. Зорахъ быстро совалъ камни за пазуху, торопился и дрожалъ отъ радостнаго волненія, а потомъ, по обыкновенію, поползъ по землѣ, направляясь къ кухнѣ.

У деревяннаго осѣвшаго крыльца онъ приподнялся съ земли, поднялъ руку, хотѣлъ было бросить, но что-то странное привлекло его вниманіе: изъ-подъ дверей вился легкій дымокъ и съ каждымъ мгновеніемъ увеличивался; за нимъ показался огненный язычокъ, язычокъ лизнулъ ступеньки крыльца, потомъ исчезъ, оставляя за собой на деревянной ступенькѣ темную полоску, точно махнулъ какой-то краской. Вновь выскочилъ изъ-подъ дверей, лизнулъ ступеньку еще пониже...

Зорахъ подкрался къ крыльцу, уставился съ любопытствомъ, а потомъ, оглядываясь, подставилъ руку—и съ силой отдернулъ ее, замотавъ головой. На мигъ въ его глазахъ мелькнуло что-то, похожее на сознаніе, онъ повернулся въ сторону мѣстечка, раскрылъ ротъ, словно собираясь что-то крикнуть, но въ вѣчной темнотѣ потонуло сознаніе — и Зорахъ-сумасшедшій кинулся прочь, поползъ... А за нимъ по землѣ стлался дымъ и, словно со сна, вздрагивала высохшая смятая трава, попадая подъ мягкій, чуть трепещущій покровъ.

Горѣлъ домъ ксендза, а въ мѣстечкѣ вновь стучали камни, пущенные неустающей рукой Зораха.

— Одинъ камень... Одинъ камень Богу... Будьте здоровы, будьте здоровы!

Вспыхнула и Панская Воля.

Отъ ксендза огонь перекинулся къ крестьянскимъ хибаркамъ, мимоходомъ опалилъ костелъ и косматыми прядями разметался по крышамъ.

Поднимались клубы свинцоваго густого дыма и тянулись къ лѣсу, черными зубцами обхватывая деревья, кусты. За ними неслись искры, прыгали, словно играя въ чехарду, и зарывались глубоко въ сухой хворостъ.

На опушкѣ змѣйками забѣгали огоньки, зароились, зашмыгали. Трескъ пошелъ по опушкѣ: сначала бойкій, игривый, но, когда вокругъ темныхъ стволовъ зашевелились, какъ живыя существа, красныя ленты и зашипѣла покорная кора—трескъ сталъ глухимъ, зловѣщимъ.

Завыла Панская Воля.

— Ой, лѣсъ горитъ! Ой, лѣсъ горитъ!

Исчезло послѣднее убѣжище. Куда теперь дѣнешься, куда убѣжишь? А дома рушились подъ ударами огня, словно карточные. Въ смятеньи люди давили другъ друга, падали на порогахъ своихъ домовъ, потерявъ голову, тащили изъ пламени какія-то жалкія ненужныя тряпки. Сквозь дымъ мелькали сотни рукъ и ногъ; словно въ какой-то безумной пляскѣ завертѣлись люди.

Мычали коровы, гдѣ-то въ сараѣ дико ржала запертая

лошадь, била копытами о горящую стѣнку. Рухнула стѣнка — и мимо разбѣжавшихся отъ ужаса людей огненнымъ живымъ колесомъ пронеслась обезумѣвшая лошадь, метнулась и пропала въ лѣсу. Безпорядочные крики, вопли, рыданья и трескъ горѣвшихъ домовъ сплелись въ одинъ клубокъ—и перекатывался онъ изъ одного конца въ другой, то уменьшаясь, то увеличиваясь.

И вдругъ изъ клубка вырвался одинъ безумный крикъ:

— Синагога горитъ! Спасайте Тору! Тору!

Изъ оконъ синагоги летѣли толстые фоліанты и подъ кровавымъ отблескомъ, словно крылья какихъ-то странныхъ нездѣшнихъ птицъ, мелькали въ воздухѣ страницы, разсыпаясь по землѣ, пламенѣли и сворачивались.

— Тору спасайте! Тору!

Сквозь дымъ мелькнулъ силуэтъ человѣка и исчезъ внутри синагоги, и скоро въ дверяхъ показался одинъ свитокъ Торы, за нимъ другой, и вдругъ между свиткомъ и толпой съ грохотомъ упало горящее бревно, взвился каскадъ искръ, и за искрами потонули человѣкъ и Тора.

А на чердакѣ, извиваясь ящерицей, Зорахъ-сумашедшій пытался вылѣзть черезъ слуховое окно. Онъ просунулъ голову и руки, отталкивался ногами отъ пола, ухватился за нижнія черепицы крыши. Черепица обломалась и полетѣла внизъ, и Зорахъ застрялъ въ узкой дырѣ. Дернулъ онъ головой разъ, другой, а, когда огонь подкрался къ нему и зашевелился въ волосахъ, Зорахъ замычалъ, нелѣпо взмахнулъ руками и, словно растаявъ, потерялся въ дыму. Затрещали стѣны. Рухнули онѣ въ одно время съ крышей. Двое евреевъ, не потерявшихъ голову, волокли подъ руки престарѣлаго раввина. Клочьями висѣла его полуобгорѣвшая сѣдая борода. Дико озираясь, упирался раввинъ, моталъ головой, слабыми старческими руками отталкивалъ отъ себя своихъ спутниковъ—и изъ перекошеннаго рта вылетали хриплые нечеловѣческіе звуки...

Къ вечеру не стало Панской Воли.

Ночью догорѣли послѣднія головешки. По всѣмъ тремъ дорогамъ потянулись женщины, мужчины, дѣти.

Къ огромному количеству нищихъ прибавилось еще нѣсколько сотенъ.

По чужимъ мѣстечкамъ замелькали опаленныя лица, почернѣвшія руки, испуганные, почти безсмысленные глаза.

Панская Воля разсѣялась по міру Божьему...

Въ ближайшемъ мѣстечкѣ хоронили остатки Торы, хоронили раввина. Раввинъ умеръ на подводѣ, когда его увозили съ пожара.

Хоронили отца Нахмана-кривого. Погибъ онъ, спасая

Тору. Такъ и нашли его подъ грудой бревенъ вмѣстѣ съ обугленнымъ свиткомъ Торы. Потомъ нашли Ципу-чулочницу съ разсѣченной головой, а немного погодя младшаго сынишку кантора.

Отъ Зораха ничего не осталось.

Глухо и жалобно звенѣли кружки сборщиковъ:

„Цдоке тацель мемой-есъ...“ „Милосердіе избавляетъ отъ смерти...“

Клубилась пыль. И пылью покрывались согнутыя спины провожающихъ, съ пылью смѣшивались слезы...

Къ воротамъ тихаго уснувшаго кладбища неслись вопли и стоны, а кружки звенѣли и что-то твердили свое—важное и печальное.

III.

Нахманъ ковылялъ по пыльной дорогѣ рядомъ со своею матерью и, когда мать, вскрикивая, то бросалась къ трупу мужа, то безсильно опускалась на земь и колотилась простоволосой головой о придорожныя травы, онъ убѣгалъ отъ нея въ испугѣ. Страшно было ему. А, когда мать успокаивалась, онъ вновь подбѣгалъ къ ней и хватался за ея платье. Обратно съ кладбища вела его уже какая-то чужая, незнакомая ему еврейка. Нахманъ глазами искалъ мать и упирался и кричалъ во весь голосъ:

— Маме! Маме!

А еврейка гладила его по головѣ, тянула за собой и уговаривала:

— Ша, ша! Придетъ мать, сейчасъ, сейчасъ!..

Еврейка завернула за уголъ. Все еще продолжая кричать, Нахманъ обернулся и вдругъ увидѣлъ на чьихъ-то рукахъ запрокинутую голову матери, ея вытянутыя ноги; одна нога была босая, а на другой болтался рваный башмакъ. Отчаянно взвизгнувъ, Нахманъ забился въ рукахъ еврейки. Еврейка подхватила его подмышки...

На полу, на какихъ-то тряпкахъ заснулъ Нахманъ. За дверью въ другой комнатѣ стонала его мать и нѣсколько женщинъ, словно заговорщицы шептались надъ ней о чемъ-то и что-то дѣлали. Потомъ новый день наступилъ, и вновь кричалъ Нахманъ: „маме!“ и вновь его утѣшала еврейка, а, когда наступило третье утро, она забѣжала въ комнату, схватила Нахмана на руки и унесла его въ другой домъ. И въ новомъ домѣ Нахманъ кричалъ:

— Маме! Маме!

Была уже другая женщина и эта женщина почему-то плакала надъ нимъ и не отпускала отъ себя и все твердила, охая и вздыхая:

— Сиротка!..

День-другой—и вновь зазвенѣли кружки. Ничего не понимая, глядѣлъ Нахманъ съ крыльца, какъ по старой дорогѣ тянулись новыя похороны. Изъ домовъ выходили евреи, шмыгали женщины, суетились члены погребальнаго братства. Какая-то беззубая и глухая старуха, еле стоявшая на ногахъ, приставала ко всѣмъ:

— Кто умеръ? Кто умеръ?

— Ента изъ Панской Воли,—отвѣчали ей.

Не разслышавъ, старуха снова переспрашивала.

— Посторонитесь, евреи!—кричалъ какой-то низенькій, толстый еврей.—Посторонитесь!

Старуха уцѣпилась за него...

— Кто умеръ?

Молодая дѣвушка, повидимому, ея внучка, тянула къ себѣ старуху и сердито кричала надъ ея ухомъ:

— Тебѣ вѣдь уже сказали, идемъ домой!

Медленно шагала толпа, и среди нея также медленно шевелился черный ящикъ—гробъ, то пропадая въ клубахъ пыли, то вновь появляясь,—тогда казалось, что кто-то связалъ вмѣстѣ гробъ и людей и волочитъ ихъ упорно по пыли.

Вечеромъ пришелъ высокій черный еврей съ кнутомъ, притянулъ къ себѣ Нахмана, сжалъ его колѣнями и спросилъ:

— Ну, какъ зовутъ тебя?

Нахману понравилась его черная борода, еще болѣе кнутъ—и поэтому онъ хотѣлъ ему отвѣтить быстро, открылъ ротъ, но протянулъ первую букву и замолкъ.

— Скажи ему, сыночекъ, скажи,—ласково попросила хозяйка дома. Черный еврей погладилъ Нахмана по спинѣ и усмѣхнулся:

— Ну? Не бойся!

— Нн-ах-м-м-анъ,—заикаясь, тянулъ Нахманъ и испуганно вздрагивали его рѣсницы.

Еврей круто повернулся къ хозяйкѣ, недоумѣвая, взглянулъ на нее. Хозяйка встрепенулась, поняла, видимо, молчаливый вопросъ и развела руками.

— Что вамъ сказать?—нерѣшительно заговорила она.— Не удивительно. Пожаръ, мать, отецъ—и все сразу... На такую маленькую голову. Не удивительно, столько горя, ай-ай!..

— Сколько ему лѣтъ?—тихо спрашивалъ еврей.

— Еще дитя... Восьмой годъ.

— Цце, цце,—зачмокалъ еврей.—Восьмой годъ?

. . . .

... За лѣсомъ свѣтлѣло небо, росла красная полоска надъ верхушками сосенъ, пугливо убѣгали послѣднія тѣни ночи.

Черный еврей усадилъ Нахмана въ телѣгу. На крыльцѣ полусонная хозяйка, кутаясь въ какую-то куцавейку, бормотала:—Счастливаго пути!—и, зѣвая, почесывалась однимъ пальцемъ за ухомъ. Телѣга покачивалась мѣрно, прыгалъ мѣшокъ съ сѣномъ, а на мѣшкѣ, поджавъ голыя ноги, упорно и протяжно ревѣлъ Нахманъ, размазывая по всему лицу и насѣвшую грязь, и слезы, и въ промежуткахъ тянулъ:

— Ма-а-ме-е!

Черный еврей шагалъ рядомъ и растерянно уговаривалъ:

— Ну-ну, сынокъ, нельзя плакать!

Потѣшно морщилось широкое волосатое лицо и, точно тонкій лучъ, затерявшійся въ темной чащѣ листьевъ, бродила на поросшихъ губахъ полурастерянная улыбка.

— Ну-ну, чего плачешь? Я вѣдь носа тебѣ не откушу. Мы ѣдемъ къ твоему дядѣ, къ ребъ-Зунделю мы ѣдемъ.

— Не хочу!—заикаясь, плакалъ Нахманъ.

— Гм... не хочу. Ребъ-Зундель просилъ тебя привезти. Къ нему мы ѣдемъ, къ ребъ-Зунделю...

— Маме!—тянулъ Нахманъ.

... Шло утро—еще молодое, свѣжее, безъ пыли, безъ духоты. Промелькнуло одно мѣстечко, другое—и всѣ они были похожи другъ на друга, какъ близнецы. Вечеръ подошелъ, потомъ вновь встало утро. И съ нимъ пришло для Нахмана новое убѣжище. Передъ растерянными дѣтскими глазами замелькали новыя лица. Пропалъ черный обросшій еврей, его замѣнилъ другой—плотный, сердитый, и этого другого звали ребъ-Зунделемъ, и была у него тяжелая рука. Въ маленькій умъ насильно втолкнули много непонятныхъ новыхъ словъ.

Бѣгутъ дни...

Слышитъ Нахманъ, какъ тетка разговариваетъ съ любопытной сосѣдкой.

— Фейга, душа моя, кто это у васъ?

— Кто у насъ? Племянникъ Зунделя... Изъ Панской Воли.

Сосѣдка сострадательно качаетъ головой.

— Ой-ой, такой пожаръ, такой пожаръ!

— Не говорите лучше. Горе и еще разъ горе.

За тонкой перегородкой тянется безконечный разговоръ.

— Сынокъ Енты? Богъ мой, такая молодая! А что съ нимъ будетъ?

— Что вамъ сказать, Хая, душа плачетъ, но вѣдь подумайте: надо кормить, надо одѣвать. Гдѣ взять на все?

— Вы мнѣ это говорите: у меня самой пять человѣкъ, чтобы не сглазить, пять... Больной онъ у васъ?

— Охъ, что значитъ больной? И кривой, и заика. Заикаться онъ сталъ, говорятъ, послѣ пожара.

Каждый день рано утромъ Нахманъ вскакиваетъ съ постели, бѣжитъ въ синагогу, вечеромъ такъ же—читать молитву по умершимъ—„кадешъ“.

Въ первый разъ повелъ его въ синагогу ребъ-Зундель. Было полутемно въ синагогѣ. Медленно собирались евреи, пришелъ одинъ, другой. Много времени прошло, пока приступили къ богослуженію.

Чернѣли одинокія фигуры. У дверей ребъ-Зундель шептался о чемъ-то съ однимъ евреемъ. Кто-то у амвона шелестилъ страницами молитвенника и шаркалъ осторожно ногами, а потомъ ребъ-Зундель взялъ Нахмана за плечи, поставилъ его у амвона и сказалъ:

— Ну, начинай!

Качались смутныя фигуры, сиротливо мерцали, точно болотные огоньки, двѣ-три свѣчки. Нахманъ взглянулъ на завѣшенный кивотъ — и вдругъ тревожно заколотилось сердце, ноги подогнулись, словно кто-то ударилъ по нимъ. И, заикаясь, забормоталъ Нахманъ:

— Исгадалъ...

Ребъ-Зундель зашипѣлъ надъ ухомъ:

— Громче!

Сорвался дѣтскій голосокъ. Нахманъ забылъ слова, растерянно оглянулся, и ребъ-Зундель, злясь, подсказываетъ:

— Исгадалъ вей исгадашъ шмой рабо... Да возвеличится, да освятится имя Его великое...

Всхлипывая, Нахманъ еще больше заикается... И слова молитвы робко звучатъ подъ темнымъ низкимъ потолкомъ.

Вышли изъ синагоги. Нахманъ усталъ страшно, еле передвигаетъ ногами, а ребъ-Зундель тянетъ его за руку и, не переставая, укоряетъ сердито:

— Тоже „кадешъ“. „Кадешъ“ надо говорить съ толкомъ, а ты слова позабылъ. Гдѣ это слыхано, чтобы парень восьми лѣтъ забылъ слова? А? Стыдно, стыдно! Ты сейчасъ дома повтори еще разъ, слышишь!

Дома плакали дѣти, какъ угорѣлая металась Фейга. Ребъ-Зундель мимоходомъ ударилъ третьяго сына по затылку и закричалъ:

— Пусть будетъ тихо!

А Нахману сунулъ подъ носъ молитвенникъ и зашипѣлъ:

— Выучи, чтобы этого больше не было! Почему твой отецъ не позаботился научить тебя? „Кадешъ“, тоже!

Нахманъ покачивался надъ молитвенникомъ и глоталъ слезы.

— Не заикайся,—говори какъ человѣкъ!

— Исс... гга... дал...

— Шире открой ротъ! Вотъ такъ, полнымъ ртомъ... Ну...

И кричитъ ребъ-Зундель, постукивая указательнымъ пальцемъ по лбу Нахмана:

— Ну, громче, ты, заика!

Съеживается Нахманъ, голова уходитъ въ плечи...

Перестали плакать дѣти, попрятались куда-то, напуганныя отцовскимъ крикомъ, а утромъ уже дразнили Нахмана:

— Нахманъ-заика! Нахманъ-заика!

Нахманъ безсильно то сжималъ кулачки, то разжималъ ихъ вновь...

... Точно тяжело нагруженные возы плетутся мѣсяцы...

IV.

Всеной жена ребъ-Зунделя, вернувшись изъ бани, почувствовала себя плохо. Жаловалась она на головную боль, на ломоту во всемъ тѣлѣ, а потомъ застонала, слегла. Три дня она лежала безъ сознанія, а на четвертый день умерла. Не успѣли еще отсидѣть „шиве“ [1]), какъ свалилось новое несчастье: кто-то донесъ на ребъ-Зунделя. Нашелся хорошій человѣкъ и шепнулъ, куда слѣдуетъ, что у ребъ-Зунделя не все ладно. Доносъ сдѣлалъ свое—и у ребъ-Зунделя нашли контрабанду. Мѣстечко лежало возлѣ прусской границы и этой близостью многіе кормились. До этого доноса все было хорошо и гладко — вдругъ все измѣнилось: отъ ребъ-Зунделя къ Хаиму-балаголе, отъ Хаима къ другому; всюду шарили, всюду находили контрабанду, точно кто-то протянулъ веревку отъ одного дома къ другому и, держась за эту веревку, „свѣтлыя пуговицы“ свободно и легко находили нужное.

Ходуномъ пошло мѣстечко. Вой, плачъ, проклятья.

Заметался ребъ-Зундель:

— Евреи, спасайте!

Но гдѣ тутъ спасать, когда все явно, какъ на ладони когда надо самихъ себя спасать: свои дѣти дороже. Отъ Зунделя перешли къ Хаиму-балаголе. Перетряхивали перины, шарили во всѣхъ углахъ. Долго тянулся обыскъ. Передъ окнами стояла толпа, впереди ея ребъ-Довидъ—первый богачъ въ мѣстечкѣ и первый заправила по контрабандной части, а Хаимъ-балаголе, рыжеватый тщедушный еврей съ разсѣченной губой ежеминутно подскакивалъ къ

---

[1]) Религіозный обрядъ: родственники умершаго должны 7 дней сидѣть на полу,—нѣчто вродѣ траура.

окну, точно игрушечный паяцъ дергался всѣмъ тѣломъ, однимъ глазомъ смотрѣлъ, какъ чужіе люди хозяйничали въ его домѣ, а другимъ впивался въ толпу и хрипло кричалъ:

— Ребъ-Довидъ, ребъ-Довидъ, подмазать нужно, сунуть имъ въ руку... Ребъ-Довидъ, я прошу васъ... Жена, дѣти... Ребъ-Довидъ, подмазать.

Ребъ-Довидъ отдѣлился отъ толпы. Хаимъ радостно блеснулъ глазами, но увидѣлъ вдругъ, что ребъ-Довидъ сворачиваетъ къ своему дому и ускоряетъ шаги — и радость потухла. Внѣ себя отъ ужаса Хаимъ высунулся наполовину изъ окна и отчаянно завопилъ:

— Ребъ-Довидъ, куда вы? Ребъ-Довидъ!

Но ребъ-Довидъ былъ уже далеко—и только мелькнули полы его кафтана, а ему вслѣдъ неслись безсвязные крики и сдавленный озлобленный хохотъ: обезумѣвшій Хаимъ кричалъ на всю улицу:

— Ребъ-Довидъ убѣгаетъ... Ха-ха... Евреи, глядите, какъ трясется нашъ ребъ-Довидъ. Ребъ-Довидъ, куда вы торопитесь? Ребъ-Довидъ, сколько денегъ вы на мнѣ заработали? Моей кровью, моей спиной? Ха-ха!.. Ребъ-Довидъ, я могу и на васъ указать, если захочу. Вдвоемъ веселѣе будетъ. Ребъ-Довидъ, я могу-у-у...

Зазвенѣли стекла. Кто-то извнутри тащилъ Хаима отъ окна. Онъ вырывался, грозилъ руками. И долго еще слышалось:

— Ребъ-Довидъ... Ха-ха...

Охали въ толпѣ...

Ребъ-Зунделя и Хаима-балаголе увезли въ тотъ же день. Дѣтей ребъ-Зунделя разобрали сосѣди, а Нахмана ребъ-Довидъ вызвалъ къ себѣ и отрывисто сказалъ ему:

— Мнѣ нечего долгого ворить съ тобой. Тебѣ уже пятнадцать лѣтъ, не маленькій. Кто знаетъ, когда дядю выпустятъ. Я все сдѣлаю, постараюсь, но одинъ Богъ знаетъ, когда и чѣмъ это кончится. Такъ что же,—надо тебѣ о себѣ подумать. И я думаю о тебѣ, все-таки родственникъ, хотя и дальній, но родственникъ. Правда, Тора лучшій товаръ, но вѣдь нужна и крыша надъ головой, и подушка подъ головой. Конечно, Талмудъ великая вещь, но жевать надо, а? А у насъ тутъ много ртовъ, всѣ „дни“ [1]) разобраны. Люди тутъ небогатые, самимъ трудно. Лишній человѣкъ— лишнія заботы. Я говорилъ съ Вольфъ-Беромъ портнымъ. Ему нужна пара рукъ, и онъ тебя беретъ. Ну, что ты скажешь?

1) Бѣдные ешиботники, т. е. ученики ешибота, высшей богословской школы, столуются въ домахъ состоятельныхъ евреевъ по одному или нѣсколько дней въ недѣлю: отсюда и выраженіе „дни“.

— Что я могу сказать?—робко и нерѣшительно спросилъ Нахманъ.

— Что?—разсердился ребъ-Довидъ.—Я за тебя долженъ говорить?

Нахманъ поднялъ глаза къ потолку, потомъ перевелъ ихъ на окна, скользнулъ ими по крышамъ ближайшихъ домовъ.

— Ну?—торопилъ ребъ-Довидъ.

Нахманъ опустилъ глаза и, запинаясь, отвѣтилъ:

— Хорошо!

— А теперь ступай! Ну, вотъ такъ.

Вольфъ-Беръ встрѣтилъ Нахмана съ ласковой улыбкой:

— Шоломъ-алейхемъ. Заходите, ребъ-Нахманъ, заходите, не стойте у дверей.

Нахманъ смущенно засмѣялся, и Вольфъ-Беръ, довольный, закивалъ головой:

— Хорошо, хорошо, ребъ-Нахманъ, надо смѣяться. Говорятъ люди: Вольфъ-Беръ слишкомъ много смѣется, а я спрашиваю людей: скажите мнѣ, евреи, почему мнѣ не смѣяться, если я уже вдоволь наплакался. Хе-хе... Никто не знаетъ, что мнѣ отвѣтить... Садитесь, ребъ-Нахманъ, будьте какъ дома. Я сейчасъ вернусь, вотъ только отнесу ребъ-Зораху штаны, вернусь, и тогда мы поговоримъ съ тобой. Ребъ-Зорахъ сидитъ безъ штановъ и сердится. Хорошая исторія: рѣзникъ и безъ штановъ, а я латутникъ [1]), но за то въ штанахъ. Хе-хе-хе!

Вольфъ-Беръ ловко откусилъ нитку, свернулъ штаны и быстро изчезъ. Нахманъ остался сидѣть на кончикѣ стула, почти ничего не понимая изъ словъ Вольфъ-Бера, но въ то же время что-то радостное шевелилось внутри.

Вольфъ-Беръ вернулся очень скоро и снова затараторилъ:

— Зораху штаны, а мнѣ гроши... Кому лучше? А, ребъ-Нахманъ, кому? Завтра и ребъ-Нахманъ возьмется за работу. У ребъ-Нахмана работа пойдетъ хорошо, я это уже вижу. У ребъ-Нахмана одно плечо выше другого... Хе-хе... Не обижайтесь, ребъ-Нахманъ, это сказано не отъ злости. Упаси меня Богъ! У портного должно быть одно плечо выше другого... Хе-хе... И если Богъ сдѣлалъ это заранѣе—то спасибо Господу Богу: значитъ, Онъ уже тѣмъ заранѣе повелѣлъ: быть ребъ-Нахману портнымъ... Какъ говорится, кривой...

Нахманъ поднялся со стула, кровь бросилась ему въ лицо и мелкой дрожью задрожали руки. Вольфъ-Беръ уви-

---

[1]) Презрительное названіе портного, занимающагося исключительно накладываніемъ заплатъ.

дѣлъ это, оборвалъ свою рѣчь и потянулъ къ себѣ мальчика. Нахманъ обернулся и встрѣтился съ добрыми маленькими глазками Вольфъ-Бера.

— Ребъ-Нахманъ,—мягко и серьезно проговорилъ Вольфъ-Беръ,—ребъ-Нахманъ, меня бояться нечего.

И осторожно, словно боясь задѣть какое-то больное мѣсто, и въ то же время неловко онъ погладилъ Нахмана по спинѣ.

„Меня бояться нечего"—эти слова запали въ душу Нахмана, и съ ними начался новый періодъ его жизни—самый свѣтлый, но въ то же время самый короткій: не успѣлъ Нахманъ оглянуться, какъ онъ уже прошелъ, уступивъ мѣсто тревогамъ и волненіямъ, а потомъ даже исчезъ изъ памяти, затемненный постоянными сумерками, оставивъ только въ глубинѣ души какой-то робкій и тихій слѣдъ.

... Вольфъ-Беръ не похожъ на другихъ, съ нимъ можно обо всемъ говорить, и онъ охотно отвѣчаетъ на все и часто, часто смѣется. Голова у него лысая, только сбоку, да сзади вьются колечками рѣдкіе волосы. Старенькій онъ, но держится бодро и за работой или напѣваетъ подъ носъ, или разговариваетъ.

Терпѣливо и ласково обучаетъ онъ Нахмана—и Нахманъ не замѣчаетъ, какъ летятъ минуты, а работа спорится, игла становится послушной въ рукахъ Нахмана. И радуется Вольфъ-Беръ:

— Хорошо, очень хорошо, ребъ-Нахманъ.

Нахману нравится эта приставка „ребъ" къ его имени, нравится лицо Вольфъ-Бера, его легкій, чуть дребезжащій смѣшокъ, нравится трескъ разрываемой матеріи, въ которомъ слышится что-то мягкое, успокаивающее.

И что ни день—то легче Нахману: нѣтъ злобныхъ окриковъ, никто не попрекаетъ кускомъ хлѣба. Вольфъ-Беръ часто, часто говоритъ, что еврей не долженъ роптать, что ропотъ неугоденъ Богу—и постепенно Нахманъ забываетъ о своемъ уродствѣ.

Съ переѣздомъ къ Вольфъ-Беру Нахмана наградили новымъ прозвищемъ:

— Нахманъ-латутникъ.

Не то жалуясь, не то вздыхая, разъ сказалъ Нахманъ объ этомъ Вольфъ-Беру. Тотъ усмѣхнулся:

— Ну, что-жь, такъ будетъ два латутника: ребъ-Нахманъ и ребъ-Вольфъ-Беръ.

Сбоку поглядѣлъ онъ на Нахмана:

— Что я вижу? Ребъ-Нахманъ огорчается! Хе-хе... Надо привыкнуть. Ребъ-Нахманъ уже не маленькій. Ребъ-Нахманъ, евреи любятъ давать прозвища. Что можетъ быть лучше человѣка съ прозвищемъ? Прозвище это паспортъ для еврея...

Въ день переѣзда Вольфъ-Беръ отправился къ ребъ-Довиду. Вернулся онъ нахмуренный, молча сѣлъ за работу. Нахманъ что-то кроилъ и все время не сводилъ глазъ съ Вольфъ-Бера, и хотѣлось Нахману спросить у Вольфъ-Бера, въ чемъ дѣло, что случилось, а языкъ не ворочается.

А подъ вечеръ Вольфъ-Беръ самъ заговорилъ. Посмѣивался онъ хотя и по прежнему, но глаза не смѣялись.

— Хорошій человѣкъ ребъ-Довидъ. Хе-хе... Вольфъ-Беръ маленькій человѣкъ, можетъ обойтись безъ 20 рублей, а ребъ-Довиду они нужны. Вольфъ-Беръ заплатилъ за квартиру до слѣдующей зимы, а ребъ-Довидъ теперь проситъ: будьте добры, сдѣлайте мнѣ одолженіе, уѣзжайте, я васъ прошу. Что же, почему хорошему еврею не оказать услуги? А двадцать рублей? Хе-хе... Зачѣмъ отдавать ихъ обратно? Хе-хе... Почему не взять, когда дуракъ даетъ?.. Отдать ихъ обратно Вольфъ-Беру? Хе-хе... Гдѣ это сказано?

И до этого Нахманъ слышалъ разговоры о деньгахъ, о богатыхъ и бѣдныхъ, не разъ приходилось ему видѣть, какъ изъ-за рубля мечутся люди и плачутъ глаза, но все это какъ-то не затрагивало, не заставляло думать, проходило мимо души; на этотъ разъ несложныя слова Вольфъ-Бера какъ бы сдернули завѣсу — и впервые Нахманъ заглянулъ въ маленькій, но сложный міръ, лежащій передъ нимъ, въ міръ заботъ, тревогъ и повседневнаго труда. Другими глазами взглянулъ онъ на Вольфъ-Бера, на мѣстечко, на жителей. Многое стало понятнымъ, и въ проснувшейся душѣ онъ безошибочно отвелъ нужное мѣсто и ребъ-Довиду, и увозу ребъ-Зунделя, и полубезумнымъ крикамъ Хаима-балаголе, безошибочно понялъ сущность горькаго, ежеминутно повторяющагося слова „тяжело еврею“, точно однимъ взмахомъ руки придвинулъ къ себѣ прошедшіе годы своей недолгой жизни—и все припомнилъ: и пожаръ Панской Воли, и похороны матери, и переѣздъ къ ребъ-Зунделю и наряду съ этимъ какъ бы приподнялъ краешекъ завѣсы съ будущаго и какими-то внутренними глазами заглянулъ въ него...

Переѣхали на новую квартиру.

— Новая квартира—новое счастье, новое счастье—новая жизнь, новая жизнь—новыя несчастья, хе-хе...—сказалъ ребъ-Вольфъ-Беръ, посмѣиваясь, но какая-то грусть послышалась въ его голосѣ. И понялъ ее Нахманъ, и самъ грустно улыбнулся.

Въ этотъ мигъ трудно было отличить маленькаго „ребъ-Нахмана“ отъ большого ребъ-Вольфъ-Бера.

— Да, ребъ-Нахманъ... хе-хе... Новая жизнь—новыя несчастья.

...Просто и серьезно началась жизнь человѣка.

V.

Въ мѣстечкѣ умирали люди, рождались новые, справлялись свадьбы, происходили похороны. Гдѣ-то бурлила жизнь, вставали крупныя событія, а въ мѣстечкѣ люди жили, словно отрѣзанные отъ всего міра какой-то невидимой стѣной. И среди многихъ, точно по заранѣе указанному пути, шла жизнь Нахмана-латутника, и была она похожа на жизнь его отца, его дѣда.

Старѣлъ Вольфъ-Беръ, уже не такъ хорошо видѣли его глаза, все чаще и чаще путалъ онъ куски матерій, забывалъ, куда только-что дѣлъ ножницы, наперстокъ, и сердился, когда не находилъ; трудно становилось сидѣть согнувшись—ныла старая спина, просилась на покой. И шелъ ему на смѣну Нахманъ-латутникъ.

Нахманъ исполнялъ всю работу, а работы было мало. И бѣдность кричала изъ всѣхъ угловъ.

Научился Нахманъ подсмѣиваться, какъ Вольфъ-Беръ, но въ его смѣхѣ было больше горечи.

За это время вернулись ребъ-Зундель и Хаимъ-балаголе. Ребъ-Зундель вернулся старикъ-старикомъ. Ужаснулся Нахманъ, увидавъ его. Не тотъ ребъ-Зундель: и голосъ разбитъ, и глаза потухли, и все лицо въ морщинахъ. Надо ѣсть, пить, надо ребятъ кормить. Жили они до того по чужимъ домамъ, но, какъ только пріѣхалъ отецъ—слетѣлись, какъ голодные галчата. Заметался ребъ-Зундель: туда, сюда—крышка! Нѣтъ работы, не за что взяться. Двѣ ночи не спалъ Нахманъ. Лежалъ и думалъ, а днемъ работалъ, спустя рукава, черной нитки не могъ отличить отъ бѣлой. Даже Вольфъ-Беръ замѣтилъ это.

— Ребъ-Нахманъ, ай-ай, что это съ вами?—качалъ головой Вольфъ-Беръ.

И Нахманъ кое-что придумалъ. Честь-честью отправился къ ребъ-Довиду.

— Дастъ, конечно, дастъ—говорилъ самъ себѣ Нахманъ.— Кому, кому, а ребъ-Зунделю дастъ.

Но чѣмъ ближе было къ дому—тѣмъ все слабѣе становилась увѣренность, а мысль искала подкрѣпленія:

— Вотъ... скажу. Ребъ-Зундель вамъ не чужой. Свой...

И, говоря съ самимъ собой, Нахманъ уже отъ волненія заикался, а когда зашелъ къ ребъ-Довиду и увидѣлъ предъ собою толстое багровое лицо—задергалъ кривымъ плечомъ и затянулъ:

— Ррре...

— Ну, ну!—торопилъ ребъ-Довидъ.

— Ррр...

Въ концѣ концовъ Нахману удалось перешагнуть черезъ проклятую букву и повести разговоръ какъ слѣдуетъ, но на первой же фразѣ ребъ-Довидъ крикомъ перебилъ его...

Бокомъ выскользнулъ Нахманъ изъ дома ребъ-Довида, побѣжалъ по грязной улицѣ и слышалъ, какъ ребъ-Довидъ, высовываясь изъ окна, кричалъ ему вслѣдъ:

— Латутникъ, сморкачъ!.. Руки и ноги переломать тебѣ!..

Въ окнѣ торчало толстое, налитое кровью лицо, окаймленное жирными пейсами, и то открывало, то закрывало ротъ, издавая какіе-то писклявые, похожіе на бабьи крики.

Дрожа, запинаясь, разсказалъ Нахманъ Вольфъ-Беру о томъ, что было, и въ отвѣтъ услышалъ:

— Дурень ты, дурачокъ! Ребъ-Довида просить—это все равно, что рѣшетомъ воду таскать.

И согласился съ нимъ Нахманъ какъ-то скоро, даже не возражая, а ребъ-Зундель пожилъ немного, поголодалъ и куда-то уѣхалъ со своими дѣтьми. На дорогу далъ Нахманъ,—кое-какъ съ большимъ трудомъ сгребъ для него пару рублей.

Усѣлся ребъ-Зундель со своими ребятами въ фуру. Была она биткомъ набита. Пищали дѣти, у одной еврейки грудной ребенокъ багровѣлъ отъ плача, лѣниво отмахивались лошади отъ надоѣдливыхъ мухъ, полотняная завѣса надъ фурой была вся въ дырахъ и изъ каждой дыры выглядывали какіе-то узелки, а иногда и дѣтскія рожицы. На козлахъ въ ожиданіи дремалъ какой то старикъ, открывъ ротъ, и на его переносицѣ дрожали крупныя капли пота.

Усѣлся ребъ-Зундель, молча, а когда фура тронулась—какъ будто неохотно протянулъ руку Нахману и буркнулъ:

— Будь здоровъ.

Долго глядѣлъ Нахманъ имъ вслѣдъ. Медленно вернулся домой. Надъ недоконченной работой спалъ, сидя, Вольфъ-Беръ, за перегородкой словно мышь шевелилась старуха. Нахманъ вздохнулъ и взялся за иголку.

Шли мѣсяцы. За это время ребъ-Довидъ выстроилъ заѣзжій домъ, и на невзрачные домики гордо взглянули зеленыя ставни.

Когда постройка кончилась—какъ разъ вернулся Хаимъ-балаголе. Втеченіе многихъ дней Хаимъ-балаголе бродилъ вокругъ новаго дома, останавливалъ прохожихъ и, указывая имъ на новое зданіе, кричалъ на всю улицу:

— Видите, это моя кровь тутъ! Въ каждомъ бревнѣ мои деньги, въ каждомъ кирпичѣ кусокъ моего сердца!

А потомъ подходилъ къ окнамъ поближе и, задирая вверхъ рыжія брови и разсѣченную губу, начиналъ тихо:

— Ребъ-Довидъ, а, ребъ-Довидъ!

Никто не отвѣчалъ. Тогда Хаимъ возвышалъ голосъ:

— Ребъ-Довидъ, покажитесь!

И, наконецъ, съ воплемъ заканчивалъ:

— Ребъ-Довидъ, проклятье на васъ, контрабанщикъ, злодѣй!.. Гдѣ мои деньги?..

И все это видѣлъ и слышалъ Нахманъ, а, когда о чемъ-либо спрашивалъ Вольфъ-Бера, Вольфъ-Беръ отвѣчалъ покорнымъ тономъ:

— Ребъ-Нахманъ, такъ хочетъ Богъ.

Старѣлъ Вольфъ-Беръ, и въ догонку шелъ ему Нахманъ, и была уже въ его душѣ та же покорность.

Когда Нахману минуло семнадцать лѣтъ, Вольфъ-Беръ, не говоря ни слова, съѣздилъ въ Сувалки и привезъ оттуда свою племянницу Двейру. Была она бѣлобрысая, вся въ веснушкахъ, но здоровая и высокая. И понялъ Нахманъ, зачѣмъ Вольфъ-Беръ привезъ свою племянницу.

Племянница поселилась въ домѣ Хаима-балаголе, дней черезъ пять было обрученіе, а въ скоромъ времени и свадьба.

Пиликали музыканты, плакала невѣста и спокойно стоялъ Нахманъ подъ балдахиномъ. Не разъ видѣлъ онъ свадьбы, зналъ, что еврею нужно жениться, такъ хочетъ Богъ — и молча, не возражая, считая все происходящее повседневнымъ явленіемъ, вступилъ въ новую полосу своей жизни.

Въ сущности, эта полоса ничего не измѣнила: прибавились только лишнія заботы.

Молодые остались жить у Вольфъ-Бера, а черезъ годъ у Нахмана родилась дочь, за ней другая. Когда на свѣтъ Божій появился третій ребенокъ—сынъ, — тихо и незамѣтно умеръ Вольфъ-Беръ, а вскорѣ и его старуха. Семья росла. Родился еще одинъ сынъ, потомъ еще дочь, а за нею еще одинъ сынъ.

Плохо жилось Нахману, бывали и дни сплошного недоѣданія, болѣлъ то одинъ, то другой ребенокъ, разъ слегла и Двейра. Ревѣли дѣти, бродили немытыми, голодными, но, къ счастью, жена вскорѣ поднялась. Вздохнулъ Нахманъ свободнѣе, повеселѣлъ немного, а потомъ сразу свалилась неожиданная бѣда: въ мѣстечко пріѣхалъ новый портной. Жилъ онъ въ другой губерніи—въ какой-то деревнѣ. Хорошо зарабатывалъ, но однажды его попросили убраться, его и еще многихъ евреевъ, жившихъ по деревнямъ. Стонъ пошелъ по многимъ губерніямъ. Выселяли евреевъ тол-

пами, неуклонно и строго приводили въ исполненіе временныя правила 3-го мая.

И выселенные разбрелись по другимъ городамъ и мѣстечкамъ. Новый портной привезъ съ собой машину, работалъ онъ ловко и скоро. Потемнѣлъ Нахманъ, темно стало въ домѣ.

Голодъ заглядывалъ въ окна...

— Пойди къ ребъ-Довиду,—приставала жена.

И, какъ когда-то говорилъ Вольфъ-Беръ, сказалъ Нахманъ своей женѣ:

— Дура ты. У ребъ-Довида просить—все равно, что воду рѣшетомъ таскать.

Ушелъ Нахманъ, потолкался среди людей, поговорилъ кое съ кѣмъ, а, вернувшись, сказалъ женѣ:

— Горько. Надо что-нибудь придумать.

Весь день говорили они, перебрали всѣ возможности — и не было выхода.

И снова не спалъ Нахманъ всю ночь. Плакалъ младенецъ, укачивая его, охала надъ нимъ жена, жалобно гудѣла веревка люльки, а утромъ жена заявила, что за ночь кое-что придумала. Надо уѣхать, только одно и остается.

— Куда?—робко спросилъ Нахманъ.

— Куда? Это мнѣ нравится,—сердито отрѣзала Двейра.— Развѣ я знаю? Міръ великъ...

Вновь стали думать. Двейра вспомнила, что гдѣ-то въ М—ской губерніи живетъ ея двоюродный братъ Файвель — и вся загорѣлась.

— Чего ты радуешься?—недоумѣвалъ Нахманъ.

— Смотри-ка на него! — кричала Двейра. — Какъ мнѣ не радоваться? Къ Файвелю мы ѣдемъ, Файвель все устроитъ. Ну, тебѣ я говорю или стѣнѣ?

— А чѣмъ поѣдемъ?—еще тише спросилъ Нахманъ.

Двейра осѣклась, но не надолго. Рѣшительно и твердо она взялась за дѣло. Все, что можно было продать, продали. Тайкомъ отъ мужа сбѣгала Двейра къ ребъ-Довиду. Плакала и въ то же время грозила, схватила ребъ-Довида за полу его кафтана и сказала, что не двинется съ мѣста, пока ребъ-Довидъ не согласится помочь — и раздобыла то, что нужно.

Дня черезъ три Нахманъ-латутникъ вмѣстѣ со своей семьей покинулъ мѣстечко. Везъ его тотъ же балаголе, который отвозилъ ребъ-Зунделя, и фура была та же.

Подошла желѣзная дорога. Стучали колеса, буфера... Потомъ встала новая фура. Ѣхала эта фура, какъ всякая еврейская фура: черезъ каждыя три-четыре версты останавливалась; возлѣ жилыхъ мѣстъ балаголе пропадалъ иногда на долгое время — и тогда внутри фуры происходили маленькія

революціи: негодовали и возмущались пассажиры. Въ концѣ концовъ балаголе появлялся съ новымъ пассажиромъ. Появленіе новаго лица успокаивало пассажировъ; скрещивались вопросы и отвѣты. Подъ шумъ разговора балаголе быстро усаживался на козлы — и вновь дребезжала фура, охая и стеня надъ рытвинами. Тянулись поля, лѣса, пятнами врѣзывались деревни. Двейра всю дорогу говорила съ какой-то еврейкой и Нахману пришлось возиться съ дѣтьми.

Возни было много и онъ облегченно вздохнулъ, когда наконецъ послѣ долгой ѣзды остановились у моста мѣстечка.

— Тпрру! — рявкнулъ балаголе, хотя лошади давнымъ давно уже стояли, какъ вкопанныя.

Нахманъ вытаскивалъ ребятъ. Кто-то изъ мѣстныхъ жителей подошелъ къ фурѣ и Двейра налетѣла на него съ рядомъ вопросовъ—и только слышалось:

— Файвель... Сынъ Менахеме изъ Орши? Ой, уѣхалъ? Куда?.. Надолго? А, уже пріѣхалъ! Когда?.. Около базара? Налѣво?.. Третій домъ?.. Спасибо вамъ!.. Такъ вы говорите, третій домъ?.. Спасибо вамъ...

Балаголе помогъ вытащить вещи, сложили ихъ тутъ же на дорогѣ. Нахманъ остался съ вещами, а Двейра съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ почти бѣгомъ пустилась въ мѣстечко.

Устало сѣлъ Нахманъ на узелъ съ подушками, устало свѣсилъ руки — больное плечо поднялось еще выше — и былъ онъ жалокъ, маленькій на большомъ толстомъ узлѣ.

День шелъ къ концу. Повѣяло вечерней свѣжестью. Было тихо. Подъ мостомъ журчала рѣка. Нахманъ глядѣлъ на притихнувшихъ дѣтей. Облѣпили они его, точно пчелы. Самый младшій заснулъ, уткнувшись головой въ отцовское колѣно.

Нахманъ погладилъ заснувшаго ребенка, потомъ взглянулъ въ сторону мѣстечка — и вдругъ пришли ему на память слова Вольфъ-Бера. И, словно передавая кому-то неизвѣстному важныя и нужныя слова, Нахманъ проговорилъ негромко:

— Новая квартира... Новая жизнь... Новыя несчастья.

И задумался, а потомъ еще разъ повторилъ уже громче, точно желая яснѣе вникнуть въ смыслъ этихъ безотрадныхъ словъ, и не слышалъ, какъ подошла Двейра.

— Что это такое?—накинулась Двейра, уловивъ послѣднія слова.—Какія такія несчастья? Все хорошо будетъ.

— Я говорю...—смущенно началъ Нахманъ.

— Поменьше говори. Бери дѣтей и идемъ!—скомандовала Двейра.

...Шли они къ дому Файвеля — Нахманъ съ двумя ребятами на рукахъ, Двейра съ груднымъ, старшая семилѣтняя дѣвочка вела въ свою очередь еще двухъ—и по всей улицѣ выглядывали люди изъ оконъ, изъ дверей лавокъ...

Въ этотъ вечеръ во многихъ домахъ говорили о вновь прибывшихъ, а дней черезъ десять, когда младшему сыну Рахміеля-рѣзника понадобилось кое-что сшить къ праздникамъ, жена Рахміеля — Енте-Ципа обратилась къ своей сестрѣ:

— Я думаю позвать Нахмана-253бездѣтника. Пусть онъ шьетъ.

— Кого?—удивилась сестра.

— Нахмана-бездѣтника. Ну, вотъ того... родственника Файвеля.

Это прозвище пустила по мѣстечку Мирль, вдова Ицика Брохесъ. Была она женщина больная, но ехидная и любила давать прозвища. Она не вставала недѣлями, была у нея какая-то неизлечимая женская болѣзнь и, лежа, она выдумывала прозвища и рада бывала всякому случаю.

Едва успѣли ей сообщить, что пріѣхалъ молоденькій еврей съ шестью ребятами, какъ уже у Мирль Брохесъ что-то зашевелилось на языкѣ.

И вмѣсто Нахмана-латутника появился Нахманъ-бездѣтникъ.

Смѣясь, согласилось съ этимъ прозвищемъ все мѣстечко.

Нахманъ очень скоро узналъ объ этой кличкѣ. Когда Двейра, почти взбѣшенная, поспѣшила криками и жестами выразить свое негодованіе, Нахманъ посмотрѣлъ на нее съ грустной усмѣшкой и, заикаясь, сказалъ ей, повторяя слова покойнаго Вольфъ-Бера:

— Ну, ну, ничего страшнаго. Евреи любятъ давать прозвища. Прозвище—это паспортъ для еврея... Еврейскій паспортъ... Хе-хе...

VI.

Съ трудомъ, но осѣлъ Нахманъ. Года черезъ два послѣ пріѣзда родился еще одинъ сынъ. Первую зиму прожили впроголодь, ко второй стало немного легче, но нужда была постоянно въ домѣ, и всѣ дни Нахмана проходили въ постоянной борьбѣ съ нею и некогда было Нахману глядѣть, что творится вокругъ него, а творилось многое. Съ каждымъ днемъ мѣнялась жизнь, мѣнялись люди, порядки, обычаи, а Нахманъ жилъ, какъ въ тюрьмѣ—ничего не видя, ничего не слыша.

Росли дѣти. Сперва подросла одна дочь, за ней другая—и сразу какъ-то стало ясно, что дома двѣ дочери-невѣсты.

И пришлось поломать голову...

Съ трудомъ выдали старшую дочь замужъ, за ней другую. Но не успѣлъ Нахманъ успокоиться послѣ свадьбы второй дочери, какъ пришла забота бóльшая: второму сыну надо было идти въ солдаты, а на освобожденіе отъ повинности мало было надежды. Поѣхала Двейра въ Могилевъ. Въ Могилевѣ, какъ ей говорили, живетъ одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ знаетъ какіе-то ходы.

Вернулась Двейра изъ Могилева темнѣе осенняго вечера. Человѣкъ потребовалъ такую сумму, какую Двейра и назвать не могла безъ содроганія. Содрогнулся и Нахманъ, но дѣлать нечего: надо достать, надо освободить сына, жалко сына, сыну обѣщаютъ какое-то мѣсто... Заложили все, что можно, небольшую сумму согласился дать взаймы Файвель, а остальное Нахманъ втихомолку досталъ у Зораха Бруцкуса подъ большіе проценты. Зорахъ Бруцкусъ держалъ какую-то лавчонку, въ которой товару было рубля на два, не больше, а жилъ, не нуждаясь, и дочь выдалъ замужъ за такого человѣка, что все мѣстечко ахнуло отъ удивленія.

Женѣ своей Нахманъ не сказалъ, какой процентъ потребовалъ Зорахъ, а когда Двейра пристала къ нему, онъ, волнуясь и сердясь, отвѣтилъ ей:

— Не твое дѣло. Деньги есть — и хорошо. На!

И онъ протянулъ ей тощую пачку замусленныхъ грязныхъ трехрублевокъ, а самъ отошелъ въ сторону и затихъ.

Деньги отослали „человѣку изъ Могилева". Сынъ уѣхалъ туда, гдѣ долженъ былъ призываться.

Стали ждать, а дней черезъ десять пришло письмо отъ сына... Сына взяли въ солдаты, „человѣкъ изъ Могилева" надулъ, пальца о палецъ не ударилъ, забралъ деньги и ничего не сдѣлалъ. Все пропало—и деньги, и сынъ.

Остолбенѣвъ, стоялъ Нахманъ среди комнаты. Двейра вырывала письмо изъ его судорожно-сведенныхъ пальцевъ и кричала, захлебываясь отъ рыданій:

— Горе мнѣ! Нахманъ, скажи хоть одно слово!

Дергала его за рукавъ и вновь кричала:

— Ой, это я виновата, я, я. Я повѣрила этому вору изъ Могилева. Сыночекъ мой дорогой, руки и ноги переломать твоей матери. Нахманъ!.. Владыко міра, гдѣ этотъ воръ? Ослѣпнуть ему, не дожить ему до субботы, гдѣ онъ, этотъ воръ? Ой, это я виновата!..

Въ одинъ день Нахманъ постарѣлъ лѣтъ на пятнадцать... Не переставая, плакала Двейра, по всему мѣстечку разносились ея проклятія. Изъ дома въ домъ ходила она—и ругательства сыпались на голову „вора изъ Могилева"...

Два-три дня бродилъ Нахманъ по дому, словно тѣнь, а, когда жена успокоилась, онъ ей сказалъ:

— Не ты виновата. Никто не виноватъ, — и сѣлъ за работу.

Сына угнали на Кавказъ...

Какъ будто еще ниже сталъ Нахманъ. Два раза въ мѣсяцъ приходилось вносить проценты Зораху Бруцкусу, надо было выплачивать Файвелю, и все это Нахманъ дѣлалъ покорно, не жалуясь, бѣгалъ отъ одного сосѣда къ другому, дрожалъ надъ каждой копейкой, только Двейра каждый день вспоминала „вора изъ Могилева“ и отплевывалась.

Потомъ пришли другія событія, одно слѣдовало за другимъ. Женился старшій сынъ, переѣхалъ въ Оршу; въ Оршѣ пожилъ недолго, оставилъ жену и ребенка и уѣхалъ въ Америку.

— За счастьемъ,—какъ говорили одни.

— Отъ жены убѣжалъ,—какъ добавляли другіе.

И не зналъ Нахманъ, гдѣ правда. Зналъ онъ только, что въ Оршѣ живетъ его внукъ и что матери этого внука надо помогать. И помогалъ онъ, изъ кожи лѣзъ, но помогалъ, и часто, очень часто хотѣлось Нахману съѣздить въ Оршу, посмотрѣть на внука и привезти его къ себѣ, но тотчасъ же приходили разсчеты, счеты—и Нахманъ пряталъ свое желаніе до болѣе счастливыхъ дней, но счастливые дни не приходили и часто казалось, что никогда ихъ и не будетъ. Не было ни одной спокойной минуты. Много было заботъ съ третьей дочерью. Жениховъ въ виду не было, съ приданымъ дѣло обстояло туго. Гдѣ взять Нахману-бездѣтнику на приданое, когда въ домѣ, кромѣ подушекъ и перинъ, ничего нѣтъ, а что было—то заложено? Дочь была неудачница, ничего не умѣла дѣлать, все у нея изъ рукъ валилось и только одно и дѣлала, что ссорилась съ матерью. Ссоры происходили часто изъ-за пустяковъ.

...Шьетъ Нахманъ, шелеститъ матерія, вьется нитка, а изъ кухни доносится гамъ, крикъ. Съеживается Нахманъ: не любитъ онъ криковъ. Бросаетъ онъ работу, подходитъ къ дверямъ кухни, видитъ и слышитъ, какъ въ маленькой закоптѣлой кухнѣ мать и дочь ругаютъ другъ друга; видитъ раскраснѣвшіяся лица, у дочери засучены рукава по локоть и машетъ она голыми руками передъ самымъ носомъ матери, а мать со злобой что-то мѣшаетъ въ горшкѣ и, не слушая, что говоритъ дочь, кричитъ въ свою очередь. И хочется Нахману крикнуть:

— Перестаньте!

Крикнуть, а потомъ заплакать обидными слезами, но вмѣсто этого идетъ онъ обратно къ своему мѣсту—долго,

долго сидитъ безъ движенія, только шевелитъ губами, а потомъ, какъ бы спохватившись, укоризненно качаетъ головой и быстро начинаетъ шить.

И шьетъ, шьетъ безъ конца.

Осенью пріѣхалъ въ мѣстечко какой-то богатый еврей съ женою въ гости къ своему родственнику, а когда уѣхалъ—захватилъ съ собой дочь Нахмана въ качествѣ прислуги.

Дома осталось двое: послѣдняя дочь и самый младшій сынъ. А въ это время по всей странѣ шли большія волненія. Зашевелилась и Мерея, — такъ называлось мѣстечко. Пришли октябрьскіе дни, надвинулись погромы. Погромъ какимъ-то чудомъ миновалъ Мерею — и камнемъ слетѣлъ на головы жителей ближайшаго мѣстечка—Онешты...

Молодежь изъ Мереи двинулась на помощь...

Были тревожные ночные часы... Ночь прошла, прошелъ день, а на второй день въ Мерею привезли изъ Онешты двухъ убитыхъ изъ самообороны и трехъ изъ мѣстныхъ жителей. Среди нихъ былъ и сынъ Нахмана—двадцатилѣтній Лейзеръ.

Въ Мерею потянулись пострадавшіе отъ погрома въ Онештахъ. Десятки новыхъ лицъ появились въ Мереѣ. Лавки стояли запертыя, куда-то исчезъ смѣхъ. Притихла Мерея, забравъ въ себя искалѣченныхъ и раззоренныхъ, и насторожилась, не увѣренная въ своей безопасности, не знающая, что скажетъ слѣдующее утро или слѣдующая ночь.

Было тогда Нахману пятьдесятъ лѣтъ.

VII.

Полъ вѣка прожилъ Нахманъ. Видѣлъ онъ немало умершихъ, не мало похоронилъ близкихъ, и каждая смерть была понятной и, если заставляла о чемъ-нибудь думать, то во всякомъ случаѣ не о безсмысленности смерти; но смерть сына перевернула въ немъ всю душу, и у него какъ бы открылись глаза. Вотъ онъ жилъ втеченіе многихъ лѣтъ съ завязанными глазами, и вдругъ кто-то пришелъ, сорвалъ повязку и крикнулъ:—Гляди!

И взглянулъ Нахманъ-бездѣтникъ и увидѣлъ, что жизнь оставила его позади, сдѣлала большой скачокъ, пока онъ накладывалъ заплаты на чужія одежды.

Была война, о войнѣ говорили, спорили, гадали, а Нахману было не до войны. Куда тамъ, когда дома собственная нужда съ войной! Были большія перемѣны въ самомъ мѣстечкѣ, повѣяло чѣмъ-то новымъ. Слышалъ онъ не разъ, какъ люди толкуютъ о сіонизмѣ, о какомъ-то докторѣ Герцлѣ, но слушалъ однимъ ухомъ и не понималъ, къ чему всѣ эти разговоры.

Самъ онъ зналъ старыя слова, помнилъ ихъ:

— Да отсохнетъ рука моя, о Іерусалимъ, если я забуду тебя.

Но онъ повторялъ сотни другихъ обыденныхъ словъ. Некогда было думать: голова сохла отъ безчисленныхъ заботъ, а бокъ-о-бокъ шли другіе порядки. Вся страна дрожала отъ возбужденія и дрожь доходила до Мереи. Дѣти отодвинулись отъ отцовъ, стали жить по иному, требуя иного.

И ничего этого не видѣлъ Нахманъ. Въ своей собственной семьѣ не увидѣлъ новаго человѣка, идущаго ему на смѣну, а когда увидѣлъ,—было уже поздно...

Было прозвище „бездѣтникъ“—и прозвище оправдалось: остался онъ безъ дѣтей.

Привезли сына убитымъ. Не самъ умеръ, какъ умирали дѣды, прадѣды, а убили его.

Кто отвѣтитъ, за что убили?.. Кто отвѣтитъ, къ чему были всѣ труды, всѣ заботы и боли о дѣтяхъ?

И видитъ Нахманъ, что сына хоронятъ не только свои родные, но все мѣстечко, плачетъ не только мать, но и чужіе люди, которыхъ до этого Нахманъ никогда и не видѣлъ.

Рѣчи на кладбищѣ... Слова, нигдѣ никогда не слышанныя... И въ какую-то непонятную величину выростаетъ сынъ, и озирается Нахманъ. Не плачетъ, не стонетъ, только недоумѣніе въ глазахъ, недоумѣніе во всѣхъ движеніяхъ.

Приходили люди, когда Нахманъ, исполняя обрядъ поминанія, сидѣлъ семь дней на полу,— что-то говорили участливо. Словно въ туманѣ, мелькали передъ глазами Нахмана фигуры, лица, руки, ноги... Кто-то кормилъ его. Апатично принималъ Нахманъ пищу, на всѣ вопросы отвѣчалъ молчаніемъ. Слышалъ онъ, какъ рядомъ стонетъ жена, видѣлъ встревоженное, опухшее отъ слезъ лицо дочери—и трудно было шевельнуть языкомъ.

Иногда поднималъ глаза.

День... Свѣтло на дворѣ, а въ комнатѣ сумрачно. На полу сидятъ жена, дочь. Жена согнулась, точно кто-то ударилъ ее по затылку и приказалъ не подниматься. У дочери волосы разметались по плечамъ, грязная кофточка... Чувствуетъ Нахманъ, что надо кое-что сказать, но не можетъ—и вновь опускаетъ голову, и на курчавую сѣдую бородку стекаютъ скупыя слезы...

Вечеръ наступаетъ. Кто-то заглядываетъ въ окно. Слышно, какъ въ сѣняхъ кто-то отряхиваетъ снѣгъ съ сапогъ, входитъ, за нимъ тянется по полу мокрая полоска... Пришедшій что-то говоритъ, сидитъ недолго и со вздохомъ уходитъ. Скрипитъ снѣгъ за окномъ. Вьется мертво часъ за часомъ.

Семь долгихъ томительныхъ дней просидѣлъ Нахманъ.

За эти семь дней вся жизнь прошла передъ нимъ, и сколько минутъ было въ этихъ семи дняхъ—столько мыслей промелькнуло.

И когда-то давно приподнялъ онъ краешекъ завѣсы съ будущаго, заглянулъ въ него какими-то внутренними глазами—и тогда, словно озаренное яркимъ свѣтомъ, стало понятнымъ все то, что было.

Седьмой день кончился въ пятницу, а въ субботу вечеромъ Нахманъ держалъ свѣчу въ дрожащихъ рукахъ и потемнѣвшій отъ времени серебряный стаканчикъ съ виномъ,—единственную вещь, которую еще не заложили.

Въ темномъ винѣ колебалось отраженіе свѣчи. Возлѣ двери стояла Двейра. Гдѣ-то у окна темнѣлъ силуэтъ дочери. И тихо началъ Нахманъ, словно жалуясь кому-то:

— Гинэй эйлъ эшіосы эвпахъ [1])... Вотъ Богъ спасенія моего...

Запнулся Нахманъ... Поглядѣлъ на ногти и вдругъ всхлипнулъ. Какъ-то жалобно, по-дѣтски. Изъ задрожавшихъ рукъ выпали стаканъ и свѣча...

Нахманъ нагнулся, чтобы поднять упавшее, и, громко рыдая, закончилъ на полу:

— В'элей эфходъ ки о зы вызымросъ ё адонэй... Уповаю и не страшусь, ибо моя сила и пѣснь есть Іегова-Господь...

Казалось, что онъ зоветъ кого-то... Его поднимали жена и дочь и подъ руки вели къ постели...

Съ этого дня Нахманъ-бездѣтникъ сталъ другимъ человѣкомъ и было это на пятидесятомъ году его жизни. Гдѣ было только два-три человѣка, тамъ былъ и Нахманъ. Не было ни одного спора, въ которомъ онъ бы не участвовалъ, ни одного разговора. Онъ приходилъ въ синагогу раньше всѣхъ. Обо всемъ допытывался, все торопился узнать. Говорилъ со стариками, съ молодыми. Молодымъ задавалъ сотни вопросовъ и тутъ же съ мѣста въ карьеръ развивалъ свои теоріи. Теоріи были страшно запутанныя, никто въ нихъ ничего не понималъ. Все смѣшалось вмѣстѣ: и погромы, и сіонизмъ, и „Бундъ“, и самооборона. и различныя европейскія государства, и война, давно прошедшая. Зазывалъ онъ людей къ себѣ, часами говорилъ. Въ Мереѣ нѣсколько человѣкъ получали еврейскую газету, и Нахманъ прочитывалъ каждый номеръ, а потомъ въ разговорѣ обнаруживалъ огромную освѣдомленность, но все шиворотъ-навыворотъ.

---

[1]) Молитва, которую читаютъ въ субботу вечеромъ надъ виномъ и свѣчей.

Все это дѣлалось торопливо, почти лихорадочно, словно что-то горѣло у него внутри, и онъ старался этотъ огонь чѣмъ-нибудь затушить, но на всѣхъ его движеніяхъ и словахъ лежала густая печать неизлечимой грусти.

Часто забывалъ онъ про ѣду — и Женѣ приходилось слѣдить за нимъ, какъ за маленькимъ ребенкомъ.

Уѣхала послѣдняя дочь въ Америку, получивъ шифсъ-карту отъ брата,—и Нахманъ не замѣтилъ ея отсутствія. Прихварывала Двейра, согнулась вдвое, но и этого онъ не видѣлъ. Ни одной минуты не могъ усидѣть дома.

— Куда ты бѣжишь, Господь съ тобой? Вѣдь не на пожаръ же?—спрашивала Двейра.

Пусто было дома безъ дѣтей. Двейра пробовала не разъ говорить съ мужемъ о невѣсткѣ, которая жила въ Оршѣ, но Нахманъ глядѣлъ въ сторону и торопливо бормоталъ:

— Потомъ... потомъ...—и куда-то уходилъ.

Нахманъ забросилъ работу. Еслибы изрѣдка не посылалъ старшій сынъ изъ Америки--трудно былобы Двейрѣ сводить концы съ концами.

Рѣзкая перемѣна въ мужѣ поразила Двейру... Кажется, тотъ же самый Нахманъ, и въ то же время не тотъ, словно пришли и подмѣнили... Человѣку пятьдесятъ лѣтъ, а онъ якшается съ молодыми. У человѣка сѣдые волосы, а онъ дни и ночи то на улицѣ, то у кого-нибудь въ гостяхъ. Что же это такое, Господи Боже мой!.. И не сидится ему на одномъ мѣстѣ: то вскочитъ, то побѣжитъ. Что же это такое?.. Старшая дочь жила по близости, на другомъ берегу рѣки, и радовалась Двейра, когда приходила дочь, и выражала передъ нею свое недоумѣніе, и жаловалась ей.

* * *

Въ большой синагогѣ полумракъ. Медленно собирается народъ, а пока идетъ бесѣда. Тутъ же и Нахманъ. Маленькая фигурка съ вздернутымъ плечомъ поворачивается то въ одну, то въ другую сторону. Затронутъ очень важный вопросъ—и Нахманъ горячится, заикается.

— Какъ же такъ?—твердитъ Нахманъ. — Легко сказать, переѣхать всѣмъ въ Палестину! А что скажетъ Турція?

— Очень легко—важно и вѣско отвѣчаетъ Зелигъ Зельцеръ. У Зелига Зельцера заведеніе фруктовыхъ водъ; но, говоря о немъ, Зелигъ всегда прибавляетъ: „моя фабрика". Какъ настоящій фабрикантъ, онъ говоритъ медленно и вѣско.

— Лл... егг...к...ко? — подскакиваетъ Нахманъ. — Восьми мм-милліонамъ евреевъ?

— Семь,—вноситъ кто-то свою поправку.

— Ну, пусть будетъ семь,—соглашается Нахманъ и начинаетъ высчитывать:—на дорогу нужно, на губернаторскій паспортъ нужно.

— Къ чему тутъ паспортъ?—смѣется кто-то сзади.

— Пп-п-аспортъ?—Нахманъ оборачивается къ невидимому оппоненту.—Скажите мнѣ, я прошу васъ, а какъ вы переѣдете границу? Крадучись? А? Семь милліоновъ человѣкъ будутъ „красться" черезъ границу?

Среди слушателей растетъ смѣхъ. И все сильнѣе горячится Нахманъ, начинаетъ высчитывать, путается въ цифрахъ.

— Ша!--стучитъ кто-то кулакомъ по пюпитру.—Пора уже молиться.

Становится тихо...

Помолившись, медленно идетъ Нахманъ домой, останавливается на каждомъ шагу, встрѣтитъ человѣка, перекинется съ нимъ двумя-тремя словами—и бредетъ дальше. Къ вечеру у Нахмана падаетъ возбужденіе. Въ бѣгѣ дня живетъ онъ повышенно, тревогу и боль куда-то гонитъ прочь спорами, разговорами, а приходитъ вечеръ, становится темно—и боль и тревога настойчиво заявляютъ о себѣ.

И не отпускаютъ онѣ Нахмана вплоть до утра, до той минуты, пока не наступаетъ сутолока дня.

Дома пусто, глухо. Вяло и словно неохотно горитъ лампа. Спитъ Двейра. Устало садится Нахманъ къ столу, машинально перебираетъ разбросанные обрѣзки, тесемки.

Тягуче ползетъ ночь. И некуда уйти Нахману отъ безотрадныхъ безформенныхъ мыслей.

Но приходитъ новый день — и уже съ утра Нахманъ на улицѣ толчется среди людей, жестикулируетъ, споритъ, горячится. И отъ одного обывателя къ другому идутъ крылатыя словечки:

— Нахманъ — политикъ!

— Нашъ Нахманъ—политикъ.

— Ну, ребъ-Нахманъ, что слышно, напримѣръ, скажу я, въ Австріи?

— Ребъ-Нахманъ, слыхали? Новый циркуляръ...

— Ребъ-Нахманъ-политикъ!

...Скрипитъ колесо жизни...

VIII.

Верстахъ въ трехъ отъ Мерен, по ту сторону рѣки, сейчасъ же за густой тѣнистой рощей, лежало большое село Никодимовка, гдѣ два раза въ году происходили огромныя ярмарки. На ярмарки со всѣхъ окрестностей съѣзжались люди, безъ конца тянулись нагруженные возы, летѣли ша-

рабаны, пролетки, шли пѣшеходы. Никодимовка славилась своей мукой, которую такъ и называли „никодимовка“—и подъ этимъ именемъ она расходилась по многимъ губерніямъ, а частью шла заграницу.

Село было богатое съ двумя церквами, съ огромнымъ количествомъ мельницъ. Было много лавокъ, каменныхъ домовъ. Недалеко находилась станція желѣзной дороги, откуда и пришелъ расцвѣтъ Никодимовки.

Рядомъ со своимъ богатымъ разодѣтымъ сосѣдомъ Мерея казалась жалкимъ темнымъ пятномъ; ютившаяся на двухъ невысокихъ холмахъ, она была похожа на горбатаго. Но не только внѣшній обликъ отдѣлялъ Мерею отъ Никодимовки, Никодимовка принадлежала къ другой губерніи, эта губернія уже лежала внѣ черты еврейской осѣдлости—и между Мереей и Никодимовкой лежала непроходимая пропасть. Эту пропасть трудно было заполнить. Создавалась она годами и съ каждымъ годомъ становилась все глубже и глубже, точно кто-то озлобленный усердно копалъ ее, выбрасывая лопату за лопатой...

Но тонкія, почти неуловимыя нити связывали Мерею и Никодимовку, тянулись черезъ насыпь. Въ Никодимовкѣ жило 5—6 еврейскихъ семей: двое мукомоловъ, зять Нахмана — слесарь, сынъ николаевскаго солдата, и еще кое-кто. Въ большіе праздники никодимовскіе евреи молились въ мерейской синагогѣ, иногда заглядывали въ Мерею и въ будніе дни—и дѣлали они это спокойно, не боясь.

Иначе обстояло дѣло съ жителями Мереи. Посѣщали они Никодимовку рѣдко и то только тогда, когда нужда требовала: никодимовскіе мукомолы вели большую торговлю и отъ нея кое-что перепадало жителямъ Мереи.

Рядомъ съ никодимовскимъ евреемъ мереецъ казался жителемъ другой планеты; точно два совершенно различныхъ міра лежали бокъ-о-бокъ рядомъ, раздѣленные только узкой полоской земли. Крѣпче всѣхъ была связь съ Никодимовкой у Нахмана, но до смерти сына онъ былъ только разъ у своей дочери, и то по просьбѣ Двейры. Пошелъ онъ, когда дочь захворала, но пробылъ въ Никодимовкѣ недолго и быстро вернулся. Какъ разъ въ это время въ Никодимовкѣ ждали новаго пристава, и кто-то пустилъ слухъ о предстоящей облавѣ.

Старый приставъ зналъ, что мерейцы захаживаютъ и ночуютъ въ Никодимовкѣ, но не вмѣшивался, а кто знаетъ, каковъ будетъ новый приставъ—и встревоженный зять поспѣшилъ выпроводить Нахмана. Слухъ оказался только слухомъ, но остался висѣть въ воздухѣ, какъ невидимая, но возможная угроза.

Вскорѣ сына убили, а когда послѣ его смерти жизнь Нахмана пошла по иному—иными глазами взглянулъ на „черту“ Нахманъ-политикъ.

Сталъ онъ чаще захаживать въ Никодимовку въ поискахъ за новостями, въ ненасытномъ желаніи быть среди новыхъ лицъ, среди новой сутолоки.

Вскорѣ Нахманъ сталъ постояннымъ гостемъ въ Никодимовкѣ.

Разъ, другой—и перестала для него существовать „черта“. Такъ же, какъ переступалъ порогъ любого дома въ Мереѣ, переходилъ онъ мостъ, бралъ влѣво, огибалъ рощу,—и все это дѣлалъ, не размышляя: земля въ Никодимовкѣ была для него той же землей, что и мерейская, и онъ не глядѣлъ на нее, зная каждую пядь ея, каждый дорожный столбикъ.

Не было разницы между однимъ клочкомъ земли и другимъ, а когда ему люди говорили объ этомъ—онъ недоумѣвающе выслушивалъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ начатый разговоръ. По поводу его хожденій въ Никодимовку особенно любилъ распространяться Исроэль Залкиндъ, тоже портной. На Нахмана онъ никогда не смотрѣлъ, какъ на серьезнаго конкурента, а когда тотъ окончательно забросилъ работу, Залкиндъ счелъ своимъ долгомъ особенно дружески относиться къ нему и дѣлалъ это на каждомъ шагу.

— Ой, ребъ-Нахманъ, — говорилъ Изроэль Залкиндъ, многозначительно сощуривъ глаза.—Ой, нарветесь вы! Вотъ не могу васъ понять. Кажется, человѣкъ газеты читаетъ, знаетъ гдѣ и что, а ведетъ себя, какъ ребенокъ. Кому, какъ не вамъ, знать, что одна губернія — это одна губернія, а другая губернія — это другая губернія. Вѣдь вы человѣкъ съ умомъ, человѣкъ съ политикой.

Въ отвѣтъ Нахманъ бросалъ короткое „ну“. Тогда Залкиндъ такъ же многозначительно раскрывалъ глаза и полуобиженно говорилъ:

— Вамъ лучше знать, конечно. Но...

Вновь щурилъ глаза и, уже отходя, добавлялъ:

— Какъ хотите, я вѣдь не принуждаю. Я это отъ полнаго сердца.

Не разъ и Двейра пыталась образумить мужа, напуганная старымъ слухомъ объ облавахъ, но всѣ ея старанія, словно хрупкое стекло, разбивались о равнодушіе Нахмана.

Нахманъ ко всему былъ равнодушенъ, кромѣ своей, какъ говорила Двейра, „политики, чтобы ей не дожить до завтрашняго дня“, и въ то же время кусокъ земли, отдѣляющій одну губернію отъ другой, не былъ для него частью той же политики.

Политика была въ другомъ — въ неясномъ, спутанномъ, гдѣ все хотя и исходило изъ смерти сына, но было далекимъ, нездѣшнимъ, а „черта“ лежала передъ самыми глазами, была простымъ, слишкомъ реальнымъ фактомъ и была связана съ тѣми жизненными проявленіями, отъ которыхъ Нахманъ торопливо и лихорадочно уходилъ въ несознанномъ желаніи заслониться отъ той жизни, гдѣ убиваютъ сыновей, гдѣ каждый шагъ долженъ сопровождаться крикомъ: „на, пей мою кровь“, гдѣ нѣтъ отдыха.

И, какъ избалованный ребенокъ проходитъ мимо не интересной, не яркой игрушки, Нахманъ прошелъ мимо „черты“.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Нахманъ простудился. У зятя пилъ онъ чай съ малиновымъ вареньемъ, много и долго говорилъ, вспотѣлъ, а потомъ вышелъ, не успѣвъ еще отдышаться. Холодно было на улицѣ. Возлѣ рощи налетѣлъ внезапный вѣтеръ, продулъ насквозь — и еле-еле дошелъ Нахманъ до Мереи и слегъ.

Трудно было Нахману лежать: тяготила тишина, пугало безлюдіе, тянуло на улицу. Попробовалъ онъ разъ подняться, но силъ не хватило, а къ тому еще Двейра набросилась на него съ крикомъ. Сошлись они оба на томъ, что ему будетъ позволено сидѣть у окна.

День, другой сидитъ Нахманъ у окна.

Пусто на улицѣ, никого не видно. Не то снѣгъ падаетъ, не то дождь идетъ. Облака ползутъ и похожи на мокрыя тряпки. Попрятались люди. Тяжело Нахману безъ людей. Какъ разъ подошла первая годовщина смерти сына. Въ этотъ день не сидѣлъ Нахманъ у окна.

Зажгла Двейра лампу. При свѣтѣ дня тихій огонекъ лампы [1]) заговорилъ о чемъ-то безотрадномъ, тоскливомъ, казался мертвымъ напоминаніемъ о томъ, что мертво. Тусклый октябрьскій день насупился, точно скупой старикашка, и скупо свѣтилъ въ окна. Всхлипывала Двейра. Старикъ глядѣлъ на лампу, не мигая; съежился въ углу кровати, укрывшись старымъ женинымъ платкомъ, и всматривался упорно, словно сквозь тонкій язычокъ огня видѣлъ что-то важное, сокровенное — и не слезились глаза, только иногда вздрагивало искривленное плечо и о чемъ-то безвыходно-тяжеломъ говорила эта дрожь. На слѣдующій день Нахманъ ушелъ изъ дому, не слушая, что кричитъ ему въ догонку Двейра, и хотя чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какую-то слабость — все же весь день шагалъ по мѣстечку: зашелъ онъ къ Бруцкусу, отъ Бруцкуса къ Залкинду, даже къ рѣзнику зашелъ, что случалось очень

[1]) Въ день годовщины должна горѣть лампа съ утра.

рѣдко. Рѣзника вскорѣ куда-то позвали. До вечера было еще далеко—и, выйдя отъ рѣзника, Нахманъ повернулъ къ мосту. Плыли по рѣчкѣ тонкія льдинки, похожія на осколки стеколъ, у береговъ лежалъ полоской сѣроватый затоптанный снѣгъ, съ того берега тусклымъ пятномъ сѣрѣла роща.

Нахманъ перешелъ мостъ и заковылялъ къ рощѣ... Ноги то и дѣло скользили съ дороги къ канавкамъ. Шальной вѣтеръ билъ въ затылокъ, а потомъ вдругъ мѣнялъ направленіе и уже колотилъ въ лицо. Долго, очень долго шелъ Нахманъ и не успѣлъ онъ перекинуться съ зятемъ двумя-тремя словами, какъ уже наступилъ вечеръ, а къ вечеру снѣгъ повалилъ мелкими хлопьями, но густо, богато—и въ короткое время воздвигъ сугробы, разукрасилъ крыши и сплошнымъ бѣлымъ пластомъ раскинулся по землѣ, не оставляя ни одной прорѣхи. Зять, уставшій за день, нудно говорилъ о своихъ дѣлахъ, жаловался на кого-то, кого-то въ чемъ-то упрекалъ. Въ сосѣдней комнатѣ плакалъ ребенокъ и мать тягуче тянула надъ нимъ пѣсенку, иногда прерывая ее — и тогда слышалось сердитое, перемѣшанное со вздохами:

— Заснешь ли ты когда-нибудь? Охъ!.. Аа-аа!..

Какъ всегда къ ночи, пріумолкъ Нахманъ... Успокоивъ ребенка, появилась дочь, устроила старику постель, что-то сказала про погоду, спросила о Двейрѣ — и ушла, а за нею вскорѣ и зять ушелъ.

Холодно было Нахману, дрожь скользила по всему тѣлу, отъ головы къ плечамъ пробѣгали какія-то тонкія, колючія струйки. Подошелъ Нахманъ къ печкѣ, пощупалъ ее—и къ теплымъ, почти горячимъ изразцамъ, надолго прижалась старческая искривленная спина. Такъ, сидя у печки, и заснулъ онъ. Лампа почадила немного, почадила и погасла, дернувъ въ послѣдній разъ конвульсивно тоненькимъ язычкомъ. Забѣлѣли окна, запушенныя снѣгомъ. Потекли минуты ночи—ровно, не торопясь, сплетаясь съ тишиной, но вдругъ тишина испуганно шарахнулась въ сторону, нарушился ровный бѣгъ ночи: громко и настойчиво кто-то стучалъ въ двери.

IX.

— Господинъ приставъ, — кричала дочь Нахмана, ловя пристава за руку. — Господинъ приставъ! Боже мой! Ну, пришелъ къ своей дочери старый еврей — такъ что же за это?

Два урядника стояли у дверей. Возлѣ нихъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ суетился зять Нахмана. Одной рукой онъ поддерживалъ розовые кальсоны, а другой отчаянно жестикулировалъ и быстро-быстро что-то шепталъ урядникамъ.

Одинъ урядникъ отвернулся въ сторону, а другой однимъ глазомъ сердито подмигивалъ зятю, указывая на пристава, но зять не видѣлъ предостерегающихъ знаковъ.

— Господинъ приставъ,—умоляла дочь Нахмана.—Онъ сейчасъ уйдетъ, вотъ сейчасъ... Одну минуточку, господинъ приставъ, мой мужъ увезетъ его, вотъ какъ вы видите меня. Сейчасъ...

И, обращаясь, къ мужу кричала:

— Мендель, одѣвайся. Чего ты тамъ стоишь, погибель на тебя, одѣвайся!

А вперемежку отрывисто бросала по-еврейски:

— Гдѣ твоя голова? Дурень, оселъ, покажи ему „звонкія"!...

Отъ пристава бѣгала къ мужу, отъ мужа къ урядникамъ и снова къ приставу, но приставъ коротко говорилъ:

— Нельзя.

И она отскакивала отъ него, точно мячъ.

Урядники шли къ Нахману... Какъ только полиція вошла въ комнату, Нахманъ испуганно метнулся отъ печки въ сторону, не понимая въ чемъ дѣло, но увидѣлъ свѣтлую шинель пристава—согнулся весь, спряталъ голову въ плечи и медленно поплелся обратно къ печкѣ, вновь прижался къ изразцамъ и покорно обернулся къ приставу... Глядѣлъ на него нѣсколько мгновеній, а потомъ устало опустилъ голову на грудь и закрылъ глаза. Кричала и плакала дочь, тонкимъ голосомъ говорилъ зять, гудѣли голоса урядниковъ— и все время Нахманъ сидѣлъ съ закрытыми глазами. Когда урядники по приказанію пристава подошли къ Нахману и взяли его за плечи, и Нахманъ покорно отдался чужимъ рукамъ,—дочь его, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, съ визгомъ подскочила къ урядникамъ и уцѣпилась за одного изъ нихъ, схватившись за шнуръ отъ револьвера.

Урядникъ дернулъ плечомъ и, обернувшись, спокойно и въ то же время быстро ударилъ ее кулакомъ въ грудь, отшвырнувъ къ стѣнѣ. Она охнула коротко и присѣла.

— Гавриловъ, не дерись! — сухо сказалъ приставъ, направляясь къ дверямъ.

За нимъ двинулись урядники, ведя Нахмана. Не сопротивляясь, шелъ Нахманъ. Урядники стучали сапогами, что-то говорилъ приставъ, и слова, и крики, и тревога, казалось, шли мимо Нахмана, не затрагивая его, словно все, происходящее въ комнатѣ, не касалось его, точно все это совершалось гдѣ-то далеко за предѣлами понятнаго, разумнаго и здѣшняго.

Только тогда, когда одинъ изъ урядниковъ, подталкивая его къ порогу, открывалъ дверь,—Нахманъ обернулся, уви-

дѣлъ, какъ дочь поднимается съ полу, какъ метнулись въ сторону розовые кальсоны зятя—и задвигалъ губами, словно пережевывая что то, и вдругъ медленно и раздѣльно сказалъ, не заикаясь:

— Доброй субботы.

И на его потемнѣвшемъ лицѣ мелькнула какая-то странная улыбка.

...Позади остался домъ зятя, хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами. Сосредоточенно и грузно шагалъ высокій урядникъ, а другой—вертлявый и маленькій—то и дѣло забѣгалъ впередъ, поддерживая шашку и шаркая одной ногой, и былъ онъ похожъ на юркую лохматую собаченку.

И на улицѣ Нахманъ снова повторилъ:

— Доброй субботы!

Вертлявый урядникъ прыснулъ:

— Чего ржешь?—буркнулъ высокій сердито,—приказано вѣдь потише.

Вертлявый урядникъ поднесъ руку ко рту, но не могъ сдержаться и захлебнулся отъ смѣха:

— Мм...ать честная! Хо-хо-хо... Жидъ-то какъ лопочетъ... Мнѣ-то... Хо-хо-хо... По своему!..

За нимъ заскрипѣли чьи-то шаги: торопливо бѣжалъ зять Нахмана, уже одѣтый, догоняя пристава, и вдругъ увидѣлъ, что приставъ подходитъ къ дому мукомола Шапиро.

Падая, спотыкаясь, зять Нахмана побѣжалъ обратно къ своему дому, еле нащупалъ дверь и съ крикомъ ворвался въ комнату:

— Хана, они пошли къ Шапиро... Они идутъ ко всѣмъ. Плохо, плохо!..

... На крыльцѣ мукомола Шапиро сидѣлъ Нахманъ, уронивъ голову на руки, а возлѣ вертлявый урядникъ стоялъ на стражѣ. Другой урядникъ рукояткой револьвера стучалъ въ двери.

Для остальныхъ облава прошла благополучно, никого не нашли, а рано утромъ Хана побѣжала къ приставу и вновь умоляла и упрашивала. Но ничто не помогло — и на третій день Нахмана отправили изъ Никодимовки этапомъ къ его мѣстожительству—въ Мерею.

Въ Мереѣ и въ Никодимовкѣ евреи засуетились.

— Чего вы молчали?—злобно плача кричала Хана никодимовскимъ евреямъ, — допустили, чтобы этапомъ отправили, этапомъ стараго больного человѣка... Тоже евреи! Не я ли просила васъ помочь! А теперь вы охаете!

Но никодимовскіе евреи охали по другому поводу: не было сомнѣнія, что ночная облава произошла благодаря доносу.

За то въ Мереѣ негодованіе Ханы встрѣтило полное сочувствіе.

И чуть ли не въ десятый разъ разсказывала Хана:

— Этапомъ, представьте себѣ, этапомъ! Я прошу пристава: господинъ приставъ, вѣдь мой отецъ изъ Мереи, а Мерея, какъ вы знаете, на томъ берегу, позвольте, господинъ приставъ, мой мужъ отвезетъ его.

— Ну?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Что „ну"? Этапомъ, говоритъ, онъ долженъ пойти, а я говорю: до Мереи вѣдь рукой подать, а онъ говоритъ: нельзя. Господи Боже мой, говорю я, старикъ больной, а онъ говоритъ: нельзя. Спрашиваю я: а долго продолжится этапъ? Немного, говоритъ онъ, немного, недѣль пять. Пять недѣль? Караулъ, пять недѣль? Гдѣ взять силъ? Смѣется онъ и говоритъ мнѣ, что силъ не надо, что отца повезутъ. Ой, чтобъ его уже на кладбище повезли, собаку. Куда, спрашиваю я, куда его повезутъ? Куда? Въ губернскій городъ, а потомъ дальше. Въ губернскій городъ? Зачѣмъ? Для чего? Гдѣ губернскій городъ и гдѣ Мерея? Мерея здѣсь, подъ самымъ носомъ, десять шаговъ. Вижу я, смѣется онъ, приставъ нашъ, и говоритъ мнѣ, что такъ нужно, что такъ идетъ этапъ. Сперва въ губернскій городъ, потомъ въ другой губернскій городъ, а потомъ дальше и дальше, пока не придетъ въ Могилевъ, а уже изъ Могилева въ Мерею. Гдѣ Могилевъ и гдѣ Мерея? Господи Боже мой, говорю я приставу, Мерея вѣдь здѣсь, возлѣ Никодимовки!.. Ой!..

До поздней ночи горѣлъ свѣтъ въ домѣ Нахмана, и передъ послѣдними слушателями Хана жаловалась на никодимовскихъ евреевъ, ругала ихъ и отъ ругательствъ, волнуясь, переходила къ отцу:

— Охъ, объ отцѣ и не спрашивайте, не спрашивайте, прошу я васъ. Чтобы я такъ знала о холерѣ, какъ я знаю, что съ нимъ. Хоть бы онъ слово сказалъ. Сказалъ, уходя: „доброй субботы" — и точно воды въ ротъ набралъ. „Доброй субботы"—что вы скажете про это, когда до субботы еще два дня? Я какъ помѣшанная была, когда онъ это сказалъ, можете мнѣ повѣрить. Сказать въ серединѣ недѣли „доброй субботы"!? Ну? Ничего онъ не говоритъ, я была у него. Вотъ ничего не говоритъ. Я спрашиваю, а онъ молчитъ...

Охали женщины...

Отъ одного мерейца къ другому бѣгалъ Изроэль Залкиндъ и многозначительно щурилъ глаза:

— Ну, что я говорилъ? Не я ли говорилъ Нахману, что не кончится добромъ? А? Что вы скажете? А?

Изъ Никодимовки пришло извѣстіе, что облава произошла благодаря доносу и что донесъ конкурентъ мукомола Ша-

пиро, думая этимъ подгадить Шапиро, но какъ разъ въ эту ночь у Шапиро никого не оказалось.

По этому поводу Зелигъ Зельцеръ - фабрикантъ поругался съ рѣзникомъ: у рѣзника были кое-какія дѣла съ конкурентомъ Шапиро. Жена рѣзника, оскорбленная за мужа, не утерпѣла и устроила скандалъ женѣ Зельцера, назвавъ ее сводницей; та въ свою очередь встала на дыбы, а поддержала ее жена Изроэля Залкинда. Маленькія страсти разбушевались—и Мерея забыла про Нахмана - политика, отдавшись новымъ злобамъ дня, а въ это время Нахмана везли въ арестантскомъ вагонѣ въ губернскій городъ.

Изъ губернской пересыльной тюрьмы послѣ шестидневнаго сидѣнія его послали дальше. Встала новая тюрьма, за ней другая. И отъ одной тюрьмы къ другой шелъ Нахманъ, а съ нимъ шли сотни другихъ лицъ. Приказывали лечь—онъ ложился. Велѣли вставать — онъ вставалъ, и все это онъ дѣлалъ покорно, только вздрагивалъ при окрикахъ.

Во время одного перехода какой-то сумасбродный конвойный офицеръ приказалъ надѣть наручни на всю этапную партію. Надѣли наручни и на Нахмана, и онъ принялъ это, не удивляясь, даже не взглянулъ на наручни.

Надъ нимъ подсмѣивались арестанты, сбрасывали съ него шапку, дразнили, что-то кричали надъ ухомъ. Иные, издѣваясь, подносили къ его рту куски мяса. И не глядѣлъ на нихъ Нахманъ, только отворачивался, когда мясо подносили слишкомъ близко къ губамъ... Кто-то за него получалъ кормовыя деньги, и однимъ кускомъ хлѣба Нахманъ жилъ цѣлый день. Не было для него разницы между днемъ и ночью—и отъ одного утра до другого Нахманъ сидѣлъ часами, полузакрывъ глаза, словно отъ невыносимой боли, и постоянной была темнота. Въ этой темнотѣ Нахманъ незамѣтно для другихъ угасалъ—тихо и молча.

Въ душѣ не было ни молитвъ, ни словъ.

Уходя изъ дома зятя, сказалъ онъ: „доброй субботы“. Въ эти слова вложилъ всю горечь прошлаго, всю свою муку и боль—и замолкъ уже навсегда, словно пришелъ кто-то невѣдомый и грозный и раскаленнымъ желѣзомъ сжегъ и испепелилъ всѣ слова и всѣ мысли.

Такъ двѣ недѣли прожилъ Нахманъ, а на шестнадцатый день, когда съ вокзала этапъ направился къ М—ской тюрьмѣ, конвойнымъ пришлось положить Нахмана въ сани: ходить онъ уже не могъ.

Изъ М—ской тюрьмы этапъ направился дальше. Въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Нахмана передали въ руки

мѣстной полиціи, а оттуда привезли его въ Мерею два стражника.

... Медленно плелись сани. По бокамъ на бортахъ сидѣли стражники, свѣсивъ ноги, курили и о чемъ-то болтали. Вился пріятный дымокъ отъ крѣпкой махорки, скрипѣли полозья по рыхлому снѣгу. Тянулся рѣдкій лѣсокъ... Изрѣдка съ вѣтокъ падалъ тающій снѣгъ. День былъ теплый, кое-гдѣ въ снѣгу мелькали проталины и на посвѣтлѣвшемъ небѣ такими же проталинами казались рѣдкія сѣроватыя облака.

Въ саняхъ на небольшой охапкѣ сѣна лежалъ Нахманъ, подвернувъ одну ногу, запрокинувъ голову, и, когда сани попадали въ выбоины, Нахманъ съеживался въ какой-то маленькій комокъ, поднимая вверхъ искривленное плечо...

Сани въѣхали въ Мерею—и минутъ черезъ десять почти вся Мерея стояла возлѣ саней, а дней черезъ пять та же Мерея хоронила Нахмана - бездѣтника, и изъ всѣхъ его дѣтей за его гробомъ шла только одна дочь — Хана изъ Никодимовки.

И, какъ всегда, какъ десять, пятнадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ, звенѣли кружки сборщиковъ и новые члены погребальнаго братства, но съ той же интонаціей, какъ и старые, печально и жалобно вскрикивали подъ звонъ кружекъ:

— Цдокэ тацэль мемой-есъ... Милосердіе спасаетъ отъ смерти.

X.

Вдова Ицика Брохесъ, Мирль, уже дней десять не вставала съ постели. Въ день смерти Нахмана къ ней никто не заходилъ, и она не знала, что творится въ Мереѣ, — и поэтому злилась на весь міръ.

Только къ вечеру забѣжала сосѣдка.

Мирль услышала шаги сосѣдки и демонстративно отвернулась къ стѣнѣ.

— Мирль, душенька—затараторила сосѣдка плаксиво.— Нахманъ умеръ, вотъ только что. Охъ, жаль Двейру бѣдную...

Мирль обернулась къ ней и сердито поджала губы.

— Не могли вы, Гитль, раньше придти? Вы вѣдь знаете, какъ я васъ жду, — сказала Мирль и обиженно замолчала, но тотчасъ же сѣла и оживленно спросила:

— Такъ вы говорите, онъ умеръ? Нахманъ - этапникъ, да?

Андрей Соболь.

КУМИРЫ.

Романъ Уильяма Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

VII.

(Продолженіе)

— Гью спасъ жизнь Джерарду? Да не можетъ быть! Что за вздоръ! Еслибъ это было такъ, я бы знала объ этомъ.

Ирена очень волновалась. Тотъ, къ кому она обращалась, былъ Гарроуэй, пожилой стряпчій, близкій другъ Гью и Мерріамовъ. Его жена, Селина, съ которой они вмѣстѣ заѣхали навѣстить Ирену, смотрѣла на мужа и потѣшалась недоумѣніемъ, которое выражало его широкое добродушное лицо.

— Нѣтъ, не вздоръ,—настаивалъ онъ.—И вообще у меня нѣтъ привычки говорить вздоръ, смѣю васъ увѣрить. Да поддержи же меня, Селина.

— Свидѣтельство жены во вниманіе не принимается,—возразила мистриссъ Гарроуэй.

— Да нѣтъ, вы толкомъ скажите,—допытывалась Ирена.— Что вы подразумѣваете подъ этимъ спасеніемъ жизни?

— Да ничего, кромѣ того, что я сказалъ. Гью спасъ жизнь Джерарду. Неужели вы никогда не слыхали объ этомъ? Это было въ Швейцаріи, давно уже. Мнѣ разсказывалъ Шевассъ, который ѣздилъ вмѣстѣ съ ними. Они поднимались на горную вершину, связанные вмѣстѣ веревкой. И вдругъ оступились, скатились съ обрыва и повисли надъ пропастью. Кольманъ висѣлъ ниже всѣхъ, первымъ съ краю. Проводникъ, устоявшій на краю пропасти, не могъ удержать обоихъ—у него не хватало силы. Веревка постепенно выскальзывала изъ его рукъ. Тогда Кольманъ, видя, что ему все равно не спастись, вынулъ ножъ и перерѣзалъ веревку.

— Ну, и что же?

— Ну, послѣ этого проводникъ вытащилъ Джерарда наверхъ цѣлымъ и невредимымъ.

— А Гью?

— Думали, конечно, что онъ разбился на смерть, но, когда стали разыскивать мѣсто, гдѣ лежали его бренные останки, увидали его самого живымъ и невредимымъ—онъ чудеснымъ образомъ спасся, удержавшись за выступъ скалы. Въ такой игрѣ, разумѣется, можно выиграть одинъ разъ изъ двадцати милліоновъ. Мнѣ потомъ показывали это мѣсто. И такъ ему пришлось провисѣть нѣсколько часовъ между небомъ и землей.

Ирена вздрогнула и закрыла глаза.

— Не надо больше. У меня голова кружится.

— Странно, что Джерардъ не разсказалъ вамъ объ этомъ. Разумѣется, это было явное самопожертвованіе ради спасенія жизни другого.

Руки Ирены еше дрожали, когда она разливала чай. М-рсъ Гарроуэй незамѣтно посмотрѣла на мужа и укоризненно покачала головой. Въ это мгновеніе вошелъ Джерардъ. Ирена порывисто бросилась къ нему.

— О, Джерардъ, м-ръ Гарроуэй разсказывалъ мнѣ такіе ужасы про вашу поѣздку въ Швейцарію!—будто вы съ Гью чуть не погибли и Гью спасъ тебѣ жизнь. Это правда?

Тѣнь недовольства скользнула по его лицу.

— Да, что-то въ этомъ родѣ, помнится, было.

— Ну, что вы, право, все объ этомъ! Давайте поговоримъ о чемъ-нибудь повеселѣе,—вмѣшалась м-ссъ Гарроуэй и перевела разговоръ на обычныя темы. По уходѣ гостей Ирена подошла къ Джерарду и присѣла на ручку его кресла.

— Почему ты не разсказалъ мнѣ объ этомъ?

Онъ покраснѣлъ, какъ-то неопредѣленно повелъ рукой, потомъ поднялъ голову и, встрѣтивъ пытливый взглядъ лучистыхъ глазъ своей жены, строго выговорилъ:

— Есть вещи, которыя человѣкъ хранитъ въ своемъ сердцѣ.

Торжественность его тона импонировала ей.

— И Гью никогда не говоритъ объ этомъ?

— Разумѣется, нѣтъ,—сказалъ Джерардъ.

— Значитъ, мы у него въ неоплатномъ долгу.

— Ничего, когда-нибудь, можетъ, сочтемся.

— Какія маленькія мы, женщины, въ сравненіи съ мужчинами!—воскликнула Ирена.—Женщина ни за что бы не смогла удержать въ секретѣ такого рода факта.

Джерардъ съ обычной сдержанностью принялъ эту похвалу. Онъ былъ вообще не многорѣчивъ и, какъ извѣстно его женѣ, къ сантиментальности не склоненъ.

Она сама выразила за него, какъ ей казалось, его мысли.

— Я не могла понять, почему ты не сказалъ мнѣ. Но

теперь я понимаю. Такія вещи, когда о нихъ не говорятъ, еще крѣпче связываютъ двухъ людей.

Она умолкла на минуту, потомъ вдругъ схватила мужа за руку и вскричала уже другимъ тономъ:

— И мы не будемъ больше говорить объ этомъ! Страшно даже подумать!.. Что бы я дѣлала безъ тебя!..

Вошла горничная убрать со стола чайную посуду. Ирена взглянула на часы и убѣжала переодѣваться къ обѣду. Когда дверь затворилась за ней, Джерардъ всталъ, подошелъ къ окну, вынулъ носовой платокъ и отеръ потъ, выступившій у него на лбу.

Въ результатѣ этого разговора Ирена еще нѣжнѣе, еще ласковѣе стала относиться къ Гью Кольману, проникласъ безграничной признательностью къ нему. За послѣдніе мѣсяцы онъ словно какъ-то чуждался ея, да и вообще какъ-то измѣнился, притихъ, утратилъ прежнюю экспансивность и чуткой женщинѣ не трудно было догадаться, что для такой перемѣны должны быть серьезныя причины. Теперь она корила себя, зачѣмъ не подошла къ нему первая съ дружескимъ совѣтомъ и участіемъ. Случай поправить свою ошибку представился въ слѣдующее же воскресенье, когда Гью, вызванный ею телеграммой, пришелъ къ нимъ завтракать. Джерарда не было дома. Онъ на нѣсколько дней уѣхалъ въ Эдинбургъ по дѣламъ. Они сѣли за столъ вдвоемъ и, пока лакей былъ въ комнатѣ, говорили о другихъ вещахъ: о сироткѣ, которую Иренѣ удалось таки опредѣлить въ одну изъ школъ святой Екатерины, о пріютѣ, который ширился и процвѣталъ. Потомъ зашла рѣчь о литературѣ.

— Когда же вы выпустите новую книжку?

Онъ слегка пожалъ плечами, иронически усмѣхнувшись.

— Когда мнѣ удастся вернуть мою утраченную юность. Даже для этого вздора нуженъ энтузіазмъ, котораго во мнѣ нѣтъ. Что вы такъ огорчились? — засмѣялся онъ. — Ипохондріей я пока, слава Богу, не страдаю. Мое міровоззрѣніе стало болѣе матеріалистическимъ, только и всего.

Онъ вынулъ портсигаръ и закурилъ.

— Какъ я не люблю, когда вы говорите неискренно, только ради краснаго словца! Гью,—продолжала Ирена съ очаровательной застѣнчивостью,—не сердитесь на меня, что я пристаю къ вамъ съ разспросами, но скажите мнѣ, что съ вами? Почему вы такъ измѣнились? Вы знаете, что я обязана вамъ жизнью человѣка, который мнѣ всего дороже, и я такъ жажду отплатить вамъ за это, хотя бы тѣмъ немногимъ, что можетъ дать дружба.

— Сейчасъ это невозможно, Рени. Потомъ—можетъ быть,

если только вы и Джерардъ не сочтете меня жалкимъ негодяемъ. Вамъ не придется долго ждать.

Только сейчасъ онъ сообразилъ, что они, можетъ быть, въ послѣдній разъ бесѣдуютъ такъ просто, по-братски, наединѣ, и это очень огорчило его. Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ объявленъ если не мужемъ, то женихомъ другой женщины, злѣйшаго врага Ирены. И все измѣнится; все милое, привычное отойдетъ въ прошлое. До сихъ поръ его позиція была совсѣмъ особенная и очень выгодная: для Ирены онъ былъ добросовѣстнымъ другомъ, неизмѣнно преданнымъ и влюбленнымъ. Теперь онъ будетъ мужемъ другой женщины, а это разница неизмѣримая. Гью обвелъ взглядомъ знакомую уютную столовую и съ невольной грустью остановилъ его на лицѣ Ирены, сидѣвшей къ нему въ профиль. Для него это лицо было самымъ прекраснымъ въ цѣломъ мірѣ. Широкій лобъ, изящной формы носикъ съ тонкими раздувающимися ноздрями, рѣзко очерченный, немного острый, подбородокъ, подвижныя, слабо окрашенныя губы, глаза, умѣющіе загораться страстью, но обыкновенно нѣжные, лучистые, вдумчивые, свѣтящіеся серьезной добротой; благородная посадка головы и пушистые волосы, нѣжно золотистые, словно короной вѣнчающіе голову, но слишкомъ легкіе для короны, слишкомъ индивидуальпые для ореола, полная бѣлая шея, поддерживающая эту голову—всѣ эти противорѣчивыя черты для глазъ влюбленнаго сливались въ такую нѣжную и трогательную гармонію. И въ памяти невольно вставалъ образъ другой женщины, тоже прекрасной въ своей чувственной яркой красотѣ, но заклейменный имъ самимъ эпитетомъ вульгарности. И онъ не выдержалъ взгляда Ирены.

— Нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы мы не сдѣлали для васъ, Гью,—сказала она.

— Боюсь, что я могу представиться вамъ въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ, и тогда вы отнесетесь ко мнѣ иначе.

— Что бы ни случилось, наша любовь къ вамъ останется неизмѣнной. Пока Джерардъ и я сидимъ здѣсь за столомъ другъ противъ друга, ваше мѣсто всегда будетъ между нами. И потомъ, какъ же это вы можете показаться намъ негодяемъ? что за нелѣпость!

Не смотря на свое огорченіе, Гью невольно разсмѣялся.

— Еслибъ вы были присяжнымъ на судѣ, вы, пожалуй, оправдали бы меня за многое. Жалко, что вы не могли расколоться на двое, Рени, шесть лѣтъ тому назадъ. Вы избавили бы меня отъ многихъ бѣдъ.

Теперь Ирена огорчилась.

— Знаете, Гью,—выговорила она тихо — въ послѣднее

время я часто думаю о васъ и начинаю бояться, что я испортила вамъ жизнь.

— Ахъ, дитя мое дорогое! — воскликнулъ онъ съ проблескомъ прежней своей пылкости,—человѣческая жизнь не можетъ быть испорчена тѣмъ, что ангелъ его не постоянно съ нимъ. И то уже рѣдкое счастье—чувствовать, что надъ тобою рѣютъ крылья ангела.

— Спасибо,—сказала она, краснѣя.—Вотъ теперь вы говорите опять, какъ прежній Гью.

И краска долго не сбѣгала съ лица Ирены. Женщинъ сплошь и рядомъ называютъ ангелами и онѣ не придаютъ этому никакого значенія. Но среди нихъ немного такихъ, которымъ нѣтъ основанія стыдиться, когда влюбленный мужчина искренно уподобляетъ ихъ ангеламъ. Однако разговоръ на этомъ оборвался. Ирена сказала, что нужно было сказать, и распространяться объ этомъ считала излишнимъ.

По уходѣ Гью она сѣла писать письма, но долго не могла приняться за нихъ и раздумывала вслухъ, покусывая кончикъ пера.

— Хотѣла бы я знать, кто *она* такая? Разумѣется, всему причиной женщина.

Она перебрала всѣхъ общихъ знакомыхъ и съ улыбкой покачала головой. Женщина, внесшая смутную тревогу въ душу Гью, очевидно, стояла внѣ круга ихъ знакомыхъ. Ни разу она даже не вспомнила о Миннѣ Гартъ. Ибо Ирена была очень высокаго мнѣнія о Гью и представляла себѣ женщину, способную смутить его покой, красавицей, блестящей, съ выдающимся умомъ. Благородный человѣкъ долженъ сдѣлать и выборъ благородный. Безумный—можетъ быть, но такой, изъ-за котораго стоитъ безумствовать. Она мало знала мужчинъ и очень идеализировала ихъ. Да и откуда ей было знать ихъ? Мать ея, женщина хрупкаго здоровья, не переносившаго климата Индіи, вела очень тихую, уединенную жизнь. Это была утонченно духовная организація, одна изъ тѣхъ, чья близость чувствуется, какъ лучъ луннаго свѣта, скользнувшій въ цвѣтное окно готическаго собора, авторъ нѣжныхъ, какъ цвѣты, волшебныхъ сказокъ для дѣтей, воздушное существо, которое Ирена съ страстной нѣжностью охраняла даже отъ дуновенія вѣтерка. Отецъ ея, заслуженный военный, участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, потомъ губернаторъ одной изъ индійскихъ провинцій, въ свои краткіе наѣзды домой представлялся дочери осіяннымъ ореоломъ славы. Когда мать скончалась, она, убитая горемъ, поѣхала къ отцу,—но только для того, чтобы въ Бомбеѣ прочесть извѣстіе объ его смерти. И тутъ впервые въ жизнь ея вошли

мужчины, сразу двое—Джерардъ и Гью—и оба были въ ея глазахъ, какъ боги, сошедшіе на землю. Съ годами унаслѣдованныя качества—нѣжная женственность матери, энергія и смѣлость отца — слились въ одно гармоническое цѣлое; общеніе съ людьми развило въ ней умъ и остроту сужденій, но дѣвичьи идеалы продолжали жить въ душѣ Ирены, не оскверненные и не запятнанные. Двое мужчинъ, которымъ она отдала свою любовь и дружбу, по прежнему оставались въ ея глазахъ богами, стоявшими выше низменныхъ страстей и увлеченій человѣчества.

Внезапно передъ нею всплыло женское лицо, видѣнное ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ на фотографической карточкѣ въ кабинетѣ Гью, когда они однажды завтракали у него съ Джерардомъ. Она взяла съ полки книгу, и оттуда выпалъ портретъ, изображавшій высокую женщину, изумительную красавицу, но съ лицомъ надменнымъ и жестокимъ. Отъ глазъ даже на карточкѣ вѣяло холодомъ и угрозой. При видѣ этого лица Ирена невольно вскрикнула отъ изумленія и восторга. Гью взялъ у нея изъ рукъ портретъ.

— Какая красавица!—замѣтила она.

— Да. La Belle Dame sans merci.

— И глаза жестокіе.

— Глаза змѣиные. Не смотрите на нихъ, непріятно,—отвѣтилъ онъ, бросая портретъ въ ящикъ стола. Потомъ съ улыбкой пояснилъ:—Это дѣла давно минувшихъ дней.

Теперь Иренѣ вспомнилось это лицо. Можетъ быть, это и есть *та женщина*... Точно ли это дѣла давно минувшихъ дней? Она спрашивала себя и не умѣла дать отвѣта. Даже самой довѣрчивой женщинѣ позволительно иногда сомнѣваться въ искренности своихъ холостыхъ друзей.

Она взяла листокъ бумаги изъ коробки, стоявшей на столѣ, и поставила вверху число. Но вмѣсто того, чтобы писать, задумалась, глядя въ одну точку на стѣнѣ — и опять объ Гью. Она чувствовала необъяснимую непріязнь къ женщинѣ со змѣиными глазами. И вдругъ засмѣялась сама надъ собой.

— Я, кажется, ревную. Надо будетъ сказать Джерарду.

VIII.

Минна встрѣтила Гью въ своей гостинной съ встревоженнымъ лицомъ. Со времени своей болѣзни она очень возмужала и вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточилась. Черты ея лица стали рѣзче и строже. И встрѣтила она его теперь не томнымъ взглядомъ изъ-подъ лѣниво приподнятыхъ шелковистыхъ рѣсницъ, а такимъ же открытымъ и смѣлымъ, какъ

и его собственный. И Гью снова былъ пораженъ этимъ выраженіемъ силы и суровости въ ея лицѣ. На Миннѣ было темно-красное бархатное платье съ вырѣзомъ на груди, тяжелые золотые браслеты на рукахъ; въ темной коронѣ ея волосъ сверкала брильянтовая звѣзда.

— Хорошо, что ты пришелъ раньше, — сказала она, машинально отвѣчая на его поцѣлуй, — мнѣ надо поговорить съ тобой, прежде чѣмъ выйдетъ папа.

Они медленно подошли къ камину и остановились другъ противъ друга, прислонясь къ рѣшеткѣ.

— Ну?

— Когда ты думаешь сказать папѣ?

— Послѣ обѣда за дессертомъ.

— Не надо. Подожди, покамѣстъ я совсѣмъ уйду къ себѣ.

— А какъ же я дамъ знать тебѣ о результатѣ? Вѣдь ты будешь волноваться.

— Отчего бы тебѣ не прійти ко мнѣ потомъ,—какъ бывало?

— Я ничего не имѣю противъ. Но мнѣ придется ждать на улицѣ, пока всѣ въ домѣ улягутся.

— Я велю затопить каминъ; ты отогрѣешься у огня.

— И у сердца моей жены?

— Тамъ видно будетъ,—замѣтила она съ странной улыбкой.—А тебѣ очень этого хочется?

— Мы должны попытаться вернуть другъ друга, Минна, — сказалъ онъ, протягивая руку и слегка касаясь ея щеки.— Это будетъ не очень трудно, такъ какъ обстоятельства складываются благопріятнѣе, чѣмъ раньше. Боюсь, что я сыгралъ не особенно благородную роль по отношенію къ тебѣ, моя дорогая. А, когда мужчина сознаетъ это, онъ всегда вымещаетъ свою досаду на другихъ. Это тоже не особенно благородно, но такова ужь человѣческая натура. Ты понимаешь меня?

— Я рада, что ты наконецъ сознаешь свою вину передо мною. Во всякомъ случаѣ это подаетъ надежду.—Она по своему истолковала его слова и онъ уже готовъ былъ разсердиться, но въ эту минуту вошелъ Израэль Гартъ.

— Очень радъ видѣть васъ, м-ръ Кольманъ. Извините, что заставилъ ждать. Задержали въ Сити. Какъ сегодня холодно, не правда ли?

Онъ потиралъ руки, подставляя ихъ къ огню, чтобы согрѣть.

— Ну, какъ дѣла? Много выпустили на волю тюремныхъ пташекъ за послѣднее время? Везетъ иной разъ этимъ каторжникамъ.

— О, мы, адвокаты, всегда вѣримъ въ невинность своихъ кліентовъ,—смѣясь, возразилъ Гью.

— Ну, о себѣ я этого не могу сказать,—замѣтилъ ростовщикъ.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ легкой шуткой, но невольно закрутилъ усы и надменно выпрямился. Этотъ вульгарный тонъ рѣзнулъ его по нервамъ. Когда человѣку приходится обуздывать свою гордыню и смиряться передъ другимъ человѣкомъ, онъ становится къ такимъ вещамъ чрезвычайно чувствительнымъ. А тутъ, какъ на бѣду, Израэль Гартъ былъ въ веселомъ настроеніи и болталъ больше обыкновеннаго, позволяя себѣ фамильярности и намеки, отъ которыхъ человѣкъ болѣе тонко воспитанный постарался бы воздержаться. Сознавая, что безсмысленно раздражаться тѣмъ, что въ другомъ случаѣ онъ пропустилъ бы безъ вниманія, Гью тоже напускалъ на себя добродушіе и веселость. Но раза два онъ поймалъ на себѣ лукавый взглядъ Минны и ея злорадную усмѣшку и это еще больше раздражало его. Обѣдъ тянулся нескончаемо. Хозяинъ не пропускалъ ни одного блюда, чтобъ не похвалить своего повара или не сообщить, во сколько ему обошлось это кушанье. И, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сбрасывалъ съ себя личину воспитанности и хорошаго тона, которую иной разъ умѣлъ носить, обнаруживая истинную сущность своей натуры. Для человѣка съ душой артиста, какъ Гью, деньги сами по себѣ не имѣютъ цѣны. Они цѣнны только тѣмъ, что на нихъ можно купить красоту и очарованіе жизни. Но для банкира онѣ были цѣнны сами по себѣ. Онъ привыкъ считать ихъ самоцѣлью жизни; онъ выросъ въ атмосферѣ, гдѣ говорили только о деньгахъ, и не могъ себѣ представить, какъ можно *не* говорить о нихъ—все равно, какъ ярый охотникъ не можетъ себѣ представить жизни безъ разговоровъ о рябчикахъ и куропаткахъ. Какъ букмекеръ все время говоритъ о бѣгахъ и о скачкахъ, такъ Израэль Гартъ говорилъ о деньгахъ.

— Моя дочь показывала вамъ эти браслеты, м-ръ Кольманъ?—спрашивалъ онъ.—Они, можно сказать, историческіе. Вѣками принадлежали аристократическому семейству. Сними браслетъ, Минна, и покажи м-ру Кольману. Ихъ послѣдняя владѣлица, одна графиня, проигралась на скачкахъ—и обратилась ко мнѣ за деньгами. Ну, я денегъ далъ, но въ залогъ взялъ браслеты. Я вамъ скажу, это ловкая дама: она хотѣла меня надуть фальшивыми брильянтами, но меня вѣдь не надуешь. Солидная вещица, не правда ли?

— Значитъ, это моя доля награбленнаго, такъ что ли, папа?—смѣясь, сказала Минна.

Гью поморщился: до сихъ поръ она всегда выказывала глубочайшее отвращеніе къ профессіи отца. Что же это такое? Искренно она это говоритъ, или чтобъ позлить его, или для того, чтобы поддержать въ строгомъ родителѣ хорошее расположеніе духа? Чтобы спасти положеніе, онъ съ изысканнымъ поклономъ вернулъ браслетъ Миннѣ со словами:

— Онъ никогда не украшалъ болѣе прекрасной руки.

Чуткое ухо Минны уловило нотку ироніи въ этихъ словахъ и она прикусила губы. Но отецъ ея былъ въ восторгѣ.

— Вотъ это я люблю, когда молодой человѣкъ умѣетъ красиво сказать комплиментъ,—замѣтилъ онъ, откидываясь на спинку кресла.—Это искусство теперь вымираетъ.

Когда Минна встала, чтобъ идти къ себѣ. Гью отворилъ дверь и придержалъ, пока она пройдетъ. Проходя, она шепнула:

— Ты производишь отличное впечатлѣніе, постарайся удержать его.

Онъ съ поклономъ притворилъ за нею дверь и вернулся къ камину, самъ себя ненавидя за ту роль, которую ему приходилось играть и которую такъ мѣтко опредѣлила его жена. Подлизываться къ этому вульгарному старику, занимающемуся какими-то темными дѣлами,—какое униженіе для его гордости! И это его будущій тесть! Гью чувствовалъ себя такъ, словно его окунули въ грязь. Но вѣдь это было все время такъ, со дня его злополучной женитьбы. Когда все время купаешься въ грязи, лишній разъ окунуться въ нее не составляетъ разницы,—цинически говорилъ онъ себѣ.

Внушительный дворецкій внесъ кофе и сигары. Отъ послѣднихъ Гью отказался.

— Напрасно, — сказалъ Израэль, заботливо выбирая сигару.—Такія вы получите не каждый день. Я плачу семъ фунтовъ за сотню.

— Я предпочитаю папиросы, но...

Изъ любезности онъ взялъ сигару. Ибо зналъ, что люди иногда обижаются, когда вы отказываетесь отъ такого рода угощенія, а у него были серьезныя основанія не раздражать своего хозяина. Затѣмъ они пошли наверхъ. Минна сѣла за рояль. Обыкновенно она играла хорошо и со вкусомъ. Но сегодня барабанила нестерпимо.

— Мы сегодня не въ настроеніи играть Шопена ,— сказалъ Гью, переворачивавшій ей страницы. Она остановилась на полтактѣ.

— Да. Когда волнуешься, это больше подходитъ.—И она заиграла „Тарантеллу“ Геллера. Старикъ, дремавшій въ креслѣ, даже не замѣтилъ перемѣны.

— Не признавайся сразу,—говорила она шепотомъ, продолжая играть. — Начни съ формальнаго предложенія и смотри, какъ онъ это приметъ.

— Я поступлю такъ, какъ сочту нужнымъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Не забудь, что и я здѣсь заинтересованная сторона, И о деньгахъ слѣдуетъ думать, какъ бы ты ни презиралъ ихъ.

— Можешь быть спокойной; не забуду.

Вечеръ, наконецъ, кончился. Минна простилась и ушла къ себѣ.

— Я хотѣлъ бы еще кое о чемъ потолковать съ вами, м-ръ Гартъ, прежде чѣмъ уйти,--сказалъ Гью, спускаясь съ лѣстницы въ сопровожденіи хозяина.

Хозяинъ, воплощенная любезность, повелъ его въ свой кабинетъ, подбросилъ угля въ каминъ и закурилъ сигару.

— По дѣлу?

— Да.

— По поводу займа? Я тоже хотѣлъ потолковать съ вами объ этомъ. Самое лучшее теперь, когда мы такъ удобно усѣлись. Погодите минутку. Позвольте... Вѣдь вы, кажется ждали небольшого наслѣдства? Что-же, есть у васъ шансы получить его?

— Боюсь, что нѣтъ.

— Это мнѣ дьявольски непріятно, Кольманъ. Когда я вамъ давалъ взаймы денегъ подъ наслѣдство, я думалъ, что обезпеченіе солидное. Вы знаете, что обыкновенно я такъ дѣлъ не дѣлаю. Вѣдь это даже не настоящій вексель—простая росписка, и то на случай полученія наслѣдства. Это я только для васъ сдѣлалъ, потому что вы мнѣ нравитесь и иной разъ пріятно оказать услугу пріятелю.

— Все это я очень помню и цѣню.

— И, повторяю, я считалъ обезпеченіе солиднымъ.

— И я тоже. Для меня самого женитьба дяди была очень и очень непріятной неожиданностью.

— Я вамъ вѣрю, — ласково сказалъ старикъ.—Я знаю, что вы намѣревались поступить честно. Иначе вы не бывали бы у насъ, не правда ли? Но, тѣмъ не менѣе, если завтра умретъ вашъ дядюшка, у меня будутъ вынуты изъ кармана пять тысячъ фунтовъ. Я не говорю, что это раззоритъ меня—слава Богу, у меня на мой вѣкъ хватитъ—но деньги всегда деньги. Теперь скажите, какъ джентльменъ, чувствуете вы за собой нравственное право отказаться отъ этого долга?

— Я, разумѣется, сейчасъ же уплатилъ бы его. Но обстоятельства...

Ростовщикъ жестомъ остановилъ его:—Я знаю, знаю, об-

стоятельства складываются не совсѣмъ такъ, какъ бы желательно. Но, все таки, вы, вообще, человѣкъ удачливый—когда-нибудь повезетъ же вамъ. Обстоятельства измѣнятся. Я вамъ имѣю сдѣлать одно дружественное предложеніе.

— И я пришелъ къ вамъ съ тѣмъ же, м-ръ Гартъ,—съ улыбкой сказалъ Гью.—И, пожалуй, лучше вамъ будетъ сначала выслушать меня. Вы считаете меня честнымъ человѣкомъ?

— Да.

— И лично противъ меня ничего не имѣете?

— Наоборотъ, съ гордостью называю васъ своимъ другомъ. Еслибъ я относился къ вамъ иначе, я не далъ бы вамъ такихъ денегъ.

— Въ такомъ случаѣ, м-ръ Гартъ, вы облегчаете мнѣ мою задачу. Дѣло идетъ о вашей дочери, миссъ Гартъ.

— Что такое? о Миннѣ? о моей дочери?,—переспросилъ старикъ сразу измѣнившимся тономъ.

— Я имѣю честь просить у васъ ея руки.

— *Вы?!*

Неописуемая перемѣна произошла въ лицѣ старика. Оно сразу утратило выраженіе грубаго матеріализма, алчности къ деньгамъ, чувственнаго самодовольства хорошо пообѣдавшаго человѣка и покровительственнаго добродушія богатаго хозяина. Глаза его загорѣлись. Характерныя еврейскія черты въ лицѣ выступили рѣзче. Вся фигура пріосанилась; со своею длинной сѣдой бородой онъ теперь смотрѣлъ патріархомъ. Іудей, гордый, не побѣжденный и вѣками угнетенія, преодолѣвающій все остальное съ дерзостью, свойственной его расѣ, смотрѣлъ гнѣвно, надменно, недовѣрчиво на язычника, человѣка смѣшанной крови, сына вчерашняго дня.

— *Вы?!*—повторилъ онъ почти оскорбительнымъ тономъ.

Молодой человѣкъ весь вспыхнулъ и вскочилъ на ноги.

— Ну да, я. Почему же нѣтъ?—вскричалъ онъ, въ свою очередь повысивъ голосъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ дворецкій съ подносомъ, на которомъ стояли бутылки и стаканы. Гью быстро отвернулся и наклонился къ огню съ полоской скрученной бумаги, чтобы раскурить ею папироску. Дворецкій поставилъ подносъ на большой столъ, заложенный книгами, провѣрилъ, заперты ли окна, и спустилъ занавѣси, до тѣхъ поръ поднятыя.

— Вы можете итти спать, Самюельсъ,—сказалъ Гартъ.—Я самъ выпущу м-ра Кольмана и запру за нимъ дверь.

Дворецкій скромно поблагодарилъ и удалился. Гью швыр-

нулъ папироску въ каминъ, заложилъ руки въ карманы и снова повернулся лицомъ къ хозяину.

— Я не вижу, почему бы я не вправѣ былъ сдѣлать вамъ такое предложеніе, м-ръ Гартъ?

— Знаете ли вы, чего вы просите?

— Да. Я — бѣдный человѣкъ. Она — богата. Я — вашъ должникъ. Но все же...

— Деньги? при чемъ тутъ деньги?—перебилъ его Гартъ.— Еслибъ у васъ была сотня тысячъ годового дохода, это не составляло бы никакой разницы.

— Если все дѣло въ разницѣ религіи, — я васъ всегда считалъ свободомыслящимъ.

— Я полагаю, Минна знаетъ объ этомъ? — спросилъ Гартъ, оставивъ безъ вниманія эти слова.

— Конечно, знаетъ.

— М-ръ Кольманъ, я вовсе не желаю оскорблять васъ. Но я предпочелъ бы видѣть свою дочь мертвой у моихъ ногъ, чѣмъ замужемъ за христіаниномъ.

— Значитъ, просить вашего согласія безполезно?

— Совершенно безполезно.

— Въ такомъ случаѣ боюсь, что намъ придется обойтись безъ него. Мнѣ чрезвычайно жаль огорчить васъ — но бракъ этотъ все-таки состоится.

Израэль Гартъ поднялся, налилъ въ оба стакана по немногу виски и любезно указалъ рукой на сифонъ съ содовой водой.

— Между нами пропасть, и мы съ вами стоимъ на разныхъ берегахъ. Я—еврей. Вы для меня язычникъ. Что пользы спорить? Я не могу запретить моей дочери сдѣлать по-своему. Но я могу торжественно проклясть ее по закону моего народа и отречься отъ нея навсегда. Я предупрежу ее. Отцовское проклятіе—не шутка. Гнѣвъ Всевышняго падетъ на ея голову. И, кромѣ того, я лишу ее наслѣдства.

— Это снимаетъ большую тяжесть съ моихъ плечъ,—замѣтилъ Гью.

— Чтобы показать вамъ, что во мнѣ нѣтъ никакого враждебнаго чувства лично къ вамъ, — продолжалъ Гартъ съ большимъ достоинствомъ (кто бы подумалъ часъ тому назадъ, что этотъ человѣкъ способенъ такъ говорить и такъ держать себя?)—я покажу вамъ копію моего завѣщанія, составленнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда мнѣ и въ голову не приходило, что вы можете посвататься за мою дочь.

Онъ вынулъ связку ключей изъ кармана и отперъ несгораемый шкафъ. Потомъ изъ секретнаго отдѣленія вытащилъ документъ и показалъ его Гью такъ, чтобъ онъ могъ ви-

дѣть только интересущій его параграфъ. Тамъ совершенно ясно было сказано, что, если Минна выйдетъ замужъ за человѣка иной религіи, она лишается наслѣдства и все состояніе ея отца поступаетъ въ различныя еврейскія благотворительныя учрежденія.

— Я надѣюсь, что Минна съумѣетъ убѣдить васъ отнестись къ этому снисходительно.

— Моя дочь можетъ многое, но только не это. Я знаю, что она презираетъ свое еврейское происхожденіе. Но все же она должна выйти замужъ за сына своего народа, иначе ея народъ навсегда отречется отъ нея.

— Мнѣ кажется, м-ръ Гартъ, разговаривать намъ больше не о чемъ.

— Замѣтьте себѣ, что, если дочь моя уйдетъ изъ дому, она не унесетъ съ собою ничего, кромѣ того платья, которое на ней будетъ надѣто.

— Я вамъ уже сказалъ—я страшно радъ этому. Что касается нашихъ дѣловыхъ отношеній...

— О нихъ мы поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ.

Гордый своимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, Гью не могъ однако не почувствовать себя пристыженнымъ расовою гордостью, преобразившей вульгарнаго ростовщика въ тонко чувствующаго джентльмена. Гартъ ни словомъ, ни намекомъ не попрекнулъ его, что онъ хочетъ жениться на деньгахъ, не напомнилъ о его бѣдности, о его долгѣ. Этотъ старикъ невольно внушалъ ему чувство уваженія.

— Повѣрьте мнѣ,—сказалъ онъ, пройдясь по комнатѣ,— еслибъ судьба не распорядилась иначе, я бы отказался отъ этой мысли ради васъ.

— Каждый изъ насъ куетъ свою судьбу,—съ горечью возразилъ старикъ.—Моей уже не перемѣнишь.

Минуту спустя Гью распростился съ нимъ. Гартъ проводилъ его до выхода, пожалъ ему руку и, погасивъ свѣтъ въ швейцарской, вернулся въ свой кабинетъ. И тутъ только вспомнилъ, что онъ забылъ запереть входную дверь.

— Ну ничего, потомъ запру,—сказалъ онъ себѣ.

Онъ взялъ завѣщаніе, еще разъ пробѣжалъ его и положилъ обратно въ ящикъ. Съ полчаса онъ сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, потомъ всталъ, сходилъ къ себѣ наверхъ, вернулся, неся съ собою небольшой портфель, запертый висячимъ замкомъ, и снова присѣлъ къ письменному столу, но, не открывая портфеля, задумчиво барабанилъ по немъ пальцами.

— Моя единственная дочь — дитя Сары — замужемъ за христіаниномъ...

Долго онъ сидѣлъ такъ въ своемъ унылымъ одиночествѣ, вызывая передъ своимъ умственнымъ взоромъ тѣни прошлаго; глаза его были задумчивы и печальны. Потомъ вынулъ изъ бокового ящика стола двойной листъ бумаги небольшого формата, медленно обмакнулъ перо въ чернильницу.

„Я, нижеподписавшійся, Израэль Гартъ, будучи въ полномъ умѣ и твердой памяти . . . . . .

— Нѣтъ,—выговорилъ онъ вслухъ.—Не теперь. Надо еще подумать. Помолиться Богу, чтобъ Онъ наставилъ меня.

Онъ всталъ, бросилъ бумагу въ огонь, опустился въ большое кресло у камина и снова задумался. Незамѣтно вѣки его сомкнулись и онъ уснулъ...

На дворѣ была тьма непроглядная, слякоть, снѣгъ пополамъ съ дождемъ. Ледяной вѣтеръ хлесталъ въ лицо Гью огромными хлопьями полурастаявшаго снѣга, которые уже водой стекали по его лицу. Онъ прошелъ аллею, ведущую, къ подъѣзду, и вышелъ за ворота. Издали до него слабо донесся бой часовъ на городской башнѣ—одинъ ударъ. Значитъ, половина двѣнадцатаго. Еще рано идти къ Миннѣ—надо подождать до двѣнадцати. Пока можно пройтись по дорогѣ. Онъ угрюмо шагалъ въ темнотѣ, шлепая ногами по грязи и втягивая голову въ плечи, чтобы холодный дождь не попадалъ ему за воротникъ пальто. На дорогѣ ни души. Когда онъ шелъ обратно, возлѣ какого-то дома сверкнулъ электрическій фонарь. Это былъ полисменъ. Гью прибавилъ шагу, свернулъ по направленію къ рощѣ и, обойдя стороной, дошелъ до каменной стѣны, которою была обнесена усадьба. Своимъ ключемъ онъ отперъ небольшую калитку, ведшую въ садъ, которымъ, по капризу Минны, пользовалась исключительно она, такъ что никто другой даже не имѣлъ права входа въ него. Справа тянулись оранжереи; слѣва густая буксовая изгородь, доходившая до фронтовой стѣны, наглухо отдѣляла этотъ небольшой садикъ отъ парка, разбитаго передъ усадьбой.

Домъ, погруженный въ темноту, едва выдѣлялся темнымъ пятномъ на темномъ небѣ. Гью пошелъ на перерѣзъ прямо по дерну, но осторожно, чтобъ не зацѣпиться за кусты, которыми онъ былъ густо усаженъ, по временамъ раздвигая рукой холодные, мокрые листья.

— Слава Богу, это въ послѣдній разъ!—бормоталъ онъ.

Дерновая лужайка тянулась до самаго дому. Низкая веранда, къ которой велъ рядъ ступеней, сообщавшаяся съ внутренними покоями посредствомъ длинныхъ до полу оконъ,

теперь наглухо закрытыхъ ставнями, не доходила до конца стѣны; промежутокъ былъ занятъ высокимъ подстриженнымъ тисомъ. Какъ разъ около дерева приходилось низкое окно, на которомъ Минна заранѣе позаботилась отодвинуть засовъ. Гью открылъ раму и вошелъ.

Онъ очутился въ небольшой комнаткѣ, которою Минна пользовалась, какъ лабораторіей, въ періодъ своего увлеченія фотографіей. Комнатка эта выходила на лѣстницу, устланную мягкимъ толстымъ ковромъ, по которому Гью безшумно поднялся наверхъ.

Ручка двери повернулась, не скрипнувъ; еще минута—и онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ своей женой. Большая комната была освѣщена только пламенемъ камина, бросавшаго отсвѣты на роскошный балдахинъ кровати и не менѣе роскошное убранство въ спальнѣ богатой женщины. Въ длинномъ креслѣ у огня, въ мѣховыхъ туфелькахъ на босу ногу, сидѣла Минна. На ней былъ дорогой красивый пеньюаръ съ кружевомъ у ворота и рукавовъ; темные волосы ея разсыпались по плечамъ. Теплый воздухъ комнаты былъ пропитанъ запахомъ духовъ и пудры. Гью на мигъ остановился на порогѣ, невольно радуясь этой теплотѣ, поддаваясь тонкому очарованію священнаго пріюта женщины. Сладко все-таки имѣть право на такую интимность. Онъ снялъ съ себя пальто, съ котораго капала вода, и отложилъ его въ сторону. Потомъ подошелъ къ ней, нагнулся и поцѣловалъ ее.

— Ой, какой ты мокрый!—съ гримаской вскричала она, вытирая щеку носовымъ платкомъ. — Поди обсушись. Твои туфли въ потайномъ ящикѣ, какъ всегда.

Она вынула изъ кармана ключъ, подала ему и, пока онъ мѣнялъ мокрые сапоги на туфли, спросила его:

— Ну, что новаго?

— Ничего хорошаго. Твой отецъ не соглашается, потому что я христіанинъ. Придется устроить похищеніе.

— Такъ, значитъ, ты не все сказалъ ему?

— Нѣтъ. Я счелъ благоразумнѣе не говорить. Пожалуй, это и лишнее. Намъ лучше обвѣнчаться второй разъ—публично.

Онъ придвинулъ кресло и сѣлъ съ ней рядомъ, грѣясь у огня.

— Адская погода! Ты не знаешь, какъ здѣсь хорошо и уютно.

— Это мило съ твоей стороны, что ты пришелъ,—сказала она и ея холодно-учтивый тонъ сразу охладилъ его пылкое воображеніе, уже начинавшее рисовать ему привлекательныя возможности ихъ семейной жизни. На время Гью умолкъ и,

когда заговорилъ, то уже инымъ, менѣе искреннимъ тономъ.

— Боюсь, Минна, что, обвѣнчавшись со мной, ты, сама того не зная, принесла большую жертву.

— По всей вѣроятности, не большую, чѣмъ почти всѣ другія женщины.

— Къ несчастью, большую.

Осторожно, съ большимъ тактомъ онъ передалъ ей во всѣхъ деталяхъ свой разговоръ съ ея отцомъ. Она выслушала его, не сказавъ ни слова, только пальцы ея судорожно сжимали ручки кресла и глаза, не отрываясь, смотрѣли въ огонь.

— Я такъ страшно боялась этого!—выговорила она беззвучно.

— Да, конечно, тебѣ будетъ трудно. Видитъ Богъ, я сознаю это. Но все-таки не будемъ же мы голодать.

Она быстро сбоку поглядѣла на него и, вздрогнувъ, закрыла лицо руками.

— Я знала, что иду на горе и нужду—уже тогда знала, когда мы шли изъ этой ужасной канцеляріи, гдѣ насъ вѣнчали. О, Боже! и зачѣмъ только мы это сдѣлали!

— Почему же непремѣнно нужда? Нужды не будетъ, поскольку въ моихъ силахъ избѣжать этого.

— Ты меня ограбилъ. Ты лишилъ меня наслѣдства.

— Можетъ быть, этотъ укоръ и заслуженъ, Минна,—возразилъ онъ надменно и великодушно забывая, что она сама настаивала на ихъ бракѣ, — но счастья онъ намъ не прибавитъ.

— Счастье! — презрительно воскликнула она.—Какая-нибудь убогая квартирка, обѣды, которые на второй день подаютъ разогрѣтыми, и разъ въ годъ дешевенькое платьице. Десять мѣсяцевъ тому назадъ, можетъ быть, такое угощеніе и могло казаться привлекательнымъ. Теперь позолота вся уже сошла.

Осторожно, терпѣливо, зная, что на немъ, мужчинѣ, болѣе сильномъ и разумномъ и менѣе влюбленномъ, лежитъ отвѣтственность за катастрофу, онъ началъ успокаивать ее, рисовать ихъ будущую жизнь въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Конечно, роскоши онъ ей предложить не можетъ. Но комфортъ, извѣстное общественное положеніе, интересное, интеллигентное общество — все это ему вполнѣ доступно. Если онъ обидѣлъ ее, женившись на ней, онъ загладитъ это, посвятивъ остатокъ жизни ея счастью. Но сердце ея ожесточилось и она слушала его съ каменнымъ лицомъ или же возражала запальчиво, рѣзко, осыпая его укорами. Разговоръ не вязался, прерываясь долгими паузами. А время шло. Минна отъ усталости задремала. Гью долго вглядывался въ ея лицо, озаренное отсвѣтами пламени. Какое оно стало

злое, упрямое и вульгарное! Онъ читалъ въ этомъ лицѣ всю исторію послѣднихъ мѣсяцевъ—ея предшествующей жизни—ея души. И вдругъ возмутился—и противъ нея, и противъ самого себя. Человѣку энергичному, дѣятельному, честолюбивому, съ широкими общественными интересами унизительно быть въ рабствѣ у подобной женщины.

Оставаться здѣсь больше было незачѣмъ. Гью поднялся съ кресла. Его движеніе разбудило Минну и она открыла глаза.

— Не уходи. Погоди еще. Я не сплю. Я думаю.

Онъ снова сѣлъ, продолжая изучать ея лицо, въ ожиданіи, пока она заговоритъ. Она смотрѣла въ огонь и глаза ея въ этомъ фантастическомъ освѣщеніи казались мрачными и злыми.

— Я не могу отказаться отъ своего наслѣдства, — выговорила она.—Я не переживу этого. Даже, еслибъ я любила тебя, меня не хватило бы на это. А ты заставилъ меня возненавидѣть себя. Наша совмѣстная жизнь, которую ты мнѣ предлагаешь, будетъ жестокой насмѣшкой. Я не могу больше быть близкой съ тобой—ни за какіе милліоны.

— Я этого отъ тебя и не требую, — холодно возразилъ онъ.

— Такъ почему же намъ не сохранить нашей тайны, какъ мы хранили ее до сихъ поръ, и не разстаться теперь же — навсегда?

Суровые глаза глянули на него съ мольбою.

— Я не совсѣмъ понимаю.

— Это не трудно. Вѣдь ты никому не говорилъ о нашемъ бракѣ?

— Ни единому человѣку.

— Есть какое-нибудь вѣроятіе, что слухъ о немъ можетъ пойти изъ регистратуры?

— Это совершенно невозможно.

— Такъ какъ же ты не понимаешь? Единственная заинтересованная свидѣтельница, Анна, предана мнѣ, какъ вѣрный песъ. Другой свидѣтель и самъ регистраторъ позабыли о нашемъ существованіи—какъ же ты не понимаешь, что всѣ доказательства нашего брачнаго союза погребены въ Брайтонѣ, въ казенной книгѣ, которую никто, можетъ быть, никогда и не раскроетъ—что, если мы до конца жизни будемъ продолжать выдавать себя за неженатыхъ, никому и въ голову не придетъ, что мы женаты? Видаться мы больше не будемъ, развѣ только случайно, гдѣ-нибудь на улицѣ. Каждый изъ насъ вычеркнетъ изъ своей жизни другого и начнетъ сначала. Развѣ это невозможно?

— Да. Это можно сдѣлать.

— Мои деньги останутся при мнѣ—я буду тратить ихъ, какъ хочу — жить, гдѣ хочу. Ты тоже воленъ располагать собой — если захочешь, и жениться — почему бы тебѣ не жениться?

— Потому что это было бы уголовнымъ преступленіемъ.

— Только въ собственныхъ твоихъ глазахъ. Можешь быть спокоенъ: я своихъ правъ на тебя никогда не предъявлю. Ты согласенъ предоставить и мнѣ такую же свободу?

— Я не могу такъ сразу отвѣтить. Дай мнѣ подумать.

— Думай,—сказала она, снова откидываясь въ кресло и закрывая глаза руками. Гью уже во второй разъ подкинулъ дровъ въ каминъ. Снаружи все еще доносились вздохи вѣтра; какіе-то странные шумы наполняли спящій домъ. Комнаты, которыя занимала Минна, были удалены отъ прочихъ спаленъ. Подслушать ихъ могла бы только Анна, спавшая въ сосѣдней комнатѣ. Они и вообще могли говорить, не понижая голоса и не боясь быть услышанными, а въ эту ненастную вѣтренную ночь и подавно всякія предосторожности были излишними. Оба были такъ поглощены своимъ окончательнымъ разрывомъ, что не замѣчали, какъ шло время. Гью долго думалъ и соображалъ и, наконецъ, въ общемъ согласился; затѣмъ послѣдовали долгія препирательства о деталяхъ.

— Что же ты намѣрена дѣлать? какъ жить? — спросилъ онъ наконецъ.

— Поѣду заграницу — на какой-нибудь курортъ — гдѣ весело. Возьму себѣ пожилую даму въ компаньонки — съ деньгами многое возможно. А, можетъ быть, сначала съѣзжу съ Анной въ Смирну, посмотрю на родственниковъ матери. Можетъ быть, это будетъ и интересно. Здѣсь я дольше жить не въ состояніи.

— Я такъ и думалъ. Только для того, чтобъ избѣжать этого, ты готова была жить со мной, еслибъ отецъ твой далъ согласіе?

— Вотъ именно.

Снова наступило продолжительное молчаніе. Гью разсматривалъ съ разныхъ точекъ зрѣнія создавшееся новое положеніе. По всѣмъ вѣроятіямъ, тайна ихъ брака никогда не раскроется, если только сами они не проговорятся. О примиреніи нечего и думать. Если онъ испортилъ ей жизнь, женившись на ней, этотъ тайный разводъ можетъ поправить дѣло. И все же онъ счелъ долгомъ попробовать разбудить въ ней ея прежнюю любовь.

— А ты увѣрена, Минна, что ты больше не любишь меня—совсѣмъ не любишь?

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ! Все это умерло

разъ навсегда — въ Брайтонѣ — въ декабрѣ прошлаго года. И даже еслибы не умерло, неужели ты думаешь, что я ради тебя откажусь отъ двухмилліоннаго наслѣдства?! — Она презрительно расхохоталась.—Однако ты высоко себя цѣнишь. Знаешь ли ты, — продолжала она и ея внезапно окрѣпшій низкій голосъ зазвучалъ почти свирѣпо, — да знаешь ли ты, что я скорѣе пойду на какое угодно преступленіе, чѣмъ откажусь отъ этихъ денегъ. Всѣ эти разговоры совершенно ни къ чему. Скажи мнѣ твое послѣднее слово и покончимъ съ этимъ.

— Хорошо, — рѣшительно сказалъ онъ. — Я готовъ дать тебѣ полную свободу, съ однимъ условіемъ—чтобъ это было безповоротно.

— Такъ оно и будетъ. Ты дашь мнѣ клятву—торжественную клятву, что не будешь больше вмѣшиваться въ мою жизнь?

— Даю тебѣ честное слово.

-- Не очень-то я вѣрю въ мужскую честь. Клятва—другое дѣло.

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь, — былъ отвѣтъ.

Она встала, на минуту исчезла въ тѣни, на другомъ концѣ комнаты, и вернулась съ Библіей.

— Клянусь, положа руку на эту святую книгу, клянусь Богомъ моихъ отцовъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ я никому не открою того, что я повѣнчана съ тобой. Отрекаюсь отъ тебя навсегда, какъ отъ своего мужа. Отказываюсь отъ всѣхъ притязаній на твою поддержку, сочувствіе и уваженіе. Клянусь никогда и ни въ какой формѣ не вмѣшиваться въ твою жизнь и въ твои дѣйствія, предоставляя тебѣ полную свободу снова жениться, не извѣщая меня предварительно. Помоги мнѣ, Боже, сдержать клятву!

Она стояла, мертвенно блѣдная, вся дрожа, такъ что зубъ на зубъ не попадалъ, отъ усталости и безсонной ночи, и трясущейся рукой протягивала ему книгу.

— Если ты желаешь формальной клятвы, я готовъ дать ее въ какой тебѣ угодно формѣ.

И онъ въ свою очередь отрекся отъ нея, какъ она передъ тѣмъ отреклась отъ него.

Потомъ вынулъ часы. Къ величайшему его изумленію, былъ уже седьмой часъ утра. Непріятно изумленный, онъ сталъ сбираться въ путь.

Удивительно, какъ быстро миновала эта ночь.

— Теперь у тебя нѣтъ надобности держать ихъ дольше у себя, — сказалъ онъ, поднимая съ пола туфли, которыя Минна собственноручно вышила ему въ періодъ обожанія.

-- Да, конечно. И другое тоже.

Она взяла небольшой пакетъ, аккуратно завернутый въ коричневую бумагу, и подала ему. Онъ взялъ его подъ мышку.

— Прощайте, Минна,—сказалъ онъ, протягивая руку. — Мы не давали клятвы быть врагами. Дай Богъ, чтобъ ваша новая жизнь была счастливѣй старой.

— Несчастнѣе быть трудно, — отвѣтила она, но все же дала ему руку, холодную и вялую.

— Бѣдное дитя, помоги тебѣ Боже!

Онъ повернулся и вышелъ снова тѣмъ же путемъ, какъ и вошелъ. Еще только начинало свѣтать. За ночь выпалъ снѣжокъ. Гью спѣшилъ прямо домой, не думая ни о чемъ, кромѣ этой странной ночи, уже радуясь, что съ плечъ его свалилось это тяжкое бремя, но еще весь дрожа отъ напряженія, которое потребовалось, чтобъ свалить его.

Онъ прошелъ мимо дома, гдѣ жили Мерріамы, не встрѣтивъ ни души. Только ужь возлѣ самаго города онъ разминулся съ двумя полисменами, уныло и сонно шагавшими по снѣгу въ темнотѣ.

Когда онъ дошелъ до дому, швейцаръ уже отпиралъ входную дверь.

— Холодное утро, сэръ, — сказалъ швейцаръ.

— Жестокій холодъ,—машинально отвѣтилъ онъ, быстро поднимаясь по каменной лѣстницѣ.

IX.

Онъ сбросилъ съ себя платье съ тѣмъ естественнымъ отвращеніемъ, которое чувствуетъ человѣкъ къ одеждѣ, въ которой онъ просидѣлъ всю ночь безъ сна. Онъ страшно усталъ и не въ состояніи былъ думать ни о чемъ, не касавшемся непосредственно его лично; поблагодарилъ Бога за то, что завтра у него нѣтъ дѣла въ судѣ, значитъ, нѣтъ надобности рано вставать, потянулся, зѣвнулъ, вздрагивая отъ холода, улегся въ постель, укутался одѣяломъ и моментально уснулъ крѣпкимъ сномъ усталаго, за день натомившагося человѣка. Этотъ сонъ былъ нарушенъ какимъ-то страннымъ шумомъ за дверью. Гью снилось, что это Минна колотитъ молоткомъ по какому-то безформенному предмету, о которомъ онъ зналъ только, что это бракъ. Проснувшись, онъ сообразилъ, что это стучатъ къ нему въ дверь. Въ дѣйствительности онъ проспалъ нѣсколько часовъ, но ему казалось, что онъ забылся всего на нѣсколько минутъ. И онъ сердито крикнулъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Стукъ продолжался. Онъ снова крикнулъ: „убирайтесь!“. Отвѣтилъ чей-то чужой голосъ:

— Нельзя ли повидать васъ на минуту?

Съ досадой онъ вскочилъ съ постели и отперъ дверь.

— Какого чорта вамъ отъ меня надо?

И не безъ изумленія отступилъ назадъ при видѣ дворецкаго Гарта, Самюэльса. Видъ у него былъ неряшливый, растерянный, взволнованный. Позади него пряталась м-ссъ Парсонъ, жена швейцара.

— Если вамъ нужно поговорить со мною, войдите,—сказалъ Гью, чувствуя, что онъ стоитъ на сквозникѣ. Самюэльсъ повиновался.

— Страшныя вѣсти, сэръ. Я подумалъ, что лучше сбѣгать вамъ сказать,—можетъ, вы сейчасъ пожалуете къ намъ. Мой баринъ убитъ сегодня ночью.

Гью былъ страшно пораженъ.

— Убитъ?—вашъ баринъ?—нынче ночью?

Онъ съ недоумѣніемъ уставился на дворецкаго. Это было непостижимо. Какой невѣроятный ужасъ!—вѣдь онъ всю ночь провелъ въ домѣ, не спалъ ни минуты. Какъ же это Гартъ не крикнулъ, не подалъ голоса?—вѣдь онъ былъ рукой подать, въ нѣсколькихъ шагахъ... Нѣтъ, это прямо-таки непостижимо.

— Да, сударь, въ своемъ кабинетѣ.—У дворецкаго были слезы на глазахъ и губы дрожали отъ волненія.—Въ четверть седьмого сегодня утромъ горничная нашла его мертвымъ на полу.

— Какъ же это случилось?

— Кто-то ударилъ его чѣмъ-то тяжелымъ—вотъ сюда.

Дворецкій провелъ рукой отъ виска вверхъ.

— Что у насъ тамъ было!—прибавилъ онъ, вздрогнувъ.

Тѣмъ временемъ Гью овладѣлъ собой.

— Я сейчасъ же пойду туда вмѣстѣ съ вами. Пока я одѣваюсь, разскажите мнѣ подробно.

Пока онъ наскоро одѣлся и выпилъ чашку кофе, Самюэльсъ разсказалъ ему подробности. Въ двухъ словахъ, произошло слѣдующее. Служанка, вошедшая затопить каминъ въ кабинетѣ, нашла своего барина лежавшимъ, свернувшись въ комокъ, на коврикѣ передъ каминомъ. Она подошла со свѣчей и увидала на сѣдыхъ волосахъ запекшуюся кровь. Вскрикнула, бросилась къ Самюэльсу и подняла тревогу. Онъ, Самюэльсъ, спустился внизъ, осмотрѣлъ тѣло, убѣдился, что жизнь въ немъ уже давно погасла, и послалъ одновременно за докторомъ и за полиціей. А горничной велѣлъ разбудить барышню; самъ же остался въ кабинетѣ присмотрѣть, чтобъ слуги не убирали тамъ и ничего не трогали. Миссъ Гартъ сбѣжала внизъ обезумѣвшая отъ испуга и упала въ обморокъ, такъ что пришлось ее опять

унести наверхъ и уложить въ постель. Черезъ нѣсколько минутъ явился полисменъ, а вслѣдъ за нимъ и докторъ, жившій по сосѣдству, Затѣмъ явился полицейскій офицеръ, завѣдующій мѣстнымъ участкомъ, и немного попозже сыщикъ изъ Скотландъ Ярда; и теперь они производятъ слѣдствіе. Кто убилъ — ничего понять нельзя. Ни малѣйшаго ключа къ загадкѣ.

— А миссъ Гартъ—какъ она чувствовала себя, когда вы уходили?—спросилъ Гью, уже спускаясь съ лѣстницы.

— Она скоро пришла въ себя, сэръ, потребовала, чтобъ ей дали одѣться, и сошла внизъ; и теперь держится молодцомъ. Это она и полицейскій офицеръ рѣшили, что надо послать за вами, такъ какъ вы—послѣдній—кромѣ того, другого—кто видѣлъ барина живымъ.

— Да, я помню, какъ онъ велѣлъ вамъ идти спать.

— О, я послѣ того еще разъ видѣлъ его, сэръ, когда онъ приходилъ наверхъ къ себѣ въ спальню.

— Такъ какъ же вы говорите: я послѣдній? И потомъ вѣдь вы же, помнится, говорили, что его нашли въ кабинетѣ—я какъ-то сбиваюсь.

— Онъ ходилъ наверхъ, чтобы взять что-то изъ несгораемаго шкафа, который стоитъ у него въ спальнѣ — а потомъ опять сошелъ внизъ. А я былъ тогда въ спальнѣ, поправлялъ огонь въ каминѣ и онъ опять велѣлъ мнѣ идти ложиться. Я думалъ, что вы еще не ушли.

— Въ которомъ это было часу?

— Безъ пяти минутъ двѣнадцать.

— А я ушелъ отъ него въ половинѣ двѣнадцатаго.

У воротъ усадьбы Гарта стояла кучка любопытныхъ, обсуждая клочки свѣдѣній, доходившіе до нихъ. Дежурный полисменъ медленно обходилъ усадьбу и шаги его невозможно было отличить отъ несчетнаго множества другихъ, оставленныхъ на тонкомъ и уже растаявшемъ снѣжномъ покровѣ. На крыльцѣ стоялъ полицейскій инспекторъ, разговаривая съ двумя репортерами, которые заносили сообщаемое имъ въ свои записныя книжки покраснѣвшими отъ холода пальцами.

При видѣ Гью полицейскій дотронулся до козырька фуражки.

— Скверная исторія, сэръ. Зайдите пожалуйста; я бы хотѣлъ побесѣдовать съ вами.

Гью вошелъ въ домъ и, подойдя къ камину въ швейцарской, сталъ грѣть руки у огня, дивясь силѣ рутины, заставившей прислугу даже въ такое хлопотливое и тревожное утро не позабыть развести огонь. Скрипъ отворяющейся двери заставилъ его обернуться и онъ увидѣлъ блѣд-

ное, растерянное лицо Минны. Она торопливо кивнула ему головой и исчезла въ столовой. Онъ послѣдовалъ за нею и притворилъ за собою дверь. Видъ этой комнаты вызвалъ новый рядъ ассоціацій. Какое страшное утро послѣ праздника!

Минна стояла у стола, опираясь на него одной рукой, и смотрѣла на него мрачно, вызывающе. Онъ попробовалъ было выразить сочувствіе; она оборвала его на полусловѣ.

— Да. Я знаю все, что вы можете сказать мнѣ. Не стоитъ тратить времени на это. Вы говорили съ полицейскимъ офицеромъ?

— Нѣтъ еще.

— Слава Богу, что я раньше увидала васъ. Это не мѣняетъ нашего уговора, не правда ли? Вы не проговорились о томъ, что были у меня вчера ночью?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, съ отвращеніемъ отворачиваясь отъ нея.—Поскольку дѣло касается вашего отца, я ушелъ изъ этого дома въ половинѣ двѣнадцатаго.

Она вздохнула съ облегченіемъ.

— Я такъ боялась, что вы выдадите меня—не нарочно, а такъ, проговоритесь.

— Васъ все время это главнымъ образомъ и волновало?—рѣзко спросилъ онъ.—Я радъ, что дороги наши разошлись.

— Я должна отстаивать свои интересы,—сказала она.

Онъ пожалъ плечами, прошелъ мимо нея къ камину и прислонился къ черной мраморной доскѣ его. На черномъ фонѣ четко выдѣлялась его сильная, широкоплечая фигура. Эгоизмъ этой дѣвушки ошеломилъ его. Въ глазахъ ея не было слѣда слезъ, въ лицѣ не было и тѣни печали. Оно казалось изможденнымъ и больнымъ, но не отъ горя,—отъ потрясенія, усталости, тревоги. Неужели въ ея душѣ нѣтъ никакихъ человѣческихъ чувствъ? А между тѣмъ вѣдь это та самая женщина, чье сердце такъ безумно билось рядомъ съ его сердцемъ; тѣ самые глаза, въ дремлющей глубинѣ которыхъ способна загораться иной разъ такая жгучая страсть, тотъ самый голосъ, который умѣетъ ворковать нѣжнѣе влюбленной голубки. Онъ какъ-то мысленно сравнилъ ее съ вулканомъ. Теперь ему припомнилось это сравненіе. Именно вулканъ. Пора изверженій прошла, внутренній огонь погасъ—осталась только холодная жесткая лава.

Минна неожиданно отошла отъ стола, медленно волоча ноги, и, какъ бы въ полномъ изнеможеніи, упала въ кресло, опустивъ голову на руки.

— Я знаю, какъ вы судите обо мнѣ,—хрипло выговорила она.—Вы все время судили и критиковали меня, и это была одна изъ причинъ, почему я васъ возненавидѣла. Вы ду-

маете, что мнѣ теперь слѣдовало бы разливаться-плакать. Такъ оно и было бы, еслибъ не вчерашняя ночь. Но я должна защитить себя, теперь или никогда. Никто не можетъ сдѣлать этого, кромѣ меня самой. Откуда мнѣ было знать, что вы будете молчать? Я стояла лицомъ къ лицу съ полнымъ раззореніемъ, съ нищетой. Я напрягала каждый нервъ, чтобы не потерять разсудка, въ ожиданіи васъ. Вы не можете себѣ представить, какой пыткой было это ожиданіе! А тутъ еще этотъ ужасъ! Неужели вы думаете, что я не чувствую, до какой степени это все ужасно?

Она выговорила все это, не поднимая головы. Поза ея выражала полнѣйшее изнеможеніе. Потомъ по всему тѣлу ея пробѣжала дрожь, и она вдругъ заплакала, зарыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Гью стало жаль ея.

— Если я могу быть вамъ полезнымъ, Минна—приказывайте.

Но она только махнула ему свободной рукой и едва слышно выговорила:

— Уйдите—оставьте меня!

— Если я вамъ понадоблюсь, пришлите за мной и я приду.

Съ этими словами онъ вышелъ въ швейцарскую и нашелъ тамъ поджидавшаго его полицейскаго офицера. На вопросы послѣдняго онъ сообщилъ, что могъ. Затѣмъ имъ завладѣли репортеры. Постепенно Гью ознакомился со всѣми свѣдѣніями, какія успѣла добыть полиція. М-ръ Гартъ былъ убитъ съ одного удара, нанесеннаго какимъ-то тупымъ орудіемъ. Случилось это, очевидно, еще до разсвѣта. Несгораемый шкафъ въ кабинетѣ былъ найденъ взломаннымъ. Единственное, чего, видимо, не хватало тамъ, былъ черный ящикъ съ документами, въ которомъ, по свидѣтельству довѣреннаго клерка убитаго, немедленно же вызваннаго для допроса, находились векселя. Иныхъ признаковъ грабежа не было. Нигдѣ на дверяхъ никакихъ слѣдовъ взлома тоже не было—оставалось только предположить, что убійцы вошли черезъ окно, которое забыли запереть. Выпавшій снѣгъ засыпалъ слѣды. И полиція была въ полномъ недоумѣніи, гдѣ искать убійцъ.

— Вы не знаете, у м-ра Гарта были враги? — допытывался полицейскій инспекторъ.

— У человѣка его профессіи не можетъ не быть близкихъ дѣловыхъ сношеній съ людьми, которыхъ онъ не имѣетъ основанія считать друзьями,—отвѣтилъ Гью.—Но я ни одного изъ его кліентовъ не знаю. А въ личныхъ сношеніяхъ всегда находилъ его добрымъ и великодушнымъ.

— Не можете ли вы сообщить мнѣ какихъ-либо подроб-

ностей относительно его частной жизни? — спросилъ одинъ изъ репортеровъ.

— Не могу и не считаю возможнымъ,—отвѣтилъ Гью тономъ, который долженъ былъ отбить охоту къ дальнѣйшимъ разспросамъ. На душѣ у него было тяжело и скверно; онъ жаждалъ поскорѣе выбраться изъ этого дома. Сознаніе своей личной, скрытой отъ другихъ, но интимной связи съ этой трагедіей давило его, какъ кошмаръ. Это *онъ* вызвалъ въ бѣдномъ старикѣ рядъ эмоцій и чувствъ, которыя помѣшали ему лечь въ постель, гдѣ убійца, если только онъ пришелъ исключительно съ цѣлью грабежа, не сталъ бы искать его. Это *онъ* оставилъ незапертымъ окно, черезъ которое вошелъ убійца. И то, что онъ съ дочкой сидѣлъ наверху и велъ разговоръ о наслѣдствѣ старика въ то время, какъ этотъ самый старикъ одиноко боролся со смертью внизу, казалось смѣшнымъ и дикимъ до ужаса, словно какая-то вульгарная мелодрама, въ которой дѣйствіе происходитъ одновременно въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ.

Наконецъ, онъ ускользнулъ и отъ полицейскаго допроса, и отъ репортеровъ, и очутился на шоссе, радуясь, что можетъ, наконецъ, подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы сѣрымъ и туманнымъ. Возлѣ дома Мерріамовъ онъ остановился, охваченный внезапной потребностью услыхать голосъ Ирены, почувствовать на себѣ ея ласковый ясный взглядъ. Самая близость ихъ требовала, чтобы онъ первый увѣдомилъ ее о катастрофѣ. Онъ отворилъ входную дверь своимъ ключемъ, который получилъ уже давно, на правахъ близкаго друга, и постучался въ дверь курилки, гдѣ Ирена обыкновенно работала утромъ. Какъ только онъ появился на порогѣ, она быстро встала изъ-за письменнаго стола.

— Вы пришли сказать мнѣ?—я уже знаю. И весь Сеннингтонъ знаетъ. Какой ужасъ! Бѣдная дѣвочка!

— Я пришелъ оттуда. Я видѣлся съ ней, ненадолго. Это, разумѣется, страшный ударъ для нея, но она переноситъ его недурно—лучше, чѣмъ я ожидалъ. Вы знаете, я вѣдь обѣдалъ у нихъ вчера, такъ что я былъ чуть ли не послѣднимъ, кто видѣлъ старика живымъ. Оттого за мною и прислали нынче утромъ.

— Разскажите мнѣ, что вы знаете объ этомъ? — сказала она, придвигая ему кресло. Онъ сѣлъ и разсказалъ ей все, что могла узнать полиція. Она внимательно слушала, сидя за письменнымъ столомъ и опираясь подбородкомъ на руку.

— И никакихъ догадокъ, никакихъ предположеній относительно того, кто могъ убить?

— Никакихъ. Бѣднягу нашли убитымъ, и только. Пропалъ ящикъ съ документами изъ несгораемаго шкафа. Най-

дено незапертымъ окно; больше, въ сущности, никакихъ данныхъ нѣтъ.

— А знаете, Гью?—сказала Ирена,—я убѣждена, что это не обыкновенный грабежъ. Какой-нибудь отчаянный человѣкъ занялъ у него денегъ по векселю, который, какъ ему было извѣстно, лежалъ въ томъ ящикѣ, и пошелъ на преступленіе, чтобы добыть обратно свои векселя. Онъ съ вечера спрятался гдѣ-нибудь, можетъ быть, въ томъ же кабинетѣ,—потомъ отперъ окно и скрылся задворками.

Гью невольно улыбнулся этому женски самоувѣренному рѣшенію вопроса.

— Жалко, что васъ не назначили слѣдователемъ, Рени.

— Развѣ вы не находите мою теорію вполнѣ вѣроятной?

Онъ согласился, что такое объясненіе можно допустить, и завѣрилъ ее, что онъ не критикуетъ, а искренно восхищается ея догадливостью. Вотъ полиціи такъ не пришло это въ голову, и она совершенно не знаетъ, съ чего начать.

— А я бы первымъ дѣломъ просмотрѣла списокъ векселей, лежавшихъ въ этомъ пропавшемъ ящикѣ—вѣдь должны же они быть гдѣ-нибудь перечислены, а затѣмъ разузнала бы, какъ провели эту ночь всѣ его должники, векселя которыхъ лежали въ этомъ ящикѣ.

— Мнѣ и въ голову это не пришло!—воскликнулъ онъ.— Ну, разумѣется, они это сдѣлаютъ.

Ирена продолжала говорить о Миннѣ, о ея безотрадномъ одиночествѣ, о томъ, какъ охотно она сама предложила бы дружескую помощь, еслибы Минна не отстраняла всѣхъ ея попытокъ подружиться. Она даже теперь готова позабыть все это и предложить Миннѣ переѣхать къ нимъ. Она спрашивала его совѣта. Добрая, сердечная, великодушная, она была ему въ эту минуту такъ близка, что онъ едва удержался отъ безумнаго желанія разсказать ей всю печальную исторію своего брака и о томъ, какую роль онъ самъ сыгралъ въ этой ночной трагедіи. Но какъ же онъ могъ совѣтовать ей въ этомъ дѣлѣ, зная, какъ Минна ревнуетъ къ ней и ненавидитъ ее.

— Къ ней, кажется, пріѣдутъ родные,—солгалъ онъ.—Она что-то говорила объ этомъ нынче утромъ.

И началъ прощаться. Ирена взяла его руку, заглянула ему въ лицо и ласково сказала:

— Какой у васъ измученный видъ! Когда вы вошли, онъ былъ лучше. Это нашъ разговоръ разстроилъ васъ.

— Боюсь, что вся причина въ томъ, что я не завтракалъ,— отвѣтилъ онъ, заставивъ себя засмѣяться.

Ирена мгновенно захлопотала.

— Не завтракалъ? Ахъ, какой вы! Почему же вы не ска-

зали? Садитесь, я сейчасъ же принесу вамъ чего-нибудь поѣсть.

И она стремительно выбѣжала изъ комнаты.

— Боже мой!—растерянно выговорилъ Гью, бросая на стулъ шляпу и перчатки:—Боже мой! Объ этомъ я и не подумалъ.

Вернувшаяся Ирена застала его стоящимъ у камина, со взглядомъ, впереннымъ въ пространство.

X.

Съ этого момента жизнь Гью стала хожденіемъ по краю обрыва. При одной мысли о той безднѣ, въ которую онъ рисковалъ упасть, у него кружилась голова и, чтобъ не думать объ этомъ, онъ зарылся съ головой въ работу. Черезъ недѣлю должна была начаться февральская сессія центральнаго уголовнаго суда. По счастью, дѣлъ у него было больше обыкновеннаго—между прочимъ, одно шантажное, съ разными медицинскими осложненіями. Шантажируемый, его кліентъ, отвѣтчикъ, былъ человѣкъ съ положеніемъ, со средствами.

— Если вы вызволите его, Кольманъ,—говорилъ Гарроуэй, старый адвокатъ, съ дѣтства знавшій Гью,—ваша карьера сдѣлана.

И Гью день и ночь сидѣлъ надъ этимъ дѣломъ, забросивъ всѣхъ знакомыхъ. Огласка, которую получили его сношенія съ убитымъ, была для него до такой степени непріятна, что онъ ѣздилъ на извозчикѣ и въ судъ, и изъ суда, чтобы не слышать въ трамваѣ и въ вагонахъ желѣзной дороги разговоровъ, которые его бѣсили. Минну онъ видѣлъ одинъ только разъ на допросѣ у слѣдователя, въ траурѣ, подъ густымъ вуалемъ, въ сопровожденіи старой сиріянки. Приличія ради, онъ усадилъ ее въ экипажъ, спросивъ по дорогѣ только объ одномъ: продолжаетъ ли она жить въ своемъ домѣ? Она отвѣтила утвердительно. Приглашеній было много, но она отъ всѣхъ отказывалась. Съ нея было достаточно сочувствія и общества старой Анны. Можетъ быть, она поѣдетъ съ Анной въ Смирну.

На другой день состоялись похороны. Надменный съ виду и измученный душою, онъ шелъ за гробомъ — единственный иновѣрецъ среди толпы евреевъ, банкировъ и ростовщиковъ. Это, разумѣется, было отмѣчено въ газетахъ.

У Мерріамовъ онъ не бывалъ. Какъ только Джерардъ вернулся, Ирена позвала его обѣдать, но онъ отклонилъ предложеніе, ссылаясь на спѣшную работу. Джерардъ, посланный Иреной на развѣдки, ворвался къ нему въ этотъ

день въ 10 часовъ вечера и нашелъ его въ халатѣ, растрепаннымъ, за письменнымъ столомъ, надъ грудой дѣлъ. Очевидно, оговорка была не вымышленная.

Все же Гью усадилъ гостя въ кресло и придвинулъ къ нему ящикъ съ табакомъ, графины съ содовой и виски. Джерардъ посмотрѣлъ на стаканъ хозяина, потомъ на пробочникъ, торчавшій въ пробкѣ уже до половины опороженной бутылки виски и, многозначительно покачавъ головой, замѣтилъ:

— Послушай однако, ты это немножко черезчуръ. Въ чемъ дѣло? работа? непріятности?

— То и другое,—сказалъ Гью, ставя на столъ стаканъ и свирѣпо вытирая мокрые усы.—Работа для того, чтобы забыть о непріятностяхъ, а водка для того, чтобы справиться съ работой.

— Какія же непріятности? Эта исторія съ Гартомъ?

— Да, должно быть. Она мнѣ разбила нервы.

— Не понимаю, почему,—сказалъ Джерардъ съ легкимъ презрительнымъ смѣшкомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые отрицаютъ существованіе нервовъ.

— Кстати,—прибавилъ онъ немного погодя,—они ужасно тянутъ слѣдствіе и прескверно ведутъ его—я только что говорилъ Рени—будь я на мѣстѣ слѣдователя, я бы допросилъ тебя, о чемъ у тебя былъ послѣдній разговоръ съ убитымъ.

Къ изумленію его, Гью вскочилъ на ноги страшно взволнованный.

— Ради Бога, старина, не говори объ этомъ такъ хладнокровно! Я страшно впутался. Теперь ужь все равно, я скажу тебѣ—только ты женѣ не говори—я долженъ былъ Гарту 5.000 фунтовъ подъ обезпеченіе ожидаемаго мною наслѣдства отъ дяди—тогда я еще не зналъ, что дядя женится. Вексель, разумѣется, былъ у него—и боюсь, что онъ былъ въ томъ самомъ ящикѣ, который пропалъ изъ несгораемаго шкафа. Я былъ послѣднимъ изъ чужихъ, кто видѣлся съ нимъ—никто не видѣлъ, какъ я уходилъ... Рени излагала тебѣ свою теорію убійства?

Джерардъ посмотрѣлъ на него и свистнулъ.

— Такъ вотъ какимъ путемъ ты спасся отъ банкротства. А я-то удивлялся!

— Да, этимъ,—лаконически подтвердилъ Гью.

Джерардъ соображалъ, раскуривая трубку.

— Я все-таки не вижу основанія нервничать. Если только ты ничего отъ меня не скрываешь — человѣкъ вѣдь всегда наровитъ что-нибудь утаить—скажи, скрываешь?

— Я уже тебѣ сказалъ, что я впутался въ страшно не-

пріятную исторію. Распространяться объ этомъ я не стану. Еслибъ ты могъ помочь мнѣ, я самъ просилъ бы тебя. Но такъ, какъ обстоитъ дѣло, тебѣ самое лучшее вернуться домой, къ Рени—не сейчасъ, погоди, куда же ты?—и забыть объ этомъ.

Джерардъ, сдвинувъ брови, воззрился на своего друга, потомъ всталъ и подошелъ къ нему вплотную.

— Ты собственно на что намекаешь?—что ты случайно убилъ этого старика?

Гью съ минуту смотрѣлъ на него недовѣрчиво, потомъ презрительно расхохотался:

— Ну, дурень!

— Ну, я радъ слышать это,—засмѣялся въ свою очередь Джерардъ, возвращаясь къ виски и содовой. Гью снова усѣлся въ свое вертящееся кресло и нетерпѣливо запустилъ пальцы въ волосы.

— Ради Бога, давай поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Зачѣмъ ты ѣздилъ въ Эдинбургъ?

Джерардъ посидѣлъ еще четверть часа и затѣмъ ушелъ домой, оставивъ друга за работой.

— Какъ ты скоро!—встрѣтила его Ирена.

— Да. У него куча работы. Везетъ ему. Я бы хотѣлъ, чтобъ у меня было хоть въ половину столько дѣлъ.

— Милый, какъ ты непослѣдователенъ! Только вчера ты говорилъ, что тебѣ надоѣла адвокатура и ты хотѣлъ бы бросить ее и уѣхать путешествовать. И почему это о женщинахъ говорятъ: semper mutabile?

— Развѣ мужчинѣ не можетъ надоѣсть его работа?

Ирена не нашла, что возразить, и только вложила свою руку въ руку мужа. Разъ Джерардъ говоритъ это, значитъ, это такъ.

— Ну, что бѣдный Гью?—спросила она.

Джерардъ засмѣялся съ чисто мужской нелюбезностью и выдернулъ свои пальцы изъ ея руки, чтобы примять табакъ въ своей трубкѣ.

— Ты всегда говоришь о Гью такъ, какъ будто бы онъ мальчикъ, а не взрослый и даже среднихъ лѣтъ мужчина. Ничего ему не дѣлается. Но только онъ забралъ себѣ въ голову нелѣпую мысль: будто ему грозитъ арестъ изъ-за этой исторіи съ Гартомъ.

— Что ты говоришь? — вскричала Ирена, съ испугомъ вскидывая на него глаза.

— Повидимому, у него были какія-то денежныя дѣла съ покойникомъ и онъ былъ послѣднимъ, кто видѣлъ старика.

— Это неправда! Гью ушелъ отъ него въ половинѣ двѣнадцатаго, а дворецкій видѣлъ м-ра Гарта въ двѣнадцать.

— Я ужь не знаю. Все это вздоръ. Тутъ есть что-то такое, что онъ скрываетъ отъ меня. Въ свою личную жизнь Гью вѣдь меня не посвящаетъ. Но, если онъ и запутался, такъ выпутается—это съ нимъ уже бывало.

Но Ирена не отнеслась къ этому такъ легко. Глаза ея были полны тревоги. Но неожиданно все лицо ея озарилось улыбкой.

— Ну, конечно, ты правъ, дорогой мой. Все это вздоръ.

Однако на дѣлѣ предчувствія Гью оказались далеко не вздорными. На другой день, когда онъ вернулся домой изъ суда, швейцаръ выразилъ желаніе побесѣдовать съ нимъ и проводилъ его до его комнаты. Парсонъ былъ честный малый, признательный Гью за многочисленныя щедрыя подачки и въ то же время чувствовавшій къ нему почтеніе за его барскій, властный тонъ. То, что онъ имѣлъ сообщить, было настолько серьезно, что онъ даже волновался и говорилъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ. Оказалось, что полиція явилась въ домъ съ разспросами относительно часа возвращенія м-ра Кольмана во вторникъ утромъ и вообще его привычекъ; особенно усердно допытывались у швейцарихи, въ какомъ видѣ былъ его костюмъ и не было ли у него съ собой въ рукахъ ящика или пакета.

— Я принужденъ былъ сказать имъ, сударь, что какой-то свертокъ у васъ былъ,—сокрушенно признался швейцаръ,—хотя я скорѣе далъ бы отрѣзать себѣ языкъ, чѣмъ причинить вамъ зло.

— Благодарю васъ, Парсонъ,—сказалъ Гью. — Я очень вамъ обязанъ за то, что вы меня предупредили. Мнѣ нечего и добавлять, что вы можете съ чистой совѣстью давать полиціи какія вамъ угодно свѣдѣнія. Повредить мнѣ вы не можете.

Швейцаръ ушелъ успокоенный. А Гью, оставшись одинъ, подошелъ къ буфету и налилъ себѣ стаканчикъ виски.— Можетъ быть, это послѣдній,—угрюмо усмѣхнулся онъ. Потомъ залпомъ осушилъ стаканъ и закурилъ папироску; пальцы его слегка дрожали.

— Ну, теперь идемъ къ Миннѣ.

Давно жданный ударъ обрушился на него. Арестъ былъ неизбѣженъ. И, если онъ не сможетъ объяснить, гдѣ онъ провелъ ночь, его не освободятъ. Мелкихъ уликъ, которыя, онъ зналъ, можно собрать противъ него, было достаточно, чтобы вовлечь его въ бѣду. Онъ, адвокатъ съ большой уголовной практикой, больше, чѣмъ кто-либо, сознавалъ, что тутъ можно создать такую цѣпь косвенныхъ уликъ, которая

приведетъ его на висѣлицу, такъ какъ защитить себя онъ безсиленъ. Ну, а думать равнодушно о висѣлицѣ человѣку въ цвѣтѣ силъ, полному жажды жизни и сознающему свою невинность, довольно трудно.

Скрывать ихъ бракъ дольше нельзя. Это вопросъ жизни и смерти. Только бы Минна подтвердила его показанія—тогда все будетъ хорошо. Только бы ему дойти до нея раньше, чѣмъ рука полисмена ляжетъ на его плечо. Сквозь сгущавшіяся сумерки хмураго февральскаго вечера онъ спѣшилъ по знакомой до тошноты дорогѣ. Никогда она еще не казалась ему такой длинной. Когда онъ замѣтилъ вдали смутный обликъ подходившаго констэбля, сердце его подпрыгнуло и сжалось въ комокъ. Но тотчасъ же онъ презрительно разсмѣялся надъ своими страхами. Какъ будто дежурный городовой могъ арестовать его! За нимъ, разумѣется, слѣдятъ даже теперь и, когда придетъ время, вѣжливый полицейскій офицеръ въ штатскомъ платьѣ безъ шума и безъ грубости арестуетъ его и отведетъ подъ стражу... Но все же онъ былъ радъ, когда захлопнулась входная дверь и онъ очутился въ тепломъ и надежномъ убѣжищѣ.

Съ лѣстницы спустился на встрѣчу ему дворецкій Самюэльсъ.

— Миссъ Гартъ очень извиняется, но сегодня она не можетъ васъ принять, сэръ.

— Она въ постели?

— Нѣтъ, сэръ.

— Гдѣ же она?

— Въ гостиной.

— Благодарю васъ, Самюэльсъ; мнѣ надо повидаться съ ней.

И, промчавшись мимо ошеломленнаго дворецкаго, онъ быстро поднялся по лѣстницѣ и ворвался въ гостиную. Минна гнѣвно вскочила съ кресла, заложивъ пальцами страницу романа, который она читала. Она была въ свободномъ капотѣ, кое-какъ причесана и потому еще больше разсердилась на это неожиданное вторженіе. Даже ногою топнула.

— Вѣдь я же говорила Самюэльсу...

— Да, я знаю,—перебилъ ее Гью.—Я не послушалъ его. Теперь не до учтивостей. Меня травитъ полиція. Каждую минуту я могу быть арестованъ. Они знаютъ, что я только утромъ вернулся домой. Я попалъ въ западню. Я долженъ объяснить имъ, что я дѣлалъ и гдѣ былъ отъ половины двѣнадцатаго до семи.

Минна побѣлѣла, какъ полотно. Книга выскользнула у нея изъ рукъ и упала на коверъ.

— Это невозможно!

— Что невозможно?

— Чтобъ васъ арестовали. Вѣдь у нихъ же нѣтъ никакихъ доказательствъ. О, какъ это нелѣпо!

— Нелѣпо, или нѣтъ, но это будетъ.

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ выяснилъ ей положенiе. Она слушала недвижная, съ дрожащими губами.

— Что же вы хотите, чтобъ я сдѣлала? — едва слышно выговорила она.

— Понятно, что. Вы должны вернуть мнѣ мое обѣщанiе,— дать мнѣ возможность объяснить, гдѣ я провелъ эту ночь,— и подтвердить мои слова.

— И лишиться наслѣдства!—вскричала она, отъ испуга повышая голосъ.—Да знаете ли вы, что значитъ для меня лишиться этихъ денегъ? Вѣдь это богатство, собранное моимъ отцомъ, вошло мнѣ въ плоть и кровь. Я не могу отказаться отъ него. Это убьетъ меня.

— Тогда вы, значитъ, умерли бы за меня,—иронически усмѣхнулся Гью.

— Вы поклялись.

— Еслибъ даже это была не клятва, а просто слово, и этого было достаточно.

— Значитъ, вы сдержите его?

Онъ выпрямился. — Не будемъ больше говорить объ этомъ.

— А вы думаете, что, еслибъ вы сказали имъ, они бы отпустили васъ?

— По всей вѣроятности.

— А если не отпустятъ?

— Во всякомъ случаѣ, я могу быть увѣренъ въ оправданiи.

— Но показанiя жены во вниманiе не принимаются,— воскликнула она.

— Вы не одна; есть Анна.

— Но вѣдь это же было бы уликой противъ васъ — сознаться, что вы эту ночь провели въ нашемъ домѣ.

— Анна можетъ присягнуть, что въ двѣнадцать я уже былъ у васъ, войдя черезъ окно.

— Это можетъ привести къ тому, что и меня арестуютъ, какъ сообщницу.

— Едва-ли. Не думаю,—холодно отвѣтилъ онъ. Этотъ разговоръ становился ему омерзительнымъ.—Анна можетъ засвидѣтельствовать, что мы дѣйствительно мужъ и жена; она можетъ присягнуть, что въ шесть часовъ утра она вошла въ нашу комнату, чтобъ разбудить насъ и—ну, въ крайнемъ случаѣ, если уже на то пошло,—что нашла насъ спящими.

Нравственность имѣетъ свои границы, когда дѣло идетъ о жизни и смерти.

Минна опустилась въ кресло и вся съежилась, дрожа отъ страха.

— Я не могу... я не могу... я не въ состояніи лишиться своихъ денегъ!

— Хорошо. Оставайтесь при своихъ деньгахъ. Я попробую вывернуться иначе.

— Если вы скажете, что я только ваша любовница—это выйдетъ одно и то же. Отецъ назначилъ душеприказчикомъ Гольдберга. Онъ ненавидитъ меня—вы знаете, почему. Тотъ параграфъ въ завѣщаніи наведетъ его на мысль. Онъ съѣздитъ въ Брайтонъ и все узнаетъ.

— А если меня арестуютъ и будутъ судить за убійство, вы думаете, Анна на судѣ тоже будетъ молчать?

— Анна—восточная женщина. Она предана мнѣ всей душой. И потомъ она завтра уѣзжаетъ въ Смирну.

— И послѣ того, что я сейчасъ сказалъ вамъ, вы дадите ей уѣхать?—сурово спросилъ онъ.

— О, Боже!—вскричала она, яростно вскакивая на ноги.— Да не терзайте же меня такъ! Довольно вы и безъ того внесли страданій въ мою жизнь. Почему это я должна пожертвовать для васъ тѣмъ, что для меня всего дороже?— потому только, что вамъ мерещится опасность? Развѣ вы когда-нибудь чѣмъ-нибудь жертвовали для меня? Даже когда вы говорили, что любите меня, развѣ вы пожертвовали мнѣ хоть однимъ часомъ флирта съ той, другой? Вначалѣ вы смотрѣли на меня, какъ на игрушку—вы же сами мнѣ это сказали—здѣсь, въ этой самой комнатѣ—на забаву. Потомъ женились на мнѣ, ради моихъ денегъ. Это *вы* осудили меня на эту жизнь притворства и обмана. *Вы* боялись пойти къ моему отцу и поговорить съ нимъ напрямикъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ. *Вы* загубили мою жизнь—а теперь, когда я хочу попробовать построить ее заново — вы приходите—я вамъ не вѣрю—это опять вранье—вамъ это зачѣмъ-нибудь нужно...

Съ минуту Гью пристально смотрѣлъ на нее, потомъ, не удостоивъ ея отвѣтомъ, повернулся и направился къ двери. Онъ уже готовъ былъ отворить ее, когда Минна кинулась къ нему, схватила его за рукавъ и упала ему въ ноги.

— Прости меня, Гью! Прости меня—я сама не знаю, что говорю—я съ ума схожу—прости меня—пожалѣй меня!—ты когда-то любилъ меня, Гью — я не могу остаться безъ копейки—ради самого Бога, сохрани нашу тайну!

Испуганнымъ, охрипшимъ голосомъ она, рыдая, выкрикивала безсвязныя, молящія слова. Невыразимое презрѣніе

прихлынуло къ его душѣ. Еще часъ тому назадъ онъ не повѣрилъ бы, что она способна на такое мучительное униженіе. Но все же онъ тихонько поднялъ ее и отвелъ отъ двери. Она стояла передъ нимъ, съежившись, вся дрожа.

— Я уже сказалъ вамъ, Минна — пусть ваши деньги остаются при васъ, если онѣ вамъ дороже моей жизни.

Черезъ минуту онъ исчезъ. Минна, шатаясь, добралась до кушетки и легла, цѣпляясь пальцами за распустившіяся кольца темныхъ волосъ, борясь съ демонами, завладѣвшими ея душой.

Но тѣмъ не менѣе на другой день утромъ она простилась съ старой Анной, уѣзжавшей въ Сирію, не слова не сказавъ ей о той опасности, которая грозила Гью.

— Пріѣзжай же поскорѣй, красавица моя!—говорила на прощанье старуха, обливаясь слезами, — и я покажу тебѣ чудный край, гдѣ родилась твоя мать.

— Я скоро пріѣду, — въ свою очередь рыдала Минна, обнимая ее.—И тогда мы начнемъ новую жизнь и забудемъ весь этотъ ужасъ. Мнѣ надо забыть это все—забыть, что я была его женой... забыть о его существованіи и обо всемъ...

Въ тотъ же день она приняла приглашеніе Аарона Бебро, одного изъ старѣйшихъ друзей ея отца, который давно упрашивалъ ее переѣхать къ нимъ. Его жена, добродушная пожилая женщина, позабывъ, какъ Минна въ прошломъ издѣвалась надъ ними и презирала ихъ, приняла ее очень сердечно, прижала къ своей могучей груди и поплакала надъ нею; и Минна была признательна ей, такъ какъ она чувствовала себя совершенно несчастной и запуганной.

Въ тотъ же день за обѣдомъ одинъ изъ слугъ подошелъ и шепнулъ что-то на ухо м-ру Бебро. Онъ поспѣшно всталъ и вышелъ изъ комнаты. Потомъ вернулся, видимо взволнованный. На разспросы жены онъ отвѣтилъ, что его вызвали по дѣлу. Но сердце Минны сжалось страшнымъ предчувствіемъ, и она не могла ни ѣсть, ни пить, какъ ни упрашивали ее гостепріимные хозяева. Спросить она не смѣла, хотя и знала, что ей отвѣтятъ.

Когда обѣдъ кончился, хозяинъ сдѣлалъ знакъ своей женѣ и взрослой дочери оставить его наединѣ съ ихъ гостьей.

— У меня есть для васъ важная новость, милая барышня. Сейчасъ здѣсь былъ разсыльный изъ полиціи.

— Такъ значитъ—кого-нибудь арестовали?

— Арестовали человѣка, на котораго, ужъ понятно, никто бы не подумалъ. Приготовьтесь, это будетъ для васъ большимъ ударомъ.

Ее всю передергивало отъ этихъ дружескихъ предупрежденій, а надо было выражать на лицѣ своемъ изумленіе и ужасъ, котораго ожидали отъ нея, надо было разыгрывать этотъ жестокій фарсъ.

— Арестованъ м-ръ Гью Кольманъ. Это кажется совершенно невозможнымъ, но полицейскій говоритъ, что противъ него серьезныя улики.

Она не въ силахъ была притвориться удивленной и сидѣла, какъ окаменѣвшая, внутренно боясь этимъ кажущимся равнодушіемъ выдать свою тайну.

— Это, навѣрное, ошибка,—наконецъ, хрипло выговорила она.—Онъ былъ нашъ другъ, обѣдалъ у насъ наканунѣ. И на похороны онъ пришелъ.

— Да, я помню, я видѣлъ его на кладбищѣ, — сказалъ Ааронъ Бебро.

— И что же, значитъ, завтра его будетъ допрашивать слѣдователь?

— Да, конечно.

— И мнѣ тоже—тоже придется давать показанія?

— Не завтра, конечно—но потомъ—можетъ быть.

Минна поднялась со стула.

— Это страшный ударъ для меня,—выговорила она уже окрѣпшимъ голосомъ.—Я ошеломлена. Я лучше пойду къ себѣ. Извинитесь за меня передъ вашей супругой и спасибо вамъ за вашу доброту.—Она посмотрѣла ему прямо въ лицо и протянула ему руку, которую онъ горячо пожалъ, съ чувствомъ говоря:

— Вы—мужественная дѣвушка.

Но, очутившись въ своей комнатѣ, Минна посмотрѣла на себя въ зеркало и истерически захохотала.

— О да, я мужественная дѣвушка!

XI.

На недѣлю онъ былъ отпущенъ; всю эту недѣлю публика лихорадочно волновалась. Въ какой только грязи не трепали за эту недѣлю имя Кольмна, какихъ только гнусностей ему не приписывали! Онъ обѣдалъ въ гостяхъ у старика, чокался съ нимъ и, еще не успѣвъ остыть послѣ выпитаго вина, изъ-за денегъ подло умертвилъ своего радушнаго хозяина. Большую гнусность трудно себѣ и вообразить. Такъ разсуждала публика. Пресса пронесла по всему свѣту его страшную славу. Поэтъ, адвокатъ, блестящій ораторъ, общественный дѣятель—никто не скупился на похвалы его талантамъ. Тѣ, кто раньше не слыхалъ имени Кольмана, стыдились своего невѣжества и увѣряли, что давно были

знакомы съ нимъ. Избранная публика зачитывалась его стихами. Дешевыя газеты разнесли вѣсть о его успѣхахъ въ адвокатурѣ и въ такой средѣ, куда поэзія не проникала. Друзья только сокрушенно и безпомощно разводили руками.

— Если онъ выкрутится, всѣ будутъ съ ума сходить по немъ,—цинически говорилъ одинъ изъ членовъ его клуба.— Барыни будутъ наперерывъ ухаживать за нимъ и всѣ воры приглашать его въ защитники. Этому человѣку всегда везло.

— Тссъ... около васъ стоитъ Мерріамъ, — шепнулъ ему другой.

Но Джерардъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, какъ-то загадочно посмотрѣлъ на говорившаго и прошелъ мимо.

Какъ всегда молчаливый, Джерардъ и тутъ не высказывалъ своихъ чувствъ. Знакомые, знавшіе о его близкой дружбѣ съ Кольманомъ, воздерживались отъ разговоровъ на эту тему. Дома онъ больше курилъ и молчалъ. Ирена, идеализировавшая его отношенія къ Гью, объясняла эту молчаливость тревогой за друга и, уважая ее, сама молчала. Но ея собственная боль и тревога огнемъ палили ея душу и зажгли странный свѣтъ въ ея глазахъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала Гарроуэя, стараго друга и защитника Гью, обѣщавшаго зайти къ нимъ послѣ перваго разговора съ арестованнымъ. Наконецъ, онъ пришелъ. Его ввели въ курительную. Онъ усѣлся на стулъ съ прямою спинкой, подальше отъ огня, и вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ. Гарроуэй былъ человѣкъ коротенькій, толстый, румяный; онъ изъ участка шелъ пѣшкомъ, шелъ быстро и, вдобавокъ, былъ взволнованъ.

— Вотъ упрямый-то!—жаловался онъ.—Говоришь ему, убѣждаешь, а онъ все свое. Что слѣдователю говорилъ, то и мнѣ. Ни одного свидѣтеля не можетъ выставить, который бы указалъ, гдѣ онъ провелъ эту ночь.

— Это нелѣпо,—сказалъ Джерардъ.—Лондонъ—не необитаемый островъ, чтобъ человѣкъ могъ въ немъ провести цѣлую ночь въ одиночествѣ.

— Вотъ и я ему тоже говорю. Извозчикъ, лакей, буфетчикъ, содержатель кофейни—кто угодно годится, только бы свидѣтель. Кто-нибудь видѣлъ же его. А онъ говоритъ: „Я ушелъ отъ Гарта въ половинѣ двѣнадцатаго и вернулся домой въ половинѣ седьмого. Предположите, что я утратилъ память, совершенно забылъ, что я дѣлалъ втеченіе этихъ семи часовъ, и сдѣлайте для меня, что можете“.

— Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ забылъ, вѣдь и это бываетъ,—сказала Ирена.

Гарроуэй многозначительно покачалъ головой.—Бываетъ, да не съ нимъ. Это прямо какое-то самоубійственное упорство. Вы вѣдь его знаете. Я положительно не придумаю, что мнѣ дѣлать, на чемъ строить свою защиту. Уликъ противъ него достаточно. Эта его проклятая росписка была въ томъ пропавшемъ ящикѣ. Почемъ я знаю, что тамъ еще вынюхала полиція? Единственное спасеніе: установить alibi. Я ему говорилъ, что alibi невозможно доказать. Это почти все равно, что признать себя виновнымъ. Что тутъ дѣлать, Мерріамъ?

— Chercher la femme,—сказалъ Джерардъ.

— Да, но еслибъ вы хоть навели меня на мысль, гдѣ искать ея. Можетъ быть, вы, м-рсъ Мерріамъ...

— Очевидно, это кто-то, кого онъ любитъ и не хочетъ выдать,—сказала Ирена.—Но кто это можетъ быть? Навѣрное, кто-нибудь незнакомый мнѣ. Во всякомъ случаѣ, если это женщина, она явится на судъ, чтобъ спасти его.

— Ну, это еще вопросъ,—сказалъ Джерардъ.

— Я напрямикъ спросилъ его,—продолжалъ Гарроуэй— если это женщина... Но онъ даже не далъ мнѣ договорить, повернулся ко мнѣ надменно и говоритъ, что онъ никогда не давалъ мнѣ основанія предполагать, чтобы тутъ была замѣшана женщина.

— Это рѣшаетъ вопросъ,—сказалъ Джерардъ.—Или это, или онъ дѣйствительно убилъ.

— Одному Богу извѣстно!—вздохнулъ Гарроуэй.—А я-то мечталъ, что изъ него выйдетъ знаменитѣйшій адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ!..

— Послушай, Джерардъ, ты долженъ пустить въ ходъ все свое вліяніе на него,—взволнованно сказала Ирена.

— Ты думаешь, что мнѣ хоть одинъ разъ въ жизни удалось удержать его отъ какого-нибудь сумасбродства?

— Но вѣдь онъ же страшно любитъ тебя, тебя онъ послушаетъ.

— Почему же *меня,* а не *тебя*? — спросилъ Джерардъ страннымъ тономъ, невольно заставившимъ стараго адвоката насторожиться.

— Мы оба пойдемъ къ нему, Джерардъ, вмѣстѣ пойдемъ.

— Это не поможетъ,—сказалъ Гарроуэй, начиная прощаться.—Онъ велѣлъ передать вамъ сердечнѣйшій привѣтъ,— говоритъ, что онъ потомъ напишетъ вамъ, но видѣться съ вами не хочетъ. И вообще никого не хочетъ видѣть, кромѣ меня. Онъ и въ арестантской камерѣ гордъ, какъ Люциферъ. Но какъ можно изъ гордости лѣзть въ петлю,— воля ваша, этого ужь я не понимаю!

По уходѣ гостя Ирена подошла къ Джерарду.

— Гарроуэй думаетъ, что для Гью дѣло кончится плохо.

— И я такъ думаю,—если онъ будетъ хранить молчаніе.

— Тутъ есть какая-то тайна,—сказала Ирена, садясь на скамеечку у ногъ мужа и кладя руку на его колѣни. — У насъ съ нимъ былъ недавно разговоръ. Я вѣдь писала тебѣ въ Эдинбургъ. Онъ, повидимому, былъ наканунѣ какого-то безумнаго поступка—выражалъ надежду, что мы не сочтемъ его негодяемъ. Что бы это могло значить?

Джерардъ вытянулся въ креслѣ, заложивъ руки за голову.

— Право, не знаю. Онъ всегда былъ такой. Никогда нельзя было предвидѣть, что онъ еще выкинетъ. Что съ тобой? Отчего ты дрожишь?

— Джерардъ, милый, я такъ боюсь! У меня какое-то предчувствіе, что это кончится скверно—для всѣхъ насъ.

— Кой чортъ!—мы-то съ тобой тутъ при чемъ?

Она помолчала немного, глядя въ фантастическіе извивы пламени въ каминѣ. Потомъ вдругъ повернулась и порывисто обняла его колѣни, съ мольбой заглядывая ему въ глаза.

— Мы должны перевернуть небо и землю, Джерардъ. Онъ—твое второе я. Если его, — если съ нимъ что-нибудь случится, тѣнь его всегда будетъ съ нами, укоряя насъ мертвыми глазами за то, что мы не сумѣли спасти его. Я обязана ему твоею жизнью, мой любимый—и своею также—потому что безъ тебя я умерла бы, Джерардъ, милый!..

Она была взволнована, голосъ ея вздрагивалъ. Джерардъ вынулъ руки изъ-подъ головы и нагнулся къ ней. Истолковавъ его жестъ по своему, она соскользнула на полъ, на колѣни, и, сама обвивъ его руки вокругъ своей шеи, пріютилась въ его объятіяхъ.

— Можешь быть увѣрена, я сдѣлаю все, что могу,—сказалъ онъ.

Она закрыла глаза. Спокойная сила въ его голосѣ—сила, которой, казалось, дышало все его могучее тѣло — успокоила ее.

— Прости меня, что я на минуту усомнилась въ тебѣ,—прошептала она, полная слѣпой вѣры.

Минуту спустя ее вызвали по хозяйству. Джерардъ всталъ, потянулся и зѣвнулъ.

— О, чортъ!—сердито буркнулъ онъ.

Потомъ закурилъ трубку, вышелъ изъ дому и зашагалъ по шоссе, съ видомъ человѣка, который имѣетъ полное право выругаться.

Прошла недѣля. Гью снова былъ допрошенъ слѣдователемъ и послѣ вторичнаго допроса преданъ суду, а до суда заключенъ въ тюрьму Холлоуэй.

Ключъ повернулся въ замкѣ и его оставили на ночь одного въ своей камерѣ. Словно въ горячечномъ бреду, передъ глазами его проносились отрывочныя фразы и сцены изъ всего пережитаго за день. Онъ изнемогалъ отъ усталости, голова его была пуста; мозгъ не въ силахъ былъ собрать мысли, или хотя бы взвѣсить улики, собранныя противъ него.

А ихъ было достаточно. Всплыли новые факты. Дворецкій, внося подносъ съ напитками, слышалъ, какъ онъ, сердито повысивъ голосъ, говорилъ съ хозяиномъ. Въ записной книжкѣ Израэля Гарта было указано, что росписка на 5.000 фунтовъ находилась въ украденномъ ящикѣ, и показаніе довѣреннаго клерка подтвердило это. И самый ящикъ найденъ былъ вскрытымъ въ дуплѣ стараго дерева въ лѣскѣ за домомъ. Обвиняемый вернулся домой съ какимъ-то таинственнымъ пакетомъ, происхожденіе котораго отказывался объяснить. При обыскѣ у него на дому послѣ ареста полиція нашла въ каминѣ массу пепла. Предполагалось, что это онъ сжегъ украденный вексель. Судьба желѣзною рукой комбинировала обстоятельства такъ, чтобъ и невѣроятное показалось вѣроятнымъ. Даже и то, что онъ позаботился уничтожить письма Минны и всѣ воспоминанія о ней, обратилось противъ него. Врачи эксперты при осмотрѣ трупа признали, что убійство должно было быть совершено между часомъ и пятью утра—всего вѣроятнѣе, около трехъ часовъ ночи.

Гью пытался заснуть, но не могъ. Разстроенное воображеніе рисовало ему то одного, то другого свидѣтеля, подходившаго къ столу для дачи показаній. Всего отчетливѣе рисовался ему образъ Минны, жены его, единственнаго существа въ цѣломъ мірѣ, которое могло быть безусловно убѣждено въ его невинности. Отъ красоты ея не осталось и слѣда: вся въ черномъ, тонкая, худая, съ впалыми глазами, съ поджатыми губами, она была почти страшна; и говорила она ту полуправду, которая хуже всякой лжи. Да, она простилась съ м-ромъ Кольманомъ въ 11 часовъ и ушла къ себѣ наверхъ. Никакихъ звуковъ въ домѣ она не слыхала, покуда ея не разбудили утромъ, чтобы сообщить ей страшную новость. Отношенія между м-ромъ Кольманомъ и ея отцомъ все время были самыя сердечныя. Онъ обѣдалъ у нихъ въ этотъ вечеръ и Гартъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Отецъ никогда не говорилъ ей, что м-ръ Кольманъ бралъ у него деньги взаймы. Съ кліентами онъ вообще не велъ знакомства и не приглашалъ ихъ къ себѣ

въ домъ. Только и всего. Она старалась не встрѣчаться съ нимъ глазами, ни разу не посмотрѣла въ глаза и прокурору, когда тотъ допрашивалъ ее. Отвѣчала упрямо, низкимъ, жесткимъ голосомъ, который въ послѣднее время сталъ такъ ему знакомъ. Годъ тому назадъ этотъ голосъ умѣлъ быть бархатнымъ, волновалъ всѣ фибры его тѣла. Теперь отъ его былой мягкости не осталось и слѣда.

Фигура Минны расплывалась въ какой-то фантастическій кошмаръ. За всю ночь онъ только разъ задремалъ ненадолго и ему приснилось, будто Минна снова подаетъ ему пакетъ, завернутый въ темную бумагу, но такъ плохо завязанный, что бумага соскользнула и обнаружилась веревка, и на ней петля. Онъ проснулся весь въ поту и больше ужъ уснуть не могъ. Слабый, но не гаснущій свѣтъ въ его камерѣ раздражалъ его до безумія. Онъ жаждалъ успокоительнаго мрака. Закутался съ головой въ одѣяло, чтобы не видѣть свѣта,—но съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и всѣ, кто это пробовалъ. И до зари не смыкалъ глазъ, переживая снова и снова фантасмагорію послѣдняго допроса.

Въ памяти вставали тревожныя, недовѣрчивыя лица друзей въ толпѣ, наполнявшей небольшую залу суда. Чаще всего лица Ирены и Джерарда. На Иренѣ былъ узкій темно-синій костюмъ и такая же шапочка, красиво выдѣлявшаяся на ея свѣтлыхъ, пышныхъ волосахъ. Онъ живо помнилъ каждую деталь,—даже бѣлые швы на черныхъ перчаткахъ. Силился все время вызывать передъ собою ея образъ, нѣжность ея улыбки, ласковые сѣрые глаза, полные вѣры. Но приходила Минна, угрюмая и суровая, и закрывала собою этотъ нѣжный образъ. И снова и снова онъ призывалъ Ирену—вспоминалъ послѣднія ея слова, когда его вели къ тюремной каретѣ, а друзья столпились у воротъ, чтобы проводить его; Джерардъ стоялъ въ первомъ ряду.

— Бодрись, Гью, правда должна выйти наружу. Мы употребимъ всѣ усилія.

Ирена пробилась впередъ: всѣ разступились, чтобы дать ей дорогу. Она протянула ему обѣ руки; онъ взялъ ихъ и нагнулся къ ней, читая въ ея лицѣ жгучую боль и тоску.

— О, Гью, если наша любовь къ вамъ можетъ сколько-нибудь помочь,—используйте ее—спаси васъ Боже! — шепнула она ему, наскоро сжимая его руку.

Онъ снова и снова повторялъ эти слова, какъ заклинаніе противъ кошмаровъ ночи, но они все же продолжали душить его, пока тюремный надзиратель въ половинѣ седьмого утра не пришелъ будить арестанта.

Насталъ день и вмѣстѣ съ нимъ вернулась ясность ума

логика, чувство пропорціональности. Когда пріѣхалъ навѣстить его защитникъ, Гарроуэй, онъ обсуждалъ съ нимъ положеніе съ искусствомъ опытнаго адвоката. Теорія защиты была ясна. Слишкомъ нелѣпо предполагать, что человѣкъ высоко интеллигентный, какъ онъ, пойдетъ на такой простой и грубый способъ, какъ насильно выкрасть свой вексель, не сумѣвъ придумать ничего лучшаго. Притомъ же вексель этотъ въ глазахъ закона не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ онъ составленъ условно, на случай полученія наслѣдства. Довѣренный клеркъ Гарта отлично это знаетъ. Надо быть послѣднимъ идіотомъ, чтобъ совершить убійство ради похищенія того, что, какъ ему извѣстно, не имѣетъ никакой цѣны. Неужели судъ считаетъ его такимъ идіотомъ? И вѣроятно ли, что человѣкъ совершившій убійство въ три часа ночи, добровольно откладывалъ свое возвращеніе домой до утра, зная, что этотъ необычный часъ не можетъ не привлечь вниманія—когда до дому всего только четверть часа ходьбы? Но Гарроуэй печально качалъ головой.

— Разумѣется, мы выдвинемъ всѣ эти доводы. Но вѣдь глупость преступниковъ, которые сами лѣзутъ въ петлю, давно уже вошла въ пословицу. И прокуроръ, конечно, не позабудетъ напомнить объ этомъ присяжнымъ. Было бы гораздо лучше, еслибы вы сказали намъ, мнѣ и Гардинеру, какимъ образомъ доказать ваше alibi? Вѣдь ни одинъ болванъ не повѣритъ вамъ, что вы всю ночь провалялись пьянымъ гдѣ-нибудь въ канавѣ. Вѣдь вы можете, еслибъ захотѣли, доказать свое alibi?

— Разумѣется, могу, — сказалъ Гью, досадливо крутя усы. — Но этого я не сдѣлаю. Это мое послѣднее слово и, пожалуйста, больше не приставайте ко мнѣ. Если вы и Гардинеръ не сможете вызволить меня безъ этого—ну что жь,—меня повѣсятъ. И довольно объ этомъ.

Онъ заложилъ руки въ карманы и надменно пожалъ плечами. Толстякъ адвокатъ даже вскочилъ съ досады.

— Вы какой-то живой анахронизмъ! Вамъ бы слѣдовало родиться маркизомъ де-де... чортъ его знаетъ, какъ его тамъ звали... во времена французской революціи. Вы способны попросить палача подождать, пока вы поковыряете въ зубахъ вашей зубочисткой. По вашему, это очень красиво! Вы не понимаете, что такая жизнь, какъ ваша, чего-нибудь стоитъ въ наше время. И рискуете ею—рискуете попасть на висѣлицу изъ-за какой-то подлой бабы. Это прямо возмутительно! Осточертѣли мнѣ эти бабы!

— И мнѣ тоже,—холодно сказалъ Кольманъ. — Оставимъ этотъ разговоръ. Онъ, повидимому, раздражаетъ васъ.

Вскорѣ затѣмъ защитникъ ушелъ и Гью снова остался

одинъ. Дни шли за днями, скучные, томительно однообразные. За эти дни онъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Не смотря на гордую рѣшимость не поддаваться никакимъ вліяніямъ тюрьмы и, такъ сказать, не замѣчать ея, унизительность его положенія и вліяніе тюремной дисциплины отравою въѣдались въ его тѣло, сгоняя мясо съ костей и ослабляя духъ. Порою на него нападала какая-то странная трусость. Тяжесть уликъ давила его; онъ весь трясся отъ малодушнаго страха. Словно пловецъ, который слишкомъ долго оставался подъ водою, онъ чувствовалъ, что еще минута — и черепъ его лопнетъ отъ напряженія и сердце перестанетъ биться. И тогда онъ страстно возмущался самъ противъ себя. Чего ради онъ молчитъ? зачѣмъ онъ самъ сковалъ себѣ языкъ? Стоитъ ли она такой безумной жертвы—она, въ комъ непостижимая скупость какъ будто задушила всѣ человѣческія чувства? Если даже потеря денегъ убьетъ ее—не лучше ли ей умереть? Развѣ такіе люди нужны для жизни? Вынести всю процедуру суда и оправданіе, и жить потомъ подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ — ко всему этому онъ былъ готовъ. Но пойти на висѣлицу — принять отъ Минны въ даръ веревку — на это у него не хватало мужества. По ночамъ его душилъ кошмаръ и онъ просыпался, обливаясь холоднымъ потомъ. Онъ отчаянно цѣплялся за жизнь.

Однажды лучъ солнечнаго свѣта проникъ въ его камеру и заигралъ зайчиками на бѣлой стѣнѣ. Гью сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ, прислонясь къ кровати и глядя, какъ пылинки плясали въ золотомъ лучѣ. Вспоминалъ что-то забытое, дѣтское... мучительно хотѣлось выйти на свѣжій воздухъ... Онъ бросился на койку и зарылся лицомъ въ подушки, чтобъ не крикнуть громко.

Но такіе приступы малодушія были рѣдки и за ними всегда слѣдовали долгіе промежутки упрямаго, почти циничнаго спокойствія. Онъ самъ упалъ въ своихъ глазахъ, женившись на Миннѣ Гартъ. Ея укоры были заслуженны. Онъ, Гью Кольманъ, всегда прежде грѣшившій en prince и всѣмъ всегда глядѣвшій прямо въ глаза, и женщинамъ, и мужчинамъ, въ данномъ случаѣ велъ себя, какъ трусъ и негодяй. Онъ женился на ней ради ея красоты и ради ея денегъ, и она имѣла право счесть это за обиду. Онъ сдѣлалъ ее игрушкой мимолетной страсти, которой хватило на недѣлю, а затѣмъ постоянно оскорблялъ ее своей небрежностью и равнодушіемъ. И вотъ настАлъ часъ возмездія, искупленія, если только это возможно, и по отношенію къ ней, и по отношенію къ самому себѣ. Будь что будетъ, онъ пойдетъ на встрѣчу своей судьбѣ хоть на этотъ разъ спокойно, какъ мужчина. Еслибы у него было двадцать жиз-

ней, онъ не захотѣлъ бы купить ихъ цѣною ея денегъ. Онъ былъ полонъ противорѣчій, но, по своему, дѣйствительно гордъ, какъ Люциферъ.

Постоянной болью и мукой было сознаніе, что за него мучаются его сестры, милыя тихія старушки, которыя обожали его, какъ образецъ всѣхъ добродѣтелей. Въ письмахъ къ нимъ онъ ихъ успокаивалъ, увѣрялъ, что опасности почти нѣтъ, и, зная слабую струнку сестеръ, игралъ на ней, выдвигая, не безъ угрызеній совѣсти, на первый планъ фамильную гордость. Лучше смерть, чѣмъ безчестье — но смерть въ отдаленной перспективѣ и очень мало вѣроятная— таково было, въ общемъ, содержаніе его писемъ. Старый Джофри Кольманъ, на собственномъ примѣрѣ доказавшій справедливость пословицы, что битая посуда два вѣка живетъ, тоже писалъ на тему о фамильной чести, выражая готовность ради спасенія этой чести выкупить вексель племянника — чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть объ этомъ не болтали досужіе языки. Но Гью рѣшительно отклонилъ это. Теперь это было долговое обязательство между нимъ и Минной. Фунтъ мяса — да, но ни единой капли крови. Буква закона должна быть соблюдена свято.

Дни шли за днями, тоскливые, безъ событій, безъ дѣла, къ которому онъ такъ привыкъ. И это полное бездѣйствіе больше всего тяготило Кольмана. Онъ завидовалъ своимъ товарищамъ арестантамъ, уже осужденнымъ, уже отбывавшимъ наказаніе и выполнявшимъ свои ежедневные уроки. Онъ могъ только ходить въ церковь, ѣсть, дѣлать гимнастику, спать и читать. Отъ времени до времени приходилъ Гарроуэй и съ нимъ Чарльзъ Гардинеръ, его другъ и консультантъ.

Другихъ посѣтителей онъ не принималъ. При всей впечатлительности и гибкости своей натуры, онъ могъ быть твердымъ, какъ кремень, и умѣлъ довольствоваться самимъ собою. Гью былъ однимъ изъ тѣхъ людей, способныхъ на благородные порывы и неизмѣнно честное отношеніе, которые, однакожь, никогда до конца не раскрываютъ свою душу даже передъ самымъ близкимъ другомъ и горячо любимой женщиной, ревниво охраняя свое право удержать частицу самого себя для исключительнаго собственнаго пользованія. И въ этой борьбѣ съ обстоятельствами, на которую онъ вышелъ одинокимъ и безоружнымъ, онъ не только наложилъ на свои уста печать молчанія, но и не хотѣлъ сочувствія, особенно выраженнаго слишкомъ горячо. Его сестры повисли бы у него на шеѣ и своими слезами подорвали бы его мужество. Ирены, которая оцѣнила бы его выдержку и знала бы, какъ ей вести себя, онъ не могъ увидѣть безъ

Джерарда. И даже мысль о свиданіи съ Иреной уязвляла его гордость. Нѣсколькихъ словъ и пожатія руки послѣ публичнаго допроса было достаточно, чтобъ убѣдить его, что она вѣритъ въ его невинность. Но этой трепетной жалости и восторга въ ея глазахъ онъ не могъ перенести. Она уже писала ему: „Вы рискуете жизнью, чтобъ спасти честь женщины, но есть ли женщина на свѣтѣ, достойная такого рыцарства?“ И онъ отвѣтилъ ей съ злобной правдивостью: „Я не спасаю ничьей чести и поведеніе мое вовсе не геройское“. Но онъ достаточно зналъ Ирену, чтобъ знать, что она не повѣритъ ему. Какъ истая женщина, она составила себѣ собственное представленіе о немъ и разубѣдить ее невозможно, но изображать изъ себя героя въ ея присутствіи для него было нестерпимо.

А Джерардъ? Въ часы одиночества и вынужденнаго досуга успѣли выкристаллизоваться всѣ смутныя впечатлѣнія минувшихъ лѣтъ, и неожиданно для себя, къ большому своему огорченію, онъ убѣдился, что его теперешняя дружба съ Джерардомъ—только фикція, только тѣнь прежней дружбы. Странная картина создалась въ его умѣ. Когда-то, давнымъ давно, подобно большинству мужчинъ, одѣтые въ броню и латы, они стояли другъ за друга и бились рядомъ, рука съ рукой, обороняя другъ друга, стремясь къ одной и той же цѣли. Но съ тѣхъ поръ они давно уже разошлись въ разныя стороны, надѣли иную броню, а призрачныя фигуры рыцарей, слившихся въ дружескомъ объятіи, все стояли, какъ насмѣшливыя тѣни. Время отъ времени приходила женщина и разводила ихъ по прежнимъ ихъ жилищамъ, а затѣмъ они сходились снова и судорожно поднимали и опускали руки въ привѣтственномъ рукопожатіи.

Говоря безъ фразъ, что-то стало между ними. И, пожалуй, не Ирена, такъ какъ она, наоборотъ, старалась сблизить и сближала ихъ, восторгаясь ихъ идеальной дружбой. Или, можетъ быть, это явленіе было просто отрицательнымъ,—постепеннымъ угасаніемъ былой симпатіи? На этотъ вопросъ Гью не могъ отвѣтить. И то уже было достаточно непріятно — убѣдиться, что въ это трудное время общество многихъ людей было бы ему сноснѣе и пріятнѣе, чѣмъ общество Джерарда. Но дать заподозрить это Иренѣ — ни за что. Онъ предпочиталъ терпѣть всѣ муки одиночества. И въ этомъ гордомъ одиночествѣ онъ ждалъ суда.

А отъ Минны — ни звука, ни слова участія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ВЪ ГЛУБИНѢ.

Очерки изъ жизни глухого уголка.

(Окончаніе).

V. Новое.

Порой кажется: остановилась, закостенѣла и одеревенѣла жизнь нашего уголка, — такъ тихо, медлительно и беззвучно ея теченіе, такъ чуждо шуму, движенію, грохоту и нервной торопливости той странной, далекой и диковинной жизни, отголоски которой изрѣдка залетаютъ къ намъ и разводятъ мелкую зыбь на зеркальной глади нашего бытія...

Все идетъ давнимъ, изъ вѣковъ установленнымъ чередомъ, мѣрно и неизмѣнно движется кругъ обычныхъ заботъ и трудовъ, суеты и отдыха... Утренніе дымки изъ трубъ и тихіе вечерніе огни, крестины и похороны, пѣсни и плачъ, мычаніе коровъ, собачій лай и скрипъ гармоники, бѣлое курево пыли надъ табуномъ, тарахтѣніе арбы, стукъ молота въ кузницѣ, медлительный бой часовъ на колокольнѣ, голый мальчикъ у воротъ, ревущій басомъ,— все давно-давно утвержденное, присвоенное и неизмѣнно въ свою пору повторяющееся. Десятки, сотни лѣтъ одинъ и тотъ же буйный свѣтъ солнца припекаетъ старую солому похилившихся сараевъ, въ сизой дымкѣ дремлютъ въ концѣ станицы вербы, въ синемъ небѣ недвижной точкой чернѣетъ коршунъ, въ тѣни у церковной сторожки спитъ старикъ нищій... Издревле предуставленныя, всѣ подробности эти остались и донынѣ въ неизмѣнномъ своемъ видѣ...

И та таинственная, волшебная власть, которая непобѣдимой лѣнью и дремою охватываетъ мысль, заражаетъ человѣка фатализмомъ, покорностью судьбѣ и философскимъ пренебреженіемъ къ житейской суетѣ и волненіямъ, осталась и донынѣ такою же могущественною и непререкаемою, какою была встарь...

Но если отойти на нѣкоторое разстояніе и бросить внимательный взглядъ на близко знакомый, примелькавшійся обликъ родного края, вспомнить, прикинуть, посравнить вчерашнее и нынѣшнее, то неизбѣжно встанетъ заключеніе: какъ ни медлителенъ темпъ здѣшней жизни, процессъ ея неустанно и неуклонно сдвигаетъ ее съ привычнаго, обросшаго, отгороженнаго отъ другого

міра мѣста, ведетъ куда-то впередъ, измѣняетъ костюмы, нравы, міровоззрѣніе, взаимоотношенія обывателей, внѣшній видъ селеній, даже самый ликъ земли, видъ степи, луговъ, лѣсовъ и водъ...

Безразсчетно ограбленная, оскудѣла природа, исчезли многіе источники водъ, перевелась рыба, птица, лѣсная ягода, нѣтъ стараго, двухсотлѣтняго осокоря, въ дуплѣ котораго, бывало, прятались отъ дождя мы, ребятишки, цѣлой компаніей—головъ въ десятокъ. Нѣтъ прежняго простора, глуши и первобытной красоты—расхватали пустоши хозяйственные, близкіе къ властямъ обыватели, обнесли плетнями, обратили въ левады и огороды...

Станица выросла, раздалась въ ширь. Появились новые дома подъ желѣзной крышей,—соломой крыть ужь нѣтъ разсчета, дорогá стала. Благообразнѣе, щеголеватѣе сталъ внѣшній видъ улицъ, но что-то милое, трогательное и незамѣнимое уходитъ вмѣстѣ съ гнилой соломой и воробьиными гнѣздами патріархальныхъ куреней...

— Залѣзъ подъ желѣзо... ребята заставили,—кряхтя говоритъ древній пріятель мой Михей Конаевъ: — залѣзъ, а ничего добраго не вижу... Бывало—глядишь—странникъ какой зайдетъ, попросится заночевать, про святыя мѣста разскажетъ... А нынѣ то-и-дѣло какой-нибудь фертъ съ корзинкой на рукѣ подъ окномъ: „алимоновъ, пельсиновъ не возьмете?..“ Да на черта мнѣ твои алимоны,—я не знаю, какъ и ѣдятъ-то ихъ!.. И знать не хочу!..

И звучитъ въ его рѣчи затаенная досада и тихая грусть воспоминаній о невозвратномъ старомъ укладѣ, о плѣнительныхъ разсказахъ странника, о сверчкѣ за печью и теплыхъ палатяхъ...

— Костылевъ Петруха сноху чернобровую усваталъ за Коську,—говоритъ онъ тономъ обличительной горечи: — двѣсти рублей за кладку отвалилъ!.. Да пропили полусотню... А теперь вотъ ходитъ—въ земь глядитъ... какъ бы не удушился отъ мыслей... Двѣсти цѣлковыхъ!.. а-а!..

Двѣсти рублей на кладку, т. е. на наряды невѣстѣ отъ родителей жениха,—сумма, прежде въ нашихъ мѣстахъ неслыханная... И это новшество ничего, кромѣ огорченія, стариковскому сердцу не несетъ,—развѣ мыслимо было въ старое время такое франтовство и расточительность, несомнѣнно нарушающія равновѣсіе въ хозяйствѣ?

— Надысь привезли отъ невѣсты постель,—передъ свадьбой... Разубрали кровать, на окнахъ тюлевыя занавѣски развѣсили. Надъ кроватью повѣсили зонтовый... какъ—бишь его?.. Какъ онъ называется-то, Ильичъ?.. Этотъ самый пологъ-то?..

Ильичъ, на прилавкѣ у котораго мы ведемъ бесѣду, подумавъ, говоритъ не очень увѣренно:

— Постельмонъ... или какъ-то этакъ...

— Ну, вотъ — постельмонъ этотъ самый навѣсили... Убрали, ушли. А Ванька-то Жирнякъ войди... глядь: все въ сіяніи, все—

бѣлое... Испужался, да какъ закричитъ: „родимый ты мой батюшка, Козьма Уласьевичъ! Встань ты изъ сырой земли, да погляди, подъ чѣмъ твой внукъ Коська будетъ спать!.. Да куда, на какую обряду, твои денежки-то пошли!..“ Докричался, бѣднячокъ, до омрака... Такъ и ходили, брали ему каплевъ отъ испугу въ больницѣ...

Новое неудержимо надвигается, входитъ въ жизнь, несетъ что-то свое, непонятное, чуждое, порой враждебное старому и—въ большинствѣ — мало утѣшительное... Выросли двѣ новыхъ улицы въ станицѣ—Безквасная и Ежовка. И въ самихъ наименованіяхъ этихъ звучитъ горечь ироніи надъ новыми домовладѣльцами: Безквасную населила легковѣсная молодежь, ушедшая отъ старыхъ, крѣпкихъ семей, отъ сдерживающей ихъ власти, на просторъ, на свои хлѣбы, и сразу попавшая въ такую нужду, что и квасу сварить не изъ чего. Ежовка—совсѣмъ уже оголенная, не огороженная, голодная и неспокойная трущоба...

Но зато по вечерамъ въ разныхъ мѣстахъ станицы орутъ граммофоны, молодые люди въ котелкахъ катаются на велосипедахъ,—это юное поколѣніе мѣстныхъ торговцевъ измѣнило старому россійскому картузу и перерядилось въ европейскій костюмъ, — по пыльнымъ улицамъ, съ свѣжими слѣдами и густымъ ароматомъ только что вернувшагося съ пастбища стада, прогуливаются барышни въ шляпкахъ, въ узкихъ модныхъ платьяхъ и туфелькахъ на французскихъ каблучкахъ... У почтаря Неклюева дочь кончила гимназію съ золотой медалью, а отецъ все еще не слѣзаетъ съ козелъ... Ребята-выростки, вмѣстѣ съ казацкими фуражками и широкими шароварами съ лампасами, щеголяютъ въ тонкихъ, полупрозрачныхъ блузахъ изъ матеріи, которую купецъ Мятловъ называетъ *сенжантъ*, и въ широкихъ спортсменскихъ поясахъ. Нравы стали свободнѣе. Ребятишки наравнѣ съ взрослыми курятъ папиросы, сквернословятъ, играютъ въ карты, въ орла и, чтобы добыть денегъ, воруютъ изъ родительскихъ закромовъ хлѣбъ и тайкомъ продаютъ его тому же Мятлову...

Все это — новое... Если не совсѣмъ новое по существу, то по размѣрамъ, оставившимъ далеко позади старыя явленія той же категоріи,—несомнѣнно новое, свидѣтельствующее о томъ, что кажущаяся неподвижность жизни есть оптическій обманъ, что даже нашъ глухой, отдаленный уголъ сдвинутъ съ мѣста и идетъ куда-то впередъ, въ темное, смутное будущее...

И иные есть признаки новаго, указующіе на сдвигъ въ умахъ, въ привычныхъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ нашего уголка: новые интересы, новыя сужденія, критика—враждебная и рѣзкая—основъ, прежде неприкосновенныхъ и несомнѣнныхъ, столкновеніе взглядовъ, симпатій и убѣжденій, споры и вражда идейная...

Нашъ обычный клубъ—лавка Петра Ильича Гришина. Узако-

ненной свободы собраній у насъ нѣтъ, но мы уже привыкли осуществлять ее явочнымъ порядкомъ. На гостепріимныхъ ступенькахъ прилавка, на пустыхъ коробахъ и ящикахъ, на пукахъ бичевъ собираемся мы тутъ съ давнихъ поръ, щелкаемъ сѣмячки, зѣваемъ, судимъ о текущихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни, играемъ въ шашки, зубоскалимъ, а порой — въ послѣдніе годы очень часто—пускаемся въ шумные споры...

Прежде было меньше разногласія. Заходила ли рѣчь о внѣшней политикѣ или о внутренней—было у подавляющаго большинства устойчивое до непоколебимости и опредѣленное убѣжденіе, что „наша матушка Россія — всему свѣту голова", потому что и вѣра и порядокъ въ ней — самые великолѣпные, а въ другихъ земляхъ—*республика*, потому и ѣсть нечего, до того дошли, что въ пищу мышей да лягушекъ употребляютъ.

Но недавнія событія поколебали это самоувѣренное убѣжденіе и поселили сомнѣніе въ правильности отечественнаго порядка. Теперь уже пріятель мой — старикъ Кононовичъ, который раньше пренебрежительно трактовалъ республику, — съ явнымъ сочувствіемъ освѣдомляется:

— Ну, что, китаецъ какъ? Сдвинулъ свою двинастію?

— Сдвинулъ.

— Это очень пріятно...

Почему ему пріятно, онъ не объясняетъ, да и мы, его собесѣдники, не спрашиваемъ, ибо и сами чувствуемъ какое-то смутное удовлетвореніе отъ того, что китаецъ устранилъ для себя одно препятствіе къ свободѣ и справедливой жизни...

Когда же заходитъ рѣчь о внутреннихъ дѣлахъ въ своемъ отечествѣ, то, несмотря на разницу возрастовъ, темпераментовъ и взглядовъ,—среди насъ есть сторонники и правыхъ, и лѣвыхъ политическихъ воззрѣній, — съ бо́льшимъ интересомъ и сочувствіемъ мы прислушиваемся всегда къ отрицателямъ, къ рѣзкимъ критикамъ существующаго строя, чѣмъ къ защитникамъ его. Да ихъ почти и нѣтъ, защитниковъ. На что ужь Софронъ Іонычъ— человѣкъ старый, не склонный къ легкомысленнымъ увлеченіямъ, усердный когда-то служака, — и тотъ чаще, чѣмъ кто-либо, разноситъ на нашихъ праздничныхъ митингахъ современный государственный укладъ и его распорядителей...

— Я засѣдателю говорю: ваше благородіе! Почему это земство не ровно? съ кого—рупь, съ кого—два рубля, а есть и пять, а съ кого—нѣтъ ничего?..

Бѣлая бородка его прыгаетъ, какъ пучокъ ковыля, шевелятся глубокія дугообразныя морщины надъ облѣзшими бровями и глянцево отсвѣчиваетъ лысина... А лохматая овчинная шапка съ краснымъ верхомъ и серебрянымъ позументомъ лежитъ на худыхъ колѣняхъ.

— Съ поповъ да съ дьяковъ—говорю—ничего... да кто около

правленья хвоститъ... Это почему такъ-то?..—„Да какъ же ты хотѣлъ бы?“—А такъ, чтобы счетъ былъ, правильность... Чтобы не съ пая и не съ души, а съ десятины!.. У насъ вонъ у Агафонъ Никитича двѣсти десятинъ, а онъ со мной поровну плотитъ...

— Да ужь кабы заслужилъ, не досадно бы было! — съ досадой восклицаетъ короткій старикъ, похожій на ежа, Степанъ Маштакъ, усмиритель Польши, безнадежно мечтающій о какой-то пенсіи.

— То-то!.. Кабы заслужилъ!.. А то онъ и за станицу-то никуда въ жизнь не выѣхалъ... Тетка отказала дѣдовскій участокъ...

Новый голосъ вставляетъ:

— Да и дѣдъ-то не служилъ нигдѣ. Былъ фершаломъ... Тогда права какія были? Заслужилъ легистратора — вотъ тебѣ изъ войсковой земли участокъ въ двѣсти десятинъ — получай... А нашъ братъ — нижній чинъ — тридцать лѣтъ, бывало, кормитъ вшей и въ Грузіи, и подъ Севастополемъ, и въ Польшѣ... и опять тебѣ нѣтъ ничего!..

Молодой внукъ Маштака, ядовито улыбаясь, спрашиваетъ:

— А отъ кого же это вышло?..

Старики молчатъ. Не легко поставить точку надъ *і*, хотя въ темномъ сознаніи уже выяснился давно нужный выводъ. Но онъ лишь желчь будитъ: все равно, перемѣнить порядокъ нѣтъ силы,— ясно какъ день. И сердце лишь зря тревожишь, а все не молчится...

— Ну хорошо, —опять съ какимъ-то подходцемъ, весело и коварно, говоритъ молодой Маштакъ, зачерпнувшій изъ книгъ и газетъ вольнаго духа:—а не спросилъ ты, Софронъ Іонычъ, куда онѣ, эти деньги дѣваются? Земство—земство, а кто распоряжается?..

Софронъ Іонычъ не раздѣляетъ взглядовъ этого книжника, но порой поневолѣ поддакиваетъ ему: правильно ставитъ вопросы шельмецъ, ничего не возразишь...

— А кто ихъ знаетъ, куда... Распоряжаются извѣстно кто: окружной атаманъ да наказный да министеръ... Да засѣдатели разные... Пока она, наша копейка-то, обернется промежъ пальцевъ, анъ ея ужь и нѣтъ... Прилипла игдѣ-нибудь!.. Жалованья-то вонъ какія пошли!..

— Жалованье жалованьемъ, а тамъ—глядишь—кошкѣ на молоко надо добыть...

— Это ужь само собой... Я сказалъ ему, засѣдателю, — онъ дружокъ мнѣ:—я бы васъ,—говорю—всѣхъ подтянулъ! Министеру— выговоръ сдѣлалъ бы, наказнаго—на обвахту на три дня на хлѣбъ— на воду, окружного—на десять сутокъ, а васъ—на мѣсяцъ!..

Насъ, слушателей, пріятно забавляетъ такая распорядительность Софрона Іоныча. Одобряемъ: не все же намъ кормить клоповъ въ кутузкахъ, пусть извѣдаютъ это удовольствіе наказный и окружной атаманъ, а за компанію съ ними и засѣдатель...

— Ну что же онъ? испужался?

— Ничего, не обидѣлся.—„Это ты ужь дюже, Софронъ Іонычъ,

меня-то за чего? Я человѣкъ подневольный“...—Да вы всѣхъ дюжнѣй съ насъ дерете кожу!..

Мысль, получившая толчокъ въ сторону критики общественнаго строя, не можетъ успокоиться. Какъ ни очевидна безплодность простого констатированія несправедливости и злоупотребленій, а не терпится: то тотъ, то другой собесѣдникъ возьметъ да и ворохнетъ что-нибудь такое, что должно возмутить сердце явно неправильнымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ.

Старикъ Маштакъ, усмирявшій Польшу, крутя головой и упрекая кого-то, говоритъ:

— Боже мой! есть у помѣщиковъ десятинъ по скольку тыщъ! Вотъ мы служили въ Польшѣ,—тамъ куда ни пойди, вся земля помѣщицкая...

— А ежели она заслуженная...—не очень увѣренно возражаетъ древній корунжій Акимъ Кузьмичъ, выслужившій еще въ Венгерской кампаніи первый офицерскій чинъ и дальше уже не шагнувшій по причинѣ малограмотности.

— Они-то и заслужили?—сердито восклицаетъ Маштакъ:—видалъ я, какъ они заслуживаютъ!.. служилъ въ самый мятежъ...—Пошлютъ сотню куда,—вахмистеръ ведетъ сотню, а сотенный командиръ на дрожкахъ ѣдетъ... Вотъ схватка—вахмистеръ командоваетъ, а командиръ гдѣ-нибудь въ корчмѣ... Пригнали банду—командиру повышеніе чина, а вахмистру *спасибо* да и все... Такъ и землю роздали...

Старикъ горячится и насѣдаетъ на единственнаго офицера и землевладѣльца въ нашей компаніи, какъ будто онъ виноватъ во всемъ этомъ возмутительномъ порядкѣ. Акимъ Кузьмичъ молчитъ, не умѣя отстоять свой классъ. Маштакъ побѣдоносно оглядывается кругомъ.

— Ну, однако и вы наслужили тамъ, чертъ бы васъ побралъ!—неожиданно возстаетъ на Маштака собственный его внукъ:—лишь народъ вѣшали...

Это ужъ голосъ съ крайней лѣвой. Стариковская критика и отрицаніе шумны, но коротки и безтолковы, не выходятъ за предѣлы личныхъ или узко групповыхъ интересовъ. Въ молодежи есть одиночки и небольшія группы, зачерпнувшія изъ книжекъ и газетъ болѣе отчетливое пониманіе общественныхъ вопросовъ. У нихъ стариковскія сужденія о собственныхъ подвигахъ и заслугахъ вызываютъ большею частью пренебрежительную усмѣшку, и на этой почвѣ у насъ, на прилавкѣ купца Гришина, нерѣдко вспыхиваютъ самыя жаркія препирательства.

— Ну, и вѣшали...—ощетинившись бровями, отвѣчаетъ старый Маштакъ молодому:—а они сколько нашего народу поварили? Возстаніе-то началось, братъ, они тоже... Я самъ одинъ разъ въ овцахъ лишь успѣлъ схорониться, а то былъ бы мнѣ ложецъ...

— Ихъ нужда заставила дѣлать возстаніе!

— Нужда-а!

— Понятное дѣло! Ты вотъ читаешь Прологъ... какъ мучились... И это все мученики, что вы перевѣшали, — не думай, батюня!..

— Эхъ, Сергунька!—съ горечью восклицаетъ старикъ;—начитался ты этихъ самыхъ своихъ рóмановъ... несешь нехинею... мученики!.. Какое слово-то!..

— Да тебѣ какихъ словъ ни говори, ты все равно не придешь къ убѣжденію... Вотъ поживите въ такой атмосферѣ! — съ отчаяніемъ въ голосѣ говоритъ, обернувшись въ мою сторону, Сергунька Маштакъ:—сызмальства вколотятъ намъ въ голову этакій гнилой гвоздь—военный, религіозный — и всю жизнь онъ и гніетъ въ каждомъ!..

Я вижу: усмѣхаются въ усъ старики, никто не поддакиваетъ молодому обличителю. Дѣдъ съ добродушной, снисходительной усмѣшкой говоритъ внуку:

— Ну, не волдыряй, не волдыряй... Книжникъ...

Но книжникъ не унимается и, обращаясь больше ко мнѣ, чѣмъ къ противникамъ, продолжаетъ огорченнымъ тономъ:

— Вѣдь вотъ... вбивалъ этотъ гвоздь самоучка и не мастеръ, а вынуть хорошему мастеру невозможно, потому что онъ сгнилъ и распространилъ свое зловоніе по всему организму... Одно: выжигать!..

— Высокоумецъ ты, Сергушка!—говоритъ дѣдъ Маштакъ строгимъ голосомъ: — дочитаешься ты своихъ книгъ... посадятъ тебя въ черную карету да отвезутъ въ энту емназію... съ маленькими окошками...

— Вотъ... видите, какія сужденія!—торжествующимъ тономъ восклицаетъ внукъ, тыча пальцемъ черезъ плечо, въ сторону дѣда:—тутъ ужь приходится руководствоваться однимъ терпѣніемъ!..

— Терпи и молись!—вздохнулъ Акимъ Кузьмичъ, изображая клюжкой крендель на полу:—какъ намъ батюшка въ церкви-то читаетъ?..

— Батюшка?! — вдругъ вскипаетъ съ неожиданной стремительностью Софронъ Іонычъ:—они читать-читаютъ, а сами и десятаго не исполняютъ, чего самимъ-то дѣлать! Вѣдь они ангелами должны быть, а они—*агелы*! Все имъ да имъ давай!.. Что-жъ—думаете—такъ и писано?..

Акимъ Кузьмичъ, пользующійся большимъ вниманіемъ нашего приходскаго духовенства, предусматривающаго заблаговременно приличную мзду за вѣчное поминовеніе и сорокоустъ, пробуетъ стать на защиту отцовъ духовныхъ:

— Да, вѣдь, они—чтецы церковные... Имъ, небось, видать изъ книгъ-то...

— А въ книгахъ, думаешь, и перемѣны нельзя сдѣлать?

Софронъ Іонычъ, упершись въ бока кулаками, вызывающе смотритъ на ветхаго нашего офицера.

— Ну, это ужь зря... чего зря плетешь!—отмахивается Акимъ Кузьмичъ.

— Никакъ нѣтъ, не зря... А потому что знаю! Нынѣ немного перемѣны, на другой годъ еще... Печатаютъ свои же—сватъ да братъ... А вы думаете, въ евангеліи Христосъ такъ писалъ, какъ они говорятъ? Почему Онъ не велѣлъ апостоламъ по двѣ одежи имѣть? и деньги не велѣлъ имѣть и за исцѣленія не брать? Одинъ Іюда имѣлъ деньги, онъ и Христа продалъ!..

— Нынѣ они всѣ христопродавцы!—спокойно говоритъ купецъ Гришинъ, почесывая животъ.

— Всѣ!—горячо подтверждаетъ Софронъ Іонычъ. —Я говорю своему о. Максиму:—батюшка! вы вотъ проповѣди читаете намъ, а сами на эту точку не становитесь... Вы—современные апостолы. Богъ вамъ не велѣлъ двухъ ризъ имѣть, а вы за рупь аршинъ рѣдко берете, а рубля два да три аршинъ... Да деньги въ кассу тыщами кладете... Это ужь не по Писанію!..

Критическій взглядъ на духовныхъ пастырей нельзя отнести всецѣло къ новымъ теченіямъ нашего мирнаго быта,—іереевъ съ удовольствіемъ поругивали и раньше, хотя колеблющійся авторитетъ ихъ все-таки держался на нѣкоторой высотѣ и усиленно подкрѣплялся мѣропріятіями начальства. Но нынѣ даже богомольные старички рѣзко стали подчеркивать кричащую разность между церковнымъ словомъ и дѣломъ. И авторитетъ церковнослужителей палъ. Палъ безнадежно, на самое дно жизни, смѣшавшись дѣловой своей частью въ одну кучу съ будничными, мелкими житейскими дѣлами, обычно требующими немножко досадныхъ расходовъ и тратъ...

— Ни разу—ни одной проповѣди вы не прочтете, какъ попамъ да чиновникамъ жить добродѣтельно, по закону... А все нашему брату, простяку: „повинуйтесь наставникамъ вашимъ, давайте имъ по силѣ-мочи-возможности“... А придешь съ постной молитвой, не спрашиваешь силу, говоришь:—„дай мѣрку пшаницы да гуська“...

— Да запиши баранчика, — подсказываетъ насмѣшливый голосъ съ прилавка.

— Баранчика! За поминъ родителей? — барана обязательно!— сердито жестикулируя лохматой шапкой, восклицаетъ Софронъ Іонычъ:—нѣту молъ, батюшка, урожай плохой... ведерко всыплю, а больше—извиняйте...—„Ты сѣешь да нѣту, а батюшка игдѣ-жъ возьметъ? вѣдь батюшка не сѣетъ, лишь Богу молится за васъ, грѣшныхъ“... Пожмешь плечьми да и всыпишь...

— Да вѣдь... куда же дѣнешься-то?—отзывается разсудительный голосъ:—а не дай, онъ тебя послѣ прижметъ, когда сына женить придется... ужъ онъ свое возьметъ!..

— „А баранчика, молъ“?—продолжаетъ Софронъ, въ которомъ

обличительный зудъ все еще требуетъ выхода: — Нѣту, батюшка! У меня ихъ всѣхъ пять овечковъ — три старыхъ, двѣ молодыхъ. Можетъ, три-то и окотятъ... Шубенку бабѣ молодой собираю...— „Ничего, записывай! Богъ велитъ пополамъ дѣлить... а я — вашъ вѣчный молитвенникъ“...

Софронъ оглядывается кругомъ, точно спрашивая: каково, молъ? Намъ всѣмъ этотъ пастырскій пріемъ попеченія о паствѣ хорошо извѣстенъ, и мы лишь улыбаемся молча. Акимъ Кузьмичъ, начертивъ крендель на пыльномъ, усѣянномъ шелухой подсолнуховъ полу, дѣловымъ тономъ говоритъ:

— Вещь понятная... кто же будетъ Богу молиться?

— И онъ тоже говоритъ, — иронически подтверждаетъ Софронъ:—„кто, молъ, Богу будетъ молиться за васъ, ежели я отощаю?“ Я говорю:—батюшка! вѣдь вы сами проповѣди читаете, что богатому войтить въ царство небесное, какъ верблюду скрозь игольныхъ ушковъ пролѣзть... Онъ говоритъ: „да попъ богатый что-ль? Попамъ надо дѣтей обучать“...

— А намъ, стало быть, не надо? — отзывается молодой Маштакъ.

— Стало быть, такъ..

Въ не очень давнее время подобныя мысли и непочтительность къ сану показались бы въ нашемъ углу слишкомъ вольными. Теперь онѣ вошли въ обиходъ наравнѣ съ критическимъ отношеніемъ къ власти, по крайней мѣрѣ къ ближайшимъ ея носителямъ.

Отъ этого вольнодумства до колебанія основъ — большое разстояніе, однако въ нашихъ смирныхъ мѣстахъ хоть не часто, а возникаютъ и дѣла „политическія“. Раньше о нихъ совсѣмъ не было слышно, но въ послѣдніе годы создалась для нихъ и у насъ благопріятная обстановка. Политика ли вошла въ будничный обиходъ, или необычайно умножился кадръ „сотрудниковъ“ правительства, нанятыхъ и добровольныхъ, созидавшихъ карьеру на такихъ дѣлахъ, но нашъ уголъ заплатилъ свою дань: нѣкоторое количество молодыхъ и немолодыхъ любознательныхъ людей за недозволенныя книжки и листки съ воззваніями, или *афишки*, какъ ихъ называли у насъ, пошли въ тюрьмы и въ ссылку...

Затѣмъ, въ свое время, наступило успокоеніе. И ужъ совсѣмъ недавно и совсѣмъ неожиданно возникъ рядъ дѣлъ, отнесенныхъ тоже къ категоріи политическихъ, хотя обвиняемые—самые рядовые, далекіе отъ политики обыватели, не понимавшіе даже, въ чемъ заключается преступность ихъ сужденій,—привлекаютъ ихъ, повидимому, за дерзостныя слова о власти... Нѣсколько хозяйственныхъ обывателей изъ тѣхъ сильныхъ и крѣпкихъ, на которыхъ и всегда и теперь въ особенности идетъ ставка—захватили у насъ часть общественнаго лѣса, огородили и начали рубить его для своихъ хозяйственныхъ надобностей, разсматривая какъ священную собственность тѣ самыя ольхи, которыя они заботливо обнесли огорожей. Но у ста-

ничнаго атамана были причины придержать почтенныхъ согражданъ и защитить общественные интересы: онъ конфисковалъ срубленный лѣсъ и составилъ на хозяйственныхъ мужичковъ протоколъ. Вспыхнуло возмущеніе—не общее, конечно, а этихъ самыхъ богатѣевъ. Одинъ изъ нихъ обругалъ и даже толкнулъ представителя власти и въ порывѣ негодующаго краснорѣчія коснулся и носителей высшей власти... И вотъ — точно изъ земли выросъ небольшой, угреватый, шустрый человѣчекъ, подстриженный ежомъ,—помощникъ полицейскаго пристава изъ окружной станицы.

— Ты что же старикъ, кажется, дерешься? — началъ онъ ласково и даже дружелюбно.

— Помилуйте, вашбродь... нитнюдь! — отвѣчалъ бородатый патріархъ.

— А какъ же вотъ — атамана толкнулъ... Знаешь, что за это?

— Никакъ нѣтъ, не толкалъ, а добромъ просилъ: не трогай, молъ, мое собственное...

— Да, кажется, и государя что-то затрогивалъ? — уже значительно строже продолжалъ полицейскій чинъ.

— Атаманъ... атаманъ—фря большая!—уклоняясь отъ отвѣта, закипѣлъ хозяйственный нашъ станичникъ;—я двадцать лѣтъ городилъ ольхи, да не воленъ ссѣчь штуку?

— Городить-то городилъ, а языкъ-то за зубами не удержалъ... Про начальство—да еще про какое—выражался!..

— Господи Боже мой! И начальство неправильно дѣлаетъ: свое доброе нельзя тронуть...

— Вотъ за такія рѣчи-то мы и не хвалимъ!

— Вонъ у Серебряка сколько!.. — Бородачъ ткнулъ рукой въ ту сторону, гдѣ находится дворянская латифундія.—И его не трогаютъ! Наши отцы - дѣды головы положили за его землю... Онъ—панъ, а мы, значитъ, его крестьяне?..

Тутъ нашъ хозяйственный станичникъ развилъ исторически обоснованный и въ нашихъ глазахъ давно признанный правильнымъ взглядъ на дворянское владѣніе землями въ нашихъ мѣстахъ, какъ на разбойный захватъ у насъ, казаковъ, кѣмъ-то свыше закрѣпленный. Почему, за что—неизвѣстно...

— Серебрякъ служилъ?—прижимая къ груди широкую ладонь, резонно спрашивалъ нашъ станичникъ у представителя полиціи:—а наши прадѣды не въ однихъ рядахъ съ нимъ служили? У Серебряка оказалось 40 тысячъ десятинъ—и чьей земли?—нашей, казачьей: кобылянскій юртъ отхватилъ! — а наши прадѣды жались до гроба на своемъ казачьемъ пайкѣ, на десятинкахъ... Померли—ихъ земля отошла въ общество, а Серебрякъ свою область въ потомство передалъ... Это праведный порядокъ, ваше благородіе? А кто его подтвердилъ? Поѣхали отъ Войска старики къ царицѣ: „такъ и такъ, ваше величество, казаки ропчутъ—землю захватила старшина...“ А царица повернула ихъ назадъ, а дворянамъ бумагу

на землю прислала... Это—голосъ? Что же казаки-то меньше дворянъ служатъ? Я трехъ сыновъ справилъ, а Серебрякъ кого на коня посадилъ?.. Вы говорите: „языкъ за зубами не держишь“! Да какъ тутъ молчать? Не согласенъ я молчать!..

— А-а... ты вотъ какія разсужденія!.. Это откуда же у тебя? Прокламацій начитался?... Ну-ка, мы тебя слегка ощупаемъ...

Произвели обыскъ. Перерыли подушки, перины, сундуки, тулупы, валенки. Заглядывали въ закрома, въ погребъ, въ кизяки, въ хлѣвы. Не нашли ничего, ни одного клочка писанной или печатной бумаги.

— Все равно хочь не копайте... Не найдете...—спокойно сказалъ нашъ политическій преступникъ.

— Акуратно запряталъ?—ядовито спросилъ раздосадованный помощникъ пристава.

— Чего?

— Прокламаціи...

— Какія проталмаціи!.. Да я и неграмотный...

— Такъ чего жъ ты молчалъ... чертъ!..

— Да вы бы спросили...

— Наспрашиваешься васъ тутъ, дьяволовъ!.. Ну, счастье твое, что неграмотный... Однако откуда же въ тебѣ эти самыя блохи? Говори по совѣсти... Не совѣтовалъ бы я тебѣ скрывать, кто тебя развратилъ.,. Не самъ ты это! съ чужого голоса?..

Помощникъ пристава, какъ и всякій слѣдопытъ въ своей области, уже нюхомъ угадывалъ здѣсь слѣды интеллигентскихъ разъясненій. Онъ горѣлъ тайнымъ желаніемъ услышать и готовъ былъ даже самъ подсказать нѣкоторыя имена, давно состоявшія на примѣтѣ... Но — увы — темный человѣкъ закоснѣлъ въ заблужденіи, какъ будто оно родилось вмѣстѣ съ нимъ или досталось ему по наслѣдству отъ обиженныхъ прадѣдовъ...

— Нѣтъ, ваше благородіе,—съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ хозяйственный нашъ мужичекъ:—ажъ горе беретъ!.. Ѣдешь въ Михайловку, ажъ сердце вянетъ, сколько у одного Серебряка... А ты городишь—городишь... хлопочешь... и вдругъ послѣднее отбираютъ...

Вотъ—даже въ сознаніе хозяйственнаго обывателя, жаднаго, цѣпкаго, не стѣсняющагося способами пріобрѣтенія и преумноженія, все-таки проникъ ядъ вѣяній о несправедливомъ общественномъ порядкѣ и неравенствѣ. По своему преломилось въ этомъ сознаніи понятіе справедливости, но даже въ оригинальномъ своемъ видѣ оказалось окрашеннымъ въ тона подрыва и потрясенія основъ...

Какимъ путемъ этотъ ядъ проникъ въ такую первобытную дебрь—едва ли удастся установить какому бы то ни было помощнику пристава: носится въ воздухѣ заразительный микробъ и уловить его—внѣ полицейскихъ силъ. Растетъ неудержимо обыватель

вопрошающій и ищущій, жадно хватающійся за каждый печатный клочекъ бумаги.

— Жажду ученія, душа горитъ, а некогда читать, — слышу я отъ Сергуньки Маштака, который порой завернетъ ко мнѣ за газетой и для разговора:—во время праздника лишь да на ходу за скотиной... Отдыху у насъ мало, живемъ какъ быки: въ ярмо запрягли, занозникомъ заткнули и шагай бороздой... И ужь съ нея не сшибемся... Ну какое же тутъ чтеніе? Такъ, безо всякой тактики и практики... ни обдумать, ни въ голову взять какъ слѣдуетъ... И поговорить не съ кѣмъ...

— А съ дѣдомъ?—говорю:—вѣдь онъ тоже—книгочей...

— Дѣдъ—человѣкъ закоснѣлый. Въ немъ одно: религія, Богъ, рай, муки вѣчныя... всякіе страхи... Поскользнулся, упалъ—„Богъ наказалъ“...—„Вотъ, Сергунька, Богу не молишься — вотъ оно“... У него все съ молитвой, все съ Богомъ: и украсть лѣску общественнаго, и обмануть, и увѣрить человѣка, что лошади, напримѣръ, шесть лѣтъ, а ей шестнадцать... на ярмаркѣ... Да и всѣ у насъ такъ: одинъ одного Богомъ утверждаютъ, одинъ одного Богомъ обманываютъ... Ничего святого въ жизни: любви нѣтъ, правды нѣтъ...

Этотъ преувеличенный пессимизмъ, которымъ безсознательно щеголялъ мой собесѣдникъ, былъ несомнѣннымъ отраженіемъ современности нашей съ ея горечью и разочарованіемъ. Дѣйствительность—въ нашемъ уголку, по крайней мѣрѣ—все-таки менѣе безотрадна, чѣмъ изображалъ ее молодой обыватель. Его просто увлекала эта невинная роль—обличителя—и онъ, потрясая газетнымъ листомъ, не безъ эффекта восклицалъ:

— И все это происходитъ въ двадцатомъ столѣтіи... время пара, электричества, летательныхъ аппаратовъ!..

Немножко смѣшно было слушать его въ такія минуты. Но вообще—трогательно: его жажда познанія, его исканія были живымъ свидѣтельствомъ того, что новое, неясное, что просачивается въ тихую, патріархальную жизнь нашего уголка, не все нелѣпо и сумбурно,—есть и свѣтлое, вздыхающее о правдѣ и сознательной жизни...

VI. Интеллигенція.

Мы плыли на лодкахъ — цѣлой флотиліей—вверхъ по рѣкѣ— „противъ теченія“...

Въ нашихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ полиціи много и она изнываетъ отъ скуки, собраться кучкѣ интеллигентовъ—поболтать, выпить чаю, попѣть—не то чтобы совсѣмъ нельзя, а какъ-то не принято. Нѣтъ увѣренности въ отсутствіи внезапностей: а вдругъ ретивый приставъ — человѣкъ, правда, любезный и просвѣщенный, изъ народныхъ учителей—вдругъ онъ вдохновится и рѣшитъ блеснуть бдительностью? Примѣры бывали... Конечно, изъ именинной

пирушки не создашь политическаго заговора, но гостепріимныхъ хозяевъ таскали въ полицейское управленіе для конфиденціальной бесѣды. Удовольствія мало...

И такъ какъ у насъ всѣ другъ друга коротко знаютъ, всѣ тѣсно переплетены между собой если не кровнымъ родствомъ и свойствомъ, то кумовствомъ и товарищескими отношеніями дѣтства и юности, то всегда какой-нибудь бравый урядникъ предупредительно выдастъ служебную тайну:

— Вы, Антомонычъ, того... какъ его... Пѣсни играть играйте, а отъ разговору лишняго поддержитесь: слѣдимъ... Приказано дознать, нѣтъ ли молъ чего такого... изъ политики... Мы съ Авдюшкинымъ вчера на пузѣ до самыхъ кочетовъ лежали подъ вашимъ заборомъ... Конечно, поснули... Ну, доложили, что все въ порядкѣ: сперва, молъ, сыграли „Пыль клубится по дорожкѣ", послѣ „Орелика" и... все...

Поэтому, чтобы не доставлять излишняго безпокойства и искушенія блюстителямъ тишины и благонадежнаго поведенія, установилось какъ бы молчаливое соглашеніе: для товарищескихъ собраній и собесѣдованій—пусть самыхъ безвредныхъ и невинныхъ— выбирать мѣста пустынныя, дѣвственныя, подальше отъ жилыхъ поселеній, защищенныя естественными препятствіями—напримѣръ, водой—отъ внезапныхъ набѣговъ... Словомъ — лоно матери - природы...

И вотъ мы плывемъ за рѣку, въ монастырскій лѣсъ, на зеленые берега мечтательно тихаго озера Долгаго, гдѣ можно и пѣть во весь голосъ, и подрывать основы съ спокойной увѣренностью, что насъ никто не прерветъ въ самый оживленный моментъ нашего собесѣдованія...

Надъ нами поднимаются мѣловыя горы праваго берега съ своими живописными обрывами, размывами, черными буераками, тощимъ кустарничкомъ, цѣпко ползущимъ вверхъ, и нависшими камнями. Сѣдые, голые, задумчиво-безмолвные стражи старой, славной рѣки, хранящіе не одну тайну былыхъ временъ въ своихъ сырыхъ пещерахъ... И бирюзовымъ зеркаломъ поблескиваетъ тихая, обмелѣвшая рѣка. Вдали, ниже, въ ласковыхъ лучахъ вечерняго солнца сверкаетъ бѣлая баржа съ нефтью, недвижная, тяжело легшая на песчаный откосъ. И словно уснулъ водовозъ съ бочкой, заѣхавшій на самую средину рѣки. Живыми пестрыми цвѣтами шевелятся бабы, полощущія бѣлье, и на косѣ голыя тѣла ребятишекъ...

Все—близкое сердцу, милое, давно знакомое, — тутъ, въ этой патріархальной станицѣ, я переступилъ давненько когда-то порогъ гимназіи, отвѣдалъ впервые горечи и сладости познанія... Мой родной уголъ—въ двадцати верстахъ отсюда, но онъ тѣсно и прочно пришитъ къ сей пуповинѣ многими сторонами своего бытія... Я же еще тѣснѣй связанъ съ нею воспоминаніями отрочества и юности и люблю ее, какъ очагъ, дававшій нашимъ глухимъ мѣстамъ

культурныхъ работниковъ,—вся наша мѣстная интеллигенція крещена въ этой купели...

— Вотъ съ этой горы мы проводили въ маѣ девятьсотъ шестого нашего Ивана Рябоконева на агитацію къ краснянцамъ,—говоритъ мировой судья, усердно работая веслами.—Помнишь, Ваня?

Молодой инженеръ съ комически мрачнымъ видомъ отвѣчаетъ:

— О такихъ вещахъ принято забывать поскорѣй...

— Вопросъ объ оружіи — помню—у насъ тогда много взялъ времени... Искали все револьвера—надо же было вооружиться на случай нападенія черносотенцевъ. Ну, револьверовъ не оказалось: Нашелся пистолетъ старинный... заржавленный... фунтовъ этакъ четырехъ вѣсомъ... Большой, страшный... Стрѣлять не годился, а попугать можно было... Ну, смотрѣлъ-смотрѣлъ на него нашъ Иванъ...—„Дайте мнѣ — говоритъ—дубинку поувѣсистѣе, лучше будетъ"... Выбралъ толстую палку, сучковатую, и пошелъ... на проповѣдь...

Грустью и юморомъ обвѣяны были эти воспоминанія о не очень давнемъ, но далеко уже отодвинувшемся времени, когда кучка мѣстной молодежи дѣятельно пріобщала мѣстное населеніе къ освободительному движенію. Много было тогда и смѣшного, и интереснаго, и яркаго, и трогательнаго. Завоеваны были позиціи не маловажнаго значенія. Ихъ пришлось, конечно, потомъ сдать. Но время это не прошло безъ слѣда для нашего угла. Оно тѣсно сблизило массы съ мѣстной интеллигенціей, по рожденію почти сплошь идущей изъ низовъ, и эта близость, взаимное тяготѣніе чувствуются и понынѣ.

— Оказался какимъ превосходнымъ агитаторомъ! — съ добродушной усмѣшкой продолжалъ судья:—хуторъ считался скалой патріотизма, а послѣ такихъ радикаловъ далъ, что лишь руками разводили...

— А вы меня все *кускомъ природы* звали,—съ упрекомъ сказалъ инженеръ.

— Да это Петръ Петровичъ... „Иванъ — это вотъ какой человѣкъ: кусокъ природы, а не человѣкъ!.." А *кусокъ-то природы* взялъ да и пріятно разочаровалъ насъ...

Мы добродушно смѣемся надъ *кускомъ природы* вмѣстѣ съ нимъ самимъ... И такъ пріятно было развертывать свитокъ воспоминаній, что кто-нибудь непремѣнно отмѣтитъ деталь, забытую другими, другой прибавитъ, третій вставитъ остроту, и надъ тихой рѣкой перекатывается дружный, ясный смѣхъ.

— А какіе торжественные проводы были!..

— Еще бы... Какъ сейчасъ въ глазахъ стоитъ: спустился онъ съ горы къ монастырю, а мы запѣли: „Вы жертвою пали"... И онъ остановился, поднялъ свою дубинку и погрозилъ намъ: „черти"!.. Какъ хорошо было... Господи!..

Компанія наша — людная и пестрая какъ по возрастамъ, такъ

по профессіямъ и общественному положенію. Есть военные люди, врачи, судьи, адвокаты, учителя, студенты, курсистки, купцы, просто чиновники... Всѣ мы—особенные патріоты своего родного угла, неблагонадежные, крамольные, состоящіе въ подозрѣніи, но—патріоты... Мы связаны съ краемъ узами рожденія, но большинству приходится жить и работать на сторонѣ, отчасти—по независящимъ обстоятельствамъ, отчасти—потому, что въ родномъ краю мѣста нѣтъ, не къ чему рукъ приложить...

Нашъ край—особенный. Какъ это ни странно, а здѣсь изъяты изъ употребленія тѣ общественныя учрежденія, которыми уже полвѣка пользуется Европейская Россія, и не у чего сгруппироваться мѣстнымъ общественнымъ силамъ. Интеллигентъ или просто дипломированный человѣкъ здѣсь долженъ стать или чиновникамъ, или праздношатающимся, — иного выбора нѣтъ. Поэтому почти все, что выбивается на верхъ изъ обывательской массы, скоро отрывается и тонетъ гдѣ-то въ сторонѣ, среди обще-русской массы интеллигенціи. Здѣсь же, въ своемъ углу, собирается лишь *въ гости*, на короткое время... И когда собирается, то тихія воды родной рѣки, зеленые берега озера Долгаго, сѣдыя задумчивыя горы оглашаются шумомъ, пѣснями, рѣчами и спорами, рѣшающими судьбу родного угла...

— Пріѣхалъ я на прошлой недѣлѣ и сразу это меня роднымъ воздухомъ охватило... благорасположеніемъ, радушіемъ такимъ...— съ свѣтлой улыбкой говоритъ мнѣ молодой врачъ: — березовскій атаманъ Иванъ Прокофьичъ съ базара завернулъ:—„ну какъ?"— любопытствуетъ — „беретъ или нѣтъ хоть чуть *наша* сторона?" —Плохо, говорю. Огорчился. Сосѣдка Игнатьевна зашла, старуха: „ну ты, мой болѣзный, никакъ въ каменномъ мѣшкѣ сидѣлъ?" —Было немного,—говорю. Залилась слезами:—„Это за что? Это за правду-то да сажать? Да я имъ сукинымъ дѣтямъ всѣмъ бы глаза выцарапала!"—Кому *имъ*—не знаю, а пріятно было мнѣ это сочувствіе—даже въ такихъ энергичныхъ выраженіяхъ... Умилила меня старуха.

Мы уже сдѣлали высадку и привалъ. Тихій берегъ кипитъ жизнью, пестрымъ шумомъ, суетой. Въ вечернихъ тѣняхъ, обнявшихъ рѣку, гдѣ-то бойко свистятъ, перекрикиваютъ другъ друга встревоженные кулички, и стоитъ тихій, долгій, нѣжный звонъ комаровъ... тихо кипитъ, замираетъ и вновь подымается, словно тихое пѣніе въ монастырѣ, на противоположной сторонѣ...

Огонекъ развели,—онъ затанцовалъ, заэмѣился вокругъ двухъ гигантскихъ чайниковъ, задрожалъ золотымъ свѣтомъ на травѣ, бросилъ трепетный отблескъ на кусты молодого дубнячка,—и отовсюду придвинулось что-то таинственное, волшебно-сказочное, особенное, но съ дѣтства радостно-знакомое, близкое и милое... Изъ-за рѣки, отъ монастыря, донесся тихій, медлительный звонъ часовъ.

И въ группѣ молодежи — гдѣ-то за дрожащей чертой свѣта — не сговариваясь, запѣли „Вечерній звонъ..."

Тонкимъ серебромъ звенитъ—я слышу—прелестный голосокъ маленькой, кокетливой курсистки Манички,—въ Москвѣ она поетъ въ церковномъ хорѣ и этимъ зарабатываетъ себѣ возможность учиться. Нѣжно плачетъ, тоскуетъ-жалуется красивый теноръ Порфирьева, — и мысль моя тянется за этимъ сыномъ народа, неимущимъ и неунывающимъ, который чуть-ли не пѣшкомъ добрался до столицы и былъ принятъ въ консерваторію... Льется старинный мотивъ свѣтлой печали и точно смычкомъ ведетъ по сердцу, извлекая изъ него отзвуки знакомыхъ грезъ и привычной тоски вечерней... Подымаются юные голоса надъ тихими, низкими волнами вторящаго хора, сплетаются въ свѣтлую гирлянду, падаютъ, тонутъ въ торжественномъ прибоѣ басовъ, изображающихъ вечерній звонъ колокольный... И тихо плачетъ сердце...

— Тянетъ... неодолимо тянетъ сюда, — говоритъ врачъ, задумчиво глядя на изогнутое зеркало застывшаго озера:—гдѣ бы я ни былъ, сердце сюда летитъ—къ своему, къ этой сѣрой *пихрѣ* [1]) нашей... И смѣшная она, и несчастная, и такая хорошая—сказать нельзя... Не знаю чѣмъ... не скажу... а чувствую, что нѣтъ лучше нашего народа...

Край нашъ, можетъ быть, и не таитъ въ себѣ никакихъ особыхъ очарованій, но земляки мои—большіе романтики. Почти неизбѣжная необходимость жить вдали отъ родины, на чужой сторонѣ, развиваетъ въ нихъ неодолимое тяготѣніе и пристрастіе къ своему быту, къ его особенностямъ. Люди самыхъ различныхъ положеній—военные и штатскіе, отставной дряхлый генералъ, не склонный къ политическимъ бреднямъ, и юный, радикально настроенный студентъ—одинаково оживляются и умиляются при звукахъ родной пѣсни, лѣзутъ въ драку за честь родного имени, неудержимо хвастаютъ, вспоминая о родныхъ степяхъ и рѣкахъ, о дѣдовскихъ куреняхъ и дѣдовскихъ преданіяхъ. На этомъ пунктѣ—на родинѣ—смолкаютъ разногласія, нѣтъ партій. И, можетъ быть, потому даже служилая наша интеллигенція, чрезвычайно благонамѣренная, все-таки состоитъ у высшаго начальства въ нѣкоторомъ подозрѣніи касательно сепаратизма...

— Вы возьмите эту самую фигуру—она мнѣ на чужбинѣ даже во снѣ снится... — усаживаясь съ кружкой чая поудобнѣй на травѣ, говоритъ врачъ:—залатанныя штаны, а непремѣнно съ лампасами, фуражка блиномъ—непремѣнно набекрень, чирики въ заплатахъ и бородатая, философски-безпечная морда... Тутъ всего хочешь, того просишь... И первобытность, и темнота, и рыцарство, и сердечность... Современная казарма и старинная удалая ухватка... Ѣдемъ по лугу, мимо копенъ. Смотрю: мой Данилка со-

1) Пихра—пренебрежительное названіе сѣрыхъ казаковъ.

скакиваетъ съ козелъ, хвать охапку сѣнца и—въ тарантасъ.—Зачѣмъ же это ты, Данило? вѣдь чужое...—„Донцы пользуются ваканціей"... И ни на мигъ сомнѣнія въ незаконности этой самой ваканціи!..

Смѣемся. Да, это онъ, нашъ кровный младшій братъ... И осудить его—у насъ нѣтъ силъ...

Темнѣютъ сумерки. Небо высокое, почти черное — отъ огня. Звѣзды высыпали. На западѣ еще свѣтлѣетъ зеленоватая бирюза.

— И въ то же время совершенно безкорыстно услужливъ, полѣзетъ въ воду и на спинѣ вынесетъ васъ на сухое мѣсто, не дастъ ногъ промочить... Усмиреніями обезславилъ себя... да... Но когда удалось намъ подойти и разъяснить ему, въ чемъ дѣло,—развѣ не пошелъ онъ на командующихъ?..

Опять воспоминанія и затѣмъ горячій споръ о многообразныхъ свойствахъ нашего сѣраго младшаго брата. Единственный разъ— въ освободительные годы—мѣстная интеллигенція могла заговорить съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ, и онъ пошелъ за нею. Связь, установившаяся тогда, тайкомъ, со всякими предосторожностями, тянется и донынѣ, но разговора уже нѣтъ. Однако тамъ, гдѣ можно, нашъ сѣрый обыватель усердно идетъ противъ начальства и, хотя потерялъ надежду на улучшеніе своего положенія, но на выборахъ неизмѣнно подаетъ голосъ за оппозицію—просто такъ, по сочувствію...

Я слушаю эти горячіе споры, эти лирическія изліянія, вспоминаю свою далекую молодость, смотрю на эту милую молодежь. Она—въ большинствѣ — тоже изъ низовъ: все дѣти землеробовъ, писарей, портныхъ, мелкихъ чиновничковъ, почтарей, лавочниковъ. Бѣднота. На гроши учатся... Но выбьются, конечно, наверхъ... А служить родному краю придется очень немногимъ: ни больницъ тутъ, ни школъ, ни дорогъ, ни фабрикъ... Кое-что есть, конечно, но — не для нихъ: въ агрономы у насъ назначаютъ заштатныхъ поповъ, на весь округъ въ 200 тыс. населенія—всего двѣ больницы и два врача...

Память развертываетъ передо мной прошлое — далекое и недавнее,—проходятъ лица товарищей, старшихъ и младшихъ современниковъ. Все-таки немалую шеренгу ихъ выровняла патріархальная гимназія нашего патріархальнаго уголка. Часть надѣла военный мундиръ, другіе — болѣе даровитые — прошли мимо сей исконной традиціи и... разсѣялись по всему лицу великой русской земли...

Однихъ ужь нѣтъ, а тѣ — далече.

Но у всѣхъ — я знаю — у всѣхъ трепетно бьется сердце при мысли объ этомъ убогомъ, но кровно близкомъ сердцу родномъ гнѣздѣ, у всѣхъ не умираетъ мечта хоть на закатѣ дней вернуться въ него и сложить свои кости въ нѣдрахъ родной землицы...

И когда флотилія наша тихо и стройно, не шевеля веслами,

плыла внизъ по рѣкѣ, возвращаясь назадъ, и мягко шелестѣла вода между лодками, ласково шепча о старомъ времени, какъ плавали тутъ легкіе, нарядные стружки съ удалыми молодцами, а старыя горы, что молча чернѣютъ и слушаютъ сейчасъ наши пѣсни и говоръ, шумѣли дремучими лѣсами,—образъ родины, скудѣющей и темной, кроткой и тяжкимъ трудомъ изнуренной, но все еще обаятельно прекрасной, вставалъ передо мной и звалъ...

Смутныя грезы уносили въ невѣдомое будущее... Хотѣлось уповать, вѣрить въ грядущій приходъ свѣтлыхъ временъ... Изъ далекой мглы прошлаго вставали яркія страницы славной борьбы за волю, праздника смѣлой жизни, гордая пѣсня простора и широкаго братства... Старый, безслѣдно угасшій идеалъ... Но сердце горѣло мечтой воскресить его, видѣть хоть частичку отраженія его въ мечтаемомъ будущемъ...

Въ черномъ небѣ золотымъ гравіемъ разсыпались звѣзды. Въ ширь и въ даль уходитъ матовое зеркало старой рѣки, сливается съ серебристыми песками, теряетъ грани... Дрожатъ и качаются зыбкіе золотые столбики въ глубинѣ — вблизи, вдали... Умираетъ эхо въ таинственныхъ черныхъ ущельицахъ безмолвныхъ горъ. И когда смолкаетъ его послѣдній звукъ, — тихій, далекій, нѣжный звонъ кипитъ надъ рѣкой: въ торжественномъ храмѣ природы комары поютъ свой гимнъ родной землѣ...

И, словно захваченные имъ, поютъ молодые, свѣжіе голоса:

Якъ умру, то поховайте
Мене на Вкраині...

Красивая грусть мелодіи охватываетъ сердце сладкой тоской и страстнымъ порывомъ любви къ родному углу... О, милая родина! поклонъ земной твоей скудости и тяжкому труду твоему, твоей убогой красотѣ, лишь намъ понятной, материнской твоей заботѣ и ласкѣ, которою освѣтила и согрѣла ты нашу юность!..

И. Гордѣевъ.

ИЗЪ АНГЛІИ

I.

Въ знаменитомъ памфлетѣ полковника Сексби [1]) «Killing no Murder» (Умерщвленіе—не убійство), личный другъ будущаго короля Карла II съ замѣчательнымъ талантомъ и съ громадной эрудиціей доказываетъ, что, на основаніи всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, каждый англичанинъ имѣетъ право быть „тиранномахомъ" и устранить общаго врага, т.-е. Кромвеля. „Единственное лекарство противъ тиранна указано въ Библіи, въ книгѣ Судей: это тотъ мечъ, которымъ Аодъ устранилъ Еглона,—говоритъ авторъ памфлета.—Безъ этого средства всѣ наши законы безполезны, и мы сами—безпомощны. Это средство—то верховное судилище, куда Моисей привелъ египтянъ, Самсонъ—филистимлянъ, Самуилъ—Агага, а священникъ Іодай—захватчицу престола и поработительницу Гоѳолію". „Аодъ намѣтилъ намъ единственный путь, какимъ образомъ избавиться отъ тиранна, и какъ устранить моавитянина, держащаго въ рабствѣ цѣлый народъ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ полковникъ Сексби.—На этотъ путь человѣкъ идетъ послѣ молитвы и слезъ, держа въ рукѣ мечъ Аода". Авторъ, напомнивъ исторію Самсона, спрашиваетъ: „Почему незаконно расправиться съ однимъ угнетателемъ такъ, какъ Самсонъ расправился со многими? Развѣ мы угнетены теперь меньше, чѣмъ соотечественники Самсона? На нашихъ глазахъ ежедневно убиваютъ родственниковъ и друзей. Развѣ у насъ есть какіе-нибудь способы борьбы? Пусть намъ ихъ укажутъ" [2]).

Такимъ образомъ, самое краснорѣчивое оправданіе тиранномахіи написано въ Англіи консерваторомъ и роялистомъ. Полковникъ Сексби спрашиваетъ: „Развѣ у насъ есть какіе-нибудь другіе способы борьбы"? Отвѣтомъ впослѣдствіи явилась широкая гражданская свобода, сдѣлавшая возможной борьбу конституціонными средствами. Вмѣсто переворотовъ, сопровождаемыхъ

[1]) Авторъ скрылся подъ псевдонимомъ „Вильямъ Аллэнъ".

[2]) „Killing no Murder" (Сборникъ „Famous Pamphlets", изданный Морлеемъ, стр. 114, 115, 116).

кровью и пожарами, явились „революціи съ открытыми предохранительными клапанами“. И если раньше время отъ времени въ Англіи и Ирландіи бывали пожары на политической почвѣ и даже убійства, то только тогда, когда правительство, послушавшись неправильнаго совѣта, пробовало на время завинтить „предохранительные клапаны“, т.-е. отнимало у части населенія возможность легальной борьбы. „Всѣ совѣтовали намъ отмѣнить дѣйствіе Habeas Corpus Act: намѣстники графствъ, полиція, мѣстные судьи,—писалъ въ 1882 году ирландскій вице-король лордъ Кауперъ.—Полиція ввела насъ въ особенности въ заблужденіе. Она насъ увѣряла, что знаетъ наперечетъ всѣхъ террористовъ, которыхъ можетъ сразу переловить, если только Habeas Corpus будетъ отмѣненъ. Конечно, мы убѣдились впослѣдствіи, что полиція ошибается [1])“.

Въ началѣ XIX вѣка происходили въ Англіи, а до середины восьмидесятыхъ годовъ въ Ирландіи пожары и убійства на политической почвѣ; но всѣ эти эксцессы были, если не цѣлесообразны, то понятны. Лордъ-намѣстникъ, напр., является ожесточеннымъ врагомъ массъ,—собираетъ милицію и разгоняетъ мирный митингъ людей, требующихъ избирательныхъ правъ, причемъ нѣсколько человѣкъ убито (1818 годъ). И вотъ въ тотъ же день загорѣлись овины и стога, принадлежавшіе лорду, а черезъ нѣсколько дней запылалъ его громадный замокъ. 1882 годъ отмѣченъ многими политическими убійствами въ Ирландіи. Въ январѣ убитъ жестокій управляющій лорда Ардилона — Хёддисъ; въ февралѣ на улицахъ Дублина застрѣленъ доносчикъ Бернардъ Бэйли; въ мартѣ убитъ другой доносчикъ, Джорджъ Макъ-Магонъ; въ апрѣлѣ застрѣлена при возвращеніи изъ церкви помѣщица Смитъ, выгнавшая на улицу около сотни фермеровъ; въ маѣ убиты въ дублинскомъ Фениксъ-Паркѣ лордъ Кавендишъ и Бёркъ; въ іюнѣ застрѣлены жестокіе земельные агенты Уолтеръ Буркъ, Блэкъ, Кини и Макъ-Кослэндъ; въ августѣ была убита цѣлая семья доносчика Джойса; въ ноябрѣ произошло покушеніе на судью Лаусона, отправившаго на висѣлицу многихъ феніевъ, и т. д. [2]). Кромѣ несчастнаго лорда Кавендиша, противъ котораго феніи ничего не имѣли (его убили, потому что онъ бросился защищать Бёрка), ирландцы считали убитыхъ своими непосредственными врагами.

Къ счастью, въ настоящее время всѣ эти страшныя событія отошли въ область преданій. Въ силу наличности „отвинченныхъ предохранительныхъ клапановъ“, даже англійскій синдикализмъ прибѣгаетъ къ конституціоннымъ методамъ борьбы. И вотъ мы видимъ теперь, что къ террору, какъ къ тактикѣ, прибѣгаетъ политическое движеніе, захватившее *по преимуществу* средніе и верхне-средніе

---

[1]) R. Barry O'Brien, „The Life of Parnell“, vol. I, p. 330.
[2]) Ib., стр. 374.

классы. Затѣмъ въ террорѣ этомъ нельзя усмотрѣть даже слѣда той своеобразной логики и той причинности, которыя находились въ эксцессахъ англійской толпы въ 1818 году или ирландскихъ феніевъ въ 60-хъ и 80-хъ годахъ. Я говорю, конечно, про милитантское движеніе суффражистокъ. Теперь не проходитъ дня безъ пожаровъ и безъ попытокъ подбросить адскую машину куда-нибудь. Вотъ почему я снова остановлюсь на этомъ движеніи. Что такое милитантство? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ главное свѣтило милитантокъ, г-жа Кристабель Панкхёрстъ въ партійномъ журналѣ „The Suffragette". Эта статья, появись она въ другомъ мѣстѣ, могла бы быть принята за пародію. „Война не только существуетъ, но мужчины восхваляютъ ее. Выступленіе Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи противъ Турціи вызвало всеобщее одобреніе. А вѣдь это милитантство",—доказываетъ г-жа Кристабель Панкхёрстъ. „Если мы одобряемъ борьбу буровъ за свободу или возстаніе китайцевъ противъ монархической власти, то, оставаясь логичными, мы не можемъ отрицательно относиться къ бунту противъ несправедливости въ нашей собственной странѣ". „Если милитантство является пятномъ на женскомъ феминистскомъ движеніи, то вся британская конституція тоже запачкана, потому что, какъ сказалъ еще Гладстонъ, политическая свобода въ Англіи никогда не была бы добыта, проявляй населеніе всегда послушаніе и смиреніе. Женщины теперь завоевываютъ свободу, вотъ почему милитанство необходимо. Между Хэмденомъ и милитантками нѣтъ никакой разницы... Взгляните на Черногорію. Передъ нами крошечное государство, часть населенія котораго уже перебита. А между тѣмъ это государство бросило смѣлый вызовъ всей Европѣ. Вся Европа противъ Черногоріи. Противъ нея Британское правительство, а радикалы, теоретически стоящіе за свободу, поддерживаютъ выступленіе Англіи противъ Черногоріи. Въ союзѣ съ Британской имперіей другія великія державы; но маленькая Черногорія борется, и коалиція великихъ державъ безсильна. Этотъ фактъ доказываетъ, что можетъ сдѣлать милитанство",—продолжаетъ г-жа Кристабель Панкхёрстъ[1]).

Авторъ статьи доказываетъ все, кромѣ самаго важнаго: какая связь между боевыми выступленіями милитантокъ съ тою цѣлью, которую они преслѣдуютъ? Мы видимъ своеобразную логику, которую можно формулировать такъ. Мужчины боролись за права и сожгли при этомъ замокъ. Они получили права. Слѣдовательно, права получены потому, что сожженъ замокъ. Женщины хотятъ получить права. Слѣдовательно, если онѣ тоже сожгутъ что-нибудь, то тоже получатъ права. Что жечь—безразлично: лишь бы пылало. „Стружки и керосинъ стоятъ дешевле, чѣмъ агитаціонная литература",—заявила „генералиссимусъ" милитантокъ, г-жа Дрёммондъ.

---

[1]) The Suffragette, May 2, стр. 492.

„Милитанство примѣняется всюду въ странѣ. Еще уничтоженная собственность. Сорванные рабочіе митинги. Сожженіе пустого дома. Убытковъ 1800 ф. ст. Сожженіе барокъ. Усиленный набѣгъ на почтовые ящики. Никто не арестованъ“. Это — перечисленіе боевой дѣятельности за недѣлю [1]). Въ томъ же нумерѣ два снимка: съ газеты Suffragette, найденной на мѣстѣ пожара, и съ дома, сожженнаго раньше въ Чимѣ. Дома и барки не принадлежали врагамъ феминистскаго движенія. Неизвѣстно было даже, кому они принадлежали. Милитантокъ просто привлекло пустое помѣщеніе и оставленныя барки, куда можно бросить стружки, облитыя керосиномъ. „Недѣля милитантства. Никто не арестованъ. Сожженіе барокъ и стоговъ. Сожженіе кассы у входа на поле для игры въ футболъ“ [2]). „Лѣтопись случившагося. Въ ночь на 23 апрѣля произошелъ взрывъ въ залѣ фритрэдеровъ, въ Манчестрѣ. Нѣсколько оконъ выбито. Дѣло приписывается суффражеткамъ, но аресты не произведены. Двадцать шестого апрѣля подожженъ у Теддингтона поѣздъ на Юго-западной желѣзной дорогѣ. Три вагона сгорѣли. Убытки значительны. Двадцать четвертаго апрѣля взорвалась бомба въ залѣ графскаго совѣта, въ Ньюкэстлѣ. Сожженъ въ Пертѣ павильонъ, принадлежавшій клубу крикетистовъ [3])“. Взрывъ былъ произведенъ при помощи адской машины, оставленной въ Манчестрѣ и въ Ньюкэстлѣ. „Второго мая сожжена на окраинѣ Лондона церковь; убытковъ — 20 тысячъ ф. ст.“. Въ данномъ случаѣ мы тоже имѣемъ „движеніе въ сторону наименьшаго смысла“, потому что милитантки, какъ англичанки средняго класса, богомольны. Въ программу дѣятельности союза входило даже слѣдующее. Отрядъ милитантокъ въ особыхъ мундирахъ являлся въ Вестминстерское аббатство, становился на колѣни и дружно, по сигналу, выкликалъ: „Господи, помоги суффражисткамъ“. Церковь была сожжена только потому, что милитантка замѣтила открытую дверь и отсутствіе людей.

„Вчера милитантки сдѣлали слѣдующее: сожгли пустой домъ въ Сэндгэтѣ. Убытковъ причинено на 500 ф. ст. Сожженъ органъ въ церкви въ Пеннѣ. Опущена бомба въ главный почтовый ящикъ въ Южн. Тоттенгэмѣ. Сдѣлана попытка поджечь поѣздъ“ [4]). „Сегодня въ Кингстонѣ-на-Темзѣ открыто покушеніе, имѣвшее цѣлью взорвать поѣздъ. Кондукторъ нашелъ въ головномъ вагонѣ третьяго класса три бомбы, связанныя бечевками. На бумагѣ, которой были обернуты бомбы, значилось: „Жизнь и имущество всѣхъ теперь въ опасности. Женщины хотятъ правъ. Дайте намъ политическія права, и мы будемъ довольны“. Тутъ же лежалъ кусокъ картона съ надписью: „Votes for Women. Ллойдъ-Джорджъ скрылся, пере-

---

1) The Suffragette, March 21, стр. 368—369.
2) The Suffragette, April 25, стр. 470.
3) Ib., May 2, стр. 490.
4) Daily Chronicle, May 15.

одѣвшись полисмэномъ. Трусъ! Негодяй! Аскитъ—трусъ и бездарный человѣкъ. Дайте намъ избирательныя права, а мы дадимъ вамъ миръ". Съ этимъ поѣздомъ прибыло много пассажировъ. Если бы бомбы взорвались, погибли бы многіе" [1]). „Суффражистки сожгли пустой домъ въ Сэндгэтѣ. Домъ только что былъ отдѣланъ, такъ какъ жилецъ долженъ былъ перебраться черезъ недѣлю. Милитантки забрались въ домъ, выдавивъ стекло, и оставили подъ лѣстницей стружки, облитыя керосиномъ. У горѣвшаго дома найдены карточки съ надписью: „Безчестный премьеръ", „Безчестный министръ внутреннихъ дѣлъ", „Мы надѣемся, это — не домъ убогой вдовицы". „Вскорѣ послѣ полуночи загорѣлся пустой домъ въ улицѣ Кулингъ-Лэнъ въ Фолькстонѣ. На пожарищѣ найдена литература суффражистокъ" [2]). „21 мая милитантки, забравшись ночью черезъ разбитое стекло въ Эдинбургскую обсерваторію, оставили тамъ бомбу, которую взорвали потомъ при помощи длиннаго шнура въ 30 фут. Взрывомъ поврежденъ часовой механизмъ, приводящій въ движеніе телескопъ. Выбиты всѣ стекла. Убытки на 100 ф. ст." („Westminster Gazette"). Даже анархисты, накладывающіе круговую отвѣтственность на все общество, никогда не устраивали взрыва въ обсерваторіи. Передъ нами опять движеніе въ сторону наименьшаго смысла.

Въ послѣдніе дни милитантскія „бомбы" посыпались, какъ горохъ изъ разорваннаго мѣшка. Все это были или адскія машины съ часовымъ механизмомъ, или жестянки съ порохомъ и пулями и длиннымъ зажженнымъ фитилемъ, оставленныя въ какой-нибудь гостиницѣ, церкви, библіотекѣ или въ картинной галлереѣ. Изобиліе „бомбъ" соблазнило также мистификаторовъ, а, главнымъ образомъ, школьниковъ. Не разъ случалось, что „бомба", найденная гдѣ-нибудь, сунутая въ ведро съ водою и торжественно доставленная въ полицію, оказывалась жестянкой изъ-подъ конфектъ, наполненной сажей, пескомъ или навозомъ. Таковъ, напр., „взрывчатый снарядъ", оставленный въ библіотекѣ въ Rotherhithe. Такова также „бомба", вызвавшая необыкновенный переполохъ среди всѣхъ завсегдатаевъ кабака „Рябой Собаки" на Хай-стритъ въ Пётнэй (часть Лондона). Въ предмѣстьи Лондона Forest-hill 17 мая найдена „адская машина", соединенная съ громадной „бомбой", на которой лежали два „динамитныхъ патрона". При изслѣдованіи адская машина оказалась старымъ будильникомъ, бомба—жестянкой, наполненной сором, а динамитные патроны—двумя бананами.

---

1) Ib., May 16.

2) Ib.

II.

Газета Suffragette все учитывала, какъ „революціонное выступленіе“. Въ № 28, напр., помѣщена громадная статья, озаглавленная: „Женщины захватили *Монументъ*. Смерть или побѣда“. *Монументъ* — высокая колонна въ Сити, поставленная въ память великаго пожара 1666 года. Винтовая лѣстница ведетъ на вершину колонны, на площадку, гдѣ водружено подобіе громаднаго золоченаго ананаса. Дорогу туристамъ наверхъ показываетъ сторожъ. И вотъ двѣ суффражистки привели съ собою къ *Монументу* молоденькаго мальчика. Когда онѣ поднимались вверхъ, сторожъ по просьбѣ одной изъ суффражистокъ повелъ мальчика въ уборную, а сами онѣ, воспользовавшись моментомъ, побѣжали на площадку и заперли за собою дверь. Это и есть „революціонный захватъ *Монумента*“, описанію котораго Suffragette посвящаетъ три столбца. Кромѣ редакціонной статьи, написанной въ такомъ приподнятомъ тонѣ, какъ будто дѣло идетъ о штурмѣ и захватѣ первоклассной крѣпости, въ газетѣ помѣщенъ еще „Спеціальный отчетъ“, въ подзаголовкѣ котораго значится „By a Woman who was on the Top“ (написанъ женщиной, бывшей на вершинѣ *Монумента*). Дама говоритъ о томъ, что у ней давно зародилась идея „of conquering the tall column that towers over the City (завоевать высокую колонну, поднимающуюся надъ Сити). Посидѣвъ часъ на площадкѣ, „завоевательницы“, конечно, спустились, потому что оставили внизу мальчика, потому что захотѣлось ѣсть, и потому что во всемъ предпріятіи было столько же смысла, сколько воды въ кускѣ булыжника.

Наиболѣе искренніе друзья феминистскаго движенія въ Англіи убѣждали милитантокъ отказаться отъ боевыхъ выступленій, крайне гибельныхъ для дѣла. „Не подлежитъ сомнѣнію,—читаемъ мы въ новомъ журналѣ, издаваемомъ при ближайшемъ участіи супруговъ Веббовъ и Бернарда Шоу,—что послѣднія выступленія милитантокъ сильно понизили шансы на успѣхъ женскаго билля въ парламентѣ“ [1]). Журналъ дальше объясняетъ дѣйствіе милитантокъ. Иныя изъ нихъ сознательно, а другія безсознательно *не хотятъ*, чтобы равноправіе явилось *подаркомъ:* милитантки желаютъ *завоевать* права. „Каждый классъ,—говорятъ милитантки,—добился избирательныхъ правъ путемъ проявленія силы въ той или иной степени. Дарованіе права участвовать въ выборахъ являлось каждый разъ признаніемъ со стороны „непріятеля“ силы того или другого класса. Милитантки желаютъ, чтобы и политическая эмансипація женщинъ имѣла такую же исторію и такое же оправданіе. Политическое равноправіе должно явиться не результатомъ

---

[1]) „The New Statesman“, May 3, стр. 101.

снисходительности и добродушія мужчинъ, но послѣдствіемъ собственной силы женщинъ" [1]). Но милитантки отказывались видѣть, что „боевыя выступленія", вмѣсто того, чтобы заставить Джона Буля трепетать и думать о капитуляціи, озлобляютъ и ожесточаютъ его.

Я долженъ отмѣтить, что милитантскому движенію, захватившему *по преимуществу* средніе и выше-средніе классы, несомнѣнно сильно сочувствуютъ многія женщины, принадлежащія къ тѣмъ же классамъ. Многія женщины, не участвующія въ боевыхъ выступленіяхъ, щедро помогаютъ ему деньгами. На основаніи наблюденій, произведенныхъ надъ многими знакомыми, принадлежащими къ указаннымъ классамъ, я могъ бы раздѣлить сочувствующихъ на три группы. Прежде всего тутъ феминистки, убѣжденныя, что милитантство полезно уже потому, что заставляетъ всѣхъ говорить о женскихъ правахъ. „Мы агитировали тридцать лѣтъ, и про насъ никто не зналъ; но вотъ задребезжали разбитыя стекла, и запылали пожары, и про движеніе провѣдалъ самый тупой клэркъ",—сказала мнѣ одна сочувствующая. Вторая группа, и самая многочисленная, состоитъ изъ дамъ, всѣ симпатіи которыхъ лежатъ на сторонѣ консерваторовъ и которыя ненавидятъ радикаловъ за ихъ „стремленіе ограбить имущіе классы" (т. е. за повышеніе налога на наслѣдства и за обложеніе незаработаннаго приращенія). Эти дамы, сочувствуя вообще тому, чтобы богатыя женщины участвовали въ выборахъ, симпатизируютъ милитанткамъ главнымъ образомъ за то, что онѣ компрометируютъ „проклятыхъ радикаловъ" и ставятъ ихъ въ затруднительное положеніе. „Жечь мало,—слышалъ я отъ одной дамы:—надо убивать".

— Кого?

— Маленькаго валійца! (Ллойдъ-Джорджа).

— Полноте, Mrs. N, вы, что ли, убьете? — шутливо спросилъ я.

— Нѣтъ, *другія* убьютъ.

Затѣмъ третья группа сочувствующихъ состоитъ изъ „ненавистницъ". Въ Англіи въ среднихъ и выше-среднихъ классахъ столько же несчастныхъ браковъ, сколько и на континентѣ, а, быть можетъ, даже и больше. Кажется, нигдѣ не придумана такая краткая и сжатая формула, какъ въ Англіи (Marriage is a failure, „бракъ—банкротство") для выраженія взгляда на бракъ. Но въ то время, какъ число несчастныхъ браковъ въ Англіи не меньше, чѣмъ на континентѣ, англичане неизмѣримо меньше примѣняютъ тотъ обывательскій коррективъ, который такъ широко практикуется, напр., въ Россіи: я говорю о расхожденіи и о „свободныхъ союзахъ". Въ силу прочно вкоренившихся взглядовъ на семейныя отношенія, только единичныя англичанки изъ среднихъ и выше-среднихъ классовъ рѣшаются оставить семью, если онѣ несчастны въ бракѣ. Онѣ живутъ

[1]) Ib.

рядомъ съ мужьями, которыхъ ненавидятъ, и съ теченіемъ лѣтъ, когда приближается старость, когда появляются сѣдыя пряди въ волосахъ, когда исчезаетъ всякая надежда на лучшее будущее, ненависть переносится на весь мужской родъ вообще.

— I hate the men! (Я ненавижу мужчинъ) — совершенно искренно говоритъ такая женщина, и каждый свободный золотой съ радостью отдаетъ партіи, причиняющей столь много непріятностей ненавистному чудовищу, которое носитъ брюки,—

„Untier, welches Hosen trägt“.

Экономическое освобожденіе работницы, ужасное положеніе женщины, являющейся жертвой „выжимальщиковъ пота“, и вопросъ о бѣлыхъ невольницахъ занимали въ Англіи многихъ гораздо раньше, чѣмъ явились милитантки [1]). Капитальные труды о положеніи работницы написаны не членами Женскаго политическаго и соціальнаго союза (напр. „Women and Economics“, Шарлоты Перкинсъ-Гильмэнъ). Милитантокъ занимаетъ *по преимуществу* освобожденіе женщинъ среднихъ и выше-среднихъ классовъ. Когда имъ случается подходить къ серьезнымъ соціальнымъ вопросамъ, то онѣ проявляютъ порою удивительную „легкость въ мысляхъ“. Вотъ, напр., статья „To cure white slavery“, написанная самымъ крупнымъ свѣтиломъ союза милитантокъ, г-жей Кристабель Панкхёрстъ. Дѣло, какъ говоритъ заголовокъ, идетъ о проституціи. У г-жи Панкхёрстъ есть вѣрное средство, какъ покончить быстро съ этимъ общественнымъ зломъ. Прежде всего, конечно, необходимо дать женщинамъ политическія права, а затѣмъ надо обратить серьезное вниманіе на мужчинъ, вожделѣніемъ которыхъ обусловливается существованіе проституціи. Надо бороться съ вожделѣніемъ. Не будь его, не было бы и проституціи. Между тѣмъ уничтожить вожделѣніе очень легко. „Всѣ доктора знаютъ безвредное лекарство, останавливающее извѣстное желаніе на опредѣленный срокъ“, — пишетъ г-жа Кристабель Панкёрстъ и торжественно прибавляетъ: „Здѣсь передъ нами радикальное средство (cure) противъ проституціи!.. Узнавъ это, женщины теперь не забудутъ болѣе... Насъ прямо ужасаетъ, что мужчины до сихъ поръ скрывали отъ насъ тотъ простой фактъ, что съ порокомъ можно бороться при помощи простого лекарства [2])“.

Какъ извѣстно читателямъ, правительство долго преслѣдовало милитантокъ крайне неохотно. Это объяснялось, отчасти, либеральными традиціями; но гораздо больше—общественнымъ положеніемъ какъ милитантокъ, такъ и тѣхъ, которыя имъ сочувствуютъ.

---

1) Нѣкоторыя подробности читатели найдутъ въ моихъ статьяхъ „Женскій трудъ“ („Англійскіе силуэты“, стр. 399—423), „Безъ работы“ (Русск. Бог., 1908 годъ, ноябрь), „Англійская полиція“ („Англійскіе силуэты“, стр. 68—101).

2) The Suffragette, April 25, 1913.

Министры и коммонеры имѣютъ, если не женъ и сестеръ, то кузинъ, племянницъ и знакомыхъ, сочувствующихъ милитанткамъ и готовыхъ вступить въ жаркій споръ съ государственными дѣятелями. Милитантокъ долго присуждали къ небольшому денежному штрафу въ нѣсколько шиллинговъ. Онѣ отказывались платить штрафъ и шли въ тюрьму не потому, что имъ трудно было заплатить 10-20 шиллинговъ, а чтобы поставить правительство въ возможно болѣе затруднительное положеніе. Когда выступленія милитантокъ стали болѣе серьезны, и когда въ тактику союза вошли поджоги, появились приговоры къ довольно продолжительному тюремному заключенію (6, 8, 12 мѣсяцевъ). Наконецъ организаторъ и вождь союза милитантокъ, г-жа Панкхёрстъ (мать г-жи Кристабель Панкхёрстъ), заявившая, что это она посылаетъ женщинъ на поджоги, была присуждена къ трехгодичному тюремному заключенію. Тогда начались въ тюрьмахъ голодные бунты. Правительство, зная, что общество, какъ бы оно ни относилось къ милитанткамъ, никогда не проститъ ему, если женщина умретъ въ тюрьмѣ, пробовало было вначалѣ искусственно кормить голодающихъ (при помощи насоса черезъ ноздри). Искусственное питаніе повело къ отчаянному сопротивленію голодающихъ. Въ журналѣ изъ недѣли въ недѣлю появлялись страницы, озаглавленныя: „Torturing women in prison" (Пытки женщинъ въ тюрьмѣ). „Пытка въ видѣ искусственнаго питанія все еще продолжается въ Голуэйской тюрьмѣ,— читаемъ мы въ нумерѣ Suffragette отъ 21 марта.—Здѣсь, не смотря на неравенство силъ, заключенныя ведутъ отчаянную борьбу". Правительство тогда, не зная, что дѣлать съ голодающими, стало освобождать ихъ. Читатели должны помнить, что Англія—страна, въ которой каждый гражданинъ представляетъ цѣнность, и что послѣдняя поддерживается высоко общественнымъ мнѣніемъ.

Получилось такое положеніе: милитантокъ, осужденныхъ по вердикту присяжныхъ къ продолжительному тюремному заключенію, выпускали черезъ 6-7 дней. Когда г-жу Панкхёрстъ присудили въ концѣ марта къ трехгодичному тюремному заключенію, она сказала членамъ союза, присутствовавшимъ въ залѣ суда: „Десятаго апрѣля будетъ нашъ большой митингъ въ Альбертовой залѣ. Передайте друзьямъ, что я тамъ буду". Какъ только г-жу Панкхёрстъ привезли въ тюрьму, она начала голодать и черезъ нѣсколько дней была уже на свободѣ. Къ тому же средству стали прибѣгать не только осужденныя. Слѣдственный судья отказывается выпустить на поруки милитантку, арестованную за поджогъ дома. „Если не выпустите, объявлю голодовку", — заявляетъ милитантка и дѣйствительно поступаетъ такъ. Черезъ шесть дней арестованная уже на свободѣ. Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ парламентъ билль, получившій названіе „игры въ кошку и мышку" (The „Cat and Mouse" Bill). Въ силу законопроекта правительство получаетъ право освобождать голодающихъ, *покуда онѣ*

не поправятся, а потомъ снова арестовывать ихъ, причемъ время, проведенное на свободѣ, не считается.

„Человѣческая жизнь находится теперь въ опасности, какъ результатъ борьбы за политическое равноправіе,—писала г-жа Кристабель Панкхёрстъ по поводу билля. — Правительство замыслило раздавить Женскій соціально-политическій союзъ путемъ истребленія всѣхъ членовъ его, а въ особенности тѣхъ, которыхъ считаютъ его столпами и главной опорой. Явись возможность передвинуть время на нѣсколько вѣковъ назадъ, правительство навѣрно посылало бы милитантокъ на костеръ или вообще отправляло бы ихъ на казнь. Но такъ какъ подобныя репрессивныя мѣры въ наше время невозможны, то правительство прибѣгло къ принудительному кормленію милитантокъ и къ пыткѣ, извѣстной теперь подъ названіемъ „игры въ кошку и мышку". Отвратительные замыслы правительства можно угадать сразу. Оно схватило г-жу Панкхёрстъ (мать), г-жу Энни Кенни и генерала г-жу Дрёммондъ и намѣревается подвергнуть ихъ ряду пытокъ въ надеждѣ измучить тѣло борцовъ и, такимъ образомъ, сломить ихъ духъ; но это совершенно невозможно. Пламя милитантства, пылающее въ сердцахъ героинь, нельзя затушить. И если даже этихъ женщинъ убьютъ, духъ ихъ будетъ жить и побуждать другихъ на борьбу... Если парламентъ разрѣшитъ правительству удовлетворить свою месть по отношенію къ тремъ арестованнымъ женщинамъ, то оно не остановится передъ преслѣдованіемъ другихъ милитантокъ... Гдѣ же рабочая партія?—восклицаетъ г-жа Кристабель Панкхёрстъ.—По обыкновенію, партія эта ускользнула потихоньку, такъ какъ слишкомъ труслива, чтобы защищать права гражданъ. Рабочая партія держитъ у власти министерство, чтобы дать ему возможность пытать. Пять храбрыхъ женщинъ подвергаютъ свою жизнь опасности въ открытой борьбѣ съ правительствомъ, а коммонеры рабочіе ползаютъ у ногъ либеральнаго министерства. Чтобы безпрепятственно получать свои 400 ф. ст. въ годъ, рабочіе измѣняютъ своимъ принципамъ. Тѣла замученныхъ пыткой женщинъ являются тою жертвою, которую рабочая партія кладетъ къ ногамъ правительства" [1]).

Но стоитъ только перевернуть страницу того же журнала, гдѣ помѣщена эта статья, чтобы убѣдиться, насколько обвиненія, предъявляемыя г-жей Панкхёрстъ къ рабочей партіи, представляютъ собою только фразу, лишенную содержанія. Статья г-жи Панкхёрстъ помѣщена на 478 страницѣ Suffragette, а на 479 страницѣ находится отчетъ парламентскаго засѣданія, въ которомъ обсуждался билль объ „игрѣ въ кошку и мышку". Изъ него мы видимъ, что подавляющее большинство коммонеровъ, какъ либераловъ, такъ и консерваторовъ, было за билль. Противъ него высказались сэръ Альфредъ Маркхэмъ (радикалъ-милліонеръ), Рональдъ Макъ-Нейль

---

[1]) „Human Life in Danger"; The Suffragette, April 25, стр. 474.

(консерваторъ) и коммонеры-рабочіе. „Намъ говорятъ, что билль необходимъ, такъ какъ положеніе дѣлъ ненормально, — сказалъ Кейръ-Гарди;—но ненормальное положеніе дѣлъ исчезнетъ, а билль останется навсегда въ статутахъ... Мы любимъ говорить объ упорствѣ нашихъ солдатъ, напоминающихъ бульдоговъ. Выносливость и героизмъ, проявленные милитантками въ тюрьмѣ, могутъ сравниться съ наибольшею доблестью, обнаруженною нашими солдатами на полѣ битвы. Я сказалъ бы даже, что милитантки проявили большее мужество, чѣмъ наши солдаты. Если онѣ путемъ голоданія добились свободы, оставьте ихъ въ покоѣ. Не уподобляйте женщинъ полузамученнымъ крысамъ въ циркѣ, гдѣ животныхъ лѣчатъ и подкармливаютъ только для того, чтобы снова выпустить потомъ противъ нихъ собакъ". „Будь милитантка обыкновенной уголовной преступницей, тогда можно было бы еще оправдать билль,—сказалъ другой коммонеръ рабочій.—Но мы не должны забывать тѣхъ мотивовъ, въ силу которыхъ милитантки дѣйствуютъ. Милитантки не преступницы обыкновеннаго типа, а законъ онѣ нарушаютъ не ради личныхъ цѣлей. Милитантки не подчинятся новому закону, который, конечно, не сломитъ ихъ духъ. Называйте ихъ фанатичками или какъ хотите иначе, но признайте тотъ фактъ, что духъ ихъ не можетъ быть угашенъ" [1]).

Нижняя палата приняла законопроектъ, лорды тоже, и билль сталъ закономъ.

III.

Милитантскія выступленія участились. Въ соборѣ св. Павла найдена была адская машина, поставленная такъ, чтобы бомба взорвалась на разсвѣтѣ, когда въ церкви никого не будетъ. По неумѣнію, одна изъ проволокъ была не такъ заправлена, и взрыва поэтому не послѣдовало. Надо отмѣтить тотъ фактъ, что безцѣльныя террористическія выступленія повели къ значительному озлобленію толпы противъ милитантокъ. Каждая попытка ихъ устроить открытый митингъ заканчивалась громаднымъ скандаломъ: толпа отнимала знамена суффражистокъ и несомнѣнно купала бы милитантокъ въ бассейнѣ, если бы каждый разъ на помощь дамамъ не являлись полисмэны.

Утромъ перваго мая полиція нанесла союзу милитантокъ рѣшительный ударъ: она обыскала главную квартиру союза Lincoln Inn House, забрала всѣ документы и арестовала вождей. „Такъ какъ W. S. P. U. объявилъ войну всему обществу, то правительство вчера перенесло военныя дѣйствія въ станъ милитантокъ, — читаемъ мы въ радикальной Daily Chronicle, отстаивающей все время равноправіе женщинъ.—Полиція захватила штабъ-квартиру милитантокъ, арестовала семь вождей, предупредила печатниковъ, предающихъ тисненію Suffragette, и предостерегла лицъ, ока-

---

1) The Suffragette, стр. 480.

зывающихъ союзу денежную помощь, что они могутъ быть привлечены къ суду за пособничество преступленію". Всѣ арестованные были привлечены къ суду по обвиненію въ заговорѣ съ цѣлью уничтоженія чужого имущества. Обыскъ обнаружилъ нѣсколько любопытныхъ документовъ. Когда полиція пришла въ квартиру г-жи Энни Кэнни, являющейся послѣ г-жи Панкхёрстъ самымъ виднымъ лицомъ въ союзѣ милитантокъ и начальницей департамента конспирацій, у ней отобраны были письма вродѣ слѣдующихъ: „Нужны женщины, умѣющія хорошо и ловко разбивать стекла". Въ *передней* начальницы департамента конспирацій, на самомъ видномъ мѣстѣ, лежала книга, а въ ней четыре документа. Въ одномъ былъ проектъ поджечь дровяные склады въ центрѣ Лондона, а въ другомъ предполагалось разбить до начала пожара всѣ сигнальные аппараты. Въ двухъ остальныхъ документахъ говорилось о поджогѣ складовъ хлопчатой бумаги въ Лондонѣ и о разгромѣ нѣсколькихъ общественныхъ домовъ.

Въ комнатѣ г-жи Энни Кенни на столѣ лежало письмо, въ концѣ котораго авторъ его, химикъ Клэйтонъ, проситъ: „немедленно сожгите". Но директоръ департамента конспирацій счелъ надобнымъ хранить письмо для свѣдѣнія полиціи. Въ этомъ письмѣ химикъ Клэйтонъ сообщаетъ, что хотя первая попытка его приготовить динамитъ кончилась неудачей, но черезъ недѣлю онъ надѣется успѣть. Въ записной книжкѣ г-жи Энни Кенни отмѣчены были деньги, выданныя въ разное время химику на производство опытовъ. Въ тотъ же день Клэйтонъ былъ арестованъ. Изъ документовъ, сохранявшихся у начальницы департамента конспирацій, выясняется, что всѣ тѣ горючія вещества, при помощи которыхъ милитантки уничтожали письма въ почтовыхъ ящикахъ, фабриковались Клэйтономъ. Въ высшей степени курьезенъ одинъ документъ, отобранный при обыскѣ. Предпріимчивый нѣмецъ изъ Гамбурга, нѣкій Бюхнеръ, немедленно использовалъ милитантокъ для коммерческихъ цѣлей. Онъ предложилъ пріобрѣсти у него какой-то новый и необыкновенно сильный чихательный порошокъ. „Въ опредѣленный вечеръ, — подалъ идею предпріимчивый нѣмецъ, — члены вашего союза могутъ отправиться въ концерты и театры и тамъ разсыпать порошокъ. Онъ производитъ крайне сильное чиханіе и долго держится въ платьѣ". Тысяча пакетовъ предлагалась за сходную цѣну въ 150 ф. ст. Нѣмецъ предлагалъ прислать ему въ Гамбургъ нѣсколько толковыхъ милитантокъ для обученія, какъ разсыпать порошокъ. „Партія" пакетовъ была пріобрѣтена, но еще не использована. Въ другомъ документѣ, отобранномъ при обыскѣ у г-жи Керръ, содержится планъ поджога дока. Авторъ проекта „гарантируетъ убытокъ въ 20 тысячъ ф. ст.".

Надъ штабъ-квартирой милитантокъ развѣвается на высокомъ флагштокѣ ихъ знамя. Оно было спущено полиціей, но черезъ день помѣщеніе было возвращено милитанткамъ, которыя снова подняли

знамя. Черезъ день, согласно англійскому закону, всѣ обвиняемые были приведены въ камеру слѣдственнаго судьи. Представитель обвиненія привелъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ Suffragette для доказательства, что газета эта призывала къ истребленію имущества. „Мы всѣ гордимся свободой нашей печати, — сказалъ представитель обвиненія,—но Suffragette не органъ, отстаивающій какое-нибудь мнѣніе, а скорѣе газета, призывающая къ уголовнымъ преступленіямъ. Вотъ доказательства: „Единственное ограниченіе, которое Союзъ дѣлаетъ милитантству, это—наказъ оградить человѣческую жизнь,—читаемъ мы въ Suffragette.—Въ какой другой еще революціи дѣлалось подобное ограниченіе?.. W. S. P. U.—зоветъ женщинъ на бой. Всѣ, имѣющіе вольную душу бойцовъ, должны отвѣтить на зовъ“. „Есть нѣчто болѣе дорогое правительству, чѣмъ человѣческая жизнь—частная собственность,—читаемъ мы въ Suffragette.—Вотъ почему уничтожайте ее... Тѣ изъ васъ, которыя могутъ ломать стекла, пусть бьютъ ихъ“. „Стружки и керосинъ дешевле, чѣмъ агитаціонная литература“. „Женская революція. Сожженіе желѣзнодорожной станціи. Сожженіе клуба. Нападеніе на телефонныя проволоки и на почтовые ящики. Сожженіе пустого дома. Убытокъ исчисляется въ 1,800 ф. ст.“. „Установите въ Лондонѣ царство террора“. Это все—заголовки статей въ Suffragette. По исчисленію представителя обвиненія, милитантки въ одномъ Лондонѣ разбили стеколъ на 80 тысячъ рублей и совершили нападенія на 560 почтовыхъ ящиковъ, въ результатѣ чего уничтожены 8.400 писемъ. Всѣ эти преступленія,—сказалъ представитель обвиненія,—или восхвалялись, или намѣчались газетой Suffragette. Вотъ почему она должна быть пріостановлена. „Печатники предупреждаются, что тисненіе газеты можетъ дать поводъ къ привлеченію ихъ за пособничество“.

На другой день, второго мая, не смотря на предупрежденіе, очередной нумеръ Suffragette былъ отпечатанъ въ типографіи „Victoria House Printing C°“. Нумеръ вышелъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, на сѣрой бумагѣ, безъ обычныхъ рисунковъ и состоитъ всего изъ восьми страницъ. На первой страницѣ, кромѣ заголовка, помѣщено только одно слово „Raided!!“ (Подверглись разгрому). Слѣдующая страница занята „лѣтописью борьбы“. „Вы не дадите намъ вотумовъ, такъ не будете имѣть телефоновъ,—читаемъ мы.—Двадцать третьяго апрѣля телефонное сообщеніе въ Норичѣ фактически прекратилось, такъ какъ главные проводы были перерѣзаны. Въ одномъ изъ кіосковъ найденъ плакатъ съ надписью: „No votes, no telephones“. „Лѣтопись борьбы“ заключаетъ также сообщеніе о рядѣ взрывовъ и поджоговъ. Затѣмъ въ нумерѣ еще есть статья г-жи Кристабель Панкхёрстъ о томъ „Что такое милитантство“ (см. выше), подробное описаніе разгрома штабъ-квартиры, злорадное сообщеніе о томъ, что г-жа Панкхёрстъ (мать), выпущенная

изъ тюрьмы для поправленія здоровья, скрылась и нигдѣ не можетъ быть найдена.

Печатника привлекли къ суду. Но тогда рабочая партія предложила милитанткамъ отпечатать слѣдующій нумеръ. Вышелъ онъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, представляетъ большую рѣдкость, и у меня его, къ сожалѣнію, нѣтъ. Знакомыя милитантки тоже не видали этого нумера. Печатника опять привлекли къ суду и выпустили подъ залогъ. Но 16 мая, какъ надлежало, вышелъ 31 № Suffragette, отпечатанный въ новой типографіи (Edward Francis). Этотъ нумеръ почти нормальный по размѣру. Первая страница украшена рисунками,—изображеніемъ Орлеанской дѣвы, верхомъ на конѣ, съ поднятымъ мечемъ. Подпись гласитъ: „Знаменитая милитантка". Повидимому, цензорская рука типографа прошлась по корректурѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ нумерѣ нѣтъ призыва къ уничтоженію имущества. „Лѣтопись борьбы", занимающая значительную часть нумера, составлена изъ выдержекъ изъ „Daily Telegraph" и озаглавлена: „Факты за недѣлю". Нумеръ начинается замѣткой, въ которой редакція торжествуетъ по поводу того, что правительственное запрещеніе печатать газету кончилось неудачей. Заканчивается нумеръ статейкой, которую приведу цѣликомъ. „Замѣчаніе охотника на львовъ. Г-жа Тюкъ сообщаетъ намъ, что встрѣтила въ Южной Африкѣ охотника на дикихъ звѣрей, съ которымъ завела интересный разговоръ о женскомъ равноправіи. „Британская эмблема силы и храбрости, это — *левъ*. Почему же забыта *львица?* Въ сущности, львица страшнѣе льва, что каждый охотникъ скажетъ вамъ. Никогда не слѣдуетъ раньше всего стрѣлять въ льва, иначе львица нападетъ на васъ. Надо выждать, покуда появится львица, и застрѣлить ее раньше. Въ девяти случаяхъ изъ десяти левъ тогда попросту убѣжитъ; во всякомъ случаѣ, онъ проявитъ робость и нерѣшительность, которыя дадутъ охотнику возможность опять выстрѣлить. Англичане въ значительной степени похожи на свою національную эмблему; но они все еще не уразумѣли, что львица крѣпнетъ съ каждымъ днемъ и собирается спасти льва отъ него самого" [1]).

Тридцать второй нумеръ (послѣдній) вышелъ уже въ полномъ объемѣ, съ рисунками, и оттиснутъ тѣмъ же печатникомъ, что и № 31. Первая страница вся занята рисункомъ, изображающимъ нарядную, молодую, ликующую милитантку, предлагающую нумеръ Suffragette. Подпись гласитъ: „Обѣ непреодолимы". Повидимому, и по корректурѣ этого нумера прошлась цензорская рука печатника. Призывовъ къ уничтоженію имущества нѣтъ; лѣтопись борьбы опять составлена по Daily Telegraph; но большинство замѣтокъ, посвященныхъ правительству, напоено ядомъ. Газета ликуетъ по поводу того, что министерская партія потеряла мѣсто на дополнительныхъ

---

1) The Suffragette, May 16, стр. 520.

выборахъ въ Ньюмаркетѣ. По мнѣнію Suffragette, потеря „является подавляющимъ выраженіемъ порицанія самому беззаконному правительству, которое когда-либо было въ Англіи въ наше время. Суффражистки могутъ только ликовать по поводу пораженія, выпавшаго на долю министерства. Хотя борьбу за женское равноправіе нельзя уже остановить, и хотя милитантокъ нельзя побѣдить, но ихъ врагъ—правительство—съ каждымъ днемъ теряетъ силу и репутацію... Въ странѣ всѣ ненавидятъ и презираютъ это правительство. Избиратель радъ каждому случаю, чтобы нанести ему ударъ" [1]). Это—типичная статья консервативной вечерней газеты, не могущей простить правительству прогрессивнаго налога на наслѣдства.

IV.

Крайне интересно отношеніе радикаловъ къ заявленію представителя обвиненія, что владѣльцы типографій, гдѣ Suffragette печатается, будутъ преслѣдоваться. Мы видимъ, какъ въ Англіи, при малѣйшемъ покушеніи на свободу печати, всѣ прогрессивные элементы ополчаются на бой. Въ данномъ случаѣ за Suffragette немедленно заступились лица и партіи, отрицательно относящіяся къ милитанткамъ и считающія газету крикливой, неумной и вульгарной. Въ журналѣ „The New Statesman" мы находимъ интересную статью, озаглавленную „Законовѣдѣніе для начинающихъ". „Начнемъ съ того, что г. Бодкинъ (представитель обвиненія) отъ имени властей заявилъ, что Suffragette изъ недѣли въ недѣлю подстрекала разныхъ лицъ къ уничтоженію собственности. Представитель обвиненія, конечно, имѣлъ право сдѣлать подобное заявленіе, которое онъ потомъ во время процесса долженъ, разумѣется, доказать. Но г. Бодкинъ идетъ дальше и дѣлаетъ такое obiter dictum (мимоходомъ сказать): „Suffragette" должно быть прекращено. Если, произнося эти слова, ученый обвинитель думалъ, что существуетъ какой-нибудь законъ, дающій правительству право цензуровать газету или книгу раньше ихъ появленія на свѣтъ, то пусть онъ обратится за справками къ любому студенту - юристу. Р. Бодкинъ узнаетъ тогда, что ошибается. И если начальство г. Бодкина имѣетъ какое-нибудь уваженіе къ постановленіямъ цѣлаго ряда лордовъ-канцлеровъ, оно должно знать, что „свобода печати заключается въ правѣ печатать все безъ предварительной цензуры". Если министръ внутреннихъ дѣлъ удосужится заглянуть въ такую классическую книгу, какъ трудъ проф. Дайси, то узнаетъ, что предупредительныя мѣры несовмѣстимы съ основными англійскими законами. Вмѣшательство закона можетъ быть только тогда, когда уже *совершено* какое-нибудь преступленіе въ печати, а не тогда,

---

[1]) The Suffragette, May 23, стр. 523.

когда оно *можетъ* быть только. Въ Англіи намъ неизвѣстенъ законъ, дающій правительству право разрѣшать какое-нибудь изданіе...

„Когда типографъ Дру былъ арестованъ за тисненіе Suffragette, то совсѣмъ не за то, что онъ не обратилъ вниманія на предостереженіе г. Бодкина. Представитель обвиненія долженъ доказать, что въ нумерѣ, выпущенномъ изъ типографіи Дру, заключается преступный призывъ къ уничтоженію чужого имущества. До сихъ поръ правительство не сдѣлало даже попытки доказать это. Нумеръ поступилъ въ продажу. И если на слѣдующей недѣлѣ выйдетъ очередной нумеръ, то нѣтъ такого закона, въ силу котораго можно было бы арестовать издателя или печатника за ослушаніе: арестъ можетъ быть произведенъ только въ томъ случаѣ, если правительство докажетъ, что въ выпущенномъ нумерѣ содержится нѣчто преступное. Затѣмъ другое obiter dictum г. Бодкина. Онъ сказалъ, что всѣ, помогающіе W. S. P. U. деньгами, могутъ быть привлечены къ суду по обвиненію въ пособничествѣ преступленію. Если г. Бодкинъ думаетъ сказать, что полиція будетъ арестовывать всѣхъ жертвователей, то это понятно. Но ни одинъ судъ въ Англіи не можетъ вынести обвинительнаго приговора арестованнымъ, покуда не будетъ доказано, что пожертвованныя деньги пошли именно на совершеніе преступленія. И даже если будетъ доказано, что нѣкоторые члены W. S. P. U. совершили противозаконные поступки, то и тогда отвѣтственность не можетъ пасть на лицъ, жертвующихъ деньги на пропаганду легальнымъ путемъ извѣстной политической идеи.

„Дальше у насъ зарождается такой вопросъ: какой законъ уполномочилъ правительство захватить помѣщеніе W. S. P. U., удалить оттуда всѣхъ служащихъ и унести всѣ бумаги? Полиція имѣетъ право арестовать лицъ, если уполномочена на то спеціальнымъ судебнымъ постановленіемъ (warrant); но на огульный захватъ въ Англіи нѣтъ закона. Какоеправо имѣла полиція удалить служащихъ, если не имѣетъ на то warrant'а? По какому праву она завладѣла помѣщеніемъ? Можетъ ли полиція запечатать консервативный клубъ *Карлтонъ*, если выяснится, что нѣкотфрые члены его подговариваютъ Ольстеръ къ мятежу? На основаніи прецедента (дѣло Интика противъ Каррингтона) нельзя забрать *всѣхъ* бумагъ“ [1]).

Помѣщеніе W. S. P. U. было открыто раньше, чѣмъ появилась эта статья. Послѣ ареста типографа, отпечатавшаго 30 № „Suffragette“, рабочая партія предложила союзу милитантокъ свою типографію. Вожди партіи вызвались быть отвѣтственными лицами за выпускъ Suffragette. „Я не питаю никакихъ симпатій къ Suffragette,—сказалъ парламентскій вождь рабочей партіи Рамсей Макъ-Дональдъ,— и никогда не вѣрилъ въ тактику милитантокъ. Я всѣми силами возстаю противъ кампаніи, проявившейся въ насиліи и пре-

---

1) „The New Statesman“, May 10.

ступленіяхъ; но считаю, что стремленіе запретить Suffragette является покушеніемъ на свободу печати. Вотъ почему я предложилъ W. S. P. U. нашу типографію. Я считаю прямо безстыдствомъ заявленіе обвинителя, что газета будетъ преслѣдоваться раньше, чѣмъ извѣстно ея содержаніе" [1]). Я говорилъ уже, что милитантки объявили Макъ-Дональда такимъ же врагомъ, какъ Аскита и Редмонда. Объ отношеніи Рамсея Макъ-Дональда къ милитанткамъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Двадцать девятаго ноября 1911 года состоялся большой неполитическій митингъ въ церкви послѣдователей д-ра Кэмбеля (основатель движенія New Theology, о которомъ мнѣ пришлось уже не разъ писать). На митингѣ выступили Аскитъ и Макъ-Дональдъ. Милитантки тоже явились, хотя ихъ не звали. И когда заговорилъ Аскитъ, онѣ подняли такой вой, такъ начали звонить въ колокольчики, свистѣть въ свистки, дудить въ дудки и трещать въ барабаны, что премьеру не дали сказать слова. Рамсей Макъ-Дональдъ не нашелъ тогда словъ для выраженія своего негодованія „Если бы я думалъ, что *все* движеніе въ пользу женскаго равноправія представлено милитантками, то, послѣ ихъ позорнаго поведенія въ City Temple, я всегда голосовалъ бы въ парламентѣ противъ билля объ эмансипаціи".

„Мы намѣрены отстаивать принципъ свободы печати,—заявилъ представителю Manchester Guardian казначей Независимой рабочей партіи, Бенсонъ.—Мы всѣ—противъ тактики милитантокъ; но считаемъ, что намѣреніе правительства запретить газету раньше ея появленія въ свѣтъ составляетъ покушеніе на свободу слова. Предупрежденіе, сдѣланное представителемъ обвиненія по адресу всѣхъ типографовъ, имѣетъ цѣлью отпугнуть ихъ заранѣе отъ печатанія Suffragette... Всѣмъ извѣстно, что милитантки очень враждебно относились къ Независимой рабочей партіи, за то, что та не согласилась принять директиву г-жи Панкхёрстъ о голосованіи противъ правительства" [2]). рабочая партія заявила, что будетъ предварительно просматривать корректуру, чтобы выбросить прямой призывъ къ уничтоженію имущества. Отвѣтственнымъ типографомъ станетъ Макъ-Дональдъ; если его арестуютъ, отвѣтственнымъ лицомъ будетъ Кейръ-Гарди; затѣмъ всѣ остальные коммонеры-рабочіе. Вся радикальная печать одобрила поступокъ рабочей партіи. „Отъ всей души привѣтствуемъ рѣшеніе, принятое Рамсеемъ Макъ-Дональдомъ, — читаемъ мы въ Daily News.— Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство не только имѣетъ право преслѣдовать газету, прямо призывающую къ уголовнымъ преступленіямъ и къ насиліямъ, но это прямо вмѣняется ему въ обязанность. Никто, находящійся въ здравомъ умѣ. не рѣшится

---

[1]) Изъ интервью Макъ-Дональда съ представителемъ газеты „Daily Chronicle".

[2]) Цитирую по „Westminster Gazette", May 10.

ограничить это право; но предостереженіе, сдѣланное представителемъ обвиненія, носитъ совершенно иной характеръ... Оно возвращаетъ порядки, давно уже отошедшіе въ Англіи въ область преданій“ [1]). Газета дѣлаетъ такую же оговорку, какъ и Макъ-Дональдъ, т. е., что относится совершенно отрицательно къ тактикѣ милитантокъ.

Можно себѣ представить, какъ отнеслись къ преслѣдованію Suffragette единомышленники. „Послѣднее выступленіе противъ революціонной секціи суффражистокъ, по всей вѣроятности, отмѣчено болѣе сильной печатью глупости, чѣмъ все то, что до сихъ поръ дѣлало правительство,—читаемъ мы въ „Votes for Women“.—Единственнымъ послѣдствіемъ явится то, что чисто конституціонное движеніе будетъ загнано въ подполье“.

Одновременно публика узнала два факта. Появилось оффиціальное сообщеніе, что правительство не думаетъ запрещать Suffragette. Если печатники были арестованы, то не за то, что они выпустили газету послѣ предостереженія, даннаго Бодкинымъ, а потому что въ нумерахъ, которые они выпустили, находится призывъ къ уничтоженію имущества. Такимъ образомъ, газета снова могла появляться безпрепятственно. Второй фактъ, ставшій извѣстнымъ публикѣ, заключается въ томъ, что г-жа Кристабель Панкхёрстъ рѣшительно отклонила условія о печатаніи Suffragette, предложенныя Союзу милитантокъ вождемъ рабочей партіи (т. е. Рамсеемъ Макъ-Дональдомъ). Милитантки считаютъ рабочую партію своимъ врагомъ, а потому не хотятъ ея помощи. Suffragette опять появилась на улицахъ. „Правительство намъ устроило громадную рекламу, — читаемъ мы въ газетѣ. — Теперь всѣ знаютъ, что существуетъ Suffragette, и всѣ хотятъ читать журналъ“. Слово „всѣ“ нѣсколько не гармонируетъ съ фактомъ, что тиражъ, не смотря на пережитую бурю, упалъ до 7500 экземпляровъ.

Другая газета „умѣренныхъ милитантокъ“, „Votes of Women“, пустила слухъ, что британское правительство представило французскому правительству документы, доказывающіе, что милитантки подготовляютъ въ Парижѣ „заговоры“ противъ Англіи. Въ силу этого,—сообщала газета Votes for Women,—британское правительство требуетъ удаленія Кристабель Панкхёрстъ изъ предѣловъ республики. Г-жа Кристабель Панкхёрстъ въ ближайшемъ нумерѣ Suffragette ссылками на прецеденты доказала совершенно справедливый тезисъ, что изгнаніе милитантки явилось бы вопіющимъ нарушеніемъ права убѣжища. Черезъ нѣсколько дней появилось официальное сообщеніе, что слухъ, пущенный Votes for Women, лишенъ всякаго основанія: британское правительство не дѣлало никакихъ заявленій Французской республикѣ относительно г-жи Панкхёрстъ и не собирается дѣлать.

---

[1]) Da ly News, May 10, „The Suppression of Newspapers“.

Въ послѣднемъ нумерѣ Suffragette задается прави тельству вопросъ, на который, по мнѣнію газеты, невозможно отвѣтить. „Мы нѣсколько разъ спрашивали у правительства и спрашиваемъ теперь снова: почему оно отправляетъ въ тюрьму милитантокъ, гдѣ подвергаетъ ихъ пыткѣ, тогда какъ „милитантовъ“ Ольстерской провинціи оставляютъ въ покоѣ? Почему г-жа Панкхёрстъ освобождена досрочно съ ticket-of-leave и можетъ быть ежеминутно снова арестована? Почему семь суффражистокъ дожидаются теперь суда, тогда какъ агитаторы, подготовляющіе революцію въ Ольстерѣ, остаются безнаказанными? И если только правительство не желаетъ доказать, что есть одинъ законъ для мужчинъ, а другой для женщинъ, оно должно немедленно прекратить преслѣдованіе противъ г-жи Энни Кенни и остальныхъ милитантокъ, обвиняемыхъ теперь въ организаціи заговора“... Suffragette приводитъ дальше слова сэра Эдуарда Кёрсона, утверждающаго, что Ольстеръ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ гомруля. „Если явится необходимость,—сказалъ сэръ Эдуардъ, —и если кто нибудь дерзнетъ коснуться конституціи (т. е. если явится законъ о гомрулѣ. Д.—о.), то мы станемъ защищаться и пустимъ въ ходъ всю силу и все право, которыми надѣлилъ насъ Создатель“.

„Именно это говорятъ милитантки, — продолжаетъ Suffragettei.—Разница только въ томъ, что „посягательство на конституцію“, то есть лишеніе женщинъ избирательныхъ правъ, продолжается уже много вѣковъ. Мы знаемъ, конечно, что нѣкоторые дѣлаютъ различіе между новыми обидами и такими, которыя существуютъ уже вѣками; но *мы* этого различія не признаемъ. Недавняя обида такъ же больна, какъ и многовѣковая. „Если насъ заставятъ сопротивляться, а одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ намъ непріятна эта политика,—продолжаетъ сэръ Эдуардъ,—то вся отвѣтственность должна пасть на тѣхъ, которые насъ принудятъ къ сопротивленію. Мы добиваемся только элементарныхъ правъ; если на васъ нападаютъ, то естественное право каждаго—сопротивляться. Когда мы говоримъ о силѣ, мы подразумѣваемъ силу дисциплинированную [1]). Намѣчая наши будущіе планы, мы всегда имѣемъ въ виду возможность вмѣшательства силы. Но если намъ придется прибѣгнуть къ силѣ, то мы воспользуемся ею только для того, чтобы отразить всѣхъ, посягающихъ на элементарныя гражданскія права. Послѣднія мы получили отъ дѣдовъ и обязаны передать наслѣдство въ неприкосновенности нашимъ внукамъ“. Прекрасныя слова! — восклицаетъ Suffragette.—Но что сказать объ ихъ легальности? Для доказательства „моральнаго права“ на сопротивленіе сэръ Эдуардъ приводитъ

[1]) Оранжисты въ Ольстерѣ обучаются теперь гимнастикѣ и военному строю. По увѣренію вождей, эти обученныя маршировкѣ ольстерцы явятся солдатами во время будущей гражданской войны.

слова Авраама Линкольна: „Если большинство, пользуясь своею численностью, отниметъ у меньшинства конституціонныя права, то меньшинство имѣетъ, если не юридически, то морально, право взяться за оружіе“. Наше право — пребывать гражданами, посылающими представителей въ Имперскій парламентъ, — продолжаетъ сэръ Эдуардъ. Это—право, имѣющее жизненное значеніе. Въ случаѣ нарушенія его законнымъ явится то сопротивленіе, о которомъ говоритъ Авраамъ Линкольнъ. Suffragette находитъ, что это именно и есть планъ дѣйствій милитантокъ [1]).

Сэръ Эдуардъ Кёрсонъ, какъ тонкій законникъ, всесторонне изучившій всѣ судебные „прецеденты“ и толкованія судей о томъ, что такое „мятежныя рѣчи“, ловко балансируетъ на самой границѣ между дозволеннымъ и недозволеннымъ. На первый взглядъ, сэръ Эдуардъ призываетъ къ революціи, но сколько-нибудь внимательный анализъ рѣчей показываетъ, что тутъ „комаръ носа не подточитъ“. Ораторъ говоритъ о томъ, что должно съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться тѣмъ, которые хотятъ нарушить конституцію. Именно это сдѣлали англичане, когда прогнали послѣдняго Стюарта (Якова II). И это не только не считается преступленіемъ, но заслугой. Сэръ Эдуардъ Кёрсонъ ни разу не формулировалъ свою мысль такъ: „Если парламентъ приметъ законопроектъ, и если король утвердитъ его, то я призову Ольстеръ къ оружію“. Это *могло* бы быть истолковано, какъ мятежная рѣчь. Я говорю въ сослагательномъ наклоненіи потому, что „бунтъ“ есть возстаніе противъ *существующаго* закона; но если законъ еще не существуетъ, то естественно не можетъ быть призыва къ возстанію противъ него. Гомруль покуда еще *законопроектъ*, а не законъ, поэтому всѣ „страшныя“ слова о сопротивленіи, какъ бы они ни были формулированы, юридически (въ Англіи) не могутъ заключать состава преступленія. А сэръ Эдуардъ Кёрсонъ, къ тому же, очень остороженъ при выборѣ формулы. Между ольстерцами и милитантками не можетъ быть общаго еще потому, что первые только говорятъ, а вторыя жгутъ и бьютъ.

Послѣдній нумеръ Suffragette наполненъ замѣтками о предстоящемъ большомъ праздникѣ милитантокъ въ „Empress Rooms“. „Праздникъ суффражистокъ [2]) обѣщаетъ быть сенсаціей лѣтняго сезона,—читаемъ мы на 528 страницѣ статью, набранную жирнымъ шрифтомъ.—Наше торжество явится великолѣпнымъ средствомъ пропаганды. Empress Rooms будутъ совершенно преобразованы и приведутъ всѣхъ въ восторгъ. Входъ будетъ изображать старинный деревенскій амбаръ. Свѣтъ тамъ будетъ уменьшенъ. Для реализма въ одномъ углу будетъ стоять возъ сѣна, который при ближайшемъ

---

[1]) The Suffragette, „Ulster Militancy“, May 23, стр. 526.

[2]) Милитантки, говоря о себѣ, продолжаютъ пользоваться новымъ, вульгарнымъ, залихватскимъ словомъ Suffragette, придуманнымъ газетными репортерами.

изслѣдованіи окажется буфетомъ. Въ противоположномъ концѣ амбара будетъ цвѣточная выставка. На темномъ фонѣ ярко подобранные цвѣты произведутъ поразительное впечатлѣніе. Садъ, прилегающій къ залѣ, превратится въ нѣчто волшебное и фантастическое". Дальше мы читаемъ про цѣлый рядъ side-shows, т. е. про множество особыхъ зрѣлищъ, устроенныхъ на выставкѣ. Мы узнаемъ, въ какихъ платьяхъ должны явиться милитантки. Мы находимъ увѣдомленіе, что „знатныя" милитантки должны быть при всѣхъ регаліяхъ. Отличаясь любовью къ рекламѣ, что больше всего поражаетъ русскаго наблюдателя, знающаго революціонные кружки, милитантки ввели ленты для всѣхъ членовъ, особые дипломы для каждой суффражистки, побывавшей въ тюрьмѣ, особыя медали для участвовавшихъ въ голодномъ бунтѣ и „почетныя брошки" для рецидивистокъ.

V.

Между тѣмъ, въ то время, когда милитантки, идя въ сторону наименьшаго смысла, жгли все, что могли поджечь, и взрывали обсерваторіи, приводя всѣмъ этимъ въ отчаянье феминистокъ,—въ парламентъ былъ внесенъ Диккинсономъ билль о политическомъ равноправіи женщинъ. Читатели *Русскаго Богатства* знакомы уже съ исторіей этого законопроекта. Въ мартѣ 1907 года Диккинсонъ внесъ законопроектъ, распространяющій нынѣ дѣйствующій избирательный законъ и на женщинъ; но биллю не дали хода (По парламентской терминологіи онъ былъ „talked out", т. е. „заговоренъ"). Осенью того же 1907 года Диккинсонъ опять внесъ билль о женскихъ правахъ, и законопроектъ дальше перваго чтенія не подвинулся впередъ. Въ 1908 году коммонеръ Стэнджеръ внесъ свой билль о политическомъ равноправіи женщинъ, который обсуждался палатой во второмъ чтеніи 28 февраля. Тогда выяснилось, что демаркаціонная линія, отдѣляющая суффражистовъ отъ антисуффражистовъ, не совпадаетъ съ линіей, отдѣляющей политическія партіи. За билль высказались радикалы и консерваторы. Въ рядахъ тѣхъ, которые говорили противъ билля, были тоже консерваторы и либералы, но суффражистовъ оказалось неизмѣримо больше, и билль Стэнджера былъ принятъ во второмъ чтеніи подавляющимъ большинствомъ въ 179 голосовъ (271 противъ 92).

Правительство тогда заявило, что собирается внести законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Къ этому биллю,—сказалъ Аскитъ,—суффражисты, если захотятъ, смогутъ внести соотвѣтственную поправку. Въ мартѣ того же года другой коммонеръ Джефри Говардъ внесъ законопроектъ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ. Девятнадцатаго марта билль Говарда былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ въ 35 голосовъ (157 противъ 122). Въ 1910 году, послѣ всеобщихъ январскихъ выборовъ суффражисты внесли въ парламентъ такъ называемый *примири-*

рительный билль, проектировавшій дать избирательныя права только независимымъ женщинамъ (около милліона). Дебаты по поводу второго чтенія продолжались два дня, 11 и 12 іюля, и въ результатѣ билль принятъ большинствомъ въ 109 голосовъ (299 противъ 190); но постатейному обсужденію билля помѣшало заявленіе премьера о томъ, что палата будетъ скоро обсуждать другой избирательный законопроектъ. Въ началѣ 1911 года примирительный билль снова былъ внесенъ въ слегка измѣненной формѣ, чтобы пойти на встрѣчу замѣчаніямъ, сдѣланнымъ Ллойдъ-Джорджемъ. Пятаго мая 1911 года палата подавляющимъ большинствомъ 255 голосовъ противъ 88 приняла во второмъ чтеніи измѣненный примирительный билль. Большинство, голосовавшее за женское равноправіе, составилось изъ 145 либераловъ, 53 консерватора, 31 ирландецъ и 26 рабочихъ. Въ меньшинствѣ оказались: 36 либераловъ, 43 консерватора и 9 ирландцевъ. Мы видимъ, что пропаганда идеи женскаго равноправія давала все болѣе и болѣе благопріятные результаты. Въ Гайдъ-паркѣ громадная толпа внимательно выслушивала аргументы суффражистокъ, много апплодировала „Кристи" (г-жѣ Кристабель Панкхёрстъ) и только добродушно смѣялась, когда „генералиссимусъ" г-жа Дрёммондъ, въ бѣломъ мундирѣ, потрясая золотыми эполетами, кричала съ платформы, что каждый возстающій противъ женскаго равноправія „cad" (негодяй).

Въ нижней палатѣ суффражисты становились все сильнѣе и сильнѣе. Но вотъ милитантки, исходя изъ положенія, что права имѣютъ значеніе только тогда, когда ихъ берутъ силой, открыли „кампанію стеклобитія". И вотъ результаты. Въ мартѣ 1912 года примирительный билль опять внесенъ въ парламентъ и *отклоненъ* большинствомъ 222 голосовъ противъ 208.

Дальнѣйшую судьбу билля о женскомъ равноправіи читатели *„Русскаго Богатства"* уже знаютъ (См. статью *Два билля*, „Р. Б.", 1913, II).

Билль о женскомъ равноправіи, внесенный въ парламентъ 6 мая текущаго года Диккинсономъ, составленъ по образцу норвежскаго закона и предлагаетъ дать избирательныя права всѣмъ независимымъ женщинамъ, достигшимъ 25 лѣтъ, а также всѣмъ женамъ избирателей. Этотъ законопроектъ болѣе радикаленъ, чѣмъ аналогичный билль, предложенный раньше консерваторомъ Литльтономъ (избирательныя права получаетъ милліонъ независимыхъ женщинъ), но болѣе умѣренъ, чѣмъ билль, отстаиваемый рабочими (всеобщее и равное избирательное право). Аскитъ обѣщалъ, что при обсужденіи билля всѣмъ либераламъ предоставлена будетъ полная свобода высказаться и голосовать, внѣ зависимости отъ партіи. Дѣйствительно, законопроектъ раскололъ не только рядовыхъ либераловъ, но и кабинетъ. Два важнѣйшихъ члена министерства, премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, очутились въ противоположныхъ лагеряхъ. Въ первый день дебаты прошли крайне вяло. Ораторы, до-

казывавшіе, что женщинамъ надо дать избирательныя права или утверждавшіе противоположное, имѣли передъ собою иногда аудиторію, состоявшую только изъ четырнадцати человѣкъ. Диккинсонъ, внося свой билль, выразилъ сожалѣніе, что противъ законопроекта высказываются коммонеры, стоящіе за всеобщее мужское избирательное право. Милитантки нанесли движенію сильный ударъ; но путемъ преслѣдованія ихъ,—продолжалъ Диккинсонъ,—нельзя остановить стремленія женщинъ вообще къ избирательнымъ урнамъ. Горячимъ защитникомъ политическаго равноправія женщинъ выступилъ лордъ Генри Кавендишъ-Бинтинкъ. Онъ указалъ на высокія достоинства англійскихъ работницъ и женъ работниковъ. Въ каждомъ избирательномъ округѣ,—сказалъ ораторъ,— есть тысячи коттеджей, въ которыхъ семьи сводятъ концы съ концами только вслѣдствіе благоразумія и экономіи хозяекъ. Эти женщины, благодаря своей практичности и здравому смыслу, были бы въ высшей степени полезными совѣтчицами при обсужденіи многихъ соціальныхъ вопросовъ. Въ настоящее время положеніе работницъ въ Англіи крайне неудовлетворительно. И оно не можетъ измѣниться до тѣхъ поръ, покуда трудящаяся женщина не будетъ допущена къ избирательнымъ урнамъ. Противъ билля въ первый день выступили консерваторы Арнольдъ Уордъ и Грантъ да либералъ Бекъ.

„Билль, если станетъ закономъ, увеличитъ списки избирателей на шесть милліоновъ, — сказалъ Уордъ.—Коммонеры должны хорошенько подумать о возможныхъ послѣдствіяхъ“. По мнѣнію оратора, принятіе билля будетъ истолковано въ странѣ какъ побѣда милитантокъ, какъ капитуляція британскаго парламента передъ г-жей Панкхёрстъ и передъ „генералиссимусомъ“ Дрёммондъ. Избиратели не простятъ парламенту подобнаго малодушія. Коммонеръ Бекъ (либералъ), поддерживая отклоненіе билля, привелъ такія соображенія, въ силу которыхъ женщины не должны участвовать въ парламентскихъ выборахъ. Всюду наиболѣе тяжелую, опасную и отвѣтственную работу выполняютъ мужчины,—вотъ почему на ихъ плечахъ и должна лежать отвѣтственность за контроль надъ государственными дѣлами. Что касается милитантокъ, то, по мнѣнію Бека, избирательныя права ихъ не удовлетворятъ: суффражетки, несомнѣнно, выдвинутъ еще новыя требованія и для достиженія ихъ пустятъ въ ходъ тѣ же методы борьбы. Коммонеръ Грантъ (консерваторъ), возставая противъ билля, сказалъ, что женщины не удовлетворятся тѣмъ, что шесть милліоновъ изъ нихъ получатъ избирательныя права; но будутъ агитировать до тѣхъ поръ, покуда *каждая* будетъ имѣть голосъ. А такъ какъ въ Англіи женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, то всѣ 670 мѣстъ въ парламентѣ будутъ захвачены дамами. „Представляете ли вы себѣ весь ужасъ положенія, которое создастся тогда, когда судьбы величайшей въ

мірѣ имперіи всецѣло окажутся въ рукахъ женщинъ!"—трагически воскликнулъ коммонеръ.

Первый день дебаты, какъ я сказалъ, прошли крайне вяло; но на другой день выступили вожди партій (big guns, т. е. тяжелая артиллерія, по парламентской терминологіи), и палата наполнилась. Въ защиту билля выступилъ министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грэй. Онъ напомнилъ, что уже двадцать лѣтъ тому назадъ выступилъ въ защиту билля о женскомъ равноправіи. Коммонеры нѣсколько разъ уже принимали во второмъ чтеніи законопроектъ о дарованіи женщинамъ избирательныхъ правъ; неужели же теперь палата перемѣнитъ собственное рѣшеніе?—спросилъ сэръ Эдуардъ.—Парламентъ не долженъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что онъ легко относится къ важнымъ вопросамъ. Въ основѣ парламентской политики лежатъ теперь демократическіе принципы, а истинный демократизмъ не совмѣстимъ съ лишеніемъ половины населенія избирательныхъ правъ. Въ Англіи — двѣ націи,—продолжалъ сэръ Эдуардъ: — нація мужчинъ и нація женщинъ. Каждая секція первой націи имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ, потому что мы — демократія. Неужели вы станете утверждать, что другая нація должна пребывать въ постоянномъ подчиненіи, не имѣя своихъ представителей въ парламентѣ?

Сэръ Эдуардъ съ жаромъ, несвойственнымъ этому холодному и спокойному оратору, опровергъ утвержденіе, что политика—не женское дѣло. „А пять милліоновъ женщинъ, живущихъ трудами своихъ рукъ? Неужели не должно быть услышано ихъ мнѣніе, какъ вести государственныя дѣла?—воскликнулъ сэръ Эдуардъ.—Неужели доля этихъ пяти милліоновъ легче мужской доли? Нѣтъ, она тяжелѣе. Ихъ борьба за существованіе труднѣе. Вы говорите, что парламентъ и теперь дѣлаетъ для женщинъ все, что можетъ быть сдѣлано. Какъ вы знаете это? Увѣрены ли вы въ этомъ? До тѣхъ поръ, покуда женщины не высказались на выборахъ, мы не знаемъ, чего онѣ хотятъ. Затѣмъ косвенные результаты политическихъ правъ (развитіе самосознанія) еще важнѣе прямыхъ послѣдствій". Любимый аргументъ анти-суффражистовъ, это то, что женщины не понимаютъ вопросовъ иностранной политики. Сэръ Эдуардъ указалъ на то, что онъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, требуетъ, чтобы женщины участвовали въ обсужденіи вопросовъ и иностранной политики. Въ концѣ концовъ, послѣдняя не труднѣе, чѣмъ вопросы экономическіе. Затѣмъ антисуффражисты утверждаютъ, что женщины не должны имѣть политическихъ правъ, такъ какъ не участвуютъ въ защитѣ отечества. Но развѣ женщины не страдаютъ во время войны? — спросилъ сэръ Эдуардъ. — И эти страданія не менѣе сильны, чѣмъ тѣ, которыя переносятъ солдаты на полѣ битвы. Забота о семейномъ очагѣ, дѣторожденіе и воспитаніе потомства имѣетъ такое же важное значеніе для государства, какъ и защита его съ оружіемъ въ

рукахъ. Демократіи не можетъ быть тамъ, гдѣ женщины не имѣютъ одинаковыхъ политическихъ правъ съ мужчинами...

Настала очередь Аскита. Выступая противъ билля, премьеръ указалъ на то, что законопроектъ призвалъ бы къ избирательнымъ урнамъ шесть милліоновъ новыхъ избирателей. Такая масса не была призвана ни однимъ изъ предшествовавшихъ избирательныхъ законовъ. Парламентъ не имѣетъ полномочія отъ страны на такую радикальную реформу. Нижняя палата должна трижды подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на такую революціонную мѣру. Будутъ ли законы болѣе уважаться; обогатится ли общественная и семейная жизнь; улучшатся ли нравы, въ томъ числѣ рыцарское отношеніе къ женщинѣ и уваженіе къ ней, если пройдетъ обсуждаемый законопроектъ? На всѣ эти вопросы Аскитъ отвѣтилъ отрицательно. Затѣмъ, по мнѣнію премьера, нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что большинство англійскихъ, ирландскихъ и шотландскихъ женщинъ дѣйствительно хотятъ избирательныхъ правъ. Опросы и голосованія, произведенныя въ разныхъ избирательныхъ округахъ, доказали противоположное. Парламентъ и теперь отстаиваетъ интересы женщинъ, хотя онѣ не участвуютъ въ выборахъ.

Цѣлый рядъ коммонеровъ, выступавшихъ противъ билля, ссылались на милитантство: „Смотрите на женскую логику, проявившуюся въ этомъ движеніи,—говорили они.—Неужели вы довѣрите судьбы государства этимъ людямъ, мыслящимъ такъ, какъ генералиссимусъ Дрёммондъ или какъ г-жа Панкхёрстъ“? Читатели видятъ, что анти-суффражисты не могли привести ни одного сколько-нибудь разумнаго аргумента, почему женщины не должны быть допущены къ избирательнымъ урнамъ. Противники билля систематически не обращали вниманія на то, что, хотя милитанство совершенно нелѣпо и идетъ въ сторону наименьшаго смысла, но оно представляетъ лишь *незначительную* часть громаднаго движенія. Осуждая раздраженіе милитантокъ, коммонеры сами поддались этому чувству. Диккинсоновскій билль, пущенный на голоса, отвергнутъ большинствомъ въ 266 голосовъ противъ 219. За билль голосовали: 151 либералъ, 22 консерватора, 34 рабочихъ и 12 ирландцевъ. Кабинетъ тоже раздѣлился: за билль голосовали министры иностранныхъ дѣлъ, финансовъ (Ллойдъ-Джорджъ), юстиціи (сэръ Руфусъ Айзексъ), статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи (Биррель), министръ земледѣлія и др. Многіе изъ этихъ министровъ не разъ подвергались нападенію со стороны милитантокъ. Въ прошломъ году молодая милитантка лягнула старика Бирреля ногой въ колѣно, и въ результатѣ министръ хромаетъ до сихъ поръ; на Ллойдъ-Джорджа произведенъ рядъ нападеній. Противъ билля голосовали премьеръ, министры внутреннихъ дѣлъ (Макъ-Кенна), народнаго просвѣщенія, почтъ и телеграфовъ (Гербертъ Сэмюэль), морской (Черчиль) и колоній (Гаркортъ). Вожди консервативной партіи уклонились отъ голосованій, хотя ихъ счи-

тали „суффражистами“. Эти результаты показываютъ, между прочимъ, всю нелогичность милитантокъ, объявившихъ, что либеральное правительство ихъ злѣйшій врагъ.

Закончу выдержкой изъ статьи Шиллито (Shillito), заключающей въ себѣ взглядъ, хорошо извѣстный читателямъ *Русскаго Богатства*. „Ничто такъ не обнаруживаетъ величія характера, какъ готовность уступить въ надлежащій моментъ. Это умѣнье является пробнымъ камнемъ, какъ для правителя, такъ и для скромнаго учителя. Упрямство есть проявленіе не силы, а слабости. Упрямство Стюартовъ повело къ катастрофѣ. Вслѣдствіе упрямства Георга III Англія потеряла американскія колоніи. Съ другой стороны, герцогъ Веллингтонъ проявилъ въ 1832 году дѣйствительную силу, когда, понявъ моментъ, посовѣтовалъ королю уступить и согласиться на реформу“ [1]). Авторъ доказываетъ, что парламентъ проявитъ дѣйствительную силу, когда приметъ билль о женскомъ равноправіи, не смотря на ирраціональныя выступленія милитантокъ. Шиллито напоминаетъ, что, въ концѣ-концовъ, суффражистское движеніе неизмѣримо шире милитантскаго.

Діонео.

Борьба за политическое равенство въ Бельгіи.

(1830—1913).

I.

Въ то время, какъ во Франціи, лѣтомъ 1830 г., развертывались событія, низвергшія династію Бурбоновъ, въ сосѣдней Бельгіи бывшей со времени Вѣнскаго конгресса частью Нидерландовъ, правительство устраивало торжество за торжествомъ. Офиціальнымъ предлогомъ тому служила выставка въ Брюсселѣ. Тайною же цѣлью было желаніе отвлечь недовольный народъ отъ подражанія французамъ. Особо пышныя торжества готовились къ 24 августа—дню рожденія короля Вильгельма I. Въ Брюсселѣ къ этому моменту предполагалось устроить великолѣпный, дорогой фейерверкъ, а также рядъ безплатныхъ театральныхъ представленій. Власти надѣялись, что зрѣлища сдѣлаютъ свое дѣло, и были спокойны. Онѣ не особенно даже встревожились, когда утромъ въ день торжества нашли на многихъ углахъ и перекресткахъ расклеенную афишу, содержащую слѣдующія три строки:

Въ понедѣльникъ фейерверкъ;
Во вторникъ иллюминація;
Въ среду революція.

---

[1]) „Everyman“, May 23, стр. 165.

Афиша, однако, оказалась пророческой. Событія такъ поспѣшили, что до иллюминаціи дѣло и не дошло, а 26-го августа въ городской брюссельской ратушѣ уже засѣдало временное правительство, которому чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ удалось одолѣть королевскія войска, затѣмъ созвать учредительное собраніе и при его помощи объявить страну независимою, а членовъ Нассау-Оранской фамиліи лишенными на вѣчныя времена власти.

Такъ родилась новая, современная намъ, независимая Бельгія. Главнѣйшую роль игралъ въ этомъ, конечно, народъ. Онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, онъ проливалъ кровь, защищая вольности страны отъ натиска королевскихъ войскъ. И, казалось бы, онъ долженъ былъ получить и всю полноту политическихъ правъ. Этого, однако, не случилось. При голландскомъ управленіи члены первой палаты генеральныхъ штатовъ назначались королемъ, члены же второй избирались путемъ косвенныхъ выборовъ: депутатовъ избирали члены провинціальныхъ управленій, въ большей своей части сами избираемые путемъ двухстепенныхъ выборовъ. Когда временному революціонному правительству пришлось созывать учредительное собраніе, оно не нашло возможнымъ сохранить дѣйствовавшую до тѣхъ поръ систему выборовъ. Она была слишкомъ непопулярна, чтобъ привлечь симпатіи и придать устойчивость постановленіямъ собранія. Были опасенія, что собранный такимъ путемъ конгрессъ можетъ даже осудить всю революцію. Но, съ другой стороны, временное правительство не довѣряло и народнымъ массамъ. Составленное исключительно изъ именитыхъ, привилегированныхъ лицъ, оно боялось демократіи и ея требованій: эта демократія могла направить всю революцію совершенно въ иную, нежелательную сторону. Примѣръ Франціи былъ у многихъ еще въ памяти.

Въ концѣ-концовъ временное правильство разрѣшило этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, оно приняло систему прямыхъ выборовъ, что, по его мнѣнію, должно было дать учредительному собранію видъ настоящаго національнаго представительства. Съ другой—оно сохранило кадры прежнихъ выборщиковъ въ провинціальные штаты, понизивъ лишь нѣсколько высокій имущественный цензъ въ деревняхъ. Къ нимъ оно прибавило еще группу избирателей, отъ которыхъ никакого имущественнаго ценза не требовалось, но которые должны были или обладать опредѣленнымъ дипломомъ, или занимать опредѣленную должность. Сюда входили: судьи, адвокаты, нотаріусы, доктора философіи, естественныхъ наукъ и медицины, высшіе чиновники и священнослужители. Такой составъ учредительнаго собранія, которому предстояло выработать начала конституціи и постоянный избирательный законъ, вполнѣ предопредѣлялъ объемъ и содержаніе послѣдняго. Дѣйствительность оказалась даже худшею, чѣмъ можно было ожидать.

Національный конгрессъ пошелъ еще далѣе въ направленіи

отъ демократіи, чѣмъ временное правительство и избранная имъ для выработки проекта конституціи коммиссія. Послѣдняя предлагала не включать въ основной законъ никакихъ условій, опредѣляющихъ избирательныя права гражданъ, а предоставить это особому избирательному закону, который могъ бы быть измѣняемъ въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ. Наряду съ этимъ коммиссія предлагала сохранить въ такомъ законѣ вмѣстѣ съ имущественнымъ цензомъ также цензы служебный и дипломный. Но конгрессъ отвергъ эти предложенія. Онъ призналъ лишь имущественный цензъ и внесъ въ самый конституціонный законъ двѣ слѣдующихъ статьи:

Ст. 47. Палата представителей составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ непосредственно гражданами, платящими опредѣленный избирательнымъ закономъ цензъ, который не можетъ ни превышать 100 флориновъ (80 руб.) прямого налога, ни быть ниже 20 флориновъ (15 руб.).

Ст. 53. Члены сената избираются, въ соотвѣтствіи съ населеніемъ каждой провинціи, гражданами, которые избираютъ и членовъ палаты представителей. Такимъ путемъ избирательная система была въ значительной степени забронирована. Законодательныя учрежденія могли производить въ ней тѣ или иныя перемѣны, но лишь въ предѣлахъ, указанныхъ приведенными статьями. Выходъ же за предѣлы статей былъ связанъ съ пересмотромъ конституціи, для чего требовался каждый разъ особый созывъ палатъ, а въ нихъ согласіе квалифицированнаго большинства, именно, по крайней мѣрѣ, двухъ третей голосовъ. Какъ увидимъ ниже, включеніе этихъ двухъ параграфовъ въ основной законъ оказалось роковымъ.

По вотированіи конституціи конгрессъ вскорѣ же приступилъ къ разсмотрѣнію избирательнаго закона и 5 марта 1831 года утвердилъ таблицу, по которой цензъ, дававшій право быть избирателемъ, былъ установленъ различно для каждой изъ 9 бельгійскихъ провинцій, варьируя отъ 80 до 20 фл. Всѣ попытки, дѣлавшіяся въ цѣляхъ понизить цензъ и довести его повсюду до установленнаго конституціею минимума, если не для всѣхъ, то хотя бы для нѣкоторыхъ категорій гражданъ, потерпѣли неудачу. Ни на какія дальнѣйшія уступки конгрессъ не хотѣлъ идти и всѣ такія предложенія отвергъ.

Законъ 5 марта просуществовалъ безъ всякихъ измѣненій цѣлыхъ 17 лѣтъ. За весь этотъ промежутокъ времени была всего одна попытка измѣнить его, и притомъ весьма скромная. Но и та потерпѣла неудачу. Это было въ 1847 году. Вопросъ шелъ тогда о пониженіи ценза до 20 флориновъ для той категоріи гражданъ, которая значилась въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, т. е. всего для какихъ-нибудь 1.200 человѣкъ! Не смотря на всю свою скромность, эта реформа не могла собрать въ парламентѣ нужнаго большинства. Одни, болѣе радикально настроенные депу-

таты, находили ее слишкомъ узкой. Другіе считали вообще неумѣстными какія бы то ни было перемѣны въ дѣйствовавшей системѣ. Третьи были противъ, изъ опасенія, что реформа дастъ преимущества городамъ передъ деревней. Въ концѣ концовъ проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 48 голосовъ противъ 22. Вскорѣ послѣ того въ Бельгіи происходили выборы. На нихъ либералы одержали побѣду и впервые образовали чисто либеральное, а не смѣшанное, какъ было до тѣхъ поръ, министерство, во главѣ котораго всталъ Рожье.

Новый кабинетъ счелъ нужнымъ произвести избирательную реформу и съ этою цѣлью внесъ въ парламентъ то же самое предложеніе, которое было отвергнуто незадолго до появленія его у власти. Пріемъ проекту былъ прежній. Противъ него снова полились безконечныя рѣчи. Чтобы успокоить страшившуюся новшества палату, дошедшую до требованія произвести предварительно анкету, чтобы точно знать, сколько реформа дастъ новыхъ избирателей въ деревнѣ и сколько въ городѣ, авторъ предложенія, министръ Рожье, выступилъ съ слѣдующимъ заявленіемъ о своей умѣренности: „Я всегда останусь въ разумныхъ границахъ, которыя себѣ начерталъ, и никогда не позволю увлечь себя за ихъ предѣлы“.

Эти завѣренія министра были произнесены 25 февраля 1848 г. А черезъ три дня тотъ же Рожье принужденъ былъ взять свой проектъ обратно и внести вмѣсто него новый, по которому пониженіе избирательнаго ценза до установленнаго конституціею минимума распространялось уже на всѣхъ безъ исключенія гражданъ, т. е. вмѣсто 1.200 человѣкъ имъ привлекались разомъ къ участію въ политической жизни новые 25.000-30.000 избирателей. Этотъ расширенный проектъ уже 4 марта единогласно одобряется палатою, а 9-го единогласно же сенатомъ и такимъ образомъ становится закономъ. Народные представители забыли совершенно и объ анкетѣ, и о всѣхъ своихъ возраженіяхъ.

Почему же, спрашивается, Рожье такъ быстро измѣнилъ свои взгляды на „разумныя границы“? Чѣмъ объяснить столь необыкновенную поспѣшность въ проведеніи закона? За отвѣтомъ на эти вопросы не приходится ходить далеко. Въ то время, какъ бельгійскій либеральный министръ произносилъ фразу о разумныхъ границахъ и объ умѣренности, неразумный и неумѣренный парижскій плебсъ ниспровергалъ тронъ Людовика-Филиппа, учреждалъ на развалинахъ іюльской монархіи Вторую республику и добывалъ себѣ на баррикадахъ полное политическое равенство. А въ то время, какъ бельгійскія законодательныя учрежденія спѣшили во чтобы то ни стало поскорѣе вотировать новый законопроектъ, о которомъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ никто изъ нихъ и не помышлялъ, на нѣмецкой территоріи учреждался комитетъ Семи, которому поручалось совершеніе революціоннаго акта—созывъ во Франкфуртѣ безъ всякаго согласія правительства подготовительнаго парламента.

Вотъ и все объясненіе! Какъ независимость Бельгіи, такъ и первая серьезная реформа ея избирательной системы совершились подъ воздѣйствіемъ побѣдоносныхъ революціонныхъ движеній—въ первомъ случаѣ Франціи, а во второмъ Франціи и отчасти Германіи.

Впослѣдствіи правительство Рожье подвергалось неоднократно нападкамъ за необычайно быстрое проведеніе реформы. А одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ и самый виднѣйшій изъ бельгійскихъ государственныхъ дѣятелей, либералъ Фрэръ-Орбанъ, еще въ 1870 г. высказывалъ сожалѣніе, что эта реформа вообще была проведена. Но такъ разсуждать можно, когда политическій горизонтъ ясенъ: въ моменты успокоенія, какъ извѣстно, даже отъявленные трусы въ лагерѣ реакціи храбрѣютъ, а люди власть имущіе берутъ назадъ свои обѣщанія или силою отнимаютъ сдѣланныя уступки. Такъ въ мартѣ 1848 г. Фридрихъ Вильгельмъ IV прусскій привѣтствовалъ съ высоты балкона своего дворца трупы разстрѣлянныхъ его войсками гражданъ, принужденный къ тому не совсѣмъ почтительными криками толпы „шапку долой", и затѣмъ торжественно ѣздилъ по Берлину въ знакъ того, что онъ становится во главѣ объединительнаго движенія. А въ ноябрѣ онъ же объявляетъ Берлинъ на военномъ положеніи, приказываетъ войскамъ занять залъ засѣданій учредительнаго собранія и въ концѣ-концовъ распускаетъ это собраніе...

Подправленная столь быстро въ 1848 г. избирательная система Бельгіи оказалась весьма прочной. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что съ проведеніемъ ея былъ достигнутъ тотъ предѣлъ, который положила перемѣнамъ конституція. Идти далѣе по пути демократизаціи избирательнаго права при посредствѣ обыкновеннаго законодательства уже было нельзя. Теперь могла заходить рѣчь лишь о пересмотрѣ конституціи, а не о реформѣ,—что̀ было сложнѣе и технически труднѣе. А, главнымъ образомъ, не народилось еще такой общественной силы, которая могла бы принудить правительство къ конституціонному пересмотру. Буржуазія не была въ томъ заинтересована: власть и безъ того находилась въ ея рукахъ. Крестьянство, какъ классъ, и промышленные рабочіе были неорганизованы и слабы. И Бельгія прожила при новой системѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ 45 лѣтъ.

Однако все это время дѣлались попытки измѣнить избирательный законъ, а еще чаще того измѣнялся составъ избирателей—и все больше въ сторону уменьшенія ихъ числа—обходными путями. Дѣйствительно, разъ избирательное право основывалось на имущественномъ цензѣ, всякія измѣненія въ финансовыхъ и въ частности налоговыхъ законахъ должны были отражаться на числѣ избирателей. Бывшія въ то время въ Бельгіи двѣ политическихъ партіи—либеральная и католическая—такъ и дѣйствовали. Такъ, когда закономъ 24 ноября 1871 г. былъ уничтоженъ государственный налогъ на мѣста потребленія спиртныхъ напитковъ, многіе

владѣльцы ихъ потеряли избирательныя права. Въ еще большей мѣрѣ произвелъ это дѣйствіе законъ 1 августа 1878 г. По буквѣ его, всѣ чиновники, занимавшіе казенныя, коммунальныя и провинціальныя помѣщенія или получавшіе вмѣсто нихъ соотвѣтствующія вознагражденія, были освобождены отъ личнаго въ этой части налога. Такимъ путемъ, по вычисленію самихъ авторовъ закона, лишались избирательныхъ правъ 130 чиновниковъ и 1.600 клириковъ. Другими постановленіями того же закона лишались правъ 11% деревенскихъ избирателей. Такое же точно значеніе имѣли: законъ 26 іюля 1879 г., уничтожившій налогъ на прислугу, состоявшую въ родствѣ съ главою дома; законъ 30 іюля 1881 г., разрѣшавшій платить патентъ только лицамъ, занимавшимся обычно такою профессіею, которая требовала выборки патента; законъ 6 августа того же года, облегчавшій условія натурализаціи. Наконецъ, и нѣкоторыя измѣненія въ законодательствѣ о мѣстныхъ выборахъ вліяли на составъ парламентскихъ избирателей. Всѣми такими обходными путями количество избирателей было сокращено по вычисленіямъ однихъ на 10.000 ч., а по удостовѣренію другихъ даже на 60.000. Замѣтимъ кстати, что въ эпоху господства либераловъ пострадали католическіе избиратели.

Что касается попытокъ измѣнить самую основу избирательнаго права, то въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ въ 1870 г. Еще на выборахъ этого года радикалы выставили въ своей программѣ ближайшихъ требованій пересмотръ ст. 47 и 53 конституціи. Но предложеніе объ этомъ въ палатѣ было отвергнуто. Въ 1883 г. то же самое предложеніе снова было внесено въ палату (недавно умершимъ) Полемъ Жансономъ, котораго сами соціалисты называютъ отцомъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Отвергнутое въ 1885 г., это предложеніе было повторено Жансономъ въ 1887 г., послѣ крупныхъ рабочихъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бельгіи въ 1886 г., но и на этотъ разъ съ тѣмъ же неуспѣхомъ. Въ ноябрѣ 1890 г. Жансонъ снова возвращается къ своей мысли и снова вноситъ предложеніе о пересмотрѣ. Предложенію этому предшествовала огромная манифестація рабочихъ, показавшая ясно, что господству ценза окончательно наступаетъ конецъ.

Во время обсужденія руководитель католическаго правительства, премьеръ Бернартъ, лично вполнѣ желавшій провести реформу, убѣдилъ поддерживавшую его правую принять предложеніе во вниманіе. „Такъ какъ, — сказалъ онъ при этомъ, — спустя всего три года мы уже снова находимся передъ предложеніемъ 1887 г.; такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ случаѣ отказа разсмотрѣть его, оно скоро опять будетъ возобновлено, то было бы лучше, еслибъ вопросъ былъ изученъ и обсужденъ со всѣхъ сторонъ палатою, которую должны вдохновлять лишь обязан-

ности по отношенію къ странѣ и ея интересамъ. По моему мнѣнію, положеніе вещей требуетъ прежде всего полной искренности". Палата приняла единогласно предложеніе во вниманіе, но какъ католики, такъ и либералы оставили за собою полную свободу дѣйствій. Лидеры обѣихъ партій, Вустъ и Фрэръ-Орбанъ, заявили даже, что они приняли предложеніе единственно съ цѣлью дать себѣ удобный случай напасть на самое существо идеи предлагаемой реформы.

Этимъ реакціоннымъ вожделѣніямъ не удалось, однако, сбыться. Они задержали на нѣкоторое время пересмотръ, исказили нѣсколько реформу, но въ концѣ концовъ она все-таки была проведена. Времена теперь оказались не тѣ, что были при завоеваніи независимости и первой избирательной реформѣ. За этотъ долгій промежутокъ времени физіономія страны сильно измѣнилась. Наряду съ двумя буржуазными политическими партіями, раздѣлявшими до сихъ поръ между собою власть, на горизонтѣ появилась новая общественная сила--организованный пролетаріатъ. Онъ не обладалъ гражданскимъ равноправіемъ. Пониженный въ 1848 г. избирательный цензъ былъ еще настолько высокъ, что не давалъ рабочимъ массамъ доступа къ урнамъ. Поэтому въ парламентѣ у пролетаріата не было своихъ собственныхъ представителей. Не смотря, однако, на это, значеніе его съ каждымъ годомъ увеличивалось, а вліяніе уже чувствовалось. Вскорѣ онъ приступилъ даже къ открытой борьбѣ съ заграждавшимъ ему путь препятствіемъ, начавъ этотъ походъ противъ политическаго неравенства скромными заявленіями, а вскорѣ дойдя до митинговъ и манифестацій, порою мирныхъ, порою бурныхъ, иногда скромныхъ, иногда величественныхъ.

Одна изъ такихъ мирныхъ манифестацій оставила особенно глубокій слѣдъ. Она была устроена въ Брюсселѣ 15 августа (н. с.) 1890 г. Свыше 100.000 человѣкъ явилось на нее, какъ изъ самой бельгійской столицы, такъ и изъ разныхъ угловъ провинціи. Вся эта колоссальная толпа народа съ оркестрами музыки, съ цѣлымъ лѣсомъ знаменъ и значковъ, съ огромными полотняными афишами, на которыхъ въ разныхъ выраженіяхъ высказывалось одно и то же требованіе—всеобщаго избирательнаго права, — прошла по главнымъ улицамъ города, собралась затѣмъ въ одномъ изъ парковъ и тамъ принесла торжественно клятву бороться, не зная отдыха и всѣми средствами, за осуществленіе всеобщаго избирательнаго права.

Эта манифестація произвела огромное впечатлѣніе. Правительство,—на этотъ разъ уже не либеральное, а католическое,—нашло опаснымъ сопротивляться долѣе настойчивымъ домогательствамъ выросшаго и возмужавшаго пролетаріата. И, какъ только вскорѣ послѣ того законодательныя учрежденія собрались, и въ нихъ былъ внесенъ Полемъ Жансономъ пересмотръ конституціи, оно предло-

жило имъ признать необходимымъ этотъ пересмотръ. Парламентъ согласился съ правительствомъ. Но когда отъ неопредѣленнаго пожеланія дѣло дошло до исполненія, случилось то же, что и въ 1848 г. Ровно два года вопросъ провалялся въ секціяхъ. Рѣчей, предложеній было безъ конца. Депутаты одинъ за другимъ старались, какъ бы получше провести рабочихъ и дать такую систему, отъ которой они ничего не выиграли бы. Выдвигалось много формулъ, но всѣ онѣ не могли собрать большинства, и одна за другой отвергались. Послѣ секцій, на которыя разбивается бельгійская палата депутатовъ и гдѣ предварительно разсматриваются законодательныя предположенія, точно такая же канитель началась въ конституантѣ. Ни одно изъ предложеній не могло собрать двухъ третей голосовъ, какъ требовалъ основной законъ. И мѣсяцы тянулись за мѣсяцами. Тутъ у рабочихъ истощилось уже всякое терпѣніе. Видя, какая игра ведется вокругъ ихъ требованія, они рѣшили воздѣйствовать на палату и объявили всеобщую стачку, первую въ своемъ родѣ въ міровой исторіи.

Средство оказалось великолѣпнымъ. Стачка, въ которой приняло участіе до 200.000 рабочихъ, подѣйствовала на законодателей не хуже, чѣмъ въ свое время февральскія событія въ Парижѣ. Въ нѣсколько дней была найдена и принята должнымъ большинствомъ новая формула. Реформа, и реформа крупная, конституціонная, такимъ образомъ опять совершилась подъ давленіемъ извнѣ, но не со стороны заграницы, а своей улицы. Рабочіе однако получили не вполнѣ то, чего домогались. Привилегированные законодатели и въ этомъ случаѣ постарались отстоять наполовину свои позиціи. Они ввели всеобщее избирательное право, но неравное. Нѣкоторые категоріи гражданъ получили двойной, а иные даже тройной голосъ. Не смотря на этотъ безобразный придатокъ къ реформѣ, рабочій классъ справедливо праздновалъ крупную побѣду. Какъ никакъ, всякій гражданинъ имѣлъ теперь, по крайней мѣрѣ, одинъ голосъ. Число избирателей разомъ возростало съ 150.000 до 1.500.000, т. е. увеличивалось разъ въ десять. И, что важно, отнынѣ рабочіе получили непосредственный доступъ къ участію въ политической жизни. Они могли теперь имѣть въ законодательныхъ учрежденіяхъ своихъ собственныхъ представителей, чѣмъ они тотчасъ же, разумѣется, воспользовались.

II.

Вотированная въ 1893 г., благодаря всеобщей стачкѣ, избирательная система дѣйствуетъ въ Бельгіи и по настоящее время,—съ тою лишь разницей, что въ концѣ прошлаго столѣтія она была пополнена пропорціональнымъ представительствомъ. Множественный вотумъ въ ней такъ и остается. Но рабочій классъ не забылъ своей клятвы 15 августа 1890 г. Всѣ 20 лѣтъ, что протекли съ

тѣхъ поръ, онъ, не покладая рукъ, борется за уничтоженіе привилегій. Въ этой борьбѣ онъ долго оставался одинокимъ. Господствующая съ 1884 г. католическая партія всегда была глуха къ требованіямъ демократіи, не смотря на то, что часть ея, извѣстная даже подъ названіемъ демократической, ставила равное избирательное право однимъ изъ главныхъ пунктовъ своей программы. Давно, впрочемъ, извѣстно, что вписать въ программу можно что угодно, но стремиться претворить программу въ дѣйствительность — дѣло другое. Каждый разъ, когда вопросъ о всеобщемъ и равномъ голосованіи ставился соціалистами на ближайшую очередь дня, католики-демократы всегда ухитрялись найти какой-нибудь предлогъ, чтобъ отодвинуть его на задній планъ.

Что касается либераловъ, то въ ихъ рядахъ до самаго послѣдняго времени царила въ этомъ пунктѣ полная разноголосица. Безусловно сочувствовала и помогала соціалистамъ лишь радикальная ихъ часть, составлявшая меньшинство. Большинство же, при томъ наиболѣе вліятельное, было тутъ долго солидарно съ католиками. Множественный вотумъ давалъ ему преимущество, отказаться отъ котораго ему было не по силамъ. Оно боялось усиленія представительства рабочихъ, отъ котораго ничего хорошаго для себя либералы не ждали.

Оставаясь, такимъ образомъ, почти одинокимъ въ борьбѣ, рабочій классъ дѣлалъ все, чтобы добиться своего. Онъ опять устраивалъ митинги и манифестаціи, выдвигалъ при каждыхъ выборахъ требованіе объ отмѣнѣ множественнаго вотума на первое мѣсто. Его печать вела въ этомъ случаѣ ежедневную усиленную кампанію. Въ 1902 г. рабочіе прибѣгли даже къ испытанному въ 1893 г. средству—ко всеобщей стачкѣ. Происхожденіе этого движенія было слѣдующее. Въ апрѣлѣ 1901 г. въ Льежѣ состоялся обычный годичный конгрессъ соціалистовъ. Въ программѣ этого конгресса, между прочимъ, стоялъ и вопросъ о пересмотрѣ конституціи въ цѣляхъ отмѣны множественнаго вотума, по которому была принята слѣдующая резолюція: „Начать немедленно энергичную пропаганду и продолжать ее безъ перерыва всѣми средствами, какія имѣются въ распоряженіи, а при необходимости — всеобщей стачкой и уличной агитаціей и не прекращать ея до полнаго завоеванія политическаго равенства“.

Въ силу этого постановленія соціалисты послѣ цѣлаго года усиленной пропаганды внесли въ палаты, по соглашенію съ лѣвымъ крыломъ либераловъ, руководимыхъ уже извѣстнымъ намъ Жансономъ, предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Правительственная католическая партія хотѣла взять это предложеніе изморомъ. Какъ разъ наступали пасхальныя каникулы, и палаты разошлись на три недѣли. Послѣ же каникулъ клерикалы намѣревались заняться бюджетомъ, да на томъ и закончить сессію; а осенью можно было придумать что-нибудь еще другое для оттяжки. Планъ этотъ од-

нако не удался. Въ странѣ поднялось сильное возбужденіе, принявшее сразу же очень бурный характеръ. Начались столкновенія съ полиціей и войсками. Дѣло дошло до динамита. Въ Брюсселѣ была попытка взорвать національный банкъ. На улицахъ стали устраиваться баррикады. Во многихъ мѣстахъ уже вспыхнули стачки. Въ то же время парламентская соціалистическая группа пригрозила правительству обструкціей.

Въ концѣ-концовъ католики принуждены были поставить предложеніе о пересмотрѣ на обсужденіе, которое и началось 15 апрѣля н. ст. Но наканунѣ этого дня въ странѣ разразилась всеобщая стачка, рѣшенная за день передъ тѣмъ, наспѣхъ, безъ особыхъ приготовленій, безъ достаточной организаціи. Рабочіе надѣялись такимъ путемъ воздѣйствовать на палаты. Но тутъ-то и сказалась неподготовленность движенія. Стачка не охватила собою даже трети рабочей массы. По официальнымъ свѣдѣніямъ, которыя, впрочемъ, ниже дѣйствительныхъ, въ забастовкѣ 1902 г. участвовало въ 1-ый день 140.000 чел., во 2-ой—196.800, въ 3-ій—227.600, въ 4-ый—231.900 и въ 5-ый—220.900. Общественное же мнѣніе отнеслось къ стачкѣ отрицательно. Католики учли все это при обсужденіи предложенія и въ результатѣ отвергли его.

Продолжать стачку у соціалистическихъ круговъ не было силъ, и они порѣшили ликвидировать ее на другой же день послѣ провала предложенія. По подсчетамъ прессы, балансъ забастовки выражался въ слѣдующемъ: на протяженіи одного мѣсяца было 18 покушеній съ взрывчатыми веществами, 14 покушеній противъ желѣзныхъ дорогъ, 5 попытокъ поджоговъ, 300 разгромленныхъ домовъ, 8 смертныхъ случаевъ и до 100 раненыхъ. Надо сказать, что соціалисты все время предостерегали рабочихъ отъ вступленія въ открытую борьбу съ войсками, и человѣческія жертвы зависѣли главнымъ образомъ отъ того, что полиція и гражданская гвардія, вербовавшаяся изъ клерикаловъ, пускали въ ходъ оружіе при малѣйшей попыткѣ рабочихъ оказать сопротивленіе разгонявшимъ ихъ властямъ. Какъ бы то ни было, на происходившихъ послѣ того вскорѣ выборахъ оппозиція потерпѣла пораженіе: католическое большинство въ палатѣ депутатовъ поднялось съ 20 до 26 голосовъ. Эта неудача однако не обезкуражила пролетаріатъ. Съ этого времени его борьба становится еще болѣе упорной.

Такъ проходитъ еще десятокъ лѣтъ. Все это время власть продолжаетъ оставаться въ рукахъ католиковъ. Либералы теряютъ терпѣніе. Они убѣждаются, что ихъ надежды на власть являются химерой при существующей системѣ выборовъ, и что вообще они одни, безъ содѣйствія соціалистовъ, не могутъ разсчитывать на побѣду надъ католиками. Предъ ними такимъ образомъ встала альтернатива: или отказаться отъ всякихъ надеждъ и держаться прежнихъ позицій, или войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ соціалистами. Но въ послѣднемъ случаѣ имъ необходимо было при-

соединиться къ ихъ требованію объ отмѣнѣ привилегій въ избирательной системѣ. И часть ихъ предпочла остаться на прежнемъ пути. Другая, большая часть либеральной буржуазіи, и въ томъ числѣ ея руководящіе круги, рѣшили ступить на новый.

Присоединеніе либераловъ къ соціалистическому требованію введенія равнаго избирательнаго права было отпраздновано колоссальнѣйшею, собравшею до 200.000 участниковъ, манифестаціею 15 августа 1910 г. Какъ это было ровно 20 лѣтъ предъ тѣмъ, манифестанты снова собрались въ томъ же паркѣ и снова повторили тамъ свою клятву. Но теперь клялись вести неустанную борьбу за осуществленіе политическаго равенства не одни соціалистическіе рабочіе, а и многочисленные круги либеральной буржуазіи. Послѣ этой торжественной манифестаціи въ рядахъ союзниковъ наблюдался огромный подъемъ духа. Будущее представлялось имъ въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Они увѣрили себя, что теперь-то господству клерикаловъ наступаетъ конецъ, и что при ближайшихъ же выборахъ они одержатъ надъ ними наконецъ столь долго жданную побѣду.

Дѣйствительность, однако, не оправдала этихъ ожиданій. Католики снова побѣдили. Ихъ большинство въ палатѣ снова усилилось, поднявшись съ 6 до 16 голосовъ. Словомъ, судьба приготовила оппозиціи полнѣйшій сюрпризъ на майскихъ выборахъ 1912 г. Это крушеніе надеждъ произвело потрясающее впечатлѣніе на пролетаріатъ. Союзъ съ либеральною буржуазіею, осуждавшійся въ его рядахъ многими, но казавшійся необходимымъ, какъ послѣдняя, крайняя жертва, не далъ ничего. Обида, отчаяніе, негодованіе овладѣли рабочими. Эти чувства искали выхода и нашли его въ бурныхъ антиклерикальныхъ манифестаціяхъ и въ цѣломъ рядѣ стихійныхъ стачекъ, приведшихъ въ нѣсколькихъ случаяхъ до баррикадъ и до потери нѣсколькихъ жизней отъ жандармскихъ пуль.

Возбужденіе было такъ велико, что сначала никакіе призывы къ благоразумію, исходившіе отъ наиболѣе испытанныхъ и преданныхъ рабочему дѣлу лицъ, не имѣли успѣха. „Да здравствуетъ революція! Лучше смерть, чѣмъ позорное іезуитское иго! Да здравствуетъ всеобщая стачка!“ — вотъ что раздавалось въ отвѣтъ на такіе призывы. Казалось, страна дѣйствительно вступаетъ въ революціонную полосу, и отнынѣ вопросъ о политическомъ равенствѣ будетъ рѣшаться не при помощи избирательнаго бюллетеня, не въ законодательныхъ учрежденіяхъ, а на улицѣ, путемъ непосредственной борьбы. Такимъ революціоннымъ пыломъ горѣли не только рабочія массы, а и буржуазія, въ особенности либеральная учащаяся молодежь. Послѣдняя, какъ и у насъ, но при совершенно иной обстановкѣ, въ отличныхъ отъ нашихъ условіяхъ, играла въ эти дни роль бродила, приводившаго въ движеніе широкіе слои общества.

Въ такомъ крайнемъ возбужденіи протекла цѣлая недѣля. Посте-

пенно благоразуміе стало однако входить въ свои права. Рабочіе поняли, что съ ихъ стороны было бы безуміемъ доводить дѣло теперь же до открытаго столкновенія или даже до всеобщей стачки: правительство ко всему заранѣе приготовилось, и въ результатѣ могло бы получиться то, что произошло въ 1902 г., т. е. разстрѣлъ передовыхъ рядовъ и потеря общественныхъ симпатій. Оставлять такъ дѣло рабочіе однако не желали. И вотъ въ цѣляхъ выяснить, что имъ дѣлать, рѣшено было поскорѣе собрать экстренный конгрессъ, а предварительно обсудить вопросъ въ мѣстныхъ организаціяхъ.

Планъ дальнѣйшей борьбы выяснился еще до конгресса. Вездѣ рабочіе высказывались за то, чтобы ихъ депутаты внесли въ палаты новое предложеніе о пересмотрѣ тѣхъ параграфовъ конституціи, которые говорятъ о системѣ выборовъ. Сь своей стороны они рѣшили поддержать это предложеніе всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, а особенно всеобщей стачкой. Разногласіе было лишь въ томъ, когда вносить предложеніе, и когда начинать стачку. Болѣе нетерпѣливые элементы настаивали, чтобы и то и другое было совершено при началѣ же открывавшейся черезъ нѣсколько дней сессіи. Выставлялось опасеніе, что отложить дѣло значитъ упустить благопріятный моментъ воодушевленія. Другая часть утверждала, что къ стачкѣ необходимо сначала подготовиться, тѣмъ болѣе, что борьба могла оказаться длинною и упорною.

На конгрессѣ большинство оказалось на сторонѣ второй тактики, одобренной также генеральнымъ совѣтомъ соціалистической партіи. Вотъ резолюція, которая была принята тамъ послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, но единогласно всѣми 1.600 делегатами:

„Конгрессъ объявляетъ, что въ поискахъ народной воли слѣдуетъ разомъ установить политическое равенство (всеобщее избирательное право) и полную лояльность пропорціональнаго представительства. Онъ подтверждаетъ свои прежнія резолюціи относительно своего рѣшенія завоевать политическое равенство. Онъ уполномочиваетъ своихъ представителей внести предложеніе о пересмотрѣ самое позднее при возобновленіи парламентскихъ занятій въ будущемъ ноябрѣ. Онъ поддержитъ это предложеніе всѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи, особенно всеобщей стачкой. Онъ одобряетъ, какъ комментаріи къ этой революціи, слѣдующія заключенія, предложенныя генеральнымъ совѣтомъ:

„Мы стремимся ко всеобщей стачкѣ, мы сдѣлаемъ ее грозною и неодолимою; но мы желаемъ, чтобы она была мирной, вопреки всякимъ провокаціямъ и всякимъ возможнымъ инцидентамъ; не можетъ быть и вопроса объявить ее съ предстоящаго іюля; нужно, чтобы былъ учрежденъ обширный комитетъ, который соберетъ делегатовъ всѣхъ крупныхъ политическихъ и экономическихъ организацій; этотъ комитетъ будетъ дѣйствовать безъ отдыха и всѣми подходящими средствами для ея подготовки; онъ ее объявитъ тот-

часъ же, какъ получитъ увѣренность, что моментъ удобенъ, такъ какъ рабочая масса готова".

Тою же резолюціей конгрессъ опредѣлилъ составъ органа для приготовленія и руководства стачкой, или такъ называемаго *Національнаго комитета всеобщаго голосованія и всеобщей стачки*. Въ него вошли: 1) генеральный совѣтъ рабочей партіи; 2) синдикальная комиссія, въ которой объединяются соціалистическія и часть нейтральныхъ профессіональныхъ организацій; 3) комитетъ федераціи соціалистическихъ кооперативовъ; и 4) комитеты національныхъ федерацій синдикатовъ отдѣльныхъ отраслей.

III.

Эта резолюція была исполнена въ точности. Когда законодательныя учрежденія собрались на осеннюю сессію, рабочіе депутаты внесли свое предложеніе о пересмотрѣ конституціи, сопроводивъ его особой мотивированной запиской, заканчивающейся такъ: „Уже три четверти вѣка тому назадъ, при цензовой монархіи Людовика-Филиппа, одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей тогдашней буржуазіи, Токвиль, писалъ: „Я утверждаю, что наиболѣе могущественное средство и, можетъ быть, единственное, какое намъ остается, чтобы заинтересовать людей въ судьбѣ отечества, это—заставить ихъ участвовать въ его управленіи. Въ нашу эпоху гражданскій духъ представляется мнѣ неотдѣлимымъ отъ пользованія политическимъ правомъ". Пусть же тѣ, которые признаютъ, что получили отъ „легальной страны" наказъ умѣренности, вдохновятся этими словами. Пусть руководители крупной партіи, религіозный идеалъ которой сумѣлъ удержать за собой значительную часть рабочаго класса, пойдутъ на встрѣчу желанію равенства, начинающему крѣпнуть въ ихъ собственныхъ рядахъ. Уже не меньшинство, а огромное большинство страны, а весь народъ требуетъ справедливости. Мы питаемъ увѣренность, что его голосъ будетъ услышанъ".

Параллельно съ такимъ парламентскимъ выступленіемъ, избранный конгрессомъ комитетъ съ самаго начала занялся обширными приготовленіями къ стачкѣ. Прежде всего онъ избралъ нѣсколько особыхъ комиссій, возложивъ на каждую изъ нихъ опредѣленную обязанность. Такъ, на одну комиссію было возложено дѣло пропаганды. Она должна была устраивать повсюду митинги и собранія, посылать на нихъ опытныхъ ораторовъ, издавать и распространять воззванія, брошюры и газеты и т. д. Другая комиссія призвана была вѣдать финансовою частью. На ея обязанности лежало созданіе фонда пропаганды и резервнаго стачечнаго фонда. Для этого она уполномочена была устраивать платныя празднества, увеселенія, лотереи, сборъ денегъ по подпискѣ, а также пожертвованій. Было постановлено, что 25% всѣхъ такихъ поступленій пойдетъ на пропаганду, остальное — въ стачечный фондъ.

Но наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ обезпеченія на случай стачки комитетъ считалъ личное сбереженіе. Поэтому сюда онъ обратилъ особое вниманіе. Спеціальная комиссія должна была вести усиленную пропаганду о необходимости личной экономіи. Съ этою цѣлью ею были выпущены особыя сберегательныя марки, продажа коихъ производилась всюду, созданъ особый кооперативъ сбереженія, предложено всѣмъ обыкновеннымъ кооперативамъ не выдавать прибылей, а держать ихъ въ своихъ кассахъ до стачки.

Особой также комиссіи было предоставлено важное дѣло снабженія участниковъ стачки и ихъ семействъ дешевыми жизненными припасами и пищей. Въ цѣляхъ ознакомленія съ этимъ дѣломъ нѣкоторые члены ѣздили спеціально въ сосѣднія страны: Францію, Англію и Голландію. По примѣру Франціи, здѣсь съ первыхъ же дней предполагалось устроить нѣсколько общественныхъ столовыхъ—особенно для женщинъ и дѣтей. Предполагалось также, что во многихъ случаяхъ придутъ на помощь коммунальныя учрежденія, иныя изъ которыхъ, къ тому же, имѣютъ постоянно дѣйствующія школьныя столовыя. На эту же комиссію была возложена забота размѣщенія дѣтей нуждающихся стачечниковъ въ чужихъ семьяхъ, какъ внутри самой Бельгіи, такъ и въ сосѣднихъ странахъ.

Наученные горькимъ опытомъ 1902 г., руководители движенія обратили серьезное вниманіе на то, чтобы стачка прошла спокойно, безъ всякихъ эксцессовъ, и въ этихъ видахъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ. Рѣшено, напр., было по возможности не устраивать во время стачки манифестацій. Всѣ многочисленные народные дома, являющіеся обыкновенно центрами рабочаго движенія, постановлено было держать открытыми лишь съ 8 час. утра до 6 вечера. Да и въ эти часы въ кафэ при нихъ не должно было производиться продажи спиртныхъ напитковъ. О прекращеніи такой продажи рабочіе хлопотали и передъ частными содержателями кафэ, и даже предъ коммунальными управленіями. Всякія рабочія собранія—партійныя, синдикальныя и пр.,—должны были устраиваться днемъ. Не были тутъ забыты и мѣры чисто полицейскаго характера. Рабочія организаціи повсюду набрали изъ своей среды довольно многочисленные кадры добровольцевъ, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за спокойствіемъ въ рабочихъ кварталахъ, предупреждать и улаживать всякія недоразумѣнія, наблюдать строго, чтобы не было какихъ-нибудь провокацій и т. д. Наконецъ, чтобы занять досугъ рабочихъ, не привыкшихъ къ продолжительному отдыху, предположено было устраивать прогулки, поѣздки, разнаго рода спортивныя состязанія и игры, посѣщенія музеевъ, достопримѣчательностей, чтенія лекцій, музыкальныя и драматическія представленія. Для той же цѣли была организована цѣлая сѣть временныхъ библіотекъ. А такъ какъ стачка совпадала

съ началомъ полевыхъ работъ, рабочимъ усиленно рекомендовались также занятія на поляхъ, въ огородахъ и садахъ и пр.

Словомъ, перечислять все, что было сдѣлано для успѣха забастовки, завело бы насъ далеко. Прибавимъ лишь, что наряду съ Національнымъ комитетомъ повсюду въ странѣ образовались подобныя же организаціи мѣстнаго характера.

Обращеніе рабочихъ къ палатѣ осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Уже изъ деклараціи, съ которой выступило правительство при открытіи сессіи, было ясно видно, что клерикальное большинство ничуть не склонно итти на какія бы то ни было уступки. Уже тогда оно устами главы кабинета заявило, что не согласно на пересмотръ, и мотивировало это двумя причинами: во-первыхъ, это было бы противно волѣ избирателей, только что большинствомъ высказавшихся противъ; во-вторыхъ, нельзя обсуждать такой вопросъ подъ угрозою, съ которою выступили соціалисты: никакое уважающее себя правительство, ни законодательное учрежденіе не могутъ допустить такого давленія. То же самое католики подтвердили въ январѣ, когда обсуждалось самое предложеніе соціалистической группы.

Тутъ они раскрыли истинныя причины своей непріязни къ демократической реформѣ. Когда ихъ вождю, Шарлю Вусту, во время преній напомнили, что онъ самъ когда-то стоялъ и высказывался за всеобщее политическое равенство, онъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „Если въ 1870 г. я высказался за всеобщее равное и избирательное право, то это потому, что мы страдали тогда отъ политическаго неравенства деревень передъ городами. Кромѣ того, я присутствовалъ при опытѣ либеральной имперіи, показавшемъ, что всеобщее голосованіе могло дать намъ сильную власть. *Но въ эту эпоху соціалистической партіи не существовало, и опасность ея не висѣла надъ обществомъ*".

Во время этихъ дебатовъ былъ, однако, моментъ, когда католическіе ряды, казалось, готовы были дрогнуть. Это было послѣ рѣчи либеральнаго депутата Гиманса, выступившаго въ роли миротворца и посредника и краснорѣчиво умолявшаго правую и лѣвую пойти на соглашеніе. Онъ призналъ, что съ вопросомъ о пересмотрѣ палата зашла въ тупикъ, выходомъ изъ котораго можетъ быть лишь передача въ комиссію. Такимъ путемъ и стачка будетъ избѣгнута, и правительственный авторитетъ сохранитъ весь свой престижъ. На этотъ умный совѣтъ соціалисты откликнулись полнымъ согласіемъ. „Если бы я былъ рабочимъ, какъ Анселе,—заявилъ ихъ лидеръ, Э. Вандервельдъ,—я сказалъ бы, быть можетъ, какъ онъ: будемъ сражаться всѣми средствами. Но я до нѣкоторой степени принадлежу къ буржуазіи, и я готовъ на все, чтобы отвѣтить на призывъ Гиманса къ миру". Многіе съ правыхъ скамей также готовы были ухватиться за этотъ призывъ. И клерикальная пресса заговорила о необходимости умиротворенія.

Но колебанія среди католиковъ продолжались недолго. Достаточно было ихъ вождю, Вусту, произнести нѣсколько словъ, чтобъ клерикальные ряды снова сомкнулись. „Эти господа имѣютъ претензію командовать, какъ будто они находятся во главѣ побѣдоносныхъ войскъ,—воскликнулъ Вустъ не безъ пренебрежительнаго сарказма, указывая на ряды оппозиціи. — Правительствомъ являемся мы, и мы отъ своего не откажемся. Они говорятъ о соглашеніи, но въ дѣйствительности требуютъ всеобщаго голосованія. Они хотятъ вести правую отъ уступки къ уступкѣ, отъ одного отказа къ другому. Мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ на это согласиться".

Происшедшее вскорѣ послѣ того голосованіе дало слѣдующіе результаты: 99 депутатовъ высказались противъ соціалистическаго предложенія, 83—за. Оно такимъ образомъ было отвергнуто 16 голосами, т. е. тѣмъ именно большинствомъ, какимъ располагаютъ католики въ настоящемъ составѣ палаты.

Послѣ такого голосованія дальнѣйшій ходъ событій намѣчался самъ собою. Достичь политическаго равенства исключительно парламентскимъ, чисто законодательнымъ путемъ рабочимъ опять не удалось. Католическое большинство снова показало, что оно не желаетъ считаться съ требованіями демократіи и крѣпко держится за привилегіи. Рабочіе круги сильно заволновались: оставалось послѣднее средство. Двадцать лѣтъ тому назадъ они прибѣгали къ нему, и оно оказалось весьма дѣйствительнымъ. Но вторичное примѣненіе его девятью годами позже не дало желанныхъ результатовъ. Теперь вопросъ о всеобщей стачкѣ въ третій разъ на протяженіи послѣдняго двадцатилѣтія вставалъ во весь свой ростъ. И національный стачечный комитетъ декретировалъ ее, назначивъ днемъ начала 14 апрѣля н. с.

Свое постановленіе онъ сопроводилъ особымъ воззваніемъ какъ къ рабочимъ, такъ и къ буржуазіи, излагая причины, заставившія его сдѣлать такой шагъ:

„Прежде чѣмъ принять столь важное рѣшеніе, мы увѣрены, что сдѣлали, чтобы не быть къ тому вынужденными, все, что было совмѣстимо съ достоинствомъ рабочаго класса и его непреклонной волей завоевать во что бы то ни стало *политическое равенство*. Наши уполномоченные въ парламентѣ объявили, что они рѣшили защищать до конца всеобщее голосованіе въ 21 годъ; но что если бы большинство въ учредительномъ собраніи высказалось за возрастъ въ 25 лѣтъ или за двойной голосъ отцовъ семейства, это не служило бы достаточнымъ мотивомъ для рабочихъ устраивать всеобщую стачку. Требуя пересмотра, они ясно утверждали, что не думаютъ требовать общихъ выборовъ ранѣе 1914 г. Стремясь оберечь рабочій классъ и страну отъ ужаснаго испытанія, они немедленно согласились съ предложеніемъ, сдѣланнымъ Гимансомъ (либераломъ) и поддержаннымъ Теодоромъ (независимымъ католикомъ), передать всю совокупность избирательныхъ вопросовъ на обсужде

ніе комиссіи, назначенной палатами и правительствомъ и имѣющей право свободно высказаться за или противъ пересмотра. По свидѣтельству наиболѣе умѣренныхъ умовъ, подобное предложеніе могло быть принято безъ всякаго риска что-нибудь скомпрометировать или что-нибудь предрѣшить. Правительство этого не захотѣло. Оно уступило велѣніямъ тѣхъ, кто толкалъ его на сопротивленіе. Оно противопоставило такой же отказъ тѣмъ, кто просилъ его быть справедливымъ, и тѣмъ, кто просилъ его быть примирительнымъ. И въ настоящій моментъ, когда оно претендуетъ наложить на населеніе бремя *неравенства предъ казармой*[1]), оно отвергло безъ разсмотрѣнія равенство предъ избирательной урной. При такихъ условіяхъ рабочему классу оставалось лишь одно законное средство. Это — *всеобщая стачка*".

Обращаясь затѣмъ къ рабочимъ массамъ, воззваніе предлагало имъ усилить сбереженія, сократить расходы, не поддаваться провокаціямъ и сомкнуть тѣснѣе ряды. Промышленному и торговому классу комитетъ указывалъ, что данная стачка направлена не противъ него, и выражалъ поэтому надежду, что классъ этотъ постарается оказать вліяніе на предержащія власти. Наконецъ, вообще буржуазію воззваніе приглашало на помощь пролетаріату.

Объявленіе точнаго срока начала всеобщей стачки произвело на всѣ слои бельгійскаго общества сильное впечатлѣніе. Раньше были еще надежды, что конфликтъ какъ-нибудь уладится. Теперь грозный призракъ стоялъ у всѣхъ предъ глазами. Особенно забезпокоился рядовой мирный обыватель. Ему предстояло претерпѣть много лишеній. Къ самому требованію пролетаріата онъ относился отчасти сочувственно, но онъ не хотѣлъ, чтобъ его выводили изъ привычнаго равновѣсія: сильныя средства ему вообще не по душѣ. Одна категорія обывателей боялась стачки еще потому, что та грозила ей большими убытками. Это, во-первыхъ, промышленники, которыхъ конфликтъ задѣвалъ прежде всѣхъ, а, во-вторыхъ, многочисленный въ Бельгіи классъ коммерсантовъ, лавочниковъ, содержателей разныхъ кабачковъ, кафэ и пр.

Еще когда стачка висѣла въ воздухѣ, и рабочіе начали къ ней готовиться, торговцы уже испытывали ея вліяніе. Ихъ обороты замѣтно сократились, и, напр., во время карнавальныхъ празднествъ они горько жаловались на паденіе выручки. Что же ждетъ ихъ теперь? Какъ повсюду, рабочій классъ Бельгіи вынужденъ прибѣгать къ кредиту у мѣстныхъ торговцевъ, отъ получки къ получкѣ. Но здѣсь во многихъ промышленныхъ центрахъ издавна установился еще обычай, въ случаѣ конфликта, затягивающагося на болѣе или менѣе продолжительное время, устраивать своего рода мораторій. Въ такихъ случаяхъ уплата долговъ участниковъ отсрочивается до наступленія перемирія. Это, такъ сказать, та

---

[1]) Намекъ на правительственный законопроектъ объ усиленіи арміи.

обязательная жертва, которую торговцы принуждены приносить на алтарь общаго дѣла. Отказать въ этомъ они не могутъ. Каждый изъ нихъ, кто вздумалъ бы взыскивать въ такое время долги, не могъ бы продолжать далѣе своего дѣла, такъ какъ онъ лишился бы всей кліентуры. Больше того. Въ силу того же обычая торговецъ не можетъ на время конфликта закрыть дальнѣйшій кредитъ своимъ постояннымъ покупателямъ. Часто даже ему приходится доводить его до наибольшихъ размѣровъ, ибо такимъ образомъ онъ можетъ приманить къ себѣ еще новыхъ кліентовъ. Между тѣмъ, сами торговцы никакого расширенія кредита для себя теперь получить не могли, такъ какъ стачка носила не мѣстный характеръ, и послѣдствій ея боялись рѣшительно всѣ.

Если поэтому благополучный обыватель и раньше обращался во всѣ мѣста съ просьбами не доводить дѣла до конца, то теперь, послѣ объявленія даты начала стачки, онъ готовъ былъ обить всѣ пороги. Онъ подавалъ петиціи правительству, въ парламентъ, королю, но особенно напиралъ на наиболѣе близкія ему коммунальныя управленія. А эти послѣднія и сами были заинтересованы въ мирномъ разрѣшеніи вопроса. Имъ, напр., приходилось подумать первыми о мѣрахъ безопасности. По идеѣ стачка предполагалась быть мирною. Объ этомъ не переставали твердить руководители движенія и вся рабочая пресса. Стачечный комитетъ и мѣстныя организаціи повсюду приняли рядъ серьезнѣйшихъ къ тому мѣръ. Тѣмъ не менѣе, и коммуны съ своей стороны не могли не заботиться о томъ же: страсти легко могли разыграться, и причинъ къ недоразумѣніямъ могло быть достаточно. Другимъ предметомъ заботъ мѣстныхъ учрежденій служило правильное функціонированіе такихъ предпріятій, какъ водоснабженіе, освѣщеніе, трамвайное движеніе, уборка улицъ и пр. Можно было ожидать, что рабочіе муниципальныхъ предпріятій поддержатъ движеніе. У коммунальнаго управленія Гента была еще особая забота. Это — всемірная выставка, торжественное открытіе которой было назначено на 26 апрѣля н. с. Къ этому времени ожидался пріѣздъ короля и множества гостей. Объявленіе стачки за нѣсколько дней до того могло испортить весь праздникъ и нанести огромные убытки.

Побуждаемые поэтому обывателями и движимые собственными интересами, коммуны и ихъ представители принимали живѣйшее участіе въ улаженіи конфликта. Объ одной такой попыткѣ стоитъ разсказать, ибо она ясно указывала на колебанія, которыя вызвало объявленіе стачки въ правительственныхъ рядахъ. Когда стачечный комитетъ выпустилъ воззваніе съ объявленіемъ срока забастовки, бургомистры главныхъ городовъ всѣхъ 9-ти бельгійскихъ провинцій, по инціативѣ брюссельскаго бургомистра, собрались на особое совѣщаніе. Затѣмъ, путемъ переговоровъ съ главою правительства съ одной стороны и Національнымъ стачечнымъ комитетомъ съ другой, они достигли того, что послѣдній не только от-

мѣнилъ дату начала стачки, что было въ его правѣ, но и самую стачку, на что не имѣлъ собственно никакого права. Сдѣлано было это потому, что бургомистры дали понять комитету о готовности правительства пойти на уступки, если исчезнетъ угроза стачки. Комитетъ повѣрилъ и, чтобы показать всю мѣру своего миролюбія, вышелъ за предѣлы своихъ полномочій, дѣйствительно отмѣнивъ стачку. „Соціалисты всегда готовы обсудить всякое предложеніе о соглашеніи, — говорилъ по этому поводу Вандервельдъ на одномъ изъ митинговъ, — лишь бы оно было искренне. Поэтому они присоединяются къ постановленію, вотированному бургомистрами (о минованіи опасности стачки. *В. Ш.*), хотя тутъ можно было бы многое сказать о его формѣ. И если министръ въ переговорахъ, которые будетъ имѣть съ бургомистрами, заявитъ, что желаетъ устроить соглашеніе, направивъ вопросъ къ изученію, соціалистическая партія съ своей стороны готова объявить, что отказывается отъ стачки. Она не будетъ обращать вниманія даже на форму, ибо мы не имѣемъ по этому вопросу самолюбія и желаемъ показать свою готовность къ соглашенію до конца".

Какъ видно изъ письма бургомистра Брюсселя къ главѣ правительства, прочитаннаго вскорѣ въ палатѣ, вопросъ тутъ шелъ о назначеніи особой комиссіи для пересмотра избирательныхъ законовъ въ мѣстныя учрежденія, комиссіи, въ которой правительство соглашалось на поднятіе вопроса и объ измѣненіи парламентской системы выборовъ. Изъ постановленія же комитета видно, что бургомистры обѣщались помочь такому направленію дѣла. Вотъ что говорилось, дѣйствительно, въ этомъ постановленіи: „Національный комитетъ всеобщаго избирательнаго права и всеобщей стачки, принимая во вниманіе просьбу бургомистровъ главныхъ городовъ и ихъ заявленія, что они ничѣмъ не пренебрегутъ, чтобы получить отъ правительства рѣшеніе поставить на изученіе проблему о пересмотрѣ; желая сдѣлать еще послѣднее усиліе, чтобы путемъ соглашенія дать возможность бургомистрамъ и правительству изыскать вполнѣ свободно пути къ умиротворенію, постановляетъ: рѣшеніе, декретирующее всеобщую стачку на 14 апрѣля, отмѣняется".

У всей страны вырвался вздохъ облегченія. Обрадовались даже рабочіе: это освобождало ихъ отъ стачки и всѣхъ связанныхъ съ нею лишеній и страданій. Поэтому они не стали даже протестовать противъ нарушенія комитетомъ полномочій. Радость продолжалась однако недолго. На ближайшемъ же засѣданіи палаты предсѣдатель совѣта министровъ, де-Броквиль, отвѣчая либераламъ, ясно и опредѣленно заявилъ, что вопроса о пересмотрѣ конституціи быть не можетъ, что онъ такого обѣщанія не могъ давать бургомистрамъ, ибо это являлось бы съ его стороны нарушеніемъ воли большинства избирателей. Въ цѣляхъ же успокоенія страны, правительство готово назначить комиссію, но исключительно для пере-

смотра законодательства о выборахъ въ коммунальныя и провинціальныя управленія. Еще опредѣленнѣе, чѣмъ глава кабинета, высказался по вопросу уже знакомый намъ католическій лидеръ Вустъ: „Отъ насъ требуютъ примирительнаго жеста. Я не оспариваю того, что отмѣна стачки является похвальнымъ поступкомъ. Но не былъ ли онъ вынужденнымъ? Вы поняли отвѣтственность, какая тяготѣетъ надъ вами. Чего же вы требуете? Мы не уступимъ угрозамъ оппозиціи. Вы говорите отъ имени рабочихъ. Будьте поскромнѣе: вы представляете лишь малую часть рабочаго класса. Христіанскіе демократы не съ вами!“

Эта рѣчь раскрыла глаза всѣмъ. Понялъ свой промахъ и Національный комитетъ, экстренно собрался на пленарное засѣданіе и постановилъ предложить очередному соціалистическому конгрессу, который долженъ былъ произойти вскорѣ послѣ того, вотировать вторично всеобщую стачку съ 14 апрѣля.

Такое рѣшеніе онъ вынесъ вопреки взгляду вліятельнаго меньшинства, во главѣ котораго оказался и лидеръ партіи, Э. Вандервельдъ, и которое находило неудобнымъ возбуждать снова вопросъ о стачкѣ, только что отмѣненной и, кромѣ того, по его мнѣнію, излишней, такъ какъ большинство избирателей теперь, молъ, несомнѣнно было на сторонѣ пересмотра. Поведеніе правительства и колебанія правой только способствовали этому. Если же конгрессъ вотируетъ стачку, и она произойдетъ, то общественное мнѣніе можетъ измѣниться въ неблагопріятную для сторонниковъ политическаго равенства сторону.

Комитетъ не согласился съ такими доводами. Не согласился съ ними и конгрессъ, который подавляющимъ большинствомъ 1.300 голосовъ противъ нѣсколькихъ десятковъ отклонилъ всѣ компромиссныя предложенія въ родѣ одно - двухъ - или восьмидневной демонстративной стачки и постановилъ объявить 14-го апрѣля безсрочную всеобщую забастовку. При этомъ, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній и нарушеній кѣмъ бы то ни было своихъ полномочій, конгрессъ добавилъ, что отмѣнить дату стачки или прекратить ее можетъ только конгрессъ же, собранный для того экстреннымъ порядкомъ въ настоящемъ его составѣ. Такимъ образомъ вопросъ рѣшался безповоротно. Стачка становилась неизбѣжной, и всѣ начали усиленно къ ней готовиться.

IV.

О рабочихъ и говорить нечего. Многіе изъ нихъ хотѣли стачки еще девять мѣсяцевъ назадъ. Большинство нашло тогда нужнымъ подождать,—они подчинились. Послѣ же исторіи съ неудачнымъ посредничествомъ бургомистровъ они стали готовиться къ битвѣ съ усиленнымъ пыломъ. Готовились къ стачкѣ въ свою очередь и католики. Они рѣшили для ея подавленія двинуть въ ходъ всѣ свои

силы. Ихъ пресса прежде всего принялась запугивать обывателя. Она еще прежде стремилась всѣхъ убѣдить, что стачка должна привести къ крупнѣйшимъ безпорядкамъ; а теперь тѣмъ болѣе. Провинціальныя клерикальныя газеты, особенно во фламандской части Бельгіи, старались убѣдить своихъ читателей, что стачка грозитъ низверженіемъ всѣхъ основъ современнаго общества, включая сюда и религію.

Подъ вліяніемъ такой агитаціи стали распространяться самые дикіе слухи. Воображеніе обывателя было въ концѣ концовъ напугано до такой степени, что, напр., многіе лавочники рѣшили закрыть свои магазины изъ боязни грабежа со стороны рабочихъ. А сколько народа уѣхало передъ стачкой изъ Бельгіи! Крестьяне въ первые дни боялись появляться на базарахъ со своими овощами. Одновременно съ прессой были мобилизованы и католическіе рабочіе, которые за послѣдніе дни передъ стачкой стали вести себя вызывающе. Стали образовывать особые комитеты и требовать при ихъ посредствѣ отъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій не затворять своихъ фабрикъ, обѣщая поддержку, и т. п. „Христіанскіе рабочіе сумѣютъ заставить уважать свободу труда“,—говорилось въ одномъ изъ послѣднихъ ихъ обращеній. Сами по себѣ такія угрозы остановить движенія не могли. Но въ нихъ, несомнѣнно, таилась огромная опасность провокаціи и приданія стачкѣ иного характера, чѣмъ тотъ, о которомъ думали руководители.

Наконецъ, и само правительство предприняло рядъ предупредительныхъ и устрашительныхъ мѣръ. Еще недавно представители его объявляли стачку умышленно раздутой затѣей, „блёффомъ“ со стороны соціалистовъ. Самыя отступленія ихъ отъ первоначально выставленныхъ требованій, а затѣмъ и отмѣну стачки они объясняли не иначе, какъ боязнью неудачи. А теперь правительство стало принимать такія мѣры, какъ будто ожидало нашествія цѣлой непріятельской арміи. Оно, напр., задержало подъ ружьемъ весь призывъ 1911 г., срокъ службы котораго закончился. Оно мобилизировало всѣ войска и всю жандармерію, направивъ ихъ въ промышленные города и районы. Центральныя и мѣстныя власти чуть не ежедневно устраивали настоящіе военные совѣты, гдѣ вырабатывали планъ кампаніи. И все это дѣлалось нарочно на глазахъ у широкой публики съ явной цѣлью подѣйствовать на нервы обывателя: одного припугнуть, другого ободрить. Въ этихъ же видахъ правительство рѣшило устраивать еженедѣльныя прогулки войскъ по городамъ, гдѣ они были расквартированы. Повидимому, на такіе парады, какихъ здѣсь прежде никогда не было, возлагались большія надежды. Они и обставлялись поэтому особенной помпой. Впрочемъ, эта затѣя кончилась большимъ конфузомъ для иниціаторовъ. Сторонники стачки обратили прогулки въ собственную пользу. Они собира-

лись огромными массами вокругъ солдатъ, ходили съ ними все время по городу и подъ звуки военнаго оркестра кричали: „Да здравствуетъ всеобщее избирательное право, да здравствуетъ всеобщая стачка!" Когда же оркестръ замолкалъ, они дружно затягивали какую-нибудь рабочую пѣсню. И военное вѣдомство въ концѣ концовъ принуждено было отмѣнить прогулки, къ великому сожалѣнію демонстрантовъ.

Каково было отношеніе къ стачкѣ либераловъ, этихъ недавнихъ союзниковъ соціалистовъ на парламентскихъ выборахъ? Огромное большинство ихъ долго относилось отрицательно къ избранному пролетаріатомъ методу дѣйствія. Либералы-парламентаріи все время старались играть роль посредниковъ и примирителей. Они выдержали эту роль, какъ увидимъ, до конца. Однако послѣ того, какъ первыя попытки такого посредничества не удались, и католическое большинство отвергло всякіе компромиссы, либеральное мнѣніе измѣнилось: не защищая стачки, либеральная пресса перестала и нападать на нее. Нѣкоторые же органы пошли далѣе и стали оправдывать тактику рабочихъ. Эта перемѣна въ настроеніи дала и реальные результаты. Газета „Petit Bleu" обязалась, напр., давать по 100.000 фр. еженедѣльно въ стачечный фондъ. Богачъ депутатъ - либералъ Варокэ взялся содержать на время стачки 15.000 дѣтей. Другой либеральный депутатъ Баель обѣщалъ кормить 5.000 дѣтей. Извѣстный заводчикъ Эрнестъ Сольвэ далъ на стачку 50.000 фр. Другіе либералы стали собирать мелкія пожертвованія и т. д. Если сравнить отношеніе либеральнаго общества къ настоящей стачкѣ съ тѣмъ, что наблюдалось въ 1902 году, то окажется значительная разница. Тогда соціалистовъ поддерживали лишь радикалы, руководителемъ которыхъ былъ Поль Жансонъ. Теперь за пересмотръ высказывалось большинство либераловъ, а многіе изъ нихъ помогали и въ стачкѣ.

Но еще болѣе показательно было сочувствіе интеллигенціи. Когда, напр., стачечный комитетъ заявилъ о желаніи занять достойнымъ образомъ досугъ рабочихъ на время стачки, отовсюду со стороны интеллигентовъ посыпались предложенія услугъ—читать лекціи, курсы, руководить чтеніемъ, экскурсіями по музеямъ, городамъ, устраивать спектакли, вечера, литературно - музыкальныя утра, театральныя представленія и пр. Или другой примѣръ. Редакція центральнаго соціалистическаго органа „Le Peuple" рѣшила издать къ 1-му мая художественно - литературный сборникъ въ пользу стачечниковъ и обратилась къ извѣстнѣйшимъ писателямъ и художникамъ. На этотъ призывъ откликнулись многіе, какъ, напр., К. Лемонье, Э. Верхарнъ, М. Метерлинкъ, Ж. Ейкудъ, а изъ Франціи Анатоль Франсъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ прислали редактору, кромѣ того, интересныя письма, вполнѣ опредѣленно рисующія ихъ отношеніе къ завязывавшейся борьбѣ.

„Я охотно посылаю вамъ то, что вы у меня просите,—писалъ при отправкѣ въ сборникъ своего стихотворенія „L'Avenir" Верхарнъ.—И да привлечетъ къ себѣ ваше усиліе симпатіи всѣхъ бельгійскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Благодарю васъ за память обо мнѣ".

Анатоль Франсъ далъ для альбома собственный рисунокъ перомъ „Плѣнница", изображавшій въ видѣ отдыхающей женщины рабочій классъ при стачкѣ. Посылку сопровождало письмо слѣдующаго содержанія: „Моя мысль съ волненіемъ и энтузіазмомъ слѣдуетъ за усиліями бельгійскаго пролетаріата завоевать всеобщее голосованіе. Въ часъ, когда свобода находится въ опасности, да вдохновится французскій пролетаріатъ вашей мудростью и вашей энергіей. Пусть онъ по вашему примѣру почувствуетъ необходимость сочетанія политическаго дѣйствія съ дѣйствіемъ профессіональнымъ. Привѣтъ и братство".

М. Метерлинкъ въ свою очередь писалъ: „Мнѣ нечего увѣрять васъ, что я всѣмъ сердцемъ съ тѣми, кто собирается вести великую, героическую борьбу противъ министерства, прекрасно, если можно такъ выразиться, воплощающаго все безобразіе, всю низость и все вѣроломство стараго бельгійскаго клерикализма. Относительно всеобщаго голосованія я сказалъ почти все, что имѣлъ сказать, въ „Двойномъ саду" и въ „Нашемъ соціальномъ будущемъ". Если та или другая изъ этихъ страницъ покажется вамъ подходящею, вы можете сдѣлать изъ нея какое вамъ угодно употребленіе. При такихъ обстоятельствахъ литература отходитъ на второй планъ, и когда эта законнѣйшая стачка разразится, я постараюсь помочь ей болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ перомъ". Дѣйствительно, едва стачка началась, газеты принесли извѣстіе, что Метерлинкъ прислалъ въ стачечный фондъ въ видѣ перваго взноса 1.000 фр.

Приведенные нами примѣры превосходно рисуютъ ту атмосферу благожеланія, которая создалась около послѣдней бельгійской стачки и была далеко не безразлична ни для успѣховъ ея, ни для настроенія участниковъ. Какъ было назначено сперва Національнымъ комитетомъ, а затѣмъ соціалистическимъ конгрессомъ, всеобщая забастовка началась 14 апрѣля. Уже въ первый день, по наиболѣе безпристрастнымъ подсчетамъ, движеніе охватило отъ 250.000 до 300.000 рабочихъ. Въ слѣдующіе дни число стачечниковъ превзошло 400.000, а соціалистическая пресса насчитывала ихъ полмилліона и даже болѣе. Замѣтимъ, что въ 1902 г. наибольшая цифра стачечниковъ достигала лишь 232.000, начавшись съ 140.000.

Но значеніе приведенныхъ цифръ еще возрастетъ, если принять во вниманіе, такъ сказать, удѣльный вѣсъ отраслей промышленности, захваченныхъ всего болѣе движеніемъ. Общее населеніе Бельгіи опредѣляется въ $7^{1}/_{2}$ мил. человѣкъ. Въ промышленности занято круглымъ числомъ до 1.000.000 человѣкъ. Изъ нихъ до

150.000 работаютъ на дому, а около 100.000 — въ мелкой промышленности и ремеслѣ. Обѣ эти категоріи, равно какъ и женщины, не могли принимать серьезнаго участія въ стачкѣ. Если мы скинемъ со счетовъ эти элементы, то остаются отъ 600.000 до 650.000 занятыхъ въ крупной промышленности мужчинъ, изъ коихъ отъ 400.000 до 450.000 участвовали въ движеніи, распредѣляясь по главнымъ отраслямъ слѣдующимъ образомъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ угольное дѣло — основа всей промышленности Бельгіи: въ немъ занято до 145.000 человѣкъ. Изъ нихъ бастовало около 90%, или 130.000, причемъ и значительная часть работавшихъ осталась на копяхъ съ согласія товарищей, въ цѣляхъ охраны и наблюденія за работами и имуществомъ. Немудрено, что добыча каменнаго угля была стачкою совершенно остановлена. Далѣе идутъ металлургисты, численность которыхъ достигаетъ 120.000. Изъ нихъ бастовало 60% съ лишнимъ, или 70.000 человѣкъ. И такъ какъ были охвачены стачкой всѣ наиболѣе крупныя предпріятія, то и тутъ работы сократились, по меньшей мѣрѣ, на три четверти. Стекольное и каменоломенное дѣло, какъ и каменноугольныя копи, были пріостановлены совершенно: въ нихъ тоже бастовало 90%. Въ текстильной промышленности % бастующихъ измѣнялся смотря по видамъ ея. Всего ниже онъ былъ въ обработкѣ льна, среднее мѣсто заняла хлопчатобумажная отрасль, а шерстяныя фабрики совершенно не работали: здѣсь тоже бастовало до 90%.

Словомъ, если стачка въ строгомъ смыслѣ этого слова не была всеобщей, то она приняла такіе размѣры, что вся дѣятельность страны была сильно нарушена, и продлись она еще нѣкоторое время, быть можетъ, мы были бы свидѣтелями и полной пріостановки труда во всей Бельгіи. Угрозы католическихъ рабочихъ, какъ мы видимъ, имѣли мало значенія, оказавъ замѣтное вліяніе лишь въ такихъ отрасляхъ, какъ домашняя и мелкая, и, быть можетъ, среди женщинъ.

Но послѣднее движеніе не только имѣло огромное численное превосходство надъ движеніемъ 1902: оно и проходило иначе. За все время стачки теперь не было ни одного серьезнаго нарушенія тишины, ни одного случая саботажа, ни крупнаго столкновенія. Какъ ни старалась католическая пресса откопать случаи, которые оправдали бы ея зловѣщія предсказанія, но и она не могла указать ничего кромѣ дракъ, мелкихъ столкновеній и др. фактовъ, заносимыхъ обыкновенно въ хронику дня. Вотъ что теперь валилось ею на голову стачечниковъ. Всѣ страхи и ужасы, которыми она пугала обывателя, не осуществились. Оказались ненужными и всѣ военныя приготовленія правительства. Стачечникъ на работу не ходилъ, но не производилъ и никакого буйства. Онъ даже и кабачки посѣщалъ рѣже обыкновеннаго! За чрезвычайно спокой-

ный и мирный характеръ иныя газеты прозвали эту стачку молчаливою. Тутъ-то и сказалась вся степень ея подготовленности и вся ея серьезность. И это настолько импонировало, что во время парламентскихъ дебатовъ, ликвидировавшихъ стачку, само правительство принуждено было отдать должную дань изумительной выдержкѣ пролетаріата.

Еслибъ стачка затянулась, всѣ, вѣроятно, поразились бы и другими сторонами организованности ея, разсчитанными на продолжительный конфликтъ. Но теперь общественныя столовыя,— или „коммунистическіе супы", какъ ихъ здѣсь называли,—раздача пособій, снабженіе бастующихъ дешевыми жизненными продуктами, кормленіе и отправка дѣтей носили характеръ лишь пробы, дѣйствуя, правда, великолѣпно, но все же недостаточно долго, чтобъ показать воочію всю свою цѣлесообразность.

Начало стачки было пріурочено къ 14-му апрѣля въ виду того, что черезъ два дня возобновлялись послѣ трехъ недѣль пасхальныхъ каникулъ засѣданія законодательныхъ учрежденій, которыя должны были рѣшить вопросъ о пересмотрѣ и такъ или иначе ликвидировать движеніе. Вся совокупность обстоятельствъ давала благодарную роль посредника опять-таки либераламъ. Протянуть первыми оливковую вѣтвь мира ни правительство, ни католики не могли: они—большинство, и имъ ли идти съ покаянной! Не могли этого сдѣлать и соціалисты: движеніе только что началось, и началось чрезвычайно дружно, удачно, съ истиннымъ энтузіазмомъ; просить о мирѣ при такихъ условіяхъ значило бы показать свою блабость или недовѣріе въ мощь и энергію пролетаріата. И лисералы воспользовались благопріятнымъ случаемъ. Въ первое же засѣданіе одна часть ихъ—лѣвая — внесла предложеніе радикальнаго, но исключительно демонстративнаго характера о производствѣ референдума среди избирателей относительно пересмотра конституціи.

Другая часть ждала заявленій главы правительства. Ждать этого пришлось недолго, всего одинъ день. „Такъ какъ вы говорите о комиссіи—сказалъ, между прочимъ, баронъ де-Броквиль въ своей деклараціи—то позвольте мнѣ напомнить вамъ, что уже нѣсколько времени тому назадъ, когда намъ на всѣ лады твердили, что „у насъ нѣтъ такого салона, гдѣ можно было бы разговаривать", я заявлялъ, что правительство могло бы учредить комиссію для разсмотрѣнія провинціальнаго и коммунальнаго избирательныхъ законовъ, гдѣ можно было бы разговаривать и гдѣ могли бы придти къ заключенію, — пунктъ, важный въ данномъ дѣлѣ, — не способна ли какая-нибудь опредѣленная формула объединить различныя партіи. Что я говорилъ тогда, то я повторяю и сегодня, и это является лучшимъ доказательствомъ нашихъ примирительныхъ намѣреній. Если въ этой комиссіи удастся найти формулу, которая выше настоящей системы *даже въ отношеніи законода-*

тельныхъ палатъ, то это, очевидно, побудитъ всѣхъ членовъ подлежащихъ переизбранiю, заговорить о томъ со своими избирателями и сказать имъ: мы нашли формулу, которая кажется разумной, и партiи показали даже своимъ отношенiемъ къ ней, что соглашенiе возможно. Тогда кто изъ насъ воспротивится тому, чтобы пересмотръ совершился? Это было бы противно доброму чувству и общему интересу страны, и правительство ни на одну минуту не переставало смотрѣть на вопросъ именно такимъ образомъ".

Похожее на прежнiя, это заявленiе однако отличалось отъ нихъ большею опредѣленностью. Кромѣ того, подчеркнутыя слова прямо указывали, какимъ путемъ можно подойти къ пересмотру конституцiи, о которомъ правительство, да и вся правая, раньше и слышать не хотѣли. Это уже было чѣмъ-то вродѣ уступки. Тутъ однако случился почти такой же казусъ, какой произошелъ съ исторiей переговоровъ съ бургомистрами.

Либералы воспользовались вышеприведенными словами и основали на нихъ новую примирительную резолюцiю. Каково же было ихъ,—да и всѣхъ другихъ, — изумленiе, когда въ офицiальномъ отчетѣ о засѣданiи подчеркнутыхъ словъ *„даже въ отношенiи законодательныхъ палатъ"* не оказалось. Что они были въ прочитанной декларацiи, это подтверждалось корректурными оттисками, розданными депутатамъ и журналистамъ. Они попали въ печать, въ томъ числѣ и католическую. Всѣ ихъ, къ тому же, слышали. Припертый къ стѣнѣ де-Броквиль также призналъ, что они были имъ сказаны. Но такимъ образомъ становилось ясно, что этотъ подлогъ былъ дѣломъ рукъ непримиримой правой, ея послѣднимъ маневромъ. И это рѣшило судьбу либеральной резолюцiи. Пойманные съ поличнымъ и не поддержанные своимъ правительствомъ, которому такой маневръ показался слишкомъ опаснымъ, ибо онъ могъ затянуть и расширить стачку, крайнiе правые принуждены были послѣ трехъ дней размышленiя голосовать резолюцiю, хотя и внесли въ конецъ ея слова о неодобренiи стачки.

Предъ соцiалистами подправленная резолюцiя ставила дилемму: принять резолюцiю цѣликомъ со словами неодобренiя стачкѣ они не могли; но съ другой стороны, видя несомнѣнную уступку правительства и желанiе его пойти на компромиссъ, они не хотѣли и затягивать стачки, такъ какъ большаго обѣщанiя все равно не могли получить. И вотъ они голосовали за часть, предложенную либералами, но противъ того конца, который приставили католики, а при вотированiи резолюцiи въ цѣломъ совершенно воздержались. Это было на десятый день послѣ начала стачки. А на другой день стачечный комитетъ, обсудивъ резолюцiю палаты, постановилъ созвать экстренно конгрессъ, которому и предложилъ ликвидировать движенiе.

Наступалъ такимъ образомъ рѣшительный моментъ. Рабочiе

заволновались. Принятая палатой резолюція ихъ не только не удовлетворяла, а казалась издѣвательствомъ, ибо, не давая положительнаго отвѣта на ихъ требованіе, въ то же время осуждала стачку. Особенно негодовали углекопы. Они наиболѣе дружно вели борьбу и желали ея продленія. Въ этомъ смыслѣ большинство ихъ и дало наказы своимъ представителямъ на конгрессъ. Независимая, безпартійная печать также не была удовлетворена: игра не стоила свѣчъ,—говорила она.

На конгрессѣ поэтому происходили чрезвычайно жаркія пренія. Исходъ ихъ долго казался сомнительнымъ. Сторонникамъ ликвидаціи пришлось употребить все свое краснорѣчіе, чтобъ доказать невозможность продолжать стачку. И лишь съ большимъ трудомъ имъ удалось создать большинство, которое въ концѣ-концовъ высказалось въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Углекопы и часть рабочихъ другихъ отраслей однако и послѣ этого рѣшили протестовать. Въ то время, какъ конгрессъ постановилъ приступить къ работамъ на другой же день, т. е. 25 апрѣля, они приступили лишь 28-го: только съ этого дня можно считать всеобщую стачку окончательно ликвидированной.

V.

Каковы же результаты этого, можно безъ преувеличенія сказать, славнаго движенія? Во что оно обошлось и что дало?

Начнемъ съ матеріальныхъ убытковъ. Точнаго ихъ подсчета, конечно, сдѣлать нельзя. Приблизительно считаютъ, что рабочіе потеряли на заработной платѣ отъ 20 до 25 милліоновъ франковъ за двѣ недѣли. За это же время добыча угля сократилась примѣрно на 1.000.000 тоннъ. Недопроизводство чугуна опредѣляется въ 100.000 тоннъ. Желѣзнодорожный транспортъ обнаружилъ въ первую недѣлю пониженіе на 37.800 вагоновъ товаровъ, во вторую 35.700 сравнительно съ прошлымъ годомъ. Въ антверпенскій портъ, гдѣ не было общей иріостановки работъ, въ нынѣшнемъ апрѣлѣ вошло меньше на 95 пароходовъ вмѣстимостью въ 241.000 тоннъ, чѣмъ въ прошломъ году.

Моральные результаты стачки тоже не поддаются полному учету. Относительно непосредственной цѣли ея, т. е. постановки вопроса о пересмотрѣ конституціи на очередь, идутъ еще споры. Правительство объявило, что назначитъ обѣщанную комиссію втеченіе мая, и комиссія уже созвана. Что изъ нея выйдетъ, покажетъ будущее и частичные (половинные) выборы 1914 г. Несомнѣнно, что пересмотръ этотъ скоро все-таки совершится.

Самъ пролетаріатъ получилъ уже кое-какія выгоды отъ движенія. Его организаціи за время агитаціи въ пользу стачки выросли въ полтора раза и окрѣпли. Но еще большее значеніе имѣетъ тотъ опытъ, который остался отъ забастовки. Одинъ изъ видныхъ соціалистическихъ дѣятелей Бельгіи назвалъ эту стачку научной.

Но ее можно было бы также назвать стачкой будущаго. По крайней мѣрѣ, изъ многихъ привѣтствій, присланныхъ втеченіе забастовки бельгійскому пролетаріату отъ рабочихъ другихъ странъ и отдѣльныхъ ихъ представителей, видно, что имъ всеобщая бельгійская стачка была симпатична не только ради тѣхъ цѣлей, какія ею преслѣдовались непосредственно, но и въ качествѣ образца, какъ отнынѣ рабочій классъ долженъ завоевывать свои права. Эта стачка привлекла сочувствіе даже французскихъ синдикалистовъ, принципіальныхъ противниковъ чистой политики.

Перевѣшиваютъ ли эти моральныя выгоды тѣ матеріальныя потери, которыя принесла стачка бельгійскому пролетаріату, мы судить не беремся. Однако, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что классъ, выставляющій въ маленькой странѣ на борьбу четырехсотътысячную армію для защиты своихъ требованій, заслуживаетъ серьезнаго уваженія: не считаться съ такимъ классомъ нельзя. Это поняли даже католики Бельгіи. И въ этомъ отношеніи демонстрація далеко не была лишнею.

В. Ш.

Вопросы и сомнѣнія

(Письмо изъ Франціи).

Франція переживаетъ въ настоящее время глубоко содержательный, и важный, и, можетъ быть, трагическій моментъ своей исторіи, — имѣющій, какъ и все, касающееся страны, которая втеченіе двухъ вѣковъ играла руководящую роль въ политической и соціальной, а отчасти и идейной жизни Европы, общечеловѣческое значеніе. Ея исторія привела ее къ рѣшенію очередной задачи громадной общественной важности, — къ осуществленію дѣйствительной демократической и соціальной республики. Правда, эта же задача стоитъ и передъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ. Но въ то время, какъ въ другихъ странахъ народы отдѣлены отъ разрѣшенія ея стѣною неустраненныхъ еще историческихъ пережитковъ, во Франціи стѣна эта опрокинута давно. Стѣна опрокинута, двери открыты, путь расчищенъ,—входи. Входи быстро, или входи тихо,—мы знаемъ, что великіе историческіе процессы совершаются медленно,—но двигайся все-таки въ направленіи поставленной исторіей цѣли. Это не произвольное требованіе, обращенное къ Франціи кѣмъ либо со стороны,—это требованіе, поставленное ей ея же собственнымъ прошлымъ. И вотъ мы видимъ, что въ отвѣтъ на него Франція, выражаясь образно, топчется на мѣстѣ, упирается, пятится назадъ. Почему?

Вотъ первый и основной изъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе настоящаго письма. Отвѣты на него даются различные. Одни думаютъ, что это временная заминка,—пройдетъ время, Франція

сдѣлаетъ свое усиліе и перейдетъ Рубиконъ. Но существуетъ мнѣніе, объясняющее остановку старческимъ истощеніемъ: Франція не въ силахъ сдѣлать даже усиліе, въ ней изсякъ не источникъ творческихъ идей, въ ней нѣтъ силъ необходимыхъ для ихъ осуществленія. Которое изъ объясненій правильнѣе? И если правильнѣе второе, если передъ нами проявленіе старческаго маразма, — то кто субъектъ его—культура, или вся нація? Имѣемъ ли мы дѣло съ одряхлѣніемъ буржуазной культуры, въ ея французскомъ изданіи, или съ явленіемъ болѣе прочнымъ и постояннымъ? Еслибъ я имѣлъ твердо установленное и законченное мнѣніе по всѣмъ этимъ вопросамъ, я вычеркнулъ бы въ заголовкѣ письма слово „сомнѣнія". Но я долженъ сознаться, что законченнаго и твердо установленнаго мнѣнія у меня нѣтъ;—я даже склоненъ думать, что индуктивно его пока нельзя составить; дедукціямъ же изъ теорій или общихъ соціологическихъ представленій я мало довѣряю, такъ какъ во всѣхъ построеніяхъ этого рода научный остовъ слишкомъ переплетенъ поэтическимъ вымысломъ. Мнѣ остается утѣшаться тѣмъ, что интересъ вопросовъ самъ по себѣ настолько великъ, что не понесетъ значительнаго ущерба отъ сослагательной или условной формы моего изложенія.

Прежде всего установимъ факты. Правда ли, что соціальное творчество остановилось во Франціи? И да, и нѣтъ. Если мы остановимъ наше вниманіе на политической области, мы увидимъ здѣсь *реализованную* республику, единственную на континентѣ,— если не считать маленькой Швейцаріи,—республику, доказавшую свою жизненность и имѣющую уже сорокадвухлѣтнюю давность. Мы имѣемъ далѣе республику *свѣтскую*, закончившую тысячелѣтнюю борьбу церкви и государства побѣдой государства, устранившаго церковь изъ области публично-правовой, и подчинившую ея дѣятельность, какъ и дѣятельность всѣхъ другихъ частныхъ ассоціацій, контролю и законодательному воздѣйствію государства. Мы имѣемъ наконецъ республику, покоющуюся на „четырехъ-хвосткѣ", осуществившую парламентаризмъ въ болѣе или менѣе чистой его формѣ и, по крайней мѣрѣ, фактически оставившую „главѣ государства" однѣ декоративныя функціи. Можно, конечно, указать въ противовѣсъ, что Третья республика пропитана нереспубликанскими навыками, что ея администрація бюрократична, что мѣстное самоуправленіе и даже общественная самодѣятельность стѣснены давленіемъ правительственнаго механизма, что побѣда государства надъ церковью осложнилась стѣсненіемъ свободы совѣсти вѣрующихъ; что никогда, даже во времена королей и императоровъ, общій ходъ правительственной политики не опредѣлялся въ такой мѣрѣ интересами и желаніями имущихъ классовъ, и въ особенности de la haute finance, и т. д., и т. д. Много можно сдѣлать репримандовъ Третьей республикѣ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя все-

таки отрицать и ея реальныхъ политическихъ и культурныхъ заслугъ и пріобрѣтеній. Пріобрѣтенія—налицо.

Но въ области соціальной политики Третьей республикой сдѣлано очень мало, и то, что сдѣлано ею, скорѣе вырвано у нея, чѣмъ дано свободно. Признано право ассоціацій и стачекъ. Принятъ плохо редактированный и не удовлетворяющій рабочихъ законъ о страхованіи на случай старости. Нормированъ трудъ дѣтей, женщинъ, несовершеннолѣтнихъ,—съ 1900 и мужчинъ, но съ значительными исключеніями. Была сдѣлана остановившаяся на полдорогѣ попытка обезпечить трудящимся дѣйствительный воскресный отдыхъ. Въ итогѣ соціальное законодательство Франціи далеко отстало отъ германскаго и англійскаго. Кажется, нигдѣ на континентѣ буржуазія не защищаетъ съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, какъ во Франціи, гдѣ она всемогуща. И доказательствомъ этого служитъ судьба того подоходнаго налога, который былъ написанъ на знамени республиканской партіи во времена Имперіи и не осуществленъ еще по прошествіи сорока двухъ лѣтъ.

Да, буржуазія всемогуща во Франціи,—и это естественно, такъ какъ Франція самая богатая страна въ Европѣ, и значительная часть ея населенія или капиталисты, или собственники, или предприниматели, или рантьеры. Но французскій капитализмъ принялъ особенную форму—ростовщическую. Накопляя ежегодно до двухъ милліардовъ франковъ, Франція не расширяетъ и не увеличиваетъ своей промышленности, капиталъ не ищетъ и не находитъ производительнаго помѣщенія внутри страны, а въ своей главной части помѣщается въ иностранные государственные и частные займы. Россія, Турція, Германія, Австрія и Балканскія государства, вся Южная Америка обильно черпаютъ въ французской мошнѣ и работаютъ французскимъ капиталомъ. Средній французъ живетъ скупо и копитъ грошъ къ грошу. Накопивъ, покупаетъ русскую ренту, турецкій заемъ, акціи Ріо-Тинто, желѣзнодорожныя облигаціи Аргентинской республики. Оттого-то нѣтъ страны, гдѣ-бы биржа играла такую огромную роль, а вмѣстѣ съ нею la haute finance, синдикаты банковъ, биржевыхъ маклеровъ и кулисье.

Мы увидимъ ниже, куда привело Францію въ ея внутренней политикѣ преобладаніе интересовъ „дѣловыхъ“ классовъ. Пока остановимся на ея международной политикѣ. Она въ общемъ и à la longue—миролюбива. Но миролюбіе это не тотъ глубокій и идейный пасифизмъ, который вытекаетъ изъ демократическихъ принциповъ свободы, равенства и братства. Въ его основѣ лежитъ боязнь риска, боязнь потерь, желаніе въ мирѣ пользоваться жизненными удобствами, созданными высокой культурой. Тамъ, гдѣ риска нѣтъ, гдѣ побѣда обезпечена съ затратой небольшихъ жертвъ, тамъ буржуазія непрочь и повоевать. Иллюстрація: ея колоніальная политика — Мадагаскаръ, Тонкинъ, Тунисъ, Марокко, цен-

тральная Африка, гдѣ всюду французское владычество шло и идетъ по крови и имѣетъ цѣлью жестокую эксплуатацію подчиненныхъ странъ и населяющихъ ихъ народовъ. Такимъ образомъ международная и колоніальная политика Французской республики ничѣмъ не отличается отъ международной и колоніальной политики другихъ великихъ державъ. Да, то героическое время, когда первая республика стояла лицомъ къ лицу со всей „Старой Европой" въ борьбѣ за принципы новой жизни—прошло давно, стало преданьемъ старины сѣдой; Третья республика—достойный и уважаемый сочленъ европейскаго концерта и союзница офиціальной Россіи. Что вы хотите?—c'est la vie!.. Тѣмъ не менѣе очевидно, что роль передового отряда человѣчества въ дѣлѣ завоеванія лучшаго будущаго Франціей утеряна.

Въ связи съ этимъ стоитъ пониженіе ея духовнаго вліянія на умы Европы. Я не хочу этимъ сказать, что понизился культурный уровень Франціи, — Франція остается страной старой и высокой культуры, успѣхи ея научной мысли въ рядѣ областей весьма значительны, искусство попрежнему стоитъ высоко, литература и театръ представляютъ значительный интересъ. И тѣмъ не менѣе что-то утрачено, утрачено то творческое вдохновеніе, которое заставляло человѣчество съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что думаетъ Франція,—потому что было время, когда здѣсь рождались новыя слова. Теперь цвѣтъ философской мысли представленъ здѣсь Бергсономъ. Въ литературѣ первое мѣсто занимаютъ Анатоль Франсъ съ своей скептической философіей, и Октавъ Мирбо, угрюмый мизантропъ. Искусство? Сто тысячъ полотенъ и статуй, ежегодно фигурирующихъ въ десяткахъ салоновъ и выставокъ, краснорѣчиво говорятъ о небываломъ расцвѣтѣ художественной техники, мастерства, но и объ отсутствіи того глубокаго и творческаго вдохновенія, которое одно даетъ смыслъ и значительность искусству. Театръ заполненъ обстановочными пьесами и легкой бытовой комедіей, часто пикантной и пряной,—и это свидѣтельствуетъ о томъ, что театръ сталъ мѣстомъ развлеченія усталыхъ людей, и только. А когда-то онъ былъ то орудіемъ общественной сатиры, то отраженіемъ великой общественной борьбы, то каѳедрой, откуда неслась проповѣдь, зажигавшая сердце. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что закончилась героическая фаза буржуазнаго періода французской исторіи, и ее смѣнила фаза прозаическая, дѣловая, удобная и скучная, отмѣченная то утонченнымъ, то низменнымъ сенсуализмомъ.

Этимъ прозаическимъ, дѣловымъ, удобно устроившимся и скучнымъ людямъ общественные низы предъявляютъ рядъ требованій,— непріятныхъ требованій. Общественные низы „дерзки и жадны"; въ нихъ „разыгрались аппетиты", и они не уважаютъ „господъ положенія". Французскій пролетаріатъ не даромъ продѣлалъ четыре революціи; буржуазія не безнаказанно разстрѣливала его въ іюньскіе дни на баррикадахъ, и въ майскіе дни у стѣны клад-

бища Père-Lachaise. И потомъ сорокъ два года республики, свободы слова и свободы критики! Неудивительно, что французскій пролетаріатъ ненавидитъ буржуазію, низко цѣнитъ буржуазную республику, и что въ немъ бродятъ революціонныя страсти; неудивительно, что онъ хочетъ и требуетъ и для себя мѣста на солнечной сторонѣ жизни, и грозитъ, что онъ возьметъ его себѣ силой. Эта угроза, и та борьба, которая такъ долго уже кипитъ во Франціи вокругъ „соціальной баррикады", борьба, принявшая послѣднее время особенно острыя формы, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что соціально удовлетворенная и старчески неподвижная буржуазія не ограничилась топтаніемъ на мѣстѣ, но повернула назадъ. Шесть лѣтъ уже во Франціи свирѣпствуетъ реакція, все усиливаясь и наростая. Она началась во время министерства Клемансо и нашла свою теорію и своего теоретика въ Бріанѣ и его доктринѣ „умиротворенія".

Умиротвореніе, „l'apaisement", должно было привлечь къ республикѣ всѣхъ исключенныхъ изъ нея, но не потерявшихъ вѣса въ жизни,—т. е. сторонниковъ предшествовавщихъ режимовъ и вѣрныхъ католиковъ. Республика, доказывалъ Бріанъ, должна быть республикой открытой для всѣхъ, терпимой, свободной отъ сектаторства. У себя, во Франціи, каждый французъ долженъ чувствовать себя дома. Время битвъ прошло, республиканская форма установлена, идея свѣтскаго государства проникла въ умы,—республика можетъ позволить себѣ роскошь примиренія съ побѣжденными. Въ своей отвлеченной формѣ этотъ тезисъ былъ и красивъ, и благороденъ. Но конкретнымъ послѣдствіемъ этой доктрины явилось крушеніе буржуазнаго радикализма и его недолгой гегемоніи. Образовался правый центръ, привлекшій къ себѣ значительную часть радикаловъ слѣва и прогрессистовъ справа и воспользовавшійся симпатіями роялистовъ, католиковъ и націоналистовъ, чтобы взять власть въ свои руки, провести на постъ президента республики консервативнаго республиканца Пуанкарэ, и на постъ министра-президента консервативнаго республиканца Барту, открывшаго двери кабинета прогрессисту Тьерри. Эта политическая эволюція не могла бы имѣть мѣста, еслибы ей не предшествовала и не сопутствовала общественная эволюція, сблизившая радикальную буржуазію въ странѣ съ буржуазіей консервативной и реакціонной. Ихъ раздѣляли политическіе и религіозные вопросы,—ихъ соединило и сблизило тождество матеріальныхъ интересовъ, заговорившихъ громче прежняго передъ лицомъ растущей „красной волны". „La vague rouge monte, — unissons-nous!" (красная волна все поднимается—соединимся же противъ нея).

Этотъ призывъ, вскрывающій соціально-консервативную природу старой буржуазіи, былъ услышанъ, и буржуазные реформисты,—партіи радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ,—дезорганизованные, деморализованные и растерявшіе добрую половину сво-

ихъ членовъ, были отодвинуты на задній планъ и въ оппозицію, правда, нерѣшительную и непланомѣрную.

Казалось бы, что въ этихъ условіяхъ вся оппозиція должна бы объединиться, т. е. вновь долженъ бы возникнуть блокъ радикаловъ и соціалистовъ. Но этого не произошло по множеству причинъ. Парламентская оппозиція разбилась на вопросѣ объ избирательной реформѣ, въ которомъ соціалисты вмѣстѣ съ правыми и правительствомъ оказались на одной сторонѣ, а радикалы—на другой. Блоку же соціалистовъ и радикаловъ въ странѣ помѣшали и обостреніе соціальныхъ интересовъ, и возрастающій вѣсъ революціоннаго синдикализма. Французскій пролетаріатъ не ищетъ въ настоящее время союзниковъ среди буржуазныхъ реформаторовъ и въ одиночку борется съ консервативной коалиціей. Въ силахъ ли онъ побѣдить сопротивленіе послѣдней и сдвинуть страну съ мертвой точки по пути широкихъ демократическихъ и соціальныхъ реформъ? Вопросъ силы рѣшается прежде всего подсчетомъ. Какова же численность организованнаго пролетаріата во Франціи?

Она ничтожна. Въ синдикатахъ, сосредоточенныхъ вокругъ Конфедераціи труда и связанныхъ съ нею болѣе или менѣе прочно, числится около 400,000 членовъ. Точно цифра неизвѣстна, такъ какъ Конфедерація не публикуетъ своихъ статистическихъ данныхъ, таитъ ихъ по принципу и если иногда дастъ какую-либо цифру, то въ цѣляхъ „произвести впечатлѣніе", т. е. преувеличивая. Правда, Конфедерація труда является не только организаціоннымъ, но и моральнымъ центромъ рабочаго класса, и потому, разъ въ какой-либо мѣстности, въ какой-либо профессіи возникаетъ стачка, немедленно между Конфедераціей и стачечниками образуется связь. Но связи подобнаго рода не прочны и не долговременны,—точно такъ же, какъ непрочны связи, объединяющія членовъ профессій въ синдикаты. Установлено, напримѣръ, что послѣ неудачной желѣзнодорожной стачки 1910 года синдикатъ желѣзнодорожниковъ растерялъ болѣе половины своихъ членовъ, а въ то же время католическій желѣзнодорожный синдикатъ возросъ на *пятьдесятъ тысячъ* человѣкъ. Эти данныя были опубликованы въ „Желѣзнодорожной Трибунѣ", органѣ „національнаго ж.-д. синдиката". Соціалистическая партія насчитываетъ во Франціи всего около 60.000 зарегистрированныхъ и платящихъвзносъ членовъ. На выборахъ она собираетъ, правда, около милліона съ небольшимъ голосовъ, значительная часть которыхъ, какъ это всегда бываетъ, принадлежитъ простымъ „попутчикамъ". Журналъ соціалистической партіи, редактируемый Жорэсомъ, „L'Humanité", до послѣдняго времени давалъ постоянные убытки и почти никѣмъ не читался, обладая тиражемъ, считая въ томъ числѣ и возвратъ, въ 20-30 тысячъ экземпляровъ.

Недавно „L'Humanité" увеличила свой форматъ, улучшивъ информацію, начала печатать раздирательные романы, хронику сен-

саціонныхъ преступленій, ввела отдѣлъ модъ, однимъ словомъ приблизилась къ типу „буржуазныхъ“ газетъ. Тиражъ ея поднялся, не превысивъ однако 60.000 номеровъ. Заключеніе: армія организованнаго пролетаріата во Франціи не велика. Кромѣ того, она разъединена. Въ Германіи въ общемъ не существуетъ антагонизма между соціалъ-демократической партіей, вѣдающей политическіе интересы пролетаріата, и профессіональными союзами, руководящими ея экономической дѣятельностью. Во Франціи уже много лѣтъ наблюдается то глухой, то открытый антагонизмъ между соціалистической партіей и синдикальными организаціями. Французскій „объединенный соціализмъ“, несмотря на обиліе составляющихъ его теченій, несмотря на революціонность своихъ основныхъ идей, эволюціоненъ по формамъ своей практической дѣятельности, сводящейся къ организаціи рабочаго класса, къ экономической борьбѣ путемъ стачекъ и другихъ легализованныхъ средствъ и къ парламентской дѣятельности. Синдикализмъ же, провозгласившій первоначально принципъ аполитизма синдикатовъ, уже съ начала настоящаго столѣтія принялъ характеръ антипарламентарнаго и ярко революціоннаго движенія. „Революціонеры“ одержали въ Конфедераціи труда, въ „союзѣ синдикатовъ“ и въ рядѣ отдѣльныхъ синдикатовъ верхъ надъ „реформистами“, не потому, что они составляютъ большинство организованнаго пролетаріата, а вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей той конституціи, которая положена въ основу ихъ національной организаціи. Благодаря этой конституціи, синдикаты, входящіе въ составъ Конфедераціи, имѣютъ одинаковое число голосовъ въ ея совѣтѣ, независимо отъ числа членовъ, составляющихъ синдикатъ. Малочисленные синдикаты ремесленниковъ представлены поэтому столь же сильно, какъ и крупные синдикаты фабричныхъ рабочихъ и рудокоповъ. Въ этихъ послѣднихъ,—у рабочихъ текстильной промышленности, у каменно-угольныхъ рабочихъ и т. д.—преобладаютъ реформисты; желѣзно-дорожный синдикатъ дѣлится почти поровну между реформистами и революціонерами; но въ мелкихъ синдикатахъ парикмахеровъ, булочниковъ, электрическихъ рабочихъ и множествѣ другихъ господствуютъ революціонеры.

Благодаря ихъ численному преобладанію, „синдикальные союзы“ Конфедераціи труда находятся подъ властью послѣднихъ. Подъ ихъ вліяніемъ офиціальной доктриной французскаго синдикальнаго движенія сталъ „революціонный синдикализмъ“, все болѣе и болѣе принимающій характеръ синдикализма анархическаго, отрицающаго парламентскую борьбу и послѣдовательно проводящаго принципъ „прямого дѣйствія“, de l'action directe, во всѣхъ конфликтахъ съ хозяевами, съ государствомъ, съ штрейкбрехерами и т. д. Логически и послѣдовательно развиваясь, принципъ этотъ привелъ синдикализмъ къ практикѣ саботажа во всѣхъ его формахъ. Послѣдовательно проводя классовую точку зрѣнія, синдикализмъ объявилъ

себя врагомъ „буржуазнаго понятія отечества". Смотря на армію, какъ на орудіе классоваго угнетенія, онъ ввелъ въ практику „саботажъ арміи"—дезертирство. Разсматривая войну, какъ форму международнаго грабежа, служащаго интересамъ капитала, онъ объявилъ, что отвѣтитъ на мобилизацію арміи саботажемъ и соціальной революціей. Въ своей экономической борьбѣ синдикализмъ усвоилъ столь же непримиримую и аггрессивную линію поведенія. Онъ объявляетъ стачки легко и часто, — и въ прошломъ году проигралъ болѣе 50% кампаній. Французскій пролетаріатъ находится, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ двухъ враждующихъ между собою теченій,—реформистско-соціалистическаго и анархо-синдикалистскаго,—и эта организаціонная и идеологическая рознь ослабляетъ его и безъ того ограниченныя силы.

Должно отмѣтить еще то обстоятельство, что, изъ двухъ конкурирующихъ между собою пролетарскихъ теченій, доминирующая роль остается за анархо-синдикализмомъ,—и это оттого, что анархо-синдикализмъ не дорожитъ ни поддержкой, ни добрыми отношеніями съ соціалистической партіей. Послѣдняя же безъ сочувствія и поддержки синдикальныхъ организацій потеряла бы пролетарскій характеръ и оказалась бы изолированной и политически безсильной. Поэтому-то и случилось, напр., что соціалистическая партія, съ Жорэсомъ во главѣ, шла истекшей зимою, во время кампаніи протестовъ противъ войны, на буксирѣ у синдикалиста Жюго и анархиста Ивето, грозя отвѣтить на призывъ къ мобилизаціи призывомъ къ соціальной революціи. Эти угрозы, вся ультра-революціонная позиція, занятая синдикализмомъ, хроническая „внѣзаконность" его дѣйствій, раздражаютъ буржуазію, даже наиболѣе прогрессивную, пугаютъ ее и озлобляютъ. Тѣмъ болѣе, что всѣ чувствуютъ связь между аггрессивностью французскаго пролетаріата и отсутствіемъ у него реальной силы. Синдикалисты и сами не скрываютъ, что они хотятъ уравновѣсить недостатокъ массы быстротой движенія. Сомнительно, чтобы имъ это удавалось.

Противъ сплоченной, богатой, политически сильной консервативной буржуазіи стоитъ, такимъ образомъ, малочисленный, разрозненный и нервничающій пролетаріатъ. Но можно быть и малочисленнымъ, и разрозненнымъ, и нервничающимъ, и имѣть за собою будущее, обладая моральнымъ авторитетомъ, вытекающимъ изъ силы духа, изъ силы мысли? Конечно, можно. И справедливость заставляетъ признать, что если во Франціи существуетъ энтузіазмъ, идеализмъ, героическій подъемъ, если гдѣ создаются новыя концепціи жизни, и работаетъ творческая мысль,—то это на крайнемъ лѣвомъ общественномъ флангѣ. И убѣдительнымъ показателемъ въ этомъ отношеніи является тотъ фактъ, что принципы соціализма завоевываютъ понемногу интеллигенцію и университетскія каѳедры. Въ Сорбоннѣ немало профессоровъ, и не изъ худшихъ, которые открыто называютъ себя соціалистами. Но... Но

если мы вспомнимъ размѣры и блескъ того громаднаго умственнаго движенія, которое въ XVIII вѣкѣ предшествовало Великой революціи и выковало умы ея дѣятелей, мы не найдемъ ему аналогіи въ работѣ соціалистической и синдикалистской мысли. У соціалистовъ есть Жорэсъ, ораторъ, трибунъ, журналистъ, парламентарій, мыслитель, философъ. Можно удивляться почти геніальной силѣ его всеобъемлющаго ума, но нельзя не видѣть, что онъ весь ушелъ въ чисто практическую работу. У синдикализма имѣется новая идея,—я имѣю въ виду не идею „всеобщей стачки", de la grève générale,—а ту новую концепцію государства, какъ ассоціаціи производительныхъ синдикатовъ, какъ федераціи корпорацій, которую несетъ въ себѣ синдикализмъ. Но онъ несетъ ее въ себѣ, какъ мать несетъ въ себѣ нерожденнаго ребенка. И если судить по абсолютному отсутствію у синдикалистовъ теоретиковъ, играющихъ роль акушеровъ при рожденіи великихъ, обновляющихъ міръ идей, нельзя предвидѣть, когда родится это дитя, и родится ли оно жизнеспособнымъ.

Сведемъ же воедино все сказанное. Застой, — онъ налицо во Франціи. Консервативныя, силы обусловившія его, громадны; элементы, желающіе вести страну впередъ,—малочисленны, разрознены, духовно бѣдны.

Но, можетъ быть, „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ"? Буржуазія, добившаяся господства, повсемѣстно консервативна, и Франція ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ странъ. Слабы дѣйствительно-прогрессивные элементы? Они окрѣпнутъ, умножатся и возрастутъ духовно,—все въ свое время. Конечно, прекрасная вещь оптимизмъ, и опытные люди говорятъ, что никогда не слѣдуетъ терять надежды. Но... Но въ жизни Франціи есть одно явленіе, которое необходимо обслѣдовать и взвѣсить прежде, чѣмъ позволить себѣ предаваться оптимизму и „подающимъ отраду" надеждамъ. И это явленіе—депопуляція, сокращеніе численности населенія Франціи.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ явленія, — мы къ нимъ вернемся ниже; пока попытаемся опредѣлить его значеніе и учитать его послѣдствія. Соціологія разсматриваетъ ростъ населенія, какъ одинъ изъ основныхъ, первичныхъ факторовъ экономическаго, а, слѣдовательно, и общественнаго прогресса. Имъ вызывается потребность въ расширеніи производства, и онъ же даетъ необходимую для этого расширенія рабочую силу. Такимъ образомъ промышленный застой Франціи, низкая сравнительно съ сосѣдними странами производительность ея полей, обиліе ремесленныхъ рабочихъ, экспортъ капитала заграницу, прочность мелкой собственности, малочисленность рабочаго класса, его неорганизованность, широкое распространеніе среди пролетаріата индивидуалистическихъ

концепцій, печать которыхъ лежитъ и на анархо-синдикализмѣ,— весь этотъ комплексъ признаковъ, характерныхъ для Франціи и логически между собой связанныхъ, находитъ свое объясненіе въ пріостановкѣ роста населенія.

Ростъ населенія вводитъ въ жизнь общества мутаціонный факторъ; необходимость найти средства существованія, безъ пониженія уровня матеріальной культуры, для все большаго и большаго числа людей, живущихъ на той же территоріи, является революціонизирующимъ началомъ въ наиболѣе общемъ смыслѣ этого слова; въ области экономической онъ ведетъ къ развитію производительныхъ силъ; въ области культурной—къ эволюціи формъ быта; въ области политической—къ господству прогрессивной демократіи. Мы видѣли, что депопуляризирующаяся Франція экономически неподвижна, что политическая реакція завоевываетъ ее. Если окажется налицо и третій моментъ—культурный застой,—мы будемъ вправѣ заключить, что Франція находится всецѣло подъ дѣйствіемъ закона депопуляціи. И, дѣйствительно, трудно отыскать страну, гдѣ культурно-бытовой застой сказывался бы такъ опредѣленно, какъ здѣсь. Со стороны Францію легко считать страною революціи, пропитанною революціоннымъ микробомъ, но представленіе это столь же произвольно, какъ представленіе о Парижѣ, какъ о „Новомъ Вавилонѣ". На самомъ дѣлѣ Франція страна мѣщанъ, страна традицій и удивительно прочнаго быта. Дома, ихъ архитектура, ихъ внутреннее устройство, ихъ оборудованіе—все какъ у прадѣдовъ. Мебель—стиля Людовиковъ; самый юный стиль это Ампиръ; „Модернъ", не смотря на всѣ старанія нѣсколькихъ антрепренеровъ, потерпѣлъ полное фіаско. Въ домахъ—крѣпкая семья. Женщина—истая хозяйка, дѣловитая, экономная, чуждая политикѣ,—суффражетокъ во Франціи чрезвычайно мало, суффражистокъ нѣтъ, и если бы онѣ появились, ихъ засыпали бы насмѣшками. Вокругъ семейнаго жилища—высокая стѣна,—самая подлинная стѣна изъ кирпича, изъ рѣшетокъ и колючей проволоки, и стѣна моральная,— проникнуть черезъ которую очень трудно.

Для общенія съ себѣ подобными есть улица, кафэ, театръ, клубы. Общеніе съ себѣ подобными регламентировано очень строго обычаемъ. Два начала положены въ его основу, — во-первыхъ, общее удобство, во-вторыхъ, требованіе респектабельности. И, дѣйствительно, внѣшнее общеніе съ людьми во Франціи отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. Достигается это строгой регламентаціей: всѣ знаютъ, что можно, и что нельзя. Для живущаго въ парижскомъ домѣ квартиранта обязательны 12 заповѣдей общежитія. Русскіе не знаютъ ихъ, не признаютъ, и потому во многихъ домахъ не отдаютъ русскимъ квартиръ. Одинъ консьержъ такъ излагалъ эти вины русскихъ жильцовъ: „Они не вытираютъ ногъ въ передней, разговариваютъ громко на лѣстницѣ, шумятъ въ своихъ квартирахъ, не держатъ ихъ въ чистотѣ, принимаютъ много гостей, поздно ло-

жатся спать, кричатъ своимъ знакомымъ на улицу черезъ окна"... и еще многое, что я забылъ. Французы ничего подобнаго не дѣлаютъ,—не дѣлаютъ никогда, потому что требованія удобнаго общежитія у нихъ въ крови. Вы можете, если желаете, гулять по улицамъ въ арабскомъ бурнусѣ, или въ китайской кофтѣ, никто не обратитъ вниманія, — но если вы французъ, то, отправляясь по дѣламъ, вы надѣнете обязательно цилиндръ, а, отправляясь въ театръ,—фракъ. Иначе не принято, а то, что не принято—запрещено. Когда то, что принято, играетъ въ жизни роль неписаннаго закона, жизнь неподвижна. Пусть ея формы разумны, удобны, высоко-культурны,—мы это и видимъ во Франціи, — но если онѣ неподвижны, онѣ свидѣтельствуютъ о культурномъ застоѣ, говорящемъ о достигнутомъ и твердо установленномъ житейскомъ равновѣсіи.

Конечно, равновѣсіе это не безусловно. Уравновѣшенная и неподвижная внутри, вымирающая Франція отстаетъ отъ своихъ растущихъ и непрерывно развивающихся сосѣдей. Но *это* нарушеніе соотношенія имѣетъ только отрицательныя послѣдствія и вызываетъ только попятный ходъ внутри страны. Иллюстрація на-лицо; это законъ о возвратѣ къ трехлѣтней службѣ, который будетъ очень скоро проведенъ черезъ парламентъ, — законъ реакціонный по своимъ соціальнымъ предпосылкамъ, и еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ. И такъ какъ онъ въ то же время—жгучая современность, вы позволите мнѣ на немъ остановиться подробнѣе.

Во время франко-прусской войны населеніе Франціи и Германіи было почти одинаково по численности; въ 1871 году французовъ считалось 36,5 милліоновъ, нѣмцевъ—41 милліонъ. Но во Франціи рождалось тогда ежегодно около 960.000, въ Германіи—около 1.600.000. Затѣмъ по десятилѣтіямъ:

		Во Франціи.	Въ Германіи.
Въ 1882 г.	около . . .	930.000	1.700.000
„ 1892 „	„ . . .	860.000	1.860.000
„ 1902 „	„ . . .	845.000	2.090.000
„ 1912 „	„ . . .	770.000	1.980.000

Въ результатѣ населеніе Германіи увеличилось на 62%, Франціи — на 9%. Вмѣстѣ съ тѣмъ во Франціи падала какъ относительная, такъ и абсолютная численность арміи, а также и величина ежегоднаго возможнаго контингента новобранцевъ. Постоянная армія Германіи, обращающей къ дѣйствительной службѣ только часть призывныхъ, равняется 650.000 человѣкъ, а по новому закону 860.000. Франція же при двухлѣтней службѣ имѣетъ въ мирное время лишь 420.000 подъ ружьемъ, причемъ исчерпывается весь запасъ призывныхъ. Благодаря не прекращающемуся приросту населенія, Германія можетъ произвольно увеличивать свою

боевую силу, Франціи же предстоитъ видѣть свою армію прогрессивно уменьшающеюся. Чтобы хотя *частично* уравновѣсить этотъ роковой при нынѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ процессъ, у нея нѣтъ другого практическаго средства, вромѣ удлинненія срока военной службы. Двухлѣтнюю службу, введенную всего семь лѣтъ тому назадъ, замѣнятъ трехлѣтней,—а дальше что? Измѣненіе характера международныхъ отношеній, общая демобилизація, заключеніе панъ-европейскаго союза, образованіе „Соединенныхъ Штатовъ Европы“ — все это дѣло далекаго будущаго. Какъ же бороться съ соперниками, какъ защищать свои міровые интересы,—вѣдь ихъ такъ много, этихъ интересовъ, у французскаго капитала, опутавшаго весь міръ паутиной займовъ! Превратить черезъ десятокъ-другой лѣтъ трехлѣтнюю службу въ четырехлѣтнюю? А такъ какъ нѣтъ основаній думать, чтобы нисходящая кривая рождаемости перешла въ восходящую, то періодически прибавлять по году? Гдѣ же предѣлъ?

Допустимъ, что предѣлъ будетъ найденъ практически, что найдены будутъ способы компенсировать собственную слабость и малочисленность, — путемъ союзовъ, путемъ привлеченія черныхъ контингентовъ, путемъ возстановленія наемныхъ армій,—мало ли какими способами и средствами!—Все же французской демократіи не усчитать нанесеннаго ей этимъ процессомъ ущерба. Достаточно оглянуться вокругъ. Роялисты, имперіалисты, націоналисты, католики, консервативные и умѣренные республиканцы всѣ трогательно объединились вокругъ національнаго знамени, организовали цѣлый крестовый походъ въ защиту отечества, бьютъ въ барабаны, раздуваютъ шовинизмъ и объявляютъ измѣнниками всѣхъ, кто инако мыслитъ въ вопросѣ, столь глубоко затрогивающемъ интересы и народа, и демократическихъ учрежденій. Съ измѣнниками не церемонятся,—и на нашихъ глазахъ въ республикѣ воскресаютъ пріемы преслѣдованій, казалось, похороненные съ Имперіей: массовые обыски, выемки, совершаемые безъ соблюденія установленныхъ закономъ гарантій, преслѣдованіе рабочихъ организацій, враждебныхъ трехлѣтней службѣ, аресты. Милитаризмъ всегда былъ связанъ глубокой внутренней связью съ реакціей во всѣхъ ея проявленіяхъ, и на нашихъ глазахъ этотъ двуликій Янусъ показываетъ французской демократіи одновременно оба свои лица. На крайности отвѣчаютъ крайностями. Разгулъ реакціонной мысли вызываетъ разгулъ мысли революціонной.

— Отечество? Слово, лишенное содержанія.—Родина? Низкопробная бумага, которую банкиры вздуваютъ на биржѣ, чтобы продать подороже дуракамъ!

Въ одномъ изъ многихъ антимилитаристскихъ воззваній, обращенномъ къ женщинамъ, читаемъ:

— Скажите вашимъ сыновьямъ, что война отвратительна, что воины—убійцы, что родина—мачеха, что она—злая мать. Научите

ихъ отворачиваться отъ проходящихъ войскъ, отъ знамени; учите ихъ, что армія, что знамя—это война, смерть, позоръ, страданіе. Вмѣстѣ съ нами скажите шакаламъ, уже учитывающимъ, сколько наживутъ они на трупахъ вашихъ дѣтей, вашихъ отцовъ и мужей, что вы не пустите ихъ на бойню, что вы ихъ оставите и сохраните у вашихъ очаговъ. Вмѣстѣ съ нами, антипатріотами, ведите войну противъ войны, и противъ идеи отечества, рождающей войны.

Вы видите—между противниками нѣтъ ни общихъ понятій, ни даже общаго языка. Вѣроятно, и отвѣчаютъ-то съ одной стороны тюрьмой, а съ другой—саботажемъ потому, что нѣтъ между сторонами почвы ни для взаимнаго пониманія, ни для соглашенія. Но вѣдь это тогда развалъ?

Гдѣ причины депопуляціи, столь гибельно вліяющей на всю жизнедѣятельность народа? Онѣ разнообразны и различны для различныхъ его классовъ. Крестьянство, многочисленное во Франціи, давно усвоило себѣ „систему двухъ дѣтей“ изъ соображеній преимущественно экономическаго характера. Имѣть много дѣтей значитъ или дробить землю и подрывать благосостояніе своего класса, или обременять землю долгами, или отказаться отъ установленнаго Великой революціей и принятаго кодексомъ Наполеона равенства наслѣдственныхъ правъ дѣтей. Но земля во Франціи и безъ того раздроблена значительно; продолжить этотъ процессъ раздѣлами между дѣтьми значитъ понизить уровень матеріальной культуры, отказаться отъ удовлетворенія потребностей, обнищать. Установить недѣлимость фермы и возложить на принимающаго ее наслѣдника обязательство оплачивать остальнымъ ихъ наслѣдственныя доли деньгами? При мелкихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія это равнялось бы всеобщему разоренію. Правовое сознаніе народа мѣшаетъ принять третій выходъ. Трудный вопросъ рѣшается поэтому ограниченіемъ дѣторожденія. Оно удовлетворяетъ двумъ требованіямъ, двумъ интересамъ крестьянства—хозяйственнымъ и культурнымъ. Вѣрнѣе сказать: хозяйственнымъ и культурнымъ интересамъ индивидуальной крестьянской семьи. Интересамъ національнаго хозяйства и національной культуры оно вредитъ,—но развѣ можно требовать отъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы они походя приносили жертвы во имя націи и ея процвѣтанія? Чтобы они рождали многочисленныхъ дѣтей, голодая и разоряясь изъ-за „высшихъ соображеній“? Но этого нигдѣ не было и нѣтъ. Усиленно размножается народъ тамъ, гдѣ примитивны хозяйственныя условія, гдѣ трудъ, а не капиталъ составляетъ основу хозяйства, гдѣ „руки“—богатство. Тамъ знаютъ, что „дѣти—Божье благословеніе“, и долго вѣрятъ этому даже тогда, когда избытокъ дѣтей доставляетъ больше вреда, чѣмъ пользы. Максимы „народной мудрости“ живучи. Но постепенно, съ переходомъ къ денежному хозяйству, съ

дробленіемъ земли, съ ростомъ культурныхъ потребностей, люди начинаютъ замѣчать, что мудрость дѣдовъ съ подмочинкой и не соотвѣтствуетъ новымъ сложившимся условіямъ, что многосемейность—зло, что она убыточна, и тогда создается новая народная мудрость, гласящая:

— Мальчика и дѣвочку, и баста!—Однѣ страны приходятъ къ этой формулѣ раньше, другія позже, но всѣ идутъ по направленію къ ней; идетъ понемногу и Германія, пока многородящая, но въ послѣднее десятилѣтіе уже понизившая рождаемость сравнительно съ предыдущимъ. Пройдетъ немного десятилѣтій, и Zweikindersystem войдетъ въ моду и у нѣмецкаго крестьянства.

Плодовитѣе крестьянъ рабочіе,—и это потому, что у нихъ отсутствуютъ мотивы, вытекающіе изъ интересовъ собственности и хозяйства. Если рабочій обзаводится семьей и зарабатываетъ порядочно—онъ позволяетъ себѣ роскошь имѣть дѣтей. Вѣдь вообще рабочій расточительнѣе мелкаго собственника или мелкаго буржуа. Но рабочій классъ относительно малочисленъ во Франціи; кромѣ того, онъ находится подъ вліяніемъ ряда факторовъ, сильно понижающихъ рождаемость въ его средѣ. Среди нихъ укажемъ на большое количество „свободныхъ" союзовъ, по необходимости часто временныхъ. Женщина-работница, особенно въ томъ случаѣ, если она имѣетъ заработокъ, менѣе женщины другихъ классовъ склонна связывать себя прочными семейными узами, ставящими ее не только въ матеріальную, но и въ личную зависимость отъ мужа. Она предпочитаетъ свободные союзы, дающіе ей возможность свободно и безъ проволочекъ оставить выбраннаго ею человѣка въ томъ случаѣ, если окажется, что выборъ сдѣланъ неудачно. Эта сравнительная непрочность союза не можетъ не служить препятствіемъ для обильнаго дѣторожденія. Вторымъ препятствіемъ, особенно въ большихъ городахъ, служащихъ мѣстами сосредоточія пролетаріата, является развивающійся „вкусъ къ жизни". Въ этихъ условіяхъ дѣти—тяжелый грузъ, мѣшающій „vivre sa vie", мѣшающій жить. Надо указать, наконецъ, на обиліе въ большихъ городахъ недостаточно обезпеченныхъ, недостаточно-зарабатывающихъ „холостыхъ" женщинъ,—въ большинствѣ молоденькихъ дѣвушекъ, съ трудомъ перебивающихся и вынуждаемыхъ отдавать или продавать свою любовь, чтобы существовать: для нихъ ребенокъ—непосильная тяжесть. Неудивительно поэтому, что, напр., въ канализаціонныхъ трубахъ Парижа ежегодно находятъ свыше 100.000 выкидышей, и абортъ распространеннѣе рожденій.

Но всего медленнѣе и слабѣе размножается богатая часть французскаго населенія, вплоть до его верховъ. Здѣсь тоже нѣкоторую роль играютъ матеріальныя соображенія: лучше дать жизнь небольшому числу дѣтей, но снабдить ихъ хорошими средствами существованія, чѣмъ наплодить многочисленное потомство des déclassés, людей, выбитыхъ изъ своего класса. Но, вѣроятно, гораздо

большее значеніе имѣетъ другой факторъ, культурно-бытовой. Въ современномъ обществѣ, и особенно въ его культурной части, чрезвычайно въ наши дни возрасла цѣнность личности, цѣнность индивидуальной жизни. Въ былые дни, на пережитыхъ ступеняхъ культуры, личность постоянно служила цѣлямъ того обыкновенно мелкаго, но прочнаго и крѣпкаго коллектива, частью котораго она являлась: патріархальной семьи, рода, общины, цеха. Но наша эпоха не даромъ называется эпохой индивидуализма: она разрушила большинство низшихъ и традиціонныхъ общественныхъ аггрегатовъ и высвободила личность отъ опеки,—больше того: она личныя права положила въ основу новаго общества. Частную собственность—въ основу экономическаго строя, права человѣка и гражданина—въ основу государства, — естественно, что и мораль должна была стать эгоцентричной.

Конечно, альтруизмъ не изгнанъ формально за дверь; книжка Буржуа о „долгѣ обществу" играла еще недавно роль республиканскаго евангелія. Mourir pour la patrie — „умереть за отечество"—считается все еще доблестью, и всевозможнаго рода патріотары не устаютъ размахивать трехцвѣтнымъ знаменемъ. Тѣмъ не менѣе, двухвѣковая работа индивидуалистической мысли глубоко пропитала общественное сознаніе и создала соотвѣтственную mentalité,—умонастроеніе, которое дѣлаетъ всѣмъ понятной и близкой сердцу старую истину — „жизнь для жизни намъ дана". Жизнь дана одинъ разъ, и глупо и преступно низко цѣнить ее и пропустить сквозь пальцы. Il faut vivre sa vie! Жить то-есть дѣйствовать, видѣть, побѣждать, торжествовать, пріобрѣтать и, главное, наслаждаться, наслаждаться и наслаждаться. Никто не вправѣ требовать отъ человѣка жертвъ. Каждый вправѣ жить для себя. Смѣсь гедонизма и эгоизма, въ качествѣ ходячей морали, очень подошла культурнымъ верхамъ буржуазнаго общества, а еще болѣе его матеріальнымъ верхамъ. Подошла и укрѣпилась. Поэтому старая максима, гласившая, что „дѣти—Божеское благословеніе", превратилась въ свою антитезу: „дѣти—наказаніе". Они мѣшаютъ, они осложняютъ жизнь, вносятъ въ нее лишнія заботы и огорченія. Они губятъ красоту женщины, съѣдаютъ ея молодость, убиваютъ здоровье и силы. А вырастутъ дѣти—что сдѣлаютъ они? Отвернутся, и даже спасибо не скажутъ. Стоитъ ли имѣть дѣтей? И потому имѣютъ иногда одного ребенка, иногда двухъ, рожденныхъ или нечаянно, или по обдуманному рѣшенію въ удобный моментъ. Въ остальное же время руководствуются практическими предписаніями неомальтузіанства, благодаря которымъ любовь не имѣетъ „послѣдствій".

Такимъ образомъ на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы факторы, обусловливающіе слабую рождаемость, представляются намъ въ различныхъ комбинаціяхъ, — но, — и это должно отмѣтить, — это все одни и тѣ же факторы. По всей соціальной

лѣстницѣ люди стремятся къ болѣе удобной, пріятной и сытой жизни, — и попадаютъ въ заколдованный кругъ. Если общественный застой въ конечномъ счетѣ опирается на вымираніе населенія, вымираніе же населенія вытекаетъ изъ экономическихъ и культурныхъ основъ общественной жизни, — то гдѣ же выходъ изъ бѣличьяго колеса?

Передо мною статья Paul Adam'a, озаглавленная: „La religion de l'amour et de l'individualisme tue la nation". „Религія любви и индивидуализма убиваетъ націю". Поль Аданъ вѣрно подмѣтилъ и понялъ явленіе и ищетъ выхода изъ заколдованнаго круга. Онъ полагаетъ, что мѣры, предложенныя Рибо и Мирманомъ въ цѣляхъ борьбы съ вымираніемъ націи, — забота объ удобныхъ жилищахъ для народа, борьба съ алкоголизмомъ и туберкулезомъ, — недостаточны.

„Необходимо,—думаетъ онъ,—измѣнить постановку національнаго воспитанія и изгнать изъ школъ и изъ лицеевъ доктрину индивидуализма, осужденную, кстати, современной наукой, и замѣнить ее доктриною общественности. Сдѣлать это, на мой взглядъ, безусловно необходимо, если мы не хотимъ оставить послѣ себя вырождающееся и ироническое потомство, жертвующее всѣми своими обязанностями и всѣми интересами цѣлаго — собственнымъ удовольствіямъ и частнымъ выгодамъ.

„Прежде,—развиваетъ Аданъ свое положеніе, — бракъ имѣлъ цѣлью семью и, слѣдовательно, дѣтей, продолженіе рода. Это и теперь еще можно встрѣтить, напр., въ латинскихъ республикахъ Южной Америки, гдѣ поэтому браки рѣшаются на семейныхъ совѣтахъ, обдуманно и цѣлесообразно. Но во Франціи бракъ имѣетъ единственную цѣль—радости любви, и заключается легкомысленно, подъ вліяніемъ однихъ чувственныхъ и сантиментальныхъ побужденій и по рѣшеніямъ самой, эмансипировавшейся отъ вліянія старшихъ, молодежи. Но нельзя гнаться за двумя зайцами, и задача дѣторожденія отпадаетъ въ союзахъ, стремящихся къ наслажденіямъ любви. Религія любви—убиваетъ націю. Откуда возникла эта религія любви? О! ея корни надо искать далеко въ прошломъ. Уже Мольеръ, и со временъ Мольера вся французская литература, брали постоянно подъ свою защиту молодыхъ дѣвушекъ и людей, стремящихся въ объятія одинъ другого вопреки совѣтамъ мудрости своихъ родныхъ. Вся литература,—и классики въ такой же степени, какъ и романтики и модернисты, — на всѣ лады твердили о „всемогуществѣ любви", о томъ, что „любви все позволено", о томъ, что любовь должна быть выше меркантильныхъ разсчетовъ. Классическая и романтическая литература пріучили рядъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ поколѣній презирать все то, что противорѣчитъ въ нашихъ нравахъ и въ нашихъ законахъ губительнымъ претензіямъ личности и ея инстинктовъ, все, что имѣетъ цѣлью верховные интересы національнаго цѣлаго.

„Въ теченіе двухсотъ лѣтъ заставляемъ мы въ школахъ, лицеяхъ и коллежахъ разучивать на память комедіи Мольера. И подростки научаются думать, что отецъ — это уродливый Гарпагонъ, и что Скапэнъ, плутъ и мошенникъ, прекрасно дѣлаетъ, водя его за носъ для пользы мота-сына и взбалмошной дочери, влюбившейся въ свѣженькую мордочку и модный нарядъ перваго встрѣчнаго. Мольеръ осмѣиваетъ науку съ Діафуарюсомъ, умъ съ Триссотэномъ и „учеными женщинами", честность съ Альцестомъ. Но онъ слагаетъ панегирики Хризалю, грубому матеріалисту, и бандиту Скапэну, мошеннику, вору и сводику. А дѣти это учатъ!

„Въ теченіе двухсотъ лѣтъ со всѣхъ каѳедръ внушаютъ во Франціи, что эта мораль дикарей—лучшее выраженіе генія Франціи! Прибавьте сюда проповѣдь романтизма, вліяніе Жоржъ-Зандъ и множества другихъ. И вы будете послѣ того удивляться, что наша нынѣшняя молодежь приноситъ будущее родины въ жертву своимъ эгоистическимъ инстинктамъ, что наши женщины отказываются отъ материнства, которое стѣсняетъ или уродуетъ ту, которая хочетъ „жить"!? Но вѣдь вы только этому ее и научили, вы, писатели, учителя, критики, драматурги, академіи и институты! Вы научили ее сбросить съ себя всѣ путы и поставить свои собственные инстинкты и желанія выше соціальныхъ потребностей націи!.."

Я не для того привелъ эту выдержку изъ французскаго писателя, чтобы защищать всѣ его взгляды. Очевидно, что измѣнить все школьное воспитаніе, вычеркнуть изъ учебниковъ и предать проклятію Мольера, романтиковъ и Жоржъ-Зандъ, передѣлать образъ мыслей писателей, учителей, критиковъ, драматурговъ, академію и институтъ, — задача химерическая въ настоящій моментъ. Ее можетъ разрѣшить, — блаженъ, кто вѣруетъ, — только новый общественный классъ, идущій на смѣну буржуазіи съ ея соціальнымъ и идейнымъ индивидуализмомъ, съ иной экономической, соціальной и идеологической концепціей. Только новый общественный классъ, способный построить жизнь на основѣ коллективнаго труда, въ объединенномъ безклассовомъ обществѣ, проникнутомъ моралью общественности, можетъ справиться съ этой задачей.

Но гдѣ же онъ, этотъ классъ? Его ничтожная численность, его дезорганизованность, его внутренняя разобщенность — намъ извѣстны. Ростъ его въ вымирающей странѣ неизбѣжно медленъ и даже проблематиченъ. И притомъ: развѣ не проникнутъ онъ самъ этимъ же индивидуализмомъ и сенсуализмомъ, пропитывающимъ понемногу общественные низы, чрезъ тысячи каналовъ, соединяющихъ ихъ съ общественными верхами?

Года два тому назадъ я бесѣдовалъ съ Пато, извѣстнымъ секретаремъ синдиката электрическихъ рабочихъ и революціонеромъ. Онъ говорилъ мнѣ раздраженно:

— На самомъ дѣлѣ мы — центръ, живой центръ всего рабочаго класса. Но видите, рабочій,—онъ бѣжитъ къ намъ, когда мы ему нужны, когда у него ссора съ хозяиномъ, стачка. Тогда онъ несетъ къ намъ и свои франки, и записывается въ наши регистры, и топчется въ нашихъ залахъ собранія... Прошла бѣда — и мы больше его не видимъ. Онъ предпочитаетъ провести вечеръ съ своей подругой въ кафэ или въ театрѣ. А франкъ свой онъ охотнѣе пропьетъ. Да. Вотъ въ этомъ наша бѣда:—алкоголизмъ и бульваръ...

А черезъ полгода самъ Пато оставилъ секретарство и открылъ комиссіонную торговлю шампанскимъ на одномъ изъ бульваровъ. Гдѣ же этотъ классъ?

Вѣроятно, исторія отыщетъ его. Возможно, что онъ сформируется. Должно быть, существуютъ въ нѣдрахъ великаго, культурнаго сорокамилліоннаго народа творческіе элементы, которые ждутъ лишь удобнаго момента, чтобы выйти на авансцену, свести страну съ реакціоннаго наклона и двинуть ее въ направленіи того общественнаго идеала, который мы привыкли считать „исторической необходимостью“. „Вѣроятно, возможно, должно быть“! Вы понимаете теперь, почему я лично не хочу и не могу идти дальше „Вопросовъ и сомнѣній“. Если бы мнѣ, какъ Ѳомѣ невѣрному, пощупать собственными руками!..

Бѣлоруссовъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Воинственный характеръ переживаемаго момента: иллюзіи и дѣйствительность. Аргументація за и противъ милитаризма. — 2. Распри побѣдителей на Балканскомъ полуостровѣ.—3. Патріотизмъ верховъ въ Германіи и Франціи. Борьба милитаризма и антимилитаризма на почвѣ Третьей республики.—4. Международное шпіонство и психологія военной охраны.— 5. Джонъ Леббокъ (†).

I.

Обозрѣватель современной общественной жизни, не желающій довольствоваться совсѣмъ поверхностнымъ взглядомъ на вещи, находится нынѣ въ затруднительномъ положеніи. Та воинственная лихорадка, которая уже 20 мѣсяцевъ со времени ультиматума, посланнаго Италіей Турціи (28 сентября 1911), овладѣла цивилизованнымъ міромъ, произвела свое дѣйствіе. Все болѣе или менѣе окрашено браннымъ настроеніемъ. Все разсматривается прежде всего съ точки зрѣнія дружескихъ и вражескихъ отношеній между народами. Вопросы внутренней жизни, имѣющіе, казалось бы, самое существенное значеніе для любой страны, видимо, отступаютъ

на задній планъ передъ принявшимъ такія осязательныя формы злымъ геніемъ милитаризма.

И однако, когда начинаешь вдумываться въ это положеніе вещей, то приходишь къ заключенію, что этотъ воинственный характеръ современной жизни все же является не столько точнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ стремленій народовъ, сколько своего рода могущественной оптической иллюзіей. Дѣйствительно, какъ бы много ни говорилось, ни писалось, ни кричалось о войнѣ, будничная жизнь громаднаго большинства, та жизнь, ось которой проходитъ черезъ вопросы матеріальнаго существованія и идейнаго развитія, хлѣбнаго заработка и задачъ ума, не прекратила же своего теченія. Реальныя заботы дня по прежнему встаютъ передъ человѣчествомъ и неотступно требуютъ своего разрѣшенія. Конечно, на извѣстной полосѣ широкой матери-земли люди разныхъ національностей могутъ сталкиваться въ борьбѣ, отбрасывающей насъ къ первобытнымъ временамъ, а другіе народы, всматриваясь въ этотъ конфликтъ, обуреваться чувствами страха и надежды и то жаждой завоеванія, то опасеніями за собственную будущность. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что текущая жизнь измѣнила свой основной характеръ? И теперь, какъ и прежде, люди должны работать, хлопотать, избѣгать одного и стремиться къ другому, словомъ, трудиться, не покладая рукъ, ради своихъ матеріальныхъ и идейныхъ интересовъ. Но воинственный колоритъ, окрасившій нѣкоторыя стороны современной международной жизни, несомнѣнно, способствуетъ созданію миража, сквозь дымно-кровавыя очертанія котораго всѣ дѣйствительные вопросы національнаго и общечеловѣческаго существованія представляются урѣзанными и уменьшенными.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ созданіи этой иллюзіи повиненъ, прежде всего, характеръ тѣхъ органовъ общественнаго мнѣнія, съ которыми приходится считаться наблюдателю, стоящему, по необходимости, на извѣстномъ разстояніи отъ людей, непосредственно затронутыхъ въ данный моментъ вопросами войны и мира. Откуда, дѣйствительно, получаются наши свѣдѣнія о современной жизни? На основаніи какихъ данныхъ мы дѣлаемъ обобщенія? Печать, съ одной стороны, дебаты въ представительныхъ учрежденіяхъ — съ другой являются главными источниками нашего знанія о томъ, что дѣлается въ данный моментъ какъ внутри каждой націи, такъ и на взаимномъ пересѣченіи этихъ человѣческихъ группировокъ. Но мнѣ уже не разъ приходилось говорить съ читателемъ относительно довольно искусственнаго характера общественнаго мнѣнія, находящаго себѣ выраженіе въ парламентахъ и печати нашихъ дней. Представительныя учрежденія, даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ, служатъ до сихъ поръ органомъ выраженія не столько чаяній и стремленій широкихъ массъ, сколько интересовъ наиболѣе вліятельныхъ элементовъ современнаго общества, людей капитала,

владѣнія, патентованной науки, которые до сихъ поръ, вслѣдствіе малой еще сознательности трудового человѣчества, заправляютъ судьбами націй. Но и въ печати отражаются прежде всего интересы и идеи этихъ правящихъ слоевъ, находятъ мѣсто демагогическіе пріемы, при помощи которыхъ профессіональные политики стараются вліять на „улицу“, а, при посредствѣ этой наиболѣе импульсивной части населенія, и на народныя массы.

Именно потому, что наибольшая доля впечатлѣній, переживаемыхъ современными націями, доходитъ до насъ по каналамъ парламентовъ и печати, отражающихъ прежде всего точку зрѣнія привилегированнаго меньшинства, и общій характеръ текущей жизни окрашивается чаще всего тѣми тонами, какіе въ данный моментъ подходятъ наиболѣе къ настроенію этихъ вліятельныхъ сферъ. Бряцаніе воинственными словами и оружіемъ заглушаетъ въ значительной степени голосъ великихъ гражданскихъ потребностей, хотя широкія массы не перестаютъ жить прежде всего могущественными интересами реальной трудовой жизни и лишь въ линіяхъ наиболѣе рѣзкаго столкновенія между народами испытываютъ на себѣ непосредственное вліяніе воинственной эпохи. Какъ бы то ни было, съ этимъ характеромъ современнаго момента приходится считаться, даже и вводя тѣ поправки, которыя мы только что сдѣлали. Общественные элементы, отличающіеся нынѣ наибольшею членораздѣльностью при выраженіи своихъ желаній, въ данную минуту заняты прежде всего вопросами внѣшней политики, которая, конечно, является вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ и внутренней политикой, поскольку настоящій припадокъ милитаризма находится въ тѣсной связи съ сознательно преслѣдуемыми выгодами привилегированнаго меньшинства.

За примѣрами недалеко ходить. Передо мною лежитъ недавно появившійся дополнительный томъ къ вышедшему два года тому назадъ 11-му изданію „Британской Энциклопедіи“. Этотъ томъ, носящій названіе „Ежегодника“, представляетъ собою систематическое изложеніе наиболѣе крупныхъ явленій жизни и мысли втеченіе 1911—1912. Въ первомъ отдѣлѣ части I, посвященномъ международной „политикѣ и экономикѣ“, непредубѣжденнаго читателя поражаетъ то обстоятельство, что, за исключеніемъ одной-двухъ небольшихъ главокъ, касающихся „роста синдикализма“ и „женской подачи голосовъ“, весь обзоръ почти цѣликомъ состоитъ изъ статей по военнымъ вопросамъ. Одна за другой передъ взорами читателя проходятъ главы: „Марокккскій кризисъ“, „Италія и Триполи“, „Балканскій кризисъ 1912 г.“ и опять „Турко-итальянская война“, и опять „Балканская война“ и т. п. Двѣ спеціальныя главы трактуютъ о такихъ предметахъ, какъ „Арміи міра“ и „Флоты міра“. Обѣ послѣднія статьи въ особенности показательны, такъ какъ онѣ даютъ намъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ современные

политики, современные правящіе классы разсматриваютъ международные и національные вопросы даннаго момента.

Въ статьѣ „Арміи міра и ихъ развитіе“, написанной извѣстнымъ военнымъ спеціалистомъ Англіи Джономъ Солэно, мы читаемъ: „Тенденціи военнаго прогресса несомнѣнно продолжаютъ лежать въ направленіи постоянной готовности къ войнѣ, основанной на очень полныхъ и заблаговременно сдѣланныхъ приготовленіяхъ. Великія державы концентрируютъ свою энергію и рессурсы среди мира, развивая въ себѣ способность нанести ударъ изо всей силы и съ наибольшимъ результатомъ немедленно послѣ того, какъ начнутся враждебныя дѣйствія. Въ спеціальныхъ кругахъ полагаютъ, что при настоящихъ условіяхъ военныя дѣйствія между сосѣдними цивилизованными государствами на прилежащихъ территоріяхъ не будутъ затягиваться. Они примутъ характеръ сравнительно короткой, но крайне жестокой борьбы. При такихъ обстоятельствахъ способность нанести ударъ быстро и съ подавляющимъ превосходствомъ силъ существенна для успѣха. Въ соотвѣтствіи съ этимъ современная стратегія стремится обезпечить себѣ превосходство надъ врагомъ при самомъ же началѣ,—если необходимо, то путемъ внезапнаго нападенія и энергично продолжая разъ начатое наступленіе до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе не будетъ сломлено, и непріятелю не будетъ дано ни времени, ни возможности для возстановленія поколебленной моральной и физической силы.

„Независимо уже отъ потери человѣческихъ существованій и расходовъ на непосредственную борьбу, которые въ случаѣ столкновенія между великими державами будутъ поистинѣ колоссальны, перерывъ въ нормальной дѣятельности національной жизни, а въ особенности парализующее вліяніе обширныхъ военныхъ операцій на промышленность и торговлю, вмѣстѣ съ возможнымъ уменьшеніемъ предметовъ необходимости и ростомъ ихъ цѣнъ, крайне серьезно истощатъ рессурсы и подорвутъ силу сражающихся народовъ, если война продлится нѣкоторое время. Сверхъ того, всегда возможно, что такія столкновенія примутъ почти универсальный характеръ и увлекутъ въ свой водоворотъ цѣлый рядъ союзныхъ народовъ съ территоріями, обнимающими цѣлые континенты, вызывая такимъ образомъ фатальные результаты во всемъ мірѣ. И хотя эти соображенія врядъ ли могутъ отпугнуть какую бы то ни было націю отъ войны въ случаѣ достаточно крупнаго искушенія при настоящемъ характерѣ человѣчества, они, конечно, будутъ вызывать желаніе пустить въ ходъ болѣе значительныя и дороже стоющія силы, а потому и поскорѣе кончить войну.

„Въ виду такихъ тенденцій успѣхъ въ современной войнѣ зависитъ прежде всего отъ готовности къ ней во время мира. Націи будутъ выдерживать напоръ или падать предъ нимъ въ соотвѣтствіи съ мощью, которую онѣ обнаружатъ въ моментъ испытанія, равно какъ сообразно съ тою быстротою, какую онѣ будутъ въ со-

стояніи развить для нанесенія рѣшительнаго удара. Не должно забывать, что если продолжительность современныхъ войнъ стремится сократиться, то время, потребное для необходимой подготовки, становится, наоборотъ, продолжительнѣе. Армія представляетъ въ настоящее время черезчуръ сложный механизмъ, чтобы его можно было импровизировать или создать второпяхъ. Въ настоящее время уже нѣтъ болѣе возможности сдѣлать въ короткое время изъ мирныхъ гражданъ хорошихъ солдатъ, а, еще менѣе того, хорошихъ офицеровъ... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ требованія военнаго прогресса рѣзко говорятъ противъ осуществимости плана превратить необученныхъ или плохо обученныхъ людей въ подходящихъ солдатъ, когда война уже вспыхнула, съ какой бы то ни было надеждой на успѣхъ“ [1]).

Эта страничка, принадлежащая перу одного изъ выдающихся спеціалистовъ той самой Англіи, гдѣ до послѣдняго времени вопросы войны не поглощали всего вниманія сознательныхъ элементовъ общества, знаменательна во многихъ отношеніяхъ. Она, прежде всего, вскрываетъ психологію правящаго меньшинства нашихъ дней, которое полагаетъ верхъ человѣческой мудрости въ томъ, чтобы отказаться отъ гуманныхъ идеаловъ, и выдвигаетъ въ первую голову перспективы стараго зоологическаго столкновенія, но лишь въ новой формѣ и съ новыми, болѣе страшными орудіями разрушенія. Она, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о томъ, что современные руководители судьбами націй сами прекрасно понимаютъ размѣры опустошеній, какіе долженъ произвести на территоріи высоко культурныхъ государствъ грозный ураганъ войны, что не мѣшаетъ имъ стараться все время подогрѣвать воинственный пылъ мирнаго населенія. Выражается здѣсь также, какъ очевидная аксіома, то соображеніе, что, чѣмъ война будетъ короче и страшнѣе, тѣмъ продолжительнѣе должно происходить подготовленіе къ ней. Наконецъ, нашъ спеціалистъ какъ бы изъ самыхъ условій современной военной техники выводитъ необходимость строго профессіональной арміи и отрицаетъ всѣ широко народные способы веденія войны вродѣ вооруженія всей націи по системѣ милиціи, — что опять-таки еще не такъ давно считалось разумнымъ выводомъ изъ общаго характера все болѣе демократизирующихся государствъ новаго періода.

Однако, какъ бы ни были, повидимому, вѣски аргументы нашего писателя-милитариста и не смотря на воинственную пропаганду современныхъ сверхъ-патріотовъ, наиболѣе мыслящая и гуманная часть человѣчества отнюдь не соглашается принимать на вѣру эти якобы научныя положенія самоновѣйшаго милитаризма и упорно работаетъ надъ распространеніемъ среди людей болѣе здравыхъ

---

1) „The Britannica Year-Book 1913“; Лондонъ—Нью-Іоркъ, 1913, стр. 35-36 passim.

понятій. Она стремится всѣми силами противодѣйствовать бранному настроенію различныхъ національностей и вредной для всего общества политикѣ тѣхъ господствующихъ группъ, которыя изъ-за личныхъ интересовъ выгоднаго помѣщенія капиталовъ и быстрой военной карьеры настаиваютъ на увѣковѣченіи и обожествленіи войны. Если милитаризмъ выдвигаетъ своихъ мыслителей и поэтовъ, то и гуманитарный идеалъ не думаетъ сдаваться. Онъ можетъ порою гнуться подъ напоромъ военщины, которой въ послѣднее время удалось привести въ движеніе и „улицу“, и отчасти широкія массы. Но онъ съ еще большей энергіей защищаетъ широкіе идеалы общечеловѣческаго и національнаго прогресса. И если мы познакомили читателя съ научно-милитаристской точкой зрѣнія, изложенной въ такомъ солидномъ изданіи, какъ только что цитированное нами приложеніе къ англійской энциклопедіи, то, съ другой стороны, мы можемъ противоставить этимъ утвержденіямъ очень убѣдительную критику милитаризма, исходящую изъ рядовъ не какихъ-нибудь крайнихъ элементовъ, а разсудительныхъ, уравновѣшенныхъ „бюргерскихъ“ пацифистовъ.

Только что въ Германіи, въ той самой Германіи, населенію которой приписываются такіе воинственные замыслы его сосѣдями, появилась вторая часть „Руководства къ движенію въ пользу мира“, принадлежащая перу Альфреда Фрида. Авторъ, судя по цитатамъ изъ книги, приводимымъ въ статьѣ нѣмецкой прогрессивной газеты, беретъ быка за рога и удачно вскрываетъ несостоятельность софизмовъ, которые пускаются въ ходъ милитаристами для того, чтобы подвести хоть какое-нибудь научное основаніе подъ свои зоологическіе идеалы. Особенно удачны разсужденія автора тамъ, гдѣ онъ приводитъ къ абсурду ту самую систему „вооруженнаго мира“, что съ такимъ видомъ непогрѣшимости преподносилась намъ, какъ очевидная истина, англійскимъ писателемъ.

Какъ извѣстно, иные милитаристы, желая заручиться поддержкою широкихъ слоевъ населенія, любятъ говорить о томъ, что военныя издержки высоко производительны. Независимо уже отъ своей основной задачи служить священнымъ интересамъ защиты отечества, онѣ, видите ли, чрезвычайно полезны и въ экономическомъ отношеніи, потому что создаютъ цѣлый рядъ отраслей промышленности, которыя безъ того не существовали бы, даютъ занятія значительной долѣ рабочаго класса и, оставляя деньги, употребленныя на вооруженія, въ самой странѣ, разливаютъ повсюду довольство. Фридъ жестко нападаетъ на эту аргументацію. Онъ, кстати сказать, становится при этомъ почти на ту точку зрѣнія, которая извѣстна русскому читателю изъ примѣчаній Чернышевскаго къ Миллю, а именно онъ различаетъ не столько между производительнымъ и непроизводительнымъ, сколько между выгоднымъ и убыточнымъ для обществъ производствомъ: „Если бы дѣло

шло только о томъ, чтобы бросать извѣстное количество денегъ въ обращеніе между людьми, то тогда слѣдовало бы только ежедневно заниматься всевозможными безцѣльными работами. И однако суть не въ томъ, что вообще издерживаются деньги, а въ томъ, что доставленный за нихъ продуктъ создаетъ новую стоимость, которая въ свою очередь въ состояніи создавать дальнѣйшія новыя стоимости. Если государство строитъ мосты или желѣзныя дороги, осушаетъ болота, открываетъ школы, воздвигаетъ здоровыя и дешевыя жилища, то капиталъ, вложенный въ такія предпріятія, окупается съ процентами благодаря плодотворному воздѣйствію на хозяйство страны. Но деньги, которыя издерживаются на вооруженія, если онѣ даже сохраняются въ странѣ и въ данный моментъ идутъ на пользу нѣкоторымъ категоріямъ предпринимателей и рабочихъ, остаются по существу непроизводительными. Пушки, ружья отнюдь не создаютъ никакихъ новыхъ стоимостей. Наоборотъ, ихъ изготовленіе и обслуживаніе будутъ отвлекать отъ производительнаго труда тысячи работоспособныхъ гражданъ. А, сверхъ того, и самые эти предметы скоро оставляются позади новыми техническими изобрѣтеніями, такъ что воплощенная въ нихъ стоимость труда теряется совершенно, а остается лишь стоимость употребленнаго на ихъ изготовленіе сырого матеріала, вслѣдствіе чего происходитъ прямое уничтоженіе стоимости“.

Не менѣе удачно опроверженіе авторомъ другого софизма, пускаемаго въ ходъ милитаристами: военныя издержки—страховая премія противъ опасностей войны; вооруженія обезпечиваютъ миръ, а миръ даетъ возможность существовать производительному труду. Фридъ совершенно не удовлетворяется этими глубокомысленными разсужденіями. Отъ чего страхуемъ мы себя—спрашиваетъ авторъ,—когда вносимъ въ страховое общество премію? Конечно, не отъ самого несчастнаго случая, не отъ пожара, не отъ града, а отъ его послѣдствій. Но когда мы бросаемъ огромныя средства въ пасть милитаризму, что мы обезпечиваемъ этимъ себѣ? Вѣдь, мы не гарантируемъ себя отъ тѣхъ потерь, которыя мы понесемъ, если даже побѣдимъ. Кто возмѣститъ намъ тысячи разбитыхъ и искалѣченныхъ существованій, разгромъ городовъ, опустошеніе земель, вообще то невѣроятное расточеніе производительныхъ силъ, какое неизбѣжно связано съ войной?.. Не оставляетъ безъ вниманія авторъ и психологической стороны милитаризма: казарма, по мнѣнію приверженцевъ военныхъ доблестей, является лучшею школою для народа. Фридъ соглашается съ тѣмъ, что внѣшнимъ образомъ это, пожалуй, и такъ. „Но тотъ фактъ, что войско могло сдѣлаться школою для народа, является какъ разъ печальнымъ слѣдствіемъ нашихъ военныхъ вооруженій. Только потому, что они расхищаютъ такимъ чудовищнымъ образомъ силы народа, мы до сихъ поръ и не могли организовать какъ слѣдуетъ настоящую народную школу, вполнѣ удовлетворяющую

своимъ задачамъ. Если бы мы употребили на народное образованіе хотя часть денегъ, брошенныхъ на вооруженія, то мы могли бы ту самую шлифовку, которую армія придаетъ низшимъ слоямъ народа, сообщить имъ болѣе достойнымъ, болѣе прочнымъ и, прежде всего, неизмѣримо болѣе дешевымъ способомъ".

Наконецъ, авторъ подвергаетъ провѣркѣ фактами то утвержденіе милитаристовъ, которое особенно часто повторяется ими въ данный моментъ, когда безпрерывный ростъ флота по обѣимъ сторонамъ Сѣвернаго моря ставитъ между собою во враждебныя отношенія старинную владычицу морей, Англію, и начинающую сильно соперничать съ ней Германію. Сторонники вооруженнаго мира говорятъ именно, что торговля любой страны находится въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ флота. Но Фридъ приводитъ статистику, изъ которой слѣдуетъ, что средняя цифра вывоза, падающаго на каждаго жителя, равняется 87 франкамъ въ Австро-Венгріи, 223—во Франціи, 234—въ Германіи, 534—въ Англіи, 590—въ Швейцаріи, 608—въ Бельгіи, наконецъ, 1,490—франкамъ въ Голландіи. И выходитъ, что тѣ страны, у которыхъ нѣтъ никакого своего флота или существуетъ только незначительный (здѣсь, конечно, можно внести нѣкоторыя поправки, напр., хотя бы по отношенію къ Голландіи. *Н. Р.*), обладаютъ наибольшими средними размѣрами внѣшней торговли [1]).

II.

Мнѣ, впрочемъ, уже нѣсколько разъ приходилось указывать читателю, что вопросы о выгодности или убыточности милитаризма для цѣлыхъ націй не могутъ, какъ слѣдуетъ, ставиться въ данный историческій періодъ. Руководство судьбами каждаго государства до сихъ поръ, къ сожалѣнію, принадлежитъ главнымъ образомъ тѣмъ привилегированнымъ слоямъ населенія, которые рѣшаютъ задачи внутренней, а особенно внѣшней политики, рѣдко соображаясь съ истинными потребностями и стремленіями цѣлаго народа, но преслѣдуя прежде всего свои собственные интересы. Массы до сихъ поръ еще слишкомъ мало сознательны. Онѣ еще черезчуръ полагаются на высшую мудрость правящихъ и черезчуръ легко поддаются той ловкой реторикѣ, которую умѣютъ пускать въ ходъ рулевые современныхъ государствъ. До настоящаго времени обстоятельства складываются такъ, что огромные запасы производительной энергіи послушно направляются націями по тѣмъ каналамъ, куда отводятъ ихъ профессіональные политики, полагающіе, что на ихъ вѣкъ народнаго неразумія еще хватитъ.

---

[1]) A. Fried, „Handbuch der Friedensbewegung"; Берлинъ-Лейпцигъ, 1913. Ср. статью L. Persius, „Bestrebungen für Rüstungsverminderung", въ № „Berliner Tageblatt" отъ 29 мая 1913.

Яркой иллюстраціей къ этому положенію, которое приходится снова и снова повторять, для того, чтобы не сходить съ точки зрѣнія современныхъ фактовъ, являются хотя бы взаимныя отношенія балканскихъ союзниковъ, казалось осуществившихъ въ непредвидѣнно широкой степени тѣ задачи, какія они ставили передъ собою, когда начинали освободительную войну. Турція разгромлена. На европейскомъ континентѣ въ ея рукахъ остается лишь небольшой клочокъ полуострова, на востокъ отъ линіи Мидія-Эносъ, и возникаетъ вопросъ, не придется ли Оттоманской имперіи перенести центръ своей политической жизни въ Малую Азію. Но увы! сама неожиданная чрезмѣрность результатовъ, достигнутыхъ Балканской лигой, вызвала невѣроятное ожесточеніе и вражду между руководителями входящихъ въ составъ четверного союза государствъ. Мы уже не будемъ говорить о тѣхъ печальныхъ фактахъ вражды, которые рѣзко проявились въ сношеніяхъ между греками и болгарами и приняли мѣстами форму заправскихъ перестрѣлокъ: повидимому, эти столкновенія уже улегаются. Но остается гораздо болѣе трагическій и болѣе чреватый послѣдствіями вопросъ объ общихъ отношеніяхъ между двумя славянскими сосѣдями: болгарами и сербами. Въ то самое время, какъ въ Лондонѣ подъ давленіемъ Грэя воюющія стороны подписывали мирный договоръ (30 мая), сожительство обѣихъ армій на поляхъ Македоніи приняло такой натянутый характеръ, что вотъ-вотъ можно было ждать открытія общихъ военныхъ дѣйствій между недавними союзниками. Конечно, слухи о близости печальнаго столкновенія могли быть преувеличены тѣми самыми органами печати, которые умышленно питаютъ своихъ читателей сенсаціонными извѣстіями съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій же день опровергнуть ихъ. Но, во всякомъ случаѣ, друзьямъ мира придется, повидимому, затратить немало усилій, прежде, чѣмъ уляжется соперничество братьевъ-враговъ изъ-за новыхъ пріобрѣтеній.

Не желая входить въ подробности этой распри, мы можемъ общими чертами охарактеризовать самую сущность спора. Какъ извѣстно, между Сербіей и Болгаріей еще весной прошлаго года были заключены два договора: союзный трактатъ съ секретнымъ приложеніемъ (въ случаѣ удачной войны) о раздѣлѣ территорій отъ 13 марта 1912 г. и военный договоръ 11 мая 1912 же года. Къ этому, почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи, прибавилось новое договорное условіе военнаго характера отъ 28 сентября. Согласно этимъ документамъ, Сербія признавала за Болгаріей права на всѣ территоріи, лежащія на востокъ отъ Родопскихъ горъ и рѣки Струмы. Болгарія отвѣчала такимъ же признаніемъ правъ Сербіи на территоріи, лежащія къ сѣверу и къ западу отъ кряжа Шаръ. Что касается до промежуточной области, лежащей между горами Шаръ и Родопами, Эгейскимъ моремъ и Охридскимъ озеромъ, то союзники взаимно обязались въ случаѣ,

если имъ не удастся сорганизовать изъ упомянутой области автономную провинцію, совершить ея полюбовный раздѣлъ. Военная конвенція предусматривала также количество и употребленіе войскъ, которыя должны были поставить обѣ союзныя державы, съ заранѣе установленнымъ распредѣленіемъ ролей.

Надо сказать, что договорныя статьи прилагались первоначально къ областямъ Старой Сербіи и Македоніи, причемъ освобожденіе христіанъ въ послѣдней и являлось исходнымъ пунктомъ и казовымъ предлогомъ предъ лицомъ всего міра для начатія военныхъ дѣйствій противъ Оттоманской имперіи. Когда первые крупные и почти неожиданные успѣхи союзныхъ армій быстро расширили эту гуманитарную освободительную задачу до размѣровъ завоевательнаго похода, увеличивъ въ огромной степени театръ операціонныхъ дѣйствій и вызвавъ потребность въ усиленіи войскъ и въ иной ихъ диспозиціи, то между союзниками стали возникать и съ ходомъ побѣдоносной кампаніи все рости и шириться серьезные раздоры. Сотрудничество обѣихъ армій по двумъ первымъ договорамъ, должно было пріурочиваться только къ Македоніи. Въ частности было рѣшено, что 100.000 сербовъ и 100.000 болгаръ займутъ вмѣстѣ бассейнъ рѣки Вардаръ. Сербамъ предоставлялось право употребить 50.000 другихъ своихъ войскъ по своему желанію въ Старой Сербіи, а болгарамъ разрѣшалось направить другія 100.000 туда, куда они сочтутъ это нужнымъ. Но ни Ѳракія, ни бассейнъ рѣки Марицы не фигурировали въ этомъ договорѣ. Предполагалось „совершить совмѣстный походъ противъ Салоникъ, а не противъ Константинополя“.

Однако, наканунѣ военныхъ дѣйствій болгары сочли себя вынужденными измѣнить планъ кампаніи, и эти измѣненія и составили предметъ третьяго, осенняго, договора. Болгары рѣшили теперь направить свои усилія главнымъ образомъ на Ѳракію, стремясь захватить Адріанополь и, если возможно, и Константинополь. Вслѣдствіе этого у нихъ не оказалось свободныхъ войскъ для отправки въ Македонію, и вся тяжесть вардарской кампаніи пала на Сербію, которая должна была мобилизовать не 150.000 чел., какъ предполагалось раньше, а уже при самомъ началѣ кампаніи 360.000 чел. и довести затѣмъ это число до 400.000 чел. Правда, въ Старой Сербіи легко справлялась съ задачею сербская армія въ 35.000 чел. Но, сообразно съ измѣнившимся планомъ кампаніи, Сербія была вынуждена бросить 200.000 чел. далѣе на югъ и юго-востокъ, къ Скопле, Битолю и Солуни. Между тѣмъ со стороны болгаръ на помощь этой (второй) сербской арміи могло быть послано вмѣсто 100.000 всего 10.000 чел. Наоборотъ, сербамъ пришлось сдѣлать на востокѣ отъ условленнаго театра ихъ дѣйствій непредвидѣнное значительное усиліе, отправивъ

50.000 и всю осадную артиллерію подъ Адріанополь на выручку болгаръ, которые получали такимъ образомъ крупную поддержку, не упомянутую въ первоначальномъ договорѣ. Въ результатѣ вся западная Македонія, и особенно бассейнъ Вардара, были завоеваны одними сербами, тогда какъ Ѳракія, совсѣмъ отсутствовавшая въ предварительномъ условіи, досталась болгарамъ, благодаря опять-таки очень дѣятельному сотрудничеству сербовъ. Нынѣ, когда оттоманскій медвѣдь уже убитъ, и рѣчь идетъ о раздѣлѣ его шкуры, сербы считаютъ справедливымъ измѣнить прежнія условія договора. Въ виду понесенныхъ ими значительныхъ жертвъ и расширенія ранѣе выпадавшей на ихъ долю задачи, они требуютъ себѣ лишней территоріи въ Македоніи, въ частности Битоля, Охриды и вообще македонскихъ мѣстностей на правомъ (западномъ) берегу Вардара.

Такова аргументація сербовъ. Противъ нея болгары выдвигаютъ свою. Если Сербія мобилизовала лишнихъ 100.000 чел.,—говорятъ они,—то и Болгарія, начавъ прямо съ 400.000, довела скоро свою армію до 600.000. Далѣе Сербія на македонскомъ театрѣ войны въ сущности ни разу не встрѣтила серьезнаго сопротивленія, и ореолъ, окружающій ея якобы громкія побѣды, является ни болѣе ни менѣе, какъ эхомъ славныхъ историческихъ воспоминаній, соединенныхъ съ мѣстами ея тріумфовъ. Между тѣмъ Болгарія вынесла на своихъ плечахъ главную тяжесть войны. Она сокрушила старую мощь исконнаго врага. Ея войска нанесли рядъ пораженій такимъ великолѣпнымъ солдатамъ, какими всегда считались турки. Она, наконецъ, до самаго послѣдняго времени принуждена была стоять подъ ружьемъ у холмовъ и болотъ Чаталджи, въ то время какъ сербы уже чуть не сто дней покоились на лаврахъ. Въ силу всего этого минимальнымъ по справедливости требованіемъ со стороны Болгаріи является притязаніе на тѣ города къ западу отъ Вардара, какъ Монастиръ (болгарское названіе Битоля), Охрида и т. п., которые должны считаться болгарскими и по языку и правамъ жителей.

Въ этомъ пунктѣ аргументаціи сербы въ свою очередь поджидаютъ болгаръ, аттакуя ихъ соображенія, основанныя на принципѣ національностей. Не послѣднюю, кстати сказать, по своей пикантности подробность этого спора составляетъ походъ сербскихъ ученыхъ противъ болгаръ съ цѣлью доказать послѣднимъ, что Монастиръ въ гораздо большей степени турецкій и греко-валахскій городъ, чѣмъ славянскій: пускай лучше достанется кому угодно, только бы не болгарамъ! А Охрида потому только, молъ, и можетъ считаться болгарскимъ мѣстомъ, что въ 1890 г. болгарамъ было угодно завести тамъ свое духовенство и школы, зависящія отъ болгарскаго экзарха, между тѣмъ какъ раньше тѣ же самые жители считались сербами, или, если хотятъ большей точности, славянами-патріархалистами, по языку и расовому характеру тождественными съ

настоящими сербами. Тутъ, впрочемъ, мы уже вступаемъ въ область не только политической, но и ученой, но и академической тяжбы, которая была бы очень смѣшна, если не была бы столь грустной. Прошлый разъ я уже имѣлъ случай указать читателямъ, до какой степени сложна и мозаична картина народностей на почвѣ Македоніи. Цѣлыми десятилѣтіями между различными національностями, населяющими македонскую территорію, а особенно между сербами и болгарами, ведется великій споръ, о томъ, кому изъ нихъ доводится ближайшимъ родственникомъ македонскій народъ. При этомъ обѣими сторонами вытаскиваются всевозможные аргументы изъ арсенала исторіи, лингвистики, религіи, фольклора.

Для посторонняго наблюдателя видно, что ни одна изъ борющихся національностей не можетъ доказать безподмѣсно родственный съ нею характеръ спорнаго населенія. И если между сербами находятся фантазеры, которые во всѣхъ македонцахъ видятъ лишь своихъ соотечественниковъ, опираясь главнымъ образомъ на обычай религіозно-родового праздника „славы" и на Марко-кралевскій эпосъ, то, съ другой стороны, едва ли не слишкомъ далеко заходятъ въ обратномъ направленіи болгары, сразу, двадцать лѣтъ тому назадъ, зачислившіе въ ряды своихъ единоплеменниковъ немалое число сербовъ только потому, что въ это время Болгарія замѣтно усилилась по сравненію съ Сербіей и могла распространить власть экзарха на значительную часть Македоніи. Точно также постороннему наблюдателю представляется невозможнымъ рѣшать сложный и грозный политическій вопросъ современности на основаніи однѣхъ филологическихъ тонкостей вродѣ того, что у македонцевъ, какъ у болгаръ, существуетъ членъ, приставляющійся въ концѣ слова, или отсутствуютъ склоненіе именъ существительныхъ и неопредѣленное наклоненіе глаголовъ. Тѣмъ болѣе, что сербскіе ученые съ большой запальчивостью нападаютъ какъ-разъ на эти „болгарскіе" признаки и считаютъ ихъ характеристическими результатами не болгарскаго, а романскаго вліянія.

Сербо-болгарскій споръ изъ-за македонцевъ можетъ вестись на подобныхъ „научныхъ" основаніяхъ очень долго и принимать уже совсѣмъ комическія формы великой войны между академіями наукъ сербской и болгарской. Но для безпристрастнаго наблюдателя отсюда вытекаетъ лишь одно. Надлежащимъ образомъ македонскій вопросъ между братьями-врагами можетъ быть рѣшенъ или автономіей самой Македоніи съ правомъ населенія тяготѣть духовно къ той или другой изъ славянскихъ національностей полуострова; или же образованіемъ широкаго демократическаго союза балканскихъ государствъ, въ рамкахъ котораго могли бы жить и свободно развивать свою національную индивидуальность смѣшанныя расы и народности, не считаясь съ политическими границами отдѣль-

ныхъ странъ. Но такъ кажется со стороны. А „славянскимъ братьямъ“, втянутымъ въ процессъ завоевательной войны политикой своихъ правителей и вліятельныхъ сферъ, никакое смѣшанное рѣшеніе не представляется удовлетворительнымъ. И недавніе союзники готовы были бы, пожалуй, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои узко націоналистическія требованія, не сознавай наиболѣе благоразумные элементы соперничающихъ націй, что ихъ столкновеніе можетъ повлечь за собою лишь возстановленіе силъ побѣжденной Турціи; и не стой кругомъ государствъ Балканскаго полуострова гигантскія европейскія державы, которыя, вѣроятно, употребятъ всѣ усилія, чтобы потушить въ самомъ началѣ этотъ споръ, могущій поставить на карту миръ Европы.

Свиданіе сербскаго премьера Пашича съ болгарскимъ премьеромъ Гешовымъ повело пока только къ отставкѣ послѣдняго. Вѣроятно, и проектируемая встрѣча первыхъ министровъ четырехъ союзныхъ государствъ не рѣшитъ разомъ всѣ спорные вопросы дѣлежа. Удастся ли Сербіи соприкоснуться своими владѣніями въ Македоніи съ греческими владѣніями, чтобы получить доступъ къ Эгейскому морю, разъ ей не удалось выйти къ Адріатикѣ; или же Болгарія отстоитъ за собою право врѣзаться клиномъ вновь пріобрѣтенныхъ территорій между тяготѣющими временно другъ къ другу Сербіей и Греціей,—предсказать пока трудно. Двѣ точки зрѣнія, на которыя становятся представители обѣихъ славянскихъ народностей, и которыя мы старались представить читателямъ по возможности объективно, опираясь какъ на пренія въ бѣлградскомъ парламентѣ и, прежде всего, на изложеніе дѣлъ Пашичемъ, такъ и на полемику, завязавшуюся на столбцахъ парижскаго „Le Temps“ (см. № отъ 1 іюня 1913) между Якшичемъ со стороны сербовъ и Даневымъ со стороны болгаръ, эти точки зрѣнія трудно примиримы. Онѣ даже совсѣмъ не могутъ быть примирены, поскольку братья-враги не придутъ къ заключенію, что всякое упорное проведеніе шовинистскихъ тенденцій вызываетъ не менѣе рѣзкое сопротивленіе другой стороны и придаетъ всему Балканскому полуострову характеръ порохового погреба, въ который стоитъ только бросить спичку, чтобы раздался опустошительный взрывъ. Главное затрудненіе, по нашему мнѣнію заключается здѣсь въ томъ, что эти боевыя тенденціи поддерживаются вліятельными сферами обѣихъ націй, а ихъ мирное рядовое населеніе, которое всею душою стремится въ послѣднее время покончить съ войной и вернуться къ своимъ запущеннымъ полямъ и заброшенному ремеслу, не обладаетъ достаточной иниціативой, чтобъ воспротивиться завоевательнымъ аппетитамъ правящихъ и милитаристскихъ круговъ.

III.

Въ какой степени вопросы внѣшней политики эксплуатируются привилегированнымъ меньшинствомъ во имя своихъ эгоистичныхъ соображеній, можно видѣть и изъ судьбы военныхъ законопроектовъ, обсуждающихся въ настоящее время по обоимъ склонамъ Вогезовъ и дающихъ возможность господамъ положенія и здѣсь, и тамъ играть въ патріотизмъ для того, чтобы преслѣдовать свои далеко не возвышенные интересы. Прежде всего, въ Германіи и во Франціи люди капитала и владѣнія обнаруживаютъ умилительное единодушіе мнѣній и поступковъ при выработкѣ упомянутыхъ законопроектовъ. Французскіе реакціонеры, умѣренные республиканцы и правые радикалы съ одной стороны, нѣмецкіе консерваторы и центръ съ другой, съ необыкновеннымъ пафосомъ распространяются о необходимости для „добрыхъ гражданъ“ нести всевозможныя жертвы на алтарь отечества. Но подъ этими жертвами они разумѣютъ всего охотнѣе возложеніе на плечи рядового населенія всѣхъ тягостей, связанныхъ съ осуществленіемъ новаго закона. Когда же рѣчь заходитъ о томъ, чтобы имъ самимъ участвовать въ защитѣ отечества не однѣми громкими фразами, а хотя бы матеріальными рессурсами, то они принимаются крайне энергично отстранять отъ себя такую перспективу.

Такъ, 10 іюня рейхстагъ уже приступилъ къ обсужденію проекта, надъ которымъ работала комиссія. Но предварительно уже въ ней завязалась любопытная борьба по вопросу о томъ, не разсмотрѣть ли парламенту во второмъ чтеніи вопросъ о способахъ покрытія военныхъ расходовъ отдѣльно отъ вопроса о самомъ законопроектѣ. Лѣвыя бюргерскія партіи стояли за такое рѣшеніе, и къ нимъ на сей разъ охотно присоединились соціалисты, которымъ этотъ тактическій пріемъ давалъ возможность вотировать противъ военнаго проекта, но за тѣ или другія финансовыя мѣры, представляющіяся имъ вообще полезными. Соціалъ-демократія надѣется, напр., на этомъ пути хоть до нѣкоторой степени провести принципъ прогрессивнаго подоходнаго налога, притягивающаго на защиту отечества тѣхъ богатыхъ гражданъ, которые до сихъ поръ были столь слабо обложены прямыми налогами.

И что же? Люди соціальной и католической реакціи жестоко возстали противъ этого плана, считая, наоборотъ, „необходимымъ“ разсматривать обѣ части законопроекта вмѣстѣ. Необходимость эта означаетъ ни много ни мало, какъ желаніе ихъ торговаться съ правительствомъ о размѣрахъ финансовыхъ жертвъ, которыя придется нести богатымъ людямъ. Эти великіе патріоты своего отечества нисколько не стѣсняются даже заявлять, что они провалятъ весь проектъ, если найдутъ тяжелыми для себя размѣры

предстоящаго обложенія. Такова политика консерваторовъ и реакціонеровъ въ столь серьезномъ, по ихъ же словамъ, дѣлѣ, какимъ является защита основныхъ интересовъ нѣмецкой родины, ея независимости и международнаго значенія. Они готовы взорвать всю махину того самаго законопроекта, вотумъ котораго они еще недавно считали священною обязанностью всякаго истинно-нѣмецкаго гражданина, если только подоходный налогъ затронетъ неприкосновенность привилегированной собственности. Шантажъ въ заключеніе всей реторики о любви къ отечеству— вотъ чѣмъ готовы козырнуть германскіе милитаристы.

Недурной спектакль въ томъ же родѣ развертывается и въ парламентѣ Третьей республики. Вотъ уже три-четыре мѣсяца, какъ правительство и большинство депутатовъ ведутъ всяческими способами усиленную агитацію въ странѣ съ цѣлью убѣдить французскихъ гражданъ въ томъ, что новый военный проектъ абсолютно необходимъ для спасенія отечества. Но—увы!—какъ на всякомъ торжествѣ, за эту патріотическую вакханалію приходится „платить музыкантамъ". Финансовая сторона проекта министерства Барту выражается въ увеличеніи на 200 милліоновъ франковъ ежегоднаго военнаго бюджета и въ устраненіи дефицита, по крайней мѣрѣ, въ милліардъ, который представляетъ собою сумму издержекъ, потребныхъ на содержаніе 200.000 лишнихъ солдатъ въ году. Министру финансовъ, Шарлю Дюмону, пришлось признать именно такіе размѣры этого дефицита и предложить средства для его пополненія. Предполагается выпустить на эту сумму процентныя облигаціи съ погашеніемъ втеченіе 20 лѣтъ, а для этого сдѣлать въ бюджетѣ ежегодное отчисленіе, достаточное для платежа процентовъ и погашенія по облигаціонному займу. Съ этой цѣлью Дюмонъ и изготовилъ особую „финансовую программу" временнаго обложенія прогрессивнымъ налогомъ всѣхъ доходовъ, превышающихъ 10.000 франковъ въ годъ.

И что же? Надо видѣть, съ какимъ умилительнымъ единогласіемъ всѣ эти патріоты реакціоннаго, оппортунистскаго и умѣренно радикальнаго лагерей возстали противъ предложенія министра. О, пока дѣло шло о томъ, чтобы распѣвать гимны во славу отечества и распоряжаться судьбою народа, вырывая изъ рядовъ населенія 200.000 здоровыхъ рабочихъ силъ для пополненія казармы, до тѣхъ поръ все было добро зѣло. Но лишь только вопросъ повернулся къ привилегированному меньшинству своей финансовой стороной, такъ сейчасъ же противъ нея посыпались возраженія. И здѣсь монархическій „Le Gaulois", бульварный „Фигаро" и крупнобуржуазный „Le Temps" трогательно подаютъ другъ другу руку. Надо замѣтить, что черезъ французскій сенатъ до сихъ поръ еще не успѣлъ пройти законопроектъ общаго подоходнаго, слегка прогрес-

сивнаго налога, уже довольно давно вотированнаго палатой депутатовъ. Вотъ упомянутые органы реакціи и охранительства и боятся создать прецедентъ. Ибо если чрезъ палату и сенатъ пройдетъ дюмоновскій проектъ временнаго и спеціальнаго прогрессивнаго налога, то, чего добраго, сенатъ, сія надежная цитадель соціальнаго консерватизма, не станетъ сопротивляться и введенію общаго и постояннаго прогрессивнаго обложенія...

Такое глубоко лицемѣрное отношеніе имущихъ и правящихъ классовъ республики къ существеннымъ вопросамъ національной жизни достаточно объясняетъ то настроеніе, которое царитъ теперь въ рядахъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, борющихся противъ милитаристскихъ замысловъ привилегированнаго меньшинства. Борьба эта обострилась, несомнѣнно, вслѣдствіе тактики самого правительства. Стараясь во что бы то ни стало провести законъ о трехлѣтней службѣ, кабинетъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы официіальными и неофиціальными путями организовать агитацію въ странѣ во имя „патріотическаго" проекта. Чиновники и служащіе разныхъ вѣдомствъ получили прямыя и косвенныя указанія помогать центральной власти, муссируя общественное мнѣніе Франціи. Тайный циркуляръ военнаго министра предписываетъ даже высшему начальству въ арміи зорко слѣдить за малѣйшими проявленіями критики къ проекту среди офицерства и тотчасъ-же подавлять ихъ. Съ другой стороны, реакціонеры и оппортунисты, которые все время утверждаютъ, что лишь парламенту довлѣетъ общая политика страны, а мѣстные органы и корпораціи должны заниматься исключительно своими спеціальными интересами, съ легкимъ сердцемъ нарушаютъ однако это свое обычное требованіе, побуждая различныя правительственныя и общественныя учрежденія на мѣстахъ устраивать патріотическія манифестаціи. Учителя лицеевъ и коллежей, служащіе разныхъ министерствъ и „бравые" офицеры въ разныхъ пунктахъ территоріи тщательно обрабатываютъ въ шовинистскомъ духѣ настроеніе учениковъ, подчиненныхъ, солдатъ, чтобы произвести иллюзію великаго патріотическаго порыва всей страны въ сторону трехлѣтней службы.

Правительство считаетъ, напр., необходимымъ распускать синдикаты учителей, высказывающихъ свое отрицательное отношеніе къ шовинизму. Но оно же старается всячески отличать тѣхъ изъ наставниковъ, которые успѣваютъ, при помощи увѣщаній и еще менѣе того корректныхъ способовъ педагогическаго воздѣйствія, собирать листы съ подписями „юныхъ патріотовъ", организовать ихъ собранія и демонстративныя шествія, выражающія якобы пламенныя желанія мальчугановъ проливать заблаговременно кровь на поляхъ битвъ. Точно также правительство нынѣ стало уже совершенно на точку зрѣнія консерваторовъ съ ихъ обожаніемъ арміи, какъ „великой молчальницы", которая, молъ „не должна заниматься никакой политикой",—кромѣ, разумѣется, реакціонной и

клерикальной политики, практиковавшейся въ теченіе столькихъ лѣтъ военными Третьей республики къ вящему удовольствію представителей стараго режима. „Армія должна безпрекословно исполнять требованія высшей власти: ея дѣло — повиноваться, а не разсуждать, защищать отечество, а не вмѣшиваться въ борьбу партій". Но чуть ли не во всѣхъ казармахъ Франціи начальствомъ организованы своеобразные курсы патріотическаго политиканства съ цѣлью вызвать у солдатъ такое, а не иное отношеніе къ предстоящему трехлѣтнему закону. Всѣ власти, начиная отъ начальника корпуса и кончая унтеръ-офицеромъ, стараются, съ одной стороны, разжигать шовинизмъ своихъ подначальныхъ различными приказами à la Наполеонъ, барабанными лекціями, вывѣшиваніемъ патріотическихъ изреченій съ самими прозрачными намеками на реваншъ. А, съ другой стороны, бросаютъ солдатъ прямо въ политику, поощряя, неофиціальнымъ путемъ, ихъ участіе въ тѣхъ „патріотическихъ" манифестаціяхъ улицы, которыя составляются изъ профессіональныхъ шовинистовъ и подонковъ населенія, уже знакомыхъ намъ изъ исторіи Франціи во время колоссальной борьбы старыхъ и новыхъ идей въ дѣлѣ Дрейфуса.

Понятно, что такая агитація, поднятая правительствомъ въ странѣ, должна была вызвать контръ-агитацію. Крайніе элементы и представители рабочихъ организацій, видя усиленную пропаганду шовинизма, которая была пущена въ ходъ правительствомъ, его мѣстными органами и „людьми порядка", въ свою очередь принялись за пропаганду противоположныхъ идей и организацію по всей странѣ манифестацій въ обратномъ смыслѣ,—опять-таки какъ мы это видѣли во время борьбы дрейфусистовъ съ антидрейфусистами. Не забудьте, что отождествленіе правительствомъ патріотизма съ закономъ о трехлѣтней службѣ зашло столь далеко, что вызвало даже во время одной бурной парламентской сцены резонное замѣчаніе самого президента палаты, Дешанеля: „нельзя считать измѣнниками отечеству тѣхъ, кто критикуетъ законопроектъ". Какой же силы должно было достигнуть враждебное отношеніе къ предполагающейся реформѣ среди всѣхъ тѣхъ передовыхъ слоевъ демократической интеллигенціи, рабочихъ и ремесленниковъ, которые на своей шкурѣ знаютъ, какъ тяжело приходится управляемымъ отплачиваться за грѣхи управляющихъ! И вотъ, въ противоположность пропагандѣ шовинизма, устроенной въ казармахъ фразистыми жрецами „великой молчальницы", синдикальныя организаціи начали подготовлять въ свою очередь во всей Франціи сопротивленіе милитаристскимъ планамъ со стороны тѣхъ же самыхъ солдатъ, но при помощи организацій, связывающихъ рабочаго, покамѣстъ онъ находится на военной службѣ, съ профессіональными союзами, куда онъ входилъ членомъ.

Извѣстно, что еще въ 1901 г., въ самый разгаръ борьбы за „истину и справедливость", которую „правительству республикан-

ской обороны“ и искреннимъ демократамъ пришлось выдерживать противъ отчаянной кампаніи католиковъ и шовинистовъ, была организована Всеобщей конфедераціей труда специальная солдатская лига подъ названіемъ „Солдатскаго су“. Ея непосредственной цѣлью была поддержка синдикатами своихъ членовъ, проходящихъ срокъ службы въ казармѣ, обыкновенно при очень тяжелыхъ условіяхъ [1]). Съ этой цѣлью Конфедераціей были устроены особыя бюро, концентрирующія свѣдѣнія союзовъ о своихъ бывшихъ членахъ, разбросанныхъ по гарнизонамъ Франціи. Каждый солдатъ, принадлежащій къ Конфедераціи, по прибытіи на мѣсто назначенія, сообщалъ синдикату свой адресъ. Синдикатъ сносился съ центральнымъ учрежденіемъ, при помощи котораго мѣстная биржа труда того города, гдѣ оказывался солдатъ-членъ синдиката, получала увѣдомленіе о вновь прибывшемъ. При посредствѣ этого учрежденія солдатъ получалъ извѣстное пособіе отъ Конфедераціи во все время службы и, кромѣ того, завязывалъ правильныя сношенія съ членами мѣстной рабочей организаціи, которая открывала ему свои двери и давала ему возможность въ свободное время присутствовать на лекціяхъ, собраніяхъ и развлеченіяхъ, устраиваемыхъ интеллигенціей и рабочими синдикатами даннаго города.

Спеціально для солдатъ Конфедерація труда, въ ряду различныхъ антимилитаристскихъ брошюръ, составила небольшую книжку, извѣстную подъ именемъ „Руководства солдата“ (Manuel du soldat). Она пользуется широкой популярностью среди солдатъ, принадлежащихъ къ организаціи рабочихъ союзовъ, и втеченіе десяти лѣтъ выдержала около двадцати изданій, разойдясь чуть не въ 200.000 экземпляровъ. Въ ней часто встрѣчаются страстные выпады противъ „отечества“, противъ „арміи“, противъ „офицерства“. Но не надо упускать изъ виду, какъ уже явствуетъ изъ самой исторіи солдатскихъ организацій, что крайности антимилитаристской точки зрѣнія были въ значительной степени вызваны поистинѣ звѣриной пропагандой шовинизма и военщины, жарко

[1]) Безпристрастная наука давно говоритъ о тяжеломъ физическомъ и особенно моральномъ состояніи молодыхъ людей, „проходящихъ“ курсъ казармы, этой „школы добродѣтели и чести“, по выраженію милитаристовъ. Вотъ что читаемъ мы хотя бы по поводу самоубійствъ въ недавно вышедшемъ большомъ „Словарѣ соціальной гигіены“ Гротьяна и Каупа: „Поразительно велико число самоубійствъ у военныхъ, хотя въ войскѣ собраны такіе молодые и крѣпкіе индивидуумы, которые были подвергнуты тщательному выбору въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніяхъ, и для которыхъ временно отпадаетъ забота о насущномъ хлѣбѣ. Вырываніе изъ обычныхъ условій жизни, подавленіе самостоятельности, подчиненіе постоянному гнету, тоска по родинѣ и близкимъ дѣйствуютъ особенно сильно въ началѣ военной службы. Къ этому присоединяются тяжелыя преслѣдованія (Quälereien) начальствующихъ, ежедневныя утомительныя занятія, усиленное ощущеніе тѣлесныхъ страданій, — все это толкаетъ солдата къ самоубійству“ и т. д. (См. „Grotjahn und Kaup, „Handwörterbuch der Sozialen Hygiene“; Лейпцигъ, 9112, т. II, стр. 379).

восхвалявшихся по всей Франціи клерикалами и милитаристами во время дѣла Дрейфуса.

Теперешніе министры забыли, что былъ моментъ, когда само „правительство республиканской обороны“ было въ душѣ очень радо агитаціи антимилитаристовъ, такъ какъ она, несмотря на возможныя преувеличенія, помогла защитникамъ демократіи уберечь солдатъ отъ вліянія ихъ тогда всѣхъ почти реакціонно настроенныхъ начальниковъ, стремившихся низвергнуть республиканскія учрежденія. Гласно, тогдашній военный министръ, генералъ Андрэ, годъ спустя послѣ образованія „Солдатскаго су“, циркуляромъ требовалъ, напр., отъ воинскихъ властей недопущенія въ казармѣ антимилитаристскихъ организацій, причемъ главною цѣлью приказа было въ сущности уничтоженіе другихъ, а именно мнимо патріотическихъ клерикальныхъ обществъ. А негласно, молодые офицеры, ставшіе въ арміи на защиту республики, извѣщали центральные органы военнаго министерства, что пропаганда синдикатовъ и антимилитаристовъ была не всегда, пожалуй, безопаснымъ, но по тогдашнимъ временамъ очень полезнымъ противовѣсомъ той отчаянной пропагандѣ coup d'Etat, какая велась въ казармахъ клерикалами и шовинистами въ густыхъ эполетахъ. А въ бытность военнымъ министромъ лѣваго радикала Берто наиболѣе выдающееся офицерство прямо способствовало установленію связей между солдатами и мѣстными рабочими организаціями съ цѣлью освободить солдатъ изъ-подъ гибельнаго гнета реакціонеровъ и клерикаловъ арміи.

Теперь все это, повторяемъ, забыто. Но если начавшаяся во Франціи реакція пойдетъ и дальше такими же быстрыми шагами, и если снова республиканскія учрежденія будутъ поставлены на край гибели подъ напоромъ реакціи, то повторится та же самая исторія. Теперешніе сверхъ-патріоты министерства будутъ очень рады, если кругомъ казармы найдутся рабочіе союзы, которые поддержатъ въ солдатѣ любовь къ свободѣ и отвращеніе къ тому зоологическому шовинизму, что такъ усердно пропагандировался въ гарнизонахъ Франціи мѣстными воинскими властями съ благословенія и поощренія правительства.

Но, пока что, кабинетъ Барту считаетъ необходимымъ свирѣпствовать противъ антимилитаристовъ. Недавно (26 мая) въ поученіе патріотамъ онъ устроилъ въ Парижѣ и 88 городахъ Франціи колоссальнѣйшій обыскъ и выемку бумагъ въ помѣщеніяхъ Всеобщей конфедераціи, рабочихъ синдикатовъ и биржъ труда,—наконецъ, въ послѣдніе дни принялся за аресты революціонныхъ вожаковъ. Предлогомъ послужили принявшія довольно серьезные размѣры демонстраціи солдатъ противъ трехлѣтней службы и противъ оставленія на третій годъ отслуживающихъ свой срокъ нижнихъ чиновъ. Въ теченіе цѣлой недѣли почти всѣ гарнизонные города Франціи были, дѣйствительно, ареною болѣе или менѣе рѣзкихъ протестовъ солдатъ противъ подготовляющихся законовъ. Правительство утверждаетъ,

что 16 мая н. с. Всеобщая конфедерація труда разослала во всѣ главные гарнизоны Франціи настоятельное приглашеніе произвести планомѣрныя манифестаціи для выраженія недовольства проектомъ о трехлѣтней службѣ. И вотъ 17-18 числа, дѣйствительно, прокинулись, преимущественно на востокѣ Франціи и особенно въ гарнизонѣ города Туля, демонстраціи солдатъ. Протестанты составляли мѣстами кучки, мѣстами отряды, насчитывавшіе порою нѣсколько сотъ человѣкъ, выходили самовольно на улицу и устраивали шествіе по городу съ „мятежными" криками. Эти демонстраціи по большей части были подавлены въ самомъ началѣ. И само правительство старалось первое время замолчать ихъ. Но неспокойное настроеніе среди солдатъ почти во всѣхъ концахъ страны продолжалось еще съ недѣлю и утихло лишь въ 20-хъ числахъ мая. То тамъ, то сямъ происходили военные безпорядки. И, наконецъ, министерство рѣшило перемѣнить тактику, громогласно заявивъ о наличности военнаго заговора, устроеннаго Всеобщей конфедераціей труда, клонившагося ни много ни мало, какъ къ попыткѣ всеобщаго дезертирства, къ счастію, молъ, остановленнаго бдительностью властей.

Въ какой степени это солдатское движеніе было на самомъ дѣлѣ сильно, судить довольно трудно въ виду перекрещивающихся и противорѣчивыхъ извѣстій, печатаемыхъ въ газетахъ, изъ которыхъ однѣ стараются раздуть всячески факты, другія—свести ихъ на нѣтъ. Во всякомъ случаѣ солдатскія волненія охватили сосѣдній съ Германіей востокъ, принявши замѣтные размѣры въ Тулѣ, Бельфорѣ, Реймсѣ, Шалонѣ; коснулись Парижа, гдѣ безпорядки происходили въ нѣсколькихъ казармахъ; распространились на центръ, вспыхнувъ въ Коммантри, на югъ, охвативъ Бордо, Монтобанъ, Тарбъ, Кагоръ; захватили даже Овернь, обнаруживъ серьезный характеръ въ Родэзѣ; докатили свои волны до самой Бретани, гдѣ была попытка демонстраціи въ Реннѣ, и т. д. Разумѣется, немедленной опасности существующему строю отъ этихъ демонстрацій пока не предвидится. Но онѣ являются выраженіемъ растущаго снова скептицизма и недовѣрія широкихъ слоевъ населенія къ тому режиму, который обѣщалъ имъ осуществленіе великихъ принциповъ свободы, равенства и братства, а путемъ разочарованій привелъ массы къ тому, что онѣ охотно говорятъ при случаѣ вмѣстѣ съ синдикалистами: истинное царство труда осуществится лишь при вольной федераціи рабочихъ союзовъ, а потому оно противорѣчитъ по самой сущности своей такъ называемой „демократіи", на самомъ-то дѣлѣ означающей не управленіе народа народомъ, а господство богатыхъ классовъ и угнетеніе свободной личности въ полицейскомъ государствѣ.

Теперь правительство, желая пріобрѣсти себѣ побольше приверженцевъ и не стѣсняясь тѣмъ, изъ какихъ рядовъ они выходятъ, громогласно объявляетъ о своемъ намѣреніи примѣнить всю

строгость законовъ ко Всеобщей конфедераціи труда и, если возможно, совершенно уничтожить это общество. Такимъ образомъ можетъ повториться та исторія, при которой мы присутствовали во второй половинѣ 90-хъ годовъ. И тогда рядъ оппортунистскихъ министерствъ считалъ своею обязанностью передъ государствомъ и буржуазіей преслѣдовать рабочія организаціи, стѣснять свободу собраній и печати, насколько только это было возможно благодаря вотированнымъ въ 1894 „злодѣйскимъ законамъ" противъ анархистовъ, законамъ, противъ которыхъ рѣзко возставали такіе испытанные республиканцы, какъ покойный Бриссонъ. И тогда эти преслѣдованія крайне ожесточали лѣвую интеллигенцію и наиболѣе передовые слои рабочаго класса, среди которыхъ росло съ одной стороны глубокое разочарованіе въ республикѣ, съ другой—враждебное отношеніе къ учрежденіямъ страны. Только на этой почвѣ и могла расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ та клерикальная и шовинистская пропаганда реакціоннаго переворота, которая въ концѣ-концовъ привела Францію къ великой междоусобной войнѣ во время дѣла Дрейфуса.

Этотъ кризисъ открылъ было глаза наиболѣе вдумчивымъ французамъ на серьезность положенія. Произошло сближеніе между интеллигенціей и трудовыми массами. Наступилъ рядъ сравнительно плодотворныхъ годовъ министерствъ Вальдэка-Руссо и Комба, втеченіе которыхъ республика казалась охваченной порывомъ соціальнаго творчества и, дѣйствительно, успѣла провести нѣкоторыя реформы или хоть намѣтила пути для ихъ осуществленія. Увы! этотъ періодъ республиканскаго покаянія и искренняго желанія пойти навстрѣчу къ міру труда, повидимому, снова кончается. Творческая струя изсякаетъ. И олицетвореніемъ новаго краха французскаго республиканства,—на сей разъ уже въ его радикальной формѣ,—является, напр., политическая эволюція направо такого нѣкогда замѣчательнаго дѣятеля, какъ Клемансо. А его преемники еще болѣе обострили это движеніе въ сторону реакціи. „Имѣть волю, или умереть"—vouloir ou mourir, патетически восклицаетъ мнимо „свободный человѣкъ" подъ перомъ Клемансо, который такой фразеологіей выражаетъ почти комическую по своей мелочности альтернативу: примите трехлѣтній законъ—или Франція исчезнетъ съ лица земли!..

И еще одинъ-два послѣднихъ штриха къ картинѣ. Министерство Барту вознамѣрилось преслѣдовать Всеобщую конфедерацію труда какъ разъ на основаніи тѣхъ самыхъ „злодѣйскихъ" законовъ 1894 г., къ которымъ истинно республиканскіе кабинеты не любятъ прибѣгать. А въ палатѣ депутатовъ, на засѣданіи 3 іюня, во время рѣчи соціалистическаго депутата противъ трехлѣтняго закона, генералъ По, явившійся въ качествѣ комиссара (эксперта) правительства, театрально бросалъ свой портфель и двоекратно демонстрировалъ желаніе уйти при малѣйшей критикѣ высшаго военнаго на-

чальства со стороны представителя народа,—точь-въ-точь какъ пресловутый генералъ Шануанъ во время дѣла Дрейфуса. Итакъ снова реакція и военщина!..

IV.

Что современный милитаризмъ затрогиваетъ—отрицательно—самые существенные интересы общества и касается низинъ и коллективной, и личной психологіи, можно видѣть изъ очень сенсаціоннаго дѣла, только что разыгравшагося въ Австріи. Какъ громомъ упала на голову обожателей спеціальной военной чести вѣсть о томъ, что одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ австрійской арміи, бывшій начальникъ развѣдочнаго бюро (или, какъ австрійцы называютъ его по ученому, Evidenzbureau) генеральнаго штаба, а въ послѣднее время начальникъ штаба 8-го (пражскаго) корпуса, полковникъ Редль принужденъ былъ кончить жизнь самоубійствомъ, потому что былъ уличенъ въ грандіозной измѣнѣ своему отечеству.

Лично Редль для насъ очень мало интересенъ. Мало ли есть способныхъ, но глубоко испорченныхъ людей, которые въ состояніи дойти до чудовищныхъ проявленій эгоизма и предательства? Почему Редль измѣнилъ? Потому ли, что онъ былъ не чистокровнымъ нѣмцемъ, а полякомъ, какъ говорятъ австрійскіе реакціонеры? Или потому, что былъ безнравственнымъ человѣкомъ, стоявшимъ въ странныхъ отношеніяхъ къ пріятелямъ-лейтенантамъ и къ переодѣваемымъ имъ въ женскій костюмъ деньщикамъ, какъ увѣряютъ строгіе цензоры нравовъ? Или потому, что былъ лицемѣрный ханжа, который каждое воскресенье демонстративно ходилъ въ церковь съ молитвенникомъ, а послѣ бралъ свой реваншъ въ попойкахъ, гдѣ шампанское лилось рѣкой? Потому ли, что палъ жертвой шантажистовъ, которые вотъ уже пятнадцать лѣтъ выматывали у него крупные куши подъ угрозой доноса? Или потому, что являлся глубоко корыстнымъ человѣкомъ, успѣвшимъ іудиной платой довести свой ежегодный бюджетъ до сотенъ тысячъ рублей (въ Вѣнѣ увѣряютъ, что у него въ разныхъ банковыхъ учрежденіяхъ еще осталось, не смотря на крайне широкій образъ жизни, $1^1/_2$ милліона кронъ, т. е. около 600.000 рублей)? Всѣ эти вопросы интересны лишь для моралиста и проповѣдника. Гораздо и важнѣе, и поучительнѣе общественная, можно сказать, соціологическая точка зрѣнія на предметъ.

Современная организація милитаризма предполагаетъ выработку спеціальныхъ органовъ шпіонства и противушпіонства, органовъ, играющихъ здѣсь такую же роль, какую играетъ въ отсталыхъ государствахъ политическая полиція, или, проще сказать, охрана. Какъ тутъ, такъ и тамъ личности, стоящія на этомъ своеобразномъ посту, повидимому, въ теоріи, преслѣдуютъ высшіе интересы отечества. Но какъ тутъ, такъ и тамъ онѣ во имя этихъ высшихъ интересовъ и возвышенныхъ цѣлей прибѣгаютъ на прак-

тикѣ къ самымъ сомнительнымъ пріемамъ. Обманъ, ложь, провокація; освященіе цѣлью какихъ-угодно средствъ; безконтрольное распоряженіе громадными суммами; возможность широкой жизни и грандіознѣйшаго авантюризма,—все это создаетъ такую удушливую атмосферу, въ которой мало-мальски слабый человѣкъ долженъ кончить фатально потерей всякаго нравственнаго чувства и безцеремоннымъ хожденіемъ по ту сторону добра и зла. Нѣмецкія газеты, которыя предполагаютъ, что Редль выдавалъ врагу не только австрійскіе, но и германскіе, но и румынскіе военные секреты, увѣряютъ, что онъ получилъ бóльшую часть изъ тѣхъ „тринадцати милліоновъ рублей (sic!), которые были, молъ, издержаны на шпіонство „съ востока" за послѣдніе годы. Легко себѣ представить, какимъ искушеніямъ долженъ былъ подвергаться этотъ человѣкъ, вращавшійся все время среди шикарныхъ красавицъ и блистательныхъ кавалеровъ въ игорныхъ домахъ, на спортивныхъ празднествахъ и другихъ мѣстахъ встрѣчи интернаціональныхъ шпіоновъ, вербующихся изъ дамъ свѣта и полу-свѣта, прогорѣвшихъ финансистовъ, продажныхъ газетчиковъ, разорившихся аристократовъ, бѣдныхъ и способныхъ, „дипломатовъ", одаренныхъ громадными аппетитами, и вообще всего этого страннаго люда, живущаго на точкахъ пересѣченія громадныхъ интересовъ современныхъ капиталистическихъ и милитаристскихъ государствъ, которыя располагаютъ гигантскими скопленіями средствъ въ видѣ правильныхъ бюджетовъ и колоссальныхъ секретныхъ фондовъ.

У этого міра есть своеобразный кодексъ морали и своеобразные обычаи. Во время дѣла Дрейфуса одинъ изъ военныхъ съ гордостью произнесъ монументальную фразу: „Ваша справедливость — не наша!" Своя особая точка зрѣнія на всѣ предметы отмѣчаетъ міръ военныхъ шпіоновъ и контръ-шпіоновъ. Нѣмецкія газеты прогрессивнаго направленія съ раздраженіемъ указываютъ на то обстоятельство, что высокія лица австрійскаго генеральнаго штаба, узнавъ объ измѣнѣ Редля и припертши его къ стѣнѣ, указали ему, какъ на достойный выходъ изъ затруднительнаго положенія, на браунингъ. И, вѣрный этому своеобразному кодексу чести, Редль размозжилъ себѣ голову. Спрашивается, имѣли ли паладины воинской чести право на то, чтобы покончить такимъ семейнымъ образомъ дѣло Редля, не давъ возможности правильнымъ органамъ власти надлежащимъ образомъ раскрыть размѣры и характеръ измѣны. Невольно высказывается предположеніе, что, можетъ быть, тутъ скрывается возможность гигантскаго соучастія, которое боится, какъ бы нити и пружины этого темнаго дѣла не были выставлены и обнаружены. И невольно же у каждаго всплываетъ въ памяти кровавый образъ французскаго полковника Анри, котораго во время дѣла Дрейфуса высшія власти „самоубили" бритвою въ военной тюрьмѣ. И Анри, какъ Редль, вращался въ этомъ оригинальномъ, страшномъ, кроваво-грязномъ мірѣ международнаго шпіонства и противушпіонства, гдѣ

мины и контръ-мины пронырства и обмана перекрещиваются и взаимно взрываютъ себя во всѣхъ направленіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что будущій историкъ культуры не безъ интереса остановится на періодѣ существованія гигантскихъ капиталистическихъ и милитаристскихъ государствъ, которыя создавали своеобразную общественную мораль и порождали специальную атмосферу, отравлявшую всѣхъ тѣхъ, кто погружался въ нее.

V.

Только что оборвалась нить жизни интереснаго и разносторонняго человѣка, сэра Джона Лёббока, въ послѣднее время извѣстнаго въ Англіи болѣе подъ именемъ лорда (барона) Эвбёри. Онъ былъ сыномъ баронета Джона Уильяма Лёббока, который занимался не безъ успѣха одновременно банкирскими операціями, астрономіей и изслѣдованіемъ первобытной культуры. Лёббокъ унаслѣдовалъ отъ своего отца его довольно разнообразныя способности, но въ болѣе крупномъ и рельефномъ видѣ. Онъ рано кончилъ школьное образованіе, такъ какъ въ 1848 году, т. е. на 14 году своей жизни (онъ родился въ 1834) уже былъ взятъ своимъ отцомъ изъ аристократической Итонской школы и поступилъ на службу въ его же банкъ, а въ 22 года уже былъ полноправнымъ пайщикомъ въ предпріятіи. Со смертью отца (1865) молодой баронетъ особенно энергично принимается за научныя и практическія занятія. Онъ рано становится извѣстнымъ въ качествѣ члена разныхъ комиссій, напр., по монетному и др. вопросамъ, равно какъ въ качествѣ президента многочисленныхъ ученыхъ обществъ, начиная отъ ботаническаго и энтомологическаго и кончая статистическимъ, антропологическимъ и соціологическимъ (Международный соціологическій институтъ). Съ 30 лѣтъ Лёббокъ получаетъ широкую извѣстность, какъ авторъ цѣннаго для эпохи труда о „Доисторическихъ временахъ“, къ которому пять лѣтъ спустя присоединилась не менѣе мыслебудящая работа о „Началѣ цивилизаціи“. Лёббокъ нерѣдко выступаетъ и на засѣданіяхъ палаты общинъ, куда онъ двоекратно избирался въ 1870 и 1874 г. и гдѣ онъ засѣдалъ, какъ выборный членъ отъ Лондонскаго университета, отъ 1880 до 1900 г., когда былъ возведенъ въ пэры, во вниманіе къ научнымъ заслугамъ.

Лёббокъ былъ оригинальнымъ, чисто англійскимъ типомъ человѣка, сочетавшаго науку и практику, притомъ съ незаурядною среди англичанъ энциклопедичностью (англичане, какъ извѣстно, сами жалуются на „кусочность“ своего ума). Банкиръ, естественникъ, археологъ, соціологъ, политикъ, во всемъ Лёббокъ проявлялъ если не геніальность, то ту свѣжесть мысли, которая побуждала его вносить что-либо новое, имъ лично продуманное, даже туда, гдѣ онъ опирался на изслѣдованія предшественниковъ. Высказывалъ ли онъ взглядъ на первобытное общеніе половъ, или такъ названный

имъ „коммунальный бракъ“, полемизировалъ ли онъ съ Бахофеномъ по поводу гинекократіи, изучалъ ли онъ составныя части религіи и ея эволюцію („Начало цивилизаціи“), возстановлялъ ли онъ картину жизни древняго человѣка („Доисторическія времена“), останавливался ли онъ на психологіи животныхъ („Чувства, инстинкты и умъ животныхъ“), изслѣдовалъ ли онъ организацію обществъ у насѣкомыхъ („Муравьи, пчелы и осы“), изучалъ ли онъ взаимодѣйствіе между цвѣтами и насѣкомыми („Британскіе дикіе цвѣты въ ихъ отношеніяхъ къ насѣкомымъ“), обращался ли онъ къ популярно-житейскимъ трактатамъ („Радости жизни“),—во всемъ была видна эта свѣжесть и живость мысли.

Для изслѣдователя общественныхъ отношеній можетъ представлять извѣстный интересъ то обстоятельство, что наименьшую самостоятельность мышленія Лёббокъ проявлялъ въ области политики и соціальныхъ вопросовъ. Въ парламентѣ онъ былъ фритрэдеромъ и манчестерцемъ, но, въ качествѣ традиціоннаго либерала, отнюдь не пошелъ за Гладстономъ въ сторону гомруля, а, наоборотъ, все время продолжалъ повторять не особенно убѣдительные аргументы уніонистовъ. Какъ предсѣдатель совѣта лондонскаго графства, онъ обращалъ серьезное вниманіе на вопросы городского благоустройства, жилищную нужду и т. п., но жестоко возставалъ противъ того, что теперь называютъ „муниципальнымъ соціализмомъ“, поставляя даже въ мало доказуемую связь расхищеніе городскихъ денегъ и ростъ муниципализаціи. Какъ практическій политикъ, онъ былъ доброжелательнымъ реформаторомъ, который связалъ, напр., свое имя съ биллями о такъ называемыхъ банковскихъ вакаціяхъ и о часахъ закрытія лавокъ. Но въ то же время онъ чрезвычайно рѣзко боролся съ соціализмомъ и въ этой борьбѣ оставался на почвѣ міровоззрѣнія крупной буржуазіи.

Въ общемъ это былъ счастливый человѣкъ, прожившій свою сравнительно долгую жизнь (онъ умеръ на 80-мъ году) среди постояннаго, доставлявшаго ему большое наслажденіе труда. Но это счастье основывалось, какъ мнѣ кажется, въ немалой степени на томъ, что онъ не вдумался, а, можетъ быть, и не вчувствовался въ глубоко ненормальный характеръ современнаго общества, расколовшагося на два лагеря: праздное меньшинство, подверженное чувству пресыщенія и скуки; и обремененное трудомъ большинство страдающее отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, опасенія за себя и за близкихъ и тяжелой монотонной работы. Разверните книгу Лёббока о „Радостяхъ жизни“ и прочтите хотя бы слѣдующую фразу: „Почти всѣ мы возлагаемъ на себя тяжелое бремя безполезныхъ страданій. По пути жизни мы, если можно такъ выразиться, затрудняемъ себя мертвымъ вѣсомъ багажа изъ предметовъ роскоши. А между тѣмъ, когда человѣкъ усложняетъ свой выѣздъ, онъ обрѣзываетъ себѣ крылья,—сказалъ Бэконъ“.

Ахъ, сколько есть для трудового большинства другихъ гораздо

болѣе серьезныхъ причинъ, подрѣзающихъ крылья! И какой горькой насмѣшкой должно отдаваться въ ушахъ тѣхъ, которые весь вѣкъ свой не покладаютъ рукъ и, однако, не могутъ удовлетворить самыхъ существенныхъ потребностей, упоминаніе оптимистическаго автора объ обремененіи роскошнымъ багажомъ.

Самъ Лёббокъ представляетъ намъ, во всякомъ случаѣ, человѣка, которому, повидимому, лишь его общественная обстановка и положеніе богатаго дѣльца помѣшали надлежащимъ образомъ понять всю трагическую сторону современнаго человѣческаго существованія. Лично онъ, конечно, зналъ радости жизни, зналъ въ числѣ ихъ высоко-человѣчный, облагораживающій, свѣтлый трудъ. Но онъ не зналъ труда-проклятія, труда подневольнаго, принижающаго мысль и заволакивающаго для громадной доли людей горизонтъ „радостей жизни“ мрачнымъ облакомъ наемной невольничьей работы...

Н. С. Русановъ.

P. S. Въ моемъ майскомъ обозрѣніи должно исправить слѣдующую погрѣшность:

	Напечатано:	Надо читать:
Стр. 283, строка 7 снизу:	Берлинской	Бернской

Н. Р.

Хроника внутренней жизни.

1. „Осудили правительство“. Опора въ разстройствѣ.—2. Власть съ тормазомъ и власть безъ тормаза.—3. Объ экзаменахъ нынѣшняго года.

„Важное событіе“. Даже цѣлый рядъ событій:

Во-первыхъ, націоналисты выразили „надежду“ на принятіе правительствомъ „въ возможно непродолжительномъ времени“ такихъ мѣръ, которыя сдѣлаютъ „излишнимъ примѣненіе исключительныхъ положеній, пріучащихъ страну существовать путемъ административныхъ воздѣйствій и препятствующихъ ей войти въ нормальныя границы правового строя“.

Во-вторыхъ, „группа центра“, она же бывшая „группа Крупенскаго“, называвшаяся также „фракціей Коковцова“, заявила, что „въ настоящее время не имѣется достаточныхъ основаній къ примѣненію исключительныхъ положеній“, и высказала „пожеланіе“, чтобы правительство „въ возможно непродолжительномъ времени вступило на путь коренныхъ реформъ, возвѣщенныхъ съ высоты

Престола въ манифестѣ 17 октября и другихъ Высочайшихъ указахъ". Въ развитіе этихъ мнѣній и пожеланій ораторъ группы В. Н. Львовъ говорилъ въ засѣданіи Думы 21 мая:

Настало время, когда правительство должно... вступить на путь широкаго примѣненія разумныхъ европейскихъ началъ правового порядка. Несмотря на весь консерватизмъ нашихъ убѣжденій, мы думаемъ, что отказъ отъ систематическаго проведенія... реформъ... пагубенъ для русскаго государства и опасенъ для общественнаго спокойствія... Мы думаемъ, что насталъ моментъ, когда всякая консервативная партія Россіи должна пойти на уступки (цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 22. V).

Въ-третьихъ, октябристы заявили, что: 1) режимъ исключительныхъ положеній „возбуждаетъ къ населеніи общее недовольство и вполнѣ справедливое чувство возмущенія"; 2) уклоненіе „отъ давно назрѣвшихъ реформъ, предуказанныхъ въ Высочайшемъ манифестѣ 17 октября и въ рядѣ другихъ Высочайшихъ указовъ", „препятствуетъ водворенію въ Россіи правового порядка и убиваетъ въ народѣ уваженіе къ закону и власти"; 3) дѣйствія администраціи надъ инородцами „разъединяютъ русскихъ гражданъ и ослабляютъ мощь Россіи".

Сверхъ того, всѣ три названныя охранительныя группы указали на необходимость не медлить съ земской реформой...

Все это произошло при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Большинствомъ 164 (лѣвая оппозиція, октябристы и часть центра) противъ 117 (правые, націоналисты и большая часть центра) при 23 воздержавшихся принята формула октябристовъ, болѣе рѣшительная по тону и болѣе разносторонняя. Таковы вкратцѣ „событія". Важными ихъ признала почти вся либеральная пресса, хотя и не безъ оговорокъ,—въ томъ смыслѣ, что происшедшее все-таки лишь симптомъ, и реальныхъ результатовъ ждать пока не приходится. Важность же заключается, конечно, въ томъ, что, за исключеніемъ крайнихъ правыхъ, вся четвертая Дума—не только Дума 3 іюня, но и „Дума Саблера и Макарова",—высказалась противъ режима исключительныхъ положеній, за переходъ къ правовому строю и осудила общее направленіе правительственной политики. Даже до парадоксовъ,—до осужденія правительственной политики опредѣленно правительственными группами, которыя до протеста поддерживали эту политику и послѣ протеста въ сущности продолжаютъ поддерживать. И уже эти парадоксы заставляютъ насторожиться... Событій не видно. Лишь симптомъ, по всѣмъ видимостямъ, дѣйствительно важный. Но вотъ парадоксы... Они, вѣдь, тоже симптомъ, и при томъ нехорошій, нездоровый. Возбуждаетъ досадныя сомнѣнія и другой симптомъ. Правое крыло Думы, наиболѣе освѣдомленное относительно тайнъ закулисной политики, „раскатисто захохотало", по выраженію „Русскихъ Вѣдомостей", когда В. Н. Львовъ отъ имени „группы центра" (правительственной, вѣдь) сталъ излагать приведенное выше заявле-

ніе: „настало время, когда" и т. д. Почему-то засмѣялся при этомъ, какъ отмѣчено референтомъ „Русской Молвы", „и присутствующій въ министерской ложѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ И. М. Золотаревъ"... Послѣднее обстоятельство возмутило депутата Керенскаго.

— „Скажите, чтобъ чиновники не смѣялись",—крикнулъ онъ съ мѣста предсѣдателю, указывая на министерскую ложу.

Возмущеніе резонное. Публичный смѣхъ представителя правительства во время напоминаній о началахъ манифеста 17 октября и другихъ Высочайшихъ актовъ, по меньшей мѣрѣ, страненъ. Но замѣтьте: когда рабочіе хотя бы маленькой фабрики намѣреваются пропѣть всего только вѣчную память по погибшимъ на Ленѣ или группа школьниковъ организуется въ кружокъ самообразованія,— товарищи министровъ и сами министры отнюдь не смѣются. Наоборотъ, дѣло сразу принимаетъ чрезвычайно серьезный, а иногда и прямо трагическій оборотъ. А тутъ цѣлыя владѣльческія группы требуютъ отмѣны охраны, осуществленія манифеста, т. е. въ сущности цѣлой революціи во внутренней политикѣ,—и товарищъ министра безпечно улыбается. Когда всего одинъ членъ Думы епископъ Никонъ обнаружилъ намѣреніе выступить съ предложеніями „правыми", „монархическими", „черносотенными", но проникнутыми желаніемъ оградить интересы трудового люда, а въ особенности крестьянства, — правое крыло Думы не хохотало и правительство не смѣялось. Епископа Никона поспѣшили „убрать", перевести на другую каѳедру, лишить ценза, и отъ него, по газетнымъ свѣдѣніямъ, требуютъ, грозя репрессіями, сложить депутатскія полномочія. Столько волненій можетъ причинить всего лишь одинъ провинціальный архіерей, и при томъ викарный, не имѣющій ничего, кромѣ желанія поступать по своимъ хотя бы и черносотеннымъ убѣжденіямъ. Но вотъ вся Дума, за исключеніемъ крайнихъ правыхъ, говоритъ „революціонныя слова", и, тѣмъ не менѣе, представители правительства въ ложѣ министровъ, по описанію газетныхъ референтовъ „сидятъ съ скучающимъ видомъ", или даже улыбаются. Охъ, ужъ эти „революціонныя слова"... Ихъ великолѣпно научилось произносить само правительство. Не далѣе какъ за мѣсяцъ до обсужденія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ одно изъ такихъ „выступленій" сдѣлалъ министръ Тимашевъ. Къ нему явились представители совѣта съѣздовъ промышленности и торговли, — съ претензіями по поводу передачи нѣкоторыхъ казенныхъ заказовъ заграничнымъ заводамъ. Министръ выслушалъ и заявилъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Довольно мы васъ кормили за счетъ казны и за счетъ русскаго мужика...—Съ насъ хватитъ. Больше кормить васъ мы не намѣрены... („Рѣчь". 27. IV).

Не слова, а цѣлая программа, обѣщаніе произвести революцію

въ экономической политикѣ, отказъ отъ нынѣ дѣйствующихъ основныхъ принциповъ... А, между тѣмъ, ехидный „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго увѣряетъ, что распредѣленіе казенныхъ заказовъ зависитъ вовсе не отъ принциповъ, а отъ протекцій, покупаемыхъ взятками. Кто больше дастъ, тотъ и получаетъ. А принципы существуютъ для докладовъ. Больше дадено русскимъ заводчикомъ, и въ докладѣ, представляемомъ министру или иному высшему начальству торжествуетъ принципъ поощренія отечественной промышленности. Больше дадено иностранцемъ,—и въ докладѣ неотразимо доказывается, что пора же, наконецъ, охранять интересы государственнаго казначейства и русскаго мужика... Министръ въ лучшемъ случаѣ лишь отражаетъ впечатлѣніе послѣдняго изъ прочитанныхъ имъ докладовъ. Конечно, дѣло не такъ просто, какъ полагаютъ „тайновѣды“ изъ „Гражданина“. Тѣмъ не менѣе, отъ даннаго министерскаго слова не станется... Думское слово, говорятъ, крѣпче, сурьезнѣй. Но правда ли, что оно крѣпче? Въ началѣ мая октябристы съ непозволительной торопливостью, молчаливо игнорируя всѣ возраженія—и юридическія и по существу,—проводили въ думской судебной комиссіи законопроектъ о распространеніи на Финляндію карательныхъ нормъ Уголовнаго Уложенія 1903 г. Проводили съ такою откровенностью, что одинъ изъ популярнѣйшихъ лидеровъ партіи бар. Мейендорфъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ ея рядахъ и офиціально заявилъ о своемъ выходѣ. Это было въ первыхъ числахъ мая. Черезъ полторы-двѣ недѣли началась предварительная выработка формулъ перехода отъ обсужденія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. И тѣ же октябристы, но уже безъ бар. Мейендорфа, объявили для себя пріемлемой формулу, предложенную прогрессистами. А въ ней, между прочимъ, содержался слѣдующій пунктъ: правительство „своею близорукою политикою по отношенію къ окраинамъ и къ отдѣльнымъ національностямъ, населяющимъ Россію, разжигаетъ чувство національной вражды, разъединяетъ русскихъ гражданъ и ослабляетъ мощь Россіи“. И этотъ пунктъ при обсужденіи въ октябристской фракціи

вызвалъ только нѣкоторыя возраженія редакціоннаго характера и былъ принятъ почти единогласно („Рѣчь“, 21. V).

На слѣдующій день правое крыло октябристовъ потребовало пересмотра. На вновь созванномъ фракціонномъ собраніи „національный пунктъ“ подвергся передѣлкѣ,—изъ него исчезло упоминаніе объ окраинахъ, исчезла „близорукая политика“ правительства, исчезла самая тѣнь протеста противъ націоналистическихъ законоположеній; оказалось, что лишь „способомъ примѣненія дѣйствующаго закона по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ административная власть (а не правительство, — *А. П.)* разъединяетъ русскихъ гражданъ и ослабляетъ мощь Россіи“... Еще че-

резъ день въ пленарномъ засѣданіи Думы октябристы голосовали противъ изложенной и было принятой ими во фракціи формулы прогрессистовъ. Итого три существенно различныхъ слова на протяженіи двухъ недѣль и два—въ теченіе трехъ дней. Какое же изъ этихъ словъ крѣпче, серьезнѣй? Допустимъ, послѣднее („плодъ болѣе зрѣлой мысли"). Но оно означаетъ: ядовитѣйшее изъ дѣйствующихъ націоналистическихъ законоположеній—„черта осѣдлости"—сохраняется; значитъ, невозможна отмѣна даже дѣйствующей паспортной системы; въ то же время другіе пункты формулы октябристовъ требуютъ осуществленія манифеста 17 октября,—т. е. политическихъ свободъ, равенства передъ закономъ и т. д. Центръ и націоналисты идутъ дальше: поддерживая своимъ голосованіемъ не только націоналистическія законоположенія, но и способъ примѣненія ихъ администраціей, они въ формулахъ требуютъ правового строя... Не допускаю, чтобы всѣ они никогда не были знакомы съ учебниками государственнаго права. Тутъ просто какое-то недоразумѣніе.

Виднѣйшіе либеральные органы печати, повидимому, замѣчаютъ, что съ формулами и голосованіями дѣло неладно. Они говорятъ:

— Извѣстно, какъ была избрана IV Дума. Конечно, это — во всѣхъ смыслахъ искаженное представительство. Конечно, лишь въ очень слабой степени такая Дума способна отражать настроеніе страны. Формулы робки. Но это формулы—подобраннаго представительства владѣльческихъ слоевъ. И если даже онѣ осуждаютъ политику правительства, то что же, стало быть, говоритъ Россія?.. Не демократическая или прогрессивная Россія,—ея голосъ не возбуждаетъ сомнѣній. Формулы октябристовъ, центра, націоналистовъ—показатель, что говоритъ даже „Россія 3 іюня"...

„Россія 3 іюня" состоитъ изъ двухъ частей: изъ дворянства и буржуазіи. Чтобы по думскому отраженію судить о разговорахъ дворянства, надо брать не только формулы октябристовъ, центра и націоналистовъ, но и рѣшительные протесты противъ этихъ формулъ со стороны крайнихъ правыхъ. А значительная доля буржуазіи подалась влѣво,—въ прогрессисты, въ ка-деты. Тѣмъ не менѣе, разговоры нѣкоторой части „Россіи 3 іюня" немножко извѣстны. И ихъ безъ сомнѣнія, интересно сопоставить съ думскими отраженіями.

Конечно, даже „Россія 3 іюня" разговариваетъ съ большимъ раздраженіемъ. И трудно ей не раздражаться. Возьмите хотя бы опротестованные октябристами „способы примѣненія дѣйствующихъ законовъ объ отдѣльныхъ національностяхъ"... Не будемъ вспоминать объ интересахъ культуры, о современныхъ моральныхъ понятіяхъ и тому подобныхъ высокихъ цѣнностяхъ. Если даже оставить ихъ въ сторонѣ и смотрѣть на вещи съ чисто матеріальной, узко-владѣльческой точки зрѣнія, то „способы примѣненія" означаютъ, между прочимъ, слѣдующее:

1) Новѣйшими паспортными стѣсненіями противъ евреевъ разгромлена созданная трудами нѣсколькихъ поколѣній организація коммивояжерства. Накопленныя многими сотнями лицъ втеченіе десятилѣтій привычки, сноровки, тонкія и спеціальныя знанія условій каждаго въ отдѣльности взятаго рынка составляли трудно учитываемый, но, во всякомъ случаѣ, очень значительный капиталъ. Въ 2 — 3 мѣсяца онъ изъятъ изъ торговопромышленнаго оборота Россіи.

2) Массовыми безоглядными выселеніями, напоминающими мрачныя эпохи средневѣковья, причиняются не только крахи, неплатежи, разстройства. Изъ экономическихъ организацій цѣлаго ряда мѣстностей вдругъ исчезаютъ необходимѣйшіе дѣятели,—слесаря, кузнецы, печники, столяры, часовщики, переплетчики, сапожники, портные,—всякихъ иныхъ званій рабочіе, ремесленные и торговые люди. Обезцѣнены имущества. Некому заказать нужнѣйшіе предметы обихода, не у кого купить ихъ, некому продать продукты, предназначенные для сбыта.

3) Новое изобрѣтеніе, только что начавшее дѣйствовать: не допускается учрежденіе анонимныхъ акціонныхъ компаній, а не допускается потому, что въ числѣ владѣльцевъ акцій на предъявителя могутъ быть инородцы, и, слѣдовательно, напр., евреи, прикрываясь акціонерной формулой, получаютъ возможность скупать земли, положимъ, въ Московской губерніи, а поляки — въ Кіевской. А такъ какъ это ни въ коемъ случаѣ не допустимо, то для спасенія Россіи анонимныхъ акціонерныхъ обществъ быть не должно,—позволительны лишь компаніи съ именными акціями.

Таковы, повторяю, лишь нѣкоторые плоды національнаго курса: каждаго изъ нихъ вполнѣ достаточно, чтобы владѣльческіе классы подняли шумъ. И, разумѣется, не одинъ національный курсъ. Исключительныя полномочія администраціи, школьная политика, синдикатофильская политика, религіозныя гоненія, вызвавшія снова массовую, десятками тысячъ, эмиграцію,—все это и многое другое больно задѣваетъ даже матеріальные интересы самой „Россіи 3 іюня". Причинъ для раздраженія владѣльческихъ классовъ слишкомъ достаточно. Но всего не охватишь. Остановимся только на націоналистическихъ деталяхъ. Онѣ, во всякомъ случаѣ, позволяютъ видѣть, что Дума, организованная по закону 3 іюня, плоховато отражаетъ настроеніе представляемыхъ ея большинствомъ владѣльческихъ классовъ. Въ странѣ биржевые и ярмарочные комитеты, разныя другія организаціи промышленниковъ и торговцевъ „говорятъ" ужъ сколько лѣтъ. Думскіе октябристы только теперь заговорили. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, нынѣшними „способами примѣненія законоположеній" о чертѣ осѣдлости въ Юго-Западномъ краѣ раздражены и промышленники и землевладѣльцы: потрясенія, неплатежи, пониженіе земельной ренты, доходности построекъ, вздорожаніе, а главное—дезорганизація труда. Строительные отдѣлы юго-запад-

ныхъ — „національныхъ“ — земствъ переживаютъ своеобразный „кризисъ“: подрядчики, приспособившіеся къ условіямъ отдѣльныхъ мѣстностей края, — по преимуществу евреи; но они либо изгнаны, либо не допускаются къ производству работъ администраціей; въ результатѣ, — поручить постройку некому, приходится платить втридорога и все-таки получать плохую работу. Это — тамъ на мѣстахъ. А въ Думѣ прошедшіе отъ юго-западныхъ губерній націоналисты и правые голосуютъ противъ формулы, осуждающей „способы примѣненія“... Спорить нечего: слова пѣсенъ, распѣваемыхъ страной, думское эхо ослабляетъ или даже искажаетъ. Зато какъ удивительно оно передаетъ мелодію...

Возвратимся къ покушенію не допускать въ Россіи дальнѣйшаго возникновенія анонимныхъ акціонерныхъ обществъ. Насадители и защитники капитализма хотятъ упразднить одно изъ самыхъ мощныхъ его орудій,—сломать ось въ системѣ концентраціи капиталовъ. Вотъ ужъ именно „нарочно не выдумаешь“... Въ первое время иниціативу приписывали „новому“ министру г. Маклакову,—благо онъ уже достаточно показалъ, что его представленія о государственности, если не вполнѣ самобытны, то въ сильной степени независимы отъ учебниковъ. Потомъ оказалось, что затѣю поддерживаетъ самъ министръ торговли и промышленности Тимашевъ, независимость котораго отъ учебниковъ (хотя бы только политической экономіи) менѣе возможна и не вполнѣ доказана. Затѣмъ „Рѣчь“ открыла корни и нити: какой-то прогнанный со службы чиновникъ послалъ доносъ, изъ коего явствуетъ, что евреи подъ видомъ акціонерныхъ компаній скупаютъ земельныя угодья, вырубаютъ лѣса и т. д. Министерство всполошилось. И возникло „дѣло“. Долженъ однако сказать, что такихъ корней и нитей по Россіи можно открыть великое множество. Изъ одного только Кіева на одни только акціонерныя сахарныя предпріятія Бродскихъ за десятки лѣтъ поступило къ начальству, вѣроятно, нѣсколько сотъ, если не тысячъ доносовъ. Лично мнѣ извѣстны, напримѣръ, такіе случаи. Въ одномъ изъ бойкихъ уѣздовъ центральной Россіи замышляются акціонерныя предпріятія, — одно лѣсопромышленное, другое пеньково-канатное. Объ этомъ узнаютъ „старые“ лѣсопромышленники, узнаетъ владѣлецъ канатной фабрики, узнаютъ скупщики пеньки. Тревога: конкурентъ, и притомъ очень серьезный. И конечно, доносы губернатору, министрамъ: жиды, дескать, не имѣя права жительства, хотятъ обойти законъ и раззорить православное христіанское населеніе... Вслѣдъ за „Рѣчью“ такіе же корни и нити открылъ „День“. Въ Туркестанѣ на мѣстѣ произрастанія хлопка возникаетъ акціонерное мануфактурное предпріятіе. Москва всполошилась. У нея уже есть на юго-восточной окраинѣ конкурентъ, имѣющій выигрышъ въ близости и къ сырому продукту и къ топливу,—это акціонерная (фактически, главнымъ образомъ,—тагіевская) мануфактура бакинскго Закавказья. Съ появ-

леніемъ второго конкурента, имѣющаго возможность примѣнить новѣйшія изобрѣтенія техники, московской мануфактурѣ „приходится подумать“: Персію, пожалуй, вовсе отобьютъ, Закаспійскій край прямо заберутъ, а потомъ Астрахань, Омскъ, Оренбургъ... „Караулъ, грабятъ!“.. „Къ счастью“, въ разныхъ высокихъ правящихъ сферахъ есть націоналистическій психозъ, — родъ маніи преслѣдованія. За обработку этой жилы—кто нынче ее не эксплоатируетъ?—принялись и нѣкоторые мануфактурные москвичи:

— Акціи, дескать, будутъ въ еврейскихъ рукахъ, а евреи—народъ извѣстный: раззорятъ, погубятъ...

Кстати сказать,—мануфактурныхъ москвичей „раззоряла“ также коммисіонерская организація Лодзи и Варшавы,—ну, вотъ и прикончили этого врага.

Каковы корни и нити массовыхъ выселеній, подвергающихъ экономическому удару цѣлые районы? Во многихъ случаяхъ совершенно такіе же: быть можетъ, во всемъ мѣстечкѣ есть только одинъ еврей, который дѣлаетъ конкуренцію православному скупщику или торговцу; православный скупщикъ изобрѣтаетъ способы удалить конкурента, эксплоатируетъ юдофобскій психозъ начальниковъ и, наконецъ, добивается успѣха: мѣстечко изъято изъ черты осѣдлости, евреи выселены. И нерѣдко тотъ же самый православный скупщикъ впадаетъ въ противоправительственное настроеніе: квартиры стоятъ пустыя, печку поправить некому, часы надо починить—поѣзжай за 30 верстъ въ городъ... Правительство виновато: вѣдь, онъ, православный скупщикъ, хотѣлъ только Ицку устранить, а правительство выдворило и Аронку, и Берку, и Мордку, и много другихъ полезныхъ и необходимыхъ людей,.. У мѣстечковыхъ политико-экономовъ это выходитъ смѣшно, но по существу не хуже, чѣмъ у „столповъ отечества“ самой Москвы. Массовыя выселенія. Шатается торговля всей губерніи, — протесты, заминки, неплатежи, крахи. Московская мануфактура выслушиваетъ сообщенія съ мѣстъ, подсчитываетъ потери на векселяхъ и надѣваетъ головной уборъ фригійскаго фасона:

— Что же это такое правительство дѣлаетъ? Вѣдь, просто жить нельзя...

Но вотъ при участіи нѣсколькихъ московскихъ же мануфактуристовъ „развивается идея“ — обрабатывать туркестанскій хлопокъ на мѣстѣ. И посмотрите, какъ мѣняются головные уборы. Если на очереди вопросъ о пошлинахъ на американскій хлопокъ (связанный, по капризу судебъ, съ вопросомъ о „правахъ жительства“ американскихъ евреевъ), то туркестанецъ изъ москвичей выходитъ на публику въ черносотенномъ картузѣ, остающійся на родинѣ москвичъ—въ фригійской шляпѣ; одинъ говоритъ: евреевъ не допускать, границу для американскаго хлопка закрыть; другой настаиваетъ: должна быть свобода. Но если обсуждается вопросъ о роли инородцевъ, какъ владѣльцевъ акцій на предъявителя, то въ

фригійской шляпѣ оказывается будущій туркестанецъ, а въ черносотенномъ картузѣ „вѣрный родинѣ“ москвичъ; первый говоритъ: должна быть свобода; а у второго на языкѣ совсѣмъ иныя слова:

— У насъ дѣло изстари дѣдами-прадѣдами заведено. Евреи погубятъ...

Происходятъ въ послѣднее время сложныя и запутанныя колебанія охранительныхъ группъ по поводу финляндскихъ законопроектовъ. Въ этомъ усматривается симптомъ перемѣны въ политическихъ настроеніяхъ. И конечно, настроенія мѣняются. Но вѣдь сверхъ того спеціальными совѣщаніями промышленниковъ лишь недавно подсчитано, что представитъ Финляндія какъ рынокъ сбыта, если на нее, по упраздненіи въ ней конституціи, распространить блага имперской экономической политики. Оказалось, выиграютъ далеко не всѣ. „Сельское хозяйство“, дѣйствительно, можетъ получить рынокъ, но лишь въ томъ случаѣ, если Германія согласится на закрытіе финляндскихъ границъ для ея продуктовъ. Зато многія отрасли „русской“ обрабатывающей промышленности получатъ въ Финляндіи не рынокъ, а опаснѣйшаго конкурента. И призадумалась „Россія 3 іюня“. И не знаютъ бѣдные октябристы, чѣмъ голову покрыть,—не то картузомъ, не то шляпой.

Вредъ націоналистическихъ „законоположеній“... Конечно, вредъ... Но если ихъ упразднить, то получатся въ большомъ масштабѣ, примѣрно, такіе же результаты, какіе дала постройка Николаевской желѣзной дороги: огромный выигрышъ для всего государства, зато, напр., ямщикамъ и трактирщикамъ стараго московскаго тракта въ первое время пришлось круто. Кабы была у нихъ власть, они ни за что не разрѣшили бы провести дорогу, хотя многимъ изъ нихъ и ихъ потомству она помогла устроиться гораздо лучше прежняго. То же и теперь: всему государству огромная польза, въ концѣ концовъ и фабриканту NN изъ Иваново-Вознесенска будетъ выгодно, но это въ концѣ концовъ, а въ ближайшіе два дня NN опасается потерять покупателя изъ Астрахани, поэтому онъ, NN, не согласенъ, не позволитъ: пусть „законоположенія„ противъ инородцевъ остаются, а если грозитъ какими либо утратами смягченіе административной противоинородческой практики, то должна остаться неприкосновенной и практика.

Есть, конечно, общій интересъ владѣльческихъ классовъ. Но вѣдь, онъ абстракція. Конкретно-то существуетъ безконечный рядъ узкихъ—личныхъ и групповыхъ—взаимно соперничающихъ интересовъ. Такъ называемый буржуазный строй есть система противорѣчій и междоусобій, приводимая къ единству властнымъ сознаніемъ солидарности общихъ интересовъ. Въ странахъ, типично буржуазныхъ, господствующій классъ фактически передаетъ власть своей интеллигенціи, — людямъ, которые по своему образованію и складу ума способны оперировать абстракт-

ными понятіями, отчетливо представлять, какъ общій интересъ отдѣльныхъ соціальныхъ слоевъ, такъ и совокупный интересъ всего государства. Крупный винодѣлъ изъ Шампани— только винодѣлъ. При случаѣ онъ не хуже нашихъ москвичей способенъ подводить юдофобскія мины подъ законъ объ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Но адвокатъ Пуанкаре всѣ эти дѣла лучше понимаетъ. Пусть у него и будетъ власть, необходимая, чтобы примирять противорѣчія, сводить многообразіе къ единству... За что проклинаетъ наше дворянство рождаемую и въ его средѣ интеллигенцію? За ея убѣжденіе въ томъ, что общенародный и общегосударственный интересъ невозможно соблюсти безъ радикальнаго ограниченія узко-сословной корысти. А за что не любитъ интеллигенцію, даже умѣренную, буржуазную, подавляющее большинство нашихъ промышленныхъ тузовъ? Въ сущности не за то же ли самое?

Осужденію правительственной политики предшествовалъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе значительный жестъ „Россіи 3 іюня": и въ Думѣ (при обсужденіи предложенія, внесеннаго к.-д. фракціей) и на мѣстахъ (во время городскихъ выборовъ) владѣльческія группы и слои, не исключая и значительной части прогрессистовъ, рѣшительно отвергли принципъ всеобщаго избирательнаго права; и однимъ изъ главныхъ высказанныхъ мотивовъ было то, что при всеобщемъ правѣ будутъ выбираемы интеллигенты, а надо, чтобъ „мы сами"... „Мы"—люди конкретностей, узкихъ разсчетовъ и колокольныхъ горизонтовъ.

У насъ всѣ элементы есть. Есть общіе интересы—не только владѣльческихъ классовъ. Есть люди, отлично представляющіе эту абстрактность. Есть власть, долженствующая сводить противорѣчія и многообразіе къ единству. Но власть употребляется на то, чтобы изгонять людей, способныхъ выполнить ея обязанность; владѣльческіе классы содѣйствуютъ этому занятію. И получается система властнаго междоусобія, разрушающаго солидарность и постоянно нарушающаго общіе интересы. А такъ какъ отъ этого терпятъ большой уронъ и владѣльческіе классы, то и они кричатъ:

— Страдаемъ.

Да, и они страдаютъ. И даже, какъ видно изъ ихъ рѣчей въ Думѣ, боятся, что скоро настанетъ конецъ ихъ страданіямъ... Почему боятся? Что случилось? Опять вздымается рабочее, а съ недавняго времени и крестьянское движеніе? Уплываетъ „свободная наличность"? Страшны крупные международные европейскіе сдвиги, начатые разгромомъ Турціи? Конечно,—все это не шутка. Но есть нѣчто не менѣе грозное,—грозное прежде всего потому, что его нельзя устранить ни военными положеніями, ни дипломатическимъ сервилизмомъ. Чуткое „Новое Время" не даромъ требуетъ обратить усиленное вниманіе на экономику. По всѣмъ видимостямъ,

надвигаются большія событія во внѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ. М. И. Туганъ-Барановскій предсказываетъ въ „Рѣчи“ близкій общеевропейскій промышленный кризисъ. Это само собою. Но, быть можетъ, опаснѣе другое.

Какъ извѣстно, народныя движенія заграницей противъ дороговизны не остаются безъ послѣдствій. Въ разныхъ странахъ идетъ теоретическая работа мысли, ищущей если не полнаго выхода, то хоть смягченія зла. Проводятся въ жизнь и практическія предложенія. Даже Германія, при всей готовности правительства поддерживать аграріевъ и несмотря на ихъ протесты, стала поощрять усиленный ввозъ изъ Россіи пищевыхъ продуктовъ (въ послѣднее время мясо и скотъ); поощряется усиленный ввозъ изъ Россіи нѣкоторыхъ видовъ сырья (напримѣръ, лѣса). Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты пытаются сдѣлать шагъ, болѣе рѣшительный: въ недавно опубликованномъ проектѣ новыхъ таможенныхъ тарифовъ, помимо общаго смягченія протекціонизма, систематически проводится тенденція сокращать вывозъ туземнаго сырья и поощрять ввозъ сырья чужеземнаго... Основная мысль не требуетъ особыхъ комментарій: привлеченіе сырья и сокращеніе его вывоза, навѣрное, удешевитъ предметы первой необходимости, продукты производства; правда, при этомъ, вѣроятно, понизится оплата труда, зато облегчится для обрабатывающей промышленности конкуренція на иностранныхъ рынкахъ и тѣмъ, быть можетъ, удастся смягчить—въ предѣлахъ Штатовъ—зло безработицы. Ознакомившись съ этимъ проектомъ, „Утро Россіи“, органъ извѣстныхъ прогрессивныхъ московскихъ промышленниковъ, встревожилось: а что же будетъ съ Россіей? Она вѣдь и теперь — поставщикъ нѣкоторыхъ видовъ сырья (шерсть, кожа, пушнина и т. д.) въ Америку. Съ принятіемъ новаго проекта, наше сырье направится за океанъ гораздо сильнѣе. Навѣрное, туда же направится сырье изъ тѣхъ странъ, гдѣ мы были до сихъ поръ почти монопольными покупателями его, напр., изъ Монголіи... Московская газета очень безпокоится за судьбу различныхъ отраслей промышленности. Напримѣръ: какъ же быть суконнымъ фабрикантамъ,—вѣдь, при вздорожаніи шерсти они иностранной конкуренціи не выдержатъ... Разумѣется, можно удерживать сырье дома вывозными пошлинами. Но землевладѣльцы не позволятъ. Да и само правительство не согласится. И безъ того министръ финансовъ съ грустью говорилъ Думѣ (въ засѣданіи 10 мая): „нашъ торговый балансъ въ нынѣшнемъ году становится пассивнымъ, нашъ вывозъ отстаетъ отъ нашего привоза“. Спасать Россію приходится значитъ дальнѣйшимъ повышеніемъ ввозныхъ пошлинъ на фабрикаты. Навѣрное, несмотря на неизбѣжные протесты землевладѣльцевъ, въ эту сторону и пошла бы русская покровительственная система, но положеніе осложняется другими внѣшними условіями.

Въ 1914 г. предстоитъ пересмотръ крайне тягостнаго для насъ торговаго договора съ Германіей, обращающаго Россію въ германскую *„колонію“*,—какъ опредѣляетъ, напр., І. М. Гольдштейнъ въ своей недавно вышедшей книжкѣ: „Русско-германскій торговый договоръ“. Столь исключительныя блага Германія стяжала въ очень удобный для нея моментъ,—во время русско-японской войны. Съ тѣхъ поръ соотношеніе силъ едва ли радикально измѣнилось къ лучшему,—съ точки зрѣнія охраны внѣшняго россійскаго могущества. И хоть происходятъ у насъ по случаю предстоящаго пересмотра договора всевозможные совѣщанія и съѣзды, но не скрываются опасенія, что нашъ добрый сосѣдъ не пожелаетъ отказаться отъ общей суммы пріобрѣтеннаго. Возможно даже, что, пользуясь установившейся въ Европѣ крайне сложной политической конъюнктурой (все время грозой пахнетъ), сосѣдъ захочетъ дальнѣйшихъ стяжаній. Независимо отъ суммы,—каковы его тенденціи относительно слагаемыхъ? Нѣкоторую измѣну „аграріямъ“ германская экономическая политика уже допустила. Въ виду того поворота, какой происходитъ у конкурента за Атлантическимъ океаномъ, Германія вынуждена также поработиться объ удешевленіи сырья, потребнаго для ея заводовъ и фабрикъ. Можно поэтому думать, что сосѣдъ не откажется сдѣлать намъ нѣкоторыя уступки въ той части договора, которая касается вывоза нашихъ продуктовъ добывающей промышленности. Это идетъ какъ-разъ навстрѣчу разсчетамъ нашего „объединеннаго дворянства“, постановленіямъ недавняго харьковскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ и естественнымъ симпатіямъ нашихъ министровъ. Русское землевладѣніе можетъ заранѣе разсчитывать на „барыши“. Но, сдѣлавъ „уступку“ въ одной части, сосѣдъ, навѣрняка, заговоритъ о компенсаціи,—пожелаетъ получить уступки для своей обрабатывающей промышленности. Вотъ тутъ-то, по поговоркѣ добраго сосѣда, и зарыта собака. Приходится оставить надежду на еще болѣе плотное закрытіе границы для иностранныхъ (по крайней мѣрѣ, германскихъ) фабрикатовъ. Быть можетъ, нѣкоторыя старыя рогатки неволя заставитъ даже убрать. Слѣдуя тактикѣ Куропаткина, „Новое Время“ заранѣе подготовляетъ отступленіе изъ-подъ Мукдена въ Харбинъ, — то и дѣло твердитъ:

— Россія—страна земледѣльческая и при заключеніи торговыхъ договоровъ съ сосѣдями надо ограждать интересы сельскаго хозяйства...

Подготовляетъ промышленниковъ къ вѣроятному худшему исходу и начальство,—характерный въ этомъ смыслѣ окрикъ г. Тимашева мы выше отмѣтили. Но вѣдь это только разговоры. Во-первыхъ, куда же дѣнется „синдицированная промышленность“ съ ея обширными связями на аристократическихъ и бюрократическихъ олимпахъ? Эту силу правительство физически не можетъ игнорировать. А, во-вторыхъ, если, тѣмъ не менѣе, судьба заста-

вить открыть границу, если въ самомъ дѣлѣ суконные и иные многіе фабриканты и заводчики потеряютъ даже и внутренній рынокъ,—то вѣдь это же навѣрняка крахъ,—заранѣе подписывай конституцію. До поры до времени остается утѣшеніе: неизвѣстно, что скажетъ нѣмецъ, неизвѣстно, при какой конъюнктурѣ онъ будетъ говорить... Но такое утѣшеніе не слишкомъ убѣдительно. Постройка 3 іюня имѣетъ вполнѣ опредѣленный планъ: вверху власть, подъ ней двуединая опора, подъ однимъ естестствомъ опоры—воспособленіе, подъ другимъ—поощреніе, а сіи два краеугольныхъ камня покоятся на твердомъ фундаментѣ—на всемъ укладѣ міровой экономической политики. При созданіи постройки само собой разумѣлось, казалось несомнѣннымъ, что укладъ міровой политики непоколебимъ, ея основныя начала неизмѣнны и всегда дозволятъ однимъ воспособлять, другихъ поощрять. Давно не секретъ, что въ постройкѣ 3 іюня вообще много ошибочныхъ разсчетовъ. Двуединая опора довольно скоро треснула, стала осѣдать, обсыпаться. Плохая опора. Быть можетъ, надземная часть зданія еще и постояла бы. Но, оказывается, плохо разсчитанъ и фундаментъ. Въ міровой экономической политикѣ появились новые дѣятели, новыя тенденціи, явно обозначились сдвиги,—вродѣ рѣзкаго поворота въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. „Фундаментъ поползъ"... И я нисколько не сомнѣваюсь въ искренности, напр., лидера думской „группы центра" г. Львова, убѣждавшаго правительство скорѣй идти на „уступки". Разумѣется,—нужно поставить подпорки. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Благоразумный совѣтъ. Но мы скоро увидимъ, какое реальное значеніе онъ можетъ, да, навѣрное, и будетъ имѣть.

II.

Думскія слова, оторванныя отъ думскихъ голосованій и характера работы въ комиссіяхъ, дали поводъ утверждать, что „правительство одиноко". По мнѣнію „Голоса Москвы" (14. V),

> бюджетныя пренія въ IV Думѣ—„Думѣ съ дозволенія губернатора и благословенія его преосвященства"—показали, что ростъ оппозиціоннаго настроенія въ странѣ не сказка. Вся Дума въ оппозиціи—отъ Маркова II до Чхеидзе съ Гегечкори... Правительство не можетъ не видѣть, что общественныя группы, вчера еще готовыя его поддерживать, сегодня уже отъ него отвернулись, и наступилъ моментъ, когда правительство ниоткуда не имѣетъ поддержки.

Это мнѣніе подхвачено прессой и стало въ ней господствующимъ, хотя даже „слова" обязываютъ къ нѣсколько иному выводу. Въ дѣйствительности происходило слѣдующее. При общемъ обсужденіи бюджета оппозиціонно-октябристское большинство Думы, не безъ комплиментовъ лично г. Коковцову, его финансовымъ талантамъ, отнеслось отрицательно къ направленію политики. Эту среднюю ноту выразилъ предсѣдатель бюджетной комиссіи г. Але-

ксѣенко въ своемъ нелогичномъ афоризмѣ: „вамъ даны хорошіе финансы,—дайте хорошую политику“. Правые вели рѣзкую полемику противъ „тайнаго совѣтника Коковцова“: онъ мѣшаетъ „могучему росту“ Россіи своими „вѣчными отказами“; онъ тормозитъ всѣ благія начинанія другихъ министровъ, — напр., Кривошеина; своими дѣлами онъ возбуждаетъ сомнѣнія въ умахъ защитниковъ національныхъ основъ.

Кредитъ господина предсѣдателя совѣта министровъ исчерпанъ—саркастически говорилъ Марковъ II въ засѣданіи 11 мая.—Онъ достигъ дружной работы не за правительство, а противъ правительства.

Точку надъ і незамедлилъ поставить г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“:

— Можетъ быть, у г. Коковцова и есть таланты, но уже нѣтъ авторитета, и вотъ возникло такое опасное явленіе, какъ „правая оппозиція“. Очевидно, пора въ отставку...

Затѣмъ дошла очередь до смѣты святѣйшаго синода. Оберъ-прокурору Саблеру предстояло услышать много непріятностей, — между прочимъ, по поводу избирательной кампаніи. Крайніе правые при содѣйствіи представителя Думы Родзянка (говорятъ, невольномъ,—растерялся) ухитряются устроить такъ, что настроенное противъ политики вѣдомства большинство уходитъ изъ засѣданія, а меньшинство (правые, націоналисты, центръ и часть октябристовъ) безъ критики однимъ ударомъ принимаетъ смѣту. По этому случаю депутаты принесли г. Саблеру поздравленія „съ благополучнымъ окончаніемъ“, со счастливой удачей. И были объятія, поцѣлуи, радостные клики.., Далѣе, — Дума переходитъ къ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Критикѣ подвергается общее направленіе политики. Но въ ложѣ министровъ только „товарищи“ Н. А. Маклакова. Они слушаютъ и молчатъ. На защиту политическаго курса опредѣленно выступаютъ правые, съ одной, впрочемъ, оговоркой: хотя критика слѣва и несправедлива, но на мѣстѣ покойнаго Столыпина не должно быть „маятника, качающагося то налѣво, то направо“. Нельзя такимъ образомъ сказать, что г. Саблеръ не имѣетъ друзей въ IV Думѣ. Есть, очевидно, друзья и у г. Маклакова. Менѣе счастливъ г. Коковцовъ. Нѣкоторыя детали въ его политикѣ (напр., отношеніе къ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ) осуждаются единодушно всею Думою. Но, во-первыхъ, отсюда еще не слѣдуетъ, что, по мнѣнію думскаго большинства, г. Коковцовъ—худшій изъ министровъ въ его „кабинетѣ“. А во-вторыхъ, абсолютовъ нѣтъ въ природѣ. Кто изъ министровъ, когда и гдѣ имѣлъ парламентскихъ друзей, довольныхъ всѣми его дѣйствіями? Всегда вѣдь кое-чѣмъ недовольны, но вообще одобряютъ. Друзей не абсолютныхъ, кой-чего не одобряющихъ, повидимому, имѣетъ въ IV Думѣ и г. Коковцовъ, но сидятъ они лѣвѣе, чѣмъ друзья гг. Саблера, Маклакова, Щегловитова...

Друзья отдѣльныхъ министровъ... А гдѣ же друзья объединеннаго правительства? Вотъ вопросъ, на который приходится отвѣчать вопросомъ: а гдѣ объединенное правительство? В. А. Маклакову оно представляется состоящимъ изъ разногласій въ петербургскихъ гостинныхъ. Близки къ этому представленію и газеты,—даже правыя. Кажется, вообще довольно популяренъ взглядъ, что объединенное правительство состоитъ изъ разногласій въ петербургскихъ гостинныхъ, совѣтѣ министровъ, Государственномъ Совѣтѣ, Государственной Думѣ... Причемъ разногласія въ Совѣтѣ и Думѣ имѣютъ смыслъ агитаціонный, а въ петербургскихъ гостинныхъ разногласія рѣшающія. Изъ безконечнаго ряда дѣйствій отдѣльныхъ вѣдомствъ само собою составляется внутренняя политика, какъ изъ капель, текущихъ по естественному уклону, сама собою выходитъ рѣка. Кто объяснитъ, почему она течетъ такъ, а не иначе? Г. Коковцовъ говоритъ,—объяснятъ коллеги. А „коллега" главнѣйшаго вѣдомства присылаетъ своихъ товарищей поскучать и помолчать,—въ ожиданіи, когда Дума окончитъ „слова" и займется цифрами.

Возможно ли иное? Изстари во всѣхъ странахъ коллегіи высшихъ представителей исполнительной власти какъ бы ни назывались онѣ — комитетомъ, совѣтомъ, мандаринатомъ, визиратомъ, петровскимъ сенатомъ,—отличаются склонностью къ междоусобіямъ. Мѣсто такое: обладаніе большими силами и отсюда естественное стремленіе къ увеличенію своего могущества. Творческій геній человѣка нашелъ средство и противъ этой застарѣлой болѣзни: установилось требованіе, чтобы коллегія высшихъ представителей исполнительной власти имѣла офиціально-опубликованную и надлежаще одобренную программу положительныхъ государственныхъ мѣропріятій. Впервые дать мѣсто въ Россіи этому изобрѣтенію повиненъ былъ гр. Витте. Общеизвѣстно, какъ онъ принялся за дѣло: сначала „нашелъ людей", распредѣлилъ между ними портфели, а потомъ сталъ искать программу. Искалъ, но не нашелъ, да и могъ ли найти? Что было дѣлать? Вводить конституцію? Но оказалось, что для этого нужно, во-первыхъ, упразднить сословность, т. е. фактически исключительныя привилегіи дворянства, а, во-вторыхъ, прекращеніемъ субсидій и вспособленій произвести крахъ дворянскаго землевладѣнія, регулируемый, по меньшей мѣрѣ, аграрнымъ проектомъ Кутлера. Такая программа была непріемлема для самого гр. Витте. Притомъ даже полушаги, сообразные съ нею, встрѣтили не одобреніе, а суровый отпоръ. А сохранить сословность,—значитъ, возвратиться на старыя позиціи и объявить манифестъ—актомъ, не подлежащимъ исполненію. Гр. Витте метался направо и налѣво, ища точку опоры; его наиболѣе вліятельные коллеги по „кабинету" (напр., Дурново) вели свою линію. Государственная дѣятельность свелась къ двусмысленному либерализму отдѣльныхъ вѣдомствъ

(напр., министерства народнаго просвѣщенія) и усвоенію ярко реакціонной программы объединеннаго дворянства руководящими политическими центрами. „Кабинетъ графа Витте“ былъ по существу учредительнымъ правительствомъ, и оставленное имъ для потомства учредительное наслѣдство есть сводъ логически несовмѣстимыхъ положеній, противорѣчивость которыхъ кое-какъ наскоро смягчена недомолвками и прикрыта двусмысленными оборотами рѣчи.

На этомъ фундаментѣ, исключающемъ самую возможность сколько-нибудь планомѣрнаго государственнаго строительства, надлежало возникнуть органическому правительству. И Россія послѣ пустоты Горемыкина получила „программу“ Столыпина: все время прыжки—отъ „кабинета общественныхъ дѣятелей“ къ установленію штрафовъ противъ печати на основаніи „охранъ“, отъ либеральной—въ духѣ „Вѣстника Европы“ прежнихъ временъ—деклараціи во II Думѣ къ перевороту 3 іюня; все время хромота сразу на оба колѣна: правымъ—военно-полевые суды, лѣвымъ — одновременно съ указами, развивающими начала вѣротерпимости; лѣвымъ—земство въ западныхъ губерніяхъ, правымъ — но съ національными куріями; все время „полнота власти“,—покупаемая цѣною уступокъ даже такимъ „калифамъ на часъ“, какъ бывшій іеромонахъ Иліодоръ,—нынѣ казакъ духовнаго званія Труфановъ. Въ концѣ концовъ Столыпинъ запуталъ свои отношенія и запутался; вооружилъ противъ себя всѣ группы; оказался вынужденнымъ офиціально и и мотивированно объяснять Думѣ, что при положеніи, созданномъ актами 23 апрѣля 1906 г. и 3 іюня 1907 г., безъ „нажимовъ на законы“ государственная дѣятельность не возможна. Вотумы осужденія, принятые почти одновременно и III Думою и Государственнымъ Совѣтомъ, завершили законодательную дѣятельность Столыпина. Послѣдовавшая затѣмъ смерть отъ руки собственнаго охранника трагически подчеркнула крахъ политики, которую, по увѣренію октябристовъ, надо понимать, какъ „либерализмъ на реакціонномъ тормазѣ“.

Нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ въ сущности отрицаетъ самую необходимость имѣть программу, на основѣ которой только и возможно создать объединенную исполнительную власть. Реестръ очередныхъ законопроектовъ — вотъ и вся программа. Но отсюда не слѣдуетъ, что лично у г. Коковцова нѣтъ опредѣленной линіи. Линія есть. Онъ — откровенно-правый, русскій консерваторъ, которому нечего консервировать, кромѣ тѣхъ же началъ, для защиты коихъ созданы организаціи „патріотовъ“. Вступая на постъ предсѣдателя совѣта министровъ, г. Коковцовъ далъ налѣво только одно обѣщаніе: содѣйствовать не разжиганію, а смягченію національной розни. Большаго и не могъ обѣщать старый другъ „перваго сословія“, испытанный покровитель промышленниковъ и

предпринимателей, особенно желѣзнодорожныхъ, авторъ историческoй фразы: „у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“.

Его дружба къ сословію отнюдь не платонична: онъ ее достаточно подтверждаетъ дѣлами, даже такими, какъ, напр., циркуляръ о выдѣленіи полноцензовыхъ участковъ изъ земель крестьянскаго банка; онъ выхлопоталъ казенную субсидію на учрежденіе фонда для уплаты взносовъ и недоимокъ дворянскому банку... Но у друзей волчій аппетитъ. Не угодно ли, напр., передать въ вѣдѣніе г. Кривошеина весь крестьянскій банкъ? А если не угодно, то извольте ассигновать сотни милліоновъ рублей, по представленію того же г. Кривошеина и согласно проекту „всероссійской сельскохозяйственной палаты“, на оборудованіе „центральнаго сельскохозяйственнаго банка“, долженствующаго дополнить ипотечныя операціи банка дворянскаго и краткосрочныя (по соло-векселямъ) банка государственнаго. Сверхъ того, раздайте крупными участками по рукамъ государственный земельный фондъ. И, наконецъ, вообще каждому благородному патріоту, по первому его требованію, доставьте скатерть-самобранку, присовокупивъ къ оной на предметъ увеселенія граммофонъ съ пластинками цыганскихъ романсовъ.

Не для краснаго словца г. Коковцовъ славилъ Бога за то, что у насъ нѣтъ парламента. При немъ упразднена свобода слова въ Государственной Думѣ. При немъ въ порядкѣ простого циркуляра установлена судебная отвѣтственность за напечатаніе думскихъ рѣчей и отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ. Спеціально подчиненное ему финансовое вѣдомство, несмотря на обличенія, не устаетъ проводить, помимо Думы, проекты частнаго желѣзнодорожнаго строительства, гарантированнаго казной. Онъ не шумитъ и не кричитъ, подобно Хвостовымъ и Марковымъ. Какъ и всѣ истинные реставраторы, онъ работаетъ тихо, не суетливо, но солидно. Окончательно возстановлена законодательная власть „автономныхъ“ вѣдомствъ—напр., синода и военнаго министерства. Возстановлена законодательная власть правительства, принадлежавшая до манифеста 17 октября комитету министровъ. Одинъ изъ актовъ этого министерскаго законодательства — объявленіе участка земли, принадлежащаго городу Петербургу, собственностью попечительства о народной трезвости—недавно сталъ предметомъ думскаго запроса. Возстановлена отмѣна судебныхъ постановленій, несогласныхъ съ видами и взглядами министровъ (исторія генерала Мартынова). Реставрація принципа: дѣла управленія не подлежатъ компетенціи общихъ законодательныхъ учрежденій, пока не завершена формально; вопросъ о „разъясненіи“ такъ называемой 40-й статьи, предусматривающей право Государственной Думы спрашивать о дѣйствіяхъ правительства, пока лишь поставленъ. Но г. Коковцовъ уже объявилъ въ бюджетной рѣчи, что на вопросы о дѣлахъ,

„относящихся къ области управленія“, не должно быть отвѣтовъ. Фактически и въ этомъ пунктѣ реставрація произведена. Г. Коковцовъ — прижимистый казначей. Но его нельзя назвать неприступнымъ казначеемъ, когда дѣло касается реставраціи принципа сверхсмѣтныхъ расходовъ, не предусмотрѣнныхъ законодательной властью. По подсчету самого министра финансовъ, такихъ внѣбюджетныхъ расходовъ (по преимуществу на военныя надобности) за одинъ только 1912 г. произведено 120 милл. рублей. Казалось бы, щедро. Но друзей не насытишь. Имъ нуженъ, по меньшей мѣрѣ, милліардъ для агрессивной политики въ Китаѣ; нужны сотни милліоновъ для другихъ агрессивныхъ надобностей; нужны солидныя деньги на разные текущіе расходы, — такъ сказать, „на булавки“: захотѣлось военному совѣту собственною властью расширить законъ 23 іюня 1912 г. о пенсіяхъ и пособіяхъ,—и средства должны быть предоставлены незамедлительно; пожелали — какъ разсказываетъ „Театръ и Искусство“ — нѣкоторые чины морского министерства учредить „морскую консерваторію“ на предметъ „музыкальнаго образованія молодыхъ людей музыкальныхъ хоровъ морского вѣдомства“, — и таковое учрежденіе должно безпромедлительно возникнуть съ отпускомъ потребныхъ ассигнованій... И г. Коковцевъ, радующійся, что „у насъ нѣтъ парламента“, вынужденъ спасаться отъ потока претензій защитою правъ Государственной Думы,—настаивать на исходатайствованіи у нея требуемыхъ кредитовъ. Изъ всего „кабинета“ онъ самый парламентарный министръ, гораздо чаще другихъ присутствуетъ въ комиссіяхъ и въ пленарныхъ засѣданіяхъ, его вѣдомство наиболѣе предупредительно и корректно, когда для Думы требуются справки и матеріалы; онъ не вовсе скупъ на комплименты Думѣ; нерѣдко говоритъ о дружбѣ и сотрудничествѣ съ нею, какъ о дѣлѣ, не только обязательномъ, но и желательномъ, высоко-цѣнномъ. Ища узды для своихъ политическихъ единомышленниковъ, г. Коковцовъ заявлялъ, что онъ въ сущности не прочь отъ содружества съ прогрессистами. И въ то же время попытка прогрессистовъ легализовать свою организацію привела къ любопытнымъ послѣдствіямъ: прогрессистамъ отказано въ легализаціи на томъ основаніи, что они объявили себя сторонниками конституціонной монархіи; а вслѣдъ затѣмъ на нихъ распространены циркуляры о недопущеніи на должности по выбору или назначенію тѣхъ лицъ, кои принадлежатъ къ „нелегальнымъ партіямъ“. Отнынѣ никто, называемый прогрессистомъ, не долженъ быть допускаемъ на государственную или общественную службу.

Г. Коковцовъ духовно близокъ къ господствующимъ на вершинахъ Олимпа теченіямъ и силамъ. Но онъ достигъ того, что его друзья публично поступаютъ съ нимъ такъ же, какъ законная супруга съ мужемъ, который ищетъ утѣшенія у постороннихъ дамъ. Мужья въ столь деликатныхъ положеніяхъ успокаиваютъ женъ подарками. Въ политикѣ часто происходитъ то же самое. Г. Коков-

цовъ далъ обѣщаніе смягчить націоналистическіе эксцессы. Какъ испытанный покровитель промышленности, онъ не можетъ не понимать, что они наносятъ тяжкій матеріальный вредъ. Газеты 1911 г. неоднократно сообщали, что именно въ этомъ пунктѣ министръ финансовъ рѣзко расходился со Столыпинымъ и поддерживалъ указанія биржевыхъ и ярмарочныхъ комитетовъ на раззорительность ограниченій противъ инородцевъ. Но ради умиротворенія супружескихъ бурь „послѣдніе часы въ ломбардъ снесешь". Именно при г. Коковцовѣ „націоналистическій курсъ" достигъ средневѣковой безоглядности. Нельзя сомнѣваться въ искренности министра финансовъ и предсѣдателя совѣта министровъ, когда онъ говоритъ: нужно привлекать капиталы, оживлять промышленность и торговлю. И онъ же при этомъ, если не самъ устанавливаетъ, то допускаетъ отмѣченное выше отношеніе къ анонимнымъ акціонернымъ обществамъ. Ревнивая жена, наконецъ, просто дуритъ. Она впадаетъ въ истерику только потому, что вино извѣстной старинной марки называется „Lacrimae Christi": кощунство, дескать, подрывъ православія, надруганіе надъ христіанствомъ, — вѣдь въ буквальномъ переводѣ это означаетъ: „слезы Христа". Цѣлые государственные вопросы возникаютъ изъ-за того, что на рынкѣ продаются монашескіе „духи инокини Маѳы"... Изображенія коронованныхъ особъ на знакахъ почтовой оплаты, рисунки юбилейныхъ платковъ, рисунки выставочныхъ наградъ на резиновыхъ калошахъ, способы погашенія гербовыхъ марокъ, традиціонная игра въ орлянку,—все это поводы для воплей: Россія гибнетъ, государственными гербами по грязи шлепаютъ, въ государственные гербы играютъ, на портреты особъ кладутся штемпели... И даже съ такимъ вздоромъ надо сообразоваться, даже такимъ глупостямъ потакать. Въ своей правизнѣ г. Коковцовъ вынужденъ идти за предѣлы здраваго смысла, доводить свою линію до автокаррикатуры, до шаржа. Если не найти хоть какую-либо точку опоры для сопротивленія ревнивому натиску друзей, то они способны загнать человѣка совсѣмъ въ сумасшедшій домъ. Но гдѣ можетъ быть точка опоры? Конечно, „налѣво" — и между прочимъ въ Думѣ. И, конечно, за каждой поддержкой слѣва идутъ яростныя супружескія бури, и для успокоенія ихъ нужны новыя подарки и подачки.

Эту политику можно опредѣлить, какъ реакцію, которая сама ищетъ либеральныхъ тормазовъ. Ищетъ потому, что вызвала изъ глубинъ земли темную, нечистую силу,—обросла массой, невѣжественной, злобной, хищной, отчасти и уголовной. Масса толкаетъ колесницу г. Коковцова, развиваетъ огромную инерцію и безумную скорость. И приходится искать на либеральной сторонѣ не поддержки, а задержки,—орудія, способнаго замедлить ходъ,—и тѣмъ достигнуть возможности управлять машиной, а не катиться вмѣстѣ съ нею туда, куда она слѣпо и стихійно падаетъ. Отсюда

вполнѣ резонны характерныя сомнѣнія—тотъ же, напр., В. А. Маклаковъ затрудняется опредѣлить, осудила Дума политику Коковцова или поддержала.

По словамъ думскихъ референтовъ, октябристы многозначительно увѣряли, что ихъ формула, принятая большинствомъ Думы, имѣетъ „очень важное политическое значеніе“. Авторскаго комментарія мы не имѣемъ. Но, по объективнымъ признакамъ, значеніе такое. Тамъ, гдѣ, при нормальныхъ условіяхъ, должно быть объединенное правительство и ничего больше, въ дѣйствительности имѣется запутанная коллизія вѣяній, вліяній, интересовъ,—безотвѣтственныхъ и отвѣтственныхъ, явныхъ и закулисныхъ. Сколько можно понять, происходитъ разногласіе не о направленіи политики, а объ ея темпѣ. Полный ходъ безъ тормаза (теченіе, поддерживающее гг. Саблера и Маклакова),—и слѣдовательно, слѣпой, стихійный ходъ. Твердый ходъ съ тормазомъ (Коковцовъ), — и слѣдовательно, регулируемый и управляемый ходъ. Думскія формулы являются для сторонниковъ второго мнѣнія документомъ, позволяющимъ обосновать то же мнѣніе, какое высказывается прессою·

— Какъ создана IV Дума, — извѣстно. И если даже она говоритъ вотъ что, то каково же настроеніе страны? Надо потише...

Возможенъ споръ о цѣлесообразности. Но сама по себѣ эта поддержка болѣе умѣренныхъ теченій правящихъ верховъ противъ болѣе крайнихъ, безъ сомнѣнія, политически важна. И если бы націоналисты, октябристы и „коковцовская“, какъ ее называютъ, „группа центра“ сознательно хотѣли „поддержать Коковцова“, имъ пришлось бы идти тѣмъ же путемъ — „осудить политику правительства“. И пришлось бы получить тотъ же ближайшій практическій результатъ: „Коковцова поддержали“ или „правительство осудили“,—но вслѣдъ затѣмъ на засѣданіе думской к.-д. фракціи твляется полиція, Пуришкевичъ предъявляетъ требованіе—запретить явреямъ-торговцамъ рекламы и вывѣски, и т. д., и т. д.

Бѣда въ томъ, что либеральный тормазъ не дѣйствуетъ. Вѣрнѣе даже,—онъ дѣйствуетъ, но не какъ тормазъ, а какъ кнутъ на лошадей, которыя и безъ того „несутъ“. За поддержку, оказанную „лѣвыми“, надо умиротворять правыхъ. Не безъ основанія они захохотали, когда представитель группы центра заявилъ въ Думѣ о необходимости заимствовать у Европы „разумныя начала правового строя“... За такія слова они взыщутъ... Постараются гору подарковъ получить...

Предъ нами кошмарное, хотя и неизбѣжное при внутренней противорѣчивости основныхъ началъ, превращеніе каждаго политическаго дѣйствія въ собственную противоположность: осудить правительство—значитъ поддержать политику его высшаго оффиціальнаго представителя; поддержать умѣренную линію Коковцова,—значитъ обезпечить еще болѣе быстрое движеніе впередъ его

крайнихъ друзей-антагонистовъ... Все время перекрещиваются взаимныя обвиненія въ провокаціонныхъ вылазкахъ. Понятно: для поверхностнаго наблюдателя политика превращенія въ собственную противоположность ничѣмъ не отличается отъ политики провокацій. И въ томъ сложномъ психологическомъ состояніи, которое называютъ думской скукой, все яснѣе становится особое чувство,— я рѣшился бы назвать его чувствомъ омерзѣнія. Не даромъ даже умѣреннѣйшій В. А. Маклаковъ началъ говорить что лучше прямой конфликтъ.

III.

Знаменательный эпизодъ въ исторіи министерства народнаго просвѣщенія: выпускнымъ классамъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ всего Кіевскаго учебнаго округа на письменныхъ экзаменахъ по математикѣ были предложены неразрѣшимыя задачи,—однѣ съ абсурдными условіями, другія съ перепутанными алгебраическими знаками. Въ мѣстной „Кіевской Мысли“ приведены по этому поводу такія фактическія объясненія. Въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ экзаменаціонныя темы письменныхъ работъ по математикѣ давались преподавателями по соглашенію съ директорами. Послѣ экзаменовъ эти работы поступали въ округъ и здѣсь передавались на разсмотрѣніе профессоровъ кіевскаго университета Букрѣева и Суслова, „состоящихъ при управленіи округа въ роли ученыхъ экспертовъ по математикѣ“. Изъ года въ годъ гг. Букрѣевъ и Сусловъ критиковали не только работы учениковъ, но и самыя темы, а равно и отмѣтки преподавателей. Въ нынѣшнемъ году попечитель округа рѣшилъ возстановить старый порядокъ — разсылку темъ въ запечатанныхъ конвертахъ изъ центра. Составленіе задачъ было поручено тѣмъ же „ученымъ экспертамъ по математикѣ“. И эксперты составили: „въ треугольникѣ проф. Букрѣева гипотенуза оказалась короче катета, а въ алгебраической задачѣ проф. Суслова на мѣстѣ x оказался x^2..“ Хотя экзаменаціонныя темы, прежде ихъ окончательнаго одобренія попечителемъ округа, должны быть предварительно разсмотрѣны спеціальными комиссіями, но ошибки остались, надо полагать, незамѣченными. Задачи были разосланы. И въ дальнѣйшемъ непосредственное участіе приняли педагогическіе совѣты Газеты увѣряютъ, что во всемъ кіевскомъ округѣ сравнительно „гуманный“ выходъ былъ найденъ только совѣтомъ житомирской гимназіи. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ученики, разумѣется, не могли рѣшить неразрѣшимыхъ задачъ. Но педагогическій совѣтъ распредѣлилъ учениковъ на два разряда: однихъ призналъ просто нерѣшившими задачъ, другихъ — тоже нерѣшившими, но „правильно намѣтившими путь рѣшенія“. Первымъ—22 ученика—поставлено по двойкѣ, вторымъ—23 ученика — по тройкѣ. Вопреки циркуляру министра, совѣтъ, съ раз-

рѣшенія попечителя округа, допустилъ „двоечниковъ" къ дальнѣйшимъ экзаменамъ. Въ этомъ послѣднемъ постановленіи—допустили къ экзаменамъ „двоечниковъ" — и усматривается рѣдкая, единственная въ своемъ родѣ „гуманность". Обыкновенное же „сердечное попеченіе", сколько можно уловить по газетнымъ извѣстіямъ, состояло въ слѣдующемъ. Кое-кому изъ учениковъ ставились „тройки" („за правильно намѣченный путь"), остальнымъ — двойки. И затѣмъ двоечники, согласно министерскому циркуляру, къ дальнѣйшимъ экзаменамъ не допускались. Такимъ образомъ участь „двоечниковъ", т. е. едва ли не половины выпуска гимназій и реальныхъ училищъ всего учебнаго округа, рѣшена: „за ошибку" профессоровъ Букрѣева и Суслова они должны потерять цѣлый годъ, а иные, навѣрное, и самую возможность продолжать образованіе. Остается сомнительной судьба „троечниковъ". Хотя они и „правильно намѣтили путь", но невозможныхъ задачъ все-таки не рѣшили. И, по свѣдѣніямъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (17. V), начальство учебнаго округа намѣрено стоять на твердой почвѣ циркуляровъ: предложенныхъ задачъ и „троечники" не рѣшили, а слѣдовательно, экзамена они не выдержали, не выдержавшіе же экзамена должны оставаться на повторительный курсъ... Профессоръ Букрѣевъ въ письмѣ, напечатанномъ „Кіевской Мыслью", выразилъ надежду, что послѣдствія его ошибки будутъ не столь ужасны для учениковъ.

Характерно,—„ошибся" не только округъ. Помимо окружныхъ темъ для абитуріентовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, были, конечно, и темы мѣстныя для школъ иного типа и для переводныхъ экзаменовъ. И вотъ, напримѣръ, какія имѣются свѣдѣнія объ экзаменахъ нынѣшняго года въ каменецъ-подольскомъ техническомъ училищѣ:

Ученикамъ VI класса техническаго отдѣленія была предложена письменная работа по тригонометріи, составленная преподавателемъ математики г. Солухой и одобренная спеціальной математической комиссіей подъ предсѣдательствомъ директора училища. Въ продолженіе пяти часовъ ни одинъ изъ экзаменующихся не могъ этой задачи рѣшить („Голосъ Москвы", 11. V).

Когда ассистенты предложили самому г. Солухѣ рѣшить предложенную имъ задачу, онъ не могъ этого сдѣлать,—**потому что задача была дана неразрѣшимая** („Кіевская Мысль", 4. V).

Такимъ образомъ, произошло нѣчто систематическое. А, по мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ печати (напримѣръ, „Кіевской Мысли"), и умышленное. Поддерживать это мнѣніе ни въ коемъ случаѣ не приходится. Но внѣшнія основанія для него даны. Поражаетъ прежде всего неправдоподобіе ошибокъ. Вернемся на минуту къ злосчастному треугольнику проф. Букрѣева... Смѣшать гипотенузу съ катетомъ для профессора-спеціалиста, ученаго эксперта по математикѣ, психологически такъ же не легко, какъ, напр., для крестьянина посѣять

овесъ вмѣсто ржи. Сверхъ того, г. Букрѣевъ не могъ не понимать важности возложеннаго на него порученія. Тѣмъ менѣе вѣроятна, ошибка по неосторожности и невнимательности. Конечно, „и на старуху бываетъ проруха". Но кабы только одна старуха. Эпидемическое вѣдь что-то случилось вдругъ со старухами. Одновременно и въ одномъ и томъ же направленіи впадаютъ въ проруху г. Букрѣевъ, г. Сусловъ, г. Солуха, цѣлыя коммиссіи, коллегіи, на обязанности которыхъ лежатъ разсмотрѣніе и провѣрка представленныхъ темъ. Наконецъ, эта загадочная эпидемія соотвѣтствуетъ общему стилю экзаменовъ нынѣшняго года. Родители, города, земства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ педагогическія корпораціи просили у министерства предоставить учащимся, по случаю юбилейныхъ воспоминаній и торжествъ, экзаменаціонныя льготы. И достигли слѣдующаго: въ нѣкоторыхъ случаяхъ экзамены назначены неожиданно,—такъ сказать, упали на неподготовленную къ нимъ психологію; во многихъ мѣстахъ время на попредметную подготовку къ экзаменамъ сокращено до крайности, и одновременно экзаменаціонныя строгости замѣтно усилились. И очень странныя теперь пошли строгости. Не буду приводить фактовъ, характеризующихъ участь безотвѣтныхъ гимназистовъ или реалистовъ. Но даже въ высшихъ школахъ, гдѣ экзаменуются все-таки взрослые люди, способные дать отпоръ, оказывается возможнымъ, напр., слѣдующее:

„.Въ одесскомъ университетѣ „административно-назначенный на каѳедру" „профессоръ по дѣтскимъ болѣзнямъ" Гогетидзе на экзаменѣ „срѣзывалъ" студентовъ-медиковъ 4 курса, „задавая вопросы изъ той части курса, которой еще и не читалъ". „Когда возмущенные студенты, прекративъ экзамены, потребовали у проф. Гогетидзе объясненія, онъ откровенно заявилъ:

— Я не остановлюсь идти къ экзаменамъ даже по трупамъ студентовъ" („Утро Россіи", 14 мая).

У насъ нѣтъ основаній не вѣрить цѣнному самопоказанію проф. Гогетидзе. Безъ осмысленной готовности „идти по трупамъ" столь систематическое отношеніе къ юношеству сложиться не могло. И все-таки „Кіевская Мысль" поступила основательно, когда, послѣ болѣе полнаго ознакомленія съ фактическимъ матеріаломъ, отказалась отъ своего первоначальнаго предположенія, что неразрѣшимыя задачи для экзаменовъ были составлены умышленно. Слишкомъ ужъ это обвиненіе не вяжется съ элементарнымъ чувствомъ дѣйствительности. Отдѣльные случаи умышленнаго предложенія неразрѣшимыхъ задачъ, разумѣется, возможны. Но объяснять этимъ всѣ факты даннаго порядка значило бы изъ-за одной возможности не видѣть причинъ, болѣе общихъ и глубокихъ.

Педагогическое дѣло — святое, но и по самому существу своему неблагодарное и опасное. Какъ бы ни любилъ воспитатель свои обязанности, какъ бы ни были самоотверженны и высоки его чувства и цѣли, но нѣкоторая рознь между нимъ и воспитанниками не-

устранима. Въ самой лучшей школѣ все-таки два лагеря,—какъ въ самой идеальной семьѣ все-таки два поколѣнія — „отцы и дѣти“. Всѣ мы, конечно, понимаемъ, что явленіе это естественно и законно. Но одно дѣло—теоретически объяснять, другое—практически считаться съ конкретностями, — съ безконечными проявленіями дѣтскаго или юношескаго эгоизма, легкомыслія, съ капризами, шалостями, продѣлками... Отъ вспышекъ раздраженія никто изъ педагоговъ не застрахованъ. Но огромная работа надъ собою нужна воспитателю, чтобы не поддаваться этимъ вспышкамъ. Иначе,—онѣ будутъ столь часты, что превратятся въ господствующее настроеніе, и воспитатель, помимо своей воли, а нерѣдко и къ собственному стыду, станетъ смотрѣть на воспитанниковъ, какъ на враговъ. Кто покатился въ эту сторону, тому уже трудно остановиться. Возникаетъ потребность причинить „врагамъ“ обиду, боль, нанести оскорбленіе, вредъ... Это уже предѣлъ, за которымъ начинается болѣзнь, иногда называемая педагогическимъ садизмомъ. Ошибка думать, будто только въ Россіи есть учителя-драчуны, учителя-ругатели, учителя, которые болѣзненно рады случаю оскорбить ученика, срѣзать, провалить, искалѣчить морально,—хотя бы и на всю жизнь. Не свободны отъ этихъ патологическихъ явленій и культурнѣйшія страны. Преодолѣть внутреннія опасности педагогической профессіи до сихъ поръ далеко не вполнѣ удается даже въ передовыхъ государствахъ западной Европы. У насъ преодолѣніе этихъ опасностей почти не посильно для средняго человѣка. Нашъ учитель—прежде всего чиновникъ, обязанный выполнять толстовскую, деляновскую или иную „програму“, нарочито изобрѣтенную для того, чтобы искоренять „духъ эпохи“, подавлять извѣстные интересы и потребности юношества,—пусть естественные, законные, даже благороднѣйшіе, но опасные, по мнѣнію начальства, въ политическомъ отношеніи. Русскій учитель стоитъ передъ альтернативой, — если онъ не исполнитъ возлагаемыхъ на него политическихъ обязанностей, то ему „не служить“, а если онъ „хочетъ служить“ и выполнять требованія начальства, то невозможно сохранить добрыя отношенія съ учениками. Творческія силы жизни такъ велики, что даже изъ этого безвыходнаго положенія—люди находятъ выходъ, ухитряются и начальство не гнѣвить и дѣтей не обижать. Но для этого нуженъ особый талантъ приспособляемости или, по крайней мѣрѣ, счастливое сочетаніе внѣшнихъ условій. Среднему человѣку при среднихъ внѣшнихъ условіяхъ трудно сдержаться. На Западѣ несдержавшихся, явно впавшихъ въ болѣзненную ненависть къ дѣтямъ, отсѣкаетъ сила общественнаго мнѣнія. У насъ и этотъ регуляторъ въ крайнемъ пренебреженіи. Уже этихъ условій—не говоря о многихъ другихъ—вполнѣ достаточно, чтобы наше учебное вѣдомство вообще было перегружено педагогами, болѣзненно склонными строить свои отношенія къ юношеству на началахъ ненависти и междоусобія. И давно перегружено. Наши

школы давно уже потрясаютъ наблюдателя обиліемъ всевозможныхъ, порою прямо-таки чудовищныхъ эксцессовъ. Напомню хотя бы оглашенныя около года назадъ врачебныя наблюденія надъ однимъ изъ видныхъ педагоговъ временъ Делянова. Онъ превращалъ экзамены въ своеобразныя оргіи издѣвательства и мучительства, доходилъ до экстаза, до омерзительнаго физіологическаго эффекта, — это его удовлетворяло и успокаивало. Именно ради омерзительнаго-то эффекта его и тянуло къ моральному истязанію юношества...

Было при Деляновѣ. Нѣтъ резоновъ надѣяться, что исчезло при Кассо. Но, какъ ни ужасна деляновская система, какъ ни поддерживала она начала ненависти и междоусобія всемѣрными заботами о подтягиваніи, ежовыхъ рукавицахъ и бараньемъ рогѣ, — въ ней было и нѣчто, полагающее междоусобію предѣлъ. Въ системѣ Делянова былъ, напримѣръ, принципъ: за неуспѣшность учениковъ отвѣтственны преподаватели и начальники. Были установлены условныя, въ сущности произвольныя, но твердыя нормы: число малоуспѣшныхъ не должно быть выше $33^{1}/_{3}\%$, число успѣвающихъ должно быть не ниже $66^{2}/_{3}\%$... Конечно, подъ этой педагогической надстройкой была политическая база: „спасеніе Россіи“ полагалось вѣдь въ томъ, чтобы юношество всецѣло было занято министерскими программами, опасныхъ „соціальныхъ“ вопросовъ не замѣчало, да и не имѣло ни времени, ни возможности замѣтить ихъ; требовалось, чтобы и учителя не увлекались въ классахъ „посторонними разговорами“. Обязательная норма держала въ напряженіи учителей, побуждала выколачивать „процентъ успѣшности“,— и временами такъ выколачивали, что вспомнить жутко. Тѣмъ не менѣе, принципъ: за малоуспѣшность учениковъ отвѣтственны учителя и начальники, достоинъ уваженія. И уже онъ, повторяю, серьезно ограничивалъ междоусобіе: пусть „человѣкъ въ футлярѣ“, пусть вовсе „типъ изъ Крафтъ-Эбинга“, но, по крайней мѣрѣ, двѣ трети учениковъ онъ долженъ показать удовлетворительными,— ради собственнаго интереса, во избѣжаніе непріятныхъ объясненій съ начальствомъ.

Нынѣ сняли даже эту преграду. Оно и понятно. Надежды на „спасеніе Россіи“ посредствомъ министерскихъ школьныхъ программъ рухнули въ 1905 г. Значитъ, исчезло и политическое соображеніе, побуждавшее высоко цѣнить и отстаивать важный педагогическій принципъ. Возникли новыя надежды „спасти Россію“ посредствомъ потѣшныхъ (ученикамъ некогда заниматься уроками) и мѣрами внѣшкольнаго надзора (учителямъ не до „классныхъ предметовъ“,—надо дежурить на улицахъ, въ общественныхъ садахъ, у подъѣздовъ увеселительныхъ мѣстъ, не исключая и публичныхъ домовъ). Сверхъ того, многихъ старыхъ учителей „разогнали“ по случаю политической неблагонадежности; между тѣмъ открыты новыя школы, а желающихъ занять учительскія мѣста при нынѣш-

нихъ условіяхъ маловато; мѣсяцами, полугодіями штатныя должности остаются не замѣщенными, — гдѣ ужь тутъ настаивать на обязательной нормѣ успѣшности? Принципъ отвѣтственности учителей за успѣхи учениковъ фактически потерялъ значеніе. Но, если вполнѣ понятны причины этой важной „реформы", то очевидны и слѣдствія. Установились, напр., такіе проценты успѣшности: въ одномъ изъ классовъ якутскаго реальнаго училища по ариѳметикѣ—36 (64%) учениковъ имѣютъ двойки и единицы [1]); въ восьмомъ классѣ бахмутской мужской гимназіи по орѳографіи число успѣвающихъ 7, 4% (изъ 27 учениковъ получили 14 по единицѣ, 11—по двойкѣ и только двое по тройкѣ, „да и то съ натяжкой") [2]); въ восьмомъ классѣ бѣлостокской женской гимназіи число ученицъ, имѣющихъ вполнѣ удовлетворительныя отмѣтки,—0%: „весь классъ не допущенъ къ экзаменамъ"... [3]). Въ газетахъ нерѣдко встрѣчаемъ родительскія жалобы: на внѣшкольномъ надзорѣ учителя „отличаются", но отношеніе къ преподавательскимъ обязанностямъ „ниже всякой критики",—на уроки являются за 5 минутъ до звонка на перемѣну, „ничего не объясняютъ", программы не выполняютъ и т. д... Нельзя относить обвиненія на счетъ всѣхъ учителей. Это было бы и несправедливо и неумно. Въ учительской массѣ, конечно, преобладаютъ люди, которые стараются въ предѣлахъ возможнаго и въ мѣру своего разумѣнія добросовѣстно исполнять обязанности. Но для каждаго въ отдѣльности взятаго учителя возникъ большой соблазнъ относиться къ дѣлу полегче. Работа преподавателей во времена Толстого и Делянова часто заслуживала суровой оцѣнки по существу, но это была все-таки работа, — если плохо учили, то хоть натаскивали-то къ ревизіямъ и экзаменамъ прилежно. Теперь даже натаскивать—зачѣмъ? Право же, было бы вполнѣ достаточно явиться въ классъ на 5 минутъ, — задать урокъ и записать въ журналѣ, что нужно, — препятствуетъ лишь требованіе выставлять отмѣтки. Съ отмѣтками и вовсе плохо. И прежде, въ толстовскія и деляновскія времена, когда надо было представить „2/3 успѣвающихъ", оцѣнка учительскихъ познаній баллами оставляла желать гораздо больше сердечности со стороны учителей. Теперь... мы видѣли, что происходитъ даже въ торжественныхъ случаяхъ: учитель своимъ ученикамъ на письменномъ экзаменѣ по своему предмету даетъ неразрѣшимую задачу; пусть всѣ ученики срѣжутся,—онъ всѣмъ поставитъ единицы и двойки. По человѣчеству, онъ, быть можетъ, и выразитъ прискорбіе. Но это будутъ лишь „сантименты", формально не обязательные. Какъ въ былые годы составлялись „округомъ" экзаменаціонныя темы? Конечно, сочиняли задачку не изъ легкихъ, а порою и не безъ „фо-

---

1) „Утро Россіи", 30 апрѣля.
2) „Русская Молва", 9 апрѣля.
3) „Утро Россіи", 30 апрѣля.

кусовъ“, — „подтянуть“ и проявить строгость все-таки надо: въ этомъ наше начальство видитъ свой прямой долгъ. Однако, тѣ же, напр., окружные инспектора наблюдали, чтобы строгость не доходила до опасныхъ крайностей, — ибо, если очень много абитуріентовъ срѣжется на экзаменѣ, то и окружнымъ инспекторамъ будетъ непріятность. Да и самому попечителю округа непріятно,—онъ также былъ отвѣтственъ за общій процентъ успѣшности. По господствующему и въ обществѣ и въ спеціальной литературѣ мнѣнію, работа по составленію окружныхъ экзаменаціонныхъ темъ для дѣла не нужна, даже вредна. Но производилась она по необходимости внимательно. Нынѣшнее скандальное приключеніе въ кіевскомъ учебномъ округѣ— явный признакъ новыхъ условій. Нѣтъ побужденія относиться внимательно; лишь бы задача была „трудная“, а подробности не интересны. И это въ особо торжественныхъ случаяхъ, когда педагоги дѣйствуютъ до извѣстной степени публично и не могутъ вовсе ускользнуть отъ контроля. Въ классахъ порядокъ и вовсе домашній. Довольно обычная нынѣ школьная исторія: въ теченіе четверти или даже полугодія въ классѣ не рѣшали задачъ, не провѣряли письменныхъ работъ, — и вдругъ для вывода четвертныхъ отмѣтокъ сыплются труднѣйшія диктовки, сложныя темы для сочиненій, запутанныя математическія задачи, — и, разумѣется, чуть не поголовныя единицы и двойки. Недѣлю или даже двѣ подрядъ учитель только забѣгаетъ въ классъ на нѣсколько минутъ,—задаетъ уроки „отъ сихъ до сихъ“. И вдругъ является аккуратно по звонку и начинаетъ „выставлять отмѣтки“, — спрашиваетъ все пройденное, не только то, что есть въ учебникахъ, но порою и то, чего тамъ нѣтъ, и о чемъ, по его мнѣнію, ученики „должны сами догадаться“. И, быть можетъ, отчасти по этой причинѣ въ послѣдніе годы обычныя двойки и единицы слишкомъ часто приводятъ къ трагическому исходу. Мнѣ довелось прочесть нѣсколько рукописныхъ ученическихъ мемуаровъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ,—ко времени гг. Шварца и Кассо. По мѣрѣ возможности, я внимательно слѣжу за матеріалами о школьныхъ самоубійствахъ. Судя по этимъ даннымъ, въ школахъ стало довольно типичнымъ такое положеніе. Юноша или дѣвушка обладаетъ способностями; есть желаніе учиться; и учится прилежно, „изо всѣхъ силъ учится“, „ночи напролетъ просиживаетъ“, — и все-таки двойка, двойка, двойка... Это совсѣмъ иное, чѣмъ получить плохую отмѣтку, потому что лѣнился, плохо слушалъ объясненія учителя, прогулялъ, растерялся, не понялъ, — логическую закономѣрность легче претерпѣть. Сравнительно просто претерпѣвается даже прямая несправедливость, если есть надежда преодолѣть ее. Въ самыя мрачныя времена Толстого и Делянова школа не отнимала надежды. Крѣпко держался, между прочимъ, обычай „поправки“. Его высоко цѣнили сами учителя,—цѣнили уже потому, что онъ помогалъ достигать хорошаго процента успѣшности. Нерѣдко сами учи-

теля предлагали получившимъ плохой баллъ „поправиться“, назначали время на подготовку, охотно соглашались ждать до опредѣленнаго срока, отводили послѣдніе дни учебной четверти спеціально для спрашиванія желающихъ улучшить свою отмѣтку. Теперь и этотъ обычай выводится. „Разрѣшенія поправиться“ ученики просятъ, какъ милости, „умоляютъ учителя“:

— Спросите меня вторично.

И частенько получаютъ въ отвѣтъ:

— Надо было хорошо отвѣчать сразу, а теперь мнѣ некогда.

А если учитель и согласится „спросить вторично“, если даже удастся отвѣтить удовлетворительно, то „поправка“ будетъ ненадолго, — до первой письменной работы, къ которой классъ совершенно неподготовленъ, до перваго строгаго выспрашиванія необъясненныхъ, а лишь заданныхъ по учебнику уроковъ...

Въ конечномъ итогѣ эта система должна привести къ тому, что государственная средняя школа превратится въ очень опасное для дѣтей, но никому ненужное учрежденіе, гдѣ ничему не учатъ и не считаютъ обязанностью чему-либо учить. Отъ этого послѣдняго результата школу пока спасаютъ дѣловыя традиціи прошлаго и добрые нравы значительнаго числа педагоговъ, старающихся за совѣсть дѣлать то, что отъ нихъ не требуется за страхъ. Но мѣстомъ, опаснымъ для дѣтей, средняя школа уже стала. При данныхъ условіяхъ это должно было случиться уже въ силу того естественнаго, если такъ можно выразиться, междоусобія, къ какому предрасполагаетъ сама по себѣ педагогическая профессія. Къ сожалѣнію, естественнымъ междоусобіемъ дѣло не ограничивается. Характеризуя экзамены нынѣшняго года въ кіевскомъ учебномъ округѣ, „Кіевская Мысль“ заинтересовалась, между прочимъ, вопросомъ, какъ отнесется начальство къ преподавателямъ, предложившимъ для своихъ же учениковъ неразрѣшимыя задачи. По мнѣнію названной газеты, начальство скажетъ:

— Учитель каменецъ-подольскаго техническаго училища Солуха зарѣзалъ весь классъ? Хорошій педагогъ, — надо его перевести на высшую должность.

Къ сожалѣнію, это такъ. Только проявленіемъ жестокости люди подобнаго рода выдвигаются въ первые ряды, проходятъ въ инспектора и директора, получаютъ чины и награды („Кіевская Мысль“, 4. V).

Что скажетъ начальство, — не всегда угадаешь. „Одесскія Новости“ сообщали, какъ слухъ, что г. Солуху начальство, дѣйствительно, переводитъ, но на высшую или низшую должность, — мы не знаемъ. Не возбуждаетъ споровъ лишь то, что мнѣніе „Кіевской Мысли“ принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ и въ партикулярномъ обществѣ и среди чиновнаго люда. Если вы спросите, на чемъ основано это мнѣніе, то васъ засыплютъ „случаями“ и фактами: вотъ Х. старался употреблять предоставленную ему власть на пользу и благо населенію, — „прогнали“, „сжили“, „съѣли“;

а вотъ У. употреблялъ власть, чтобы причинить вредъ и горе,—„замѣченъ“, „отличенъ“, „въ гору пошелъ“... Многіе изъ такихъ „случаевъ“ пріобрѣли не меньшую всероссійскую извѣстность, чѣмъ „исторіи“ бывшаго судебнаго слѣдователя Лыжина, ротмистра Трещенкова-ленскаго, полицеймейстера Іонина. Помимо фактовъ тотъ же выводъ какъ бы подсказывается чрезвычайнымъ обиліемъ, а главное господствомъ канибальскихъ криковъ: сѣчь, драть, повѣсить... Возникли цѣлыя организаціи, настойчиво проповѣдующія: кто противъ погромовъ, тотъ крамольникъ, а кто за погромы, тотъ „патріотъ“. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, положеніе, занятое этими организаціями? Какъ объяснить, наконецъ, общій народоборческій или даже прямо народоненавистническій духъ эпохи? Онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ сложиться безъ той готовности „идти по трупамъ“, какую высказалъ профессоръ Гогетидзе, по приведенному выше сообщенію газетъ. И посмотрите, для какой цѣли г. Гогетидзе настилку изъ труповъ готовъ не отличить отъ паркета? Для курсовыхъ экзаменовъ... Только для экзаменовъ... Въ нормальное время не профессора, а мясники, не о трупахъ, а о свиныхъ тушахъ не разсуждаютъ столь запросто. Да и въ наше время свиныя туши цѣнятся вовсе не такъ дешево, чтобы по нимъ можно было ходить на экзамены... Къ сожалѣнію, у насъ появились и такіе вицмундирные чингисханы XIV, XII и другихъ классовъ по табели о рангахъ, которые готовы даже не идти куда-либо, а просто плясать на трупахъ,—плясать только для того, чтобы предъявить начальству отсутствіе „предразсудковъ“, и только потому, что за это ожидаютъ болѣе быстраго движенія по службѣ.

Не министромъ Кассо созданы „чингисханы во имя карьеры“. Чингисханы—явленіе общее. Спрашивать, какія мѣры приняты для защиты отъ нихъ юношества, ввѣреннаго государственной школѣ,—значило бы впадать въ наивность. Вѣдь, и въ старые мирные годы у насъ были учителя, которые не просто „гнули въ бараній рогъ“, а старались гнуть, и дѣлали это не изъ профессіональнаго порока, и не въ силу той или иной ошибочной педагогической теоріи, а вслѣдствіе увѣренности, что такимъ способомъ можно выдвинуться выслужиться. И въ старые мирные годы были учителя разсуждавшіе: ученики не виноваты, но оказать имъ справедливость,—страшно, такъ какъ, дескать, начальство разсердится, увидитъ въ справедливости попустительство... Это было и въ старые мирные годы. Что же теперь? Въ томъ же хотя бы кіевскомъ округѣ? Ну, пусть неразрѣшимыя задачи по ошибкѣ? А почему двойки за неразрѣшеніе этихъ задачъ? Почему не оказана дѣтямъ элементарнѣйшая справедливость?

На этомъ пути казенную школу ожидаетъ не только опасность сдѣлаться никому ненужной. Самое названіе ея можетъ стать синонимомъ живодерни.

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Пересмотръ законодательства о печати.

I.

Предстоитъ—если употребить выраженіе Н. К. Михайловскаго—„дальнѣйшее развитіе драматическаго представленія, въ которомъ мы, литераторы, нынѣ принимаемъ участіе“. На очереди — пересмотръ законовъ о печати... Какихъ же результатовъ можно ждать отъ этого пересмотра? Каковъ будетъ новый актъ давно уже разъигрывающейся при нашемъ участіи драмы?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, казалось-бы, не трудно. Много вѣдь значитъ уже то, по чьему почину предпринимается пересмотръ;—другими словами: какая изъ политическихъ силъ нашла настоящій моментъ для себя благопріятнымъ, чтобы перейти въ наступленіе? Но это-то какъ разъ и представляется въ данномъ случаѣ не совсѣмъ яснымъ...

Еще 3 декабря к.-д. фракція внесла въ Гос. Думу „законодательное предположеніе о печати“ и такимъ образомъ, несомнѣнно, ей принадлежитъ иниціатива возбужденія этого вопроса въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Ни для кого однако не тайна, что это было „декларативное“ выступленіе. Въ третьей Думѣ к.-д. партія, какъ извѣстно, считала для себя обязательнымъ оставаться на дѣловой почвѣ; въ четвертой же Думѣ она рѣшила измѣнить тактику и начать выступленія по основнымъ, хотя бы и неразрѣшимымъ при данныхъ условіяхъ, вопросамъ русской жизни. Въ силу этого рѣшенія, принятаго минувшею осенью на партійной конференціи, к.-д. фракція, по открытіи Думы, внесла въ нее цѣлый рядъ законодательныхъ предложеній демонстративнаго свойства и въ числѣ ихъ законодательное предположеніе о печати.

Въ политической борьбѣ, какъ и въ подлинной войнѣ, демонстраціи, по общему правилу, предпринимаются не за тѣмъ, чтобы оттѣснить непріятеля и захватить его позиціи. Для этого, какъ само собой понятно, нужны болѣе серьезныя операціи. Демонстраціи же обыкновенно имѣютъ другія цѣли. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ могло сыграть роль желаніе нанести моральный ударъ противникамъ или поднять духъ среди своихъ сторонниковъ. Случается однако, что операція, предпринятая съ демонстративными цѣлями, переходитъ въ настоящее „дѣло“ и даже развертывается въ рѣшительное сраженіе. Поэтому въ результатѣ ея можетъ получиться неожиданный захватъ чужихъ позицій, а съ другой стороны—еще болѣе неожиданная утрата своихъ собственныхъ.

Нѣчто подобное какъ будто стало намѣчаться и въ данномъ случаѣ. Законодательное предположеніе к.-д. фракціи о печати, не въ примѣръ ея другимъ декларативнымъ предложеніямъ, было

признано Думой желательнымъ и передано въ комиссію для выработки соотвѣтствующаго законопроекта. „Думскій починъ — писалъ потомъ г. Милюковъ, — повидимому, оживилъ дѣятельность правительства“ [1]). Пришли въ движеніе и другія, представленныя въ Думѣ, политическія группы: немедленно выступили со своими законопроектами правые, націоналисты, октябристы... Словомъ, демонстрація сразу же начала переходить въ „дѣло“, которое можетъ имѣть для русской печати тѣ или иныя и, можетъ быть, очень серьезныя послѣдствія.

К.-д. публицисты, оцѣнивая роль, какую сыграло „законодательное предположеніе“ к.-д. фракціи, обнаружили склонность думать, что этимъ выступленіемъ до извѣстной степени предрѣшенъ ходъ дальнѣйшихъ событій въ благопріятную и во всякомъ случаѣ въ безопасную для печати сторону. Нагляднымъ тому доказательствомъ, по мнѣнію „Рѣчи“, можетъ служить „та исторія, которую уже къ настоящему моменту прошла подготовка думскаго законодательнаго матеріала *исключительно* благодаря внесенному к.-д. законопроекту“. „Противопоставленный этому проекту законопроектъ дворянскаго съѣзда — поясняла свою мысль газета — оказался съ самаго начала до такой степени безнадежнымъ, что сами правые принуждены были нѣсколько смягчить его при внесеніи въ Гос. Думу. Но и съ этими смягченіями законопроектъ сразу оказался непріемлемымъ для думской комиссіи. И вотъ начался рядъ дальнѣйшихъ поправокъ и передѣлокъ, постепенно приближавшихъ будущій комиссіонный законопроектъ къ ка-детскому *ранѣе* начала обсужденія вопроса въ комиссіи“ [2]). Такимъ образомъ, по мнѣнію „Рѣчи“, прежде чѣмъ инициаторы демонстраціи сошлись вплотную со своими противниками, со стороны послѣднихъ уже начались уступки. Очевидно, что въ дальнѣйшемъ есть надежда отвоевать и еще кое-что. Во всякомъ случаѣ „равнодѣйствующая, уже въ теперешнемъ ея видѣ,—продолжала „Рѣчь“,—идетъ гораздо дальше, чѣмъ хотѣлъ бы пойти правительственный проектъ. Судьба маклаковскихъ предположеній—заключала отсюда газета—этимъ самымъ уже предрѣшена“. И это достигнуто, какъ уже сказано, „исключительно благодаря внесенному к.-д. законопроекту“.

Но какъ бы ни были велики успѣхи к.-д. законопроекта (правильнѣе, быть можетъ, было бы сказать: увлеченія к.-д. публицистики), все-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду одно, на первый взглядъ не совсѣмъ понятное, обстоятельство, о которомъ я уже упомянулъ выше. „Почему — спрашивалъ въ „Днѣ“ г. Е. Смирновъ — со всѣхъ сторонъ проявляютъ интересъ къ кадетскому законопроекту о печати и въ то же время не обращаютъ вниманія на всѣ остальные кадетскіе проекты о свободахъ, словно бы они вовсе

---

1) „Рѣчь“, 5 марта.

2) „Рѣчь“, 7 апрѣля. Курсивъ въ обоихъ мѣстахъ принадлежитъ „Рѣчи“.

не вносились?“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ: почему къ другимъ декларативнымъ выступленіямъ к.-д. фракціи всѣ отнеслись, какъ къ демонстраціямъ, которыя пока ничѣмъ не угрожаютъ и ничего не обѣщаютъ, а къ законодательному предположенію о печати, какъ къ дѣлу, которымъ стоитъ и нужно заняться? Можетъ быть, кромѣ к.-д. выступленія для этого имѣлись и другія побужденія?

Съ этой точки зрѣнія представляется далеко не безразличнымъ то обстоятельство, что вопросомъ о печати давно уже рѣшили заняться правые, задумавшіе новый на нее натискъ. Какъ теперь выяснилось, подготовкой соотвѣтствующей операціи былъ занятъ ихъ главный штабъ—совѣтъ объединеннаго дворянства. Онъ готовилъ не демонстрацію, а форменное наступленіе и притомъ со всею возможною для него тщательностью. Достаточно сказать, что въ выработкѣ дворянскаго проекта участвовали такіе свѣдущіе въ „дѣлахъ печати“ люди, какъ нынѣшній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, гр. Татищевъ, и два прежнихъ—гг. Звѣревъ и Бельгардъ. Работа велась въ тайнѣ и долго ли она продолжалась — неизвѣстно. Но къ тому времени, когда вопросъ о печати всплылъ на очередь, дворянскій проектъ былъ уже выработанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что и правительство считаетъ вопросъ о печати „злободневнымъ“. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ онъ объяснилъ корреспонденту „Temps“, нашелъ, что „драматическое представленіе“, въ которомъ, кромѣ литераторовъ, и онъ вѣдь принимаетъ участіе, недостаточно серьезно; въ частности, его собственная роль представляется ему прямо опереточной: его полиція нерѣдко является на мѣсто преступленія послѣ того, какъ оно уже совершено, — послѣ того, какъ произведеніе печати выпущено уже изъ типографіи. Желая обезпечить себѣ болѣе сильную роль и придать всему представленію болѣе серьезный характеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ необходимымъ, чтобы преступники, по крайней мѣрѣ, за три часа извѣщали полицію о своихъ намѣреніяхъ.

Эти „три часа“, о которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ упомянулъ въ разговорѣ съ иностраннымъ корреспондентомъ, какъ выяснилось вслѣдъ затѣмъ, минута въ минуту совпадали съ тѣмъ срокомъ, какой предназначенъ для предупрежденія и пресѣченія въ дворянскомъ проектѣ. Теперь извѣстенъ весь выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „проектъ устава о печати“ и ни у кого уже не можетъ быть сомнѣнія, что въ основу его положенъ проектъ объединеннаго дворянства.

Можно думать, что и „оживилъ дѣятельность правительства“ по данному вопросу не столько думскій починъ, сколько дворянскій... Какъ бы то ни было, готовность правительства заняться

[1]) „День“, 10 апрѣля.

пересмотромъ законовъ о печати, несомнѣнно, сыграла свою роль въ томъ, что этотъ вопросъ поставленъ теперь на очередь. Для націоналистовъ и октябристовъ это обстоятельство имѣло, конечно, несранненно большее значеніе, чѣмъ к.-д. выступленіе.

Поэтому-то я и сказалъ, что вопросъ, по чьему почину предпринимается пересмотръ законодательства о печати, представляется не совсѣмъ яснымъ. Вѣроятнѣе всего, что иниціатива пришла сразу съ двухъ сторонъ: и слѣва и справа. Но въ то время, когда слѣва была задумана только демонстрація, справа было уже рѣшено начать наступленіе. Столкновеніе политическихъ силъ, начинающееся при такихъ условіяхъ, мало обѣщаетъ печати хорошаго.

Посмотримъ однако, что обѣщаютъ самые проекты...

II.

„Три часа", о которыхъ упомянулъ г. Маклаковъ, равны ни больше, ни меньше, какъ возстановленію цензуры. Это, несомнѣнно, главное заданіе, которое поставилъ себѣ правый лагерь въ начинающейся кампаніи. Въ проектѣ объединеннаго дворянства оно формулировано такимъ образомъ:

Каждый номеръ ежедневнаго періодическаго изданія долженъ быть представленъ подлежащему установленію по дѣламъ печати одновременно съ приступомъ къ его печатанію и, во всякомъ случаѣ, не позднѣе, какъ за 3 часа до выпуска его изъ типографіи.

Книги и брошюры, не превышающія размѣровъ одного печатнаго листа, должны быть представляемы подлежащему установленію по дѣламъ печати за однѣ сутки до выпуска ихъ въ свѣтъ, отъ одного до 5 листовъ— за три дня и свыше 5 листовъ — за 7 дней до ихъ выпуска.

Въ министерскомъ проектѣ это заданіе подвергнуто болѣе тщательной и детальной разработкѣ, причемъ срокъ для ежедневныхъ газетъ, если въ нихъ нѣтъ картъ, чертежей и рисунковъ, уменьшенъ до одного часа. Но суть, конечно, не въ томъ, сколько дней или часовъ печатное произведеніе должно пробыть, какъ когда-то выражались, „во чревѣ китовѣ", прежде чѣмъ оно увидитъ свѣтъ (если, конечно, увидитъ), а въ самой системѣ „контрольныхъ сроковъ".

Для русской печати система эта уже знакома. Она примѣнялась въ извѣстныхъ случаяхъ еще при старомъ порядкѣ, примѣняется и теперь, въ „обновленномъ строѣ". Временными правилами 18 марта и 26 апрѣля 1906 г. контрольные сроки были установлены для рисунковъ (24 часа), листковъ (2 дня) и брошюръ (7 дней), т. е. для тѣхъ произведеній печати, которыя по тогдашнему времени являлись для правительства особенно непріятными (каррикатуры) или представлялись особенно опасными (агитаціонные листки и брошюры). Это было, несомнѣнно, самое существенное ограниченіе свободы печати, какое контръ-революціи удалось до

сихъ поръ осуществить въ законодательномъ порядкѣ. Теперешнее заданіе состоитъ въ томъ, чтобы распространить то же ограниченіе по возможности на всю печать, а главное — на газеты и другія періодическія изданія.

Для чего нужны „контрольные сроки“—понять не трудно. Да этого и не скрываютъ. „При существующемъ законѣ—объяснилъ г. Маклаковъ бесѣдовавшему съ нимъ корреспонденту — мы можемъ цензуровать газеты только тогда, когда они находятся уже въ рукахъ подписчиковъ и продаются на улицахъ. Мы находимся въ положеніи оффенбаховскихъ карабинеровъ: мы приходимъ слишкомъ поздно, чтобы дѣйствительно конфисковать номеръ, по нашему мнѣнію, это заслуживающій“.

Срокъ нуженъ для того, чтобы произведеніе печати было процензуровано прежде, чѣмъ хотя бы одинъ экземпляръ его попадетъ къ читателямъ. Тогда карабинеры будутъ являться своевременно... „Скажутъ—продолжалъ министръ—это возвратъ къ предварительной цензурѣ, ретроградная мѣра! Нѣтъ. Когда-то цензоръ долженъ былъ предварительно поставить свою подпись для того, чтобы номеръ можно было опубликовать. Законъ, который я проектирую, этой формальности не потребуетъ“... Но и безъ этой формальности результаты будутъ тѣ же самые: „мы будемъ имѣть возможность и время задержать въ типографіи газету, продажу которой мы разрѣшить не можемъ“.

Другое „освѣдомленное лицо“, бесѣдовавшее съ корреспондентомъ „Новаго Времени“, попыталось иначе объяснить отличіе „своевременной“ цензуры отъ цензуры „предварительной“:

Установленіе контрольныхъ сроковъ — поучало это лицо — не можетъ быть приравниваемо къ введенію предварительной цензуры, такъ какъ должностное лицо, просматривающее содержаніе предназначеннаго къ выпуску изданія, не имѣетъ права цензора и не можетъ исключить изъ изданія по своему усмотрѣнію какое либо сообщеніе...

Вмѣсто того, чтобы исключить одно какое-либо сообщеніе, должностное лицо будетъ задерживать по своему усмотрѣнію цѣликомъ весь номеръ и притомъ въ готовомъ его видѣ, когда всѣ затраты на него уже произведены. Съ точки зрѣнія печати разница, конечно, существенная, но отнюдь не въ пользу „контрольныхъ сроковъ“.

Впрочемъ, о словахъ—предварительная ли это будетъ цензура или ее нельзя приравнивать къ предварительной — спорить не стоитъ. Возвращаясь къ старымъ порядкамъ, можно вернуться и къ прежней терминологіи. До 1905 года такая цензура называлась „карательной“. Для безцензурныхъ газетъ она назначалась какъ бы въ наказаніе, послѣ трехъ предостереженій, и на дѣлѣ оказывалась столь тяжелой, что подвергшіяся ей ежедневныя изданія предпочитали цензуру „предварительную“ (какъ тогда назы-

валась цензура до на печатанія) и обыкновенно входили на этотъ счетъ въ частныя соглашенія съ приставленными къ нимъ цензорами. Теперь, когда пресса сдѣлалась еще болѣе необходимымъ факторомъ государственной и народной жизни, эту „карательную" цензуру, въ качествѣ предупредительной мѣры, проектируется распространить на всѣ газеты, въ томъ числѣ и на тѣ, которыя даже въ до-революціонное время были отъ нея свободны.

Мотивъ извѣстенъ: среди печатныхъ произведеній могутъ быть „преступныя",—проще сказать, такія, распространеніе которыхъ, какъ объяснилъ г. Маклаковъ, „мы разрѣшить не можемъ". Казалось бы, это еще не резонъ, чтобы устанавливать цензуру для всей печати. Но такова ужъ логика полицейскаго режима. Ею русское правительство руководится и въ другихъ областяхъ жизни, но едва ли гдѣ оно заходитъ такъ далеко, какъ въ своихъ отношеніяхъ къ печати.

Любопытно сдѣлать, напримѣръ, такое сопоставленіе. Среди массы пріѣзжающихъ въ столицу могутъ быть тати и разбойники; чтобы предупредить это—такова русская полицейская логика—для всѣхъ пріѣзжающихъ установлены паспорта, въ которыхъ должны быть обозначены ихъ примѣты и происхожденіе. Слѣдуя той же логикѣ, для всѣхъ печатныхъ произведеній также нужно установить „виды на жительство". И это уже сдѣлано: на каждомъ изъ нихъ должна быть указана типографія, въ которой оно напечатано, а на каждомъ номерѣ повременнаго изданія должны быть еще обозначены издатель и редакторъ,—послѣдній въ качествѣ „главнаго виновника" его появленія на свѣтъ. Безъ такого „вида" ни одно печатное произведеніе, кромѣ визитныхъ карточекъ, не можетъ обращаться въ странѣ, а выпустившій его, хотя бы въ немъ не было ничего преступнаго, подлежитъ отвѣтственности. Пріѣхавшаго безъ паспорта въ столицу могутъ задержать за безписьменность; печатное произведеніе, не имѣющее установленнаго вида, также подлежитъ аресту. За проживаніе по подложному паспорту въ законѣ установлено строгое наказаніе; точно такое же наказаніе (тюремное заключеніе отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ) установлено за ложное обозначеніе на печатномъ произведеніи редактора, издателя и типографіи. До сихъ поръ, какъ видятъ читатели, наблюдается, если не полное тождество, то извѣстный параллелизмъ въ „мѣрахъ предупрежденія".

Но дальше начинается разница. По отношенію къ печати установлены такія мѣры, какія не практикуются для огражденія даже имущественной и личной безопасности гражданъ. Мысль и слово считаются въ русскомъ государствѣ опаснѣе воровства и душегубства. Въ самомъ дѣлѣ: пріѣзжающіе въ столицу, хотя среди нихъ могутъ быть тати и разбойники, не обязаны лично являться въ

полицію и должны отдать лишь свои паспорта для прописки; произведенія же печати должны быть въ ихъ подлинномъ видѣ представлены въ мѣста, особо для сего предназначенныя. Далѣе: даже въ столицахъ паспортъ можетъ быть предъявленъ для прописки въ теченіе 24-хъ часовъ послѣ того, какъ данное лицо прибыло на мѣсто и занялось своими дѣлами; печатное же произведеніе первымъ дѣломъ, одновременно съ выходомъ его изъ типографіи, должно быть предъявлено въ „подлежащее установленіе".

Но и этого оказывается мало. Теперь хотятъ, руководясь тою же логикою, пойти еще дальше.

Представьте себѣ, что всѣ пріѣзжающіе въ столицу не только были бы обязаны немедленно являться въ полицейскіе участки, но и должны были бы оставаться тамъ отъ одного часа (или по другому варіанту: отъ трехъ часовъ) до семи сутокъ, дабы полиція имѣла „возможность и время" ознакомиться съ ихъ намѣреніями. Прибавьте къ этому, что каждаго могутъ задержать въ участкѣ на неопредѣленное время, пообѣщавъ, что потомъ разберутъ. И задерживать должностныя лица будутъ по своему усмотрѣнію, ничѣмъ не рискуя, если задержатъ кого безъ достаточныхъ основаній. Зато задержанный, если онъ не докажетъ, что не только субъективно онъ ни въ чемъ не виноватъ, но и объективнаго вреда отъ его появленія въ столицѣ никакого не приключилось бы, можетъ жестоко поплатиться... Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что пріѣздъ въ Петербургъ былъ бы обставленъ такими условіями. Возможно и даже вѣроятно, что число воровъ и убійцъ въ немъ осталось бы приблизительно прежнее, но вообще-то число пріѣзжающихъ въ столицу, несомнѣнно, сразу же и рѣзко сократилось бы. Для прибывающихъ на постоянное жительство еще былъ бы, пожалуй, разсчетъ рискнуть и претерпѣть всѣ мытарства; но многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто пріѣзжаетъ на мѣсяцъ, на недѣлю, на день, а то и меньше, предстоящая перспектива, навѣрное, испугала бы и удержала бы отъ поѣздки.

Для печати же какъ разъ и хотятъ установить такія именно условія: контрольные для всѣхъ сроки съ рискомъ для каждаго застрять въ участкѣ,—и одно лишь двусмысленное утѣшеніе въ перспективѣ: потомъ разберутъ-де... Господи! хотя бы это-то утѣшеніе не было совсѣмъ сомнительнымъ, хотя бы судили-то насъ, какъ судятъ татей и разбойниковъ, — судомъ общественной совѣсти! Но и это скромное пожеланіе русскаго сатирика должно остаться несбыточною мечтою...

Тяжелѣе всего система контрольныхъ сроковъ, если таковая будетъ распространена на повременныя изданія, отразится, конечно, на ежедневной прессѣ. Газетный листъ живетъ одинъ день и даже меньше. Задержка—смертная казнь для него. Пусть даже

судъ его потомъ оправдаетъ и арестъ сниметъ,—жизни въ окоченѣвшемъ газетномъ трупѣ это уже не возстановитъ. Но оставимъ задержку, которая будетъ практиковаться, конечно, главнымъ образомъ, по отношенію къ „нежелательнымъ“ изданіямъ; возьмемъ норму, которая проектируется для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самыхъ благонадежныхъ.

Изъ короткой жизни газетнаго листа хотятъ вырвать три часа, пусть даже одинъ часъ... Но нужно знать, какой это часъ! Время между тѣмъ, какъ номеръ набранъ и сверстанъ, и тѣмъ, когда онъ выпущенъ изъ типографіи, считается самымъ дорогимъ въ газетномъ дѣлѣ: тутъ на счету каждая минута, чуть ли не каждая секунда. Въ нѣкоторыхъ газетныхъ типографіяхъ установленъ самый строгій хронометражъ всѣмъ производящимся въ это время операціямъ: изо дня въ день съ точностью до минуты регистрируется, когда сверстана каждая страница газетнаго листа, когда наборъ поступилъ въ стереотипную, когда тамъ сняты матрицы, когда отлитый стереотипъ поступилъ въ машину и т. д.—и все это для того только, чтобы, если произойдетъ задержка, сразу опредѣлить, кто ея виновникъ и въ чемъ ея причина. Нужно, далѣе, видѣть, что творится въ газетной типографіи и около нея, когда „приступаютъ къ окончательному печатанію номера“: въ типографіи уже толпятся посыльные отъ газетныхъ артелей, на улицѣ стоятъ наготовѣ автомобили, а у тѣхъ газетъ, что победнѣе, извозчики, и только что машина начинаетъ выбрасывать отпечатанные листы, какъ ихъ, подхватывая чуть не на лету, начинаютъ со всею стремительностью развозить и разносить во всѣ стороны... Главныя усилія газетной техники и газетной организаціи направлены къ тому, чтобы сократить промежутокъ времени между окончаніемъ редакціонной работы и появленіемъ газеты въ рукахъ читателей: отъ этого вѣдь зависитъ свѣжесть доставляемыхъ газетой извѣстій и ея отзывчивость на злобы дня. Въ этомъ направленіи многое уже достигнуто и многое еще предстоитъ сдѣлать. Но вотъ является русскій Всѣх-давишъ и заявляетъ: не трудитесь! отнынѣ я намѣренъ самъ предварительно читать газеты и торопиться вамъ съ ними незачѣмъ. Онъ требуетъ себѣ цѣлый часъ изъ того времени, когда дорога каждая минута... Достигнутые газетнымъ дѣломъ успѣхи въ значительной ихъ части сдѣлаются, при этомъ условіи, ненужными дальнѣйшія усилія его усовершенствовать сразу же станутъ безцѣльными. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, обзаводиться электрическими двигателями, ставить ротаціонныя машины, отливать стереотипы и придумывать всякія усовершенствованія? Ститъ ли выгадывать минуты, когда все равно нужно ждать цѣлый часъ, не явятся ли карабинеры?

При первыхъ извѣстіяхъ о дворянскомъ и министерскомъ проектахъ можно было думать, что авторы ихъ, проектируя контроль-

ные сроки, просто-на-просто упустили изъ виду газетную технику. Но, оказывается, нѣтъ! По словамъ „освѣдомленнаго лица“, которое бесѣдовало съ корреспондентомъ „Новаго Времени“, министерство знакомо съ техникой, но только не находитъ нужнымъ считаться съ нею.

Что касается техническихъ затрудненій,—говорилъ освѣдомитель „Новаго Времени“,—то они, прежде всего, имѣютъ мѣсто только для большихъ изданій съ дорогими скоропечатными машинами и хорошо оборудованными типографіями; а затѣмъ—вообще это обстоятельство не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при оцѣнкѣ данной мѣры. Эта мѣра вызывается государственнаго значенія соображеніями и печать должна и можетъ, при современномъ развитіи техники печатнаго искусства, приспособиться къ хотя бы отчасти и стѣснительному требованію.

Велика ли, въ самомъ дѣлѣ, важность, если проектируемая мѣра ударитъ прежде всего по большимъ изданіямъ и хорошо оборудованнымъ типографіямъ? Да и вообще рѣшающее значеніе должны вѣдь имѣть государственнаго значенія соображенія... Стало быть, если по такимъ соображеніямъ министерство найдетъ, что, напримѣръ, желѣзнодорожные поѣзда ходятъ слишкомъ быстро—ну, хотя бы потому, что полиція не успѣваетъ слѣдить за всѣми татями и разбойниками, какіе прибываютъ съ ними,—то оно предпишетъ замедлить движеніе поѣздовъ. Это ударитъ, конечно, прежде всего по большимъ городамъ и хорошо оборудованнымъ дорогамъ. Но не велика важность: населеніе „должно и можетъ, при современномъ развитіи техники желѣзнодорожнаго искусства, приспособиться къ хотя бы отчасти и стѣснительному требованію“...

Къ счастью для русской культуры, переть противъ рожна — противъ техники—не такъ легко, какъ думаютъ русскіе дворяне, а вмѣстѣ съ ними и русское правительство. Послѣднее имѣло возможность не разъ убѣдиться въ этомъ, и теперь оно это уже почувствовало. Запросъ въ „три часа“ съ которымъ выступили дворяне, показался всѣмъ, хотя бы немного знакомымъ съ газетнымъ дѣломъ, столь несообразнымъ и вызвалъ такую рѣзкую критику даже со стороны такихъ газетъ, какъ „Новое Время“ и „Московскія Вѣдомости“, что министерство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшило въ своемъ проектѣ уменьшить дворянскій запросъ до „одного часа“. Принципъ остался тотъ же, но сдѣлана уступка техникѣ.

Однако и съ этимъ смягченіемъ министерскій проектъ не нашелъ почти себѣ защитниковъ среди дѣятелей печати. Со всѣхъ сторонъ къ нему проявлено такое рѣзко-отрицательное отношеніе, что у многихъ уже стало складываться впечатлѣніе: нѣтъ! такой проектъ пройти не можетъ,—не пройдетъ, стало быть, и цензура. Но намъ угроза, нависшая надъ печатью, не кажется миновавшей. Словъ нѣтъ, идти наперекоръ техническому прогрессу трудно и даже русскому правительству это въ конечномъ счетѣ не подъ силу, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что оно, какъ это не разъ уже бы-

вало, все-таки попробуетъ и культуру, хотя бы на время, задержитъ. Главное же, не исключена вѣдь возможность, что удастся найти компромиссъ, который не очень стѣснитъ технику и оставитъ достаточный просторъ цензурѣ.

Съ этой точки зрѣнія интересно присмотрѣться нѣсколько ближе къ думской „равнодѣйствующей", на которую оптимисты (къ слову сказать, забывая про 87-ю статью) и возлагаютъ, главнымъ образомъ, свои надежды. „Рѣчь", какъ мы говорили, увѣрена, что эта равнодѣйствующая опредѣлилась путемъ ряда „поправокъ и передѣлокъ, постепенно приближавшихъ будущій комиссіонный законопроектъ къ ка-детскому". Въ дѣйствительности, — и въ этомъ не трудно убѣдиться—націоналисты и октябристы приспособляли свои проекты не къ ка-детскому, а къ министерскому, *раньше* (подчеркнемъ и мы это слово), чѣмъ послѣдній былъ опубликованъ. Для того, чтобы примирить цензуру, возстановленіемъ которой озабочено правительство, съ техническимъ прогрессомъ, плоды котораго всѣмъ, конечно, хотѣлось бы сохранить, предсѣдатель думской коммиссіи о печати, націоналистъ Шульгинъ, предложилъ такую, будто бы „австрійскую", систему:

Первые два экземпляра каждаго номера повременнаго изданія, немедленно послѣ того, какъ означенные экземпляры вышли изъ подъ печатнаго станка, представляются владѣльцемъ заведенія для тисненія или управляющимъ онымъ мѣстному установленію или должностному лицу по дѣламъ печати... Посему означеннымъ должностнымъ лицамъ должны быть владѣльцами типографій предоставлены во всякое время безпрепятственный входъ въ типографію и свободный доступъ къ печатному станку.

Для большей точности г. Шульгинъ снабдилъ эту статью своего проекта еще такимъ примѣчаніемъ:

Если должностное лицо находится въ типографіи во время начала печатанія, то означенные въ сей статьѣ два экземпляра повременного изданія вручаются ему непосредственно.

Примирить цензуру съ техникой, оказывается, совсѣмъ не трудно,—нужно только узаконить тотъ произволъ, который уже не разъ практиковался по отношенію къ „лѣвымъ листкамъ" и, въ частности, въ послѣднее время къ соціалъ-демократическимъ газетамъ. Къ началу печатанія номера въ типографію является „должностное лицо" вмѣстѣ съ полиціей; какъ только машина начнетъ давать оттиски, должностное лицо получаетъ установленное число экземпляровъ и немедленно дѣлаетъ распоряженіе о конфискаціи всего изданія; полиція останавливаетъ машину, ломаетъ стереотипы, разсыпаетъ наборъ и, произведя этотъ погромъ, во главѣ съ „должностнымъ лицомъ" преспокойно удаляется изъ типографіи. Это называется: задержать номеръ въ машинѣ. Техническій прогрессъ при этомъ нисколько не страдаетъ...

По отношенію къ неповременной печати, въ которой „техника" играетъ меньшую роль, г. Шульгинъ считаетъ вполнѣ допусти-

мыми контрольные сроки. Онъ проектируетъ ихъ отъ 2 до 7 дней, очевидно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы должностныя лица имѣли „время и возможность“, не торопясь и съ комфортомъ, попивая чаекъ и отрываясь время отъ времени для пріятной бесѣды съ сослуживцами, читать литературныя произведенія. А другіе читатели и подождутъ,—не велика важность...

Въ принципѣ ничего не имѣютъ противъ возстановленія цензуры и октябристы. Въ своемъ проектѣ они предупредительно идутъ на встрѣчу этому пожеланію дворянскихъ и министерскихъ круговъ. Правда, на первый взглядъ, они дѣлаютъ совсѣмъ маленькій шагъ, проектируя только, чтобы „*первые* два экземпляра каждаго нумера повременнаго изданія *немедленно* послѣ ихъ изготовленія представлялись владѣльцемъ заведенія для тисненія или управляющимъ онымъ мѣстному установленію или должностному лицу по дѣламъ печати“. Легко понять, что стоитъ только къ этой статьѣ прибавить примѣчаніе, что должностныя лица имѣютъ право убѣждаться, дѣйствительно ли „первые“ экземпляры и дѣйствительно ли „немедленно“ представляются имъ,—и въ результатѣ получатся тѣ же набѣги и погромы, которые желаетъ узаконить г. Шульгинъ.

Во всякомъ случаѣ, и октябристы, которыми въ конечномъ счетѣ опредѣляется думская равнодѣйствующая, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы предоставить полиціи право первой читать газеты и журналы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и облегчить ей возможность задерживать цѣликомъ нежелательныя изданія.

Изъ сказаннаго ясно, куда направлена думская равнодѣйствующая „уже въ теперешнемъ ея видѣ“. „Судьбу маклаковскихъ предположеній“ она далеко не предрѣшаетъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ дальнѣйшемъ обѣ линіи—и думская и правительственная — по крайней мѣрѣ, по вопросу о „своевременной цензурѣ“ сойдутся... Возможно, что министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, кое-что уступитъ,—его проектъ вѣдь съ запросцемъ. Напримѣръ, контрольный срокъ въ 24 часа для рисунковъ, несомнѣнно, излишенъ: чтобы взглянуть на рисунокъ, столько времени совсѣмъ не требуется. Съ другой стороны, октябристы—народъ покладистый и сдѣлать побольше шагъ въ томъ направленіи, куда они и сами намѣревались идти, не откажутся. Если же непосредственно съ Думой сторговаться будетъ трудно, то есть вѣдь еще Госуд. Совѣтъ, который, конечно, поможетъ. Наконецъ, въ распоряженіи правительства имѣется 87-я статья, при помощи которой оно можетъ узаконить своевременную цензуру, нисколько не опасаясь, что встрѣтитъ потомъ рѣшительный отпоръ въ законодательныхъ палатахъ.

Господствующія въ этихъ палатахъ группы хорошо вѣдь понимаютъ, что правительство стремится обезпечить не только свои собственные устои, среди которыхъ общественная косность и на-

родное невѣжество занимаютъ главное мѣсто, но и ихъ сословные и классовые интересы. Эти группы могутъ, пожалуй, поторговаться съ бюрократіей насчетъ комфорта, какой она требуетъ для своихъ агентовъ, но ставить неопреодолимыя преграды на облюбованномъ ею пути онѣ, конечно, не станутъ...

III.

Система контрольныхъ сроковъ—далеко не единственная угроза, нависшая сейчасъ надъ печатью. Наряду съ этой цензурой, съ цензурой до распространенія, проектируется еще и цензура до напечатанія, которую уже никто иначе, какъ предварительной, назвать не сумѣетъ.

Въ настоящее время существуютъ три предварительныхъ цензуры: а) придворная—для извѣстій, касающихся Особъ Императорской Фамиліи; б) полицейская—для объявленій, и в) драматическая—для литературныхъ произведеній, предназначаемыхъ къ публичному исполненію. Формально эти цензуры не были отмѣнены,—по крайней мѣрѣ, такъ были истолкованы акты 1905 года контръ-революціонными кодификаторами. И фактически эти цензуры давно уже возстановлены, хотя администраціи послѣ „дней свободы“ немало пришлось похлопотать, прежде чѣмъ ей удалось возстановить въ этомъ отношеніи всю полноту своей власти.

Теперь дворяне предлагаютъ въ своемъ проектѣ предварительную цензуру объявленій, кромѣ медицинскихъ, отмѣнить, распространивъ на нихъ проектированныя ими „общія законоположенія о печати“. Вѣроятно, авторы дворянскаго проекта руководились въ этомъ случаѣ соображеніями двоякаго рода: съ одной стороны, при той роли, какую реклама уже играетъ въ торговопромышленной жизни, эта предварительная цензура замедляетъ темпъ торговопромышленнаго оборота, къ чему далеко не равнодушны правящіе классы; съ другой стороны, издатели, если на нихъ переложить отвѣтственность за печатаемыя ими объявленія, проявятъ по отношенію къ нимъ большую, пожалуй, осторожность, чѣмъ какую проявляетъ, какъ показалъ опытъ, безотвѣтственная полиція. Во всякомъ случаѣ, карательная цензура авторами проекта была признана, очевидно, достаточной гарантіей противъ нежелательныхъ съ дворянской точки зрѣнія явленій въ этой области.

Министерство въ своемъ проектѣ послѣдовало дворянскому совѣту, но проявило все-таки большую, чѣмъ дворяне, осторожность. Кромѣ медицинскихъ объявленій, оно считаетъ нужнымъ сохранить предварительную цензуру еще для афишъ и плакатовъ, а также для объявленій, предназначаемыхъ для раздачи въ публичныхъ мѣстахъ. Особенно его безпокоятъ „летучіе листки, безконтрольное распространеніе которыхъ, трудно преслѣдуемое, грозитъ опасностью—какъ объяснило „освѣдомленное лицо“ корреспонденту

„Новаго Времени“—съ точки зрѣнія развитія преступной агитаціи“. Конечно, не легко разсмотрѣть опасность отъ распространенія листковъ на счетъ какой-нибудь ваксы, но у страха глаза велики,— поэтому и осторожность, проявленная министерствомъ въ его проектѣ, вполнѣ понятна. А если бы не это, то ему проще было бы, пожалуй, совсѣмъ отказаться отъ предварительной цензуры объявленій, такъ какъ другія цѣли, которыми оно будто бы задается при этомъ, какъ давно уже показалъ опытъ, явно недостижимы, такъ какъ ни въ малой мѣрѣ эта цензура не оберегаетъ публику ни отъ спекулянтовъ, ни отъ шарлатановъ, ни даже отъ сводничества, каковымъ, при благосклонномъ попустительствѣ полиціи, усердно занимаются въ отдѣлѣ объявленій нѣкоторыя газеты, вродѣ „Новаго Времени“.

Объ отмѣнѣ придворной и драматической цензуръ ни въ одномъ проектѣ (за исключеніемъ к.-д.) нѣтъ, конечно, и рѣчи; напротивъ, ихъ предполагается упрочить и усилить. Мало того: проектируется учрежденіе еще кое-какихъ предварительныхъ цензуръ.

Такъ, министерство, въ строгомъ соотвѣтствіи съ предначертаніями дворянства, предполагаетъ возстановить духовную цензуру, которая прямо и опредѣленно была отмѣнена временными правами 24 ноября 1905 года. Крайне характерно, что навстрѣчу этому заданію крайняго праваго лагеря предупредительно пошли въ своихъ проектахъ не только націоналисты, но и октябристы, которые, какъ извѣстно, любятъ гарцовать на конькѣ свободы совѣсти. Конечно, октябристы сдѣлали пока небольшой шагъ: предварительной цензурѣ синода по ихъ проекту подлежатъ только „книги, предназначенныя для употребленія при православномъ богослуженіи, а также признанныя православною церковью вѣроучительными“. Министерство въ своемъ проектѣ идетъ, конечно, дальше: оно предполагаетъ распространить духовную цензуру также на „сочиненія и переводы, содержащіе изложеніе или изъясненіе догматовъ“, на „изображенія предметовъ, относящихся до вѣры, христіанскаго богослуженія и священной исторіи“, на „духовно-музыкальныя произведенія“ и такъ далѣе, вплоть до „христіанскихъ мѣсяцеслововъ“, а стало быть, и календарей, являющихся въ Россіи, какъ извѣстно, самыми распространенными изъ всѣхъ изданій. Разстояніе между октябристскимъ и министерскимъ проектами довольно большое, но направлены они въ одну сторону,—поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и по данному вопросу они въ концѣ концовъ сойдутся.

Болѣе сомнительной — по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ— представляется судьба другой предварительной цензуры, до учрежденія которой додумалось министерство. Даже передъ дворянами, когда они составляли свой проектъ, эта цензура преподносилась лишь въ смутномъ видѣ. Въ министерскомъ же проектѣ она выри-

сована во весь ростъ и въ совершенно законченныхъ очертаніяхъ. Правильнѣе всего ее будетъ назвать „канцелярскою“. Суть же ея такова: „не подлежатъ оглашенію въ печати“, подъ угрозою штрафа и ареста, а въ особо важныхъ случаяхъ—штрафа и заключенія въ тюрьмѣ, съ одной стороны, „все что происходило въ закрытыхъ для публики засѣданіяхъ законодательныхъ и иныхъ правительственныхъ установленій, совѣщаній или комиссій, — безъ предварительнаго разрѣшенія предсѣдательствовавшихъ въ засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій или комиссій“, а, съ другой стороны, „всякаго рода документы и свѣдѣнія, почерпнутые изъ секретныхъ переписокъ и дѣлъ, производящихся въ правительственныхъ или общественныхъ установленіяхъ“.

Не трудно прослѣдить, откуда появилась мысль объ этой цензурѣ, долженствующей ограждать „канцелярскую тайну“, т. е. дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій отъ гласности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ общественнаго контроля.

Едва ли не главную заслугу печати послѣ паденія общей предварительной цензуры составляетъ то, что она приподняла завѣсу, скрывавшую отъ народа русскую бюрократію. Картина при этомъ открылась такая, что, будь условія иныя, она сама по себѣ способна была бы вызвать революцію. Но настроеніе народа было слишкомъ подавлено, и разоблаченія печати на него не производили какъ будто никакого впечатлѣнія. Съ другой стороны, бюрократія, очутившись у всѣхъ на виду со своими язвами, казалось бы, должна была смутиться и съежиться. Но и этого не произошло: разоблаченія печати, можно сказать, были для нея то же, что горохъ стѣнѣ. Она приняла вызывающій видъ и не всегда даже удостоивала подать реплику: „такъ было, такъ будетъ“... Чувства возмущенія, съ одной стороны, и стыда, съ другой,—были какъ бы атрофированы. Самая работа печати при такихъ условіяхъ могла казаться совершенно безплодной. Но далеко не таковой, конечно, она была въ дѣйствительности.

Политическое самосознаніе народа, несомнѣнно, сдѣлало за это время большіе успѣхи, и накоплявшееся въ немъ чувство возмущенія уже начало прорываться. Припомните хотя бы откликъ на ленскую трагедію, которую, къ слову сказать, такъ легко было бы скрыть отъ широкихъ массъ при предварительной цензурѣ... Съ другой стороны, и бюрократія вовсе не была столь безчувственной, какой она представлялась. Разоблаченія печати ее сильно нервировали, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Стараясь уберечься отъ нихъ, она принимала всевозможныя, прежде всего, домашнія мѣры, чтобы канцелярская завѣса не приподнималась, чтобы служащіе не выносили сора изъ избы, чтобы они не сообщали печати свѣдѣній. Но всѣ предпринимавшіяся съ этою цѣлью мѣры оказывались малополезными: печать неизмѣнно оказывалась достаточно освѣдомленною. Вотъ и

сейчасъ: въ строгой тайнѣ министерство вырабатывало свой планъ похода противъ печати, и только что выработало, какъ мы уже знаемъ его со всѣми деталями и даже со всѣми мотивами. Конечно, не начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати передалъ „Рѣчи“ объяснительную записку къ законопроекту, — вѣдь даже „Новое Время“ ея не получило. Чтобы отыскать источники свѣдѣній, которыми пользуется печать, не разъ уже призывали на помощь охранку. Государственный секретарь, г. Крыжановскій, минувшей зимой спеціально занялся этимъ вопросомъ и кое-что придумалъ,—напримѣръ, воспретилъ служащимъ имѣть даже родныхъ и знакомыхъ среди людей, прикосновенныхъ къ міру печати. Но все напрасно...

Попыталась, далѣе, бюрократія создать казенную информацію въ противовѣсъ частной, но отъ этого толку было еще меньше. Бюллетени „Освѣдомительнаго бюро“, предупредительно разсылаемые въ газетныя редакціи, бросаются послѣдними почти цѣликомъ въ корзины, и даже телеграммы оффиціознаго агенства, за которыя газеты платятъ большія деньги, поскольку эти телеграммы относятся къ внутренней жизни, почти не печатаются. Пробовала бюрократія дѣйствовать опроверженіями — въ концѣ концовъ самъ предсѣдатель совѣта министровъ составилъ инструкцію, какъ писать ихъ,—но и опроверженіямъ давно уже никто не вѣритъ. Если ихъ печатаютъ, то только по обязанности, да иногда—ради курьеза.

Въ распоряженіи бюрократіи имѣются еще репрессіи, — и она широко ими пользуется. 1034-я статья, карающая за распространеніе „завѣдомо ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній“, успѣла сдѣлаться почти столь же популярной, какъ и 129-я статья, оберегающая существующій строй отъ опасныхъ для него „сужденій“. Но 1034-ая статья, предусматривающая распространеніе только „ложныхъ“ и притомъ еще „завѣдомо“ ложныхъ свѣдѣній, какъ ни ограничиваютъ суды право доказывать ихъ достовѣрность, во многихъ случаяхъ оказывается все-таки для бюрократіи несовсѣмъ удобной. Несравненно лучше губернаторское законодательство, позволяющее карать штрафомъ и арестомъ за распространеніе всякихъ „враждебныхъ правительству“ статей и извѣстій, хотя бы они „вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности“. Штрафы такъ и сыплются на печать, — чѣмъ дальше, тѣмъ чаще. И, можетъ быть, это средство оказалось бы достаточно дѣйствительнымъ, если бы газеты могли напередъ угадывать, какія изъ сообщаемыхъ ими извѣстій о дѣятельности правительственныхъ учрежденій будутъ признаны „возбуждающими въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе“. Теперь придумали, „какъ дѣломъ тѣмъ поправить“: нужно заранѣе признать таковыми всѣ публикуемыя безъ особаго разрѣшенія свѣдѣнія о томъ,

„что происходило въ закрытыхъ для публики засѣданіяхъ“, а равно и „всякаго рода документы и свѣдѣнія, почерпнутые изъ секретныхъ переписокъ и дѣлъ, производящихся въ правительственныхъ или общественныхъ установленіяхъ“... Въ этомъ проектѣ, несомнѣнно, есть логика; неизвѣстно только, какое чувство въ немъ сильнѣе сказалось: стыдъ за собственное безобразіе или страхъ передъ народнымъ возмущеніемъ...

Націоналисты и октябристы въ своихъ проектахъ совсѣмъ не предусмотрѣли этого желанія бюрократіи плотно закрыть двери, за которыми ею вершатся государственныя и вмѣстѣ съ ними всякія иныя дѣла и дѣлишки. Даже дворяне, какъ я уже сказалъ, хотя они и чувствовали, что надо что-то сдѣлать, не проявили въ этомъ направленіи надлежащей опредѣленности. Согласиться на „канцелярскую“ цензуру представителямъ нашихъ правящихъ классовъ, несомнѣнно, трудно: вѣдь это значитъ, что бюрократія уйдетъ и изъ-подъ ихъ контроля. Нѣтъ однако ничего мудренаго, что, подумавши, они все-таки выберутъ изъ двухъ золъ меньшее: лучше ужъ и имъ не знать, чѣмъ если всѣ будутъ знать, какъ бюрократія охраняетъ ихъ интересы...

Въ томъ, что „канцелярскою тайною“ бюрократія больше озабочена, чѣмъ классы, которымъ она служитъ и которыми вдохновляется, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго: помимо всего прочаго, она оберегаетъ въ данномъ случаѣ и свои собственные интересы. Поэтому-то министерскій проектъ и идетъ въ данномъ направленіи дальше даже дворянскаго, не говоря уже объ октябристскомъ. Отмѣчу еще одно очень существенное предположеніе, которое имѣется въ министерскомъ и котораго нѣтъ въ другихъ проектахъ.

Дѣйствующее законодательство предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка „воспрещать на опредѣленный срокъ сообщеніе въ повременныхъ изданіяхъ свѣдѣній о передвиженіи войскъ или морскихъ силъ и о средствахъ обороны“. Министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, не намѣренъ упустить случая расширить это свое право до неограниченныхъ размѣровъ и поэтому предлагаетъ въ своемъ проектѣ, чтобы ему было предоставлено „воспрещать на опредѣленный срокъ сообщеніе въ печати свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности России или вооруженныхъ силъ ея или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны“.

Что значитъ „опредѣленный срокъ“ въ этихъ случаяхъ, мы хорошо уже знаемъ: это срокъ — безконечный, время отъ времени лишь возобновляемый. Теперь его должны знать только повременныя изданія, живущія со дня на день, отъ мѣсяца къ мѣсяцу, а если министерскій проектъ пройдетъ, то его узнаютъ и книги, которымъ безъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній предстоитъ существовать долгіе годы. Главное же, всѣ мы тогда узнаемъ, что это такое

за свѣдѣнія, *касающіяся* внѣшней безопасности Россіи и т. д... До 1905 года въ цензурномъ уставѣ имѣлась пресловутая 140-я статья, въ которой было сказано:

Если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

Болѣе деликатное отношеніе закона къ правамъ печати, казалось бы, трудно себѣ и представить: „соображенія высшаго правительства", „вопросъ государственной важности", но и при этихъ условіяхъ о какомъ-либо „воспрещеніи" не было и рѣчи. А на дѣлѣ было вотъ что:

„...Воздержаться отъ обнародованія происшествія 13 марта (1898 г.) у подъѣзда Бель-Вю, гдѣ чиновникъ особыхъ порученій гр. Д. С. Татищевъ побилъ неизвѣстнаго человѣка".

„...Не помѣщать никакихъ репортерскихъ отчетовъ о концертѣ въ пользу Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, имѣющемъ состояться 15 января (1900 г.) въ залѣ Воспитательнаго Дома".

„...Ничего не сообщать объ усыновленіи Романова Игнатьевой".

„...Не печатать указаній на такъ называемыхъ „фаворитовъ", т. е. лошадей, имѣющихъ наибольшіе шансы на выигрышъ призовъ" [1]).

Таковы были приказы, которые на основаніи 140 ст. главное управленіе по дѣламъ печати разсылало по редакціямъ. Таковы были „вопросы государственной важности", которые были изъяты изъ оглашенія и обсужденія печати... Послѣ этого не трудно себѣ представить, какія свѣдѣнія министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ признать „касающимися" внѣшней безопасности Россіи и вооруженныхъ силъ ея. Взять, напримѣръ, дѣло Долматова, которое разсматривалось недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ и отчетамъ по которому петербургскія газеты удѣлили немало мѣста. Конечно, это дѣло не трудно признать касающимся нашей внѣшней безопасности,—ну, хотя бы потому, что убійца служилъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, которое стоитъ на стражѣ этой безопасности. А если, не приведи Богъ, чей-либо адъютантъ побьетъ неизвѣстнаго человѣка у подъѣзда Бель-Вю, то это будетъ „касаться" нашихъ вооруженныхъ силъ... Но важно, конечно, не только то, что печать можетъ оказаться лишенной возможности оглашать и обсуждать отдѣльные дѣла и инциденты,—такъ же, какъ и прежде, не то вѣдь только было важно, что печать вынуждена была молчать о безобразіи, учиненномъ гр. Татищевымъ или о преступленіи, совершенномъ графинейນиродъ. На томъ же основаніи и съ еще большимъ правомъ могутъ быть изъяты изъ освѣщенія

[1]) Беру эти примѣры изъ книги: „Въ защиту слова"; 4-е изд. СПБ., 1906 г., стр. 149.

и обсужденія печати цѣлыя области народной жизни, напримѣръ, народное образованіе или желѣзнодорожное хозяйство, которыя, конечно, имѣютъ касательство до внѣшней безопасности. На томъ же основаніи и съ неменьшимъ правомъ могутъ быть скрываемы отъ общества массовыя движенія, напримѣръ, рабочія стачки, аграрныя волненія и т. д., а также и народныя бѣдствія, какъ голодъ или безработица; все вѣдь это не трудно поставить въ связь съ внѣшнею безопасностью. Я не говорю уже о такихъ явленіяхъ, какъ мздоимство, лихоимство, хищенія,—въ частности интендантскія. Кто же рѣшится сказать, что они не „касаются" внѣшней безопасности и вооруженныхъ силъ страны?

Возстановить, хотя бы и подъ другимъ флагомъ, 140-ю статью— такова, несомнѣнно, задача, которую поставило себѣ въ данномъ случаѣ министерство. Этого одного, въ сущности, было бы вполнѣ достаточно, чтобы открыть полный просторъ въ сферѣ печати административному усмотрѣнію. Но проектируется, какъ мы видѣли, сохранить и учредить цѣлый рядъ еще и другихъ предварительныхъ цензуръ: придворную, драматическую, полицейскую, духовную, канцелярскую... Въ общемъ, разрѣшеній и запретовъ, съ которыми должна будетъ считаться печать (и которые я далеко не всѣ отмѣтилъ), проектируется такъ много, что режимъ предварительной цензуры, если эти проекты осуществятся, можно будетъ считать вполнѣ возстановленнымъ...

IV.

Но и это прожектерамъ кажется недостаточнымъ. Оглядываясь въ прошлое, они ясно видятъ, что старый режимъ оказался безсильнымъ предупредить бурю. „Во второй половинѣ минувшаго вѣка—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ — въ возникшемъ среди нѣкоторыхъ слоевъ населенія броженіи печать заняла вліятельное мѣсто въ качествѣ проводника идей и домогательствъ, которыми это броженіе поддерживалось". Само собой понятно, что мѣры предосторожности тогда же были усилены и „полномочія исполнительной власти въ предупрежденіи и пресѣченіи посягательствъ на существующій строй посредствомъ печатнаго слова" были немедленно расширены. Однако буря все-таки разразилась и притомъ такая, что „существующій строй" еле удалось спасти отъ крушенія. Виновата въ этой бурѣ, по мнѣнію правительства, была главнымъ образомъ, если не исключительно, опять-таки печать, которая преслѣдовала революціонныя цѣли, „подстрекая къ неповиновенію законнымъ властямъ и потворствуя разрушительнымъ стремленіямъ разнузданной толпы".

„Печатный станокъ—говорится въ „Объяснительной запискѣ"—сдѣлался средствомъ для возбужденія населенія къ ниспроверженію государственнаго порядка, соціальныхъ отношеній, частной собственности, церкви, общепри-

нятыхъ понятій нравственности и вообще всякихъ устоевъ, на которыхъ зиждется общественный строй".

Временными правилами 1905 и 1906 гг. правительство, дѣлая видъ, что оно „даруетъ дѣйствительную свободу слова", нѣсколько обуздало печать. Но этого оказалось недостаточно, въ особенности „въ періоды производства выборовъ, когда враждебная существующему государственному и общественному строю партійная печать широко развила революціонную агитацію, стремясь подорвать уваженіе къ закону и власти".

„Оберегая порядокъ и безопасность правительство нашло настоятельнымъ принять рѣшительныя мѣры къ пресѣченію завѣдомо преступныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ, использовавъ для этого полномочія, принадлежащія мѣстнымъ властямъ на основаніи усиленной и чрезвычайной охраны".

Теперь предстоитъ вмѣсто этихъ временныхъ и исключительныхъ мѣръ ввести „нормальный", постоянный законъ. Но это не значитъ, конечно, что достаточно возстановить по отношенію къ печати прежній, до-революціонный режимъ. Возстановляя, его нужно, во 1-хъ, обновить, какъ обновленъ весь государственный строй, который имѣетъ новую внѣшность, сохраняя старую сущность, и во 2-хъ, что еще важнѣе, усовершенствовать, какъ усовершенствованъ весь государственный порядокъ, въ которомъ стало нѣсколько меньше опеки и несравненно больше произвола.

До извѣстной степени то и другое уже осуществлено только что упомянутыми временными и исключительными мѣрами и теперь нужно только укрѣпить сдѣланное. Но произведенныя наспѣхъ передѣлки въ законодательствѣ о печати въ нѣкоторыхъ случаяхъ не вполнѣ гармонируютъ съ общимъ характеромъ, какой долженъ получить реставрируемый режимъ послѣ окончательной отдѣлки.

Таковъ, напримѣръ, явочный порядокъ возникновенія періодическихъ изданій, сгоряча введенный въ 1905 г. Но отказаться отъ него ни одинъ проектъ не хочетъ, — это значило бы, вѣдь, отказаться отъ того, что только и въ состояніи придать новую внѣшность старой сущности. Октябристы въ своемъ проектѣ предлагаютъ даже распространить явочный порядокъ, кромѣ городовъ, для которыхъ онъ былъ установленъ въ 1905 г., еще на селенія,— однако не на всѣ, а только съ населеніемъ свыше 10 тысячъ, сохранивъ для остальныхъ попрежнему порядокъ разрѣшительный. Это, конечно, былъ бы совсѣмъ малюсенькій шагъ, но важна вѣдь видимость: все-таки люди идутъ какъ будто къ свободѣ. Но дворяне, а согласно съ ихъ предначертаніями и правительство, считаютъ за лучшее явочный порядокъ все-таки ограничить. По министерскому проекту его предполагается отмѣнить даже для уѣздныхъ городовъ, „гдѣ особыхъ органовъ по надзору за печатью не установлено". Такихъ городовъ — громадное большинство. Стало

быть, правительство намѣрено сдѣлать шагъ несравненно больше, чѣмъ октябристы, и прямо въ противоположную сторону. Но вѣдь въ его разсчеты и не входитъ кого-то обманывать, будто оно стремится къ свободѣ. Для видимости же. съ его точки зрѣнія, вполнѣ достаточно, что „свобода“ въ Россіи все-таки останется, хотя бы только въ мѣстахъ, особо для сего предназначенныхъ, хотя бы только „поднадзорная“.

Но если явочный порядокъ неудобно совсѣмъ отмѣнить, такъ его можно и даже необходимо усовершенствовать.

Нѣкоторый коррективъ къ нему былъ введенъ уже временными правилами: для того, чтобы повременное изданіе могло явиться, нужно, чтобы при немъ состоялъ человѣкъ, обладающій цензомъ. Цензъ тогда былъ назначенъ, повидимому, случайно, — его взяли изъ положенія о выборахъ въ Государственную Думу по никогда не дѣйствовавшему закону 6 августа 1905 г.,—но онъ оказался необычайно удачнымъ. Послѣ сенатскаго разъясненія по дѣлу Водовозова обнаружилось, что этого ценза очень легко лишить почти каждаго неугоднаго администраціи человѣка, тѣмъ болѣе литератора: нужно только, чтобы онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по какой-либо уголовной статьѣ, грозящей лишеніемъ правъ,—напр., по 129,—и не былъ потомъ судомъ оправданъ. Суду незачѣмъ даже лишать его правъ: всѣхъ политическихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторскаго ценза, его уже лишили тѣ, которые его привлекли къ слѣдствію, хотя бы это были жандармы. Тѣхъ же политическихъ правъ, а стало быть и ценза, можетъ лишить духовное начальство, лишивъ духовнаго сана или званія; могутъ лишить дворянскія собранія и сословныя общества, исключивъ изъ своей среды... При такомъ коррективѣ явочный порядокъ, сохраняя свою внѣшность, по существу замѣтно приблизился къ разрѣшительному: кругъ лицъ, которыя могутъ воспользоваться явочнымъ порядкомъ, напередъ ограниченъ, а главное—администрація имѣетъ возможность всякаго рода неугоднаго ей человѣка исключить изъ числа этихъ лицъ, лишивъ его „моральнаго“, какъ выражаются дворяне въ своемъ проектѣ, ценза.

Этотъ коррективъ, на-скоро придуманный въ 1905 году, столь понравился, что объединенное дворянство, а вслѣдъ за нимъ, конечно, и министерство предлагаютъ отнынѣ примѣнять его даже при разрѣшительномъ порядкѣ, какой установленъ теперь и предполагается сохранить въ будущемъ для открытія типографій, книжныхъ магазиновъ, библіотекъ и читаленъ. Казалось бы, никакой надобности въ этомъ нѣтъ: разрѣшая или не разрѣшая открытіе какого-либо изъ этихъ заведеній, администрація можетъ руководиться какими-угодно соображеніями, и узаконенный коррективъ можетъ только стѣснить ее. Но, очевидно, по отношенію къ такимъ опаснымъ заведеніямъ, какъ типографіи, книжные магазины и би-

бліотеки, даже разрѣшительную систему представляется цѣлесообразнымъ ограничить. Это, съ одной стороны, предупредитъ возможность недостаточно осмотрительныхъ со стороны губернаторовъ разрѣшеній, а съ другой — и это главное, конечно, — затруднитъ возникновеніе подобныхъ нежелательныхъ заведеній. Да и закрывать ихъ, пользуясь узаконеннымъ коррективомъ, будетъ легче.

Но, какъ ни хорошъ этотъ коррективъ, по отношенію къ повременнымъ изданіямъ онъ оказался явно недостаточнымъ: нежелательные для администраціи газеты и журналы продолжаютъ появляться. Только что она привлечетъ или посадитъ одного редактора, какъ немедленно является другое лицо и заявляетъ, что оно беретъ на себя отвѣтственность за изданіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ проектѣ удѣлило этому нежелательному явленію особое вниманіе и, чтобы предупредить его, придумало цѣлый рядъ мѣръ.

Задача, стоявшая передъ нимъ, была ясна: нужно прежде всего, во что бы то ни стало, сузить кругъ лицъ, имѣющихъ право пользоваться явочнымъ порядкомъ. Въ этихъ видахъ министерство намѣрено, въ дополненіе къ „моральному“ цензу, установить и другіе: во-первыхъ—образовательный (отвѣтственное за изданіе лицо должно окончить учебное заведеніе не ниже средняго), во-вторыхъ—цензъ осѣдлости (это лицо должно имѣть постоянное пребываніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изданіе). Главное же, слѣдуя дворянскому совѣту, поддержанному и націоналистами, министерство проектируетъ сдѣлать отвѣтственнымъ за изданіе, а стало быть, и обязаннымъ имѣть установленный и проектируемые цензы, не редактора, какъ теперь, а издателя, обусловивъ при этомъ, что таковымъ „по общему правилу является собственникъ изданія“. Быть собственникомъ журнала и тѣмъ болѣе газеты въ наше время можетъ быть только богатое лицо. Такимъ образомъ проектируемая мѣра устанавливаетъ, въ дополненіе ко всѣмъ прочимъ, еще высокій имущественный цензъ. Этимъ кругъ лицъ, имѣющихъ право пользоваться явочнымъ порядкомъ, сразу ограничивается очень тѣсными предѣлами и притомъ такими, въ которыхъ нежелательные для администраціи люди встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Обязанность для каждаго повременнаго изданія имѣть въ качествѣ отвѣтственнаго лица не редактора, а издателя-собственника, можетъ имѣть и другія въ высшей степени важныя послѣдствія, которыя, несомнѣнно, учло министерство.

Прежде всего, перемѣнить издателя-собственника не такъ легко, какъ подать заявленіе о новомъ редакторѣ. Поэтому, если издатель лишится или будетъ лишенъ одного изъ своихъ цензовъ (напр., если его вышлютъ административнымъ порядкомъ изъ даннаго города), то это можетъ быть равносильно прекращенію изданія. На это, конечно, и разсчитываетъ министерство.

Далѣе, въ лицѣ издателя-собственника оно получаетъ наиболѣе

чувствительный объектъ для тѣхъ бичей и скорпіоновъ, которые въ удвоенномъ и даже въ утроенномъ количествѣ, какъ увидимъ дальше, имъ припасаются для печати. До сихъ поръ сыпавшіяся на послѣднюю кары плохо достигали своей цѣли между прочимъ потому, что въ ней дѣйствуютъ идейные люди, которые не жалѣютъ своей шкуры. „Нѣкоторые дѣятели печати,—объяснило „освѣдомленное лицо",—учитывая фактическую запоздалость репрессіи и сознательно идя на ожидающую ихъ кару, обнародовываютъ нужныя имъ сообщенія завѣдомо противозаконнаго и противоправительственнаго содержанія". Издатель-собственникъ — нерѣдко равнодушный, а иногда и чуждый идейной сторонѣ изданія, предпринявшій его, главнымъ образомъ, ради дохода, который оно можетъ дать,—сберегая свою шкуру и деньги, волей-неволей сдѣлается его цензоромъ. И это, конечно, входитъ въ планы министерства.

Наконецъ, проектируемая имъ мѣра можетъ имѣть и еще крайне важное значеніе. Собственность, поскольку таковой являются повременныя изданія, обезцѣнится и сдѣлается еще менѣе обезпеченной, чѣмъ даже въ настоящее время. Продать газету или журналъ будетъ крайне трудно, такъ какъ кругъ возможныхъ покупателей донельзя будетъ ограниченъ всякими цензами и связанной съ такою покупкой отвѣтственностью. Въ случаѣ смерти издателя-собственника, его наслѣдникъ не имѣетъ права продолжать его дѣло, если онъ не имѣетъ какого-либо изъ цензовъ, и можетъ поэтому лишиться наслѣдства. Да, и помимо этого, немало можно предвидѣть случаевъ, когда вложенный въ періодическое изданіе капиталъ нельзя будетъ ликвидировать и онъ погибнетъ. Само собой понятно, что это можетъ сильно уменьшить приливъ капиталовъ въ эту отрасль промышленности и повести къ значительному сокращенію числа періодическихъ изданій. Но и противъ этого министерство, очевидно, ничего не имѣетъ. Поскольку же дѣло касается лѣвыхъ изданій, оно къ этому, несомнѣнно, и стремится.

Но совсѣмъ убить лѣвую печать, чего оно хотѣло бы, ему, конечно, не удастся. Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ,—не такъ страшенъ уже потому, что такого черта нѣтъ въ дѣйствительности. Не такъ страшны и мѣры, придуманныя министерствомъ, какъ онѣ могутъ показаться на первый взглядъ,—не такъ страшны уже потому, что ихъ далеко не всегда можно осуществить на дѣлѣ.

Отвѣтственнымъ издателемъ, какъ мы видѣли, собственникъ является въ проектѣ лишь „по общему правилу". Устанавливая это правило, министерство понимало неизбѣжность исключеній изъ него и нѣкоторыя изъ нихъ оговорило. Одно изъ этихъ исключеній, въ случаѣ осуществленія проекта, почти навѣрное сдѣлается общимъ правиломъ, а проектированное общее правило станетъ исключеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ: собственникомъ повременнаго изданія можетъ вѣдь быть юридическое лицо—какое-либо учрежденіе, акціонерное общество, промышленное товарищество,—которое не можетъ подлежать уголовной отвѣтственности. Этотъ случай предусмотрѣнъ въ министерскомъ проектѣ и для него установлено исключеніе.

Если собственниками повременнаго изданія,—говорится въ проектѣ,—являются учрежденія, общества, товарищества и т. п., или вообще группы лицъ, то ими должно быть указано, кто именно изъ ихъ состава является отвѣтственнымъ издателемъ.

Но это уже даетъ возможность дѣйствительному собственнику изданія, даже единоличному, отклонить отъ себя направленное противъ него остріе. Для этого ему нужно только взять себѣ въ компанію лицо, которое согласно принять на себя отвѣтственность за изданіе. И не трудно предвидѣть, что если проектъ министерства въ этой своей части осуществится, то очень скоро вслѣдъ за тѣмъ окажется, что всѣ почти политическіе газеты и журналы издаются „группами лицъ“, т. е. акціонерными компаніями или товариществами, хотя бы изъ двухъ человѣкъ — дѣйствительнаго собственника, желающаго получать доходы, и собственника фиктивнаго, согласившагося получать бичи и скорпіоны. Проще говоря, появятся подставные издатели, какъ теперь имѣются подставные редакторы.

Чтобы избѣжать подставныхъ лицъ, наличность которыхъ, несомнѣнно, принижаетъ достоинство печатнаго слова, необходимо идти въ сторону, прямо противоположную той, въ какую все время стремится русское правительство. Прежде всего нельзя лишать кого-либо права быть редакторомъ или издателемъ (за исключеніемъ, конечно, лицъ, не обладающихъ общею гражданскою правоспособностью),—тѣмъ болѣе нельзя это право дѣлать привилегіей ограниченнаго круга людей. Не рѣдко вѣдь къ услугамъ подставныхъ лицъ обращаются не потому, что стоящіе во главѣ повременныхъ изданій люди желаютъ уклониться отъ отвѣтственности, а только потому, что они лишены уже права быть редакторами. И сколько дѣятелей печати находится въ этомъ положеніи! Мы могли бы назвать цѣлый рядъ фактическихъ редакторовъ, безъ которыхъ современная печать обойтись не можетъ и которые уже лишены этого права... Нужно, далѣе, чтобы каждый отвѣчалъ только за то, что имъ сдѣлано, а не за то, что сдѣлали другіе. Между тѣмъ министерство какъ разъ желаетъ, чтобы издатели отвѣчали за то, что сдѣлано писателями и редакторами и чего они сами, по общему правилу, совсѣмъ не касаются. Само собой понятно, что стремленіе уклониться отъ отвѣтственности будетъ у издателей еще сильнѣе, чѣмъ у редакторовъ — поэтому замѣнять себя подставными лицами они будутъ, вѣроятно, еще чаще и угрызеній совѣсти при этомъ будутъ испытывать еще меньше... Необ-

ходимо, далѣе, чтобы уголовное законодательство по дѣламъ печати, хотя въ малой мѣрѣ, отвѣчало народному правосознанію, а не шло въ разрѣзъ съ нимъ, чтобы дѣятелей печати не карали за то, въ чемъ общественная совѣсть вины не видитъ и что она иногда вмѣняетъ имъ даже въ заслугу. Да и судить ихъ нужно судомъ общественной совѣсти, а не судомъ Пилата... Пусть для русской печати будутъ обезпечены эти условія, и подставныя лица во главѣ повременныхъ изданій, быть можетъ, сразу исчезнутъ или будутъ встрѣчаться такъ рѣдко, что придумывать особыя мѣры для предупрежденія этого явленія совсѣмъ не понадобится. Вообще вѣдь честь и достоинство скорѣе всего можно найти въ свободѣ и правѣ; насиліе же и произволъ неизбѣжно приводятъ къ увերткамъ и обману.

Предвидя появленіе подставныхъ издателей и считая даже это явленіе неизбѣжнымъ, я вовсе не хочу сказать, что такимъ путемъ можно обойти всѣ отягченія, которыми министерскій проектъ въ этой своей части грозитъ повременной печати. Хорошо, если удастся обойти самое остріе ихъ, да и это, какъ всякій обходъ, будетъ сопряжено съ большими затрудненіями. Вообще же послѣднихъ будетъ очень много. Къ тому, что уже сказано, нужно прибавить, что перенесеніе отвѣтственности на издателя-собственника дастъ администраціи поводъ вмѣшиваться даже въ имущественныя отношенія дѣятелей печати, чего она до сихъ поръ обыкновенно не касалась. Необходимо также отмѣтить, что требованіе образовательнаго ценза отъ отвѣтственныхъ лицъ можетъ совсѣмъ убить рабочую прессу. Послѣдняя легче, чѣмъ всякая другая печать, находила людей, которые готовы были взять на себя отвѣтственность за нее, но она находила ихъ, конечно, не среди образованнаго общества. Нависшая надъ рабочей прессой угроза представляется тѣмъ болѣе опасной, что требованіе образовательнаго ценза скорѣе, чѣмъ всякое другое, можетъ быть поддержано союзниками правительства, даже самыми просвѣщенными, какъ октябристы. „Печать вѣдь,—говорило освѣдомленное въ мотивахъ министерства лицо, — иногда называютъ школой политическаго воспитанія народа и просвѣтительной кафедрой“. Какъ не соблазниться такимъ доводомъ? Какъ не порадѣть о народномъ просвѣщеніи, если представляется такой случай? И, пожалуй, порадѣютъ...

V.

Временными и исключительными мѣрами въ правовомъ положеніи русской печати была произведена еще одна передѣлка, которая пришлась несравненно больше по вкусу нашимъ правящимъ классамъ, чѣмъ явочный порядокъ. О томъ, чтобы ее упразднить и вернуться къ старому режиму, никто даже не заикается; всѣ согласны, что сдѣланное обновленіе нужно закрѣпить постояннымъ

закономъ и если расходятся то только въ томъ, на сколько сдѣланое уже нужно усовершенствовать.

Временныя правила „возстановили—говорится въ „Объяснительной запискѣ“ министра—судебную отвѣтственность за учиняемыя посредствомъ печатнаго слова преступныя дѣянія, причемъ органамъ надзора за печатью предоставлено право въ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ налагать предварительный арестъ на отдѣльные номера, книги и прочія печатныя произведенія“. Такова сущность произведенной передѣлки. Хотя она была произведена наспѣхъ, но отнюдь не въ ущербъ „существующему строю“. На всю печать были распространены имѣвшіяся уже въ уголовномъ кодексѣ статьи,—крайне расплывчатыя по ихъ редакціи и невѣроятно жестокія по данной имъ санкціи,—статьи, которыя при старомъ порядкѣ, когда не было и рѣчи о какой-либо свободѣ слова, предназначались для борьбы съ подпольною печатью. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уголовные законы былъ включенъ еще цѣлый рядъ статей. предусмотрѣвшихъ новыя „злоупотребленія“ и „преступленія“ печати и назначившихъ за нихъ почти столь же жестокія кары. Судъ по дѣламъ печати, конечно, былъ сохраненъ исключительный; а правила судопроизводства были измѣнены въ сторону уменьшенія по дѣламъ печати даже тѣхъ небольшихъ гарантій, какія предоставлены обвиняемымъ въ общихъ преступленіяхъ. Такъ было установлена „отвѣтственность“ печати.

Затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, она была усовершенствована: были приняты „рѣшительныя мѣры къ пресѣченію завѣдомо преступныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ“ и въ этихъ видахъ были „использованы полномочія, принадлежащія мѣстнымъ властямъ на основаніи усиленной и чрезвычайной охраны“. Появились новые уголовные кодексы для печати, губернаторскіе и генералъ-губернаторскіе, а отвѣтственность по нимъ была установлена уже не судебная, а административная.

Теперь какъ будто есть мысль, усовершенствовавъ судебную отвѣтственность, вовсе отказаться отъ административной. Октябристы въ своемъ проектѣ прямо пишутъ: „отвѣтственность за преступныя дѣянія, совершаемыя посредствомъ печатнаго слова... опредѣляется не иначе, какъ по приговору суда“. Даже въ министерскомъ проектѣ мы имѣемъ такую статью:

Отвѣтственность за совершаемыя посредствомъ печати преступныя дѣянія и нарушенія правилъ сего устава опредѣляется въ судебномъ порядкѣ на основаніи общихъ законовъ.

Здѣсь нѣтъ октябристскихъ словъ „не иначе, какъ“, но, по словамъ „освѣдомленнаго лица“, министерство исходило при составленіи своего проекта и изъ такого между прочимъ „основного начала“: „борьба съ преступленіями, совершаемыми при посредствѣ печатнаго слова, должна вестись исключительно при помощи

судебныхъ репрессій, вслѣдствіе чего не должны примѣняться взысканія, налагаемыя въ административномъ порядкѣ".

Заявленіе совершенно опредѣленное: стало быть, административныхъ бичей больше не будетъ, останутся только судебные скорпіоны... Можно ли однако этому повѣрить? Вѣдь вотъ и во временныхъ правилахъ 24 ноября 1905 года были даны не менѣе опредѣленныя завѣренія. Въ нихъ было сказано:

Постановленія объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыя на повременныя изданія,—отмѣнить.

Отвѣтственность за преступныя дѣянія, учиненныя посредствомъ печати въ повременныхъ изданіяхъ, опредѣлять въ порядкѣ судебномъ.

И это было сказано не въ частной бесѣдѣ какимъ-то „освѣдомленнымъ лицомъ", а въ именномъ Высочайшемъ указѣ. Однако это не помѣшало правительству вслѣдъ за тѣмъ принять „рѣшительныя мѣры" и на основаніи исключительныхъ положеній ввести административную расправу.

Не помѣшаетъ, пожалуй, и впредь. Націоналисты, которые обыкновенно хорошо знаютъ, куда дуютъ господствующіе вѣтры, въ своемъ проектѣ прямо пишутъ:

Особыя относительно печати постановленія, дѣйствующія нынѣ или могущія быть установленными впредь на время войны, военной опасности или внутреннихъ безпорядковъ, будутъ имѣть силу и по изданіи сего устава.

Бюрократія, болѣе осторожная, сочла за лучшее объ этомъ щекотливомъ предметѣ въ своемъ проектѣ умолчать, но это не значитъ, конечно, что она отказывается отъ правъ, предоставляемыхъ ей исключительными положеніями. Что касается включенной ею въ проектъ статьи о судебной отвѣтственности, то она, конечно, нисколько не помѣшаетъ и впредь, какъ не мѣшала и раньше, подъ предлогомъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ широко пользоваться административною расправой. Да и можно ли, въ самомъ дѣлѣ, мечтать, что правительство по собственной иниціативѣ откажется отъ этой расправы въ то самое время, когда она имъ пускается въ ходъ чаще, чѣмъ когда-либо раньше?

Если намѣреніе правительства обойти въ своемъ проектѣ вопросъ объ исключительныхъ положеніяхъ обратитъ даже на себя надлежащее вниманіе, то и въ такомъ случаѣ едва ли оно встрѣтитъ сколько-нибудь замѣтный отпоръ. Вѣдь и октябристы противъ этихъ положеній и, въ частности, противъ „обязательныхъ постановленій, изданныхъ на основаніи 13 статьи Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія" не возражаютъ, и весь максимумъ, какой мы имѣемъ съ ихъ стороны, сводится къ тому, чтобы кары, на основаніи тѣхъ законовъ, какіе издали и издадутъ губернаторы, налагались на печать не ими самими, а судами.

Такимъ образомъ, не смотря на вполнѣ опредѣленныя, казалось бы, заявленія, надежды на то, что мы избавимся отъ административной отвѣтственности очень мало,—правильнѣе сказать, совсѣмъ нѣтъ. Зато судебная наша отвѣтственность можетъ быть очень сильно усовершенствована.

Октябристы, съ своей стороны, будучи вполнѣ довольны нынѣшнею, предлагаютъ лишь небольшія нововведенія въ ней, и на нихъ не стоитъ даже останавливаться. Болѣе серьезное усовершенствованіе проектируютъ націоналисты: они предлагаютъ совсѣмъ устранить общественный элементъ, даже въ лицѣ сословныхъ представителей, изъ суда по дѣламъ печати. Эти дѣла, по ихъ проекту, должны разсматриваться судебными палатами въ составѣ лишь назначенныхъ судей. Но предлагая приблизить судъ къ административной расправѣ, націоналисты имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, „объективный вредъ", какой можетъ принести произведеніе печати. Если же послѣднее, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, такого вреда не причинило, т. е. „если арестъ достигъ своей цѣли, т. е. всѣ экземпляры арестованнаго произведенія печати дѣйствительно были отобраны, то дѣйствія всѣхъ лицъ, противъ которыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, разсматриваются—по проекту націоналистовъ—какъ приготовленіе къ совершенію преступленія", а приготовленіе, какъ извѣстно, у насъ наказывается лишь въ особо указанныхъ въ законѣ случаяхъ.

Однако правительство къ такой поблажкѣ „злой волѣ" совсѣмъ не склонно. Поэтому, проектируя всевозможныя мѣры, чтобы предупредить „объективный вредъ", какой можетъ принести печатное произведеніе, оно не меньшее вниманіе посвятило и вопросу о „субъективной виновности", какую проявляютъ дѣятели печати. Дабы эта виновность получала надлежащее возмездіе, министерство проектируетъ цѣлый рядъ измѣненій и дополненій, какъ въ уголовныхъ уложеніяхъ, такъ и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. „Карательныя" приложенія занимаютъ въ министерскомъ трудѣ почти столько же мѣста, какъ и весь его „проектъ устава о печати". Излагать ихъ всѣ было бы утомительно. Поэтому я отмѣчу лишь главныя направленія, въ которыхъ поработала министерская изобрѣтательность.

Прежде всего, слѣдуя, какъ и въ другихъ случаяхъ, дворянскимъ указаніямъ, министерство отнесло къ числу преступныхъ цѣлый рядъ дѣяній, не считавшихся доселѣ таковыми, и установило за нихъ соотвѣтствующія кары. Къ слову сказать, къ числу преступныхъ оно отнесло при этомъ и такія дѣянія, въ которыхъ завѣдомо нѣтъ „субъективной виновности". Напримѣръ, въ настоящее время распространеніе ложныхъ слуховъ карается между прочимъ, если оно „учинено съ цѣлью подорвать довѣріе къ государственному кредиту"; министерство же проектируетъ карать

за распространеніе подобныхъ слуховъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда такой цѣли совсѣмъ не было.

Далѣе, министерство за цѣлый рядъ дѣяній, которыя уже отнесены въ дѣйствующемъ законѣ къ числу преступныхъ, предполагаетъ повысить наказаніе. Напримѣръ, за продажу печатнаго станка или приспособленій къ нему безъ надлежащаго разрѣшенія, нынѣ установленъ штрафъ до 100 р., министерство проектируетъ—до 300 руб. Или: за торговлю въ разносъ произведеніями тисненія безъ разрѣшенія губернатора, по дѣйствующему закону назначенъ штрафъ до 25 р., по министерскому проекту—до 100 руб., и т. д.

Главное же, министерство проектируетъ новую систему каръ, заимствованную имъ, несомнѣнно, изъ губернаторской и генералъ-губернаторской практики, а именно систему штрафовъ, до 3 тысячъ рублей, каковыми судъ обязанъ будетъ облагать издателей, а во многихъ случаяхъ и другихъ виновныхъ, наряду съ тѣми карами, какія уже предусмотрѣны въ законѣ. Такимъ образомъ за каждое почти „преступное дѣяніе посредствомъ печати" проектируется двойное наказаніе, т. е. дѣятелей печати будутъ бить и дубьемъ и рублемъ одновременно. Въ нѣкоторыхъ же особо важныхъ случаяхъ министерство предполагаетъ сдѣлать обязательнымъ даже тройное наказаніе. Такъ, „если совершенное посредствомъ повременной печати преступное дѣяніе относится къ числу тѣхъ, кои предусмотрѣны въ статьяхъ 73, 74, 103, 104, 111, 128, 129 и 132 угол. уложенія" (богохульство, кощунство, оскорбленіе Высочайшихъ Особъ, опубликованіе секретныхъ свѣдѣній, относящихся до внѣшней безопасности, дерзостное неуваженіе къ верховной власти, посягательство на существующій общественный строй и государственный порядокъ, покушеніе на два послѣднихъ преступленія), то судъ обязанъ вовсе запретить повременное изданіе или пріостановить его до представленія издателемъ денежнаго обезпеченія въ суммѣ отъ ста до трехъ тысячъ рублей. Кромѣ того, судъ можетъ, какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, по собственному усмотрѣнію, назначить еще одно или нѣсколько дополнительныхъ наказаній.

Наконецъ, министерство, удовлетворяя настойчивое пожеланіе дворянскаго проекта, считаетъ нужнымъ принять и еще одну мѣру:

Въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, совершенныхъ посредствомъ печати, а равно и совокупности сихъ дѣяній съ иными преступными дѣяніями, денежныя взысканія, означенныя въ статьяхъ 158 и 160 сего устава, взыскиваются полностью, въ суммѣ взысканій, наложенныхъ за каждое преступное дѣяніе, совершенное посредствомъ печати.

Это значитъ, что по отношенію къ издателямъ повременныхъ изданій министерство считаетъ нужнымъ отмѣнить принятую въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ систему наказанія при совокупности преступленій (приводится въ исполненіе лишь тягчайшее изъ всѣхъ назначенныхъ судомъ наказаній) и установить совер-

шенно новую систему (складываніе всѣхъ взысканій), каковая у насъ въ Россіи не примѣняется ни къ какимъ другимъ злодѣямъ.

Такова „судебная отвѣтственность“ по дѣламъ печати, продиктованная въ главныхъ чертахъ объединеннымъ дворянствомъ и детально разработанная министерствомъ въ его проектѣ...

VI.

Мысль и слово—сказалъ я—считаются въ русскомъ государствѣ опаснѣе воровства и душегубства. До сихъ поръ объ этомъ можно было только догадываться. Теперь правительство, устами г. Маклакова, попыталось само формулировать и обосновать этотъ тезисъ.

Выпускъ въ обращеніе изданія съ противозаконнымъ содержаніемъ — читаемъ мы въ „Объяснительной запискѣ“ — самъ по себѣ, независимо отъ сознательности или преднамѣренности совершенія даннаго проступка издателемъ, можетъ во многихъ отношеніяхъ повлечь за собою чувствительный ущербъ тѣмъ или другимъ общественнымъ интересамъ, невознаграждаемый возложеннымъ на виновнаго взысканіемъ по суду. Оцѣнка этихъ указаній опыта представляется весьма важною, какъ для правильнаго опредѣленія мѣры наказуемости преступленій, такъ и для установленія такихъ законодательныхъ нормъ, которыя, не отстраняя субъективнаго момента виновности, учитывали бы и возможность объективнаго вреда, наносимаго преступнымъ печатнымъ произведеніемъ государству и обществу.

Не смотря на суконный языкъ этой тирады, суть схватить всетаки можно. Все дѣло, стало быть, въ томъ „чувствительномъ ущербѣ“, какой можетъ причинить произведеніе мысли и слова и который не вознаграждается возложеннымъ на виновнаго наказаніемъ по суду. Поэтому министерство и предпринимаетъ чрезвычайныя мѣры предосторожности противъ печати, какихъ не предпринимаетъ даже противъ татей и разбойниковъ; поэтому-то оно и проектируетъ для ея дѣятелей двойныя и тройныя кары, что не практикуется даже по отношенію къ самымъ тяжкимъ злодѣямъ. Судя по этому, „ущербъ“, наносимый, напримѣръ, убійцей, по мнѣнію министерства, вполнѣ вознаграждается возлагаемымъ на послѣдняго наказаніемъ... Но оставимъ это. Возьмемъ только ущербъ, какой можетъ причинить печатное слово.

По мнѣнію французовъ, раны, наносимыя словомъ, лучше всего излѣчиваются словомъ же. Впрочемъ, и для Россіи эта мысль отнюдь не является новой. Припомните хотя бы стихотвореніе Константина Аксакова:

На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О духа единственный мечъ
Свободное слово!

Вся суть въ томъ, конечно, что правительство имѣетъ въ виду не боль, не раны, какія можетъ причинить слово живымъ людямъ,

а тѣ „устои“, на которыхъ зиждется одряхлѣвшій государственный порядокъ и держится оно само. Нѣкоторые изъ этихъ устоевъ со всѣмъ уже вывѣтрились, — со дня на день можно ждать крушенія Естественно, что самое легкое прикосновеніе—даже прикосновеніе мысли и слова — къ этому порядку и самымъ устоямъ представляется до-нельзя опаснымъ.

Дворянство — одинъ изъ самыхъ старыхъ и сильнѣе другихъ вывѣтрившійся элементъ существующаго строя — проявляетъ наибольшую нервность, и это, конечно, понятно. Не менѣе понятно, что правительство проявляетъ особое вниманіе къ его указаніямъ, состояніемъ этой опоры больше всего, вѣдь, опредѣляется и собственное его положеніе. Не малую нервность проявляетъ и духовенство [1].

Менѣе затронутыя процессомъ вывѣтриванія „опоры“ обнаруживаютъ менѣе опасливое отношеніе къ свободному слову, но и для нихъ крушеніе опирающагося на нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегающаго ихъ государственнаго порядка далеко не безразлично: процессъ ихъ вывѣтриванія въ такомъ случаѣ пойдетъ вѣдь гораздо быстрѣе и удерживать свое мѣсто въ соціальной формаціи имъ станетъ много труднѣе. Поэтому націоналисты и октябристы, являющіеся до извѣстной степени представителями этихъ соціальныхъ слоевъ, не только не считаютъ излишними нынѣшнія предосторожности противъ печатнаго слова, но и склонны — одни больше, другіе меньше — ихъ усилить...

Все это понятно. Гораздо менѣе понятнымъ представляется то, что опасливое отношеніе къ печатному слову проглядываетъ и дальше, — въ такихъ слояхъ, которые не только не являются „опорой“, но и не желаютъ быть ею. Крайне характернымъ съ этой точки зрѣнія представляется поведеніе иниціаторовъ демонстраціи въ пользу свободы печати. Думская комиссія, куда передана была к.-д. декларація, выразила пожеланіе, чтобы ей былъ представленъ и законопроектъ, основанный на тѣхъ основныхъ началахъ, которыя были изложены въ „законодательномъ предположеніи“. К.-д. фракція такой законопроектъ выработала и представила. И вотъ въ этомъ законопроектѣ мы находимъ:

не только обязательные для печатныхъ произведеній „виды на жительство“, какъ я ихъ назвалъ;

не только обязательную доставку прокурору двухъ экземпляровъ каждаго печатнаго произведенія „при выпускѣ въ свѣтъ“,

---

[1]) Само оно ни съ какимъ проектомъ не выступило, но всѣ указанія синода, несомнѣнно, приняты во вниманіе въ министерскомъ проектѣ, а каковы они были, объ этомъ догадаться не трудно, судя не только потому, что проектируется возстановить духовную цензуру, но и потому, что для священно- и церковно-служителей православной церкви явочный порядокъ учрежденія повременныхъ изданій предположено замѣнить разрѣшительнымъ, причемъ дозволенія должны даваться епархіальной властью.

но и „предварительный арестъ“, налагаемый на произведенія печати по распоряженію прокурорскаго надзора.

Въ совѣщаніи представителей прогрессивныхъ изданій, какое было созвано въ Петербургѣ въ связи съ внесенными въ Думу законопроектами, В. А. Мякотинъ, упомянувъ о „предварительномъ арестѣ“, проектируемомъ к.-д. фракціей, назвалъ его „отголоскомъ идей совсѣмъ другого міра“. Подобныхъ отголосковъ въ к.-д. законопроектѣ найдется немало, а карательная часть этого законопроекта, можно сказать, полна ими. Откуда взялись они? Чѣмъ объяснить, что люди, выступившіе съ провозглашеніемъ свободы печати, сряду же осложнили его совсѣмъ чуждыми, даже враждебными свободѣ „отголосками“?

Разныя тутъ могутъ быть объясненія. Возможно, что к.-д. фракція, увлеченная успѣхомъ своей демонстраціи, поспѣшила перейти на „дѣловую“ почву, т. е. на почву компромисса и, вырабатывая свой законопроектъ, уже приспособляла его къ тому, что можетъ быть осуществлено при данномъ соотношеніи политическихъ силъ,—приспособляла, къ слову сказать, *ранѣе*, чѣмъ сталъ извѣстенъ наиболѣе важный въ этомъ случаѣ правительственный законопроектъ. Но если даже допустить это, то и то приходится сказать, что въ этомъ приспособленіи фракція зашла дальше, чѣмъ можно было зайти сторонникамъ свободы слова. Взять хотя бы тотъ же „предварительный арестъ“... Правда, к.-д. сопроводили его какъ бы нѣкоторой гарантіей: предварительный арестъ, по ихъ проекту, налагается не цензурнымъ комитетомъ, а прокуроромъ. Но развѣ можно видѣть хотя бы малѣйшую гарантію въ русскомъ прокурорѣ?—въ томъ самомъ прокурорѣ, у котораго, по мѣткой характеристикѣ сатирика, одинъ глазъ вѣчно спитъ, такъ что съ правой стороны онъ ничего не видитъ, а другой, недреманный, вѣчно сторожитъ и слѣва видитъ больше, чѣмъ тамъ даже есть въ дѣйствительности... Или к.-д. не знаютъ объ этихъ свойствахъ русскаго прокурорскаго надзора? Пусть даже они не вѣрятъ сатирику. Но развѣ сами они мало насмотрѣлись въ послѣдніе годы?

Возможно и другое объясненіе. Въ к.-д. законопроектѣ имѣются явныя несообразности. Укажу, напримѣръ, хотя бы такую: за распространеніе произведеній, „прямо призывающихъ“ къ цареубійству, по этому проекту, полагается заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ не свыше одного года; а за оскорбленіе въ печати памяти усопшихъ дѣда или родителя царствующаго императора предположено сохранить нынѣшнее наказаніе—заключеніе въ крѣпости до трехъ лѣтъ. Нужно думать, что подобныя несообразности, сводящія на нѣтъ дѣловое значеніе законопроекта, прошли по недосмотру. Возможно, что по недосмотру остались въ немъ и „отголоски идей другого міра“...

Не исключена однако и третья возможность, а именно, что авторамъ этого законопроекта тоже не чуждо опасливое отношеніе къ

печати, почему они и считали необходимымъ сохранить по отношенію къ ней такія мѣры предосторожности, какія не примѣняются даже противъ татей и разбойниковъ. Удивительнаго въ этомъ, пожалуй, ничего нѣтъ: русская печать такъ долго уже держится въ тискахъ опеки и произвола, что всѣ мы до извѣстной степени уже свыклись съ этимъ и, быть можетъ, даже тѣмъ общественнымъ слоямъ, которые обслуживаются к.-д. партіей, все еще не ясно, что неправдѣ одной опасно свободное слово...

Если это такъ, то положеніе нужно считать особенно тревожнымъ. Разсчитывать на осуществленіе свободы печати, внѣ связи съ общей политической проблемой, было бы химерой. При данныхъ же условіяхъ даже надежда на сколько-нибудь замѣтное улучшеніе въ положеніи печати равносильна несбыточной мечтѣ. Приходится думать уже о томъ только, чтобы дать отпоръ натиску, какой задуманъ въ правомъ лагерѣ. Найдутся ли для этого достаточныя силы,—не въ Думѣ только, но и въ странѣ?

Для того, чтобы ихъ собрать, сплотить и воодушевить, нужно, во всякомъ случаѣ, держать знамя высоко. И плохой это признакъ, если люди, выступившіе съ нимъ, сразу же начали опускать его...

А. Пѣшехоновъ.

У подножія африканскаго идола.

Символизмъ. Акмеизмъ. Эго-футуризмъ.

I.

Роль кредита въ исторіи торговли и промышленности—кто ея не знаетъ? Но кто знаетъ и по настоящему оцѣниваетъ роль кредита въ исторіи духовной культуры? Только насмѣшникъ Гейне подошелъ по настоящему къ этому серьезному вопросу и освѣтилъ его путемъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній. Это было на экзаменѣ по французскому языку: по словамъ Гейне, къ нему шесть разъ обращались съ вопросомъ, какъ по-французски „вѣра", и шесть разъ онъ „со слезами" добросовѣстно отвѣчалъ: „le crédit". За такой неправильный переводъ экзаменовавшійся былъ побитъ учителемъ, эмигрантомъ-французомъ аббатомъ д'Олнуа, но по существу Гейне былъ, конечно, правъ. „Вѣра" на самомъ дѣлѣ „le crédit". Исторія духовной культуры, несомнѣнно, своего рода исторія кредита.— Не будемъ слишкомъ углублять вопросъ и ограничимся только областью литературы и искусства въ ближайшіе къ намъ дни.

Здѣсь слово „вѣра" вполнѣ можетъ быть переводимо, по примѣру Гейне, шесть разъ словомъ „кредитъ". Въ началѣ—кредитъ, и сейчасъ кредитъ и снова будетъ — тоже кредитъ. Вопросъ весь

въ томъ, кто пользуется вѣрой-кредитомъ со стороны читающей публики.

Еще недавно кредитомъ пользовался исключительно строгій реализмъ. Читатель требовалъ отъ художниковъ правды, правды—почти какъ Натанъ у Лессинга:

> ...er will Wahrheit. Wahrheit!
> Und will sie so—so bar, so blank, als ob
> Die Wahrheit Münze wäre.

Именно это нужно было: отъ художниковъ требовалась наличная, чистѣйшая, безпримѣсная правда, какъ будто правда была монетой. Всѣ требовали этого, и всѣмъ хотѣлось этого: до такой степени хотѣлось, что Московскій Художественный театръ — тотъ самый, что нынѣ является служителемъ мистическихъ влеченій русскаго зрителя, — въ свое время ставилъ „Свѣгурочку“ Островскаго по самымъ точнымъ даннымъ этнографіи. Ставилась сказка, но въ строгомъ соотвѣтствіи съ хорошо изученной дѣйствительностью,—такъ, чтобы даже спеціалисты по русской этнографіи, попавшіе въ театръ, остались довольны. Такъ казалось нужнымъ. Вѣра—le crédit. Вѣрующихъ не смущалъ вопросъ, зачѣмъ имъ нужна эта точная литературная и театральная правда, въ которую они вѣрили. Вѣрующіе просто хотѣли точной правды и никому не вѣрили, кто не давалъ имъ этой правды или не умѣлъ внушить соотвѣтственной иллюзіи. Въ литературѣ, по требованіямъ суммарнаго читателя, все должно было быть ясно и опредѣленно, какъ элементарная геометрія и какъ романы Золя. Задача художника въ отношеніи изображаемой жизни была аналогична задачѣ садовника въ паркѣ, содержимомъ на французскій манеръ. Тамъ деревья должны быть подстрижены до полученія опредѣленныхъ, напередъ заданныхъ очертаній; въ литературѣ такъ обрѣзывалась жизнь. Люди получали психологію, установленную по положительному методу, по законамъ наслѣдственности, по „протоколамъ“ научнаго детерминизма, и это, конечно, заранѣе исключало всякое впечатлѣніе неяснаго и противорѣчиваго въ жизни и искусствѣ. И міръ, и художественныя произведенія, и люди изображаемые, и люди изображающіе—всѣ должны были удовлетворять условію ясности и отчетливости. Такъ хотѣлъ читатель.

И когда пришелъ въ литературу Чеховъ, не сразу замѣтили, что онъ пришелъ съ какой-то особенной, незаконченной правдой, далекой отъ возможности уложить ее въ рамки точныхъ посылокъ и точнаго же вывода. Но такъ какъ Чеховъ былъ все-таки, очевидно, реалистъ, то ему въ концѣ концовъ повѣрили.

Потомъ пришелъ Горькій съ романтическою неправдой о своихъ босякахъ. Но такъ какъ Горькій тоже по внѣшности былъ реалистомъ, то ему тоже повѣрили; повѣрили въ то, чего не было въ

жизни, по что хотѣли въ ней допустить, на основаніи реалистическихъ по манерѣ разсказовъ Горькаго.

Но зато, когда пришли декаденты, символисты, ихъ никто не хотѣлъ слушать — въ области литературы, никто не хотѣлъ смотрѣть — въ области искусства. Читатель предпочиталъ весело смѣяться надъ знаменитымъ одностишіемъ Валерія Брюсова:

О, закрой свои блѣдныя ноги!

Къ новымъ пришельцамъ предъявлены были требованія стараго читателя, жаждавшаго правды по Лессинговой формулѣ. Новые поэты не давали читателю желаннаго разсчета „наличными" за каждую прочтенную у нихъ строку, какъ это давали реалисты. Содержаніе новой поэзіи требовало отъ читателя безусловно примиренія съ неясностью переживаній. Этого достаточно было, чтобы приравнять значеніе новой поэзіи нулю. По странной случайности даже Владиміръ Соловьевъ не принялъ этихъ новаторовъ и очень ѣдко въ стихотвореніяхъ - пародіяхъ высмѣивалъ ихъ художественныя исканія, имѣвшія въ основѣ мистическія наслоенія. А смѣялся Вл. Соловьевъ очень весело и заразительно.

Но представители новаго теченія не были уничтожены читательской смѣшливостью. Они упорно вели осаду ультра-реалистическаго читателя. Они упорно доказывали банкротство реализма— въ искусствѣ, литературѣ и положительнаго знанія — въ наукѣ, его неспособность сдѣлать жизнь стройно разумѣемой и гармоничной въ человѣческомъ постиженіи. И читатель, среди смѣха, почувствовалъ въ этомъ справедливый упрекъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ жизнь не стала постижимѣй. Жили-были реалисты, досконально выписывавшіе тонкости подмѣченной жизни, а суть жизни осталась гдѣ-то позади всѣхъ этихъ подмѣченныхъ подробностей...

Помогло еще и совпаденіе: политическая революція, пережитая Россіей. Съ наступленіемъ реакціи образовался хаосъ въ жизни и въ душахъ, котораго не ожидали и не мыслили возможнымъ. Какъ было не повѣрить новымъ людямъ, утверждавшимъ, что ихъ предшественники завели человѣческую мысль въ безнадежный уголъ.

Въ результатѣ произошла литературно-художественная революція: у реалистовъ былъ отнятъ кредитъ -- „вѣра" и врученъ модернистамъ-мистикамъ.

II.

По внѣшности модернизмъ былъ крайне доступнымъ и близкимъ для разумѣнія. Онъ отвергъ всѣ догмы предшествовавшаго періода и объявилъ только одну, вытекавшую изъ безспорныхъ правъ личности.

По цитированной нами формулѣ Оскара Уайльда: „Надъ пор-

тикомъ древняго міра были начертаны слова: *Познай самого себя:* Надъ вратами новаго міра будетъ красоваться надпись: *Будь самимъ собой*".

И по заповѣди древняго міра о познаніи самого себя и по заповѣди новаго міра о вѣрности самому себѣ,—личность имѣла право на самовыраженіе въ искусствѣ.

Это и сдѣлалось единственнымъ догматомъ. Отъ художника требовалось только выявленіе самого себя. Чѣмъ интереснѣе, тѣмъ цѣннѣе.

Положеніе читателя и зрителя казалось крайне упрощеннымъ. Отъ его внутреннихъ задачъ отпадала необходимость входить въ расцѣнку красоты самого *содержанія* въ произведеніяхъ искусства и литературы. Содержаніе вдругъ какъ-то сдѣлалось пренебрегаемой величиной. Оно, если и проскальзывало, то своего рода контрабандными пріемами. Говорили только о новой формѣ, хотя и подразумѣвали совершенно новое содержаніе.

Очень энергично подчеркивалось, что въ искусствѣ важно только „какъ", а не „что" дано художникомъ. Очень крѣпко проводился принципъ, что въ искусствѣ важно только проявленіе личности автора, а не то, въ чемъ именно она проявляется.

Вопроса о внутренней цѣнности, повидимому, не допускалось, а былъ только вопросъ объ интересности сказаннаго. Лишь бы личность сказалась въ творчествѣ по-новому, а что она при этомъ скажетъ, въ какомъ это будетъ отношеніи къ истинѣ, это разсматривалось какъ нѣчто безразличное или второстепенное.

Выраженіе „выявить личность" стало шаблонной формулой критики. Кто не слыхалъ этой формулы? Кто не слыхалъ выраженія, что на свѣтѣ не существуетъ интересныхъ идей, но есть интересные люди, исповѣдующіе тѣ или иныя идеи. Истина какъ бы утратила не только господство, но и самоцѣнность. Она стала какъ бы сырьемъ художественнаго творчества, не имѣющимъ никакого самостоятельнаго значенія.

Конечно, это грубое недоразумѣніе. Человѣку вовсе не все равно—и никогда не было все равно — истинно или нѣтъ, прекрасно или нѣтъ—въ самой сущности своей — то, что даетъ художникъ. Но принималось на вѣру и наперекоръ человѣческой природѣ, что все равно.

III.

Какой въ сущности странный споръ. Что важнѣе въ художественномъ произведеніи: форма или содержаніе?

Конечно, форма. Но, конечно, и содержаніе.

Говорилось, что литературныя эпохи обусловлены только формой; только появленіемъ новыхъ формъ устанавливается новая полоса въ литературѣ, какъ и вообще въ искусствѣ.

Говорилось, что исторія литературы есть исторія литературныхъ формъ.

Говорилось, что въ литературѣ дѣлаютъ исторію только тѣ, кто создаетъ новый стиль, новую форму.

Это несомнѣнно. Но *зачѣмъ* становится нужнымъ и новый стиль и новая форма? почему они оказываются необходимыми тому, кто ихъ создалъ?

Вѣдь форма есть только форма: средство выразить, сказать и передать то, что *нужно* выразить, сказать и передать?

Если то, что мы *хотимъ* сказать, умѣщается въ существующихъ формахъ; если существующая форма идеально безупречна, т. е. *какъ нельзя лучше* приспособлена для того, чтобы мы могли передать все, что хотимъ сказать, — зачѣмъ намъ нужна новая форма?

Другое дѣло, если нужно сказать новое, освѣтить по-новому, заставить понимать по-новому. Тогда, конечно, созданіе новой формы, приспособленной для новой мысли, новаго настроенія въ художествѣ,—дѣло таланта. Ибо никто, какъ сказано, не вливаетъ новое вино въ старые мѣхи.

И когда является такой талантъ, такой геній, литература празднуетъ день своего новорожденія и причастности къ новой истинѣ черезъ новую форму.

Итакъ, на вопросъ: что же важнѣе для искусства: форма или содержаніе? повторимъ: конечно, форма. Ибо ничто не можетъ стать вѣчнымъ, если не обладаетъ совершенствомъ формы. Но и, конечно, содержаніе. Ибо никакая новая новая форма не создавалась, не создается и не создастся, если не нужно будетъ облечь ею новую мысль или новое чувство. Совершенство формы толькс совершенство высказанной мысли, переданнаго чувства. Совершенство формы только средство заставить себя понять съ наименьшей затратой силъ. Совершенство формы только средство придать своему слову *принудительно* убѣждающую силу.

Въ слабыя произведенія и слабые образы читатель вѣритъ, если хочетъ, если онъ связанъ съ авторомъ внутренними узами (оттого самый крупный талантъ не спасаетъ человѣка, даже Пушкина, отъ чрезмѣрной оцѣнки произведеній *другого*). Въ сильные образы и совершенныя по формѣ вещи онъ принужденъ вѣрить, и если не хочетъ вѣрить (это тоже бываетъ), то принужденъ сопротивляться.

Все это такъ, быть можетъ, скажетъ читатель. Этимъ однако не исчерпывается созданіе формъ. Формы могутъ прискучивать. Это —правда тоже: можно придумывать новыя формы и *для развлеченія*. Это даже логично вытекаетъ изъ заботы о „выявленіи личности", какъ основного принципа, руководящаго творчествомъ. *Забота* объ этомъ не можетъ не искажать художественныхъ ис-

каній. Въ этомъ отношеніи любопытную формулу даетъ художественный критикъ А. Бенуа. Съ его точки зрѣнія смѣна теченій въ художествѣ опредѣляется именно этимъ исканіемъ не истиннаго, а новаго, какъ таковаго. Онъ выражается даже еще колоритнѣй: онъ говоритъ о „желаніи новенькаго", какъ основномъ законѣ эволюціи въ искусствѣ. Здѣсь очень характерно самое слово: новенькое (безъ ковычекъ). Не новое даже, а просто новенькое. Своего рода принципъ лакомства въ области искусства. Но едва ли можно сомнѣваться, что этотъ терминъ свидѣтельствуетъ о паденіи піэтета къ искусству. Забота о „новенькомъ" можетъ считаться законнымъ явленіемъ въ области гастрономической, но, конечно, не въ области „чистаго" искусства. Здѣсь забота о „новенькомъ"— во что бы то ни стало—не норма, а болѣзнь художниковъ, обусловленная нарочитымъ стремленіемъ къ выявленію себя по-новому, по особенному. Во всякомъ случаѣ, не на этой гастрономической заботѣ о „новенькомъ" держится основное значеніе искусства и не отъ этого зависятъ серьезные повороты и перевороты въ литературѣ и искусствѣ.

Ограничиваясь областью литературы, вспомнимъ хотя бы о Чеховѣ. Развѣ онъ случайно и ради „новенькаго" пришелъ въ литературу съ новой формой?

Онъ принесъ въ литературу новый жанръ—коротенькіе разсказы, проникнутые опредѣленнымъ настроеніемъ. Всѣмъ памятны эти разсказы, какъ отъ Чехова требовали разсказовъ подлиннѣе.

Но отчего же Чеховъ создалъ эти фрагментарные документы о пасмурныхъ людяхъ и сумеречной действительности? Почему ему была нужна именно эта форма?

Сейчасъ мы знаемъ хорошо, что эта особенность формы у Чехова вытекала съ непреложной необходимостью изъ самой сути того, *что* онъ могъ и хотѣлъ сказать своему читателю.

Онъ былъ агностикомъ русской жизни, такимъ же агностикомъ, какимъ онъ былъ, вѣроятно, и въ области медицины, своей научной спеціальности. Въ одномъ случаѣ онъ зналъ теченіе болѣзни, въ другомъ случаѣ онъ видѣлъ то, что есть, но въ обоихъ случаяхъ онъ не видѣлъ ни причинъ, которыя создали то, что есть, ни конечнаго результата въ наблюдаемомъ процессѣ, идущемъ своей законной чередой. Да и не вѣрилъ ни въ какой заранѣе предуказанный конечный результатъ. Разница только, быть можетъ, въ томъ, что въ отношеніи русской жизни Чеховъ былъ еще большимъ скептикомъ, чѣмъ въ медицинѣ. Отсюда—та художественная форма, которую онъ принесъ въ русскую литературу. Онъ давалъ то, что было ясно для его докторской добросовѣстности: сжато, по-докторски написанные скорбные листы о русской жизни, справочныя исторіи болѣзни.

Эта форма была для него внутренней необходимостью, и такъ какъ ему суждено было стать Чеховымъ, онъ нашелъ ее въ

своихъ фрагментарныхъ разсказикахъ, не имѣвшихъ ни начала ни конца, но боль безконечную.

Фрагментарность сдѣлала ихъ событіемъ въ русской литературѣ, а боль безконечная—вѣчной цѣнностью.

А его пьесы-настроенія? Нѣтъ никакой драмы, нѣтъ никакого движенія, нѣтъ ни начала, ни конца; нѣтъ никакихъ пружинъ, а все та же исторія болѣзни, что и въ разсказахъ. Онъ не знаетъ, откуда все это происходитъ и зарождается, но онъ знаетъ, какъ это есть. Онъ знаетъ только по-докторски, что здѣсь все—больная жизнь, что здоровья и счастья здѣсь ждать не приходится. Это только онъ и можетъ вамъ дать, для этого ему и нужна новая форма драмы безъ внѣшней коллизіи. И ее онъ нашелъ. Всѣ его герои свободны отъ прикрасъ, не за что имъ поклониться, если бы вы этого искали въ людяхъ, но всѣ они стали вамъ близки, какъ бываетъ близокъ именно больной.

Когда не стало А. Чехова, стало ощутительно ясно, что ушелъ—отошелъ искренній, близкій человѣкъ, любившій свою сумеречную родину, своихъ хмурыхъ людей, все той же интеллигентской „странной любовью", которую „не побѣдитъ разсудокъ". Любилъ, но не могъ бы сказать неправду. Вотъ вся его вина и вся его заслуга. Именно: не умѣлъ бы сказать неправду; не сумѣлъ бы притвориться, какъ умѣемъ мы сейчасъ въ интересахъ всякихъ проблемъ sui generis; не сумѣлъ бы принизить жизнь до тенденціи, какъ это есть сейчасъ. Для него реальность сама была огромной тайной, которую ненужно было украшать никакими придуманными тайнами, какъ это дѣлается сейчасъ. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы передать намъ эту огромную тайну такъ, какъ онъ ее чувствовалъ, и оттого его реалистическіе разсказы и пьесы полны глубокаго символическаго значенія. Въ нихъ влитана Россія; въ нихъ влитаны ея боли, ея недоумѣнія, ея „тайна". А вмѣстѣ съ тѣмъ все это пропитано самимъ Чеховымъ; не искалъ выявить себя, но онъ не могъ себя не выявить (это и есть даръ генія и таланта). Со всякой страницы черезъ сумерки и душевную хмурость изображаемыхъ глядитъ на насъ онъ со своей печалью [1]).

Такимъ образомъ Чеховъ искалъ *правду* о русской жизни и нашелъ нужную для нея *форму* выраженія въ художествѣ. Первое было стимуломъ, второе — результатомъ, сдѣлавшимъ творчество Чехова рубежомъ въ исторіи русской словесности. И это законное явленіе вопреки А. Бенуа—въ искусствѣ и вопреки В. Брюсову—въ литературѣ [2]).

То же самое произошло, конечно, и при торжествѣ новыхъ

---

[1]) Пользуемся извлеченіемъ изъ нашей характеристики въ „Запросахъ жизни" по поводу 50-лѣтія со дня рожденія Чехова.

[2]) В. Брюсовъ утверждаетъ, что исканіе новыхъ формъ предшествуетъ новой правдѣ.

формъ, принесенныхъ въ литературу и искусство модернизмомъ. Искалось выявленіе личности, разрабатывались ради этого новыя художественныя формы, но черезъ все это просачивалось новое содержаніе и новое разумѣніе. Такимъ новымъ содержаніемъ, неявно проносимымъ въ литературу и искусство, стало все ирраціональное въ человѣческой природѣ; такимъ новымъ разумѣніемъ, проскользнувшимъ къ читателю, было мистическое разумѣніе міра.

Художники не хотѣли компрометировать себя явными выступленіями за ту или иную истину, за то или иное содержаніе. Исканіе истины было черезчуръ скомпрометировано. Чеховъ принесъ въ литературу скептическое отношеніе къ исканіямъ политическаго и общественнаго мышленія; онъ былъ агностикомъ только въ этомъ отношеніи. Новая литература и новое искусство пришли съ разочарованіемъ вообще ко всякимъ достиженіямъ положительнаго мышленія. Оно не было чуждо — внѣ области соціологическихъ выводовъ — Чехову, но оно было безусловно чуждо его преемникамъ въ русской литературѣ. Психологическія причины этого вполнѣ понятны. Положительное мышленіе установило для человѣчества своего рода интеллектуальный аскетизмъ. Требовалось держать свое познавательное стремленіе въ состояніи полуголода — полуутоленія. Утверждалось, что за предѣлы относительнаго знанія нашей мысли не дано проникнуть, да и въ самыхъ словахъ „абсолютная истина“ нѣтъ никакого смысла, съ точки зрѣнія интеллектуальной природы человѣка. Но человѣчество не склонно къ аскетизму ни въ какомъ отношеніи, и полуголодъ положительной мысли не могъ не вызвать протеста.

Это то душевное состояніе, которое впослѣдствіи Л. Андреевъ охарактеризовалъ въ своей космической драмѣ объ „Анатэмѣ“. Представлялась огромная запертая дверь, которую люди положительнаго мышленія оставили запертой, не сдѣлавъ попытки какимъ-нибудь чудомъ отперетъ ее.

Новая поэзія и новое искусство сдѣлали эту попытку прибѣгнуть къ чуду для раскрытія абсолютной истины. Художники и поэты взяли на себя роль философовъ — искателей истины о подлинной природѣ міра.

Но эту новую роль художники и поэты взяли *не* прямо и *не* открыто.

Безрезультатность человѣческихъ исканій истины въ предыдущій періодъ положительнаго мышленія отразилась и на новыхъ исканіяхъ. Исканіе истины было вообще скомпрометировано. Поэтому для исканій истины—въ томъ числѣ и абсолютной—понадобилось создать своего рода „теорію“, узаконяющую исканія, даже и безнадежныя. Такой базой стала теорія выявленія личности въ искусствѣ. Художники и поэты предпочитали основываться на томъ,

что казалось безспорнымъ,—на правѣ личности выявлять себя. И такъ какъ они, художники, чувствовали въ себѣ позывы къ ирраціональному и мистическому, то вся литература и искусство были напоены этими настроеніями.

„Тайна“. Отъ этого кошмарнаго слова недавно нельзя было отдѣлаться. Вездѣ была „тайна“ и все было „тайной“; на всѣхъ устахъ была „тайна“.

И никого не поражало, что тайна была только на словахъ, а не въ мысли. И одной изъ „тайнъ“ было подсознательное въ человѣкѣ.

Писатели-художники были взволнованы обиліемъ нахлынувшихъ тайнъ подсознательнаго, а коллективный читатель — въ истинномъ восторгѣ. Ему никогда не думалось, что онъ представляетъ такой сложной загадочный аппаратъ, функціонирующій подсознательно. Кто не знаетъ мольеровскаго героя, который былъ пораженъ тѣмъ, что всю свою жизнь говорилъ „прозой“, т. е. чѣмъ-то ученымъ, занесеннымъ въ номенклатуру теоріи словесности. Коллективный читатель пять-шесть лѣтъ назадъ оказался въ положеніи мольеровскаго героя. Онъ жилъ и думалъ, ему жилось и думалось даже тогда, когда не хотѣлось. Но ничего особеннаго въ этомъ не было. И вдругъ этотъ читатель узнаетъ, что ему доступно подсознательное мышленіе. До сихъ поръ онъ зналъ, что нѣчто такое бывало съ Вольтеромъ, сочинившимъ во снѣ цѣлую пѣснь „Генріада“. Теперь онъ самъ оказался на положеніи Вольтера. Онъ тоже говоритъ прозой и тоже доступенъ подсознательному процессу мысли.

Въ результатѣ читатель и художники рѣшили использовать свою чудесную способность до конца. И литература и искусство въ значительной степени занялись улавливаніемъ этого подсознательнаго въ печатныя строки, въ красочныя пятна и линіи.

Въ этихъ видахъ художники соревновали съ читателемъ въ тщательномъ подслушиваніи отзвуковъ подсознательной психической дѣятельности. Вовсе не нужно было, чтобы подмѣченное настроеніе было прочнымъ и устойчивымъ, такимъ, которое было неизгладимо вырублено „на скрижаляхъ души“. Какъ разъ наоборотъ. Именно эти прочныя настроенія, опредѣляющія „ликъ“, могли быть наиболѣе сомнительными и обусловлены привычкой, давленіемъ вѣковѣчной культуры, дисциплиной мысли и чувства. Особую прелесть и особую надежду внушали другія явленія: настроенія минуты, мгновенія, когда хотѣлось „невозможнаго“ (предполагалось, что это и есть голосъ подсознательнаго настоящаго влеченія, не заглушеннаго привычной культурной дисциплиной мысли и чувства), когда хотѣлось или думалось безъ опредѣленнаго и яснаго сознанія. Именно къ этимъ настроеніямъ и нужно было прислушаться и уловить ихъ: кто знаетъ, быть можетъ, здѣсь-то и откроется дорога къ гармоніи человѣческой души; здѣсь-то и

скрыто подлинное, истинное въ человѣческой душѣ? Отсюда выросъ импрессіонизмъ въ литературѣ, культивировавшій всякое мгновенное переживаніе. Литература превратилась въ рядъ опытовъ съ подсознательнымъ. Стремились дать волю каждому своему чувству, дать осуществленіе каждой своей мысли, по формулѣ Уайльдовскаго героя. Были поэты, которые свято относились къ каждому написанному слову, не считая себя въ правѣ исправлять то, что создалось въ минуту возбужденія, въ минуту удаленія отъ самоконтроля и самокритики. Были критики, которые давали волю своей мысли идти до любыхъ предѣловъ, и если въ минуту возбужденія оказывалось, что мысль ушла за предѣлы того, что признавалъ истиннымъ самъ пишущій, это не было дефектомъ. Это было правомъ подсознательнаго „я“ на самопроявленіе. Намъ пришлось лично слышать такое признаніе отъ одного изъ нынѣ забытыхъ критиковъ.

Это было улавливаніемъ самого себя въ моментъ освобожденія отъ самоконтроля. Въ буквальномъ смыслѣ слова писали, какъ пишется; хотѣли думать, какъ думается, и полагали, что это исполнимо и возможно.

IV.

Но вѣдь это значитъ отдать себя и свою душу на волю случайности! Ну, такъ что-жъ? Это-то и хорошо, т. е. считается—по сію пору—самымъ цѣннымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ познанію абсолютной истины, скрытой отъ сознательной логической способности мыслить.

Возникъ своего рода культъ случайности. Въ этомъ культѣ случайности не было, однако, никакой случайности. Культъ опирался на своего рода теорію, и мы на-дняхъ слышали отъ художниковъ „Союза Молодежи“ о томъ обаяніи и очарованіи, которое связано для нихъ съ случайностью.

„Случайность открываетъ цѣлые міры и рождаетъ чудеса... Въ нашей жизни много случайнаго... и принципъ случайнаго примѣняется гораздо чаще и охотнѣе, чѣмъ публика объ этомъ подозрѣваетъ. Я знаю *многихъ*[1]) художниковъ, которые мажутъ по холсту, какъ имъ Богъ на душу положитъ, а потомъ только ловятъ изъ этого хаоса то, что кажется имъ наиболѣе удачнымъ и, въ зависимости отъ силы фантазіи, подчиняютъ все своему желанію (В. Марковъ. „Принципы новаго искусства“).

Чтобы не было сомнѣнія, что именно цѣнится въ этихъ возможностяхъ, цитируемый авторъ энергично подчеркиваетъ, что „принципъ случайнаго“ въ чистомъ видѣ опирается на воздѣйствіе „совершенно слѣпыхъ, посторонних вліяній“.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего страннаго, что опытъ, про-

---

[1]) Курсивъ нашъ. (*А. Р.*).

дѣланный шутниками въ Парижѣ, заставившими осла написать картину ударами кисти, подвязанной къ хвосту, не показался никому убѣдительнымъ. Что-жъ, это было новой игрой случайности, не болѣе! Поэтому ничего угрожающаго и компрометирующаго въ фактѣ подобной „картины" не оказалось, и, напр., русскіе художники-новаторы съ гордостью объединились въ общество съ девизомъ: „Ослиный хвостъ".

Чѣмъ больше игры случайности въ душѣ, тѣмъ лучше. Поэтому идеаломъ отношенія къ міру оказался дикарь (въ буквальномъ смыслѣ), міроощущеніе котораго наиболѣе случайно. Во избѣжаніе искаженій при передачѣ, воспользуемся чужой формулировкой со стороны представителей самаго новаго искусства: „Тамъ, гдѣ кончается реальное, осязательное, тамъ начинается другой міръ—міръ неизвѣданной тайны, міръ Божества... Первобытному человѣку была дана возможность подойти къ этой грани, гдѣ онъ интуитивно улавливалъ какую-нибудь черточку Божества и возвращался обратно, какъ счастливый ребенокъ".

И вотъ слово: „дикарь" начинаетъ наполняться лирическимъ содержаніемъ. За нимъ грезятся безграничныя дали, обѣщающія затмить всѣ сказочныя пріобрѣтенія культуры XIX—XX вѣка.

Такимъ же „счастливымъ ребенкомъ"—дикаремъ захотѣло быть культурное общество XIX—XX вѣковъ.

Не стало дѣло и за дальнѣйшей аналогіей. Во времена первобытной культуры „счастливый ребенокъ" не ограничивался тѣмъ, что самъ входилъ въ общеніе съ божествомъ, но имѣлъ еще особыхъ спеціалистовъ по этой надобности въ лицѣ жрецовъ — колдуновъ. Въ XIX—XX в. оказалось то же самое: и самъ читатель безпрепятственно входилъ въ общеніе съ надмірнымъ бытіемъ при помощи подсознательныхъ элементовъ своей души и имѣлъ для этого сугубѣйшихъ спеціалистовъ въ лицѣ поэтовъ и художниковъ, провозвѣстниковъ невѣдомой красоты.

Одинъ изъ источниковъ этой красоты мы уже видѣли. Это—игра случайности, игра слѣпыхъ возможностей, далекихъ отъ всякой связи съ работой человѣческой мысли. По дополнительному удостовѣренію цитированнаго выше г. Маркова, нѣкоторые художники заклеиваютъ еще сырую работу бумагой; сорвавши ее на другой день, они находятъ случайныя, иногда красивыя пятна и стараются ихъ использовать. Равнымъ образомъ изучаются случайныя кляксы или пятна на сырыхъ стѣнахъ. Въ этомъ, конечно, есть свой raison d'être: пятна могутъ быть интересны по очертаніямъ. Но нѣтъ правды въ той болѣзненной исключительной внимательности, съ которой люди-художники вглядываются въ такую случайную красоту, ища въ ней руководящихъ указаній.

Впрочемъ, существуетъ и другая красота. Тоже слѣпая и тоже случайная, но по крайней мѣрѣ заложенная въ случайностяхъ психики человѣческой. По словамъ цитированнаго автора, который

чрезвычайно сжато и отчетливо опредѣлилъ сущность новѣйшихъ дерзаній „свободнаго творчества", источникъ особой красоты въ тайникахъ человѣческой души, въ безсознательныхъ движеніяхъ руки и мысли художника.

„Такъ хорошо, такъ радостно—говоритъ онъ—выпустить душу на волю, рисовать и работать, полагаясь *на счастье*[1]), не стѣсняя себя никакими законами и правилами, и итти *слѣпо, безъ цѣли*, итти въ неизвѣстное, всецѣло отдавшись свободному исполненію, и расшвырять, разметать всѣ завоеванія, всѣ наши quasi-цѣнности" (логической мысли).

V.

Является вопросъ, какъ могъ произойти такой рѣзкій поворотъ въ исканіяхъ и настроеніяхъ. Вчера реалисты и поклонники точной, самой точной и наиточнѣйшей правды; сегодня символисты и прозелиты мистической правды. Объясняется это очень удобнымъ принципомъ, въ силу котораго ради полнаго выявленія личности въ искусствѣ допускаются не только „лики", т. е. то, что обнаруживаетъ подлинныя, прочныя, коренныя настроенія автора, но и „личины" мгновенныхъ настроеній, надѣтыя на себя на срокъ того же мгновенія, въ цѣляхъ исканія самого себя. Не приходилось удивляться этому сочетанію словъ: съ одной стороны—личина, съ другой стороны—исканіе самого себя. Въ дѣйствительности это не было такъ странно, если принять въ разсчетъ гейневское отождествленіе „вѣры" и „кредита".

Одной изъ тягчайшихъ особенностей культуры является фактъ, что душа человѣка своего рода музей переживаній. Здѣсь и переживанія обязанныя своимъ существованіемъ современной дѣйствительности; здѣсь и переживанія, оставшіяся отъ предыдущихъ вѣковъ, переданныя по наслѣдству, придавленныя, но не уничтоженныя культурой. Самымъ простымъ способомъ освободиться отъ связанныхъ съ этимъ внутреннихъ противорѣчій было, конечно, сложить въ одну сумму всѣ переживанія, свойственныя человѣчеству отъ временъ первобытной культуры до современной цивилизаціи. Здѣсь не можетъ быть ошибки, разъ все сложено и ничего не исключено.

При такихъ условіяхъ „соприкасаніе" съ истиной было, конечно, болѣе обезпечено, чѣмъ при реализмѣ и культѣ единой прочной убѣжденности. Нельзя—очевидно—не соприкоснуться съ истиной въ своихъ переживаніяхъ, разъ въ нихъ *все* дано: если не въ качествѣ „ликовъ", оправданныхъ сознаніемъ, то въ качествѣ „личинъ", надѣтыхъ на себя *на мгновеніе* въ силу голоса подсознательнаго.

Такимъ образомъ „личина" не была чистой игрой въ маскарадъ;

[1]) Курсивъ нашъ (А. Р.).

„личина“ въ искусствѣ и литературѣ была средствомъ усилить переживаніе неуловимое или подавленное, но, быть можетъ, содержащее истину, до степени отчетливаго и законченнаго. Этимъ путемъ искали истину. Пшибышевскій могъ печатно заявить, что современный человѣкъ желалъ бы гармонично совмѣстить вѣру въ Шарко („ликъ“) и вѣру въ божественность одержанія духами, свойственную дикарямъ („личина“).

Это было немножко похоже на совмѣстительскія мечты гоголевской невѣсты въ „Женитьбѣ“ о томъ, какъ хорошо, если бы губы Никанора Ивановича, одного хорошаго жениха, да приставить къ носу Ивана Кузьмича, другого хорошаго жениха. Но, тѣмъ не менѣе, такъ мечталъ современный человѣкъ, по Пшибышевскому: о Шарко, владѣющемъ послѣднимъ словомъ точнаго знанія, и о дикарѣ, входящемъ въ общеніе съ иными мірами.

VI.

И это оказалось не безнадежною мечтой, какъ у гоголевской Агафьи Тихоновны. Были найдены состоянія, которыя на самомъ дѣлѣ благопріятствовали общенію съ тайнами міра. Опять-таки въ точности по даннымъ этнологіи: тѣ же, что культивировалъ „счастливый ребенокъ“ дикарь.

Трудно вѣрить, въ какое соревнованіе вступили съ „счастливыми дѣтьми“. XIX—XX вѣкъ были объявлены необычайно благопріятными для уловленія мистическихъ тайнъ міра, потому что... люди этого періода почти сплошь неврастеники, страдаютъ неврозами, а неврозъ окрыляетъ душу къ полетамъ въ надмірныя сферы (Пшибышевскій).

Не нужно пугаться неврозовъ, которые въ сущности намѣчаютъ тотъ путь, по которому пойдетъ развитіе человѣческаго духа. Нѣтъ ничего страшнаго въ ощущеніяхъ „мономана, страдающаго психозомъ ужасныхъ видѣній“, ибо *по большей части* это — величественныя откровенія самаго интимнаго и глубокаго въ человѣческой душѣ; это—сверкающія молніи, которыя бросаютъ яркій, хотя и мгновенный свѣтъ въ великое невѣдомое, въ чуждую страну безсознательнаго. Такъ утверждалъ тотъ же Пшибышевскій.

Но, конечно, сто кратъ были счастливѣе тѣ, кого судьба одарила эпилепсіей или сумасшествіемъ. Эти были еще ближе къ божеству (Шестовъ), почти совсѣмъ какъ „счастливый ребенокъ“-дикарь.

Правда, кое-что мѣшало въ приближеніи къ дикарю. Не хватало все-таки „*объединяющей вѣры*—вѣры въ Шарко и вѣры въ божественность одержимости бѣсами“. Но въ общемъ съ этимъ можно было мириться. И безъ того многое было достигнуто въ попыткахъ хоть на мгновеніе слиться съ міромъ нуменовъ, съ міромъ всяческой тайны.

Насталъ почти золотой вѣкъ въ литературѣ и искусствѣ. Разница была только въ отмѣченныхъ пустякахъ: у дикарей посредниками между людьми и божествомъ были колдуны, а въ XIX—XX вѣкахъ поэты и художники, сносившіеся съ подмірнымъ бытіемъ, славившіе экстазъ и неврозъ, который „завтра будетъ считаться величайшимъ здоровьемъ".

Мы пропустили только одинъ источникъ тайно-познанія: половое чувство.

Мудрено ли, что при культѣ всяческаго экстаза половое чувство, въ своей психо-физіологической части, опредѣляющее моменты экстатическаго состоянія, привлекло острое вниманіе и поэтовъ и художниковъ? Оно, конечно, должно было привлечь особое вниманіе, и привлекло. Евангеліе стараго исканія истины начиналось словами: „въ началѣ было Слово". Евангеліе новаго приближенія къ истинѣ начиналось у Пшибышевскаго словами: „въ началѣ былъ полъ". Тотъ же самый герой, что сокрушается у Пшибышевскаго объ отсутствіи прочнаго моста между психологіей современниковъ Шарко и психологіей дикаря, говоритъ о своей „жаждѣ по первобытнымъ мистеріямъ пола" и восклицаетъ: „какъ иначе могъ я удовлетворить эту отчаянную жажду, если не въ творческомъ актѣ физіологическаго воспоминанія о своихъ первыхъ стадіяхъ развитія"...

Результатомъ была, какъ извѣстно, „проблема пола" съ самымъ чудовищнымъ профанированіемъ любви. Культивировалась чисто физіологическая сторона. „Чувственность" разсматривалась какъ эквивалентъ „духа", соприкоснувшагося съ тайнами міра. Поэты славили подающихъ „кубокъ жгучій" чувственнаго экстаза наравнѣ съ Лейбницемъ (Брюсовъ); и Лейбницъ и „жрица", купленная на улицѣ, были одинаково учителями: у проститутки поэты искали прозрѣнія въ тайну зачатій!.. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Кромѣ соприкосновенія съ абсолютнымъ бытіемъ черезъ „тайну зачатій" и экстазъ чувственнаго возбужденія поэты открыли и другую дорогу—къ тому же. Это была „тайна смерти". Какъ извѣстно, поэты энергично воспѣвали смерть и ея красоту. Эта красота должна была открыться въ моментъ новаго соприкасанія съ абсолютнымъ міромъ—черезъ смерть.

Смерть являлась новымъ откровеніемъ объ истинѣ, вѣдомой когда-то „счастливому ребенку" дикарю. Такимъ образомъ, человѣчество имѣло возможность войти въ невѣдомое съ двухъ сторонъ: черезъ начало и черезъ конецъ того, что называется человѣческой жизнью. Міровая тайна оказалась угрожаемой со стороны поэтовъ. Прорывъ къ ней былъ открытъ поэтами съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Цѣнились ново-открытые пути, однако, неодинаково. Второй путь—черезъ смерть, казалось бы, самый цѣнный, ибо допускаетъ

пользованіе только единожды. Но въ дѣйствительности поэты цѣнили больше путь многократнаго приближенія черезъ „полъ“... Сколько смѣшного и нелѣпаго говорилось на эти темы — и однократнаго и многократнаго прозрѣнія въ міровую тайну—намъ уже приходилось не разъ говорить на страницахъ „Р. Б.“. И о проблемѣ смерти и о проблемѣ пола.

Такъ было, и не было такого подвига, на который бы читатель не рѣшился изъ жадности къ прозрѣнію, вновь открытому поэтами и художниками.

Читатель согласился продѣлать съ собой рѣшительно всѣ опыты прозрѣнія.

Согласился думать денно и нощно о смерти; согласился вѣрить, что въ началѣ былъ полъ, а въ настоящее время существуетъ „проблема пола“; согласился вмѣстѣ съ Санинымъ угадывать тайны, насилуя по ночамъ дѣвушекъ; повѣрилъ, что у него, читателя, поразительный вкусъ ко всякаго рода извращеніямъ; повѣрилъ, что „добро“ и „зло“ равно вытекаютъ изъ подсознательныхъ глубинъ души, а потому онъ не въ правѣ отдавать одному изъ этихъ элементовъ какое-либо предпочтеніе и одобреніе; повѣрилъ, что онъ—читатель—представляетъ изъ себя не что иное, какъ „великій синтезъ Ягве и Сатаны“; повѣрилъ поэтому, что онъ прочно и навсегда перешелъ по ту сторону добра и зла; повѣрилъ, что для него слово „альтруизмъ—“мертвое слово, а когда слышалъ слова: этика и мораль, то только укоризненно качалъ головой по поводу „ветхихъ словъ“. Но главное, чему повѣрилъ читатель искренно и незыблемо, что разсудокъ ему больше ни зачѣмъ не нуженъ и что съ него вполнѣ достаточно и подсознательнаго общенія съ истиной.

Оставалось ожидать чуда наступившей гармоніи и просвѣтлѣнія. Но чудо не приходило. Наоборотъ, въ душахъ образовался какой-то очевидный, зіяющій провалъ. Вмѣсто радостнаго приближенія къ тайнѣ міра, читатель оказался во власти угрожающаго душевнаго хаоса, логически вытекающаго изъ удаленія „по ту сторону добра и зла“. Читатель долженъ былъ чувствовать себя безгранично свободнымъ среди этого хаоса, но вмѣсто этого оказался придавленнымъ. Тайнъ не убыло, а прибыло; налицо была свѣжая загадка, повидимому, совершенно неразрѣшимая съ точки зрѣнія абсолютной, „звѣриной“ свободы переживаній. Этой загадкой оказались альтруистическіе инстинкты человѣка, созданные милліонами лѣтъ коллективной жизни. Не было, повидимому, никакихъ основаній, чтобы человѣкъ, существующій въ качествѣ „Der Einzige“ и долженствующій признавать только Свое,—признавалъ что-либо и кого-либо внѣ себя. Но фактъ альтруизма былъ на лицо, слишкомъ долго отказываться отъ пониманія его было невозможно.

Поэтому читателю пришлось согласиться на новый экспериментъ. Онъ долженъ былъ сохранить въ себѣ весь душевный хаосъ,

связанный съ удаленіемъ „по ту сторону добра и зла“ — во имя торжества своихъ подсознательныхъ влеченій, но къ этимъ влеченіямъ молчаливо обязался присоединить рѣшительную дозу догматической религіозности.

До-нынѣ онъ долженъ былъ чувствовать себя „звѣремъ“, не вѣдающимъ власти вообще никакихъ догмъ; теперь онъ долженъ былъ стать звѣремъ свободнымъ отъ догмы чувствуемаго, этическаго содержанія, но отнюдь не свободнаго вообще отъ догмъ, если послѣднія имѣютъ мистическое, иномірное происхожденіе.

Мы уже говорили объ этомъ сдабриваніи „звѣринаго“ аморализма и индивидуализма по поводу „Чертовой куклы“ З. Гиппіусъ. Средство для упраздненія душевнаго хаоса и внѣдренія въ него божественной гармоніи было дано очень простое, но почти анекдотическое. Человѣчество можетъ оставаться такимъ, какъ оно создано во второй половинѣ XIX вѣка авторомъ Заратустры. Можно „любить себя, какъ Бога“, но при этомъ нужно непремѣнно молиться:

Отче, во вѣкъ да будутъ едины
Воля Твоя *и моя*!

Разъ „звѣрь“-человѣкъ станетъ молиться, все остальное, очевидно, приложится. Развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? Эта ницшеанско-христіанская концепція показалась до такой степени глубокой, что одинъ изъ *бывшихъ* прозелитовъ (нынѣ „акмеистъ“) сдѣлалъ намъ самый серьезный упрекъ въ недостаточно серьезной оцѣнкѣ этой концепціи.

Вотъ—въ сжатыхъ формулахъ—тѣ литературныя теченія, которыя завладѣли „вѣрой“, а по Гейне—„кредитомъ“, за послѣдніе годы русской литературы. Но въ данную минуту это уже почти стародавняя исторія — doch bleibt sie immer neu. Въ настоящее время „вѣры-кредита“ требуютъ отъ читателя двѣ новыя поэтическія школы: „акмеизмъ“ и „футуризмъ“.

А. Е. Рѣдько.

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу одного изслѣдованія средневѣковыхъ религіозныхъ движеній [1]).

Настоящая замѣтка касается общей постановки вопроса въ недавно (конецъ 1912 г.) вышедшей книгѣ Л. П. Карсавина „Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII вѣковъ". Это — большой спеціальный трудъ, заключающій въ себѣ около 55 печатныхъ листовъ текста и приложеній на латинскомъ языкѣ, подробная оцѣнка котораго не можетъ быть предметомъ статьи въ общемъ журналѣ, но въ которомъ, съ другой стороны, затрагивается важный вопросъ, могущій интересовать и широкіе круги читателей. Этому-то вопросу въ книгѣ г. Карсавина и посвящена настоящая замѣтка.

Прежде, впрочемъ, чѣмъ начать говорить о главномъ предметѣ своей статьи, я считаю нужнымъ вкратцѣ познакомить читателя и съ самою книгою, давшею поводъ къ напечанію этой статьи. „Очерки" г. Карсавина представляютъ собою диссертацію, написанную для полученія ученой степени, чѣмъ, главнымъ образомъ, и опредѣляется ея характеръ. Авторъ собралъ въ ней громадный фактическій матеріалъ, изучивъ массу источниковъ, между прочимъ, и неизданныхъ, имъ впервые и опубликованныхъ. Нѣкоторые изъ источниковъ онъ сдѣлалъ притомъ предметомъ спеціальныхъ экскурсовъ, занимающихъ часть приложеній къ тексту. Конечно, имъ использована и обширная литература предмета [2]), и можно только пожалѣть, что мы не находимъ въ книгѣ систематическаго исторіографическаго очерка, который показалъ бы, въ какомъ состояніи находилась литература предмета въ тотъ моментъ, когда за его обработку взялся авторъ, и позволилъ бы лучше оттѣнить сдѣланное самимъ авторомъ. Я бы прибавилъ, что вообще онъ не обнаружилъ большой заботливости объ интересахъ не только своихъ критиковъ, но и заурядныхъ читателей, поскольку они могутъ желать, чтобы въ изложеніи для нихъ все было по возможности ясно и понятно [3]).

Свое изслѣдованіе г. Карсавинъ назвалъ „очерками", подчеркнувъ этимъ, повидимому, отсутствіе въ книгѣ внѣшняго единства, имъ самимъ сознаваемое, и въ этомъ смыслѣ онъ поступилъ совершенно правильно. Но если бы кто-либо предположилъ, что эти

---

1) Все существенное въ этой замѣткѣ составляло содержаніе сказаннаго авторомъ на диспутѣ въ спб. унив. 12 мая 1913 г., въ качествѣ одного изъ офиціальныхъ оппонентовъ Л. П. Карсавина.

2) Пропусковъ въ библіографическомъ спискѣ мало. Почему-то не указаны ни VIII томъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité" Лорана, ни труды о францисканствѣ проф. Герье и Котляревскаго. Впрочемъ, книга послѣдняго называется въ текстѣ.

3) Наприм., на первыхъ же страницахъ авторъ начинаетъ употреблять одинъ терминъ (патарены), объясненіе котораго дается только на стр. 230.

очерки являются лишь эскизами, а не серьезными изслѣдованіями, такъ сказать, монографическаго характера, тотъ, несомнѣнно, сдѣлалъ бы большую ошибку: отдѣльныя главы, на которыя распадается текстъ книги, представляютъ собою не эскизы разныхъ религіозныхъ движеній и теченій въ Италіи XII—XIII вѣковъ, а настоящія монографическія обработки, очень основательно документированныя. Чтобы читатель могъ видѣть, сколько разныхъ частныхъ темъ затропулъ г. Карсавинъ въ своемъ трудѣ, я перечислю эти темы: 1) итальянскіе катары; 2) Арнольдъ и арнольдисты; 3) католическіе бѣдняки; 4) ломбардскіе ересіархи; 5) вальденсы; 6) леонисты; 7) гумиліаты; 8) францисканство; 9) еремиты; 10) клариссы; 11) религіозныя организаціи мірянъ; 12) „аллилуйя" и 13) флагелланты. Каждое изъ этихъ проявленій религіозной исторіи Италіи въ XII и XIII вв. (собственно съ середины XII до середины XIII столѣтія) разсматривается отдѣльно, общіе же итоги подводятся авторомъ въ заключительной главѣ. Для пишущаго эти строки не совсѣмъ только ясно, чѣмъ опредѣленъ данный порядокъ, въ которомъ разсматриваются названныя теченія и движенія итальянской религіозной жизни взятой имъ эпохи. Самъ авторъ, впрочемъ, находитъ въ своей книгѣ нѣкоторую „внѣшнюю безпорядочность" (предисловіе, стр. XIX) и даже указываетъ на ея основную причину. Именно, „параллельно съ основнымъ изслѣдованіемъ" въ его трудѣ данъ еще „рядъ побочныхъ изслѣдованій", вслѣдствіе чего ему пришлось „вести изложеніе по нѣсколькимъ путямъ". Главная тема изслѣдованія, дѣйствительно, оказалась загроможденною массою частностей и подробностей, не имѣющихъ къ ней прямого отношенія.

Объ этой главной, основной темѣ труда г. Карсавина я только и намѣренъ говорить въ дальнѣйшемъ. Когда я читалъ книгу, меня то и дѣло брало сомнѣніе, не является ли то или другое въ ней лишнимъ по отношенію къ тому, что самъ авторъ считаетъ наиболѣе важнымъ въ своемъ изслѣдованіи, центромъ его научнаго интереса, заставившаго его заняться изученіемъ столь большого, разнообразнаго и разбросаннаго матеріала и „углубиться, какъ самъ онъ говоритъ, въ вопросы, часто имѣвшіе къ основнымъ его задачамъ только косвенное и отдаленное отношеніе". Книга вообще была бы гораздо лучше, если бы авторъ убралъ окружающіе его зданіе лѣса и сдѣлалъ ее нѣсколько короче [1]).

„Нѣкоторое внутреннее единство", какъ выражается самъ г. Карсавинъ, придаетъ его отдѣльнымъ „очеркамъ" общее „оріенти-

[1]) Самъ авторъ высказывается противъ смѣшенія двухъ задачъ: „общей—характеристики религіозности эпохи и частной—изученія даннаго явленія" (стр. XVII.) и даже называетъ „безплодными" поиски зависимости одного движенія отъ другого" (стр. XIX). Между тѣмъ самъ онъ далеко не игнорируетъ эту послѣднюю тему, очень часто вообще касаясь вліянія одного движенія на другое.

рованіе къ религіозности широкихъ слоевъ общества, къ религіозности массъ" (стр. XVI—XVII), къ „народной религіи" эпохи, какъ онъ еще неоднократно выражается. Его интересуютъ главнымъ образомъ процессы, совершавшіеся въ глубинахъ народной психики, и съ этой точки зрѣнія очень многое, имъ изучавшееся, имѣетъ для него лишь „симптоматическое" значеніе (терминъ самого автора). Иногда онъ прямо указываетъ на простую „симптоматичность" того или другого явленія, „существо" же для него находится „по ту сторону [1]) внѣшнихъ проявленій религіозности массъ" (стр. 426). „Интересны, говоритъ онъ, не сами катары, а адепты катаризма, не эволюція догмы, а причины быстраго успѣха" (стр. 52). „Безголовость" одного изъ изученныхъ имъ движеній, т. е. отсутствіе у него яркихъ вождей, разсматривается имъ, напр., какъ „показатель подлинной религіозности массъ, не ограниченныхъ еще рамками извнѣ привнесенной доктрины" (стр. 279). Другими словами, у автора на самомъ первомъ планѣ въ его научномъ интересѣ не идеи, не догмы, не доктрины разныхъ ересей, сектъ, религіозныхъ сообществъ, еще того меньше внѣшнія ихъ проявленія въ формахъ культа, нравственной дисциплины и организаціи, а чувствованія, настроенія, внутреннія переживанія массъ, сама народная религіозность, какъ извѣстное психическое состояніе, заключающее въ себѣ своего рода предпосылки (ср. стр. 62) къ увлеченію тѣми или другими ученіями. Что главная задача г. Карсавина проникнуть „по ту сторону" внѣшнихъ проявленій въ самую, такъ сказать, душу народныхъ массъ, это онъ не устаетъ повторять при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя, повторяю, это не мѣшаетъ ему говорить обо многомъ, до-нельзя внѣшнемъ, вродѣ ежедневнаго распредѣленія занятій въ извѣстномъ религіозномъ общежитіи.

Если дозволительно дѣлить историковъ на историковъ-психологовъ и историковъ-соціологовъ, то г. Карсавина придется безъ всякихъ колебаній отнести къ первой категоріи. Историки-соціологи интересуются проявленіями политической, экономической и юридической жизни, иначе говоря, государствомъ, народнымъ хозяйствомъ, правомъ, тогда какъ интересы историковъ-психологовъ сосредоточиваются на духовной культурѣ, т. е. на религіи, философіи, литературѣ, искусствѣ, притомъ, однако, такъ, что одни довольствуются изученіемъ внѣшнихъ проявленій духовной культуры въ видѣ, наприм., извѣстныхъ религіозныхъ образовъ, догматовъ, заповѣдей, формъ культа и т. п., другіе же стремятся проникнуть „по ту сторону" видимой внѣшности въ самое нутро настроеній, психическихъ переживаній. Мы видимъ, что нашъ авторъ какъ-разъ ставитъ себѣ такую задачу и вмѣстѣ съ этимъ является „историкомъ-коллективистомъ", а не „историкомъ-индивидуали-

[1]) Потусторонность взята здѣсь, конечно, не въ метафизическомъ смыслѣ, а, напр., въ томъ, въ какомъ мы могли бы говорить о другой сторонѣ луны, нами невидимой.

стомъ", т. е. изучаетъ психику не отдѣльныхъ людей, а психику массъ, душу цѣлаго народа [1]). Онъ не врагъ біографическаго элемента въ исторіи и даже считаетъ его наиболѣе цѣннымъ для историка культуры, какъ „преломленіе и сочетаніе въ личности многихъ стихійныхъ процессовъ" (стр. 280), но въ данномъ трудѣ онъ весь поглощенъ интересомъ къ массамъ. Лишь потому, что св. Францискъ больше отразилъ на себѣ жизнь массъ и на нее самое оказалъ вліяніе, авторъ занялся въ своемъ трудѣ этою выдающеюся личностью, совершенно устранивъ св. Доминика, который не былъ такъ тѣсно связанъ съ народною религіозностью эпохи.

Удалось ли автору „Очерковъ религіозной жизни въ Италіи" разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу, внѣ всякаго сомнѣнія, представляющую собою очень оригинальную постановку вопроса и выдѣляющую разсматриваемый трудъ изъ цѣлаго ряда другихъ, посвященныхъ религіозной исторіи Италіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ да и вообще религіознымъ движеніямъ на Западѣ? Вотъ вопросъ, ради отвѣта на который я взялся за перо по поводу книги г. Карсавина.

Прежде всего, приходится спросить, существуютъ ли прямые источники, которые говорили бы о душевныхъ переживаніяхъ народныхъ массъ въ Италіи между серединами XII и XIII в.в., когда въ ней появлялось наибольшее количество ересей и ортодоксальныхъ проявленій религіозности? Дѣло въ томъ, что есть историческіе факты, прямо засвидѣтельствованные источниками, и историческіе факты, о которыхъ мы можемъ судить лишь путемъ умозаключеній отъ фактовъ первой категоріи, т. е. факты, о которыхъ источники молчатъ, предоставляя намъ самое констатированіе ихъ производить путемъ разнаго рода соображеній. Многіе единичные дѣятели, между прочимъ и въ области религіозной культуры, оставили, по себѣ болѣе или менѣе подлинные слѣды своихъ переживаній въ своихъ исповѣдяхъ, автобіографіяхъ, письмахъ, сочиненіяхъ и т. п. Но какъ разъ психика массъ, коллективная душа народа въ этомъ отношеніи является книгою за семью печатями. Г. Карсавинъ дѣлаетъ мало обоснованный комплиментъ музѣ исторіи, заявляя, что она заботится о необходимомъ для историковъ матеріалѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, нужно понимать одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что въ интересующемъ его случаѣ „дѣло не въ дефектахъ источниковъ", ибо „мудрая экономія Кліо всегда сохраняетъ намъ все нужное" (стр. 513). Если бы такъ!

Гораздо правильнѣе разсуждаетъ авторъ, когда указываетъ на то, что „количество данныхъ не всегда зависитъ отъ распространен-

[1]) На диспутѣ г. Карсавинъ говорилъ, что здѣсь я его не такъ, какъ слѣдуетъ, понялъ, но его возраженіе не заставило меня отказаться отъ своего мнѣнія.

ности явленія, часто лишь отъ особенностей источниковъ" (стр. 560). Вопреки лестной аттестаціи нашего историка, муза исторіи ведетъ плохо свое хозяйство, не подбирая на своей нивѣ множества важныхъ и интересныхъ фактовъ, собирая въ своихъ хранилищахъ немало ненужнаго, а изъ подобраннаго въ свое время далеко не все умѣя сохранить для историковъ. Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о „тѣхъ классахъ общества, о которыхъ историки и источники XII—XIII в.в. говорить не любятъ" (стр. 216), и это какъ разъ относится къ общественнымъ низамъ, къ массамъ, вообще интересующимъ больше всего нашего изслѣдователя. Впрочемъ, у него есть и болѣе опредѣленное указаніе на то, что религіозность низшихъ слоевъ общества „извѣстна намъ лишь косвенно и очень не полно" (стр. XVII). Значитъ, у г. Карсавина не было и не могло быть прямыхъ источниковъ для познанія того, что стоитъ въ центрѣ его изслѣдованія. Разъ однако у него все-таки были въ распоряженіи факты, которые могли косвенно о чемъ-либо свидѣтельствовать, ему нужно было ихъ выдѣлить изъ остального матеріала, служащаго у него и для побочныхъ цѣлей.

Терминъ „масса" или равносильный ему „широкіе слои общества" очень часто встрѣчается въ разсматриваемой книгѣ. Отличается ли онъ достаточною опредѣленностью, чтобы имѣть значеніе чисто научнаго термина? Если собрать всѣ мѣста, гдѣ даются нѣкоторыя поясненія термину, то мы увидимъ, что опредѣленіе понятія у автора отличается только приблизительностью. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что массы „не обладаютъ специфически догматическимъ творчествомъ" (стр. 2); изъ другого явствуетъ, что это „средніе люди, не слишкомъ темные, но и не слишкомъ просвѣщенные" (стр. XVII); въ третьемъ находимъ указаніе на существованіе нѣкотораго „средняго обывательскаго религіознаго идеала" (стр. 512), конечно, распространеннаго въ этихъ массахъ и потому особенно интересующаго автора, и т. п. Разумѣется, такіе люди встрѣчались во всѣхъ слояхъ общества, но наиболѣе „темныхъ", понятно, пришлось бы искать больше всего въ такъ называемомъ простонародьѣ, которое очень часто преимущественно главнымъ образомъ и имѣется въ виду г. Карсавинымъ, хотя онъ и оговаривается, что подъ религіозностью массъ онъ „подразумѣваетъ не только и не главнымъ образомъ религіозность низшихъ слоевъ общества" (стр. XVII). Массы, очевидно, противополагаются вождямъ движеній или правильно сорганизованнымъ обществамъ, вродѣ францисканцевъ. Но когда мы читаемъ о „притокѣ массъ" въ этотъ орденъ (стр. 350), мы не можемъ не чувствовать, что здѣсь слову придается нѣкоторый иной оттѣнокъ: раньше въ орденъ шли единицы, а тутъ вотъ стали притекать большія группы. Съ другой стороны, авторъ противополагаетъ массы „лицамъ,

стоящимъ внѣ соціальныхъ связей и легко ихъ разрывающимъ" (стр. 521). Далѣе, признакъ „массовости", „народности" тѣхъ или другихъ движеній г. Карсавинъ усматриваетъ въ „переплетеніи религіознаго съ политическимъ и соціальнымъ" (стр. 521), чѣмъ въ пониманіе массъ вносится новый существенный признакъ, раньше, когда говорилось о массахъ, не имѣвшійся въ виду.

Массы въ словоупотребленіи автора, это—что-то недостаточно опредѣленное, нѣсколько расплывчатое. Не видно, разумѣетъ ли онъ подъ этимъ терминомъ все населеніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ категорій лицъ, или различаетъ въ немъ разные элементы, т. е. не думаетъ о полной однородности массъ.

Есть основанія полагать, что въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ на второй точкѣ зрѣнія. По крайней мѣрѣ, мѣстами у него заходитъ рѣчь объ особыхъ группахъ населенія, о разныхъ слояхъ общества съ большею воспріимчивостью къ религіознымъ вліяніямъ, но что это за группы и слои, это остается безъ дальнѣйшихъ объясненій. О такихъ группахъ и слояхъ говорится, напр., на стр. 211, 213, 214, но что скажетъ намъ такое указаніе: „въ тѣхъ слояхъ, выразителями которыхъ были вальденсы"? Такъ же мало объяснено, что это были за слои, „питавшіе гумиліатскія организаціи" (стр. 358) и т. п. Только догадываться можно, что, говоря то о „слояхъ", то о „группахъ", авторъ въ первомъ случаѣ имѣлъ въ виду разные соціальные классы, а во второмъ — категоріи людей, которые, принадлежа къ разнымъ слоямъ общества, могли, напр., одинаково то или другое понимать, чувствовать и т. п., какъ на это даетъ намъ право нѣкоторая даваемая авторомъ классификація группъ населенія на основаніи разнаго отношенія входившихъ въ ихъ составъ людей къ церкви (стр. 215). При этомъ думается иногда, не слѣдуетъ ли въ иныхъ случаяхъ подъ „слоями общества" разумѣть въ книгѣ именно такія „группы населенія", а не соціальные классы. Вѣдь у г. Карсавина слишкомъ много указаній на то, что многія ученія находили адептовъ не въ одномъ какомъ-либо классѣ, а въ разныхъ. Если онъ, напр., утверждаетъ, что „среда, въ которой распространялось францисканство, отличается отъ среды, въ которой дѣйствовали еретики" (стр. 371), то говоритъ не о разныхъ соціальныхъ классахъ, а о людяхъ разнаго религіознаго настроенія.

Отсюда мы видимъ, что г. Карсавинъ расчленяетъ массы не соціологически, а психологически, соединяя въ группы людей одинаковаго религіознаго настроенія. Эта психологическая точка зрѣнія проявляется и въ исканіи авторомъ причины ереси не во внѣшнихъ фактахъ (въ ростѣ „состоянія церкви"), а „въ самомъ религіозномъ сознаніи массъ" (стр. 561). Въ книгѣ г. Карсавина какъ бы воскресаетъ старое понятіе народнаго сознанія, какъ источника общественныхъ явленій извѣстнаго рода, чего, конечно, самъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Часто употребляя выраженія „потреб-

ности эпохи", „тенденція эпохи", онъ поясняетъ, что „этотъ терминъ покрываетъ собою предположеніе о единообразной природѣ различныхъ... группъ и необходимости однородной ихъ реакціи на однородныя явленія" (стр. 80). Разъ это такъ, религіозность массъ получаетъ у нашего изслѣдователя значеніе „общаго религіознаго фонда, изъ котораго и на которомъ выростаютъ всѣ религіозныя движенія эпохи", причемъ въ одномъ выступаютъ однѣ, въ другомъ—другія черты этого фонда",—до случаевъ „полной почти атрофіи существеннѣйшихъ его чертъ" (стр. XVII). Такой гипотезой г. Карсавинъ сводитъ все разнообразіе того, что имѣется по сю сторону нашихъ наблюденій, къ нѣкоторому единству по ту ихъ сторону въ области настроенія массъ.

Вотъ тотъ путь, посредствомъ котораго въ „Очеркахъ религіозной жизни въ Италіи XII — XIII вѣковъ" изслѣдователь приходитъ къ познанію народной религіи. Это довольно гипотетическій путь, и я думалъ бы, что для полнаго познанія итальянской народной религіи слѣдовало бы обратиться, кромѣ того, что изучалось авторомъ, еще къ другому матеріалу — къ фольклору, въ особенности къ проявленіямъ массового двоевѣрія.

Эту сторону игнорировать не слѣдовало, и нужно было бы больше остановиться на „сплетеніи религіознаго съ политическимъ и соціальнымъ", въ каковомъ сплетеніи авторъ видитъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ „народности". Правда, мѣстами онъ говоритъ объ отдѣльныхъ случаяхъ этой связи (стр. 17, 18, 21, 22, 25, 64 и мн. др.), но, во-первыхъ, говорится объ этомъ вообще очень неравномѣрно, а, во-вторыхъ, въ разсмотрѣніе вопроса по существу авторъ не углубляется. Трехъ страницъ (554—557), на которыхъ высказаны нѣкоторыя общія соображенія объ этомъ, очень недостаточно въ виду обширности темы. Нужно было бы систематизировать хотя бы такія наблюденія, какъ то, что движеніе, извѣстное подъ именемъ „аллилуйя", имѣло менѣе чистый религіозный характеръ, нежели флагеллантство, которымъ и не удалось поэтому воспользоваться для политическихъ цѣлей (стр. 537).

Въ „аллилуйя" и флагеллантствѣ между тѣмъ для автора „пріоткрывается самая подлинная религіозная жизнь массъ" (стр. 538), хотя, кстати сказать, по общему представленію г. Карсавина, одно изъ этихъ движеній по своей аполитичности нужно было бы считать не особенно народнымъ. Вообще нельзя не пожалѣть, что тема о „сплетеніи религіознаго съ политическимъ и соціальнымъ" осталась мало разработанной, такъ что самое понятіе „состоянія общества", съ которымъ тутъ пришлось бы оперировать, чуть не въ первый разъ упоминается лишь въ концѣ книги (стр. 539), да и то по случайному поводу.

При всѣхъ выдающихся качествахъ книги Л. П. Карсавина въ ней есть, такимъ образомъ, крупный недостатокъ. Среди другихъ

задачъ, болѣе выполнимыхъ, авторъ задумалъ найти и изобразить нѣчто такое, для познанія чего у него не было прямыхъ источниковъ, именно изслѣдовать народную религію, или религію массъ, проникнуть въ массовую психику исключительно при помощи сектъ и ересей, не сдѣлавъ при этомъ предметомъ своимъ изысканій ни внѣшнее положеніе этихъ массъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, ни ихъ культурное состояніе, характеризующееся двоевѣріемъ, остатками паганизма и т. п. явленіями фольклора. Я думаю, что авторъ слишкомъ увлекся своимъ общимъ представленіемъ о религіозныхъ движеніяхъ, какъ только разнообразныхъ проявленіяхъ нѣкоторыхъ внутреннихъ переживаній коллективной души народа, нѣкотораго общаго сознанія народныхъ массъ,—переживаній притомъ, имѣющихъ почти исключительно внутреннія же причины, и это представленіе направило его работу на нѣсколько односторонній путь.

Заключая свою замѣтку, касающуюся, какъ я оговорился въ началѣ, только одной стороны труда молодого историка, выражаю искреннее желаніе, чтобы по этой, на мой взглядъ, слабой его сторонѣ читатели не составили себя неблагопріятнаго мнѣнія о книгѣ, взятой въ цѣломъ. Напротивъ, книгѣ Л. П. Карсавина я желаю всякаго успѣха, а автору—возможности продолжать свою талантливую изслѣдовательскую дѣятельность съ тою же энергіей, съ какою онъ ее началъ, и съ такими же обильными результатами, какъ и въ этихъ „Очеркахъ“.

Н. Карѣевъ.

Василій Михайловичъ Соболевскій.

(Некрологъ).

9 мая въ Гаграхъ, на Черноморскомъ побережьѣ, умеръ Василій Михайловичъ Соболевскій.

Это имя само по себѣ мало извѣстно широкой публикѣ. Но оно слилось въ представленіи читателей съ газетой „Русскія Вѣдомости“ и слилось до такой степени, что съ одной стороны утонуло въ ней безъ остатка и съ другой—сказалось со всей полнотой выдающейся и богато одаренной личности.

Свою карьеру В. М. Соболевскій началъ въ качествѣ ученаго и писателя. И въ той, и въ другой области онъ сразу обратилъ на себя вниманіе и возбудилъ большія надежды. Возможно, что въ концѣ концовъ онъ выбралъ бы окончательно каѳедру или перо, и его имя заблистало бы своимъ собственнымъ личнымъ свѣтомъ. Для этого у него были всѣ данныя: основательныя познанія и блестящія качества писателя.

Случилось однако иначе. Въ семидесятыхъ годахъ издавалась

въ Москвѣ небольшая и скромная газета, носившая названія „Русскія Вѣдомости“. Редакторомъ и издателемъ ея былъ Скворцовъ. Газета была извѣстна въ литературныхъ кругахъ, какъ честный органъ передового направленія, но ни широкаго распространенія, ни особеннаго авторитета у него не было.

Скворцовъ, повидимому, обладалъ чутьемъ даровитаго редактора. Онъ быстро замѣтилъ молодого журналиста и ученаго, появившагося на московскомъ горизонтѣ, и привлекъ В. М. Соболевскаго сначала въ качествѣ сотрудника, а затѣмъ и въ редакцію. Газета подписывалась двумя именами. Но затѣмъ Скворцовъ умеръ, и дальнѣйшая судьба газеты осталась въ рукахъ Соболевскаго.

Съ этихъ поръ личность Соболевскаго уже неотдѣлима отъ газеты. Ученый и журналистъ — онъ становится основной осью, вокругъ которой кристаллизуется та устойчивая и своеобразная литературная группа, которая опредѣлила единственную въ своемъ родѣ физіономію „профессорской газеты“. Конечно, газета создана не однимъ Соболевскимъ. Въ ея образованіи участвовало много яркихъ именъ. Но всѣ они или огромное большинство приходили позже, или уходили опять въ другое дѣло; работая въ газетѣ, они отдавали часть своихъ силъ каѳедрѣ, какъ Чупровъ, Посниковъ, Мануиловъ, ученой дѣятельности или искусству, какъ Бларамбергъ. У всѣхъ была еще часть жизни, не поглощенная газетой. Соболевскій съ самаго начала отдалъ всѣ богатыя возможности, которыми обладалъ, общему дѣлу. Его личная карьера была кончена. Возможный ученый и возможный блестящій писатель сталъ редакторомъ газеты, которая вся оказалась проникнутой глубокой серьезностью, и гражданскимъ чувствомъ...

Мы не имѣемъ въ виду характеризовать здѣсь „Русскія Вѣдомости“. Соболевскій не дожилъ до близкаго уже юбилея газеты, когда, конечно, придется еще много разъ вспомнить и его имя. Здѣсь мы укажемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ на основныя черты этого дѣла его жизни.

Газета издавалась въ Москвѣ, а условія существованія московской прессы были всегда гораздо труднѣе петербургской. Чиновничій Петербургъ тоже мало благоволилъ къ русской печати. Но Петербургъ все-таки поддается настроеніямъ минуты. Въ Москвѣ осталось еще много отъ фамусовскихъ традицій, съ ихъ „патріархальностью“ и капризами. Кромѣ общаго чиновничьяго давленія надъ россійской печатью, исходившаго отъ департаментовъ,—надъ Москвой всегда стояла еще возможность совершенно неожиданной грозы генералъ-губернаторскихъ сферъ, съ ихъ случайными людьми и фаворитами. Петербургскому цензурному комитету приходилось думать лишь о томъ, что скажутъ по поводу той или другой статьи „Главное Управленіе“ или министръ. Московская цен-

зура была озабочена, кромѣ того, еще вопросомъ: что скажутъ въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ. И въ то время, какъ съ департаментами и въ министерствѣ возможны все-таки нѣкоторыя объясненія,—генералъ-губернаторскіе громы нужно было принимать безропотно, какъ стихію.

Но и этого мало. Въ восьмидесятыхъ годахъ Москва имѣла еще одну, никакими законами непредусмотрѣнную власть,—журналиста Каткова. Рѣдкій номеръ „Московскихъ Вѣдомостей" того времени не несъ съ собой какого-нибудь предупрежденія объ опасности, какого-нибудь указанія на очаги крамолы въ обществѣ, въ судѣ, въ земствѣ и, главнымъ образомъ, въ печати. Какъ бывшій либералъ и настоящій ренегатъ конституціонализма,—Катковъ отлично понималъ, что въ русскомъ обществѣ, загнанномъ, угнетенномъ и запуганномъ, все-таки неискоренимы извѣстныя ожиданія, что они ищутъ выхода и находятъ его главнымъ образомъ въ печати. Катковъ съ бѣшенствомъ кидался на каждое проявленіе этого всепроникающаго „духа времени", и его статьи, направленныя противъ того или другого органа печати,—почти всегда звучали, какъ похоронный звонъ.

Совершенно понятно, съ какимъ чувствомъ этотъ „Père Duchesne" русской реакціи смотрѣлъ на то обстоятельство, что обокъ съ Страстнымъ бульваромъ, рядомъ съ его „Московскими Вѣдомостями", арендуемыми у московскаго университета, возникаетъ, растетъ, пріобрѣтаетъ авторитетъ „профессорская газета", служащая настоящимъ фокусомъ сначала московскаго, а потомъ и всероссійскаго либерализма.

Нужно было очень много такта и того, что принято называть змѣиной мудростью, чтобы просто уцѣлѣть при этихъ „сложныхъ" условіяхъ. Исторія русской повременной печати отмѣчаетъ за эти годы цѣлый рядъ изданій, погибшихъ подъ градомъ доносовъ „Московскихъ Вѣдомостей" и ихъ петербургскаго подголоска „Гражданина". Не говоря о „Голосѣ", „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", можно указать много кратковременно существовавшихъ газетъ, погибавшихъ, какъ только успѣвала обозначиться ихъ либеральная физіономія.

„Русскія Вѣдомости" уцѣлѣли. Уцѣлѣть въ то время, когда погибли „Отечественныя Записки" и столько другихъ изданій,—это, конечно, само по себѣ еще не заслуга, тѣмъ болѣе, что значительную роль въ этомъ играла случайность: „Русскія Вѣдомости" также не разъ переживали кризисъ, когда ихъ существованіе висѣло на волоскѣ. Можно сказать, выражаясь фигурально, что газета, редактировавшаяся Соболевскимъ, билась на передовыхъ позиціяхъ въ отрядѣ, который далъ огромный процентъ смертности. А это уже большая заслуга, если принять въ соображеніе, что газета ни разу не измѣнила себѣ, что никогда, въ самыя тяжелыя времена, она не переставала стоять за основныя черты своей программы,

которая была также программой передового русскаго общества; что, наконецъ, она стала однимъ изъ немногихъ центровъ, вокругъ которыхъ складывались традиціи русской передовой мысли...

И огромная доля этого гражданскаго подвига принадлежитъ только что ушедшему отъ насъ глубоко симпатичному человѣку, который, отдавъ газетѣ свои незаурядныя дарованія, наложилъ на нее неизгладимую печать своей личности.

В. Кор.

НОВЫЯ КНИГИ.

Земля. Сборникъ двѣнадцатый. *М. Арцыбашевъ*—Мститель. *Н. Крашенинниковъ*—Дѣвственность. Московское издательство. Москва. 1913.

Сборникъ „Земля" на этотъ разъ посвященъ маркизамъ, баронамъ и князьямъ. И въ разсказѣ Арцыбашева и отчасти у Крашенинникова дѣйствуютъ титулованные люди. М. Арцыбашевъ изобразилъ итальянскаго маркиза, совершившаго убійство, очень похожее на одно изъ тѣхъ убійствъ, которыми торовата текущая жизнь. Это уже второй разсказъ, происходящій за долами, за горами, въ нѣкоторомъ царствѣ, но не въ нашемъ государствѣ, подвластномъ перу автора „Санина". Въ предыдущемъ разсказѣ,—если помнитъ читатель,—главное дѣйствующее лицо—голова французскаго ученаго, которая, будучи отрублена (конечно, дѣйствіе происходитъ на гильотинѣ во времена французской революціи), сдержала обѣщаніе, данное ученымъ при жизни, трижды моргнуть глазами. Теперь разсказывается объ итальянскомъ маркизѣ, пожирателѣ женскихъ сердецъ, нашедшемъ себѣ мстителя въ лицѣ оборванца. И оба пали мертвыми почти въ одинъ и тотъ же моментъ послѣ смертнаго боя. Оборванецъ палъ отъ раны, нанесенной маркизомъ въ спину, а маркизъ отъ руки оборванца—отъ раны въ животъ и перерѣзаннаго горла. Послѣ удара въ животъ маркизъ почувствовалъ, что „брюки на животѣ какъ-будто какъ-то ослабли и весь низъ туловища раскисъ въ чемъ-то мокромъ и страшномъ". Но конецъ пришелъ все же лишь послѣ того, какъ оборванецъ перерѣзалъ ему еще и горло. Послѣ обстоятельнаго изображенія конвульсій стоитъ автографическая подпись: М. Арцыбашевъ.

Перенесеніе дѣйствія за рубежъ родныхъ условій, несомнѣнно, правильная вещь.

Это правило выдумалъ еще некрасовскій цензоръ: „Переносится дѣйствіе въ Пизу, и спасенъ многотомный романъ". У цензора были свои основанія; у автора „Санина" и „У послѣдней черты" свои. Мы охотно готовы вѣрить, не вдаваясь въ подробности, о далекихъ маркизахъ.

У г. Крашенинникова въ романѣ вопросъ о проблемѣ пола.

Донынѣ мы встрѣчались съ положительнымъ освѣщеніемъ проблемы. Авторы-художники давали воспѣваніе чувства, приносящаго радость; право неотъемлемое человѣчества на эту радость; философію этой радости, ибо она есть настоящая и даже единственная основа жизни; было почти естественно, что ее можно добывать съ помощью силы, какъ когда-то австралійцы, по даннымъ описательной соціологіи. У автора „Дѣвственности" проблема поставлена наоборотъ. Онъ взялъ героемъ „страннаго человѣка", извѣстнаго писателя, который не хочетъ считаться ни съ чѣмъ, кромѣ своихъ идей. Онъ и идеалистъ, и вегетаріанецъ, и поэтъ женской непорочности. Поэтому онъ старается такъ воспитать свою дочь, чтобы эта сторона жизни была неизвѣстна ей. Но всѣ его усилія имѣютъ результатомъ пораженіе. Сквозь дѣвическую чистоту и черезъ искусственную отрѣзанность она — эта сторона жизни—пробивается безсознательнымъ инстинктомъ и, не находя объекта, невинно обращается и на мальчика-чистильщика сапогъ и на отца, пока наконецъ не находитъ естественнаго исхода, обратившись въ настоящее чувство дѣвичьей любви, когда является герой-князь Шабельскій.

Спеціалисты находятъ, что въ передачѣ настроеній дѣвушки съ искусственно подавленной жизнью инстинкта г. Крашенинниковъ очень близокъ къ даннымъ науки. Мы не можемъ, конечно, разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія. Для насъ повѣсть г. Крашенинникова—произведеніе художественной категоріи, которое можетъ и не быть согласно съ точной наукой, но должно быть убѣдительнѣй точной науки, въ силу особой, присущей художникамъ власти надъ читательской душой.

Но если предъявлять требованіе къ „Дѣвственности" въ этомъ отношеніи, подходя къ „Запискамъ страннаго человѣка" какъ къ беллетристическому произведенію, то приходится сказать, что эти огромныя записки слишкомъ тягучая вещь, гдѣ образы мало доказываютъ, гдѣ все поглощаетъ навязчивая идея о дѣвственности, напряженно трактуемая, безъ той естественной пропорціональности въ жизненныхъ переживаніяхъ изображенныхъ лицъ, которая заставляетъ повѣрить, что они живутъ на самомъ дѣлѣ съ нами.

Если же разсматривать „Дѣвственность", какъ попытку освѣтить вопросъ, то нужно признать ее интересной. Послѣ тѣхъ вульгарныхъ пустяковъ, которыми была загромождена въ литературѣ „проблема пола", было бы крайне интересно встрѣтить художественную попытку покончить съ пережитками аскетическаго словаря, дающими ореолъ „непорочности" дѣвушкѣ, какъ таковой, и отказывающей тѣмъ самымъ въ ореолѣ женщинѣ. Впрочемъ, даже и не отказываютъ вѣдь: женщина, ставшая матерью, тоже пріобрѣтаетъ свой собственный ореолъ. Имѣетъ его въ дѣйствительности и женщина-жена. Но все это связано въ какую-то путаницу переживаній, гдѣ роковымъ образомъ все-таки мѣшаютъ

слова: „непорочность“ и „чистота“, относимыя только къ дѣвушкѣ. Господство „проблемы пола“ въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлало. Наоборотъ, „проблема“ еще больше осложнила психологію вопроса, попытавшись установить, что освѣдомленный въ „проблемѣ“ современный человѣкъ не можетъ находить ничего отталкивающаго даже въ проституціи и проституткахъ, почему-то (съ точки зрѣнія „проблемы“) служащихъ предметомъ отвращенія и душевной боли за ихъ поруганную женскую душу. Модернизмъ вмѣсто разрѣшенія вопроса попытался отвергнуть его, начиная отъ проституціи.

У г. Крашенинникова такихъ эксцессовъ трактовки, конечно, нѣтъ. Для него задача была отождествить женщину-дѣвушку и женщину-недѣвушку въ одномъ и томъ же ореолѣ внутренней чистоты, признанной устами „страннаго человѣка“, поэта „дѣвственности“. Это былъ цѣнный замыселъ. Но онъ остался невыполненнымъ. Такой замыселъ можетъ быть осуществленъ лишь при помощи освѣщенія путаницы въ человѣческихъ *словахъ*, рефлексомъ бросающихъ темныя тѣни на свѣтлыя человѣческія чувства. А г. Крашенинниковъ вмѣсто этого заставляетъ своего героя обволакивать вопросы разными мистическими словами: дѣвушка-Мадонна; мать-Мадонна; оправданіе извѣчно-таинственнаго велѣнія жизни; чудо непорочнаго зарожденія и пр., и пр.

Увы! все это было и ранѣе; если не эти, то подобныя слова были говоримы и ранѣе. Но отъ этого вопросъ объ *униженіи* женщины, въ періодъ между „непорочнымъ“ дѣвичествомъ и материнствомъ, не переставалъ существовать. Нуженъ свѣтъ; но свѣтъ не мистическій, а живой человѣческой психологіи. Этого еще не сдѣлано, не сдѣлано и въ романѣ г. Крашенинникова.

А. Серафимовичъ. Городъ въ степи. Романъ. Сочиненія. Томъ шестой. Изд. „Шиповникъ“. (Года нѣтъ). Стр. 228. Ц. 1 р. 25 к.

А. Серафимовичъ—писатель опредѣлившійся. По скромности своей онъ никогда не рѣшалъ никакихъ „проблемъ“, не брался за кричащія, модныя темы, не ошеломлялъ читателя дерзаніями и, можетъ быть, потому имя его ни разу не было окружено большимъ шумомъ, хотя, по размѣрамъ таланта, онъ несомнѣнно крупнѣе не одного изъ прославленныхъ метеоровъ нашей литературной современности. Можетъ быть, это отсутствіе отваги, литературная честность, строгость къ себѣ—не частыя въ наши дни писательскія качества—и держатъ его въ нѣсколько узкой сферѣ изображенія, главнымъ образомъ, южно-русскаго быта, степи, степныхъ людей,—той области, которую онъ доподлинно знаетъ, безошибочно понимаетъ и чувствуетъ. Тутъ онъ—рѣдкій мастеръ и пейзажа, и жанра, и бытового діалога, искрящагося своеобразнымъ юморомъ, красочнаго и многоцвѣтнаго, какъ сама жизнь. Романъ „Городъ въ степи“

даетъ широкую картину той же степи, глухой, пустынно-дикой и впервые потревоженной господиномъ Купономъ,—той современной культурой, въ первыхъ рядахъ которой шагаетъ откровенный хищникъ и грабитель. Надо видѣть эти интересные поселки-города американскаго типа, возникающіе и по сей день, на нашихъ глазахъ, среди молчаливыхъ, безбрежныхъ степей, растущіе съ головокружительной быстротой, гдѣ рядомъ съ гигантскими заводскими сооруженіями, электричествомъ, отдѣленіями банковъ въ безпорядкѣ разсыпаны полу-землянки безъ дворовъ, похожія больше на собачьи конуры, чѣмъ на человѣческое жилье, гдѣ не менѣе трехъ-четырехъ шантановъ, десятки публичныхъ домовъ, игорныхъ притоновъ, трактировъ, пивныхъ—и нѣтъ церкви, нѣтъ школы, на улицахъ невылазная грязь или гигантскія кочки; гдѣ съ почти сказочной стремительностью создаются богатства, вчерашній лапотникъ сегодня становится милліонеромъ и надѣваетъ цилиндръ, продолжая въ кружокъ стричь волосы; гдѣ въ погонѣ за удачей люди по-волчьему перегрызаютъ горло другъ другу... Надо—повторяемъ—хоть мелькомъ видѣть эту лихорадочную, жадную, жестокую жизнь, чтобы вполнѣ оцѣнить то мастерство, съ какимъ изобразилъ ее А. Серафимовичъ въ своемъ романѣ. „Дымки подымаются надъ глинистыми бугорками. Когда приглядишься, это—мазанки и землянки, далеко разбросанныя то кучками, то врозь, безъ улицъ, безъ переулковъ, безъ церквей... Словно невѣдомая орда шла по степи и заночевала, и надъ становищемъ подымается пахучій кизячный дымъ. Но, связывая съ представленіемъ о людяхъ, о людскомъ, обыкновенномъ, прочномъ и долговѣчномъ, бѣлѣютъ за полотномъ станціонныя зданія, незаконченныя желѣзнодорожныя стройки да великолѣпное зданіе съ садомъ, клумбами, тополями, которое занимаетъ начальникъ дистанціи. А съ другой стороны, на отшибѣ отъ поселка, прямо и высоко четырьмя углами новаго двухъэтажнаго сруба подымается трактиръ"... Это — первый ростокъ „города въ степи". Центромъ его былъ этотъ вотъ самый трактиръ и его владѣлецъ Захарка Корođовъ, — центральная фигура въ романѣ, — впослѣдствіи Захаръ Касьянычъ, владѣлецъ фабрики и нѣсколькихъ заводовъ. „Люди проводили дорогу, шили сапоги, набивали обручи, строили землянки, торговали, работали, пьянствовали, рождались и умирали — казалось Захаркѣ—только для него, чтобы крѣпъ, росъ и ширился его домъ, его дѣла. Даже воровали для его благополучія, такъ какъ безъ остатка пропивали наворованное въ его трактирѣ"... Вмѣстѣ съ ростомъ поселка росъ и Захарка, а рядомъ съ нимъ другіе хищники — помельче. Всѣ они изображены авторомъ ярко, выпукло, чертами рѣзкими, но вполнѣ реальными. Въ этомъ изображеніи чувствуется настоящая сила таланта. Не забываются также нѣкоторыя эпизодическія фигуры — странниковъ, рабочихъ, мѣщанъ, фальшивомонетчиковъ. Въ изображеніи персонажей изъ интеллигенціи чувствуется нѣкоторая робость, склонность къ трафарету

Читаешь и невольно припоминаешь: гдѣ-то были уже эти лица,— можетъ быть, у того же А. Серафимовича. Есть и еще недостатки въ романѣ. Порой автору какъ будто измѣняетъ чувство мѣры. Трагическая фигура Кары, дочери трактирщика Захарки, лишь выиграла бы, если бы была менѣе демонической и трагической. Кстати: почему-то сынъ Кары Сергѣй носитъ тоже фамилію Короѣдова. Хотя по роману Захарка Короѣдовъ приходится ему одновременно дѣдомъ и отцомъ, но есть указанія и на наличность юридическаго родителя, мужа Кары, находящагося въ полку. Конечно, зять могъ быть и однофамильцемъ тестя, но — можетъ быть — авторъ просто не справился съ метриками? Съ беллетристами это случается... Не выигрываетъ романъ и отъ нѣкоторой—мѣстами—вычурности языка и образовъ,—результатъ уклона въ сторону модернистской манеры письма. Серафимовичъ — превосходный пейзажистъ и никакой не было ему надобности прибѣгать въ такимъ, напримѣръ, фигурамъ: „неподвижно и немѣняемо, какъ разинутый ротъ, глядѣла неоглядная степь"... Недостатки эти тонутъ въ томъ значительномъ и яркомъ, чѣмъ густо насыщенъ „Городъ въ степи". То обстоятельство, что это произведеніе прошло почти незамѣченнымъ въ критикѣ, а около вещей, несравненно менѣе талантливыхъ, былъ даже нѣкоторый шумъ, характерно для современныхъ вкусовъ, но не убійственно для романа А. Серафимовича.

Новеллы итальянскаго Возрожденія, избранныя и переведенныя **П. Муратовымъ**. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Т. I., стр. 348+II. Ц. 2 р. 50 к. Т. II., стр. 349+II. Ц. 2 р. 50 к. Москва 1913.

Будетъ жаль, если этотъ интересный сборникъ не найдетъ читателей или—что гораздо вѣроятнѣе и гораздо печальнѣе — найдетъ не надлежащихъ. Мы имѣемъ тягостный опытъ: новеллы Боккаччьо въ русскомъ переводѣ едва были замѣчены широкой критической литературой, а между тѣмъ въ библіотекахъ довольно значителенъ спросъ на „Декамерона", едва ли объяснимый культурно-историческимъ значеніемъ книги. Это культурно-историческое значеніе новеллъ итальянскаго возрожденія хорошо характеризуетъ составитель сборника, давшій кромѣ общей вступительной статьи еще рядъ отдѣльныхъ предисловій и замѣтокъ, посвященныхъ отдѣльнымъ эпохамъ въ развитіи новеллы и ея представителямъ. Книги новеллистовъ, по его указанію, открываютъ намъ зрѣлище жизни итальянскаго Возрожденія въ движеніи. Въ новеллахъ сравнительно мало быта и мало искусства, мало высокаго вдохновенія и мало даже разнообразія; но въ нихъ много житейской правды, много движенія, много происшествій, много даже психологіи; хотя чужды имъ глубины душевной жизни, но онѣ показываютъ все-таки, какими интересами жили люди ихъ эпохи. Среди этихъ интересовъ на первомъ планѣ любовь — настойчивая

въ стремленіи, чувственная въ проявленіи, грубоватая въ своей физіологичности. Не мудрено, что изображеніе ея, веселое и простодушное, оказалось фривольнымъ и подчасъ непристойнымъ. Но уже это простодушіе пропастью отдѣляетъ старую итальянскую новеллу отъ эротики новаго времени. Эротики всегда тенденціозны; ихъ цѣль не только изобразить, но прежде всего возбудить извѣстныя чувства. Новеллисты относятся къ физіологической сторонѣ любви, какъ къ житейскому факту, пригодному для забавнаго разсказа; они не знаютъ ни поученій, ни подстрекательства. Правильно напоминаетъ г. Муратовъ, что изъ нихъ только немногіе умышленно замедляютъ темпъ своего повѣствованія, когда доходятъ до изображенія любовныхъ сценъ. „Хотя слова, которыми они говорятъ о любви, не всегда серьезны съ современной точки зрѣнія, было бы ошибочно не видѣть скрывающейся за этими словами серьезности чувствъ. Новеллисты уважаютъ въ любви силу, самымъ рѣшительнымъ образомъ нарушающую равновѣсіе жизни и вызывающую самую затѣйливую игру характеровъ. Человѣкъ интересуетъ ихъ только тогда, когда онъ подвергается различнымъ испытаніямъ. Любовь больше всего привлекаетъ ихъ вниманіе потому, что это самое обычное изъ испытаній человѣческой жизни, человѣческой энергіи“.

Все это такъ, но, увы, за вѣка, отдѣляющіе насъ отъ новеллы Возрожденія, неизмѣннымъ остался только ея текстъ, а не ея содержаніе, которое зависитъ и отъ читателя, не та новая атмосфера, въ которую попадаетъ нынѣ новелла. Городская жизнь, усложненіе всѣхъ отношеній, соціальныхъ и душевныхъ, болѣзненная неустойчивость новой психики, горы дѣйствительно эротической литературы, вошедшей въ обиходъ:—все это подготовило новеллѣ новаго читателя, полу-культурнаго, преждевременно-зрѣлаго, преувеличенно-чуткаго къ эротическимъ намекамъ. Нѣтъ нужды замалчивать опасную возможность, что именно такой читатель явится, особенно у насъ, преимущественнымъ потребителемъ итальянской новеллы. Тѣмъ большая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ читателяхъ, которые могутъ культурно воспринять и культурно истолковать милыя произведенія старой литеротуры, раскрывающей предъ нами старую жизнь. Составитель сборника сдѣлалъ все, чтобы придать своей книгѣ именно такой серьезный смыслъ безъ научной скуки и безъ популяризаціоннаго легкомыслія.

André Lirondelle. Le poète **Alexis Tolstoï**. L'homme et l'oeuvre. Paris (Hachette). 1912. Стр. XI+677. Ц. 12 фр.

Его же. Shakespeare en Russie. Paris (Hachette). 1912. Стр. 249. Ц. 5 фр.

I. Patouillet. Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. 27 Deuxième édition. Paris (Plon-Nourrit). 1913. Стр. XI+481. Ц. 10 фр.

Новое и любопытное явленіе представляетъ собой эта группа французскихъ „russisants"—и русская литература не могла бы оправдаться отъ обвиненія въ неблагодарности, если бы не отмѣтила сочувственно обстоятельныхъ и серьезныхъ историко-литературныхъ работъ французскихъ ученыхъ. Нѣтъ нужды говорить о трудностяхъ, встрѣченныхъ ими на пути изученія русскихъ писателей,—начиная съ неустановленной латинской транскрипціи русскаго письма и кончая почти невозможностью для человѣка, для котораго русскій языкъ не былъ роднымъ, проникнуть въ смыслъ и оттѣнокъ русскаго слова. И однако — это надо поставить въ честь французскимъ изслѣдователямъ—они не искали легкихъ задачъ; наоборотъ, они избрали самыя трудныя.

Прежде всего они пишутъ не только для несвѣдущаго иностраннаго читателя, которому не дѣлаютъ никакихъ уступокъ: ихъ работы сохраняютъ все значеніе, всю цѣнность и для русскаго спеціалиста; это не популярныя книжки о русской литературной экзотикѣ, которыхъ было такъ много на Западѣ и раньше: это настоящія научныя изслѣдованія, подъ которыми не стыдно было бы подписаться и русскому эрудиту. Мало того—г. Патуйе избралъ для изслѣдованія писателя столь тѣсно связаннаго съ бытомъ, какъ Островскій; г. Лирондель нашелъ возможнымъ изучать мастера лирической рѣчи,—и однако у нихъ почти не встрѣчается грубыхъ промаховъ, вызванныхъ недостаточнымъ знакомствомъ съ языкомъ или жизнью. Оба изучили всю подлежащую литературу—и едва ли возможно безъ придирокъ указать существенные пробѣлы въ ихъ библіографическихъ указаніяхъ; естественно, что къ ихъ книгамъ будетъ отнынѣ вынужденъ обратиться всякій русскій ученый, занявшійся тѣмъ же или смежнымъ предметомъ.

Обѣ критико-біографическія монографіи построены по одному приблизительно плану: сначала подробно и самостоятельно обслѣдована жизнь поэта, затѣмъ охарактеризованы его отдѣльныя произведенія и ихъ мотивы и въ заключеніе дается общая оцѣнка его творчества. Критическая часть работы г. Патуйе исходитъ болѣе изъ общественныхъ критеріевъ; особенно много вниманія онъ удѣляетъ соціальнымъ тенденціямъ драмы Островскаго; даже въ послѣдней части, посвященной общей ея оцѣнкѣ, отдѣльныя главы обслѣдуютъ правдивость изображенія купеческихъ и прочихъ типовъ, моральныя и политическія идеи Островскаго, и лишь заключительная глава всей книги даетъ опытъ изученія искусства Островскаго: вліяній, имъ испытанныхъ, техническихъ средствъ его мастерства, построенія его характеровъ, его языка. Наоборотъ, г. Лирондель, отдавая при изученіи творчества гр. Алексѣя Толстого дань естественному интересу къ философско-эстетическому міровозрѣнію поэта, все же наибольшее вниманіе удѣляетъ именно

его художественнымъ пріемамъ; здѣсь даны характеристики чувства природы у поэта, его юмора и остроумія, его словаря и поэтическаго стиля. Особенность книги г. Лиронделя составляютъ интересные сырые матеріалы, которые удалось добыть изслѣдователю изъ бумагъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе близкими поэта.

Работа того же автора, посвященная судьбамъ Шекспира въ Россіи, охватываетъ вѣкъ нашего литературнаго развитія (1748—1840). Онъ слѣдитъ за отраженіями шекспировскаго театра въ русскомъ обществѣ, въ критикѣ, на сценѣ, въ переводной литературѣ. Роль англійскаго драматурга въ русскомъ литературно - общественномъ развитіи представляется автору въ общемъ чрезвычайно высокой; но кромѣ этого—поддержаннаго очень конкретными данными—вывода мы не находимъ въ книгѣ болѣе широкой общей характеристики, — быть можетъ, потому, что изслѣдованіе г. Лиронделя на этотъ разъ заканчивается 1840-мъ годомъ. Позволительно ждать продолженія интересной работы, равно какъ развитія русскихъ изслѣдованій среди французскихъ ученыхъ. Удачный опытъ показываетъ, что иностранцамъ изученіе Россіи вполнѣ доступно, а для русскихъ въ высшей степени полезно, такъ какъ подчасъ непредвзятый взглядъ иностранца раскрываетъ въ творчествѣ русскаго писателя то, что оставалось незамѣтно его соотечественникамъ.

Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Томъ десятый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Е. Колосова. Съ приложеніемъ вступительной статьи Н. С. Русанова, предметнаго систематическаго указателя ко всѣмъ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго, указателя литературы о немъ и краткаго именного указателя. Изданіе 2-е. Изданіе Н. Н. Михайловскаго. СПБ. 1913. Стр. LXXII + 1154. Ц. 2 р.

Съ настоящимъ томомъ сочиненій Н. К. Михайловскаго произошла характерная для современнаго положенія русской литературы исторія: первое изданіе этого тома совсѣмъ не попало въ руки читающей публики, и она получаетъ прямо второе его изданіе. Дѣло въ томъ, что редакція десятаго тома включила въ него, между прочимъ, произведенія Н. К. Михайловскаго, напечатанныя въ свое время въ различныхъ нелегальныхъ изданіяхъ. Это обстоятельство повлекло за собою конфискацію всего изданія и редакціи пришлось произвести рядъ сокращеній въ инкриминированномъ матеріалѣ и уже въ такомъ сокращенномъ видѣ выпустить „второе“ изданіе десятаго тома.

Нельзя не пожалѣть, конечно, что даже и теперь, черезъ девять лѣтъ послѣ смерти самого Н. К. Михайловскаго, русское общество все еще не можетъ полностью ознакомиться съ литературной дѣятельностью одного изъ самыхъ крупныхъ и благородныхъ

своихъ руководителей. Но, и помимо названныхъ произведеній, даже въ неполномъ своемъ видѣ чрезвычайно цѣнныхъ для характеристики общественной и писательской физіономіи Н. К. Михайловскаго, вновь вышедшій десятый томъ собранія его сочиненій заключаетъ въ себѣ богатое и разнообразное содержаніе. Въ него вошли, съ одной стороны, журнальныя и газетныя статьи Н. К Михайловскаго, не введенныя имъ самимъ при жизни въ собраніе его сочиненій, статьи, немалая часть которыхъ была въ свое время напечатана анонимно, съ другой—анонимныя же рецензіи, напечатанныя въ „Книжномъ Вѣстникѣ" (1865—1867 гг.), въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1870—1884 гг.) и въ „Русскомъ Богатствѣ" (1893 — 1904 гг.). Аналогичный же матеріалъ долженъ войти и въ слѣдующій, одиннадцатый томъ, которымъ предполагается закончить собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Разысканіе всего этого матеріала и установленіе принадлежности нѣкоторыхъ изъ входящихъ въ него произведеній Н. К. Михайловскому потребовали немалаго труда, и нельзя не быть признательнымъ редактору десятаго тома, г. Колосову, взявшему на себя этотъ трудъ. Правда, редакторская работа г. Колосова не вполнѣ свободна и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Включенныя въ десятый томъ статьи Н. К. Михайловскаго расположены здѣсь безъ особой системы, съ чрезмѣрнымъ пренебреженіемъ къ ихъ хронологіи, и хотя разбиты на различныя рубрики, но рубрики эти довольно произвольны и мало помогаютъ читателю. Что касается помѣщенныхъ въ десятомъ томѣ рецензій Н. К. Михайловскаго, то въ числѣ ихъ есть и такія, которыя въ свое время являлись простою отмѣткою о выходѣ въ свѣтъ той или иной книги и которыя поэтому врядъ ли была нужда перепечатывать даже въ полномъ собраніи сочиненій, имѣя въ виду, что совершенно полнымъ оно все равно быть не можетъ. Встрѣчаются въ этомъ отдѣлѣ и прямыя ошибки. Такъ на ст. 1071—73 перепечатана изъ „Р. Богатства", какъ написанная Н. К. Михайловскимъ, рецензія на книгу „Галлерея русскихъ писателей", въ дѣйствительности принадлежащая А. Г. Горнфельду. Не вполнѣ удовлетворительны, далѣе, и приложенные къ десятому тому указатели. Именной указатель къ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго г. Колосовъ обѣщаетъ дать въ одиннадцатомъ томѣ, а въ десятомъ зачѣмъ-то даетъ небольшое извлеченіе изъ него, въ которое включены имена десяти писателей и одного журнала („Отечественныхъ Записокъ"). Предметный указатель напечатанъ въ десятомъ томѣ, но съ нимъ дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Самъ г. Колосовъ предупреждаетъ, что въ его указателѣ „цѣлыя обширныя области міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго (какъ, напр., его философскія воззрѣнія) совершенно не подверглись учету" и что, съ другой стороны, даже вошедшее въ указатель „не все разработано съ одинаковой полнотой" (LXII). Въ качествѣ такихъ недостаточно разработанныхъ въ

его указателѣ отдѣловъ самъ г. Колосовъ называетъ отдѣлы объ этикѣ и религіи. Къ нимъ, по всей справедливости, надо присоединить также отдѣлы, посвященные эстетикѣ и литературѣ. Достаточно сказать, что въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ указателя даже не перечислены всѣ статьи Н. К. Михайловскаго объ отдѣльныхъ писателяхъ. Наибольшее вниманіе г. Колосовъ удѣлилъ соціологическимъ и политическимъ взглядамъ Н. К. Михайловскаго, но при этомъ въ основу своей работы онъ, говоря его же словами, положилъ свое „субъективное представленіе“ объ ученіи Михайловскаго, „благодаря чему этотъ элементъ субъективизма могъ отразиться и на всемъ содержаніи такого чисто объективнаго по своему назначенію справочника, какъ предметный указатель“ (LXVIII). Субъективный элементъ и играетъ, дѣйствительно, въ указателѣ г. Колосова большую роль, настолько большую, что для лицъ, не раздѣляющихъ представленія г. Колосова объ ученіи Н. К. Михайловскаго, этотъ указатель окажется мало полезнымъ. И это приходится сказать не только о тѣхъ отдѣлахъ указателя, которые посвящены соціологіи и политикѣ, но и обо всѣхъ почти остальныхъ. Кому, напримѣръ, придетъ въ голову, что отзывы Михайловскаго объ Ибсенѣ, Гауптманѣ и Золя надо искать въ предметномъ указателѣ подъ рубрикой, носящей заглавіе: „Восьмидесятые годы. Общественная реакція“? Въ свою очередь не вполнѣ удовлетворителенъ и составленный г. Колосовымъ указатель литературы о Н. К. Михайловскомъ. По объему этотъ указатель очень великъ, заключая въ себѣ болѣе 600 названій произведеній, такъ или иначе касающихся Н. К. Михайловскаго. Но, съ одной стороны, эти произведенія свалены здѣсь въ одну безпорядочную и безсистемную груду, а, съ другой, среди нихъ приводятся не только такія, въ которыхъ такъ или иначе говорится о Н. К. Михайловскомъ, но и такія, въ которыхъ имѣются простыя ссылки на его сочиненія или сдѣланы цитаты изъ нихъ. Идя этимъ путемъ, можно было, конечно, еще во много разъ увеличить объемъ указателя безъ всякой пользы для изслѣдователей покойнаго писателя.

Отмѣчая эти недочеты редакторской работы г. Колосова, мы, конечно, ни на минуту не думаемъ сколько-нибудь ослабить такими указаніями общее значеніе дѣла, сдѣланнаго редакціей десятаго тома собранія сочиненій Н. К. Михайловскаго. Самъ по себѣ фактъ включенія въ это собраніе ряда статей, не входившихъ въ него раньше, въ значительной своей части остававшихся даже неизвѣстными большинству современныхъ читателей, имѣетъ чрезвычайно большую цѣну, такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію Н. С. Русанова въ его вступительной статьѣ къ десятому тому, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ статей „уже вполнѣ достаточно для того, чтобы освѣтить нѣкоторыя стороны писательской личности Михайловскаго, до сихъ поръ остававшіяся въ

тѣни или, точнѣе, въ полутѣни" (II). И поэтому нельзя не согласиться съ Н. С. Русановымъ, что вновь вышедшій десятый томъ сочиненій Н. К. Михайловскаго, позволяя русскому читателю ближе подойти къ пониманію идей и личности знаменитаго писателя, „имѣетъ не только чисто литературное, но и общественное и историческое значеніе" (XXIV).

С. Булгаковъ. Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Выпускъ I. Изданіе автора. Москва 1913 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Во введеніи мы читаемъ предупрежденіе автора отъ „опасности дилетантизма, который подстерегаетъ каждаго изъ насъ въ особенности въ молодые годы, и который, надо сказать откровенно, представляетъ собою какъ бы какое-то проклятіе, тяготѣющее надъ русскимъ обществомъ: да сохранитъ васъ судьба отъ этого несчастья!" (стр. 1). „Васъ"—т. е. слушателей московскаго коммерческаго института, къ которымъ обращается авторъ. Увы! Это „несчастье" коварно „подстерегло" самого г-на С. Булгакова и не ушелъ онъ отъ „проклятья, тяготѣющаго" надъ нимъ уже очень давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ сталъ думать, что пописывать проникновенныя замѣтки о популярныхъ новинкахъ нѣмецкой теологической литературы значитъ быть религіознымъ мыслителемъ, а разглагольствовать о „райскомъ хозяйствѣ" значитъ создавать не курьезнѣйшую мѣшанину экономическихъ и церковныхъ терминовъ, но величественное зданіе гармоническаго соединенія двухъ началъ: studia divina и studia humana. Нельзя безнаказанно цѣлый рядъ лѣтъ выступать въ роли безнадежно-самоувѣреннаго (не смотря на всю видимость смиренномудраго „искательства") дилетанта, — и не засушить свою мысль, не обезплодить въ значительной степени своей духовной индивидуальности. Рѣдкая книга даетъ такое нудное, прямо тягостное впечатлѣніе, какъ эта. Начать со слога. Этотъ нестерпимый, „бурмицкій" (какъ говорилъ Щедринъ) проникновенно-елейный стиль, эти готовыя, трафаретныя газетно-патетическія фразы—чего уже это одно стоитъ! Г. Булгаковъ *не можетъ* сказать просто: „Шопенгауэръ", а непремѣнно: „франкфуртскій мудрецъ" (стр. 7), подобно тому какъ нѣкоторые газетчики *не могутъ* сказать „чума", а *должны* сказать „азіатская гостья" (давно кѣмъ-то отмѣчено), *не могутъ* сказать „пьеса была поставлена", но *должны* выразиться такъ „увидѣла свѣтъ рампы" и т. п. Развѣ не пустопорожній стереотипъ такія, напр., фразы: „Наше время съ особенною напряженностью всматривается въ будущее, стремясь разглядѣть, что лежитъ за далями историческаго горизонта; оно ничему, кажется, не предается съ болѣе страстнымъ интересомъ, какъ разглядыванію своего будущаго" и т. д. Какъ не почувствовать, что не пишешь, а отписываешься!

Отъ чего же отписывается авторъ? Онъ самъ это намъ сообщаетъ въ предисловіи: нужно „удовлетворить потребности слушателей въ печатномъ руководствѣ взамѣнъ существующаго литографированнаго“. Предъ экзаменами и не такое еще прочтутъ—и не замѣтятъ, тутъ не до стиля! Но главная бѣда въ томъ, что въ смыслѣ содержанія трудно себѣ представить болѣе выхолощенное „руководство“, нежели эта худосочная небольшая книжка. Авторъ начинаетъ съ еврейскихъ пророковъ и кончаетъ реформаціей, говоря о Платонѣ, Аристотелѣ, экономической мысли у римлянъ, раннемъ христіанствѣ, среднихъ вѣкахъ, ренессансѣ. Собственнаго плана у автора нѣтъ никакого, и онъ просто излагаетъ вкратцѣ тѣ книги, которыя ему почему либо полюбились; у него замѣчается также стремленіе изрѣдка (и ни съ того, ни съ сего) цитировать первоисточники, причемъ всѣ эти цитаты тоже оказываются въ большей или меньшей мѣрѣ извѣстными и много разъ использованными въ литературѣ. Но, конечно, и слѣдовъ самостоятельнаго изученія, самостоятельнаго размышленія здѣсь нѣтъ. Возьмете ли вы популярную брошюрку соціалистическую или популярную брошюрку „буржуазную“, — если только она трактуетъ объ исторіи экономическихъ идей, — все равно встрѣтите тамъ тѣ же факты, такъ же сметенные воедино, съ тѣми же дѣленіями на періоды,— что и въ книжкѣ г. Булгакова. Сравнительно съ нею безпретенціозные очерки М. И. Туганъ-Барановскаго кажутся верхомъ критическаго глубокомыслія, даже старая книга покойнаго А. И. Чупрова—верхомъ свѣжести и научной новизны.

Изрѣдка, впрочемъ, авторъ роняетъ афоризмы собственнаго производства, но, „къ сожалѣнію или къ счастью“, ни въ малѣйшей степени не связанные съ остальнымъ. Вѣрнѣе, „къ счастью“, ибо эти афоризмы слишкомъ ужъ наивны. Напр.: „въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что фундаментъ европейской культуры заложенъ трудомъ аскетовъ“. (Рѣчь идетъ объ аскетизмѣ, какъ о тимулѣ труда, „съ которымъ конечно, не можетъ сравниться никакой другой, ни принужденіе, ни личный интересъ, ни профессіональный долгъ“). Или, напр., другое самостоятельное открытіе г. Булгакова: „Новѣйшій соціализмъ можно разсматривать, лишь какъ разновидность гуманизма, какъ частное его приложеніе или переводъ на языкъ политической экономіи его общихъ ученій“. Трудно представить себѣ всю безнадежную путаницу понятій, какая должна быть налицо, чтобы породить подобную фразу и, какъ ни въ чемъ не бывало, прослѣдовать дальше. Вѣдь если есть что-либо въ корнѣ индивидуалистическое такъ именно гуманизмъ! Но г. Булгакову, вообще говоря, гуманизмъ очень не нравится, и соціализмъ тутъ пристегнутъ болѣе для того, чтобы укорить гуманизмъ. А почему ему не нравится гуманизмъ? Вотъ почему: онъ „связанъ съ растущимъ религіознымъ индифферентизмомъ, а позднѣе и съ враждою къ религіи“... Кромѣ того гума-

низмъ отрицательно повліялъ на Адама и Еву: „если у Адама и Евы послѣ грѣхопаденія открылись глаза на свою наготу и они ощутили потребность въ одеждѣ, въ охранѣ нравственнаго закона, постоянномъ самоконтролѣ, то въ гуманизмѣ, напротивъ, какъ будто снова закрываются ихъ глаза“ (стр. 191).

Натолкнешься на два-три такихъ мѣстечка, и подумаешь: нѣтъ ужъ лучше пусть слушатели Московскаго коммерческаго института знакомятся съ трафаретомъ, наполняющимъ всю книжку, нежели угощать ихъ подобнымъ глубокомысліемъ. Если что-либо можетъ отбить охоту къ исторіи экономическихъ идей и интересъ къ вопросамъ вѣры и христіанской этики, то именно подобная мѣшанина учебницкаго шаблона съ набожными, но имѣющими карикатурный видъ, вставочками.

На обложкѣ читаемъ: *изданіе автора*. Это изданіе отличается, къ сожалѣнію, дороговизною: полтора рубля за худосочный „выпускъ“ въ 230 страничекъ—это гораздо выше обыкновенныхъ цѣнъ. Для изданія, „имѣющаго задачей удовлетворить потребности слушателей въ печатномъ руководствѣ“, цѣна оказывается чрезмѣрною.

Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича. Выпускъ пятый. Томъ I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Владимира Бончъ-Бруевича. Портретъ и факсимиле автора. Спб. 1912. Стр. XV+543. Ц. 4 р.

Г. С. Сковорода, извѣстный украинскій мудрецъ XVIII столѣтія, является однимъ изъ наиболѣе видныхъ и оригинальныхъ религіозныхъ мыслителей Россіи на рубежѣ XIX вѣка, и въ виду этого его произведенія представляютъ большой интересъ для всякаго, кто хочетъ ознакомиться по первоисточникамъ съ судьбами религіозной мысли въ Россіи и, въ частности, съ развитіемъ идей русскаго сектантства, съ которымъ у Сковороды имѣется немало точекъ соприкосновенія. Но всѣ главныя произведенія Сковороды были оставлены имъ въ рукописяхъ и вплоть до самаго конца XIX вѣка въ печати появилась только часть ихъ, притомъ далеко не самая значительная и характерная. Лишь около двадцати лѣтъ тому назадъ (въ 1894 г.), въ столѣтнюю годовщину смерти Сковороды, Харьковскимъ Историко-филологическимъ Обществомъ было издано собраніе его сочиненій подъ редакціей проф. Багалѣя, но, не говоря уже о томъ, что это изданіе далеко не было полнымъ, оно и сдѣлано было не особенно старательно, и помѣщенныя въ немъ произведенія Сковороды напечатаны подчасъ съ большими пробѣлами и погрѣшностями. Поэтому можно только привѣтствовать предпринятое г. Бончъ-Бруевичемъ новое изданіе собранія

сочиненій Г. С. Сковороды. Въ основу этого изданія легла самостоятельная работа г. Бончъ-Бруевича надъ соотвѣтствующимъ рукописнымъ матеріаломъ, причемъ большинство произведеній Сковороды напечатано по подлиннымъ его рукописямъ, а та небольшая часть, для которой не сохранилось или не нашлось подлинниковъ,—по наилучше сохранившимся копіямъ. Вышедшій уже въ свѣтъ первый томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ всѣ оригинальныя прозаическія произведенія Сковороды и его біографію, написанную немедленно послѣ его смерти его другомъ и ученикомъ М. И. Ковалинскимъ; эта любопытная біографія была уже напечатана ранѣе проф. Сумцовымъ и Багалѣемъ, но оба раза по неисправнымъ спискамъ, въ изданіи же г. Бончъ-Бруевича она напечатана съ подлинной рукописи Ковалинскаго. Во второмъ томѣ своего изданія г. Бончъ-Бруевичъ предполагаетъ помѣстить переводныя работы Сковороды, его стихи, басни и письма, а также воспоминанія о немъ его современниковъ и нѣкоторые другіе относящіеся къ нему матеріалы. Любопытно отмѣтить, что средства на это изданіе въ размѣрѣ 2.000 р. даны были г. Бончъ-Бруевичу простымъ и небогатымъ человѣкомъ, бывшимъ желѣзнодорожнымъ машинистомъ, глубоко заинтересовавшимся произведеніями Сковороды и причисляющимъ его къ исчезнувшимъ теперь „рыцарямъ духа“.

Эрнстъ Енчъ. Музыка и душа. Перев. съ нѣмецкаго С. П.—Москва. 1913. Стр. 104. Ц. 75 к.

Авторъ задался цѣлью изслѣдовать вопросы о происхожденіи музыкальнаго чувства и о музыкальномъ наслажденіи.

Не считая, что знаменитая „физіологическая“ теорія эмоцій (Ланге—Джемса) является полнымъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи нашихъ эмоцій, авторъ все таки высоко цѣнитъ эту теорію и вопросъ о происхожденіи музыкальнаго чувства разсматриваетъ именно съ точки зрѣнія ученія Ланге—Джемса.

Это ученіе, какъ извѣстно, провозгласило зависимость нашихъ эмоцій отъ физическаго состоянія нашего тѣла. Старыя „психологическія“ теоріи эмоцій не считались съ тѣлеснымъ проявленіемъ нашего чувства, тогда какъ Ланге, Джемсъ и (нѣсколько позднѣе) Серджи пришли къ заключенію, что при нашихъ эмоціяхъ первичнымъ факторомъ является состояніе нашего тѣла, т. е. нашихъ сосудовъ, мускуловъ и т. п. Извѣстно, что Джемсъ заявилъ: „мы плачемъ не потому, что мы печальны, а мы печальны потому, что мы плачемъ“.

Понятно, что эта „физіологическая“ теорія эмоцій является весьма пригодной для изученія „музыкальнаго чувства“, ибо вліяніе музыки на состояніе нашего тѣла неоспоримо. Если попытки Теофраста и Галена лѣчить музыкой такія болѣзни, какъ подагра

и ишіасъ и не дали особенно благопріятныхъ результатовъ, то съ другой стороны, вліяніе музыки на наши сосуды, железы, мускулы и т. п.—безспорно. Этимъ вопросомъ занимались многіе изслѣдователи, причемъ было изучено даже различіе физіологической реакціи на разнообразныя музыкальныя композиціи. Такъ Бине и Куртье нашли, что сложныя музыкальныя композиціи гораздо сильнѣе возбуждаютъ наше дыханіе, чѣмъ такъ называемыя „прелюдіи". Было также найдено, что dur-аккорды дѣйствуютъ на нашу работоспособность возбуждающе, а moll-аккорды—депрессивно. Однако „moll-ные тона отличались въ опытахъ Féré тѣмъ, что они при мышечномъ утомленіи превосходили dur-ные тона своимъ освѣжающимъ вліяніемъ—за исключеніемъ Des-dur и As-dur, которые послѣ истощенія дѣйствовали энергичнѣе, чѣмъ послѣ отдыха. Точно также и „лирическіе" тона Es-dur и B-dur вліяли при истощеніи нѣсколько сильнѣе, но все-таки уступали въ этомъ отношеніи moll-нымъ тонамъ" (стр. 26). Для теоріи музыкальнаго чувства важно отмѣтить то обстоятельство, „что это физіологическое вліяніе звуковъ имѣетъ мѣсто не только у такъ называемыхъ музыкальныхъ людей, но что ему болѣе или менѣе подвержены и немузыкальные" (стр. 26).

Комбинируя физіологическую теорію эмоцій и факты физіологическаго вліянія музыки, авторъ естественно приходитъ къ тому пониманію музыкальнаго чувства, согласно которому музыкальное чувство „истолковываетъ или выражаетъ органическое возбужденіе по аналогіи съ такимъ же возбужденіемъ, обусловленнымъ психическими процессами" (стр. 69).

Такимъ образомъ психическія переживанія, обусловленныя музыкой, имѣютъ ходъ обратный съ тѣми переживаніями, которыя обусловлены познаніемъ. Музыка начинаетъ съ физіологическихъ явленій, вызываетъ затѣмъ чувство и ужъ потомъ чувство можетъ найти „лишь слабую поддержку со стороны интеллекта" (стр. 64) „Когда слушатель, поглощенный музыкой, возносится надъ чувственнымъ міромъ, это состояніе, оставаясь субъективнымъ, представляется ему реальнымъ, хотя и не можетъ быть выражено словами... Эта необычайная способность музыки вырывать объектъ изъ міра явленій и тайна этого процесса способствуетъ тому, что философски-настроенные музыканты склоняются къ метафизическому мышленію, ибо и въ метафизикѣ міръ явленій представляется частью какого-то болѣе высокаго порядка вещей" (стр. 65).

Музыкальное наслажденіе не тожественно съ музыкальнымъ чувствомъ. „Къ музыкальному чувству относятся лишь тѣ чувствованія, которыя непосредственно связаны съ музыкальными раздраженіями; а все то, что по этому поводу возникаетъ въ нашей психикѣ, уже не относится къ самому чувству. Такъ какъ большая часть этого вторичнаго дѣйствія музыки входитъ въ составъ музыкальнаго наслажденія, то въ виду чрезвычайнаго разнообразія пси-

хическаго склада людей совершенно невозможно опредѣлить, какую форму принимаетъ общее музыкальное наслажденіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ (стр. 66). Поэтому объективнаго критерія для музыкальнаго наслажденія не существуетъ: „музыка можетъ быть въ художественномъ отношеніи очень плохой, банальной, исполненной пустого пафоса и проч., и все-таки она можетъ доставлять удовольствіе и даже нѣкоторую пользу тысячамъ людей, у которыхъ критическое чутье не особенно развито“ (стр. 72).

Но значеніе музыки не можетъ оцѣниваться лишь доставляемымъ ею удовольствіемъ. Музыка имѣетъ соціальное, воспитательное значеніе: „иногда достаточно нѣсколькихъ благородныхъ аккордовъ, чтобы выявить скрытыя на днѣ души чувства, подъ вліяніемъ которыхъ данный субъектъ начьнаетъ принимать болѣе сознательное участіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ культурныхъ задачъ“ (стр. 75). Не даромъ „самой главной практической цѣлью музыки считалось общественное воспитаніе человѣка вообще и развитіе уравновѣшенности въ жизни чувства и воли, въ частности. Двѣ столь старыя и прочныя культуры, какъ древне-греческая и китайская, очень хорошо понимали вышеуказанное назначеніе музыки, и это обстоятельство тѣмъ болѣе интересно, что музыка въ то время стояла, въ смыслѣ техники и теоріи, на гораздо болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ въ наше время“ (стр. 75).

Книга Енча не даетъ новой эстетической теоріи: она, въ сущности, есть не что иное, какъ выводъ изъ физіологической теоріи эмоцій, выводъ, приспособленный къ вопросу о музыкальномъ чувствѣ; этимъ авторъ до такой степени связалъ судьбу своего ученія съ судьбой физіологической теоріи эмоцій, что всѣ важнѣйшія возраженія, которыя можно было бы ему сдѣлать, въ сущности, были-бы возраженіями противъ теоріи эмоцій Ланге-Джемса. Мы думаемъ только, что Енчъ не достаточно оттѣнилъ исключительное положеніе музыки среди искусствъ,—то исключительное положеніе, которое дало поводъ Шопенгауэру, въ его интересномъ ученіи объ искусствѣ, отожествивши всѣ остальные виды искусства съ платоновскими „идеями“, выдѣлить музыку, какъ нѣчто соотносительное отдѣльному міру. И, дѣйствительно, нѣтъ другого вида искусства, которое такъ непосредственно говорило бы чувству, какъ музыка, а, слѣдовательно, и нѣтъ другого вида искусства, которое такъ легко сливается съ нашимъ „я“, какъ это бываетъ съ музыкой.

Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей. Сборникъ статей подъ редакціей проф. М. И. Соболева. Изд. Харьковскаго общества сельскаго хозяйства. Харьковъ. 1913.

Въ 1914 году предстоитъ заключеніе новаго торговаго договора съ Германіей; времени осталось немного, если имѣть въ виду количество и сложность той подготовительной работы, которую

Россіи необходимо выполнить до пересмотра торговаго договора. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, напр., въ 1911 г. по европейской границѣ изъ суммы нашего вывоза въ $1^{1}/_{2}$ милліарда руб. на долю Германіи пришлось почти $^{1}/_{2}$ милліарда, т. е. треть; изъ суммы нашего привоза (по той же границѣ) въ 1 милліардъ руб. на Германію падало также почти $^{1}/_{2}$ милліарда руб., т. е. уже половина всего привоза. При такихъ условіяхъ, очевидно, условія товарнаго обмѣна съ Германіей пріобрѣтаютъ для насъ особенную важность. Между тѣмъ послѣдній (нынѣ дѣйствующій) торговый договоръ съ Германіей нанесъ, несомнѣнно, значительный ущербъ интересамъ русскаго хозяйства. Такъ, напр., сильное увеличеніе нѣмецкихъ пошлинъ на пшеницу оказало понижающее вліяніе на наши цѣны на пшеницу; установленная въ Германіи система вывозныхъ свидѣтельствъ въ отношеніи хлѣба вызвала сокращеніе вывоза русской ржи и муки не только въ Германію, но и въ другія сѣверныя страны. Еще болѣе пострадало наше животноводство, вслѣдствіе сильнаго стѣсненія вывоза нашего скота и мяса, мотивируемаго соображеніями якобы санитарно-гигіеническаго характера.

Существеннымъ обстоятельствомъ, вызвавшимъ въ значительной мѣрѣ заключеніе столь невыгоднаго для насъ договора, являлась полная неподготовленность нашихъ уполномоченныхъ, участвовавшихъ въ заключеніи договора; попытки общественныхъ силъ и организацій, напр., въ лицѣ земствъ, принять то или иное участіе въ освѣщеніи ряда вопросовъ при пересмотрѣ прежнихъ договоровъ вызывали безусловно отрицательное отношеніе правительства, находившаго участіе общественной дѣятельности въ этомъ столь важномъ для страны дѣлѣ совершенно излишнимъ.

Лишь въ настоящее время точка зрѣнія въ этомъ отношеніи измѣнилась. Различныя общественныя организаціи, какъ торгово-промышленныя, такъ и сельско-хозяйственныя, приступаютъ къ подготовительнымъ работамъ, и правительство оказываетъ съ своей стороны содѣйствіе мѣстнымъ начинаніямъ въ этомъ направленіи. Рядомъ съ экспортной палатой и совѣтами съѣздовъ промышленности и торговли много вниманія вопросамъ, связаннымъ съ предстоящимъ пересмотромъ торговаго договора съ Германіей, посвящаетъ Харьковское общество сельскаго хозяйства. Это общество взяло на себя инниціативу организаціи областного комитета для выясненія нуждъ и интересовъ юго-восточнаго района. Первымъ шагомъ въ этой дѣятельности является лежащій предъ нами сборникъ статей, посвященный общей характеристикѣ той проблемы торговой политики, которую Россія должна рѣшать въ ближайшемъ будущемъ.

Сборникъ состоитъ изъ двухъ небольшихъ вступительныхъ статей редактора проф. М. Н. Соболева: „Русско-германскій торговый договоръ“ и „Экономическое значеніе русско-германскаго

договора", статьи Д. Пискунова: „Русское общественное мнѣніе о новомъ торговомъ договорѣ съ Германіей", статьи А. Ельяшевича о торговомъ договорѣ и отношеніи къ нему Германіи и, наконецъ, заключительныхъ очерковъ о дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ подготовки пересмотра торговаго договора по программѣ работъ Харьковскаго областного комитета.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, затрагиваемыхъ въ сборникѣ, заключается въ томъ, существуетъ ли солидарность интересовъ нашего сельскаго хозяйства и индустріи. Соглашаясь съ большинствомъ цитируемыхъ имъ авторовъ, г. Пискуновъ находитъ, что въ настоящее время нельзя уже дѣлать схематическое противопоставленіе интересовъ земледѣлія и промышленности, такъ какъ теперь уже внутри этихъ, прежде противоположныхъ другъ другу отраслей произошло болѣе или менѣе глубокое разслоеніе интересовъ. Нельзя отрицать, конечно, того, что съ точки зрѣнія длительныхъ, а не преходящихъ, и здраво понимаемыхъ интересовъ промышленности не существуетъ такой противоположности интересовъ. Иное дѣло, когда рѣчь идетъ о сохраненіи во что бы то ни стало протекціонныхъ и даже запретительныхъ пошлинъ; сохраненіе такой таможенной политики въ отношеніи промышленныхъ издѣлій, конечно, лишаетъ возможности добиться отъ Германіи уступокъ, необходимыхъ для нашего сельскаго хозяйства, для обезпеченія выгодныхъ условій вывоза продуктовъ русскаго земледѣлія и скотоводства. Наши промышленники это прекрасно понимаютъ и, говоря объ отсутствіи противорѣчія интересовъ сельскаго хозяйства и индустріи, о необходимости сочетанія того и другого, въ то же время сильно боятся того, какъ бы при заключеніи торговаго договора не были приняты во вниманіе нужды сельско-хозяйственной Россіи. Пониженіе германскихъ пошлинъ на русскій хлѣбъ,—говорятъ они,—никакой пользы русскому сельскому хозяйству не принесетъ, но зато потребуетъ съ нашей стороны пониженія пошлинъ на германскія промышленныя издѣлія, что нанесетъ крупный вредъ нашей обрабатывающей промышленности и отразится неблагопріятно на нашемъ экономическомъ положеніи. Они уже теперь твердятъ, что пониженіе германскаго тарифа на сельско-хозяйственные продукты, по ихъ мнѣнію, совершенно не нужное для насъ, потребуетъ такихъ компенсацій въ видѣ уменьшенія промышленнаго протекціонизма, что замедлится та индустріализація Россіи, которая должна составлять одну изъ основныхъ задачъ нашей экономической политики.

Въ противоположность этому, по нашему мнѣнію, необходимо, въ особенности, когда рѣчь идетъ объ интересахъ нашего сельскаго хозяйства, прямо и открыто заявить, что болѣе благопріятныя условія экспорта въ смыслѣ измѣненія таможенныхъ пошлинъ на земледѣльческіе продукты, вывозныхъ свидѣтельствъ и пра-

вилъ относительно вывоза скота въ Германію достижимы лишь въ случаѣ сокращенія у насъ въ свою очередь пошлинъ на привозимыя изъ Германіи промышленныя издѣлія. Пониженіе послѣднихъ не только возможно, но и необходимо по многимъ соображеніямъ. Угольный голодъ, желѣзный голодъ и т. д., имѣвшіе недавно мѣсто, свидѣтельствуютъ о томъ, что у насъ имѣются въ настоящее время отрасли промышленности, въ области которыхъ покровительственная система зашла очень и очень далеко. Сокращеніе пошлинъ въ этихъ областяхъ промышленности даже съ точки зрѣнія принципіальныхъ сторонниковъ протекціонизма могло бы имѣть мѣсто и въ то же время въ обмѣнъ за него можно было бы добиться у Германіи различныхъ уступокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Предпріятіе Харьковскаго общества сельскаго хозяйства можетъ быть встрѣчено лишь привѣтствіемъ; будемъ ожидать дальнѣйшихъ трудовъ организованнаго имъ областного комитета.

Анри Бергсонъ. Воспоминанія настоящаго. Переводъ съ франц. В. А. **Флеровой.** Спб., 1913. Стр. 50. Ц. **50 к.**

За послѣднія 20—30 лѣтъ врачи и психологи немало занимались изученіемъ одного страннаго явленія, которое описывалось то подъ названіемъ „парамнезія", то подъ названіями: „ложное узнаваніе", „иллюзія уже видѣннаго" (du „déjà vu") и др.

Эта „иллюзія" заключается въ слѣдующемъ: „принимая-ли участіе въ разговорѣ, или присутствуя при какомъ-либо зрѣлищѣ, внезапно проникаешься убѣжденіемъ, что то, что ты видишь, было уже тобою видѣно, то, что слышишь, было уже слышано, что произносимыя тобою фраза уже произносилась, что ты былъ уже тутъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ, чувствуя, воспринимая, думая и желая тѣ-же самыя вещи, — однимъ словомъ, что тобою переживается, до мельчайшихъ подробностей, нѣсколько мгновеній прошлой жизни" (стр. 3).

Гр. Алексѣй Толстой давно уже далъ поэтическое изображеніе этого чувства въ стихотвореніи „По греблѣ неровной и тряской", заканчивающемся словами:

Все это ужь было когда-то,
Но только не помню когда...

Изученіемъ этой „иллюзіи" и занята разсматриваемая нами брошюра Бергсона.

Нѣкоторые авторы пытались дать этому явленію чисто анатомическое объясненіе. Напр., Уиганъ выступилъ съ ученіемъ о „двойственности мозга": два мозговыя полушарія вполнѣ независим другъ отъ друга. Уиганъ доходилъ даже до утвержденія, что

одно мозговое полушаріе можетъ „лгать“ другому... Но подобныя, чисто анатомическія, объясненія не получили признанія.

Другіе авторы искали объясненія этому явленію въ двойственности необработанныхъ впечатлѣній (Empfindung) и впечатлѣній интеллекта (Anschauung). Пьеръ Жане придаетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе пониженію синтетической дѣятельности нашего духа, благодаря чему воспріятія получаютъ смутный характеръ воспоминаній.

Бергсонъ даетъ этому явленію объясненіе аналогичное тому, которое онъ далъ явленію сновидѣнія (см. „Русск. Бог.“ 1913 г., № 4). Онъ начинаетъ съ заявленія, что *„образованіе воспоминанія никогда не бываетъ позднѣе образованія воспріятія; по необходимости они одновременны“* (стр. 25). Далѣе онъ говоритъ: „чѣмъ болѣе размышляешь, тѣмъ менѣе становится понятнымъ, какъ можетъ воспоминаніе когда-нибудь возникнуть, если оно не создается по мѣрѣ того, какъ творится самое воспріятіе. Или настоящее не оставляетъ въ памяти никакого слѣда, или оно раздваивается въ каждый моментъ, въ самомъ своемъ выявленіи, на двѣ совершенно симметричныя струи, изъ которыхъ одна снова падаетъ въ прошлое, другая же устремляется къ будущему. Насъ интересуетъ только эта послѣдняя, которую мы называемъ воспріятіемъ. Намъ нечего дѣлать съ воспоминаніями о вещахъ, когда мы владѣемъ самими вещами. Такъ какъ практическое сознаніе отстраняетъ это воспоминаніе, какъ безполезное, то теоретическое размышленіе считаетъ его несуществующимъ. Такъ, безъ сомнѣнія, рождается иллюзія, что воспоминаніе *слѣдуетъ* за воспріятіемъ“ (стр. 27). Отношеніе „воспоминанія“ къ „воспріятію“, по мнѣнію Бергсона, „аналогично отношенію изображенія въ зеркалѣ къ предмету, находящемуся передъ зеркаломъ. Предметъ можно не только видѣть, но и трогать; онъ реагируетъ на насъ, какъ и мы на него; онъ богатъ возможными дѣйствіями; онъ является *дѣйственнымъ* (actuel); изображеніе же *не дѣйственно*, виртуально (virtuelle), и хотя оно и подобно предмету, но не способно дѣлать ничего, что дѣлаетъ послѣдній“ (стр. 37).

Такимъ образомъ воздѣйствіе міра на насъ, „наше настоящее“ ежемгновенно раздвояется на „дѣйственное“ воспріятіе и „бездѣйственное“ воспоминаніе. Такъ какъ наша духовная жизнь всегда руководится практическими, „дѣйственными“ соображеніями, то совершенно безполезное „воспоминаніе настоящаго“ нами и не сознается. Ибо „что можетъ быть безполезнѣе для дѣйствія, чѣмъ воспоминаніе настоящаго? У всѣхъ другихъ воспоминаній существуетъ больше основаній ссылаться на свои права, такъ какъ они, по меньшей мѣрѣ, освѣдомляютъ о чемъ-нибудь, пусть это освѣдомленіе и безполезно для дѣйствія. Одному только воспоминанію настоящаго, этому двойнику воспріятія, нечему насъ научить. Мы обладаемъ реальнымъ предметомъ: что же намъ дѣлать

съ бездѣйствевнымъ образомъ? Зачѣмъ мѣнять добычу на ея тѣнь?" (стр. 43).

Однако при пониженіи энергіи духовной жизни возможны возникновенія различныхъ аномалій. „Ложное узнаваніе есть одна изъ акихъ аномалій. Оно происходитъ отъ временнаго ослабленія бщаго вниманія къ жизни, вслѣдствіе чего взоръ сознанія не держится болѣе своего естественнаго направленія, и, впадая въ разсѣянность, устремляется на то, что замѣчать не представляетъ никакого интереса" (стр. 44).

Подобное толкованіе Бергсономъ явленія парамнезіи прежде всего можетъ вызывать то же возраженіе, которое мы сдѣлали касательно его ученія о сновидѣніяхъ. Можно искусственно раздѣлять „умъ", „волю" и „чувство" другъ отъ друга, но реально нѣтъ такого интеллектуальнаго фактора, который не былъ бы неразрывно связанъ съ чувствомъ (а слѣдовательно и волей). И это „бездѣйственное" воспоминаніе Бергсона, аналогичное изображенію въ зеркалѣ, не является ли оно также аналогичнымъ и тѣмъ созданіямъ фантазіи, которыя придумывались только для прикрытія нашего познанія, какъ, напр., тоже „бездѣйственная" субстанція? Вспомнимъ также, что „воспоминаніе прошлаго" можетъ быть весьма „дѣйственнымъ"; но откуда оно получило свою „дѣйственность", если не имѣло ея ранѣе?

Сверхъ того, нельзя не отмѣтить еще одного любопытнаго обстоятельства. Бергсонъ презрительно отвергаетъ ученіе англійскихъ психологовъ о различіи между „сильными" и „слабыми" состояніями сознанія. Но развѣ онъ не возстановляетъ это самое ученіе своимъ ученіемъ о раздѣленіи настоящаго на „дѣйственное" воспріятіе и „бездѣйственное" воспоминаніе?!

Послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій сравнительной неизвѣстности Бергсонъ, какъ извѣстно, достигъ теперь міровой славы. Поэтому понятно, что всѣ его работы появляются въ русскихъ переводахъ. Это, конечно, очень хорошо; жаль только, что издатель переводовъ мелкихъ работъ Бергсона, очевидно, учитывая заранѣе спросъ на его сочиненія, назначаетъ слишкомъ высокую плату за свои брошюры (50 стр. малаго формата за 50 коп.) Мы уже однажды обратили вниманіе публики на это обстоятельство, не желая повторять разъ сказаннаго, мы при разборѣ другихъ брошюръ Бергсона не подчеркивали снова факта ихъ дороговизны, но теперь считаемъ не лишнимъ еще разъ отмѣтить это обстоятельство.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-ское т-во „Просвѣщеніе". Спб. 913.—С. Ан—скій. Собраніе сочиненій. Т. IV. Водоворотъ. Ц. 1 р. 25 к.— Викторъ Гюго. Труженики моря. Пер. п. ред. П. Когана. Ц. 1 р. 25 к.— Марія Конопницкая. Собр. соч. Т. 2-й. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Задруга". М. 913. — Е. В. Тарле. Континентая блокада. Ц. 4 р.— Н. П. Огановскій. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Ц. 35 к.— Т. Алабина-Сократова. Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Х. Ц. 35 к.

Кн-во „Освобожденіе". Спб. 913.— Пьеръ Милль. По ту сторону добра и зла. Разсказы. Ц. 1 р.—Л. Ждановъ. Въ дни смуты, 1610—1613 гг. Истор. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Посредникъ". М. 913.—Т. Галецкій. Л. Н. Толстой и вегетаріанцы. Пер. съ нѣм. Ц. 10 к. — Въ защиту жизни. Мысли Л. Толстого и др. Ц. 15 к.

Кн-во І. А. Маевскаго. М. 913.— Джекъ Лондонъ. Приключеніе. Романъ. Ц. 1 р. — Его же. Сынъ солнца. Повѣсть изъ политической жизни. Ц. 1 р.—Натаніэль Хауторпъ. Блитдэйль. Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.

Кн-во „Наука". М. 913. — И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ. 2-е перер. и дополн. изд. Ц. 1 р. — Его же. Систематическій указатель литературы за 1912 г. Ц. 90 к. — S. Freud. Психоанализъ дѣтскаго страха. Ц. 1 р.—J. Marcinowski. Нервность и міросозерцаніе. Ц. 1 р.—G. Anton, проф. О разстройствахъ развитія у дѣтей. Ц. 50 к.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 913. — Р. Гольдшмидтъ. Основы ученія о наслѣдственности. Пер. П. Ю. Шмидта. Ц. 3 р. 50 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 913.— Б. Верхоустинскій. Храбрые воины. Ц. 20 к. — Его же. Зеленый лугъ. Ц. 20 к. — Евг. Шведеръ. Весна идетъ. Ц. 25 к.—Саша Черный. Тукъ-тукъ. Стихи для дѣтей. Ц. 15 к.

Изд. „Прибой". Спб. 913.—Б. Данскій. Страховая компанія. Ц. 20 к.— Его же. Рабочій уставъ больничной кассы. Ц. 20 к.—А. Предкальнъ. Мытарства страховыхъ законовъ. Ц. 10 к.— Ольга Сольская. Работница и страхованіе. Ц. 5 к.—Б. Соловьевъ. Леченіе рабочихъ по закону 23 іюня 1912 г. Ц. 15 к.—Его же. Больничныя кассы. Ц. 3 к.

Московское кн-во. 913.— З. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. Ц. 1 р. 25 к.—Ал. Будищевъ. Дикій всадникъ. Ц. 1 р. 25 к.—Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX в. Составлено Анаст. Чеботаревской. Пред. Ѳедора Сологуба. Ц. 2 р.— Евг. Чириковъ. Студенты пріѣхали. Ц. 1 р. 25 к.—Его же. Поѣздка на Балканы. Ц. 75 к.

Изд. В. М. Саблина 1913 г.—Максъ Нордау. Собр. соч. Томы 3 и 4-й. Ц. по 2 р. А. С. Рабиновичъ. Опека и попечительство. Ц. 1 р. 75 к.

Русское книжное Т-во „Дѣятель". Спб. 913.—Ал. Бремъ. Жизнь животныхъ. Т. X. Млекопитающія. Автор͡изованный переводъ п. ред. проф. Н. М. Книповича. 4-е совершенно перераб. и значительно расширенное изд. проф. Отто Цуръ-Штрессена.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 913. — П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Т. I. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 5 р. 50 к.— Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 25 к.

Ф. Филимоновъ. За прошлые годы (пѣсни сибиряка). Изд. 2-е. Спб. 913.

„Шестнадцать страничекъ". Стихи. Херсонъ. 913. Ц. 15 к.

Сергѣй Полинскій. Пѣсни грусти и любви. Стихи. Кн. 1-я. 913. Ц. 1 р.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собр. стиховъ. Т. IV. Изд. 3-е. М. 913. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ. Въ тенетахъ снѣга. Стихи. Ц. 75 к.

Франсисъ Жаммъ. Стихи и проза. М. 913. Ц. 1 р.

Николай Өеоктистовъ. Стихи. Омскъ. 913. Ц. 40 к.

В. Н. Крачковскій. Стихотворенія. Спб. 913. Ц. 1 р. 25 к.

П. Дравертъ. Стихотворенія. Казань. 913. Ц. 50 к.

Левъ Радищевъ. Вѣтерки и вихри. Стихи. Спб. 913. Ц. 1 р.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Хлѣбъ. Романъ. Изд. 3-е. 913. Ц. 2 р. 25 к.

К. Ө. Жаковъ. Подъ шумъ сѣвернаго вѣтра. Спб. 913. Ц. 1 р. 25 к.

Гали Андреева. Сказки для большихъ. М. 913. Ц. 40 к.

А. Тыркова. Жизненный путь. Романъ. Спб. 913. Ц. 1 р. 25 к.

І. Драгеймъ - Срѣтенская. Подъ ракитой. Романъ. Т. IV. Спб. 913. Ц. 1 р. 25 к.

В. Мольценгауеръ. Въ хвойномъ лѣсу. Спб. 913. Ц. 65 к.

В. Ютановъ. Доходный домъ и др. разсказы. М. 913. Ц. 1 р.

А. Арбузовъ. Морскія миніатюры. Одесса. 913. Ц. 1 р.

О. Валова. Странички жизни. Разсказы и миніатюры. 913. Ц. 40 к.

Шоломъ-Алейхемъ. Блуждающія звѣзды. Романъ. 2 т. М. 913. Ц. 2 р. 40 к.

Ив. Наживинъ. Бѣлые голуби принцессы Риты. М. 913. Ц. 1 р.

Вл. Ленскій. Вѣчная драма. М. 913. Ц. 1 р.

Ч. Ричардсонъ. О выборѣ книгъ. Спб. 913. Ц. 30 к.

С. П. Швецовъ. Землевладѣніе и землепользованіе у казаковъ и крестьянъ Амурский обл. Спб. 913.

Балевскій - Левинъ. Фабричное хозяйство. Пер. съ нѣм. Спб. 913. Ц. 1 р.

Григорій де Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Ч. 1-я. Т. І. Изд. Т-ва М. Вольфъ. Спб. 913. Ц. 3 р. 50 к.

Д. Н. Ушаковъ. Краткое введеніе въ науку о языкѣ. М. 913. Ц. 65 к.

Записки М. В. Данилова, артиллеріи маіора, написанные въ 1771 году. Казань. Ц. 50 к.

Сергѣй Маковскій. Страницы художественной критики. Кн. III. Изд. „Апполонъ". Спб. 913. Ц. 3 р.

М. И. Коноровъ. Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи. Дѣятельность лабораторіи за 1901—1911 г. Спб. 913. Ц. 40 к.

Борисъ Гуревичъ. Вѣчно человѣческое. Книга космической поэзіи. 913. Ц. 2 р.

В. В. Кистяковскій. Обозрѣніе россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами міра. Спб. 913. Ц. 1 р. 20 к.

А. И. Комаровъ. Правда о переселенческомъ дѣлѣ. Спб. 913. Ц. 60 к.

Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностран. литературѣ. Т. І. М. 913. Ц. 50 к.

В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Т. І. 1814—1820. Спб. 913. Ц. 3 р. 50 к.

Minerva. В. І. Кіевъ. 913. Ц. 80 к.

А. Белигъ, проф. Сербы и болгары въ балканскомъ союзѣ. Спб, 913. Ц. 75 к.

Тихонъ Фадеевъ. Школьная педагогика. Кн. 1-я. Психологія. М. 913. Ц. 3 р. 50 к.

В. А. Фаусекъ. Біологическіе этюды. Изд. посмертное. Спб. 918. Ц. 2 р.

К. Чуди. Императрица-страдалица Елизавета, императрица австрійская и королева венгерская. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки. Изд. Я. Башмакова. Спб. 913. Ц. 1 р. 25 к.

В. А. Лугаковскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. В. II. Салтыковъ. Ц. 25 к. — В. III. Тургеневъ. Ц. 25 к. Спб. 913.

Л. Руми. Очерки и изслѣдованія. 2 выпуска. Спб. 913. Ц. 2 р. 50 к.

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго. Т. 2-й. Книгоизд. К. Некрасова. М. 913. Ц. 2 р.

Кн. Евг. Трубецкой. Міросозерцаніе. Вл. С. Соловьева. Т. II. М. 913.

И. И. Голобородько. Турція. Изд. 2-е. М. 913. Ц. 1 р.

М. Осоргинъ. Очерки современной Италіи. М. 913. Ц. 1 р. 50 к.

Алекс. Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. В. 7.

В. Н. Дмитріевъ. Леченіе молокомъ. Ц. 50 к. Изд. Общ. Пользы.

Т. Ганжулевичъ. Крестьянство въ русской литературѣ XIX в. Ц. 1 р. Изд. Общ. Пользы.

Библіотека Народной Школы. М. 913. Ив. Жиркевъ. Бесѣды объ огородѣ. Ц. 25 к.—П. Латышевъ, врачъ. Здоровье. Ц. 25 к.

Какъ богатѣютъ на хуторахъ. Изд. кн. Абамеликъ-Лазаревъ. Спб. 913. Ц. 25 к.

А. Лосицкій и Чернышевъ. Алкоголизмъ петербургскихъ рабочихъ. Спб. 913.

Европа. Географическая хрестоматія. Ч. II. Югъ. Южные полуострова. Сост. С. Слобожанскій. Изд. Вятскаго Т-ва. 913. Ц. 80 к.

К. Краль. Мыслящія животныя. Съ пред. д-ра Н. Котика и со статьей. Е. Клапареда. М. 913. Ц. 1 р. 75 к.

Ъ. Русскій золотой запасъ заграницей. Спб. 913. Ц. 1 р.

„Жатва". Книга IV. М. 913. Ц. 1 р. 80 к.

„Поросль". Кавказскій литературно-художественный альманахъ. Кн. 1-я. Тифлисъ. 913. Ц. 1 р.

Литературно-иллюстрированный альманахъ. Въ родной долинѣ. М. Ц. 75 к.

Экономическо - статистическій сборникъ Московской У. З. Управы. В. VI. Ц. 1 р.

Статистическій ежегодникъ по Симбирской губ. за 1911 г. Симбирскъ. 913. Ц. 1 р.

Матеріалы по киргизскому землепользованію. Сырь - Дарьинская область. Казалинскій уѣздъ. Ташкентъ. 913.

Матеріалы по пересмотру торговыхъ договоровъ. №№ 6 и 7. Спб. 913.

Общество заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго раіона въ 1912 г. М.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ Лазаревскаго—25 р.; черезъ М. П.—50 р.; отъ группы слушателей Каменноостровскихъ Сельско-хозяйственныхъ курсовъ—9 р.; черезъ М. П.—131 р.

Итого. . . 215 р.

Въ пользу бывш. студентовъ Военно-Медиц. Академіи: отъ П. Гольдфельдъ—1 р.; отъ Н. Н.—1 р.; отъ В. Василевской—1 р.; отъ Д. А. Горбова—1 р.; отъ М. С. Щиряева—1 р.; отъ С. Л. Сойкина—1 р.; отъ Г. В. и Н. П. С—ихъ—3 р.; отъ Е. М. Пашина—1 р.; отъ С. М. А—ооа—25 к.; въ память студента А. А. Щепкина—100 р,

Итого . . 110 р. 25 к.

Редакторъ **А. И. Бородзичъ.** Издатель **В. Г. Короленко.**

PAGE NOT AVAILABLE

PAGE NOT AVAILABLE

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002127